

Семь искусств 11/2016

Журнал

Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

11/2016

Журнал

**«Семь искусств»
№ 11 (80) 2016**

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник
Дорота Белас

Семь искусств
Ганновер 2016

Журнал «Семь искусств» № 11 (80)/2016 — Ганновер:
Семь искусств. 2016. — 403 с., 22,2 а.л.

«Семь свободных искусств — основа воспитания, которое надлежит
давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно
свободнорожденного человека и само по себе прекрасно».
Аристотель. "Политика".

Семь искусств
Ганновер 2016

Оглавление

<i>Евгений Беркович</i> Альберт Эйнштейн без определенного местожительства	5
<i>Оскар Шейнин</i> Неожиданные штрихи к портретам Гаусса и Бесселя	17
<i>Лариса Зиновьева</i> Как родилась релятивистская ядерная физика	27
<i>Владимир Фромер</i> Смерть и бессмертие Варлама Шаламова	41
<i>Эстер Пастернак</i> "За эту комнату искусств...". О поэзии Леонида Аронсона	49
<i>Борис Кадишев</i> Души возвышенной стаккато. О поэтическом творчестве художника Олега Соколова	63
<i>Борис Тененбаум</i> Дон Франциско де Борха	93
<i>Евгений Майбурд</i> Забывшие президенты-2: Кальвин Кулидж	110
<i>Виктор Юзефович</i> Интервью с Геннадием Рождественским	119
<i>Зоя Дмитриева (Кейлина)</i> Беседы с режиссёром М.Г. Дотлибовым об «Онегине», Станиславском и оперной режиссуре	149
<i>Александр Левинтов</i> Исследование географических исследований (по материалам публикаций конференций экономико-географических секций и конференций МАРС)	166
<i>Владимир Янкевич</i> Опыт фотографирования без должной подготовки	176
<i>Ирина Стуканёва</i> Заметки на полях мира и войны. Предисловие <i>Виктора Кагана</i>	201
<i>Евгений Беркович</i> Песок на зубах, или невыносимая легкость невежества	238
<i>Александр Фролов</i> Замок	248
<i>Георгий Фрумкер</i> Четверостишия, латинизмы и басни	255
<i>Леонид Гиршович</i> Генеалогическое кресло	274
<i>Марк Шехтман</i> Мишка. Повесть	283
<i>Игорь Григорович</i> Справедливый. Рассказы	296

<i>Владимир Матлин</i> Кто он был, мой отец?	307
<i>Анри Труайя</i> 315 Недоступная местность. Перевод <i>Эдуарда Шехтмана</i>	315
<i>Валентин Лившиц</i> Нобелевская премия, баллады Михаила Анчарова, а также о Галиче и Высоцком	320
<i>Владимир Алейников</i> Прежней яви преображенье	327
<i>Марк Иоффе</i> Кафедра в городе Энн (Энн Арбор): воспоминания о прошедшей эре	345
<i>Игорь Ефимов</i> Феномен войны	355
<i>Владимир Лумельский</i> Что произошло на Южном Полюсе?	368
<i>Сергей Левин</i> Четыре встречи с дьяволом	399

Евгений Беркович

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

без определенного местожительства

(продолжение. Начало в №7/2016)

«Смотритель маяка»

В субботу 9 сентября 1933 года Эйнштейн выехал из Ле-Кок-сур-мер в Англию. Отъезд был поспешным, с собой он не взял почти никакого багажа. На поездке настояла Эльза, которую потрясло известие о гибели Теодора Лессинга от рук нацистских убийц. Эйнштейн не разделял страхов жены, но не противился ее настойчивости: поездка в Англию была запланирована еще в июле, прощаясь с Оксфордом, он обещал в сентябре вернуться. К публичным угрозам в свой адрес мудрый ученый относился спокойно, успокаивая близких таким простым аргументом:

«Если бандит хочет совершить преступление, он держит это в тайне»
[Clark, 1974 стр. 356].

Шеф бельгийской полиции сказал в интервью Еврейскому телеграфному агентству 8 сентября 1933 года:

«Профессор не дает вывести себя из равновесия. Когда ему говорили, что за его голову назначена награда, это удивляло его лишь самую малость. Он знает, что его защищает полиция, но он дал мне понять, что не хочет обсуждать принятые меры. Он сказал мне, что ничего не боится. Сегодня утром я спросил его, какие дальнейшие мероприятия для его защиты он считает необходимыми. Он сказал, что ничего не нужно» [Clark, 1974 стр. 356].

Такое отношение к собственной безопасности весьма характерно для Эйнштейна. Ученого больше волновало, чтобы действия полиции не мешали его работе. Отношение Эльзы к внешним угрозам было совсем иным. Она кожей чувствовала опасность и делала все возможное, чтобы уберечь мужа. В ту же пятницу 8 сентября, когда шеф бельгийской полиции информировал Еврейское телеграфное агентство о том, как он защищает великого ученого, Эльза попросила одного английского журналиста позвонить Оливеру Локер-Лэмпсону и спросить, мог ли он снова принять у себя Альберта в качестве гостя.

Зартный командор только об этом и мечтал, и уже на следующий день Эйнштейн вместе с переводчиком Джеймсом Мерфи (James Murphy, 1880-1946) прибыли в Остенде, откуда корабль доставил их в Лондон.

Первую ночь они провели в небольшой гостинице, а наутро в сопровождении двух секретарш командора отправились в городок Кроумер (Cromer) на восточном побережье Британии. Здесь у Локер-Лэмпсона была небольшая гостиница, в которой для путешественников были зарезервированы номера. Однако в последний момент Оливер решил, что будет безопаснее разместить гостей в еще более уединен-

ном месте — в его же поместье Рутон Хит (Roughton Heath), расположенном в трех милях от Кроумера. Слово «поместье» тут, пожалуй, не очень уместно: на небольшом клочке земли у берега моря стояла деревянная хижина, где можно было очень скромно провести летний отпуск.

Делая заявления для прессы о пребывании Эйнштейна в Рутон Хит, сэр Локер-Лэмпсон всячески подчеркивал опасности, грозившие жизни ученого, и те действия, которые он, командор, лично предпринял для обеспечения безопасности своего гостя. Помощники парламентария, охранявшие ученого, вооружены и получили приказ стрелять в возможного преступника при первой необходимости. Кроме того, при приближении незнакомого человека будет подожжена специально подготовленная куча сухого мусора, чтобы вызвать подкрепление.

Вместе с тем, делалось все, чтобы жизнь ученого в хижине на берегу моря превратить в сенсацию, чтобы привлечь к ней внимание как можно большего числа людей. Фотографу из Кроумера позволили сделать выразительное фото Эйнштейна в старом свитере и сандалиях на босу ногу в окружении двух элегантных девиц, позирующих перед аппаратом с ружьями в руках.

Эйнштейн в Рутон Хит. На коне Оливер Локер-Лэмпсон

Этот снимок обошел газеты всего мира. Журналистам, которые устремились в Рутон Хит, Эйнштейн охотно рассказывал о своих планах. Так уже 11 сентября он поведал репортеру «Дейли Экспресс» («Daily Express»), что он хотел бы остаться в Европе:

«Как только мои бумаги будут обработаны, я стану натурализованным англичанином. Командор Локер-Лэмпсон уже предложил вашему парламенту сразу дать мне гражданство, а не заставлять ждать положенные пять лет. Парламент даст нам ответ, когда снова соберется после каникул. Я вам не могу сказать, сделаю ли я Англию своей второй родиной. Я не знаю, в какой стране лежит мое будущее. Один месяц я пробуду здесь, а потом пересеку Атлантику, чтобы выполнить мои обязанности по чтению ряда лекций. Профессор Милликен, великий американский исследователь, пригласил меня обосноваться в Университете Пасадены в Калифорнии. Но хотя я пытаюсь в мыслях быть универсальным, по инстинкту и склонностям я европеец. Меня всегда будет тянуть назад» [Clark, 1974 стр. 357].

Почти месяц провел Эйнштейн в тихой пустоши Рутон Хиг, работая над физическими проблемами вместе с доктором Майером, приехавшим к нему из Бельгии. Несмотря на все попытки Локер-Лэмпсона окружить деревянную хижину вблизи Кроумера завесой секретности, к великому физiku проникали многие посетители.

Одним из них был Сэмюэль Хоар (иногда пишут Хор, Samuel Hoare, 1880-1959), известный политический деятель, недавний министр иностранных дел Великобритании. С ним Эйнштейн обсуждал политическую ситуацию в Европе после того, как к власти в Германии пришли нацисты. Приехал в Рутон Хиг к своему тестю и журналист Дмитрий Марьянов, муж Марго Эйнштейн, приемной дочери ученого. По заказу одной французской газеты Марьянов написал популярную статью о теории относительности и хотел согласовать текст с Альбергом, чтобы избежать семейных конфликтов.

Бюст Эйнштейна работы Джейкоба Эпштейна, 1933 год

Узнав, что недалеко от Лондона обитает великий ученый, в Рутон Хиг приехал и знаменитый скульптор Джейкоб Эпштейн. Увидев впервые Эйнштейна в стареньком свитере с развевающимися на ветру волосами, художник был потрясен. В автобиографии Эпштейн вспоминает:

«В его облике чувствовалась смесь человечности, юмора и глубины. Это была комбинация, которая меня восхитила. Он напоминал стареющего Рембрандта» [Epstein, 1940 стр. 77-78].

Эпштейн уговорил ученого позировать ему для бюста. В течение трех сеансов бюст был готов, несмотря на то, что темная деревянная хижина на берегу моря была не лучшим местом для мастерской скульптора.

Якоб вспоминал, что однажды попросил «охранниц» ученого снять входную дверь, чтобы добавить света в комнату. Те выполнили просьбу, но заинтересовались, не захочет ли скульптор в следующий раз снять крышу? Про себя Эпштейн подумал, что это пошло бы на пользу работе, но не стал развивать эту тему, видя, что вмешательство в личную жизнь профессора очень нервирует его «ангелов-хранительниц».

Работа Эпштейна была выставлена в Художественной галерее Бирмингемского музея, и через несколько дней кто-то сбросил на пол бюст величайшего физика XX века, выполненный одним из самых знаменитых скульпторов современности. К счастью, повреждений было немного, и скульптуру удалось быстро отремонтировать.

Неверно было бы видеть в этом акте вандализма только проявление чьего-то антисемитизма — ведь и ученый и скульптор были евреями. Причина, на мой взгляд, лежит в том, что отношение к автору теории относительности со стороны различных групп людей в критическом 1933 году сильно изменилось. Раньше автор теории относительности представлялся ученым-мудрецом, чей разум витает в холодном пространстве Вселенной и чья заумная теория нашла удивительное подтверждение во время солнечного затмения. Этот человек «не от мира сего» был, тем не менее, общителен, непосредствен, остроумен. Он мог не нравиться лишь упертым националистам да несгибаемым сторонникам классической физики, основы научного мировоззрения которых Эйнштейн непоправимо разрушил.

После назначения Гитлера рейхсканцлером образ Эйнштейна в глазах многих людей стал другим. Бывший кабинетный ученый решительно включился в политическую борьбу, без оглядки на последствия критиковал национал-социалистов и всех немцев, допустивших такую власть в Германии. Всеми доступными средствами он старался помочь людям, преследуемым нацистами, прежде всего, евреям. Понятно, что ненависть гитлеровцев к автору «еврейской теории относительности» еще более возросла, и от них можно было ждать любой мести. Но не только убежденные нацисты видели в Эйнштейне злейшего врага.

Бывшие друзья-нацифисты не могли простить великому ученому переход в число сторонников вооруженной борьбы с нацистской Германией. Слишком долго в нем видели лидера антивоенного движения, отрицающего любое вооруженное сопротивление. Теперь же он призывал взяться за оружие перед лицом неминуемой нацистской агрессии. Однако многие европейцы, прежде всего граждане Германии, включая немецких евреев, хотя и опасались действий Гитлера во главе правительства, считали открытую борьбу с ним бесперспективной и даже вредной. Они надеялись, что со временем всё образуется, безжалостные преследования евреев и инакомыслящих прекратятся, а сильная Германия нужна для отражения большевистской опасности, грозящей с Востока. Критика же диктатора только провоцирует новое «закручивание гаек» и ужесточение режима. В Великобритании, Франции, США и других странах увеличивалось число сторонников движения «Руки прочь от Гитлера». Именно они первыми встречали в штюки антифашистские выступления Эйнштейна и обвиняли его самого в эгоизме и недалекости.

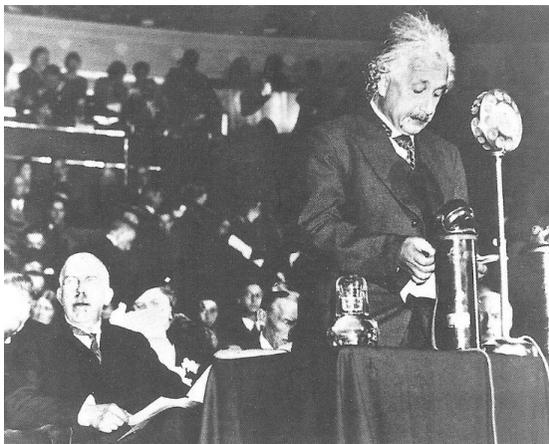
В переломном 1933 году Эйнштейн стал символом раскола общества перед лицом нацистской угрозы. Аналогичный раскол царил в Европе три года спустя, когда в Испании началась гражданская война.

Сам же великий ученый вовсе не рвался в политику, будь его воля, он бы навсегда остался мудрецом-отшельником в тихой пустоши Рутон Хит. Об этом он говорил, выступая в Королевском Альберт-холле в начале октября 1933 года:

«Я жил в сельском одиночестве и обнаружил, что монотонность тихой жизни дарит вдохновение для творчества. В нашем современном обществе есть определенные профессии, которые предполагают такую изолированную жизнь, не накладывая особых требований на физические или умственные способности. Я говорю о профессиях типа смотритель маяка или световых бакенов. Разве невозможно было бы занять такой работой

молодых людей, которые хотят размышлять над научными проблемами, особенно математической или физической природы? На этом пути можно было бы предоставить возможности духовного развития большому числу творческих индивидуальностей. Во времена экономической депрессии и политических беспорядков подобные рассуждения заслуживают внимания» [Clark, 1974 стр. 362].

Но жизнь не давала возможности отсидеться на удаленном маяке. Врожденное чувство справедливости и чести заставляло бороться.

Эйнштейн выступает в Лондоне в поддержку беженцев из Германии.
На втором плане Эрнест Резерфорд. 1933 год

Большинство немецких евреев не понимали и не одобряли бескомпромиссное неприятие Эйнштейна гитлеровского режима. Они считали, что критика еще больше настраивает правительство против них, провоцирует новые ужесточения законодательства, ухудшает и без того тяжелое положение неарийцев в Германии. В апреле 1933 года Эльза Эйнштейн писала из голландского Схевенингена (Scheveningen) подруге:

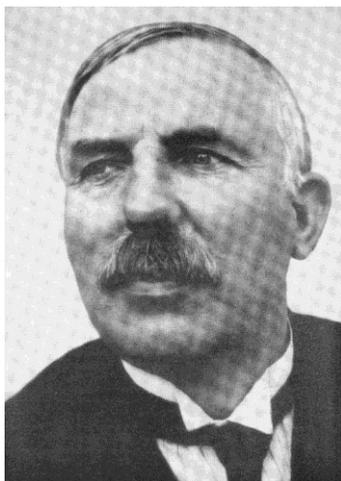
«Трагичность судьбы моего мужа состоит в том, что все немецкие евреи делают его ответственным за ужас, который с ними происходит... Так, от евреев мы получаем больше писем, наполненных ненавистью, чем от нацистов! При этом он в действительности во многом жертвует собой ради евреев! Он неустрашим и никогда никому не отказывает... Они же запуганы и забиты и думают отсидеться за параграфами их прекрасных страховок. И они не желают иметь никаких дел с Эйнштейном» [Goenner, 2005 стр. 342].

Прощание с Европой

В начале октября 1933 года Эйнштейн покинул уединенную хижину в дюнах на берегу моря, где ему так хорошо работалось, и вернулся в Лондон. Он обещал Локер-Лэмпсону выступить на собрании в Королевском Альберт-холле. Цель собрания была благородной — помочь ученым из Германии, потерявшим работу из-за гитлеровских преследований. Организовал собрание специально созданный в апреле 1933 года «Комитет помощи ученым» (ААС — Academic Assistance Council) — одна из первых подобных организаций, возникших в ответ на гитлеровские дискриминационные законы. Инициатором создания Комитета был Уильям Беверидж (William Beveridge, 1879-1963), директор Лондонской школы экономики и политических наук.

Эта идея пришла к нему в венском кафе, когда он просматривал в газете длинный список немецких профессоров, лишившихся кафедр из-за пресловутого закона от 7 апреля 1933 года «О восстановлении профессионального чиновничества». О желании помочь ученым, попавшим в беду, Беверидж рассказал Лео Сцилларду, который тоже считал эту задачу важнейшей на данном этапе. Сциллард вспоминал:

«Мы решили, что как только Беверидж вернется в Англию, он попробует создать комитет, который бы ставил своей задачей поиск рабочих мест для тех, кого уволили из немецких университетов» [Clark, 1974 стр. 360].

Эрнест Резерфорд

Так был создан ААС, а уже в мае стало известно, что возглавить Комитет согласился Эрнест Резерфорд. Когда конфликт между Эйнштейном и Прусской академией наук вылился на страницы газет, Резерфорд написал своему хорошему знакомому, венгерскому химику Георгу фон Хевеши (Georg von Hevesy, известный также как Дьёрдь де Хевеши, по-венгерски György Hevesy, 1885-1966):

«Я так понимаю, что Эйнштейн свой пост в Берлине покинет, но думаю, что при его необычайно высоких заработках в США он останется с финансовой точки зрения хорошо обеспеченным» [Clark, 1974 стр. 360].

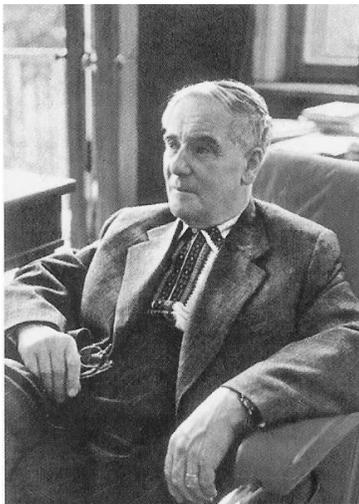
К слову, упомянутый химик фон Хевеши известен еще и тем, что помог сохранить золотые нобелевские медали физиков Макса фон Лауэ и Джеймса Франка.

В 1935 году, когда взбешенный присуждением Нобелевской премии мира Карлу фон Осецкому Гитлер запретил немцам получать и иметь при себе Нобелевские медали, фон Лауэ и Франк отдали свои научные награды на хранение Нильсу Бору.

В 1940 году немцы оккупировали Данию, и тогда сотрудничавший с Бором фон Хевеши растворил медали в царской водке, чтобы избежать конфискации их захватчиками. После войны фон Хевеши снова выпарил золото из раствора и передал его Нобелевскому комитету, который отчеканил медали во второй раз и вернул их лауреатам.

Вернемся, однако, в 1933 год. В отличие от ситуации с Эйнштейном, когда Резерфорд не беспокоился о финансовом положении всемирно известного физика, судьба других преследуемых ученых была совсем иной. Речь шла о сотнях исследователей не такого, как у Эйнштейна, ранга, оставшихся без работы, и Эрнест энергично взялся за организацию помощи нуждающимся коллегам.

К этой работе со всей страстью присоединился Петр Леонидович Капица, работавший тогда в Кембридже под руководством Резерфорда.

Петр Леонидович Капица

Жена Петра Леонидовича Анна Алексеевна, урожденная Крылова, вспоминала 23 ноября 1992 года во время интервью с Геннадием Гореликом:

«Со Цицлардом они очень много работали. Когда началось гонение в Германии на ученых-евреев, Цицлард приехал в Кембридж, и они объединились с Петром Леонидовичем, и когда нужно было помочь кому-нибудь из таких вот ученых и вызвать их из Германии, то они обращались обыкновенно к Резерфорду. Резерфорд писал письмо, и приглашал его читать лекции. Со Цицлардом на этом деле они и познакомились, потому что они оба были очень заинтересованы, они все очень много знали, у них было много друзей в Германии, и Петр Леонидович очень хорошо себе представ-

лял, что это все значит, и самых разнообразных людей они оттуда извлекали. Цицлард был, конечно, основным, кто этим занимался, а Петр Леонидович ему помогал; когда нужна была подпись Резерфорда, он шел к Резерфорду. Это была такая деятельность, которая особенно не афишировалась, потому что особенно афишировать ее и нельзя было, потому что нужно было их извлекать спокойно, как бы приглашая лекции читать, на конференции, на семинары. Это всегда придумывалось что-нибудь... А Цицлард был очень энергичный человек, необыкновенный в смысле изобретательности. Это поразительный человек был, необыкновенный заводила. Очень интересный человек» [Горелик, 2004].

Идея привлечь внимание неакадемической общественности к бедственному положению уволенных в Германии исследователей и преподавателей принадлежала секретарю «Комитета помощи ученым» историку Вальтеру Адамсу (Walter Adams, 1906-1975). Он вместе с Оливером Локер-Лэмпсоном поехал к Эйнштейну в Рутон Хит под Кроумером, чтобы добиться выступления великого ученого от имени ААС.

Уговаривать долго не пришлось, Эйнштейн сразу согласился помочь нуждающимся коллегам. Похоже, однако, он не до конца понял масштаб готовящегося мероприятия. Он считал, что его выступление состоится на встрече небольшого числа заинтересованных лиц, готовых материально помогать изгнанным ученым. Но Локер-Лэмпсон мыслил масштабнее. Вальтер Адамс вспоминал, что как только Эйнштейн дал согласие, Оливер удалился в другую комнату и по телефону заказал на вечер 3 октября Альберт-холл. Все детали собрания разрабатывал неутомимый командор. Мероприятие финансировал Фонд помощи беженцам.

Альберт Эйнштейн выступает в Альберт-холле, 3 октября 1933

Вечером 3 октября огромный Альберт-холл был переполнен. Довольно дорогие билеты были проданы на все десять тысяч мест, сотни людей сидели и стояли в проходах. На сцене в кресле председательствующего сидел Эрнест Резерфорд, в президиуме рядом с Эйнштейном размещались Уильям Беверидж, Остин Чемберлен, знаменитый физик и астроном Джеймс Джинс (James Jeans, 1877-1946).

Не только эти известные имена привлекли посетителей. Немалую роль сыграло умело распространяемый Локер-Лэмпсоном слух о готовящемся покушении на Эйнштейна. Многие любители острых ощущений пришли на собрание в поиске сенсаций.

На обороте входного билета нужно было расписаться под заявлением, что посетитель не будет участвовать в каких-либо беспорядках, которые могут помешать проведению мероприятия. В зале было большое число полицейских, готовых подавить протесты со стороны Бриганского союза фашистов. В зал было приглашено более тысячи студентов, в основном, из Лондонского университета, чтобы сорвать возможные провокации сторонников нацистов. К счастью, вмешательства не потребовалось, мероприятие прошло мирно, без эксцессов.

Главный интерес у слушателей вызвала, конечно, речь Альберта Эйнштейна. Он говорил по-английски и, рассказывая о трудном положении изгнанных со своих рабочих мест ученых, ни разу не упомянул об их еврейском происхождении, из-за которого они были уволены. Более того, он ни разу не назвал страну, в которой творились эти вопиющие нарушения прав человека — Германию.

По-видимому, Эйнштейна предупредили о принципиальной установке «Комитета помощи ученым», в Манифесте которого подчеркивалось, что деятельность Комитета распространяется на всех научных работников, кто пострадал от преследований, вне зависимости от вероисповедания и национальности. И хотя именно в Германии гонениям подверглось наибольшее число ученых, Комитет не намерен ограничиваться одной страной.

Альберт Эйнштейн и Оливер Локер-Лэмпсон в Рутон Хит, 1933 год

Впоследствии Эйнштейн признавался, что считает ошибкой свое согласие с организаторами не называть страну, чьим гражданином он считал себя до недавнего времени. Тем не менее, он сам вычеркнул из тезисов своего выступления два места, напрямую указывавшие на Германию. В первом говорилось о том, что в некоторой большой стране власть захватили силы, которые руководствуются «доктриной ненависти и мести». Второе место касалось тайных усилий вновь вооружить Германию [Clark, 1974 стр. 362].

Многие, напротив, одобряли такую осторожность, когда при описании чисток научных кадров в Германии сама страна не упоминалась. Как сформулировал эту позицию сэръ Остин Чемберлен, «протестовать — это нормально, но протестовать слишком остро — это ошибка» [Clark, 1974 стр. 362].

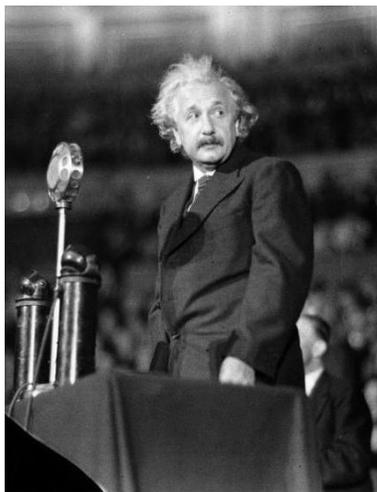
Когда Эрнест Резерфорд предложил сэру Вильяму Генри Брэггу (William Henri Bragg, 1862-1942) стать казначеем «Комитета помощи ученым», тот возразил:

«Я допускаю, что эта деятельность может причинить больше вреда, чем пользы, если она начнет раздражать людей, находящихся сейчас у власти в Германии» [Clark, 1974 стр. 362].

Выступление Эйнштейна на собрании в Альберт-холле прошло с большим успехом. Он не обладал качествами идеального оратора, но зато умел заряжать слушателей верой в то, что говорил. Такое удается только гениальным актерам и прирожденным политикам. Великий ученый всегда был искренним, сам верил в свои слова, и тем сильно отличался от большинства профессиональных говорунов.

Собравшиеся в Альберт-холле с воодушевлением поддерживали идею помощи ученым-беженцам предоставлением им новых рабочих мест. Однако это воодушевление разделяли далеко не все. Недавно уволенный с поста заместителя генерального секретаря Лиги Наций и бывший посол Германии в Лондоне Альберт Дюфур-Феронс (Albert Dufour-Féronce, 1868-1945) писал в те дни секретарю Ллойд Джорджа:

«Я убежден, что вещи со временем сами собой нормализуются, а собрания такого типа, что было устроено для Эйнштейна в Альберт-холле, только обостряют ситуацию, а не улучшают. Печально, что такой великий ученый жертвует своим именем ради пропаганды против своего отечества. Но хотя он и рожден в Баварии, по-настоящему немцем он себя никогда не ощущал» [Clark, 1974 стр. 363].

Альберт Эйнштейн выступает в Альберт-холле, 3 октября 1933

После собрания в Альберт-холле у Эйнштейна осталась еще одна запланированная встреча в Лондоне — с раввином Морисом Перизвайгом (Maurice Perizweig), председателем Всемирного союза еврейских студентов, почетным президентом которого был сам великий физик. После встречи Эйнштейн сделал заявление для прессы, в котором явно прозвучала некоторая двусмысленность:

«Значение еврейства лежит исключительно в его духовном и этическом содержании и в том способе, как оно проявляется в жизни отдельного еврея. По праву можно сказать, что учеба — это наша святая обязанность. Это

однако не означает, что мы обязаны стремиться только к академическим профессиям, чтобы обеспечить наше пропитание, как, к сожалению, сейчас слишком часто происходит. В эти трудные времена мы должны использовать каждую возможность, чтобы удовлетворить практические потребности, но не жертвовать при этом нашей любовью к духовным вещам или правом заниматься научными исследованиями» [Clark, 1974 стр. 363].

Эйнштейн уточнил, что не все ученые, бежавшие из Германии, могут рассчитывать на продолжение академической карьеры в других странах. Показательна в этом смысле история эмиграции Феликса Бернштейна [Беркович, 2008]. Здесь же отметим только, что встретиться с Эйнштейном мечтал и Фредерик Линдeman, который специально для этого приехал 4 октября из Оксфорда в Лондон. О своем желании он сказал по телефону Локер-Лэмпсону. Линдеману удалось с помощью ряда уволенных из немецких университетов ученых значительно усилить Оксфордский университет и Кларендонскую лабораторию, в частности. Заветной мечтой его было укрепить связь и Эйнштейна с Оксфордом.

По какой-то причине эта встреча не состоялась. Эйнштейн написал Линдеману 5 октября, что надеется на встречу летом следующего года, когда вернется в Оксфорд, как планировалось ранее. Линдеман потом еще долго был уверен, что это Локер-Лэмпсон сделал так, чтобы встреча никогда больше не произошла.

На пути в Америку, слева направо: Эстелла Катценелленбоген (Estella Katzenellenbogen), Эльза и Альберт Эйнштейны, Вальтер Майер, Хелен Дукас

Через несколько дней Эйнштейн поднялся на борт американского океанского лайнера «Вестерланд», шедшего из Амстердама в Нью-Йорк. На пароходе его поджидала заботливая жена, верная секретарша Хелен Дукас и исполнительный ассистент Вальтер Майер. Как и в прошлые поездки, у путешественников были гостевые визы сроком на полгода. Когда лайнер вышел в Ла-Манш и взял курс на Атлантический океан, Альберт не подозревал, что и он и Луиза видят берега Старого Света в последний раз. Эйнштейны никогда больше не вернулись в Европу.

(окончание следует)

Литература

Clark, Ronald W. 1974. *Albert Einstein. Eine Biographie.* Esslingen: Bechtle Verlag, 1974.

Erstein, Jacob. 1940. *Let there be sculpture: an autobiography.* London: Michael Joseph, 1940.

Goenner, Hubert. 2005. *Einstein in Berlin.* München : Verlag C. H. Beck, 2005.

Беркович, Евгений. 2008. Дело Феликса Бернштейна, или Теория анти-относительности. *Заметки по еврейской истории, №12* 2008 г., <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Number12/Berkovich1.php>.

Горелик, Геннадий. 2004. Анна Алексеевна Крылова. *Заметки по еврейской истории, № 38* 2004 г., <http://berkovich-zametki.com/Number38/Gorelik1.htm>.

Оскар Шейнин

НЕОЖИДАННЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ ГАУССА и БЕССЕЛЯ

1. Карл Фридрих Гаусс (1777 — 1855)

1.1. Общее представление. Biermann (1991a) описал, как представление о Гауссе в виде мраморной статуи постепенно изменялось, и он оказался живым человеком, ранимым и иногда беспомощным в обычной жизни. О прежнем изображении Гаусса, продолжал Бирман, позаботилось его гёттингенское окружение, и в первую очередь Сарториус фон Вальтерсхаузен, сам же Гаусс сознательно и бессознательно мощно потрудился о том же.

Последнее утверждение Бирмана (с. 5) непонятно: при всём желании Гаусс не смог бы скрыть трудности и переживания в своей жизни. Мнение Бирмана имеет смысл только в отношении науки, но и в этом ограниченном его понимании мы не можем с ним согласиться. В начале своей научной карьеры Гаусс опубликовал два классических труда: в 1801 г., *Арифметические исследования*, став если не первым, то одним из первых математиков в мире, а затем, в 1809 г., *Теорию движения небесных тел* ... В сохранившемся наброске предисловия к первоначальному немецкому тексту этого сочинения он (1807, с. 161) указал:

Многие уважаемые астрономы настоятельно просили меня опубликовать метод, который я применил [в 1801 г. для обнаружения пропавшей из вида малой планеты Цереры], но [различные обстоятельства],

равно как и моё желание разработать эту тему подробно и моя надежда, что продолжение исследования [...] даст возможность ещё более усовершенствовать различные части моего метода, позволит обобщить и упростить его, оказались причинами, по которым я только теперь удовлетворяю просьбу этих друзей.

Но *удовлетворить* её Гаусс смог только в 1809 г., после перевода своего немецкого текста на латинский язык. Много позднее, подготавливая к печати латинский мемуар (1823), Гаусс написал Ольберсу 14 апреля 1819 г.:

Хрупкий латинский язык часто сопротивляется простому, естественному выражению мыслей.

Опубликовав эти основополагающие труды, Гаусс, конечно же, никак не хотел снижать свой научный уровень (что не всегда ему удавалось, см. ниже). Уже 30 июля 1806 г. в письме Ольберсу он заявил, что желает быть *либо Цезарем, либо никем*. И вот дополнительное соображение. Тот же Бирман (1991b) разумно заметил, что, собирая данные научного и даже ненаучного характера, Гаусс хотел упорядочить случайные (фактически случайные или лишь кажущиеся таковыми) события¹, что вполне могло укрепить его стремление к совершенству.

Но Гаусс действительно, как заметил Гумбольдт, был *научным деспотом* (Бирман 1991a, с. 9, без точной ссылки) и, как указал Бессель в 1834 г., *ярко выраженным эгоистом* (Бирман 1966, с. 14). Действительно, в 1833 г. Гаусс опубликовал серьёзный труд о геомагнетизме и признал помощь Вебера, но не назвал его соавтором (Мей 1972, с. 305, правый столбец)², а его сыновья от второго брака сообщили, что он (там же, с. 308 правый ст.)

Отговаривал их от научной карьеры, потому что не желал видеть никакой второсортной работы, связанной с его именем.

Мей (с. 307, правый ст.) упоминает и *личное честолюбие* Гаусса наряду с *интеллектуальным уединением*, но добавляет *закоренелый консерватизм и национализм* (см. ниже). О консерватизме в науке Мей (с. 309 левый ст.) указывает:

Гаусс относился либо враждебно, либо безразлично к радикальным идеям и в математике, и в политике.

Он привёл убедительные примеры, относящиеся к математике, и вот неожиданное сравнение Гаусса с Чебышевым (Новиков 2002, с. 330):

При своём блестящем аналитическом таланте он [Чебышев] был патологическим консерваторм. В.Ф. Каган, будучи молодым приват-доцентом, выслушал презрительное высказывание Чебышева о новомодных дисциплинах типа римановой геометрии и комплексного анализа³.

Но по поводу политики Мей возможно ошибался. Бирман (1991a, с. 12) цитирует письмо Гаусса 1848 г., в котором он выразил надежду на то, что *землетрясение* (революционное движение) принесёт *отрадные плоды*.

Уже 2 ноября 1817 г. Ольберс сообщил Бесселю (Erman 1852), что сожалеет о его плохих отношениях с Гауссом:

Мне было бы очень жаль, если между двумя [...] величайшими немецкими астрономами и математиками наступит какое-то длительное охлаждение.

Далее, в 1825 г., во время встречи Гаусса с Бесселем они о чём-то серьёзно спорили. Это указал Вруһнс (1869, р. 108 note), сославшийся на свидетеля, который слышал спорящие голоса. В 1837-1839 гг. Бессель по сути обвинил Гаусса в том, что тот *живёт для будущего* и не признаёт *обязанности своевременно сообщать* о своих исследованиях (письмо 28 мая 1837 г.), а затем, 28 июня 1839 г., в том, что достижение *наивысшей тщательности* отделки рукописей вредно, поскольку затягивает публикации:

Разве Эйлер добился бы того многого, которого ему удалось, выступи он в свет не всю огромную массу своих идей, а лишь её десятую часть в безупречном виде?

Бирман (1966, с. 9-10) опубликовал выдержки из указанных писем и (там же) сообщил о крайне болезненной реакции Гаусса на эти обвинения. Гаусс никак не принял во внимание прямой и искренний характер Бесселя и не учёл, что в первую очередь именно Бессель заботился о научном творчестве его, Гаусса.

Сам Гаусс ещё в 1810 г. написал об Эйлере (Бирман 1983, с. 424-425):

Как звезда первой величины сиял бессмертный Эйлер. Ни одному математику прежних лет или нового времени нельзя приписать такую почти непостижимую скорость в труднейших исследованиях с подобной неистощимой плодотворностью новыми идеями и методами. Он переработал все части математики, и большинство из них приобрели в его руках совершенно новый вид. Незабываемы его заслуги в высшей арифметике [в теории чисел], в обращении с круговыми функциями, применении анализа к кривым, в учении о рядах, в теории алгебраических уравнений, дифференциальном и интегральном исчислении, в науках механики и оптики.

1.2. Ссылки на других авторов. Гаусс явно недостаточно ссылался на других авторов. 21 сентября 1849 г. К. Г. Я. Якоби (Бирман 1966, с. 18) сообщил своему брату, что Гаусс ни разу не сослался ни на него, ни на Дирихле. Бирман приводит и другие подобные примеры, но не забудем, что Гаусс высоко оценивал и Якоби и Дирихле (Мей 1972, с. 304 правый ст.).

Сам Гаусс разъяснил своё необычное поведение в письме Шумахеру 6 июня 1840 г. (Бирман 1966, с. 18):

Я неохотно подробно высказываю то, чего другие добились в области, в которой сам работал, если не убеждён полностью, что действительно могу упомянуть это с похвалой. [...] И если я хочу, чтобы мои сообщения были авторитетными, следует вначале провести литературные исследования, для чего у меня нет ни времени, ни, признаться, склонности.

Впрочем, мы можем упомянуть ошибки Гаусса, которые, возможно, повлияли на указанное обстоятельство.

В 1770 г. Бошкович предложил метод обработки наблюдений, Гаусс же (1809, § 186) упомянул этот метод и ошибочно заявил, что Лаплас видоизменил его. Там же, в § 177, Гаусс приписал Лапласу, а не Эйлеру, вычисление интеграла от экспоненциальной функции отрицательного квадрата. Впоследствии, однако, как заметили редакторы сборника Gauss (1877, с. 207), он исправил эту ошибку.

Наконец, в 1810 г. Гаусс (Бирман 1983, с. 426) указал, что в XVIII в. (именно этот век он отражал в своей заметке) четыре немецких учёных, Гершель (!), Ольберс и Хардинг, открыли пять главных планет и что Гершель открыл также шесть спутников Урана. Во-первых, Гаусс назвал только троих; во-вторых, пять планет это Уран и четыре малые планеты (которые в то время ещё не назывались малыми), открытые, правда, в самом начале XIX в. В-третьих, Гершель действительно открыл Уран, но счёл найденное небесное тело кометой. В-четвёртых, у Урана известно лишь пять спутников⁴. О *немце-Гершеле* см. ниже.

1.3. Несовершенные сочинения. Среди сочинений Гаусса имеются и несовершенные. *Заметка 1810 г.*, перепечатанная Бирманом (1983) с комментариями, была опубликована в шеститомной энциклопедии по истории литературы, которая, однако, содержала и статьи естественнонаучного характера. Её редактором был гёттингенский профессор И.Г. Эйххорн, и Бирман разumno замечает, что Гаусс просто не мог отказаться написать два параграфа о математике и астрономии в Германии XVIII в.

Гаусс, как сказано выше, привёл в своей заметке неверные сведения, а кроме того недостаточно охарактеризовал заслуги Ламберта, вообще не упомянул Даниила Бернулли, зато объявил Зюссмильха математиком. Германией, как сообщил Бирман (с. 427), называли в то время область распространения немецкого языка, но, например, Ламберт считал себя швейцарцем (Wolf 1860, самое начало статьи), Гершеля следовало всё же полагать английским учёным⁵, а если немцем, то почему тогда Гаусс не упомянул Гольбаха, Якова Германа и Г.Ф. Крафта? Мы не знаем, считали ли себя Якоб и/или Иоганн Бернулли немцами или швейцарцами, но уж Эйлера следует лишь частично полагать немцем или швейцарцем.

Статья 1828 г. На с. 152 Гаусс указал, что заново определяет разность широт обсерваторий в Гёттингене и Альтоне, но не сравнил своего результата с прежним. В нескольких таблицах результатов наблюдений звёзд 16 из них по неизвестной причине остались неназванными. В двух случаях Гаусс (с. 172 и 189) вычислили вероятную ошибку результатов в молчаливом предположении нормального распределения⁶. О втором из этих случаев см. также ниже.

На с. 161 он почему-то назвал среднее арифметическое вероятнейшим результатом (что верно при нормальном распределении), хотя уже в 1823 г. отказался от вероятнейших значений искомым величин в пользу наиболее надёжных. Наконец, на с. 177 Гаусс неточно назвал остаточные свободные члены решаемой системы уравнений ошибками. Впрочем, ту же неточность допускали Лежандр и Лаплас.

Мемуар 1823 г. Некоторые места в нём до сих пор непонятны. Вот Stewart (1995, с. 222) о §§ 12 и 13:

Читателям потребуется громадное великодушие, чтобы заключить, что в них что-то доказано.

1.4. Незамеченные или забытые мысли. Мемуар 1828 г. исключительно интересен. Гаусс впервые исследовал влияние силы тяжести на изгибание зрительных труб (§ 3.14) и ошибок деления лимбов угломерных инструментов (§ 3.8), а его рассуждения на с. 181-182 послужили началом физической геодезии (Субботин 1956, с. 272-273). Впрочем, мы сомневаемся, что на них обратили должное внимание. О физической геодезии до эпохи спутниковой геодезии см. Бомфорд (1952) и Пелли-

нен (1979). Последний обсуждал труды Ф.Н. Красовского и его талантливого ученика М.С. Молоденского.

Мей (1972, с. 309, правый ст.) заметил, что Гаусс определял приоритет по открытию, а не по публикации, которое он закреплял за собой

Личными записями, перепиской, загадочными замечаниями в публикациях. [...] Намеренно или нет, он тем самым сохранял преимущество тайны без потери приоритета в глазах последующих поколений.

Самым известным примером служит история открытия метода (точнее, принципа) наименьших квадратов. Гаусс указал на приоритет (в смысле публикации 1805 г.) Лежандра, но назвал этот метод своим, поскольку пользовался им задолго до 1805 г. В письме Гауссу Лежандр возразил: пользование не означает приоритета. Впрочем, вместо письма он мог бы в 1814 г., в повторной публикации своего открытия, заметить, что притязание Гаусса противоречит принятым обычаям. Но Гаусс не ответил Лежандру, который был примерно на 25 лет старше его, и французские математики, включая Пуассона (но не Лапласа) не стали ссылаться на работы Гаусса по обработке наблюдений (и тем самым немало повредили себе). И вот финал: 17 октября 1824 г. в письме Шумахеру Гаусс написал:

С возмущением и печалью [...] прочёл, что старого Лежандра, украшения своей страны и своей эпохи, лишили пенсии.

2. Фридрих Вильгельм Бессель (1784 — 1846)

2.1. Крупный учёный. Бессель был выдающимся астрономом и крупным математиком. Он определил несколько астрономических констант, впервые измерил параллакс звезды, обнаружил личное уравнение (личную систематическую ошибку астронома в регистрации моментов прохождения звёзд через крест нитей окуляра телескопа), сконструировал металлические мерные жезлы для измерения базисов и вывел длительное время применявшиеся параметры референц-эллипсоида (Strasser 1957, с. 39). Лондонское астрономическое общество наградило медалью его наблю-

дение звёзд вплоть до девятой величины (т. е. установление их точного места) на обширном участке небосвода (см. выше). Вторую медаль этого общества Бессель получил в 1841 г. за измерение параллакса звезды, т. е. за окончательное установление гелиоцентрической системы мира. Самым положительным образом о вычислениях Бесселя отзывался Гаусс в письме Шумахеру 27 декабря 1846 г.:

Дух Бесселя, его умелое обращение с исчислением и бесстрашная настойчивость при длительных вычислениях непременно выявляются во многих его столь исключительных статьях.

Он и Гаусс были зачинателями нового периода экспериментальной науки. Они требовали неукоснительного исследования инструментов и выявления и возможно более полного исключения и систематических, и случайных ошибок наблюдения.

2.2. Другой Бессель. Но каким-то образом существовал и иной Бессель, беспардонный халтурщик и даже врун (Sheynin 2000).

Мы обнаружили 33 ошибки в арифметических и простейших алгебраических действиях в собрании сочинений Бесселя (Bessel 1876). Не будучи существенными, они подрывают веру в надёжность его более сложных вычислений.

Бессель установил существование личного уравнения. В своём исследовании он (1823) сравнивал свои наблюдения с наблюдениями другого астронома. По смыслу статьи применяемый хронометр был единственным и потому передавался друг другу, наблюдения не могли быть одновременными, и следовало учитывать поправку за его ход. В одном случае этот ход определялся из самих наблюдений, и непонятные выводы Бесселя никуда не годились.

Изучая наблюдения Брадлея, Бессель (1818) заметил, что крупные ошибки произошли *немного чаще*, чем следовало бы по нормальному закону, но что при большем числе наблюдений это расхождение исчезло бы. Однако, количество наблюдений измерялось сотнями, а небольшие ошибки должны были неизбежно встречаться немного реже, чего Бессель не отметил. Он (1838a, § 11) снова исследовал те же наблюдения и ещё более чётко заявил, что они подчиняются нормальному распределению. Бессель таким образом упустил первую возможность сообщить, что наблюдения могут не подчиняться нормальному распределению. Эта возможность постепенно выявилась впоследствии, особенно в исследовании Ньюкома (Newcomb 1876). Гораздо хуже было явное желание Бесселя подтвердить наблюдениями Брадлея (пусть не строго, см. выше) доказанную им в том же сочинении центральную предельную теорему.

В том же сочинении 1838 г. Бессель вычислял плотности функций случайных величин, но допустил ошибки в обоих рассмотренных им случаях.

Особо отметим ошибки, допущенные Бесселем в популярных статьях, тексты которых были опубликованы посмертно (1848b).

Бессель (1843) описал жизнь и труды Уильяма Гершеля. Остановившись на открытии двойных звёзд, он не сообщил о существовании двух видов этих звёзд (оптически и физически двойных). По поводу попытки считать звёзды, Бессель ошибочно заявил, что телескоп Гершеля проникал до границ Млечного пути. Наконец, Бессель приписал Гершелю открытие планеты Уран. На самом же деле Гершель обнаружил движущееся тело, но решил, что обнаружил комету. Самым отвратительным образом Бессель (с. 469, левый столбец) заявил, что Гершель увидел диск планеты.

Наконец, Бессель (с. 470, правый столбец) упомянул сестру Гершеля, Каролину и заметил, что она ещё жива и помогает брату. Уточним: она пережила брата на несколько десятилетий.

Бессель (1845). Это — газетная статья, не имевшая отношения к астрономии. Бессель заявил, что при данной территории, данном климате и т. д. (но не добавил политического устройства) приемлемое количество населения зависит только от его умственного развития. Это очень неточно: фермеры не умнее охотников, тогда как (пример Бесселя) охотничий промысел не может прокормить большое население. Затем Бессель обращается к Соединённым Штатам и приводит фантастические подсчёты населения этой страны и её коренного населения. На какие-либо статистические данные он и не намекает.

Бессель (1848а). Год доклада неизвестен, но ссылка на какую-то одну из книг Делаμβра позволяет заключить: не ранее 1821 г. Значимость закона больших чисел Якоба Бернулли не раскрыта, отказ Ламберта от среднего арифметического (с. 401) надуман, *Опыт философии* Лапласа не назван. Наконец, хоть Бессель ограничился приложением теории вероятностей к астрономии, следовало бы сказать несколько слов и о статистике населения, да и вообще о Муавре и Данииле Бернулли (по правде говоря, и о Бейесе).

Заметим, наконец, что Gerling (1861) сообщил о попытке Бесселя в 1843 г. установить свой приоритет в уравнивании триангуляции. Гаусса он вообще не упомянул, хотя тот уравнивал свою триангуляцию Ганноверского королевства примерно в то же время, когда ученик Бесселя (Rosenberger 1827) опубликовал статью на ту же тему со ссылкой на своего учителя. Герлинг кроме того указал, что Бессель необоснованно напал на него самого.

В своих письмах Гаусс несколько раз указывал на недостатки в сочинениях Бесселя.

1. Гаусс — Ольберс, 2 авг. 1817. Бессель переоценил точность некоторых своих измерений. 2 ноября того же года Ольберс *доверительно* сообщил Бесселю об этом утверждении Гаусса.

2. Гаусс — Шумахер, между 14 июля и 8 сент. 1826. В своём исследовании Бессель переоценил точность градуировки лимба астрономического инструмента.

3. Гаусс — Шумахер, 27 дек. 1846. Отрицательный отзыв о некоторых посмертных рукописях Бесселя. В одном случае Гаусс был *поражён* его небрежностью.

Итак, Бессель был и великим учёным, и заядлым халтурщиком. В его груди жило две души (Гёте, *Фауст*, действие 1, сцена 2)⁷.

Примечания

1. По поводу индуктивного выявления арифметических закономерностей Гауссом см. Bachmann (1922).

2. Мей (1972) упомянул и электрический телеграф Гаусса и Вебера и заметил, что другие изобретатели независимо разработали более действенные методы передачи сообщений по телеграфу, но упустил изобретателя первого электромагнитного телеграфа, П.Л. Шиллинга. Известно письмо Гаусса Шиллингу, написанное в 1835 г. (Аноним 1955).

3. И вот его талантливый ученик, Ляпунов (1895/1946, с. 19-20), назвал идеи Римана отвлечёнными, псевдогеометрическими и иногда бесплодными, не имеющими ничего общего с *глубокими геометрическими исследованиями* Лобачевского. Он не вспомнил, что в 1871 г.

Ф. Клейн представил единую картину неевклидовой геометрии, частными случаями которой оказались работы Лобачевского и Римана.

Известно, что у Чебышева, как и у Гаусса, был плохой характер, и, опять же как Гаусс, см. ниже, он не всегда ссылался на других авторов. В частном письме 1885 г. Марков (Гродзенский 1987, с. 62-63) выразил недовольство этим обстоятельством.

4. Блажко (1947, с. 492) перечислил четыре известных в то время спутников Урана, из которых Гершель открыл только два.

5. В качестве Президента Лондонского (впоследствии Королевского) астрономического общества Джон Гершель (1829) объявил о присуждении почётных медалей Бесселю и Шумахеру. Во втором случае он (с. 222) самым одобрительным образом отозвался о немецких астрономах, притом посчитал немцами *всех, объединяемых общим языком и поведением*. Можно полагать, что он воспринял эту идею от своего отца, Уильяма Гершеля, мы же не согласны с ней. Трудно усмотреть общее поведение у Гаусса и Бесселя (равно как и у Карла Пирсона и Фишера, как у Маркова и Ляпунова).

6. 2 февраля 1835 г. Гаусс написал Шумахеру:

Так называемую вероятную ошибку я, по существу говоря, хотел бы запретить как зависящую от гипотезы. Впрочем, её можно вычислить, умножив среднюю [квадратическую] ошибку на 0,6744897.

Это, видимо, означает, что Гаусс считал, что погрешности наблюдений подчиняются нормальному распределению. В 1839 г. Гаусс (*Werke*, т. 8, с. 146-147) сообщил Бесселю, что с интересом воспринял его доказательство (разумеется, нестрогое) центральной предельной теоремы, хотя существо дела было ему в принципе давно уже знакомо. Трудно поверить, что даже ему удалось строго доказать эту теорему, и вряд ли он не осознавал своей, как мы полагаем, неудачи. Но как же тогда воспринимать его безоговорочное указание о вычислении вероятной ошибки?

Традиция удерживания заведомо излишних (и часто ошибочных) значащих цифр сохранилась, видимо, до 1930-х годов, см. обсуждение этой проблемы в журнале *Science*, vol. 84, 1936, с. 289-290, 437, 483-484 и 574-575. Были, конечно, и исключения. Так, Ф.Г. Гаусс (1906, с. 118) указал множитель 0,67 вместо 0,6744897. Книга этого автора заслуживает специального описания. Видимо, это его К.Ф. Гаусс называл среди участников геодезических работ в ганноверском королевстве *лейтенантом Гауссом*.

7. Переписку Гаусса с Ольберсом и Шумахером см. в *Трудах Гаусса (Werke, Ergänzungsreihe, Bde 4, 5, Hildesheim, 1976, 1975.*

Библиография

Аноним (1955), 100 лет со дня смерти Гаусса. *Вестник АН СССР*, № 4, с. 105-111.

Блажко С.Н. (1947), *Курс общей астрономии*. М. — Л., 1947.

Гродзенский С.Я. (1987), *А.А. Марков*. М.

Данилов В.В. (1953), Ф.Н. Красовский. В книге Ф.Н. Красовский, *Избр. Соч.*, т. 1. М., с. 7-20.

Ляпунов А.М. (1895), П.Л. Чебышев. В книге Чебышев П.Л. *Избр. математич. тр.* М. — Л., 1946, с. 9-21.

Новиков С.П. (2002), Вторая половина XX века и её итог: кризис физико-математического сообщества. *Историко-математические исследования*, вып. 7 (42), с. 326-356.

Пеллинен Л.П. (1979), Ф.Н. Красовский и развитие астрономо-гравиметрического нивелирования в СССР. *Изв. Вузов. Геодезия и аэрофотосъёмка*, № 2, 71-77.

Субботин М.Ф. (1956), *Астрономические и геодезические работы Гаусса*. В мемориальном сборнике *Гаусс*. М., с. 243-310.

Bachmann P. (1922), *Über Gauss' zahlentheoretische Arbeiten*. В книге *Gauss, Werke*, Bd. 10/2, No. 1.

Bessel F. W., **Бессель Ф.В.** (1816), *Untersuchungen über die Bahn des Olbersschen Kometen*. *Abh. Preuss. Akad. Berlin*, math. Kl. 1812-1813, pp. 119-160. Bessel (1876) содержит только выдержку из этого сочинения.

— (1818), *Fundamenta astronomiae*. Königsberg. Schneider (1988, pp. 277-279) привёл отрывок из этого сочинения в немецком переводе.

— (1820), *Beschreibung des auf des Königsberger Sternwarte*. *Astron. Jahrb.* (Berlin) за 1823, pp. 161-168.

— (1823, нем.), *Личное уравнение при наблюдениях прохождений звёзд*. В книге автора (1961, с. 219-225).

— (1838a, нем.), *Исследование о вероятности ошибок наблюдений*. Там же, с. 226-258.

— (1838b, нем.), *Градусное измерение в Восточной Пруссии*. Там же, неполностью, с. 99-186.

— (1843), *Sir William Herschel*. Там же, Bd. 3, pp. 468-478.

— (1845), *Übervölkerung*. Там же, pp. 387-407.

— (1848a), *Über Wahrscheinlichkeitsrechnung*. В книге автора (1848b, pp. 387-407).

— (1848b), *Populäre Vorlesungen über wissenschaftliche Gegenstände*. Hamburg. Редактор, H. C. Schumacher.

— (1876), *Abhandlungen*, Bde 1 — 3. Leipzig. Редактор, R. Engelmann.

— (1961), *Избранные геодезические сочинения*. М.

Biermann K.-R. (1966), *Über Beziehungen zwischen C. F. Gauss und F. W. Bessel*. *Mitt. Gauss-Ges. Göttingen*, No. 3, pp. 7-20. **S, G, 70.**

— (1983), *C.F. Gauss als Mathematik- und Astronomiehistoriker*. *Hist. Math.*, vol. 10, pp. 422-434. **S, G, 70.**

— (1991a), *Wandlungen unseres Gaussbildes*. *Mitt. Gauss-Ges. Göttingen*, No. 28, pp. 3-13. **S, G, 70.**

— (1991b), *Lusus ingenii im Schaffen von C. F. Gauss*. *Mitt. Math. Ges. Hamburg*, Bd. 12, No. 2, pp. 329-346. **S, G, 70.**

Bomford G. (1952, англ.), *Геодезия*. М., 1958. Перевод О.Б. Шейнина.

Bruhns C. (1869), *J. F. Encke*. Leipzig.

Erman A., редактор (1852), *Briefwechsel zwischen F. W. Bessel und W. Olbers*, Bde 1 — 2. Leipzig.

Gauss (1807), *Deutscher Entwurf der Einleitung zur Theoria motus ... Werke*, Bd. 12, pp. 156-162, 162 — 163. **S, G, 71.**

— (1809, латин.), *Теория движения небесных тел ...*, кн. 2, раздел 3. В книге автора (1957, с. 89-109).

— (1823, латин.), *Теория комбинаций наблюдений ... с Дополнением 1828 г.* В книге автора (1957, с. 17-57).

— (1828), Bestimmung des Breitenunterschiedes zwischen den Sternwarten von Göttingen und Altona durch Beobachtungen am Ramsden'schen Zenithsektor. В книге автора (1887/1998, pp. 152-189). Также *Werke*, Bd. 9, 1903, pp. 5-64. **S, G**, 70.

— (1863 — 1930), *Werke*, Bde 1 — 12. Göttingen. Перепечатка: Hildesheim, 1973 — 1981.

— (1887), *Abhandlungen zur Methode der kleinsten Quadrate*. Hrsg. A. Börsch, P. Simon (1887). Vaduz, 1998.

— (1957), *Избр. геод. соч.*, т. 1. М.

Gauss F. G. (1906), *Die trigonometrischen und polygonometrischen Rechnungen in der Feldmesskunst*. Halle.

Gerling Ch. L. (1861), Notiz in Betreff der Prioritäts-Verhältnisse in Beziehung auf die Methode der kleinsten Quadrate. *Nachr. Georg-August Univ. und Kgl. Ges. Wiss. Göttingen*, pp. 273-275.

Herschel J. (1829), Сообщение о награждении Ф.В. Бесселя и Г.Х. Шумахера почётными медалями Общества. *Mem. Astron. Soc. London*, vol. 4, pp. 217-224.

May K. O. (1972), Gauss. *Dict. Scient. Biogr.*, vol. 5, pp. 298 — 315. **S, G**, 70.

Newcomb S. (1876), A generalized theory of the combination of observations. *Amer. J. Math.*, vol. 8, pp. 343-366.

Rosenberger O.A. (1827), Über die, auf Veranstaltung der französischen Akademie, während der Jahre 1736 und 1737 in Schweden vorgenommene Gradmessung. *Astron. Nachr.*, Bd. 6, No. 12, pp. 1-32.

Schneider L, редактор (1988), *Die Entwicklung der Wahrscheinlichkeitstheorie von den Anfang bis 1933*. Darmstadt.

Sheynin O. (2000), Bessel: some remarks on his work. *Hist. Scientiarum*, vol. 10, pp. 77-83. **S, G**, 29.

Stewart G. W. (1995), Теория комбинаций наблюдений (латин. с англ. переводом) Гаусса с Послесловием переводчика. Филадельфия.

Strasser G. (1957), *Ellipsoidische Parameter der Erdfigur (1800-1950)*. München.

Wolf R. (1860), Joh. Heinrich Lambert von Mühlhausen. В книге *Biographien zur Kulturgeschichte des Schweiz*, 3. Cyclus. Zürich, pp. 317-356. **S, G**, 34.

Примечание. Обозначение вида **S, G**, 70 означает, что русский перевод соответствующего источника имеется на нашем сайте Sheynin.de, который дублируется в Google, Oscar Sheynin, Home (в данном случае — в документе 70).

Лариса Зиновьева

КАК РОДИЛАСЬ РЕЛЯТИВИСТСКАЯ ЯДЕРНАЯ ФИЗИКА

Дубненский синхрофазотрон, пущенный в 1957 году, оставался рекордным в мире с энергией протонов в 10 ГэВ около трёх лет. Утрата первенства в мире по энергии частиц заставила решать, что делать с ускорителем, чтобы эксперименты на нем оставались конкурентоспособными.

Расчеты показывали, что энергию синхрофазотрона можно было увеличить до 15 ГэВ на нуклон, но по сравнению с новыми ускорителями это было мало привлекательно [1. С. 30]. Действительно, в 1959 году в ЦЕРН начал работать ускоритель на энергию 30 ГэВ, в 1960 году на ту же энергию в Брукхэвене (США), в 1967 году должны были ввести в действие ускоритель под Серпуховом на энергию 70 ГэВ, в США строился ускоритель на энергию 300 ГэВ. А вот в отношении интенсивности у синхрофазотрона были хорошие перспективы, так как он имел самую большую апертуру — размер вакуумной камеры $2 \times 0,4$ м. Теоретически это давало возможность при энергии инжекции порядка 70 МэВ ускорять до 10^{14} протонов в импульсе. Ни один ускоритель в мире не мог иметь таких проектных данных по полному току ускоренного протонного пучка [2. С. 49].

С самого начала работы синхрофазотрона задача повышения интенсивности постоянно находилась в поле зрения ускорительщиков, так как это имело фундаментальное значение для прогресса в экспериментальных исследованиях. В момент пуска синхрофазотрона в 1957 году интенсивность составляла 10^7 протонов в импульсе. В результате постоянных усовершенствований, включая создание нового инжектора ЛУ-9, на январь 1964 года средняя интенсивность составила $1,9 \times 10^{10}$ протонов в импульсе [3. С. 183]. В 1964 году В.И. Векслером, директором Лаборатории высоких энергий Объединённого института ядерных исследований (ЛВЭ ОИЯИ), в которой располагался синхрофазотрон, было принято решение о создании инжектора на энергию 20 МэВ (ЛУ-20). Этот инжектор в дальнейшем должен был обеспечить интенсивность порядка 10^{12} и тем самым поставить синхрофазотрон вровень со всеми ускорителями мира. К созданию нового инжектора приступили сразу же. К январю 1967 года в Центральном экспериментальном мастерском ОИЯИ уже был готов вакуумный танк этого ускорителя. Была сконструирована и изготовлена в ЛВЭ система трубок дрейфа [2. С. 50].

Тогда же, в январе 1967 года, на XXI сессии Ученого совета ОИЯИ вплотную был поставлен вопрос о будущем физики высоких энергий в Дубне [2. С. 244-247]. В этой связи рассматривались два вопроса: 1) сотрудничество с Серпуховом, т.е. возможность проведения на новом ускорителе дубненскими физиками своих экспериментов, 2) перспективы ЛВЭ в Дубне, т.е. создания в Дубне своей современной базы для исследований в области физики высоких энергий. В отношении последнего Н.Н. Боголюбовым, директором ОИЯИ, было замечено, что уже раньше рас-

сма­три­вал­ся во­прос о соз­да­нии в ОИЯИ на ба­зе син­хро­фа­зо­тро­на Пи-ме­зон­ной и К-ме­зон­ной фаб­рик. В этой свя­зи в 1966 го­ду ди­рек­ция ОИЯИ об­ра­ща­лась к стра­нам-учас­тни­кам с про­сь­бой ре­шить во­прос об ис­точ­ни­ках фи­нан­си­ро­ва­ния этой ра­боты, но ни одна из них не от­оз­ва­лась по­ло­жи­тель­но на этот счёт, в ре­зуль­та­те че­го ди­рек­ция ОИЯИ бы­ла вы­нуж­де­на пре­кра­тить все про­ект­ные ра­боты в этом на­прав­ле­нии [2. С. 26].

В це­лом в то вре­мя ди­рек­цией ОИЯИ под­дер­жи­ва­лась тен­ден­ция раз­ви­тия в ОИЯИ фи­зи­ки низ­ких эн­ер­гий (Ла­бо­ра­то­рия ней­трон­ной фи­зи­ки (ЛНФ) и Ла­бо­ра­то­рия яд­ер­ных ре­ак­ций (ЛЯР)). И это на­прав­ле­ние в не­яв­ной фор­ме кон­ку­ри­ро­ва­ло с фи­зи­кой вы­со­ких эн­ер­гий. Дуб­на же из­на­чаль­но бы­ла соз­да­на в ос­нов­ном как цен­тр фи­зи­ки вы­со­ких эн­ер­гий, и, по м­не­нию та­ких уч­е­ных, как М. Дан­ыш (Поль­ша) и К. Ла­ни­ус (ГДР), пер­спек­ти­вы раз­ви­тия в Дуб­не дол­жны бы­ли бы­ть обес­пе­че­ны имен­но в этом на­прав­ле­нии [2. 245-246].

При об­суж­де­нии этой про­бле­мы на XXI сес­сии Учё­но­го со­ве­та ОИЯИ вен­гер­ский учё­ный Пал при­знал для ОИЯИ яс­ной пер­спек­ти­ву раз­ви­тия в об­ла­сти фи­зи­ки сред­них и низ­ких эн­ер­гий. А в от­но­ше­нии фи­зи­ки вы­со­ких эн­ер­гий он выс­ка­зал опасе­ние, что в даль­ней­шем ОИЯИ в этой об­ла­сти не смо­жет вы­пол­нять свою роль, по­это­му ре­кон­ст­рук­ция син­хро­фа­зо­тро­на, по его м­не­нию, всё-та­ки дол­жна бы­ла про­изой­ти в на­прав­ле­нии соз­да­ния К-ме­зон­ной фаб­ри­ки и од­но­вре­мен­но­го ис­поль­зо­ва­ния тех­ни­че­ских воз­мож­но­стей это­го ус­ко­ри­те­ля для ус­ко­ре­ния мно­го­зар­яд­ных ио­нов [2. С. 247-248]. В от­но­ше­нии по­след­не­го за­метим, что еще в 1959 го­ду Г. Грин в своей ста­тье, по­свя­щен­ной ус­ко­ри­те­лю син­хро­фа­зо­трон­но­го ти­па [4. С. 292], пи­сал, что ус­ко­рять дей­тро­ны, аль­фа-час­ти­цы и мно­го­зар­яд­ные ио­ны на та­ком ус­ко­ри­те­ле по­зво­ли­ла бы про­стая пе­ре­строй­ка элек­тро­обору­до­ва­ния. Но пер­во­на­чаль­но это­го не де­ла­лось, так как вни­ма­ние фи­зи­ки эле­мен­тар­ных час­тиц в то вре­мя бы­ло со­сре­до­то­че­но на изу­че­нии со­ударе­ний от­дель­ных нукло­нов.

Окон­ча­тель­ное ре­ше­ние судь­бы син­хро­фа­зо­тро­на: быть ли ему в даль­ней­шем К-ме­зон­ной фаб­ри­кой или ста­ть ус­ко­ри­те­лем тя­желых ио­нов до вы­со­ких эн­ер­гий, или и то и дру­гое вме­сте, за­ви­се­ло от тех­ни­че­ских про­ек­тов, ко­то­рые по ре­ше­нию ян­вар­ской 1967 го­да сес­сии Учен­о­го со­ве­та и Ко­ми­те­та пол­но­моч­ных пред­ста­ви­те­лей (КПП) дол­жна бы­ла оце­нить экс­пер­тная ко­ми­с­сия вес­ной 1967 го­да [2. С. 247].

Со­ве­ща­ние этой ко­ми­с­сии под пре­се­да­тель­ством че­хо­сло­вак­ско­го уч­е­но­го про­фес­со­ра И. Уле­глы со­сто­я­лось в ап­ре­ле 1967 го­да в Прот­ви­но [5. С. 8-10]. На нем при­сут­ст­во­ва­ло 29 че­ло­век, сре­ди ко­то­рых бы­ли пред­ста­ви­те­ли от всех стран-учас­тни­ков ОИЯИ. Всем чле­нам со­ве­ща­ния за­ран­е­е бы­ли пред­о­став­ле­ны ма­те­ри­алы о пер­спек­ти­вах раз­ви­тия ис­сле­до­ва­ний в ЛВЭ в об­ла­сти фи­зи­ки вы­со­ких эн­ер­гий, свя­зан­ных с пред­ла­гае­мой мо­дер­ни­за­цией син­хро­фа­зо­тро­на, и пред­ло­же­ния о ре­кон­ст­рук­ции син­хро­цик­ло­тро­на ЛЯП. Со­ве­ща­ние со­чло не­об­хо­ди­мым раз­ви­вать ис­сле­до­ва­ния в об­ла­сти фи­зи­ки вы­со­ких эн­ер­гий в ОИЯИ по двум пу­тям: а) соз­да­ние сов­ре­мен­ной ба­зы для ис­сле­до­ва­ний в об­ла­сти фи­зи­ки вы­со­ких эн­ер­гий в са­мом Ин­сти­ту­те; б) по­ста­нов­ка и про­ве­де­ние экс­пе­ри­мен­тов на ус­ко­ри­те­ле 70 ГэВ в Сер­пу­хов­е.

На со­ве­ща­нии бы­ли за­слу­ша­ны шесть до­кладов, из ко­то­рых раз­ви­тию фи­зи­ки вы­со­ких эн­ер­гий в ЛВЭ и ре­кон­ст­рук­ции син­хро­фа­зо­тро­на бы­ли по­свя­ще­ны два: ди­рек­то­ра ЛВЭ И.В. Чу­ви­ло и поль­ско­го фи­зи­ка про­фес­со­ра Е. Пнев­ско­го из Вар­шав­ско­го уни­вер­си­те­та. Док­лад И.В. Чу­ви­ло на­зы­вал­ся "Пер­спек­ти­вы раз­ви­тия ис­сле­до­ва­ний в Ла­бо­ра­то­рии вы­со­ких эн­ер­гий, свя­зан­ные с пред­ла­гае­мой мо­дер­ни­за­цией син­хро­фа­зо­тро­на". В нем был пред­ло­жен ва­ри­ант по­вы­ше­ния ин­тен­сив­но­

сти пучка синхрофазотрона до 10^{14} протонов в импульсе. Из обстоятельного доклада Е. Пневского "Тигерядерная спектроскопия при использовании высокоинтенсивных пучков К-мезонов" следовало, что для синхрофазотрона более перспективным вариантом в сравнении с ускорением тяжелых ионов являлся вариант протонной фабрики, предлагаемый ЛВЭ.

В итоге совещание экспертов в своем решении единогласно поддержало предложение ЛВЭ об увеличении интенсивности пучка синхрофазотрона до 10^{14} протонов в импульсе. В связи с этим оно полностью одобрило программу работ по развитию синхрофазотрона, разработанную в ЛВЭ в отделе синхрофазотрона, которая и была отражена в докладе И.В. Чувило. В соответствии с этой программой в текущем пятилетии (1966-1970 гг.) планировали завершить создание инжектора ЛУ-20, который должен был обеспечить интенсивность 10^{12} протонов в импульсе, и разработать методику высокоэффективного вывода пучка из ускорителя [5].

Вывод пучка из ускорителя в самую первую очередь был связан с тем, что при интенсивности 10^{12} по нормам радиационной безопасности нельзя было использовать внутренние мишени. Поэтому надо было либо делать бетонную защиту вокруг ускорителя, либо осуществить достаточно полный вывод пучка в соответствующий экспериментальный зал. Оценкой защиты занималась комиссия под председательством П.К. Маркова, сотрудника из Болгарии [7. С. 243]. Проект бетонной саркофага для ускорителя оказался очень дорогим (по тем временам 25 млн. рублей). Тогда от глобальной защиты отказались, ориентируясь на так называемый «медленный» вывод пучка. К тому времени на синхрофазотроне уже был осуществлен более легкий «быстрый» вывод пучка, который обеспечивал 80% выведенного пучка. Медленный вывод не только должен был обеспечить более 90% выведенного пучка, но и способствовать регистрации частиц электронными методами. Более того, при работе над медленным выводом не надо было останавливать ускоритель, что потребовалось бы при сооружении саркофага [7. С. 245].

Кроме того, экспертной комиссией предлагалось к середине 1969 года разработать физическое обоснование по реконструкции синхрофазотрона для поднятия интенсивности до 10^{13} и 10^{14} протонов в импульсе, а также представить проектные соображения по этому вопросу. Разделение задачи повышения интенсивности на две ступени было вызвано тем, что интенсивность 10^{13} можно было получить без существенных изменений системы инжекции и вообще узлов ускорения. Достижение 10^{14} требовало совсем другого подхода к решению проблемы [8. С. 54].

С отчетным докладом об итогах работы экспертной комиссии на XXII сессии Ученого совета в июне 1967 года выступил ее председатель профессор И. Улегла [6. С. 8-10]. При обсуждении этого доклада Г.Н. Флеров выразил сожаление, что существовавшие в то время ускорители протонов на большие энергии, которые достигали нескольких ГэВ, не обеспечивали ускорения тяжелых ионов, включая альфа-частицы. По его мнению, решение экспертной комиссии лишало ОИЯИ возможности продуктивно работать в той области, в которой в то время никто еще не работал. А именно в этом и была изюминка. Он призвал оценить на основе научной интуиции, что можно было бы получить на протонах при интенсивности 10^{14} , на дейтерии и тяжелых ионах. И тут же признавался, что в данном случае "интуиция не столь велика, но попытаться нужно и можно" [6. С. 14].

И.В. Чувило же предпочел вариант протонного ускорителя с большой интенсивностью и объяснил это тем, что в лабораториях стран-участниц такое научное

направление в то время было традиционным. А то, что предлагал Флеров, касалось поворота к другим проблемам ядерной физики [6. С. 15].

Однако Г.Н. Флерова поддержал В.П. Джелепов и предложил дополнительно рассмотреть вариант ускорения тяжелых ионов на синхрофазотроне [6. С. 15]. Но всеобщей поддержки эта идея не получила — было ясно, что ускорение тяжелых ионов на синхрофазотроне привлекательно лишь тем, что до сих пор в мире никто этого не делал. Повышение же интенсивности способствовало проведению уже вполне определенных экспериментов, в частности, предлагаемых Е. Пневским.

В результате обсуждения Ученый совет одобрил решение комиссии экспертов по рассмотрению перспектив развития физики высоких энергий в ОИЯИ и посчитал, что комиссия представила вполне конкретные рекомендации, и поэтому необходимость в запланированном втором заседании комиссии в 1967 году отпала.

Таким образом, казалось, что в июне 1967 года будущее синхрофазотрона и развитие физики в ЛВЭ было определено достаточно четко. Был выдвинут целый ряд очень интересных идей, как идти к интенсивности 10^{14} , и эту программу предполагалось вынести на Ученый совет в конце 1968 года. Но она так и не была реализована. Связано это было со следующими обстоятельствами.

Пока на Ученых советах решалась судьба синхрофазотрона, на нем продолжалась текущая научная работа. В 1967 году сотрудник ЛВЭ В.И. Мороз, вдохновленный результатами исследований пр-взаимодействий с помощью пропановой камеры, в которых пучки нейтронов получались при облучении мишени ускоренными протонами, решил использовать для экспериментов пучок нейтронов, полученный в результате стриппинга. Процесс стриппинга, то есть обдирка с ускоренных дейтронов протонов, давал возможность сформировать пучок нейтронов с относительно небольшим разбросом импульсов, что способствовало более успешному изучению процесса пр-взаимодействий [9, 10].

В связи с этим Мороз предложил начальнику отдела синхрофазотрона Л.П. Зиновьеву реализовать ускорение дейтронов. Задача с интересом была принята, так как еще в 1957 году сразу после пуска синхрофазотрона Зиновьев говорил В.И. Векслеру о необходимости продумывать на будущее возможности ускорения кроме протонов и других частиц (что должно быть интересно для физиков-экспериментаторов) [Частное сообщение Зиновьева]. Но в то время Векслер категорически не поддержал это предложение, мотивируя тем, что сначала надо дать возможность физикам поработать с новыми протонными пучками. Предложение Мороза было первым реальным заказом со стороны физиков ускорить новые частицы.

Однако в дирекции ЛВЭ во главе с И.В. Чувило, который возглавил Лабораторию в сентябре 1966 года после смерти В.И. Векслера, не все единодушно положительно отнеслись к предложению Мороза, так как оно уведило с уже твердо намеченного пути развития синхрофазотрона, определённого экспертной комиссией. Например, И.Н. Семенюшкин, заместитель Чувило, говорил: «Им (то есть отделу синхрофазотрона) надо запретить заниматься не только ускорением дейтронов, но и думать об этом!» [Частное сообщение Л.П. Зиновьева]. Позже и другие сотрудники ЛВЭ подтвердили автору статьи такую позицию Семенюшкина. Хотя сам Чувило отнесся к задаче с пониманием [Частное сообщение Л.П. Зиновьева и В.И. Мороза].

Так как первоначально задача ускорения дейтронов не получила официальной поддержки, то команда энтузиастов в составе В.И. Мороза, Ю.Д. Безногих,

Л.П. Зиновьева, Г.С. Казанского и А.И. Михайлова начала делать ее внепланово. Руководил работой Л.П. Зиновьев [9].

К середине 1968 года Ю.Д. Безногих, А.И. Михайловым и Г.С. Казанским были выполнены необходимые расчеты и успешно проведены первые эксперименты на линейном ускорителе ЛУ-9 [10].

Решение этой задачи совпало со сменой директора ЛВЭ. В середине 1968 года сначала и.о. директора, а потом и директором был назначен А.М. Балдин в связи с переходом И.В. Чувило на должность директора ИТЭФ в Москве. До этого Балдин был сотрудником ФИАН в Москве. Как новый в Лаборатории человек, Балдин, естественно, первоначально придерживался директивного курса развития ЛВЭ, принятого ранее, и не проявил интереса к «сторонней» задаче с дейтронами, начатой еще до его прихода в Лабораторию [Частное сообщение В.И. Мороза]. А тем временем в 1969 году пучок ускоренных дейтронов уже был получен на выходе линейного ускорителя, и на очереди была задача его ускорения в синхрофазотроне.

В.И. Мороз, как потенциальный пользователь будущих пучков дейтронов, был заинтересован в реализации этой задачи, поэтому он сказал Балдину, что если это не будет сделано, он будет вынужден предложить ее другому институту. Только после этого Балдин выделил время работы на ускорителе для продолжения экспериментов, причем в отпускное летнее время, когда плановый график работы синхрофазотрона был довольно свободен [Частное сообщение Мороза].

В итоге, вопреки сопротивлению администрации Лаборатории и сугубо техническим подводным камням, 5 сентября 1970 года был получен пучок ускоренных дейтронов с интенсивностью $0,9 \times 10^{10}$ частиц в импульсе.

Месяцем позже ускоренные дейтроны были выведены из камеры синхрофазотрона методом «быстрого» вывода, разработанного в секторе И.Б. Иссинского, и на выведенном пучке группой К.Д. Толстова было проведено первое облучение ядерных эмульсий [9]. Тогда же были проведены предварительные эксперименты по ускорению альфа-частиц, и шла работа по увеличению интенсивности их пучка [11].

Таким образом, в октябре 1970 года работа по ускорению и выводу дейтронов на синхрофазотроне была успешно завершена. Об этом той же осенью на ХХІХ сессии Ученого совета ОИЯИ было доложено Балдиным, где он сам признал, что «...тема с дейтронами не пользовалась большим приоритетом, шла на энтузиазме людей...» [12. С. 80] и подчеркнул, что В.И. Мороз «толкал эту проблему с большой силой и с большим упорством» [12. С. 71].

В 1970 году авторский коллектив (Ю.Д. Безногих, Л.П. Зиновьев, И.Б. Иссинский, Г.С. Казанский, А.И. Михайлов, В.И. Мороз, Н.И. Павлов, Г.П. Пучков) за работу ускорения дейтронов был удостоен премии ОИЯИ [13, С. 12].

Как же развивались события в Лаборатории после ускорения дейтронов и альфа-частиц? А дальше произошло непредвиденное — как только реально на синхрофазотроне были ускорены эти частицы, Балдин проявил большой интерес к ускорению в дальнейшем и более тяжелых ядер. То, что в апреле 1967 года было единогласно отвергнуто экспертной комиссией, Балдин, пользуясь своими полномочиями директора лаборатории и поддержкой директора ОИЯИ в то время Н.Н. Боголюбова, взял на вооружение для дальнейшего развития Лаборатории высоких энергий.

Хотя, собственно говоря, ничего удивительного в таком выборе не было. Когда все хорошо шло по ранее намеченному плану, зачем было отступать в сторону? Но когда вопреки плану группа энтузиастов сделала то, что открывало путь в со-

всем неизведанную область, почему этим не воспользоваться? В науке часто отдается предпочтение новому, хотя это вовсе не является залогом значительных открытий. Задачу получения интенсивности 10^{14} еще только предстояло решать в будущем, а здесь был готов путь, к которому уже раньше призывали такие известные ученые, как Пал, Флёрв, Дзелепов.

Ускорение многозарядных ионов на синхрофазотроне обещало сделать этот ускоритель уникальным. Открывались новые возможности в изучении ядерной физики, которые А.М. Балдин определил, как «изучение систем коллективных частиц, движущихся со скоростями, близкими к скорости света. При этом надо учитывать структуру этих частиц». По его мнению, в то время это была очень интересная и важная проблема теории [12]. Новое направление А.М. Балдин назвал релятивистской ядерной физикой (РЯФ). Оно было поддержано в первую очередь Г.Н. Флёрвым, а также Д.И. Блохинцевым, Б.М. Понтекорво, М.Г. Мещеряковым, В.П. Дзелеповым.

Поддержка Флёрвым особенно понятна — еще в бытность директором ЛВЭ И.В. Чувило Флёрв с Ю.Ц. Оганесяном приходили к нему с просьбой рассмотреть возможности ускорения на синхрофазотроне многозарядных ионов. Тогда же Оганесян пытался вдохновить на ускорение многозарядных ионов ускорительщиков Серпухова и Еревана, но тщетно [Частное сообщение Ю.Ц. Оганесяна]. Вряд ли Балдин, будучи первоначально противником ускорения дейтронов на синхрофазотроне по причине отсутствия у него интереса к физике релятивистских ядер, сам бы развернул Лабораторию в новом направлении, не имея такой мощной инициативы со стороны Флёрва. Да, несомненно, Георгий Николаевич Флёрв является главным инициатором целенаправленных исследований в области релятивистской ядерной физики. Сам А.М. Балдин и в своих работах, и в своих выступлениях не раз отмечал это. Например, в его отчетном докладе на XXXV сессии Учёного совета прозвучало, что «**релятивистские ядра, на что нас подвинул Флёрв** (*выделено — Л.З.*), имеют прямое отношение к физике частиц» [14, С. 41]. Однако официально имя Г.Н. Флёрва, как инициатора развития в Дубне релятивистской ядерной физики, не звучит. Например, в фундаментальной книге «Дубна — остров стабильности», выпущенной к 50-летию ОИЯИ в разделе «Релятивистская ядерная физика» [15, С. 173-189] имя Г.Н. Флёрва не упомянуто вообще!

Флёрв хотел, чтобы новое направление развивалось, и поэтому всячески помогал Балдину на первых порах, как идейно, так и материально. Например, он передал из своей лаборатории в ЛВЭ группу, возглавляемую Е.Д. Донцом, которая успешно занималась проблемой получения многозарядных ионов. Именно по совету Флёрва в отделе синхрофазотрона В.А. Мончинским был создан лазерный источник легких ядер.

Хочется обратить внимание на следующее. В «Вестнике Российской Академии Наук» [16, С. 687] и юбилейном сборнике, посвященном 70-летию А.Б. Балдина [17, С. 2], читаем: «По инициативе и под руководством А.М. Балдина в ОИЯИ возникло новое научное направление — релятивистская ядерная физика. Для развития экспериментальных исследований в этой области дубненский синхрофазотрон был преобразован в первый в мире ускоритель релятивистских ядер». Такая трактовка соответствует ситуации, когда телегу ставят впереди лошади. Ускоритель был преобразован не потому, что того требовало новое научное направление Балдина, а наоборот: сначала ускорительщики ускорили дейтроны до релятивистских скоростей, а потом Балдин как директор, стал думать, что же с этим делать.

Выше было сказано, что дейтроны были впервые ускорены на синхрофазотроне по предложению В.И. Мороза. Подробности этой работы В.И. Мороз описал в статье «Ускорение дейтонов на синхрофазотроне ОИЯИ» [9] (заметим, что дейтон и дейтрон — синонимы). Так как Балдин никакого участия в работе не принимал, то, естественно, в статье нет ни единого упоминания его фамилии. Однако, учитывая все-таки полученное его разрешение на завершение работы, он был поставлен соавтором в препринте [11]. А так как по алфавиту Балдин оказался первым, то дальше дело дошло до курьёза: в своих обзорных статьях по релятивистской ядерной физике [18, 19] он с лёгкостью пишет, что «ускорение дейтронов на дубненском синхрофазотроне показало, что принципиальных трудностей для получения пучков сложных ядер вплоть до релятивистских энергий нет». И при этом делает ссылку на упомянутый препринт [11] в общепринятой сокращённой форме следующим образом: «А.М. Балдин и др.». Чисто психологически у непосвященного читателя сразу складывается впечатление, что Балдин имеет самое непосредственное отношение к этой работе. Ему и в голову не может прийти, что и автор идеи В.И. Мороз, и все, кто осуществлял по-настоящему работу, находятся в «др.», а сам Балдин к работе не имеет прямого отношения. Более того, первоначально не поддержал её, посчитав неперспективной. В своих научных журнальных обзорах А.М. Балдин ни разу не упомянул никого из реальных участников этой работы.

В юбилейном сборнике, посвященном 75-летию А.М. Балдина [20], упомянутый препринт [11] репродуцируется без всяких комментариев, как одна из его основополагающих работ, сделанных в ЛВЭ!

Со временем роль В.И. Мороза в ускорении дейтронов в ОИЯИ официально предали полному забвению. Например, в книге «Дубна — остров стабильности», выпущенной к 50-летию ОИЯИ, читаем [15, С. 174]: «Академик А.М. Балдин, будучи директором ЛВЭ, ... возглавил создание нового направления — релятивистской ядерной физики (РЯФ).

В его статье «Масштабная инвариантность ...» [21] была высказана новая идея о возможности существования в ядрах коллективных эффектов...

Для проверки этой идеи на синхрофазотроне ЛВЭ были ускорены дейтроны и поставлен эксперимент по поиску коллективного эффекта в ядрах, который получил название «ядерный кумулятивный эффект».

Из этого текста по закону восприятия русского языка однозначно следует, что дейтроны были впервые ускорены на синхрофазотроне для проверки идеи Балдина о кумулятивном эффекте. Хотя, как было сказано выше, на самом деле, это не так!

До ускорения дейтронов на синхрофазотроне у А.М. Балдина не было ни одной(!) научной теоретической работы, ориентирующей физиков-экспериментаторов на релятивистскую ядерную физику. Теоретическая работа «Масштабная инвариантность...» [21], упомянутая выше, стала самой первой работой Балдина, связанной с этим направлением. Она появилась в январе 1971 года в сборнике «Краткие сообщения по физике», издаваемом ФИАН, то есть уже после успешного ускорения на синхрофазотроне дейтронов и альфа-частиц. Это та работа, в которой Балдин сделал предсказание кумулятивного эффекта, причём, зная уже о реальной возможности ускорения на синхрофазотроне альфа-частиц, то есть ядер гелия. Об этом свидетельствует фраза в работе: «...на дубненском синхрофазотроне, рассчитанном на получение протонов с энергией 10 ГэВ, можно получить ядра гелия с энергией 20 ГэВ...». Однако, что интересно, нет ссылки, на основании чего это написано! То есть, нет ссылки на первую основополагающую печатную работу по преобразова-

нию синхрофазотрона в ускоритель релятивистских ядер, где среди авторов нет фамилии Балдина [10]. А именно эта работа стала предвестником возникновения релятивистской ядерной физики.

В 1971 году кумулятивный эффект впервые был обнаружен в экспериментах на синхрофазотроне группой под руководством В.С. Ставинского [22].

Отношение к этому результату среди физиков далеко неоднозначное. Многие считают, что подобное явление, только при более низких энергиях (675 МэВ), уже наблюдалось в 1957 году в экспериментах на синхроциклотроне Лаборатории ядерных проблем (ЛЯП), проводимых группой под руководством М.Г. Мещерякова [23]. Именно поэтому профессор А.В. Ефремов считает, что у истоков релятивистской ядерной физики стоял М.Г. Мещеряков [24]. В своем мнении А.В. Ефремов далеко не одинок.

Достоверно известно, что в момент написания своей работы по масштабной инвариантности Балдин знал о работе группы Мещерякова, но почему-то не упомянул ее. Поэтому его предсказание могло считаться таковым лишь для случая наблюдения уже известного явления, но при других условиях, а не как предсказание какого-то принципиально нового явления. А так как значительная часть физиков считает, что суть явления, наблюдаемого в экспериментах групп Мещерякова и Ставинского, одна и та же, то понятно, почему результат экспериментов группы Мещерякова в 1979 году с приоритетом от 1.07.1957 был зарегистрирован открытием, а Ставинского — нет [25, С. 227].

В дальнейшем А.М. Балдину не раз указывали на прямую взаимосвязь между работами Ставинского и Мещерякова в том, что в обоих случаях наблюдался кумулятивный эффект. Он с этим не соглашался, но так ни разу и не выступил в печати с возражениями. Последователи Балдина продолжают игнорировать работу группы Мещерякова. Вопрос о взаимосвязи работ Мещерякова и Ставинского так и остаётся до сих пор открытым — пока нет работы, в которой бы чётко и ясно он был рассмотрен.

В начале 1970-х годов релятивистская ядерная физика только зарождалась, и её будущее было достаточно неопределённым. Но уже в 1973 году Балдин чётко выделил ряд проблем, которые должны были решаться новым направлением [26]:

1) исследование столкновений релятивистских ядер в связи с построением теории сильных взаимодействий;

2) изучение кумулятивного эффекта. Это было интересно с точки зрения повышения энергии частиц в ускорителях за счёт высокоэнергетических вторичных частиц. Однако в дальнейшем из-за малой их интенсивности от этой идеи отказались;

3) изучение прохождения релятивистских многозарядных частиц через вещество. Это интересно с точки зрения получения сведений о составе и природе космического излучения, о радиационной безопасности космонавтов и космических аппаратов;

4) исследования с помощью пучков релятивистских ядер ряда медико-биологических проблем, включая онкологию. (В то время такими исследованиями уже активно с 1971 года занимались в США на «Бэватроне» [Частное сообщение Ю.Ц. Оганесяна]).

Наряду с релятивистской ядерной физикой в ЛВЭ остались прежние основные направления: бинарные реакции, электромагнитная структура элементарных частиц,

множественное образование частиц, но уже к 1975 году новое направление стало лидирующим. Правда, с 1981 года лидерство перешло к спиновой физике, в которой в течение последующих двадцати лет были получены значительные результаты.

Нельзя сказать, что все единодушно приняли релятивистскую ядерную физику. Некоторые полагали, что переход к изучению релятивистской ядерной физики есть "сползание от физики частиц к ядерной физике" [14. С. 42]. Балдин же в течение первых нескольких лет упорно доказывал состоятельность нового направления и был убежден, что оно ещё себя покажет. Возражая скептикам, он говорил, во-первых, «очень трудно указать такую проблему физики элементарных частиц, которую нельзя было бы изучать с помощью релятивистских ядер. Во-вторых, хорошая ядерная физика много лучше плохой физики высоких энергий» [14. С. 42].

Для укрепления позиций нового направления Балдин организовал ежегодный международный семинар, который получил неофициальное название "Балдинская осень". После смерти Балдина в 2001 году этому семинару под названием «Релятивистская ядерная физика и квантовая хромодинамика» было присвоено имя А.М. Балдина. Сейчас он проводится один раз в два года. Релятивистской ядерной физикой начали заниматься в США, Франции, Японии.

При каждом удобном случае А.М. Балдин доказывал своим оппонентам положительный момент релятивистской ядерной физики — для целого ряда задач исследование столкновения релятивистских ядер на синхрофазотроне эквивалентно исследованию взаимодействий элементарных частиц при энергии 300 ГэВ. Такая точка зрения была убедительна не для всех. Разногласия по поводу релятивистской физики, на наш взгляд, правильно оценил Д.И. Блохинцев: «...дело, в конце концов, заключается не в том, какие ядра ставятся, а КТО смотрит на эти ядра и КТО думает о том, что там получается» [14. С. 60].

Возросший интерес к релятивистской ядерной физике благодаря первым успешным исследованиям в этой области на синхрофазотроне вдохновил Балдина на создание в ЛВЭ специального ускорителя многозарядных ионов — нуклотрона [26]. Его расположили в подвале здания, в котором находился синхрофазотрон. С точки зрения ускорения частиц в нуклотроне нет ничего нового — это известный тип циклического ускорителя с жесткой фокусировкой, предназначенный для ускорения ядер по методу, уже апробированному на синхрофазотроне. То, что в целях экономичности эксплуатации нуклотрона используются сверхпроводники, тоже нет ничего принципиально нового, так как к моменту предложения построить новый ускоритель, уже были известны работы, посвященные новым в то время ускорителям на сверхпроводниках, как в Советском Союзе, так и за границей [26].

Но в сравнении с синхрофазотроном конструкция вакуумной системы нуклотрона должна была обеспечить ускорение ядер вплоть до урана, в то время как вакуумная система синхрофазотрона не позволяла получать сколько-нибудь значимые интенсивности пучков ядер тяжелее неона [26].

В период создания нуклотрона о нём в Дубне много говорили в местных СМИ и в научных кругах — он должен был заменить синхрофазотрон с заметно лучшими характеристиками.

Физический пуск нуклотрона состоялся в 1993 году. Его создание шло с большим трудом — сначала в экономическом плане мешали перестроечные времена, потом постоянно были проблемы с интенсивностью и стабильностью работы.

В 1993 году при сообщении на 73-ей сессии Учёного совета ОИЯИ о пуске нуклотрона А.М. Балдин заявил, что «синхрофазотрон закроют, как только пучки

нуклотрона станут не хуже его пучков» [27. С. 56]. Почти 10 лет синхрофазотрон по существу вырочал коллектив ускорительщиков, работавших на нуклотроне. Однако на страничке ЛВЭ в интернете в тот период можно было прочитать: «С запуском и развитием нуклотрона в 90-х годах возникают качественно новые возможности для изучения свойств атомных ядер. Отечественная физика, наука стран-участниц ОИЯИ получила мощную основу для первоклассных исследований по физике сильных взаимодействий». Синхрофазотрон закрыли в 2002 году, хотя пучки нуклотрона так и не достигли его параметров. Первые несколько лет работы нуклотрона правда о нём хранилась, как военная тайна. Но потом уже открыто в докладах серьёзных конференций (например, доклад директора ОИЯИ А.Н. Сисакяна в 2007 году на конференции в Дубне, посвящённой 100-летию В.И. Векслера) стали говорить о его недостатках, особенно о маленькой интенсивности, что значительно затрудняло проводить физические эксперименты на должном уровне. Физики ностальгически вспоминали эксперименты на синхрофазотроне.

В 1997 году за цикл работ «Создание и развитие дубненского ускорительного комплекса «Синхрофазотрон — нуклотрон»; разработка и осуществление программы физических исследований по релятивистской ядерной физике» А.М. Балдин единолично был удостоен премии имени В.И. Векслера [25. С. 53]. Несколько слов о получении этой премии.

Довесок в виде «программы физических исследований» был здесь лишним, так как премия имени Векслера присуждается 4 марта один раз в три года, начиная с 1994 года, только за выдающиеся достижения в области ускорительной техники. Поэтому серьёзное обсуждение работы, представленной на премию, могло идти только в русле заслуг Балдина именно в отношении синхрофазотрона и нуклотрона. Состояние нуклотрона на момент представления к премии, как было показано выше, было отнюдь не премиальным. Заслуги Балдина в развитии синхрофазотрона были чётко прописаны в ходатайстве академика М.А. Маркова, которое было представлено им в Президиум Российской Академии наук для поддержания цикла работ Балдина [17. С. 26-27].

Из ходатайства узнаём, что «А.М. Балдин предложил (это закреплено соответствующими публикациями) реконструкцию ускорителя (синхрофазотрона — Л.З.), основанную на создании систем медленного вывода, развития систем инжекции... Под руководством А.М. Балдина синхрофазотрон был преобразован в первый в мире ускоритель релятивистских ядер...».

Посмотрим, каково же реальное участие Балдина в работах, перечисленных Марковым.

1) Создание нового инжектора (ЛУ-20). Работа была начата в 1964 году [28. С. 9]. В 1974 году её авторский коллектив (И.М. Баженова, Ю.Д. Безногих, М.А. Воеводин, Л.П. Зиновьев, И.И. Карпов, Л.Г. Макаров, В.А. Мончинский, В.А. Попов, И.Н. Семеновский, Ю.В. Смирнов) был удостоен премии ОИЯИ [13. С. 16].

2) Медленный вывод ускоренного пучка из синхрофазотрона. Работа была начата в 1967 году [29. С. 4]. В 1972 году её авторский коллектив (Б.В. Васишин, В.И. Волков, Л.П. Зиновьев, И.Б. Иссинский, С.В. Калёнов, Е.М. Кулакова, С.А. Новиков, Б.Д. Омельченко, Н.И. Павлов, В.Ф. Сиколенко) был удостоен премии ОИЯИ [13. С. 14].

3) Ускорение и вывод пучка дейтонов из синхрофазотрона, т.е. перевод синхрофазотрона из режима протонного ускорителя в режим ускорителя релятивист-

ских ядер. Работа была начата в 1967 году [10]. В 1970 году авторский коллектив (Ю.Д. Безногих, Л.П. Зиновьев, И.Б. Иссинский, Г.С. Казанский, А.И. Михайлов, В.И. Мороз, Н.И. Павлов, Г.П. Пучков) был удостоен премии ОИЯИ [13. С. 12].

В ходатайстве М.А. Маркова особенно поражает слово «предложил», так как из представленной выше информации о всех трёх работах хорошо видно, что все они были начаты до прихода Балдина в ЛВЭ и, хотя завершались уже в бытность его директором, но по программам, разработанным самими ускорительщиками без его участия. Это подтверждается и отсутствием имени Балдина в списке соавторов всех трёх работ, отмеченных премией. И что это за «соответствующие публикации», которых просто нет?!

Всеми работами по совершенствованию ускорителя непосредственно руководил начальник отдела синхрофазотрона Л.П. Зиновьев.

Как выяснилось позже, Балдин претендовал на премию дважды: в 1994 году и в 1997, делая, конечно, упор на нуклотрон. В 1994 году на премию были представлены три автора. Учитывая, что нуклотрон в то время, по существу, не работал, Балдин сходу был отклонен комиссией.

В 1997 году он вновь представил на премию тот же самый цикл. За прошедшие три года с 1994, дела на нуклотроне значительно не улучшились, и премию вновь не хотели давать, но в тот год Балдин оказался единственным претендентом и премию вопреки содержанию... дали.

С принятым курсом развития в ЛВЭ релятивистской ядерной физики утвержденный прежде курс на интенсивность 10^{14} протонов в импульсе был негласно отменен, а достигнутая интенсивность 10^{12} с новым инжектором ЛУ-20 и реализованный «медленный» вывод не только не противоречили новому курсу, а, наоборот, способствовали ему.

Что же касается экспериментов, предложенных в своё время Пневским, то они успешно были реализованы на ускорителе в ЦЕРН [30, 31].

В конце 2006 года нуклотрон, который таки не достиг проектных параметров, закрыли на несколько лет на реконструкцию в связи с новыми научными планами, потеснившими релятивистскую ядерную физику в Дубне.

В науке всегда влечёт неизведанное — кажется, вот именно сейчас откроется нечто неожиданное. Прошло более 40 лет с момента обсуждения судьбы синхрофазотрона в 1967 году. Было много надежд на путь, предлагаемый Пневским. Но ускорение на синхрофазотроне дейтронов поманило пойти другим путём. Сегодня налицо результаты обоих направлений — масса новых научных данных, но ни там, ни там, революционных открытий пока нет! Это с одной стороны. С другой, история ускорения многозарядных ионов на синхрофазотроне лишней раз ярко продемонстрировала, что экспертные оценки различных советов не являются гарантом успешного развития науки в том или ином направлении, о чём автор писала ранее [32] (см. Приложение).

Благодарность

Автор благодарит Е.В. Лобко, Е.Н. Шамаеву и С.В. Гетьман за помощь при работе с архивными документами, а также А.В. Беляева за техническую помощь при оформлении статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л.Л. Зиновьева

К вопросу о приоритетах в науке [32. С. 2]

В настоящее время при резком ограничении финансирования науки особенно остро стоит вопрос определения приоритета научных направлений. Недаром он занял одно из главных мест предвыборного доклада нового директора ОИЯИ А.Н. Сисакяна. В докладе было отмечено, что в своих решениях дирекция Института будет основываться на рекомендациях НТС, ПКК, Учёного совета.

Хочется заметить, что сложность вопроса состоит в том, что объективных критериев определения научных приоритетов нет и, похоже, не может быть вообще. При определении приоритета фундаментального исследования тем самым как бы придается значимость ещё неизвестным результатам, то есть налицо нонсенс. Тем более, хорошо известно, что многие открытия в науке делаются совершенно непредсказуемо. Так было, например, с открытиями радиоактивности, эффекта Вавилова-Черенкова, действительной части амплитуды упругого pp -рассеяния.

Казалось бы, для прикладных задач проблем с критерием определения приоритета нет, так как в них изначально формулируется конечный результат, и предпочтение отдается проектам, наиболее актуальным на данный момент. Однако и здесь есть свои подводные камни. Результат может быть очень привлекателен, но его реализация, по крайней мере, на рассматриваемый момент нереальна. Представьте себе задачу создания мобильного в 19-м веке. Полнейшая утопия! Это в лучшем случае — когда просто не подошло время для решения поставленной задачи. А в худшем, когда задача представляет собой своего рода «*regretuum mobile*», который не так-то просто распознать. Все это говорит о том, что опора на экспертные оценки различных советов не является панацеей от научных тупиков, с одной стороны, и не гарантирует учёт по-настоящему перспективных направлений, с другой.

Спрашивается, как же быть, особенно в отношении последних? Здесь единственным экспертом является время. Исторический путь развития науки свидетельствует, что жизнеспособные идеи, по каким-либо причинам отвергнутые как несостоятельные, рано или поздно обретают жизнь. Так, со временем восторжествовала «ересь» Джордано Бруно, были реабилитированы генетика и кибернетика, признали получение заменителя крови перфторана, оправдали «идеализм» в физике.

Все это говорит о том, что приоритеты приоритетами, а истинным двигателем науки является искренняя любовь к ней, убежденность исследователей в своей правоте. Именно эти категории, вместе взятые, всегда пробивают дорогу истине.

Литература

1. Стенограмма XIV сессии Учёного совета ОИЯИ, 1963 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 273.
2. Стенограмма XXI сессии Учёного совета ОИЯИ, 1967 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 507.
3. Стенограмма XV сессии Учёного совета ОИЯИ, 1964 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 319.
4. Грин Г. и Курант Э. Синхрофазотрон. // Ускорители. Сборник статей. Под ред. Б.Н. Яблокова. — М.: Госатомиздат, 1962. с. 560, С. 292—488.
5. Материалы XXII сессии Учёного совета ОИЯИ. Дубна. 1967 г. Архив ОИЯИ, ф.3, оп. 1, ед. хр. 510.

6. Стенограмма XXII сессии Учёного совета ОИЯИ, 1967 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 509.
7. Стенограмма XXV сессии Учёного совета ОИЯИ, 1969 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 643.
8. Стенограмма XXIII сессии Учёного совета ОИЯИ, 1968 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 573.
9. *Мороз В.И.* Ускорение дейтронов на синхрофазотроне ОИЯИ // «За коммунизм». 1971. 26 января. С.2.
10. *Безногих Ю.Д., Зиновьев Л.П., Казанский Г.С., Михайлов А.И., Мороз В.И., Павлов Н.И.* Об одном режиме ускорения **d** и **He** в синхрофазотроне ОИЯИ до импульсов 11 и 22 Гэ/С соответственно. // Препринт ОИЯИ, P9-4214, Дубна, 1968
11. *Балдин А.М., Безногих Ю.Д., Зиновьев Л.П., Иссинский И.Б., Казанский Г.С., Михайлов А.И., Мороз В.И., Павлов Н.И., Пучков Г.П.* Ускорение и вывод дейтронов из синхрофазотрона ОИЯИ. // Препринт ОИЯИ P9-5442, Дубна, 1970.
12. Стенограмма XXIX сессии Учёного совета ОИЯИ, 1969 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 731.
13. Премии Объединённого института ядерных исследований. Сборник. Дубна.: изд-во ОИЯИ, 1996. с. 59.
14. Стенограмма XXXV сессии Учёного совета ОИЯИ, 1974 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 1072.
15. Дубна — остров стабильности. Очерки по истории Объединённого института ядерных исследований (1956-2006 гг.) / Под общ. ред. В.Г. Кадышевского, А.Н. Сисакяна, Ц. Вылова. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2006. 643 с.
16. «Вестник Российской Академии наук», том 76, номер 8, 1997.
17. Академик А.М. Балдин. Юбилейный сборник к 70-летию со дня рождения. Дубна.: ОИЯИ, 1996. с. 140.
18. *Балдин А.М.* Физика релятивистских ядер. // Природа. 1976. № 10. С. 46—58.
19. *Балдин А.М.* Физика релятивистских ядер. // ЭЧАЯ. 1977. Т. 8, вып. 3. С. 429—477.
20. Академик А.М. Балдин. Юбилейный сборник к 75-летию А.М. Балдина. Дубна.: ОИЯИ, 2001. 257 с.
21. *Балдин А.М.* Масштабная инвариантность адронных столкновений и возможность получения пучков частиц высоких энергий при релятивистском ускорении многозарядных ионов. // ФИАН. Краткие сообщения по физике. 1971, №1, С. 35—39.
22. *Балдин А.М., Гиордэнеску Н., Зубарев В.Н., Кириллов А.Д., Кузнецов В.А., Мороз Н.С., Радоманов В.Б., Рамжин В.Н., Свиридов В.А., Ставинский В.С., Якута М.И.* Наблюдение пионов высокой энергии при столкновении релятивистских дейтронов с ядрами. // Препринт ОИЯИ P1 — 5819, Дубна, 1971.
23. *Ажгирей Л.С., Взоров И.К., Зрелов В.П., Мещеряков М.Г., Неганов Б.С., Шабудин А.Ф.* Выбывание дейтронов из ядер Li, Be, C и O протонами с энергией 675 MeV. // ЖЭТФ, 1957, т.33, вып. 5(11), С.1185-1195.
24. *Ефремов А.В.* Михаил Григорьевич и релятивистская ядерная физика // Михаил Григорьевич Мещеряков: К 100-летию со дня рождения / Под общ. ред. Р.Г. Позе, Е.М. Молчанова; Сост. Т.А. Стриж. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Дубна: ОИЯИ, 2010. 403 с., 53 с. фото. С. 193-195.
25. *Шафранова М.Г.* Объединённый институт ядерных исследований: Информационно-биографический справочник. — изд. 2-е, М.: ФИЗМАТЛИТ, 2002. 288с.

26. *Алексеев В.П., Балдин А.М., Безногих Ю.Д. и др.* Перспективы исследований по релятивистской ядерной физике в ЛВЭ ОИЯИ (Соображения по развитию ускорительного комплекса). // Сообщения ОИЯИ, 9-7148, Дубна, ОИЯИ, 1973.
27. Стенограмма 73 сессии Учёного совета ОИЯИ, 1993 г. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 3342.
28. Краткий отчёт о деятельности Объединённого института ядерных исследований за 1964 г. Архив ОИЯИ, ф.3, оп.1, ед. хр. 344, с. 60.
29. Краткий отчёт Объединённого института ядерных исследований о научной деятельности в 1967 году. Архив ОИЯИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 543, с. 22.
30. *Faessler M.A., Heinzelman G., Kilian K., Lynen U., Piekarz H., Piekarz J., Pietrzyk B., Povh B., Ritter H.G., Schurlein B., Siebert H.W., Soergel V., Wagner A. and Walenta A.H.* Spectroscopy of the hypernucleus ^{12}C . // *Phys. Lett.* 46B(1973)468.
31. *Bruckner W., Faesler M.A., Kilian K., Lynen U., Pietrzyk B., Povh B., Ritter H.G., Schurlein B., Schroder H. and Walenta A.H.* Hypercharge exchange reactions on nuclei // *Phys. Lett.* 1975. V.55B. P.107.
32. *Зиновьева Л.Л.* К вопросу о приоритетах в науке // «Дубна». 2005. №20. С. 2.

Владимир Фромер

СМЕРТЬ и БЕССМЕРТИЕ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Шаламов считал одиночество оптимальным состоянием человека: «Идеальная цифра — единица. Помощь единице оказывает Бог, идея, вера». Впрочем, после Колымы и Освенцима сам он в Бога не очень-то верил. Ощущение того, что одиночеству всегда, даже при идеальных формах совместной жизни, наносится ущерб, он уже не мог преодолеть. Его прекрасная дама и многолетний друг Ирина Сиротинская в своих воспоминаниях создала портрет целеустремленного необычайного человека, душа которого соткана из противоречивых, но неотделимых друг от друга черт.

Каким он был? «Большой сильный мужчина, поэт, тонко чувствующий сокровенные вещи мира; начитанный, любознательный человек с многосторонним и интересами; эгоцентрик, стремящийся к славе; инвалид с неизлечимо истерзанной душой; самоотверженный, беззаветно преданный друг; мальчик, тоскующий по теплу и заботе».

Зимы Шаламов не любил не только оттого, что в эту пору года часто простужался и болел. Зимой его дважды арестовывали. В первый раз — 19 февраля 1929-го. Во второй — в ночь с 11 на 12 января 1937-го. К счастью, его не забили до смерти в кабинетах следователей, не расстреляли в подвалах Лубянки. Его всего лишь отправили на Колыму, где «двенадцать месяцев зима, а остальные лето».

И убили Шаламова зимой. Врачи-клятвопреступники обнаружили у него демэнцию. 14 января 1982-го рослые санитары явились в «Пансионат для ветеранов труда», где страдалец нашел свой последний приют, сорвали с беспомощного слепого и глухого старика казенную пижаму и потащили к машине. Напрасно он кричал и бился, как в припадке падучей. Не без труда втиснули его в машину и повезли в психушку на другом конце города - раздетого, в сильный мороз. На место его доставили уже с крупозным воспалением легких. Три дня он задыхался в агонии. 17-го января сердце, вмещавшее столь многое, перестало биться. Колыма все же настигла свою жертву.

Всю свою мощь использовало самое несправедливое в мире государство, чтобы убить этого человека, но сумело уничтожить лишь иссохшее старческое тело. Победила же в этой схватке алмазная твердость его души. Он успел написать свою великую книгу.

Двадцать лет в общей сложности провел этот Иов в таких местах, по сравнению с которыми данговский ад выглядит наивной сказкой. Разве не чудо, что он выжил, вышел на свет божий и вернулся в Москву, где на целых двадцать лет стал летописцем Колымы? За двадцать лет мучений ему подарили двадцать лет нормальной жизни. На каждый год страданий пришлось по году творчества. Тот, чье имя нельзя поминать всуе, позаботился о том, чтобы он написал свою книгу. Но линия его судьбы шла по трагическому лекалу.

В 1976 году от него ушла Ирина Сиротинская, — его муза, его Беатриче, его преданный друг. Десять лет она находилась рядом с ним, и это были самые счастливые годы в его жизни. При ней создавался колымский эпос. Она сопровождала его в странствиях по кругам колымского ада, когда он писал свои рассказы. Но у нее был любящий муж, четверо обожаемых детей, и она устала метаться между двумя полюсами. А здоровье Шаламова слабело, ему нужна была женщина, которая целиком посвятила бы ему свою жизнь. Ирина полагала, что с ее уходом такая женщина появится. Увы, этого не произошло. Он остался совсем один. Здоровье ухудшалось, жить и работать становилось все труднее. Долгое заключение на Колыме, холод и побои привели к тому, что он заболел болезнью Меньера, — так называется необратимое расстройство вестибулярного аппарата. Постепенно усиливались симптомы этой страшной болезни — головокружение, утрата равновесия, потеря слуха и зрения, постоянный шум в ушах.

Все это не могло не сказаться на его характере, который и раньше-то не был легким. Пелена одиночества все сильнее окутывала его. Он все глубже уходил в себя. Разучился улыбаться. Почти перестал общаться с людьми. Старался как можно реже покидать дом. В 70-е годы его еще встречали на Тверской, куда он выходил за продуктами из своей коморки. Выглядел он ужасно, с трудом волочил ноги по холодному асфальту. Они подгибались под ним так, точно были из ваты. Земля то и дело уходила из-под них, его шатало, как пьяного, он часто падал. Его и принимали за пьяного, хотя Шаламов, спиртного в рот не брал. Поэтому он стал носить с собой справку о своей болезни (сегодня эта справка находится в музее Шаламова в Вологде)

В 1979 году Шаламов, собираясь в свой последний приют, позвонил Ирине и попросил взять к себе его архив, который, пользуясь его беспомощным состоянием, потихоньку начали разворовывать. Она взяла и после его смерти посвятила всю свою дальнейшую жизнь увековечению его памяти.

В феврале 1972 года «Литературная газета» опубликовала открытое письмо Шаламова, в котором он протестовал против публикаций колымских рассказов в эмигрантской прессе и попыток навесить на него ярлык «антисоветского подпольного автора». Главным же для Шаламова было то, что его рассказы вырывали из контекста и печатали гомеопатическими дозами, искажая внутреннюю композицию книги и замысел автора. Да, Шаламов написал в своем письме, что проблематика «Колымских рассказов» снята жизнью, но это был акт отчаяния. К такому шагу его вынудили тяжелые житейские обстоятельства. В издательстве лежал уже набранный тоненький сборник его стихов, и, не напиши Шаламов этого письма, он так бы и не вышел в свет. Для Шаламова речь шла не о славе, а о выживании - ничтожной пенсии явно не хватало на жизнь.

Впрочем, Шаламов не считал свое письмо в «Литературку» слабостью или ошибкой. Вот что он сам написал об этом: «Смешно думать, что от меня можно добиться какой-то подписи. Под пистолетом... Мне надоело причисление меня к «человечеству», непрерывная спекуляция моим именем: меня останавливают на улице, жмут руки и так далее...».

Фрондирующая московская либеральная публика хотела видеть его, тяжелобольного человека, героическим борцом против режима. Эту публику Шаламов глубоко презирал. Она, неспособная на какой-либо мужественный поступок, осудила его за якобы недостаточное мужество. Он записал в дневнике: «Они затолкают меня в яму, а сами будут писать петиции в ООН».

К осуждающему Шаламову хору присоединился и Солженицын, который дал по нему залп в своей книге «Бодался теленок с дубом». «Варлам Шаламов умер», — припечатал он, хотя Шаламов был еще жив и ходил по московским улицам.

Вот как откликнулся сам Шаламов на попытку Солженицына преждевременно его похоронить:

«Г-н Солженицын, я охотно принимаю Вашу похоронную шутку насчет моей смерти. С важным чувством и с гордостью считаю себя первой жертвой холодной войны, павшей от Вашей руки... Я знаю точно, что Пастернак был жертвой холодной войны. Вы ее орудием». Впрочем, это письмо Шаламов так и не отправил, решив, по-видимому, что слишком много чести.

Суть проблемы взаимоотношений двух писателей — лагерников заключается в том, что Шаламов и Солженицын несовместимы ни по каким параметрам. У них разный жизненный и лагерный опыт и разное представление о художественности в литературе и искусстве. И принадлежат они разным поколениям.

Родившийся в 1918 году Солженицын о революции знал только из книг. У Шаламова революция и гражданская война совпали с детством и отрочеством. Он их «порами впитал». В отличие от Солженицына, Шаламов считал себя только художником и не терпел политики. Его даже нельзя назвать антисоветчиком. Он полагал, что советская система может эволюционировать наподобие кигайской, и предупреждал, что ее бездумное разрушение приведет к трагическим последствиям. Как мы теперь знаем, именно это и произошло.

Солженицын с фанатичным упорством стремился представить всю историю советского периода как «черную дыру». Его неистовый фанатизм способствовал уничтожению тех «духовных скрепов», которые могли направить общество на гораздо менее разрушительный путь. Его успех на Западе основан именно на этом.

Солженицын — великий стратег и тактик.

Шаламов — великий писатель, Пимен того страшного мира, в котором он волею судьбы оказался.

Существует еще один немаловажный аспект, определивший их отношения. Шаламов считал, что после Колымы толстовские морализаторские тенденции в литературе должны исчезнуть. Толстого он винил в том, что тот заставил русскую литературу свернуть с пути Пушкина и Гоголя и двигаться в губительном для нее направлении. В своих письмах Шаламов писал: «Искусство лишено права на проповедь».

...Несчастье русской литературы в том, что она лезет не в свои дела, ломает чужие судьбы, высказывается по вопросам, в которых она ничего не понимает».

И о Солженицыне: «Он (Солженицын) весь в литературных мотивах классики второй половины 19 века. Все, кто следует толстовским заветам, — обманщики». Шаламов полагал, что «возвратиться может любой ад, увы!», потому что российское общество не сделало выводов из кровавой истории страны в 20-м веке, не поняло преподанный ему «урок обнажения звериного начала при самых гуманистических концепциях».

Разрыву отношений между двумя писателями предшествовал отказ Шаламова стать соавтором «Архипелага». Он хотел сказать свое слово в русской прозе,

а не выступать в тени человека, которого с течением времени стал считать дельцом, графоманом и расчетливым политиканом.

Таланта Солженицына никто не отрицает. Но, как говорила умница Раневская «талант, как прыщ, может вскочить на любой заднице».

Шаламов писал правду, какой ее видел и чувствовал. Солженицын, следуя своей политической стратегии, часто довольствовался полуправдой, ловко акцентируя одни факты и замалчивая другие.

Его ГУЛАГ — это общая часть советской системы. ГУЛАГ Шаламова — подземный ад, некрополь, жизнь после жизни.

Конечно, Шаламов не знал тогда, что Солженицын в лагере не бедствовал. Чтобы избежать отправки на Колыму, он стал стукачом по кличке Ветров. Каким-то чудом сохранилось его донесение «куму» о готовящемся побеге заключенных. Сколько таких доносов было, мы не знаем. Оберегающая его рука их уничтожила. На случай, если органы пойдут на разглашение его подлости, Солженицын сам написал об этом во втором томе «Архипелага».

Но это еще не все. После своего ареста Солженицын без всяких попыток, после того, как следователь постучал кулаком по столу, дал обширные показания против своих самых близких друзей — Кирилла Симоняна и Николая Витковского. Выйдя на волю, он написал Кириллу: «Утопя, я обрызгал тебя, стоящего на берегу». Этой красивой фразой он как бы оправдывал свое предательство.

В 1952 году Симоняна вызвал следователь и дал прочитать толстую тетрадь — целых 52 страницы, — исписанные мелким, хорошо знакомым Кириллу почерком его лучшего друга Сани Солженицына.

«Силы небесные, — воскликнул Симонян, — на каждой странице описывается, как я настроен против советской власти и как его самого склонял к этому».

Николай Виткевич тоже читал солженицынские показания против себя и был потрясен до глубины души. «Я не верил своим глазам», — говорил он впоследствии.

И вот такой человек считался почти пророком и эталоном нравственности и благородства!

Ну, можно ли представить Варлама Шаламова в роли лагерного стукача, предавшего своих друзей? Да ни за что на свете.

Я одного не понимаю: почему КГБ, разыгрывая свою партию с Солженицыным, не использовал такую козырную карту, как обнаружение информации о том, что «великий борец стоталитарным режимом» и «образец гражданского мужества» был обыкновенным стукачом. Это сразу уничтожило бы его репутацию и в России, и на Западе. Страшно подумать, но возникает вопрос: не был ли этот человек частью какого-то сверхсекретного проекта КГБ? Тайна сия велика есть. Кто знает, может, когда-нибудь она и раскроется, а пока приходится в бессилии отступить.

Платонов, Шаламов и Домбровский принадлежат к числу самых крупных писателей XX века. И Платонов, и Шаламов описывают мир, в котором чрезвычайный накал жестокости выглядит будничным, обыкновенным. Однако по всем другим параметрам эти два великих мастера не совпадают. Платонов раскрывает быт и душу своих героев во всей глубине, а Шаламов изображает своих персонажей

отстраненно, с позиции летописца. Платонов заставляет читателя отождествлять себя даже с убийцами, а Шаламов обнажает запредельную метафизическую сущность зла, от которого лучше держаться подальше.

Домбровский — брат Шаламова по судьбе. Он тоже провел 17 лет в колымских лагерях. Им обоим довелось спуститься на самое дно колымского ада. Они знали цену друг другу. «Лучшая вещь о тридцать седьмом годе», - сказал скупой на похвалы Шаламов, прочитав «Хранителя древностей»

«Тащитовская лапидарность и мощь», - отозвался о «Колымских рассказах» Домбровский.

«В лагерной прозе Шаламов — первый, я — второй, Солженицын — третий», — сказал он своему другу-скульптору, бывшему лагернику Федоту Сучкову. Эти слова мастера о мастере многого стоят. В изумительной прозе Юрия Домбровского почти ничего не говорится о лагерях. Зато в его поэзии лагерная тема занимает главное место.

Нелюди, убившие Шаламова, убили и Домбровского.

Хрущевская оттепель сменилась изморозью. Трупные воды ГУЛАГа превратились в ледяную коросту. Инакомыслящих стали редко отправлять в лагерь. Их сажали в тюрьмы и психушки. Особо неудобных режиму убивали в камерах руками уголовников, жестоко избивали на улицах, в парадных, в автобусах — да где угодно.

Именно это и произошло с Домбровским после выхода в Париже романа «Факультет ненужных вещей». Его стали травить с гебистской изощренностью. За ним следили, ему угрожали по телефону. Его били железным прутком, раздробили руку. Его выбросили из автобуса. И, наконец, его смертельно избили в Центральном доме литераторов в мае 1978 года. Домбровский давно не бывал там, а тут пошел — поделиться радостью: ему ведь привезли из Парижа экземпляр его книги! Он был так счастлив!

В фойе ресторана на него напали четверо отморожков. Это был последний бой старого лагерника, и он, семидесятилетний старик, дрался отчаянно. Одного уложил, но силы были неравны. От полученных травм Домбровский уже не оправился: он умер от внутреннего кровоизлияния.

А тем временем началось триумфальное шествие по планете его книги. Роман получил престижную премию «Лучшая иностранная книга года». Был переведен на несколько языков. Вот как охарактеризовал «Факультет» его французский переводчик Жан Катала: «В потоке литературы о сталинизме эта необыкновенная книга, тревожная и огромная, как грозовое небо над казахской степью, прочерченное блестящими молниями, возможно, и есть тот шедевр, над которым не властно время».

Когда Данте проходил по улицам Вероны, прохожие от него шарахались. Им казалось, что они видят на его лице отблеска адского пламени. Но Данте побывал в виртуальном аду, а Шаламов — в настоящем. Он говорил о себе: «Я не Орфей, спустившийся в ад, а Плутон, поднявшийся из него».

Читать «Колымские рассказы» — большое умственное и эмоциональное напряжение, требующее не только сопереживания, но и переосмысления многих устоявшихся понятий.

«Своим искусством он преодолевал зло, — мировое зло, — отметила Ирина Сиротинская в своих воспоминаниях. — Он не зря говорил, что символы зла — это Освенцим Хиросима и Колыма». ... И думал только о том, чтобы оставить свою

зарубку, — как в лесу делают зарубки, чтобы не заблудиться. Как напоминание о том, что при определенных условиях человек может абсолютно отречься от добра и превратиться в ... подопытного кролика. Зарубки на память всему человечеству».

Семнадцать лет лагерей и литературное изгойство не сломали его, а лишь превратили в стойка, нетерпимого к малейшей фальши, неискренности, жажде роскоши и мирских благ. Обычные человеческие критерии неприменимы к его уникальной судьбе. Шаламов редко привязывался к людям, но допускал к себе тех, кто соответствовал его жизненному ритму. Это был акт величайшего доверия с его стороны. Скрытный и одинокий, суровый и бескомпромиссный, он не прощал слабостей никому — даже самым близким. Почувствовав запах фальши, без колебаний рвал с такими соратниками, как Александр Солженицын или Надежда Мандельштам, несмотря на то, что высоко оценивал их работы о разгуле террора в русской истории XX века.

Нелегкие отношения складывались у него и с женщинами. Брак с Галиной Гудзь, долгие годы бывшей его верной подругой, распался. Его второй брак с писательницей Ольгой Неклюдовой, хоть и продолжался почти десять лет, тоже подошел к концу. «Лагерь был причиной того, — бесстрастно отметил он, — что женщины не играли в моей жизни большой роли».

Из документальных статистических данных, опубликованных этнографом Шапошниковым, нам известно, что в 1892 году в России существовало 11 каторжных тюрем и острогов, в которых содержались 5 335 заключенных, в том числе 369 женщин. Ну, как тут не задохнуться от негодования? Это же надо, до какого изуверства дошел царский режим! Видно, не зря либеральная интеллигенция считала царскую Россию тюрьмой народов!

В царской России не было лагерей и, естественно, не существовало лагерной прозы. Зато была «каторжная проза», зачинателем которой был Достоевский с его «Записками из мертвого дома». Но она, конечно, несравнима ни по масштабам, ни по поэтике с лагерной прозой советского и постсоветского времени, которая также прочно вошла в литературу как проза деревенская и военная. Свидетельства восставших из мертвых очевидцев потрясали читателя обнаженной выстраданной правдой, предельной искренностью. Возникновение такой прозы — уникальное явление в мировой литературе. Эта проза появилась благодаря стремлению осмыслить итоги грандиозного по уникальности и масштабам геноцида, который стал делом России на протяжении всего этого столетия.

Лагерная проза, многогранная и многоликая, имеет свои специфические особенности. Она самостоятельный архипелаг в океане российской прозы, в котором и огромные острова, и мелкие островки объединены в единый художественно — тематический массив. Но вершина лагерной прозы — это, конечно, «Колымские рассказы Шаламова».

У Стругацких в «Пикнике на обочине» рассказывается о некоей субстанции, которая пожират абсолютно все. Называется она «Ведьмин студень». Рассказы Шаламова и есть такой «ведьмин студень» Они стирают в порошок прежние литературные традиции, основанные на поучительности, жизнерадостности и литературных условностях. Шаламовская проза — это зеркало, запечатлевшее процесс

расчеловечения нашего мира, который, к сожалению, продолжается с возрастающей силой. Шаламов не эстетизировал бесчеловечность. Он просто хотел, чтобы люди реально, а не литературно-отвлеченно почувствовали, что это такое.

Шаламов — реалист. Но лагерная действительность, в которой он оказался, сюрреалистична. Вот этот сплав реализма и сюрреализма и придает особый колорит его прозе. Глубочайший смысл творчества Шаламова в том, что всей художественной тканью его произведений он отстаивает великую ценность каждой человеческой жизни, потому что она также уникальна и неповторима, как великие творения искусства. Убийство любого человека есть злодеяние, которому нет прощения, и цель жизни — в самой жизни!

«Колымские рассказы» состоят из шести циклов: собственно «Колымские рассказы», «Артист лопаты», «Левый берег», «Очерки преступного мира», «Воскрешение лиственницы», «Перчатки, или КР-2». На создание этой грандиозной эпопеи ушло 20 лет (1953-1973). Гигантская архитектоника «Колымских рассказов» являет собой высоко - художественное и историко-философское исследование такого иррационального явления, как мир Колымы, находящийся вне области человеческих чувств. В этом мире не существует ни правды, ни лжи, ни веры, ни идеологии. Это мир смерти и духовного растрепания. Впрочем, смерть у Шаламова гораздо предпочтительнее жизни. Смерть — это конец страданий, а жизнь — мука бесконечная. Такой муке не в состоянии выдержать человек, и рано или поздно он превращается в бездуховный материал, наподобие камня или дерева, с которым можно сотворить, что угодно. Напрасно мы стали бы искать в произведениях Шаламова психологию и характеры. Не до них, когда все силы человека уходят на борьбу за выживание. Какая уж психология может быть у живых скелетов с потрескавшейся от мороза кожей, с высохшим мозгом и отмороженными, потерявшими чувствительность, пальцами. Лишь инстинкт выживания еще срабатывает, хоть и не ясно, имеет ли смысл выживать в мире, где обитают живые мертвецы.

Этот инстинкт выживания Шаламов исследует в рассказе «Тифозный карантин»: «Он будет выполнять желания своего тела — то, что ему рассказало тело на золотом приiske», - так описывается в рассказе поведение автобиографического героя Андреева. — На приiske он проиграл битву, но это была не последняя битва. Он - шлак, выброшенный с прииска... Его обманула семья, обманула страна. Любовь, энергия, способности — все было растоптано, разбито. Все оправдания, которые искал мозг, были фальшивы, ложны, и Андреев это понимал. Только разбуженный прииском звериный инстинкт мог подсказать и подсказывал выход».

Герои рассказов Шаламова — люди без биографии, без прошлого и без будущего. Лагерь низводит человека до уровня животного, до полного затмения чувств. Иными словами, в «Колымских рассказах» чувства и мышления гаснут в человеке и поэтому описываются на уровне физиологических процессов.

«Никогда я не задумался ни одной длительной мыслью, — вспоминает Шаламов о собственном жизненном опыте, - попытка сделать это причиняла прямо физическую боль ... Я думал обо всем покорно, тупо. Эта нравственная и духовная тупость имела одну хорошую сторону: я не боялся смерти и спокойно думал о ней. Больше, чем мысль о смерти, меня занимала мысль об обеде, о холоде, о тяжести работы — словом, мысль о жизни. Да и мысль ли это была? Это было какое-то инстинктивное примитивное мышление».

Великое мастерство Шаламова заключается в том, что он вынуждает читателя ассоциировать себя не с автором, а с заключенным, вместе которым он оказывается

в замкнутом пространстве рассказа, как в тюремной камере. Шаламов показывает, что лагерь — это не отдельная изолированная часть мироздания, а слепок со всего бесчеловечного общества в целом. (Как это сочетается с предыдущим: Его (Солженицына) ГУЛАГ — это общая часть советской системы. ГУЛАГ Шаламова — подземный ад, некрополь, жизнь после жизни?)

«В нем (лагере) нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве социальном и духовном. Лагерные идеи только повторяют переданные по приказу начальства идеи воли. Ни одно общественное движение, кампания, малейший поворот на воле не остаются без немедленного отражения, следа в лагере. Лагерь отражает не только борьбу политических клик, сменяющих друг друга у власти, но культуру этих людей, их тайные стремления, вкусы, желания».

Рассказы Шаламова обычно коротки — три-четыре страницы. Автор до (взрывчатого?) предела сжимает повествование, ибо у боли есть свой порог. Нельзя долго длить в памяти такие картины, ибо онемеют и чувства, и воображение.

Ирина Сиротинская пишет: «Рассказы В.Т. Шаламова связаны неразрывным единством: это судьба, душа, мысли самого автора. Это ветки единого дерева, ручьи единого творческого потока. Сюжет одного рассказа прорастает в другой рассказ... В этой трагической эпопеи нет вымысла. Автор считает, что рассказ об этом запредельном мире несовместим с вымыслом и должен быть написан иным языком. Но не языком психологической прозы XIX-го века, уже не адекватном миру века XX-го, веку, Хиросимы и концлагерей».

Отчего все-таки проза Шаламова так бережит душу? Дело, по-видимому, в полной свободе авторского взгляда и стиля и в той немислимой высоте, на которую поднято его эпическое полотно.

Эстер Пастернак

"ЗА ЭТУ КОМНАТУ ИСКУССТВ..."

О поэзии Леонида Аронзона

"Время — колодец глубины несказанной"

Т. Манн

Я проживу, прокричу, словно осени птица,
низко кружась, все на веру приму, кроме смерти...

Леонид Аронзон

Смерть невозможно принять на веру, если тебе уготована "метафорическая вечность". *"О неметафорической вечности мы ничего не знаем"*¹.

Всё остаётся, осталось и, вытянув шею,
кони плывут и плывут, окунаются в травы,
черные пиццы снуют надо мной, как мишени.

Он был прав, все остается. Х.Н. Бялик, вспоминая свои первые детские озарения, сравнивает их с росой на травах. Поэзия Леонида Аронзона замешана на росе. Ночью безвкусная, на рассвете роса становится сладкой и прозрачной, испаряясь с первым лучиком солнца. Ночная роса это — рассеяние, а в рассветных каплях переливается свет спасения.

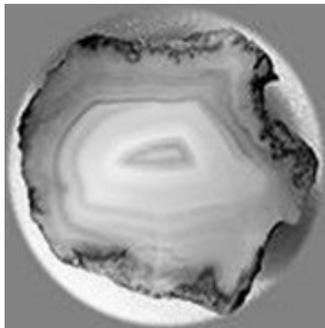
Леонид Аронзон с автопортретом

И медленен, как колокол, покой,
распластанный по выгнутым озерам,
но, не достав до родины рукой,

я прижимаюсь к мертвому простору
ночных полей. Как брошенный сосуд,
гудят поля далекими пирами,
и нища речь, и бык, застывший камень,
лежит в траве, уставившись в росу.

На утреннюю росу поэзии Аронсона уставился бык, символ праведного Иосифа. Аронзон — сын Аарона. Может быть, был он из рода первосвященника? Мне не известно. Но я знаю — он был поэтом. Был и остался. Поэзия его, как устная формула души, находящейся в письменном сосуде. Сосуд настолько хрупок, что каждую минуту грозит расколоться на части — жизнь, любовь, поэзия, смерть, жизнь. Первосвященник Аарон носил нагрудный жилет с 12-тью драгоценными камнями, — авней хошен. Каждое племя имело свой камень. Камень агат относился к племени Леви, из которого происходил первосвященник Аарон. Из 12-ти драгоценных камней, поэзия — белый агат.

2

Боже мой, как всё красиво!
Всякий раз — как никогда.
Нет в прекрасном перерыва,
отвернуться б, но куда?
Оттого, что он речной,
ветер трепетно прохладен.
Никакого мира сзади —
всё, что есть — передо мной.

В поэзии Аронсона ярко высвечено эмоциональное доверие и непритворная любовь к живой красоте мира, созданного Творцом.

Марсель Пруст говорил о "порождении иного я", в котором линейаризация подготавливает явление музыки, а последняя ничем не мотивируется, кроме пространства. Вот тебе небесная ширь, вот — сады, вот — обнаженное море, (вода — это всегда обнажение). Слаящееся письмо предстает переплетением пространства и звука, а особая внутренняя акустика речи, образует линейность текста.

По взморью Рижскому, по отмелям,
ступал по топкому песку,
у берегов качался с лодками,
пустыми лодками искусств,
а после шел, сандали прыгали,

на пояс вдетые цепочкой,
когда мы встретились за Ригою
как будто бы на ставке очной,
без изумления любовников,
ощепенения при встрече,
сарая ветошная кровля
дождем играла: чет и нечет,
и мы слонялись по сараю,
гадая: знаешь или нет,
и наша жизнь, уже вторая,
казалась лишнею вдвойне,
а море волны не докатывало,
и был фонарь похож на куст,
и наша жизнь была лишь платою
за эту комнату искусств.

Поэтическая речь Аронсона разворачивается и доходит до истока. Всюду, где есть поиск истока — есть память, и письмо выходит на след, входит в необщий строй и утверждает себя. А истоки бывают разные. И устья тоже...

Красавица, богиня, ангел мой,
исток и устье всех моих раздумий,
ты летом мне ручей, ты мне огонь зимой,
я счастлив оттого, что я не умер
до той весны, когда моим очам
предстала ты внезапной красоюю.
Я знал тебя блудницей и святою,
любя все то, что я в тебе узнал.

Отождествляя собой детское дыхание (не случайно он писал стихи для детей), — чистое и невинное, — поэзия Аронсона вся — отношение к невестественному миру через непосредственное проживание в мире материальном, она — первичный смысл творчества — наследие любви.

Утро

Каждый легок и мал, кто взошел на вершину холма.
Как и легок и мал он, венчая вершину лесного холма!
Чей там взмах, чья душа или это молитва сама?
Нас в детей обращает вершина лесного холма!
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
и вершину холма украшает нагое дитя!
Если это дитя, кто вознес его так высоко?
Детской кровью испачканы стебли песчаных осок.
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о рае венчает вершину холма!
Не младенец, но ангел венчает вершину холма,
то не кровь на осоке, а в травах разросшийся мак!
Кто бы ни был, дитя или ангел, холмов этих пленник,
нас вершина холма заставляет упасть на колени,

на вершине холма опускаешься вдруг на колени!
Не дитя там — душа, заключенная в детскую плоть,
не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом Господь.
Листья дальних деревьев, как мелкая рыба в сетях,
посмотри на вершины: на каждой играет дитя!
Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!
Это память о Боге венчает вершину холма!

Что это за холм? О каком восхождении говорит поэт? Стихотворение несколько мистично. Иерусалим стоит на семи холмах. И если прислушаться к поэту, то на вершинах холмов находятся или небесный ангел или земное дитя. По Аронзону это одно и то же. Но зачем они там? Что это за встреча в поднебесье? Книга "Бытие" рассказывает о происхождении человека. В "Мидраш раба", сборнике толкований Торы, говорится, что Господь, решив создать человека, посоветовался с ангелами, и эта идея им не понравилась. ("Мидраш раба", 17:4) Соединение Божественной души с бранным телом казалась ангелам странной и неудачной комбинацией, обреченной на неудачу. Далее мидраш рассказывает, что после сотворения человека Всевышний, показав ангелам новый мир, и все наполняющее его, спросил: "Можете ли вы дать имя каждой вещи и сущности, что вокруг вас?" Ангелы ответили, что не могут. Тогда Творец продемонстрировал им самое замечательное Свое творение — человека. Чтобы доказать его исключительность, Создатель приказал всему живому пройти мимо Адама, и тот давал имена каждому из них ("Бытие", 2:19), попутно назвав также себя, свою жену и самого Всевышнего. Это была наглядная демонстрация принципиального отличия человека от животных и ангелов, состоящего даже не в том, что он наделен даром речи, а его способности осмысленно создавать новые слова. Этим занимаются дети от двух до пяти лет, а поэты — всю жизнь. "Душа полна слов", а слова несут в себе великую силу. Леонид Аронзон восходит на вершину холма и просит: "Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!" "Душа, заключенная в детскую плоть", посылает поэту "знак о том, что здесь рядом Господь", и Бог, венчающий вершину холма, заставляет его трепетать.

.....
Это память о рае венчает вершину холма!
.....
Не дитя там — душа, заключенная в детскую плоть,
не младенец, но знак, знак о том, что здесь рядом Господь.
.....
Это память о Боге венчает вершину холма!

В стихотворении 21-а строка. Слово "вершина" повторяется 10 раз; слово "холм" — 10 раз. 21 плюс 10 = 31. Леонид Аронзон трагически погиб 14 октября 1970 года в возрасте 31 год. Сложив воедино "вершина" и "холм", получим — 41 слово. Находясь в говорящей пустыне, Леонид Аронзон молчал 41 год: " ... стало некуда выбираться из молчаливости: прислушайтесь к тому, что говорят без вас" (Из зап. кн.).

Являясь выразителем существенного, поэт вольно становится дирижером партитуры кисти и красок неземных. Это отнюдь не предположение. Это по Гете: «Те немногие, которые кое-что знали об этом».

"Я вышел на снег и узнал то, что люди узнают
только после их смерти..." Л. Аронзон

"Его смерть была основным событием его жизни. Таким же, как поэзия, детство, Россия и еврейство, любовь, друзья. Меня не было с ним рядом, но я слышала, как в этот момент загрохотали горы, померкла луна и заплакали друзья — его ангелы на небе. И я всё поняла, находясь за сотню километров от него.

Родом он был из рая..." (Рита Аронзон-Пуришинская)

Леонид Аронзон не просто летал во сне, нет, он в рай летал во сне, а наяву знал, что выживая на земле, живет внутри небес. В записной книжке он напишет: *"Материалом моей литературы будет изображение рая"*.

И мне случалось видеть блеск —
сиянье Божьих глаз:
я знаю, мы внутри небес,
но те же неба в нас.

Как будто нету наказания
тем, кто не веруя живет,
но нет, наказан каждый тот
незнанием Божьего сиянья.

Не доказать Тебя примером:
перед Тобой и миром щит.
Ты доказуем только верой:
кто верит, тот Тебя узрит.

Не надо мне твоих утех:
ни эту жизнь и ни другую, —
прости мне, Господи, мой грех,
что я в миру Твоём тоскую.

Как пронзительны строки, как больно признание, как искренне признание Его! Виталий Аронзон, брат поэта, вспоминает: *"После гибели Лени я собрал его стихи и переплел в книгу. Я сделал пять экземпляров"*. Ирена Волкова вывезла через дипломатическую почту весь рукописный архив поэта в Израиль. Здесь, в издательстве Изи Малера вышла книга стихов Леонида Аронзона. Так, "не достав до родины рукой", поэт достиг ее сердцевины — первая его книга вышла в Иерусалиме, стоящем на семи холмах. Аронзон прожил недолго, нет ни одного интервью с ним, и отношение ко времени и пространству, к Богу, к любви, к раю, к жизни и смерти мы черпаем из его поэзии. У Иосифа Бродского интервью брали много и многие. Придавая большое значение языку, в радио-интервью с Джоном Глэдом, (1979 год) — на вопрос, не идет ли его "русскость" на убыль от того, что он *"русский поэт, но американский эссеист"*³, Бродский ответил: "Думаю, что это вообще идеальная ситуация — быть русским поэтом и американским эссеистом". Недавно в переводе Светланы Пейн на английский язык вышел в свет сборник стихов М. Генделева. После выхода книги Арсен Ревазов сказал: *"Если бы Генделев узнал, что по-английски он звучит не хуже Киплинга, он бы порадовался"*. Леонид Арон-

зон писал только на русском языке, на языке, о котором Набоков в послесловии к собственному переводу "Лолиты" высказывается как о "юношески гениальном, но, ни в чем не твердом". В том же интервью с Д. Глэдом Бродский говорит о "*непредумышленной изоляции поэта, навязанной извне логикой языка, историческими обстоятельствами, качеством современников, ... и относится это почти ко всякому литератору*". В той современности, в которой создал себя Леонид Аронзон, само стихописьмо уже было впечатляющим свидетельством неосуществимого, свидетельством невозможности преждеавторства с порождением нового "я".

В двух шагах за тобою рассвет.
Ты стоишь вдоль прекрасного сада.
Я смотрю, но прекрасного нет,
только тихо и радостно рядом.

Только осень разбросила сеть,
ловит души для райской альковни.
Дай нам Бог в этот миг умереть,
и, дай Бог, ничего не забыв.

Стоит обратить внимание на неслучайно поставленные рядом строки:

Ты стоишь вдоль прекрасного сада.
Я смотрю — но прекрасного нет...

Здесь: *Ты* (стоишь) — нагрузка обратного

Я — (смотрю) — несущее.

Я смотрю из **райского сада**, и разве может быть что-то прекраснее?

Ты стоишь (**вдоль**), как **ангел**, ведь ангелы стоят **в воздухе**.

Много говорится о параллели Бродский-Аронзон. Общего у них было мало, разве что, оба были рыжими и оба картавили.

"...это — немой клавир, и на рычаг надавишь,
ибо для этих нот не существует клавиш"
(И. Бродский "Памяти профессора Браудо")

"Стою один, глаза закрыв рукой,
ночной пейзаж я трогаю другой,
смотрю, как я танцую за рекой".

Скульптурные ноты Бродского обходятся без клавиш. У Аронзона — не просто музыка, — закрыв рукой глаза, он наблюдает за собственным танцем. Проживи Леонид Аронзон дольше, не было бы нот, которые бы он не смог взять.

По поводу того, что Бродский никогда и нигде, ни разу ни одним словом, не вспомнил Аронзона, вспоминаю факт, ставший историей. Вначале двадцатых годов прошлого столетия Хайм Нахман Бялик полтора года жил в Берлине. Там он познакомился с Шмуэлем Йосефом Агноном, позже нобелевским лауреатом по литературе. В течение полутора лет каждый день Агнон и Бялик по шесть часов гуляли по улицам Берлина и беседовали. Нет сомнения, что Агнон учился у Бялика. О чем они говорили?! За всю его жизнь никогда, нигде и ни единым словом Агнон не обмолвился о тех прогулочных беседах с поэтом. Он точно вычеркнул из памяти полутора-

годиную близость с ним (Бялик). В чем причина?! Этого мы никогда не узнаем. А ведь их беседы могли стать достоянием человечества также как известные беседы Иоганна Вольфганга Гёте с его личным секретарем Иоганном Петером Эккерманом.

Валерий Шубинский в работе "Образ бабочки" пишет: *"Аронзон был поэтом — и никогда больше, чем поэтом"*. Опять же брат поэта Виталий Аронзон пишет том, что при жизни никто не сомневался в таланте Лени, но никто не понимал, что перед ними гениальный поэт. Что признак гения? То, что его не публикуют, или наоборот, то, что он признан? То, что он рано уходит, или его прижизненные страдания? Бальзак был гений? Модильяни был гений? Деяния Всевышнего гениальны и, не имярек, а само проявление Его Божественного действия — гениально. В еврейской истории известен период гениев — "ткүфат а гаоним" (986 год).

"Каждое произнесенное им слово
похоже на небесный плод...
Слову не тесно рядом с другими,
паузы между ними гулки и глубоки...".
Аркадий Ровнер. Из книги «Вспоминая себя»

ПАВЛОВСК

О август,
схоронишь ли меня, как трава
сохраняет опавшие листья,
или мягкая лисья тропа
приведет меня снова в столицу?
В этой осени желчь фонарей,
и плывут, окунаясь, плафоны,
так явись, моя смерть, в октябре
на размытых, как лица, платформах,
а не здесь, где деревья — цари,
где царит умирание прели,
где последняя птица парит
и сползает, как лист, по ступеням
и ложится полуночный свет
там, где дуб, как неузнанный сверстник,
каждой веткою бьется вослед,
оставаясь, как прежде, в бессмертье.
Здесь я царствую, здесь я один,
посему — разыгравшийся в лицах —
распускаю себя, как дожди,
и к земле прижимаюсь, как листья,
и дворцовая ночь среди гнезд
расточает медлительный август
бесконечный падением звезд
на открытый и сумрачный Павловск.

Стихотворение "Павловск" не подается никому филологическому определению. Поражает быстрота смены картин, движение извне, выброс огромной энергии и наряду с этим несколько смещенная полемика, — желтые фонари, умирание прели, сползание листа по ступеням — и все это расточает "медлительный" август. Здесь царствует Леонид Аронзон, и здесь он один. "Ты — царь, живи один". Но пойдём дальше, дальше и — вот разгадка: все эти картины разыграны Аронзоном в лицах:

"Здесь я царствую, здесь я один,
Посему — разыгравшийся в лицах ... —

А дальше идут строки неземной красоты, где поэт распускает себя, как дождь, — строки, вместившие в себя птиц и деревьев-царей, вместившие дуб, как воплощение бессмертья, и желтизну фонарей, и падающие звезды, и листья, и гнезда. В этом стихотворении — сам Леонид Аронзон — и есть: О, август, месяц мой последний!

Храни в гербариях мишурных,
читая летопись созвездий,
тот сад и лист, тех птиц и сумрак,
о август, месяц мой последний!

В настоящей поэзии реальность невозможна, лишённая иммунитета, она убегает, как вода из сита. Поэтическое письмо ведёт отсчет от — времени иного, до — времени осуществимого, и потому есть в ней многообразие одновременности, и в ней же существующий фрагмент будущего. Не единожды на протяжении веков люди задавались вопросом, как знали поэты, как смогли предсказать в своих стихах то, или иное событие, в будущем свершившееся. На это ответил Рав Авраам Ицхак Коэн Кук в книге "Свет возвращения": "В дни прихода Мессии станет ясно, что поэзия есть форма обновленного пророчества". Смысл творчества, его противопоставление форме духа и абсолюта, их постоянное столкновение друг с другом на протяжении всей жизни, и есть тот особый свет Творца, направленный на человека. В отрывистом и высветленном метании сгорает птица-феникс, такая вот «барочная эстетика внутреннего разлада». Из-под ее власти невозможно ускользнуть, ее, несомненно, можно отвлечь, расколов на части, как нечто задуманное и незавершенное. Ее можно вписать во фрагментарный словарь поэтики. И здесь поэтическая речь вся — Скрябин в пустом зале, Моцарт в мчащей пролетке, Чайковский на ступенях театра.

" и ход земной — Его".
Все — Лицо: лицо — Лицо,
пыль — Лицо, слова — Лицо,
все — Лицо. Его. Творца.
Только сам Он без Лица.

Человеческое сознание в состоянии охватить "мыслимую" (мыслимо ли?) глубину океана и горы, затылками упирающиеся в небеса, вечную мерзлоту и пекло пустыни, только Вездесущего не в состоянии охватить, — ибо Он везде. Все сущее — и лед и пламень, и свет и цвет, пыльца и роза, мед и лето, и небеса и ход земной — Его.

Пустой сонет

Кто вас любил восторженной, чем я?
Храни вас Бог, храни вас Бог, храни вас Боже.
Стоят сады, стоят сады, стоят в ночах,
и вы в садах, и вы в садах стоите тоже.

Хотел бы я, хотел бы я свою печаль
вам так внушить, вам так внушить, не потревожив
ваш вид травы ночной, ваш вид её ручья,
чтоб та печаль, чтоб та трава нам стала ложем.

Проникнуть в ночь, проникнуть в сад, проникнуть в вас,
поднять глаза, поднять глаза, чтоб с небесами
сравнить и ночь в саду, и сад в ночи, и сад,
что полон вашими ночными голосами.

Иду на них. Лицо полно глазами.
Чтоб вы стояли в них, сады стоят.

Этот необычный сонет привлек мое внимание по двум причинам. Первое: в еврейской традиции повторение всегда знак закрепления; второе — название. Знал ли Аронзон о закреплении и почему назвал сонет пустым? Первое — не знаю, а о втором, думаю, догадывался особым, подводным чутьем поэта: по словам последнего Любавического рэбби Менахем Мендла, любовь есть не что иное, как "поиски Бога".

"Всё, что пишу, — под диктовку Бога.
Придётся записывать за Богом,
раз это не делают другие".
Леонид Аронзон. Из записных книжек.

И это все, что есть.
Незадолго до трагической гибели Аронзон, "перестав отчаиваться", напишет три строчки:

*Никому не нужно то, что мне нужно.
Никому не нужно то, что нам нужно.
Никому не нужно то, что всем нужно.*

"Не отчаиваться даже от того, что не отчаиваешься. Льет проливной дождь, стой против дождя, дай железным порывам пронизать твоё тело, скользи в воде, которая вот-вот унесет тебя с собой. Но оставайся крепким и жди, стоя прямо, солнца, которое появится вдруг в своем бесконечном движении".⁴

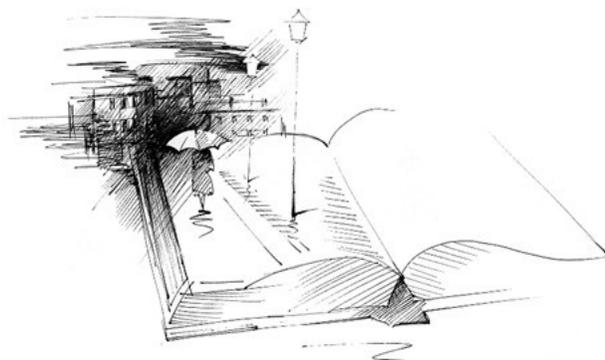
Книга, или белый агат

Кристофер Робин спросил:

— Пух, что ты любишь делать больше всего на свете?

— Ну, — ответил Пух, — я больше всего люблю...

И тут ему пришлось остановиться и подумать, потому что хотя кушать мёд — очень приятное занятие, но есть такая минутка, как раз перед тем как ты при-
мешься за мёд, когда ещё приятнее, чем потом, когда ты уже ешь, но только *Пух не*
знал, как эта минутка называется. Алан А. Милл "Вини-Пух и все-все-все..."

СОНЕТ

Еще зима. Припомнить, так меня
в поэты посвящали не потери:
ночных теней неслышная возня,
от улицы протянутая к двери.

Полно теней. Так бело за окном,
как обморок от самоиступленья,
твои шаги, прибитые к ступеням,
твою печаль отпразднуем вином.

Так душен снег. Уходят облака,
одно в другом, за дикие ограды.
О, эта ночь сплошного снегопада!
Так оторвись от тихого стекла!

Троллейбусы уходят, дребезжа.
Вот комната, а вдруг она — душа?

Оторваться от тихого стекла Аронзоновской поэзии невозможно. "Среди белого чуда пространства" речь его сохранилась, быть может, еще и за "привкус несчастья и дыма"... Живой язык Аронзона, филология слова, и стилистика его, сдается мне, сродни как литературе, так и географии, где чтение и письмо — солидарны, являясь разными формами обладания.

Рике

Сохрани эту ночь у себя на груди,
в зимней комнате ёжась, ступая, как в воду,

ты вся — шелест реки,
вся — шуршание льдин,
вся — мой сдавленный взглас и воздух.

Зимний вечер и ветер. Стучат фонари,
как по стёклам замёрзшие пальцы,
это — всё наизусть,
это — всё зазубри
и безграмотной снова останься.

Снова тени в реке, слабый шелест реки,
где у кромки ломаются льдины,
ты — рождение льдин,
ты — некрикнутый крик,
о река, как полёт лебединый.

Сохрани эту ночь, этот север и лёд,
ударяя в ладони, как в танце,
ты вся — выкрик реки, голубой разворот
среди белого чуда пространства.

Прошло без малого 50 лет со дня гибели поэта Леонида Аронсона. Сегодня о нем много пишут, много говорят о нем, о его творчестве, выпущены книги с его стихами и отрывками из записных книжек. Многие ли читают его поэзию? Вопрос.

По Прусту книга — это: "...*познание самих себя*". Пруст в книге "Против Сент-Бёва" пишет: *Книга — порождение иного „я”, нежели то, которое проявляется в наших повседневных привычках, общении, пороках*". В нашей действительности возможна вероятность того, что перешагнув порог издательства и выйдя в "открытый" мир, книга канет в небытие. Золя писал о Ги де Мопассане: *"Его любили, потому что он был звеном той цепи, которая прослеживается от первого лепета нашего языка до нынешних дней..."* "До нынешних дней" и есть до наших с вами. Только в наше время это уже за гранью, это когда цепочка прервана, и безумное количество слов в литературе скомпрометировано. Положим, что мы принимаем некое имя и его текст, но значит ли это, что имярек уже существует повсеместно и надежно в истории настоящей и будущей литературы? Нет, потому что визуальное это не имеет ничего общего с цельной конструкцией определенной кем-то, как время и пространство, или время и вечность. Марина Цветаева сравнила поэтов с жидами. И была права. У евреев еще остается какая-то надежда, у жидов — никакой. Итак, поэты — жиды, писатели — евреи. В двадцатых годах прошлого столетия в Москве вышел "Альманах" с участием Мандельштама, Волопина, Цветаевой, Парнок в количестве ... 100 экземпляров. "Альманах" до сих пор сохранился. Человеческое бытие оскудело, некое состояние «провоцированной жизни». (Г. Бенн) Смысл и значение многих фраз изменились настолько, что например, от известного высказывания "на людей посмотреть, себя показать", осталась только вторая половина. Небольшой опрос о поэзии, прозе, литературе, и прочтении, показал забавные, (и не очень), ответы ниже уровня: "мамы разные нужны". Один "читатель" даже поинтересовался: "А зачем мне кем-то восхищаться, лучше я свои пять копеек добавлю". Лучше? Не уверена.

А вот это — прямоком из золотых россыпей:

"Сегодня книгу читать, то же самое, что музей посетить".

"Зачем мне других читать, я сама стихи пишу".

— Вы стихи читаете?

— Стихи? Вот когда молодая была, очень любила, читала, а сейчас уже не интересуюсь, ну, как бы уже не нужно...

— Как бы на 50 лет вперед начитались?

— Да, что-то такое.

— А как у вас с дыханием, воздухом еще продолжаете дышать?

— Что значит, понятно, что дышу!

— Я просто подумала о том, что в молодости вы гораздо глубже дышали, как бы надыхались на 50 лет вперед, вроде уже и без воздуха обойгись можно.

— Ну, это не одно и то же.

— Ошибаетесь. Для немногих избранных это одно и то же.

Такие вот "душные люди". С такими людьми в обществе не хватает воздуха, свежего притока кислорода. *"Я мыслю, значит, я существую"*. Но существование еще не есть жизнь. А что такое жизнь? 90% людей существуют. То, что человек ест, пьет, спит, ходит на работу, сидит за компьютером, а иногда даже размышляет, — есть факт, а не жизнь. И если в человеке не происходит постоянная духовная работа, то перечисленное выше не более чем способ сосуществования в материальном мире наряду с птицами, рыбками и животными, только порядком выше. Наиболее ценные породы, — такие, как предпочтение цельности, осознанный интеллектуализм, обоснованное углубление, эстетика красоты, умное чтение, и многие-многие другие, — попросту исчезли. Давно минули те годы, когда отдельное стихотворение, или книга могли стать событием литературной жизни. Любопытен отрывок из письма Александра Пушкина к П.А. Вяземскому от 21 апреля 1820-го года: *"В прославленном веке философии, в 18-м столетии, ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этим не удивишь. Что ни говори, век наш не век поэтов — жалеть, кажется, нечего — а все-таки жаль. Круг поэтов делается час от часу теснее — скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо. — И то хорошо"*.

Конгузия современного человека в том, что он перестал воспринимать музыку, пить воду из чистого источника, его уши, глаза и уста находятся скорее в устье усталой обыденности поверженной прозы. Уход от истинной культуры — это обнищание, это по Мандельштаму: «Наступает глухота паучья». Существует ли поэзия времени? Нет. Есть поэзия следующих субстанций. Есть ли цвет времени? Нет, если это не радуга. Солнце цветное? Да, в нем, как в горящей свече три цвета. Поэзия всегда цветная, ибо она частица света. Она скрывается в радуге, она никогда не исчезает. Она живет. Ее память это время, а ее вечность вневременная. Когда мы говорим о безвременье, мы должны понимать, что говорим о беспамятстве.

Народ Книги, народ Израиля — сложноподчиненное предложение в тексте Вселенной, созданной Творцом. Здесь есть все: от деления на две основные части: (главную и придаточную), через заповеди, как связь человека с Творцом на этой земле и, до союза Израиля с Б-гом.

Рис. Леонида Аронсона

Когда-нибудь проснусь и не умру я,
и птицу позову, и выйду в дом,
и все, что отпустил я, замурую
в ручье, снующем за своей водой,
и тело лодки, горсть ее молчанья
про птиц, куда? — не все ль равно, гоня,
я отпущу, следов не замечая,
и вновь проснусь в немой тени ея.

И *выйду* в дом.

Заметили? — Не войду, а *выйду*.

Все, что *отпустил* на волю, как птицу, — *замурую*.

В *воде* прозрачной, в которой видно дно.

В *ручье*, снующем за своей водой.

Отражением на воде льется ручей на поводу у воды. И эта бесконечная игра отражений присутствует почти в каждом Аронзоновском стихотворении.

"...и сидят на плече
мотыльки камыша, и полно здесь стрекоз голубых,
ты идешь вдоль воды и роняешь цветы, смотришь радужных рыб,
и срывается с нотных листов от руки мной набросанный дождь,
ты рисуешь ручей, вдоль которого после идешь и идешь".

Апрель, 1964

Есть отечество, и есть поэт в своем отечестве. Но есть еще и отечество Поэзии, в котором гласно имя поэта. И если мы говорим о неразделенном — о жизни и творчестве, — то тогда представим себе, что память, это — один из уголков мира и в нем сконцентрирована жизнь целого поколения образов и метафор. И в этом уголке есть все — сады и озера, острова и пески, птицы и музыка, травы и цветы.

Пройдет сорок, или семьдесят лет и начнется новый виток. О поэте вспомнят. Отдельные строки, стихи и прозу, дневниковые записи, высказывания. Вспомнят все, — вплоть до картавости или зеленоватости глаз. Запишут, прощигируют, провяжат, опубликуют. По пути что-то потеряют, где-то не дотянут, что-то припишут, что-то подправят. В общем, поэт снова соберут по крохам.

Вот, пожалуй, и все. «Ночь *не* будет спокойной», я предвижу под утро легкий туман, он опустится на землю и станет прохладно. Строки эти я пишу поздно вечером в надежде, что *все-все-все* еще впереди и белому агату достанется достойная оправа, как это бывало во все века и, — как это бывает во все весны, — горячее солнце растопит остатки льда. *Я знаю, как эта минута называется*: вешние воды. И тогда обнажится черная земля долин, и с гор потечет гладкая, как стекло, вода.

Февраль — 2015
Август 2016

Примечания

1. Ю. Олеша
2. Белый агат — תרדד
3. Альманах "Время и Мы" ("Время и Мы"; "Искусство"; Москва-Нью-Йорк, 1990, стр. 283-297)
Джон Глэд "Беседы в изгнании" ("Книжная палата"; М., 1991, стр. 122-131)
4. Франц Кафка

Борис Кадишев

ДУШИ ВОЗВЫШЕННОЙ СТАККАТО

О поэтическом творчестве
художника
Олега Соколова

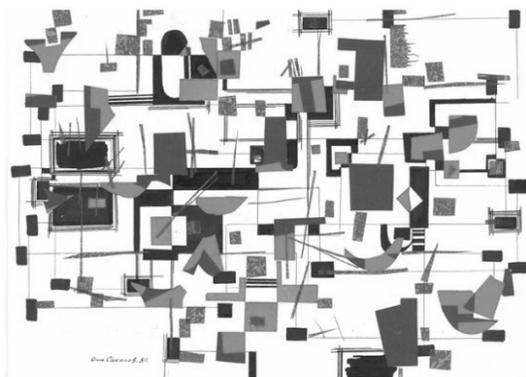
Стихи Олега Соколова стали появляться в одесской печати в 70-е годы XX в, хотя писал он их всю жизнь. Автор этой статьи ещё тогда переписал их к себе в тетрадку, в которой собирал свою антологию поэзии. Теперь в распоряжении автора имеется много его стихов и можно составить представление об Олеге Соколове, как о поэте. То, что было опубликовано в периодической печати, свидетельствовало о большом поэтическом потенциале. Безусловно, его вклад в живопись и графику значительно превышает то, что он сделал в поэзии. Тем не менее, интерес к его поэзии вызывается, прежде всего, тем, что это поэзия выдающегося художника и замечательного человека.

Олег Соколов

Многие стихи О. Соколова прокомментированы искусствоведом и филологом Е.Н. Шелестовой, его женой и сотрудником. Кто ещё знал О. Соколова лучше, чем она! Но произведения искусства, в том числе поэтические, будучи созданы, живут своей жизнью и дают повод для различных толкований. А это значит, что всё новые и новые зрители и читатели будут находить в них свои смыслы. Это касается в первую очередь крупных и сложных произведений. Но не только. Даже, казалось бы, простые произведения и даже отдельные образы выдающегося автора

таят в себе немало загадок. Так, например, долгие годы не утихают споры относительно «Чёрного квадрата» Малевича. А всё потому, что над нами «тяготее» личность выдающегося художника. Ещё пример, уже из области поэзии. В широко известном стихотворении О. Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков» есть строка: «Мне на плечи кидается век-волкодав». Многие видят в этих стихах враждебное отношение века к поэту. А вот Семён Липкин (1911-2003) утверждал, что волкодав, как помощник чабана, не мог иметь у Мандельштама отрицательного смысла и что Мандельштам только хотел сказать, что он, поэт, «не волк по крови своей». Что касается О. Соколова, то он своим творчеством, в том числе и поэтическим, открывает перед нами дверь в свой мир и, как бы, говорит: смотрите и думайте, а как вы к этому отнесётесь, ваше дело. Разве интересны произведения, над которыми не надо думать, где нет никаких загадок? Даже, если это пейзаж или портрет. Сколько загадочного в натюрмортах Гогена или Матисса! Или стихи. Например, стихи Блока, Пастернака или того же Мандельштама тем и интересны, что воспринимаются неоднозначно. То, что, например, всякая тайная гармония лучше явной, было известно ещё со времён Гераклита и Пифагора. «Самое прекрасное, что мы можем переживать—это таинственность. Это основное чувство, которое стоит у колыбели истинного искусства и науки. Кто не знает этого, кто больше не может удивляться и поражаться, тот мёртв и его взор потух» (А. Эйнштейн).

Соколов. Абстракт. 1981

Настоящее искусство способно производить такие ценности, которые отличаются от господствующих в культуре данного общества. Эти ценности могут превосходить всё, что создано и функционирует в этом обществе. Затем эти ценности становятся определяющими на долгие годы. Так происходит поступательное развитие культуры. В силу индивидуального характера творчества роль личности в этом процессе необычайно велика. Примером тому может служить творчество Пушкина, которое на века определило развитие русской литературы. Без импрессионистов невозможно представить себе современную живопись. Дальше были: Ван-Гог, Сезанн, Матисс, Мунк, Кандинский. Десятилетия отделяют нас от того времени, когда жил и творил Олег Соколов и чем дальше, тем яснее, что он был одним из тех, кто двигал вперёд искусство и культуру. Его имя было известно далеко за пределами Одессы, во многих городах бывшего Союза ещё при жизни художника. Об этом много написано уже Е.Н. Шелестовой, Е.М. Голубовским и др.

Хочу к этому добавить и своё свидетельство: я видел картины О. Соколова в московской квартире выдающегося советского экономиста Б.С. Вайнштейна в начале 80-х. О. Соколов известен во многих странах Европы и Америки, в Японии. И всё же, его значение как выдающегося художника XX века мирового уровня ещё ждёт своей оценки.

Нашествие бытия

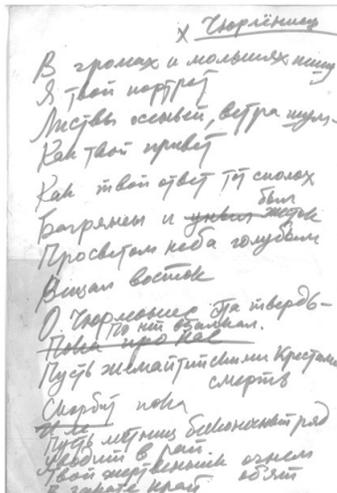
Все творческие личности, занимающиеся искусством, рано или поздно обращаются к поэзии. А уж художники! Обращение художников к поэзии закономерно. Предпринятое в 2012 году известным одесским коллекционером М.З. Кнобелем (1938-2016) интересное издание «Стихи на мольберте», свидетельство тому (см. Б. Кадишев «Коллекционер и его коллекция», «Мастерская», 2013). Поэтому то что выдающийся художник О. Соколов писал стихи, не вызывает удивления. Однако, если многие художники делают это лишь иногда, то О. Соколов писал стихи на протяжении всей своей жизни, т.к. потребность в поэтическом творчестве была у него одной из основных потребностей его творческой природы, его души. Поэтическое и художественное творчество О. Соколова связаны между собой, но не тематически, хотя и это иногда имеет место. Эта связь заключается в романтической приподнятости, устремлённости к высоким идеалам добра и справедливости, к проблемам мироздания, к космосу.

Поэтическое творчество О. Соколова — одна из граней его таланта и она иногда помогает понять его очень непростое художественное творчество. Кроме того, в стихах мы видим О. Соколова как человека со всеми его стремлениями, философскими взглядами и предпочтениями. В его поэзии чувствуется незаурядная эрудиция большой творческой личности.

О. Соколов начал писать стихи до войны, и пусть они написаны ещё неумелой рукой и рифма в них не всегда корректна, да и поэтической культуры ещё не хватает, но в них много романтики, благородных мыслей и искреннего чувства. Его тянуло к былинам и сказаниям. В его ранних стихах можно встретить и Икара и Данко и Джордано Бруно, который погиб за свои убеждения. Можно прочитать про «пепел Клааса, который стучит в груди». Он пишет стихи о матери: она представ-

ляется ему есенинской берёзкой. Стихотворение «Знаменье» интересно тем, что у совсем молодого О. Соколова (1938) возникают всевозможные фантастические образы, символы, мистическое восприятие природы:

Я думаю чаще и чаще,
 Что лес — задушил поля
 Что лес — он тоже преступник,
 Горло полям рассёк...

Соколов. Чюрленису

Всё это необычно и скажется потом в его живописи. В некоторых стихах образы очень похожи на пастернаковские. У О. Соколова:

Непогодина.
 Грусть и слёзы
 Потому мне припомнилась
 Моя дальняя родина
 Луна на ветру
 И бредущие по дорогам берёзы

У Пастернака:

Я пробудился. Был, как осень, темен
 Рассвет, и ветер, удаляясь, нёс,
 Как за возом бегущий дождь соломин,
 Гряду бегущих по небу берёз

Но мирная жизнь резко оборвалась. Молодых людей его возраста ждало тяжелое испытание — война. О. Соколов служил в конной разведке, был старшиной, а это солдатское звание говорит о зрелости молодого воина. Во время войны он продолжал писать стихи. Видимо, немногие из них сохранились, а те, что дошли до нас не дают полного представления о его поэтическом творчестве в это тяжелое

время. Некоторые стихи понять трудно, поскольку написаны они под влиянием каких-то жизненных обстоятельств, как реакция на них. Например, стихотворение «Песня сатаны» начинается словами:

Пей вино и в карты лги
В жизни всё дозволено...

Зная его прежние стихи, можно сделать вывод, что они носят иронический характер. Его по-прежнему привлекает былинная поэзия с реминисценциями. Вот стихотворение «Верность» (1943):

Силою неодолимой
Нагрянули орды на Русь...
Витязь прощался с любимой:
«Белая лебедь, вернись»

Или другое стихотворение того же года:

Лебеди мимо окон пронеслись...
Писк надоедлив скворцов
Скучно в горлице Василисе
Встала, вошла на крыльцо.
Жарко очень, хоть солнце красное
Кануло в рощах берёз
На дорогу глядишь напрасно:
Сердцу горше от слёз.

Среди стихов военного времени выделяется стихотворение «Тост» (1944) своей горькой интонацией и совершенно неожиданными резкими словами, которые другие позволяли себе гораздо позже. А в 1944 году он мог бы жестоко поплатиться за них, если бы они стали достоянием гласности:

Ещё одна годовщина
голода и позора.
Отпразднуем не как мужчины.
Быть нам такими не скоро.
Подымайте тост за здоровье
и славу того человека,
кто залил Россию кровью
и Грузию сделал Меккой.
Подымайте тост за Отчизну,
За нашу советскую землю,
За осени позднюю тривну,
За совесть, которая дремлет.
Подымайте тост за бесчестье,
За рабское слово «назад»,
расстрелянных в красной мести,
которым не глянем в глаза.
Подымайте (тоска без причины,
такая кругом благодать!)
За то, чтоб такой годовщины
Не приходилось встречать.

В Одесское художественное училище (ОХУ) О. Соколов поступил ещё до войны и окончил его в 1951 году. Он, также, учился во Львовском институте декоративно-прикладного искусства. У каждого художника много учителей, но есть и тот, которого он называет Учителем. Таким Учителем был для О. Соколова художник Т.Б. Фраерман.

Фраерман

Теофил Борисович Фраерман (1883-1957) был выдающимся художником и художественным деятелем, блестящим преподавателем и организатором музейного дела. Того, что он сделал в искусстве, с лихвой хватило бы на много творческих личностей. Он родился в Бердичеве, но большую часть своей жизни прожил в Одессе и Западной Европе (Мюнхен, Париж, Лондон). Он много и упорно учился, сначала в ОХУ у замечательного одесского художника К. Костанди, затем в Мюнхенской академии А. Ашбе, работал у выдающихся парижских скульпторов Аронсона и Родена (переводил их слепки в мрамор). Он работал в Люксембургском музее, ведая его закупочной политикой, и снова учился в Академии изящных искусств у профессора Г. Форрия в портретной мастерской Л. Бонна. С 1909 г Фраерман успешно выставлялся в парижских Осенних салонах и стал действительным и постоянным членом жюри этих салонов. Он дружил с А. Матиссом и Анатолием Франсом.

После возвращения в Одессу в 1917 г. много писал, работал директором Музея русского и украинского искусства, был организатором и первым директором одесского Музея Западного и Восточного искусства. Преподавал в ОХУ (профессор) и в Одесском инженерно-строительном институте (ОИСИ), где заведовал кафедрой живописи и графики. Т.Б. Фраерман вырастил целую плеяду выдающихся художников и архитекторов (Е.А. Кибрик, О.А. Соколов, А.Б. Постель, Д.М. Фрумина, Н.А. Шелото, Ю.М. Егоров, В.И. Поляков и др.). Он организовал первую в Союзе выставку великого Грузинского художника Н. Пирасманишвили. Среди его научных работ: «150 лет изобразительного искусства Одессы», «Цвет в архитектуре Украины» (совместно с А.Б. Постелем), монография, посвящённая творчеству К. Костанди и др. Его картины находятся во многих музеях Франции, Украины, Израиля. Есть они и в знаменитой коллекции «Одесские парижане» Якова Перемена, которая теперь находится в Киеве.

В статье о поэтическом творчестве О. Соколова невозможно обойти вниманием то, что унаследовал от своего Учителя О. Соколов и как художник и как поэт и как человек. Потому что О. Соколов был цельной личностью, а личность проявляется во всём, чем бы она ни занималась. Личность же О. Соколова складывалась под влиянием Заветов Учителя, который учил не только искусству, но и жизни. И О. Соколов глубоко чтит своего Учителя. Общаясь с ним, записывал его высказывания, писал о нём, посвящал ему стихи:

Т.Б. Фраерману

„Цветы эти пахнут!“ — сказал мне учитель, —
Но холст это всё же, вы это учтите!”
Был незадачлив рассерженный критик,
Приверженец догм и противник наигий.
Он всё понимал вне богатства метафор,
Готов обложить всё запретом и штрафом
Им предугазаны сроки и нормы...
Искусству дышать только воздухом горным...

Статья, посвящённая столетию со дня рождения Учителя („Вечерняя Одесса”, 1983), замечательна тоном благодарного почитания, а то, как она написана, говорит о незаурядных литературных способностях автора. Т.Б. Фраерман учил «жить без оглядок на успех» и именно так жил О. Соколов. «Если будешь слишком рассудочным и «здравомыслящим», — разрушишь творческую идею», — говорил Т.Б. Фраерман и такое «позорное благоразумие» по выражению В. Маяковского никогда не посещало О. Соколова. «Мне всегда импонировало в профессоре прекрасная отрешённость от мыслей о благах, которыми оплачивается творчество. Казалось, он был не в ладах с Меркурием, он служил только Аполлону», — писал об Учителе О. Соколов и сам тоже бескорыстно служил только Искусству. «Нет более великого учителя для человека, чем природа...», — говорил Т.Б. Фраерман. Для О. Соколова Природа не ограничивалась только природой Земли. Для него Космос тоже был природой. Поэтому, поэтически постигая Природу, он занимался не только «интерпретацией листвы», но и «трактовкой звёзд». Восприятие всего этого, внутренний мир человека — тоже Природа:

Интерпретация листвы
Трактовка звёзд
Всё это ты.

Именно поэтому, когда О. Соколов, вслед за Кандинским, отражал в своих абстракциях внутренний мир человека, это не было дегуманизацией искусства, как утверждали их критики. Конечно, заветы Учителя падали на благодатную почву, а поэтическое восприятие мира и тем и другим только подтверждало их духовное родство. Афоризмы Учителя О. Соколов использовал в своём поэтическом творчестве. Так стихотворение «Колесо» (1971) он заканчивает афоризмом Фраермана:

Горячий
Срывает оружие.
Но мудрый
Подпирает двери
Древком копыя

О. Соколову также была свойственна афористичность. Вот афоризм — продолжение мысли Учителя:

Мы обретаем благодать,
Не извлекая меч из ножен.
(из стихотворения 24.10.1984)

и там же:

«Управлять значит предвидеть»

Космос

Этот афоризм — один из известных принципов науки управления производством, но, вероятно, придуманный О. Соколовым, далеким от этих проблем, самостоятельно. Ещё примеры:

Равнодушие — паралич души
И не слова ведуг нас, а поступки

Забуть это значит предать
в мистической жажде крови
вставшим с бессмертием вровень
загробья познав берега
Забуть это цель променять на уход
(17.11.1982)

Смотреть и видеть — не одно и то же
Ты в гусенице бабочку познай

Ещё один образ-афоризм:

Художник, как антенна общества

От Т.Б. Фраермана у О. Соколова и любовь к фантастике, и «цвето-музыка», и увлечение Бердсли. Увлечение английским графиком было одним из сильнейших в творческом становлении О. Соколова. От Бердсли у него напряжённая, выразительная линия и чёткий контур в графике, парадоксальность в графике и в поэзии и увлечение японской гравюрой и вообще Японией. Может быть и увлечение цветами, которых так много в графических работах Бердсли, и не только в растительном орнаменте стиля.

Выдающийся английский график и иллюстратор, один из зачинателей стиля Модерн (в Германии Югендстиль) Обри Бердсли прожил короткую и яркую жизнь в искусстве, был неизлечимо болен наследственным туберкулёзом и с детства сознавал свою обречённость. Он начал рисовать с четырёх лет, обладал также незаурядным музыкальным талантом, сочинял музыку, писал стихи. В девятилетнем возрасте вместе с сестрой давал концерты, на которые собирались до трёх тысяч человек. Не имея систематического художественного образования (три месяца Вестминстерской художественной школы, 1891 г.), хорошо знал европейское и мировое искусство, Бердсли стал выдающимся графиком-иллюстратором. Его искусству свойственны утончённость, гротеск, парадоксальность. Дружба связывала его с Оскаром Уайльдом, чью «Саломею» он иллюстрировал. Увлекался японской графикой, что позволило ему в своих работах создать удивительный синтез Запада и Востока. Бердсли умер в Ментоне (Франция) на берегу Средиземного моря, уже, будучи знаменитым, не дожив до 26 лет.

К сожалению, в распоряжении пишущего эти строки не оказалось стихов 50-х и 60-х годов, хотя О. Соколов, по-видимому, писал стихи и в эти годы. Но стихи, ставшие известными довольно большому кругу читателей, появлялись в периодической печати в 70-х и 80-х годах. Среди них одно из самых известных «Художник»:

Художник мир разделит пополам
На холод льда и на огонь закатов.
Его холсты, оттиснутый эстамп
Души возвышенной стаккато

Именно так: отрывистое стаккато, а не плавное легато. И дальше:

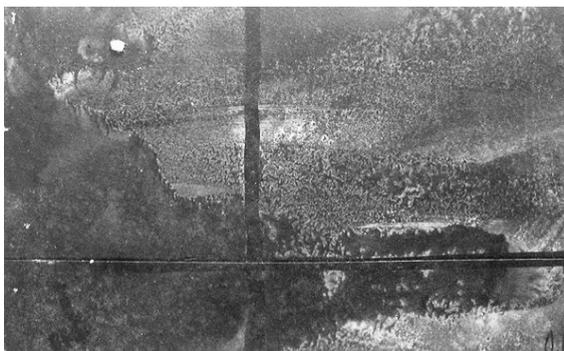
Бердсли. Автопортрет

Горизонталь—причина всех невзгод
И вертикаль, что свяжет землю с солнцем.

Конечно же, скучная горизонталь неинтересна художнику, устремлённому в Космос. Как это похоже на слова другого поэта его поколения, погибшего на той же войне, в которой участвовал и О. Соколов:

Я с детства не любил овал
Я с детства угол рисовал
(Стихотворение «Гроза», П. Коган, 1936)

О. Соколов был из тех людей, что и замечательный писатель К.Г. Паустовский, который сказал о себе: «Жизнь, созданная из трезвости и благополучия, может быть и хороша, но тягостна для меня и бесплодна».

Вечность

Художник О. Соколов создал тысячи картин и графических листов. В своей совокупности они создают образ нашего мира, включая Космос. На некоторых из них этот мир раскрывается для нас своей неожиданной гранью, как в стихотворении «Творчество», тоже широко известном:

Раскрывается мир
Неожидан. И сразу—
То ли в форме цветка
то ли в форме зари

Художник, бросивший вызов обществу, начавший писать абстрактные картины ещё в дремучие 50-е, обречён на неравную борьбу с этим обществом:

Ты идёшь напрямик
Сквозь заслон проволочек,
Но всегда остаёшься
Безнадёжно один.

Конечно, для тоталитарного государства искусство абстракциониста О. Соколова было неприемлемо, т.к. шло вразрез с идеологией соцреализма, которая насаждалась в Советском Союзе ещё с 30-х годов. Советская система старалась подчинить личность обществу. Художник как общественно-значимая личность

был больше других под её прессингом. Но тогда, как считал известный мыслитель Альберт Швейцер (1875-1965), «начинается деградация культуры, ибо в этом случае... уменьшается решающая величина — духовные и нравственные задатки человека». После войны, когда начал работать О. Соколов, прессинг, которому подвергались художники, усилился. Одни художники—конформисты приспособивались к этому прессингу. Другие нонконформисты противодействовали официальному давлению. Последних было меньше, но оппозиция официальному искусству всё-таки была. В глазах многих людей они выглядели Дон-Кихотами, но именно эти художники двигали вперёд искусство.

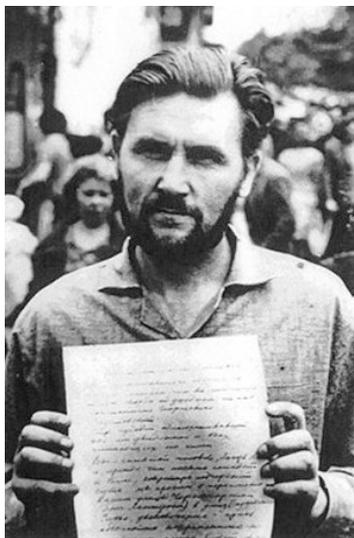
Сонет

Одно из самых известных стихотворений О. Соколова имеет рефрен «Дон-Кихоты нужны». Знаменитый роман Сервантеса был написан, как пародия на рыцарские романы и отношение к благородному герою романа было всё-таки ироническое. О. Соколов одним из первых изменил его на героическое. Да он и сам был таким Дон-Кихотом, только боролся не с ветряными мельницами, а с косностью и рутинной официальной искусством. На слова этого стихотворения композитором А.А. Станко был написан романс.

Дон Кихот. Пикассо

На старой фотографии 60-х годов он посреди улицы агитирует за переименование улицы Гефта в улицу Паустовского. Может быть, сегодня его бы и не поняли: не лучше ли вернуть улице её старое название Черноморская, что и было впоследствии, уже в 90-е годы, сделано. Но тогда, после выхода книги «Время больших ожиданий» о периоде, когда Паустовский жил на этой улице в 20-е годы, учитывая негативное отношение к писателю власти, это было и актуально и смело.

Соколов агитирует

Ещё один эпизод, о котором вспоминает бывшая журналистка «Вечерней Одессы» Белла Кердман. В 1990 году по городу поползли слухи о готовящемся еврейском погроме. Время было тяжёлое: разруха, ни работы, ни продуктов. И, как всегда, в таких случаях активизировались соответствующие элементы, как всегда, были найдены виновные... О. Соколов пишет статью против намечающегося безобразия и, будучи

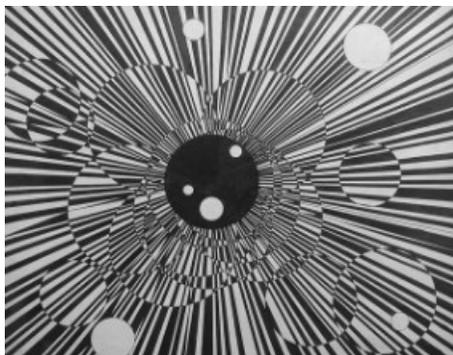
уже смертельно больным, едет в редакцию газеты. Лифт не работает и он с трудом поднимается на 6-й этаж, чтобы отдать статью в печать...

Об устремлённости художника к звёздам уже упоминалось. Она хорошо раскрыта Е.Н. Шелестовой, которая пишет, что «звёзды владели воображением этого художника, наверное, с тех пор, как он прочёл у О. Уайльда рассказ «Мальчик-звезда». (В моём издании О. Уайльда 1913 г. эта прекрасная сказка называется «Звёздный мальчик»). О. Соколов жил в то время, когда завоевание Космоса только начиналось и, как и многие другие, писал о том, что

В планетной пыли мы оставим след,
но не забудем зной земли и иней

Как бы удивился и обрадовался романтик О. Соколов, если бы узнал, что переселение на другие планеты в наши дни перестало быть фантастикой и существует реальный проект полёта на Марс в апреле 2023 года с пассажирами в одну сторону для основания там колонии!

Музыку, одно из величайших и древнейших искусств, любят миллионы людей, в особенности, творческих профессий: учёные, художники, поэты. Музыка является неотъемлемой частью таких синтетических искусств, как театр, кинематограф, цирк. Она манит нас ещё и своей таинственностью. Откуда она взялась? Почему так волнует людей? Опытнейший скрипач и известный писатель Леонид Гиршович на вопрос: «Что такое музыка?» растерянно развёл руками: «Я знаю, что скрипку надо держать левой рукой, а смычок правой. А что такое музыка, не знаю». Т. Манн говорил о музыке, что «она самое далёкое от реальности и в то же самое время—самое страстное искусство, абстрактное и мистическое». Музыку О. Соколов любил, относился к ней серьёзно. В его тетрадях встречается много свидетельств об этом. Он с проницанием писал, как некоторые слушают музыку:

Джаз

Звуки таяли...
Где-то у лба,
Не касаясь извилин,
Мимо неслись.

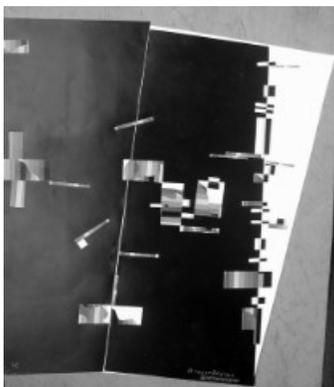
Как художник-абстракционист, О. Соколов много раз в своих произведениях обращался к музыке Шуберта, Шумана, Мусоргского, Шостаковича, Сибелиуса, Глиэра в жанре «музыкальной графики». Одна из его работ, например, называется «Душа скрипки». Выше было сказано об устремлённости О.Соколова к Космосу. А ведь музыка и Космос связаны между собой онтологически. Действительно, наше бытие имеет ритмическую динамику, обусловленную природой Земли. Земля же является частью Космоса, из которого получает акустическую и нормативную информацию о мироздании. Возможно, музыка родилась, как отражение этой информации через ритмы Природы. Люди, обладающие тонкой организацией, улавливают ритмическую гармонию Природы и воспроизводят её. С развитием общества появляются ритмы труда и другие ритмы и мелодии, обусловленные человеческой деятельностью. Они становятся всё более сложными и разнообразными. Так рождается музыка, развивается музыкальная культура, которую мы знаем.

Вихри враждебные веют над нами

Вагнер

Играет Рихтер Шостаковича

Увлечение музыкой, её близость к абстрактному художественному искусству, привели О. Соколова к многолетним экспериментам по созданию синтетического искусства, прежде всего на базе музыки и живописи. Начинателем опытов по созданию такого искусства был литовский композитор и живописец М.К. Чюрлёнис (1875-1911). О. Соколов добавлял к этим двум видам искусств ещё одно — поэзию, слово. В 1965 году О. Соколов создал при музее Западного и восточного искусства клуб «Цвет, музыка, слово» им. Чюрлёниса. О. Соколов высоко ценил Чюрлёниса, посвящал ему статьи, стихи, создал его портрет.

Твой жертвенник огнём объят,
В закате край.
В закате край и ливня шум,
Как твой привет.
В громах и молниях пишу
Я твой портрет.

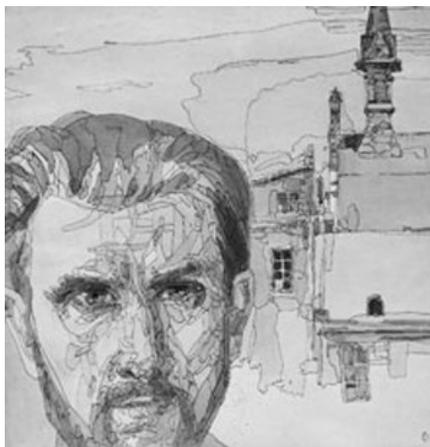
Чюрлёнис

О. Соколов восхищался симфонической поэмой Чюрлёниса «Море» и перекликающимся с ней живописным триптихом «Соната моря». У Чюрлёниса много музыкальных и живописных произведений, написанных на одну и ту же тему. Русский композитор Скрябин устраивал целые «цвето-музыкальные» представления на свою музыку. Визуализацией музыки и поэзии много занимался и О. Соколов, который создавал зрительные эквиваленты музыкальных и поэтических произведений, что было высоко оценено и в научном мире и художественной общественностью. Подробно об этом можно прочитать в статьях Е.Н. Шелестовой «Подводное течение жизни» (2006), «Казанский старт одесского художника О. Соколова (1919-1990)» и в других статьях о творчестве О. Соколова. В начале 2000-х годов автор этих строк познакомился с художником-абстракционистом и искусствоведом из Кишинёва Георге Мардаре, живущим в Ганновере (ФРГ). Мардаре учился в АХ в Ленинграде, кандидатскую диссертацию защищал в Москве. Большой любитель музыки, Мардаре создал много абстрактных картин на тему музыкальных произведений. Наибольший интерес, однако, представляют его инсталляции на компьютере на базе музыкальных произведений и соответствующих картин. В этих инсталляциях музыка и живопись представляют собой единое целое, настоящее синтетическое искусство, о котором мечтали многие поколения художников и музыкантов. Моя статья об этих инсталляциях называлась: «Хотите услышать живопись?» (2005). Именно компьютер открывает теперь совершенно новые возможности в создании синтетического искусства. О. Соколов видел грядущие достижения в познании на базе искусства и новой техники:

В познании реальности абстрактной
лежат пласты науки и искусств
.....
Но, постигая сразу два конца
дороги, уходящей в неизвестность,

внимательней мы всмотримся в места
былых боёв и откровений местность.
И, может быть, склонясь над чертежом
алхимиков или схоластов древних,
вновь мёртвых знаний мы постигнем толк
всей силой механизмов современных.

Так было всегда. Новая техника двигала вперёд и производство, и науку и искусство. Изобретение книгопечатания дало невиданный толчок развитию человечества, в т.ч. литературе, науке и искусству. Недаром Гуттенберг назван человеком тысячелетия. Изобретение фотографии, кинокамеры, киноплёнки породило искусство кино. Создание компьютера и Интернета—революционные изобретения, призванные совершенно изменить нашу жизнь, искусство и даже общество. Уже возникла компьютерная графика, компьютерная музыка. В Интернете размещены огромные картинные галереи, а детальное изучение многих картин любым пользователем Интернета невозможно никаким другим образом. Трудно перечислить, а тем более предвидеть, все возможности, которые даёт человеку компьютер.

Автопортрет

В поэтическом творчестве О. Соколова много тем и интересных образов. Стихотворения, подготовленные для печати, имеют законченный вид. Другие представляют собой лишь наброски. Это был своеобразный поток сознания, стремление выразить себя в стихах, пусть и несовершенных, в расчёте на последующую доработку:

От гортани до желудка
Всё умозрительное
В рифмы хочу втиснуть
Пусть приблизительные.
.....
О белый стих!
...А вышел серый...

Но времени доработать стихи так и не нашлось: О. Соколов был, прежде всего, художник и большую часть своего времени отдавал живописи и графике.

Под Бахусом

Есть у О. Соколова в тетрадах поэма, которую он назвал «Попытка автобиографии».

Это искренний рассказ художника о своей жизни без всякого желания что-либо приукрасить, иногда очень горький. Поэма, как и многие другие поэтические произведения О. Соколова, осталась незаконченной. Но в ней факты биографии художника, его отношение к жизни, к событиям. Молодость его пришлась на нелёгкие, суровые годы голода, репрессий, войны. Первая любовь и гибель любимой:

Опять жидовка на моём пороге,
Не верьте, не антисемит...

(То, что «не антисемит» он доказал всей своей жизнью, своими поступками и привязанностями)

Потом война. Она погибла,
Тот пароход пошёл ко дну
еврейских беженцев
Обидно.
Я до сих пор к ней сердцем лгну...

Послевоенные годы, учёба, творчество, которое несовместимо с официальным искусством. Неудачная женитьба и одиночество:

Развод,
Среди глупцов, среди рутин
.....
И снова я один...

Художник часто испытывает чувство тоски и уныния. Стихи, приведенные ниже, не из поэмы, они написаны позже:

Всё медленней течение рек
И рыбы сонны у запруды
Усталость заменила удаль
И ковылянье бег.
За тусклым маревом гардин
Утра сырое прозябанье
Пусты протянутые длани
И ты один...

Такое состояние тяжело переносится, особенно людьми творческими. И он не выдержал. Следующие строки уже из поэмы:

...Стал на пути алкоголизма...
И я катился вниз и вниз...
.....
Пока железною рукой
Как цыган за узду коня
Не вздыбила меня:
«Постой!»
Но ты умна, сильна, чиста
Пожалуй, как еврейка та.

Это уже о новой и последней любви художника. У него появилась надежда. Об этом стихи, написанные в это время:

Я знаю, ещё будут дни,
Когда цветы, засохшие зимою,
Нальются соками земли.
И ты склонишься надо мною
Со всей суровой строгостью любви
Мне скажешь то, что мне сказать не сможет
Никто из женщин. Если мы одни.
С таким признанием легко идти в дорогу.
Я знаю, будут дни...

О.А. Соколов и Е.Н. Шелустова

О творчестве своём художник говорит неохотно — о сокровенном не говорят:

А что ж о творчестве ни слова,
Как будто не твоя основа?
О нём, пожалуй, не смогу,

Ведь это боль моя, недуг.
Стихи и тысячи картин
Я оставляю на своём пути,
Судите.

Один из моих критиков

Из стихов в тетрадах становятся ясными его политические взгляды, отношение к существующему режиму. Впрочем, отношение это предсказуемо: как мог относиться к советской власти художник, которого постоянно третировали только за то, что его творчество не укладывалось в прокрустово ложе официального искусства. Из стихотворения «Тост» (1944), приведенного выше, видно, что он задолго до официальной критики культа личности, имел верное представление о том, «кто залил Россию кровью». Но революция и Ленин ещё долго не подвергались сомнению: «Был всё-же стержнем многих Ленин». Развенчав Сталина во времена Хрущёва, советская пропаганда, желая спасти коммунистическую идеологию, стала идеализировать Ленина. И многие в это поверили: так хотелось думать, что жили не напрасно. И, если о революции у него были романтические представления (можно вспомнить, например, его работу «Юность революции», некоторые стихи), то отношение к современной ему власти, к её функционерам, у него было однозначным. Он называл их не иначе, как «пустоголовые дельцы от управления культуры», иронизировал над их лозунгами «Искусство в быт» и др., называя официальное искусство «оп-партом» в отличие от оп-арта, которым занимался сам. Вообще, ирония—одна из особенностей творчества О. Соколова, как художественного, так и поэтического. Достаточно назвать его графическую работу «Россия родина слонов» (1954). Ирония, остроумие, юмор характерные качества интеллектуальной личности. У Соколова ирония часто переходит в сарказм, иногда стихи носят сатирический характер. Вот как он рисует встречу с редактором:

Напутал и нагнал нелепиц
Редакторский нелепый произвол
В ворону обернулся лебедь,

Амброзия — бензол*
С гонором...Знаток...Вазари...
С самомнеьем редким.
Так латают Страдивари,
Словно табуретки.

О чём думает критик?

Россия — родина слонов

* Амброзия — бензол, ироническое противопоставление: Амброзия — в древнегреческой мифологии пища богов. Бензол — компонент моторного топлива, растворитель (Б.К.)

Юность революции

Много у О. Соколова небольших по объёму стихотворений, иногда четверостиший, содержащих замечательные образы и афоризмы, о чём уже было сказано выше. Например, о собачей преданности. Приведём только начало:

Собака долго смотрит вслед
Собачий взгляд — на много лет!

В природе много загадок. Одна из них—цветы. Их роль в развитии растительного мира, для физического и духовного здоровья человека кажется естественной. Ведь цветок — один из символов прекрасного. Но почему Природа создала именно цветок? Эта загадка волновала и О. Соколова:

Проникновенье в таинство цветка
На уровне загадки мироздания

Её разгадка для поэта находится «по ту сторону разума» — так назвал он одно из своих четверостиший, в котором сокрушается:

Ты не услышишь песню цветка
И мир, который О. Соколов хочет познать, раскрывается для него
То ли в форме цветка
То ли в форме зари...

Цветы

Цветок галактического лета

Есть у него и картина «Космические цветы». А в одном сонете, как заключительный аккорд, звучат слова:

И логоса цветок расцвёл над всем

Один из самых удивительных цветков на земле — цветок подсолнуха. Подсолнух воспет многими художниками и поэтами. Тот, кто видел когда-нибудь поле цветущих подсолнухов, никогда не забудет это великолепное зрелище. О. Соколов вставил подсолнух в простой сельский вид и создал очень точный образ украинского лета:

Украинская кринка с молоком
Сад полный пчёл,
и под окном подсолнух.
В другом стихотворении:
Подсолнухи украинским поэтам
От щедрости своей дарило лето.

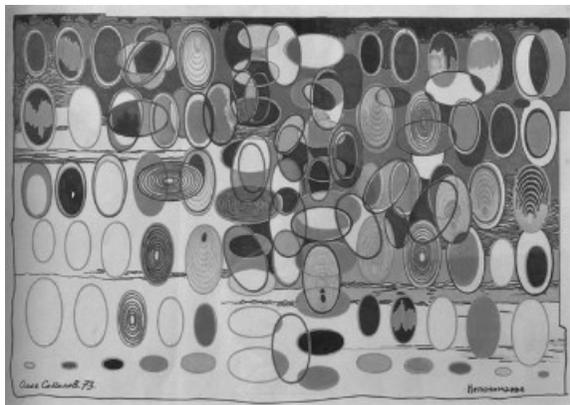
Во многих стихах и в отдельных строчках мы видим О. Соколова человеком мудрым, философски относящимся к жизни, к своей роли одинокого воина, обречённого на непонимание современников, может быть и страдающего от этого, но принимающего это, как неизбежное и с достоинством:

Пусть окровавлены плети
Пророков не мыслим без них!
Будь кроток и безответен
В задумчивых песнях своих.
.....

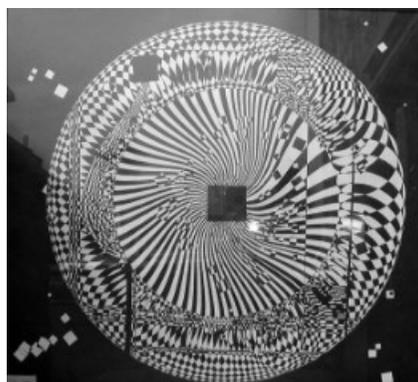
Непониманье. Выше нет награды.
Как эдельвейс у вечности на длани.
Никем неразворованные клады —
Непониманье.

Пророк

Непониманье

Рондо

Ведь произведение искусства, тайна которого разгадана, что-то теряет, а неразгаданное остаётся потомкам, «как эдельвейс у вечности на длани».

Украли выставку. В аду
Был этот мыслим гнёт.
Но каждый год у пчёл крадут
Трудом добытый мёд.
Украли выставку. Кусок
От сердца оторвав,
Но отдаёт берёза сок
и гроздь виноград.
Украли выставку огня
(Тебя ещё щадят)
Ты лучше вспомни суки взгляд,
Когда топил щенят.
.....

Сквозь пустыни
Дороги искусства легли,
Сквозь пустыни
Бьют источники где-то,
Но мимо могил
Путь отныне
Путь отныне песками:
Исхоженных мест
Не знают пророки.

Вот одно из пророчеств Олега Соколова, сделанное им в далёком 1975 году:

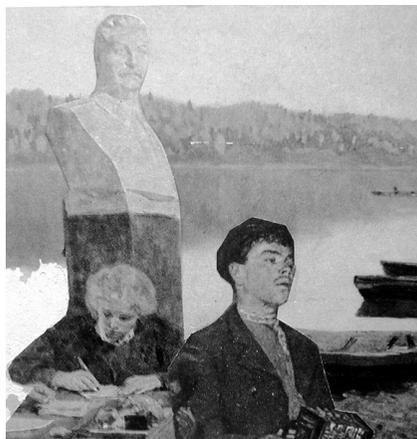
И снова в путь, дорога в никуда
Смешала ценности России,
Над коммунизмом обессилив,
Пробьёт дорогу вешняя вода.

У одного из любимых писателей О. Соколова Оскара Уайльда есть такие строки: «Несогласие мнений о каком-нибудь создании искусства свидетельствует, что это создание ново, сложно и жизненно. Если критики между собой несогласны, — художник в согласии с собой». Кажется, в подобных случаях О. Соколов испытывал такие же чувства

В известном стихотворении «Я математик Норберт Винер...» (1970) есть строки:

Но, к сожалению, не часто
С упрямой логикой в ладу,
Как нерентабельный участок,
Мы рубим яблони в саду.

Конечно же, мы узнали этот чеховский образ «вишнёвого сада», но у О. Соколова этот образ звучит так своевременно и к месту, что не воспринимается, как эпигонство. Можно сказать, что образ чеховского вишнёвого сада продолжает жить в образе, созданном О. Соколовым.

Чтобы не было скучно господам реалистам

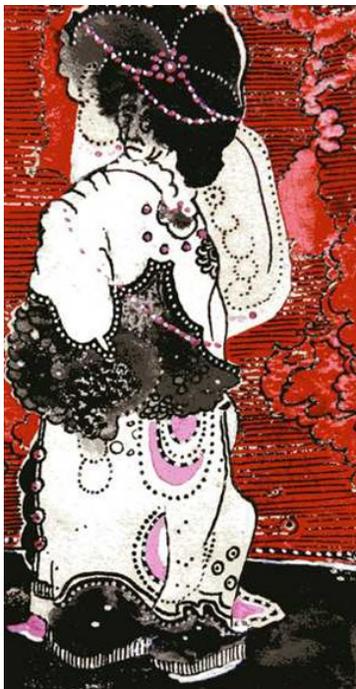
Одним из художественных направлений второй половины XX века был поп-арт, возникший ещё в середине 50-х годов в Англии и Америке и оформившийся к началу 60-х в эпоху «общества массового потребления». Основным принципом этого искусства становится эстетизация вещи, мира вещей. Вспомним, что именно в эти годы становится модной профессия дизайнера, хотя сама идея дизайнера родилась в эпоху Баухауза, в Германии в 20-е годы XX века. Несмотря на некоторый утилитаризм эстетики поп-арта, представителям этого направления удалось создать ряд интересных произведений искусства, отличающихся новизной. Официальная художественная критика скептически относилась к поп-арту, называя его буржуазным искусством. Поп-арт и другие новейшие направления искусства XX века были той школой, той лабораторией, которые в конце концов должны привести к возникновению искусства XXI века. Именно это хотел сказать О. Соколов, видя в современном ему искусстве старт искусства XXI века:

Художникам XXI века

Ты на планете неизвестной нам,
Ты не познал ещё, где правда, где обман,
Но только в памяти настёрное хранишь:
Гул городов земных, степную тишь.
И ты создашь на этой целине
Свой переулок, выжженный в огне.
Ты вдохновением блеснёшь,
Горстями, бросив россыпь звёзд.
И, что б восполнить и тоски урон, —
Акаций сломанных с гнездовьями ворон
Но всё равно
Твой мастерский поп-арт—
Старт.

Известно, какое влияние оказала японская графика на европейское искусство. Это стало возможным, когда японские цветные гравюры впервые появились в Европе в конце XIX века. Ван-Гог, Гоген, Матисс и многие другие выдающиеся европейские художники восхищались умением японцев передавать настроение с помощью линии, формы и цвета, строгого художественного расчёта. Для японских художников важен был не естественный цвет предметов, а определённое соотношение цветов, их музыкальность. Тонкие и изысканные японские гравюры напоминали и традиционные японские стихи хайку (хокку) и танка, которые возникли из народной песни. О. Соколов с восхищением относился и к японской графике и к японской поэзии. Японская тема занимает определённое место и в его поэтическом творчестве. Япония с её синтоизмом, эстетикой Белого Света, символикой национальной игры «Охота самураев» всегда привлекала О. Соколова. Он пишет стихотворение «Икэбана», приводит высказывание великого японского художника К. Хокусай (1760-1849), близкое, видимо, и ему самому: «Если собираешься, что-либо нарисовать, то оставь всякие высокопарные теории, а лучше в каждую, изображённую тобой форму, вложи свою душу». О. Соколов был знаком с творчеством великого японского поэта XVII века Мацуо Басё и даже приводит одно из его хокку:

Как безмолвен сад!
Проникает в сердце скал
Тихий звон цикад.

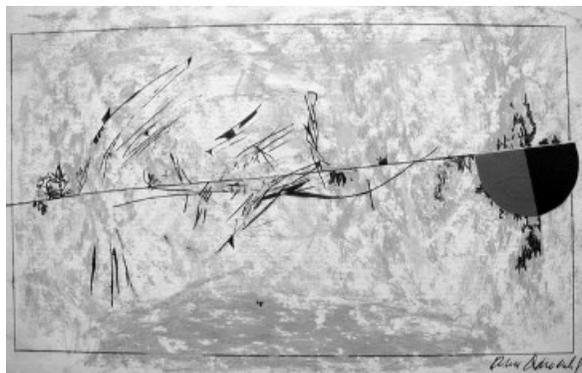

Восточные мотивы

Юкио Мисима

«Баллада о райцентре и о букете хризантем с траурной лентой», посвящена смерти выдающегося японского писателя и драматурга Юкио Мисимы (1925-1970). Мисима совершил харакири по законам «Бусидо» — кодекса самурая после неудавшейся попытки государственного переворота. Возможно, О. Соколов преувеличил значение этого акта под влиянием неточной газетной информации. Но это говорит о том интересе к Японии, который был у него. И этот интерес был взаимным. В Японии высоко оценили художественное творчество О. Соколова.

Памяти Осипа Мандельштама. Цвет воздуха

Автопортрет

Как и всякий мастер, О. Соколов в молодые годы, годы учёбы был подвержен различным влияниям. В живописи это были художники русской реалистической школы, в графике — Бердсли. О влияниях на его поэзию писалось выше. Со временем, однако, он создал свой собственный стиль, особенно в графике. В его зрелых работах всегда проявляется его яркая индивидуальность. Они узнаваемы. То же и в поэзии. Характерными чертами его поэзии являются образность, афористичность, парадоксальность. Точные образы выражены О. Соколовым иногда очень скупыми средствами:

Застывшие догмы
Мертвеющим ртом
В спокойствии слов
Сил источник иссяк
Кремлёвских волхвов
Приносящих пустяк

Словоблудие теорий
В слякоти Октября.

Ещё образы из разных стихотворений:

У предрассветного скитанья в сновиденьях
Пробились птиц шальные голоса

И утро с криком петуха
Ледком январским хрустнуло

Когда луна иероглифы свои
Сквозь лозы виноградные разложит

Он часто использует такой стилистический приём, как алогизм с целью подчеркнуть внутреннюю противоречивость вещей и явлений:

Главное в движении — покой...

.....
Когда бы форма на своём веку
Когда бы цвет к нелепости причастный
Когда бы ночи сумрак ясный...

.....
Ты слышишь тишина
Тобою что ль оглушена
Она имеет цвет и смысл
она кричит, остановись.
Никому не дано изведать
Тайну знаков чужой души
Неожиданные победы
Оглушительной тишины.

.....
Наша карта — надёжный случай
Неоткрытых ещё берегов.

В одном стихотворении часто повторяются слова — ещё один приём, применяемый О. Соколовым:

Добро во зле,
Добро во зле.
.....
Испаряется соль,
Испаряется соль
Из жизни, лишённой вызова

Один из приёмов иногда применяемый О. Соколовым — т.н. строчный перенос, когда фраза, начатая в одной строке, переносится в другую. Делается это для усиления интонационно-ритмического звучания. Примером может служить стихотворение «Украли выставку», уже приведенное выше.

Традиционная поэзия это образ, рифма, смысл, логика и многое другое, конечно. В современной поэзии логика и смысл иногда отсутствуют, отдельные строки не связаны между собой, а каждая из них может иметь (а может и не иметь) свой смысл и свой образ. Слова подбираются иногда не по смыслу, а по звучанию в угоду музыке стиха, чтобы создать определённое настроение, некий обобщённый об-

раз. В этом видится смысл таких стихов. Это началось ещё с А. Фета, продолжено и развито О. Мандельштамом. Такие стихи встречаются и у О. Соколова.

У края сна, где пропасть пролегла
Послушная, как древняя цевница,
Где научили нас любить и лгать
При молниях, при вспышках блица

Других пространств и слава и позор
Сознание проплывшего ненастья
Один намёк на призрачное счастье
Замёрзших окон сказочный узор.

И в топки окон август накидал
Расплавленные слитки лета.
Так было, есть, пребудет так всегда
И обернётся песней недопетой

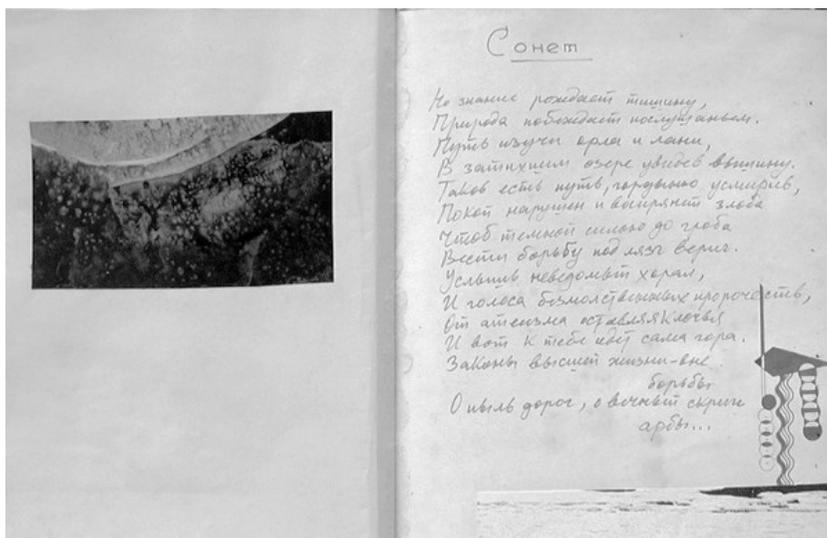
Интересно, что его поэзия была принята кригикой более благожелательно, чем его живопись и графика, возможно потому, что в своём поэтическом творчестве он не был модернистом. Точнее, его модернизм проявлялся больше в содержании, иногда в образах, но не в форме стихов. Стихи же он писал обычными «фиолетовыми» чернилами, а вот картины:

Я фиолетовым пишу стихи.
Я красным сочиню о закатах,
О невосполненных утратах,
Где нет хороших и плохих.
Я жёлтым о сирени расскажу,
Сиреневым — о венчиках ромашек,
Где бой цветов
кровопролитно-страшен
В июньских полднях
затаилась жуть...
Зелённое годится для всего:
Для небосвода,
для исчадий ада,
Которым ничего не надо
Которым — что столетие, что год.
А красное вершит полемик ход...

Поэтические тетради О. Соколова — это не только его стихи, но и вырезки из газет с высказываниями Конфуция, П. Элюара, О. Родена и др., которые, видимо, были ему близки, со стихами других поэтов, например В. Шекспира, Б. Окуджавы, Р.М. Рильке, Л. Маргынова. Некоторые страницы содержат газетные или журнальные репродукции других художников или его собственную графику.

Завершая рассказ о поэтическом творчестве выдающегося художника, хочется подчеркнуть, что задача настоящей работы — пробудить интерес к поэзии Олега Соколова с целью скорейшего издания его стихов, пока живы люди, которые знали, понимали и ценили его, как разностороннюю творческую личность, пока

сохраняются его архивы. Большинство стихотворений не подготовлены к печати и потребуется бережная литературная редакция их.

Страницы рукописи

Олег Соколов был лирический поэт, его стихи были выражением его яркой индивидуальности, его мироощущения, его чувств и переживаний, наконец, как и его художественное творчество, были способом утверждения его личности. А ведь лирическая поэзия всегда связана с риском истолкования, как это было показано выше. Поэтому можно ожидать и другие исследования, может быть более полные.

Нет сомнения в том, что поэтическое творчество выдающегося одесского художника, интересного поэта и замечательного человека Олега Аркадьевича Соколова, станет достоянием широкого круга любителей поэзии и всё новые и новые поколения любителей искусства будут с благодарностью обращаться к его наследию.

Борис Тененбаум

ДОН ФРАНЦИСКО ДЕ БОРХА

Испанская ветвь дома Борджиа

I

Донья Мария Энрикес де Луна происходила из знатного рода Энрикесов и доводилась кузиной самому Фердинанду, королю Арагона. Энрикесы (Enríquez) были грандами 1-го класса, и хоть и происходили от незаконной связи Альфонса Справедливого с прекрасной Леонорой де Гусман, все же считались некоей ветвью династии Трастамара.

А поскольку короли этой династии правили и в Кастилии, и в Арагоне, и в Неаполе, то Энрикесы были осыпаны милостями и привилегиями. Скажем, начиная с XV века только Энрикесам старшей линии было позволено носить титул адмирала Кастилии.

Понятно, что девушку из такой семьи замуж выдавали не за первого встречного — и донья Мария в ранней юности была просватана за дона Педро Луиса де Борха, или Педро Луиса Борджиа, старшего сына папы Александра VI. Брак обещал быть счастливым, но осуществиться не успел, потому что жених доньи Марии внезапно умер.

И в сентябре 1493 года она вышла замуж не за него, а за его сводного брата, дона Хуана, так что он унаследовал не только владения покойного, не только его титул герцога Гандии, но и его невесту.

Жили супруги не всегда в полном согласии, но так или иначе произвели на свет мальчика, Хуана II, которому предстояло унаследовать отцовские титулы и поместья.

В 1497 году дон Хуан де Борха, или Хуан Борджиа, 2-й герцог гандийский, испанский гранд и гонфалоньер Церкви, уехал в Италию, оставив жену беременной.

Она родила ему дочь, Изабель, но отец этого своего ребенка так никогда и не увидел, потому что еще до рождения девочки он был зарезан в Риме, его израненное тело было выловлено из Тибра — и прежняя жизнь доньи Марии на этом закончилась.

Герцогиня Гандии потеряла мужа, но обрела миссию — увековечить память своего супруга и покарать его убийцу. Она перестроила церковь, стоявшую возле герцогского дворца, удвоила ее в размерах и превратила в монумент союза домов Энрикес и Борджиа.

Гербы обоих семейств украшали стены, на обозрение верующим были выставлены священные реликвии, присланные в Валенсию папой Александром — например, «частица Истинного Креста Господня»

А за алтарем была выставлена скульптура Мадонны, и полотно, на котором изображены Матерь Божья, святая Катерина и святой Доменик, а ниже поставлены три фигуры. Предположительно они изображают братьев Борджиа: Хуана, Цезаре и Жоффри.

Хуан Борджиа, герцог гандийский, стоит на коленях перед Богородицей, которая протягивает к нему красную розу, символ мученичества. Его герцогский берет лежит на земле, возле него.

А напротив коленапреклоненного мученика изображен другой человек, с бородой, но еще в самом цвете лет. В руках у него меч, обращенный острием вниз — знак раскаяния, а лицо представляет собой точную копию с портрета Чезаре Борджиа, известного нам по гравюре, помещенной в книге Паоло Дживово «Gli Elogi».

Мать Божья, по-видимому, молит Христа о снисхождении к убийце.

II

Удалось ли Богоматери, вселенской заступнице, вымолить у Христа прощение братоубийце, выяснить затруднительно. Но вот то, что донья Мария, хоть и добрая христианка, простить его не хотела и не могла, это мы знаем совершенно точно.

Она требовала суда и кары — и, когда Чезаре Борджиа все же сумел уйти из рук испанского правосудия, она не успокоилась и делала все, что только могла, для того чтобы убийца ее мужа не остался безнаказанным. Но после 1507 года, когда Чезаре покинул этот свет и перешел в мир иной, чтобы предстать наконец перед своим Создателем, донья Мария де Борха, сиятельная герцогиня Гандии, оставила свои усилия и положила на Господа.

Она положила на него настолько крепко, что ее чувства в полной мере передались обоим ее детям. Они выросли глубоко религиозными людьми, и дочь доньи Марии, Изабелла де Борха, даже постриглась в монахини [71].

Кто знает, может быть, и ее брат, дон Хуан де Борха, 3-й герцог Гандии, последовал бы ее примеру, но у него были обязанности перед семьей.

Его мать продала все итальянские имения своего покойного мужа и вложила деньги в покупки земли в Испании. Она сумела очень серьезно округлить владения дома Борджиа, и ее сын оказался богатым человеком, одним из первых грандов Испании. Достояние рода не должно было пропасть втуне, 3-му герцогу гандийскому требовались наследники.

Значительное состояние дона Хуана не ускользнуло и от внимания его суверена, короля Фердинанда. И он решил, что это обстоятельство может послужить и его целям. У короля был сын, Альфонсо, рожденный от внебрачной связи. Король его пристроил и сделал архиепископом Сарагоссы — папы римские были внимательны к просьбам его католического величества, могущественного короля Фердинанда, и рукоположение прошло без всяких осложнений, хотя новый архиепископ мессу читал один-единственный раз в жизни, и при этом как раз во время церемонии своего рукоположения.

Он был веселым прелатом, как раз в духе многих и многих своих итальянских коллег — любил вино, веселье и женщин. Но обеспечить будущее своему потомству он не мог, сан архиепископа по наследству не передавался — по крайней мере, не передавался автоматически.

И тогда король Фердинанд взял заботу на себя и предложил свою внучку, дочь дона Альфонсо, в жены герцогу Гандии, дону Хуану де Борха — и он вступил в брак, который оказался счастливым. А когда супруга дона Хуана умерла, он женился еще раз.

И в отношении производства наследников преуспел так, как мало кому удавалось — у него было 18 детей, из которых 17 были детьми законными.

При таком количестве детей и при том, что в Испании существовала система майората, при которой основное состояние наследовалось старшим сыном, управиться с обеспечением младших было нелегко. Поэтому детей с самого начала готовили к церковной карьере — король Фердинанд тут ничего нового не открыл.

Старший в роду получал в наследство титул и становился знатным грандом, а остальные шли в Церковь, или на военную службу, или в королевскую администрацию — но Церковь все же была самым надежным выбором.

Так что детей дона Хуана воспитывали в глубоком благочестии.

Но получилось как-то так, что наибольшую склонность в этом направлении обнаружил как раз старший сын, дон Франсиско. Он был настолько погружен в свои духовные занятия, что его даже упрекнула в этом его мать, которая сказала ему однажды, что «молила Бога, чтобы ее сын стал достойным кавалером, а не смиренным монахом».

Она умерла, когда мальчику было всего 10 лет, и заботы о превращении монаха в кабальеро легли на отца мальчика. Он определил его пажом к молодому двору внучки короля Фердинанда, Катерине. Там Франсиско де Борха и оставался вплоть до замужества своей госпожи. В 1525 году ее выдали замуж за короля Португалии, а ее 15-летний паж Франсиско вернулся домой.

Теперь он выглядел поближе к идеалу настоящего испанского идалго — превосходно ездил верхом, прекрасно владел оружием и даже выходил на арену против быков. В его храбрости уже никто не мог бы усомниться, и заботливый отец решил сделать следующий шаг в трудном деле подготовки наследника — Фран-

сиско начал заниматься юридическими науками. Он делал это в Сарагоссе, под крылом своего дяди-архиепископа.

А потом наступил 1527 год.

III

В силу редчайшего стечения обстоятельств вышло так, что у Максимилиана, императора Священной Римской империи, и у Фердинанда, короля Арагона, оказался один-единственный их общий внук, Карл Габсбург.

К тому же Карл унаследовал все владения и титулы своей бабки, Изабеллы, королевы Кастилии, а владения Кастилии включали в себя еще и Новый Свет.

А поскольку владения Арагона состояли не только из Арагона, но еще и из Сицилии, и из завоеванного королевства Неаполь, то получилось так, что император Карл V поистине владел «империей, над которой не заходило Солнце».

Это обстоятельство очень не понравилось другим государям Европы, и одним из них оказался папа римский Климент, выступивший тут как светский правитель Папской области. В результате его столь неосторожной политики в 1527 году Рим оказался взят штурмом войсками Карла V и разгромлен так, как не случалось со времен готов и вандалов [4]. Дворцы были разграблены, монастыри разнесены, монахинь насильовали прямо на улицах, а число убитых и искалеченных шло уже на многие тысячи.

Событие это потрясло Европу, оно стало переломным моментом в истории папства.

Основной контингент осаждавших составляли немецкие наемники, для которых Рим был символом отступничества от христианских ценностей, погрязшим в грехах.

Всякому было понятно, что то, случилось, отнюдь не случайно, и немислимое прежде событие, при котором «столица мира», местопребывание папы римского, Викария Христа, оказалась разгромлена христианским войском, стало возможным только потому, что уважение к Папству оказалось поколеблено до самых своих основ.

И кто был более виновен в этом — ересиарх и отступник Мартин Лютер или Святой Отец, папа Александр Борджиа?

И что должен был думать об этом 17-летний глубоко религиозный юноша, дон Франциско де Борха, по отцовской линии — правнук папы Александра, а по материнской — правнук короля Арагона Фердинанда? Войска внука которого, императора Карла V, как раз и были в ответе за разгром Рима?

Ну, что подумал дон Франциско, мы не знаем, он своими мыслями на эту тему с потомством не поделился. Мы знаем, что он сделал — дон Франциско де Борха, будущий 4-й герцог Гандии, поступил так, как должно поступить испанскому гранду: он принес на службу своему суверену, императору Карлу, все свои силы и способности.

И служил он ему доблестно и преданно.

Когда Карл уехал из Испании, оставив там регентом свою супругу Изабеллу, дон Франциско стал одним из ее главных советников. Императорская чета настолько уважала его преданность, способности и благочестие, что вдобавок к прочим обязанностям они определили его наставником наследного принца Филиппа.

Дон Франциско женился в 19 лет и вскоре, вполне в традициях своего семейства, обзавелся восемью детьми. В 1536 году вместе со своим государем проделал

военную кампанию в Провансе — война ему не понравилась. Он нашел ее слишком грязным и слишком жестоким занятием.

В 1539 году умерла императрица Изабелла, супруга Карла V.

Дон Франсиско был ей глубоко предан, и, пожалуй, можно даже сказать, что они были друзьями — его жена была подругой Изабеллы и ее фрейлиной. И к искренней дружбе прибавлялось и то обстоятельство, что императрица Изабелла как-никак была его государыней, и ей, по его понятиям, следовало служить не только из чувства долга, но и в силу рыцарской преданности.

И вот, она умерла, еще совсем молодой.

Карл V любил жену. Он был потрясен горем, удалился в монастырь Ла Сисла, недалеко от Толедо, передав все хлопоты по организации похорон императрицы двум самым близким ей людям — дону Франсиско де Борха и его супруге.

Запаянный свинцом гроб надо было везти далеко, в Гранаду. Там была построена капелла, служившая усыпальницей кастильских королей.

Похоронная процессия была обставлена очень торжественно, двигалась с частыми остановками, да и в любом случае двигаться быстро с таким грузом по тем временам и по тем дорогам было бы нелегко.

В итоге прошло немало времени. Когда пришла пора опустить гроб в землю, его следовало по протоколу вскрыть в присутствии королевских нотариусов — надо было убедиться и торжественно засвидетельствовать, что в нем находятся останки императрицы.

Как оказалось, распад уже сильно затронул тело — вместо лица была видна только бесформенная масса гнили, издававшей невыносимый запах. Поклясться в том, что это именно Изабелла, его покойная госпожа, смог только один дон Франсиско — все то время, что гроб везли в Гранаду, он не спускал с него глаз.

Его клятва была сочтена королевскими нотариусами достаточной.

Гроб императрицы был опущен в склеп, а дон Франсиско де Борха, будущий 4-й герцог Гандии, испанский гранд 1-го ранга, дал еще одну клятву:

«Nunca mas servir a senor que se me pueda morir».

В переводе на русский это означало, что он клянется «никогда больше не служить господину, которого у него сможет отнять смерть».

Дон Франсиско отныне хотел служить только Богу.

Общество Иисуса

I

Недалеко от Барселоны, в горах, посреди довольно мрачной местности, и по сей день стоит Монсеррат, уединенный монастырь бенедиктинцев.

В монастыре была чудотворная статуя Мадонны, и к ней на поклонение сходилось множество паломников. 24 марта 1522 года, как раз в день перед Благовещением, некий паломник, прибывший в монастырь с той же целью — поклониться образу Богородицы — исповедовался, как и полагалось.

А потом, в знак особого своего усердия и христианского смирения, переоделся в рубище и отдал свою одежду нищему.

Собственно, в Монсеррат он пришел тремя днями раньше, 21 марта, но все это время готовился к полной исповеди.

И подготовился на совесть — рубище кающегося, посох, флягу и полотняные туфли на веревочной подошве он купил загодя, в городе Игуальда, недалеко от аббатства.

После исповеди паломник не ушел, а начал так называемую «Ночную стражу» Это особая церемония, которая состояла из омовения, исповеди, причастия, благословения и вручения меча — после чего прошедший церемонии посвящался в рыцари.

Всю ночь паломник простоял в часовне перед образом Пресвятой Девы, не позволяя себе садиться.

Он иногда опускался на колени, правда, задаваясь вопросом: считать ли это слабостью? И, по-видимому, пришел к выводу, что если это и слабость, то она простительна, ибо коленопреклонение есть знак смирения и служения, а он жаждал и того, и другого.

На рассвете паломник посчитал, что отныне он посвящен в рыцари Царицы Небесной. А потом сделал более чем необычную для всякого рыцаря вещь — отдал все свое оружие монаху-исповеднику и попросил повесить в часовне и его меч, и его кинжал как смиренное приношение Божьей Матери.

После этого повернулся и ушел не оглядываясь.

Путь его лежал далеко, в Иерусалим, а достичь Святой земли паломник собирался, питаясь подаянием, так что время путешествия рассчитать он не мог.

Поэтому он торопился.

II

Паломника на кастильский манер звали дон Иниго Лопес де Лойола, но, поскольку он был не кастильцем, а баском, то по-настоящему его следовало бы именовать Инацио Лойолакоа (исп. Ignacio (Íñigo) López de Loyola, баск. Inazio Loiolakoa).

Он родился около 1491 года в замке Лойола в баскской провинции Гипускоа и был тринадцатым ребенком в своей большой семье.

В 14 лет он остался круглым сиротой, и старший брат отправил его к дону Хуану Веласкесу, казначею Кастильского двора. Там юный Иниго и служил пажом, а когда достиг совершеннолетия, перешел на военную службу.

Ясно было, что благородному, но бедному дворянину не на что было рассчитывать, кроме собственной шпаги и храбрости. С храбростью у него все было в порядке — как дон Иниго вспоминал позднее, он не ценил ни своей, ни чужой жизни и воевал отважно.

Впрочем, и в мирной жизни он был крайне щепетилен в вопросах личной чести, даже по высоким стандартам гордого испанского дворянства — так что дуэли у него случались то и дело.

Все поменялось после того, как при защите Памплоны от французов он был опасно ранен.

Дону Иниго пришлось пройти через несколько мучительных операций, он чуть не умер, а когда несколько оправился, принялся за чтение.

Рыцарских романов, которых он было потребовал, под рукой не оказалось, но зато нашлись «Жития святых». И он обнаружил там нечто, чего не чаял найти — героизм.

Как сам дон Иниго говорил позднее:

«героизм этот отличен от моего — и он выше».

Что-то не слишком понятное произошло в душе раненого солдата. Пробудившаяся глубокая вера давала ему покой и утешение. Уже много позднее он говорил следующее:

«Я в молодости был внимателен к своей наружности, падал на успех у женщин, смел в своих ухаживаниях, придирчив в вопросах чести, ничего не боялся и предавался роскоши...»

Ну, примем это заявление с некоторым сомнением: какой уж такой особой роскоши мог предаваться бедный дворянин, живший только на свое военное жалованье?

Но когда после ранения он оказался недвижим в своем родовом замке, то обнаружил — если мы несколько перефразируем его собственные слова, — что после чтения нескольких страниц из «Жития святых» его душой овладевал непостижимый мир, в то время как мечты о славе и любви оставляли ощущение опустошенности. И он решил, что первое идет от Бога, а второе — от дьявола.

Иниго де Лойола решил служить Богу.

Ну, а остальное мы уже знаем. Он отправился в монастырь Монсеррат, принес свои обеты и отправился паломником в Святую землю. Конечно, там правили турки, но на венецианских галерах можно было добраться до Акры. А дальше двигаться по пыльным дорогам к Вифлеему и к Иерусалиму — христианским паломникам турки ничем не мешали. Паломничество только укрепило Иниго Лойолу в убеждении правильности принятого им решения.

Он сделал попытку остаться монахом во францисканском монастыре, и настоятель его было согласился принять благочестивого странника. Но по каким-то причинам соглашение все-таки не состоялось.

Иниго Лойола, самопосвященный рыцарь Пресвятой Девы, вернулся в Европу.

III

Его потом немало поносило по свету. Поскольку в юные годы учеьем его не обременяли, он понял, что для будущей деятельности ему необходимы знания. Но для поступления в университет требовалось знание латыни, и тогда в 1524 году Иниго Лойола начал изучать латынь.

Ему было тогда примерно 33 года от роду, а заниматься пришлось в начальной школе, с малыми детьми. Его это не смутило, и через два года он достиг таких успехов, что преподаватели сказали, что теперь он знает достаточно, чтобы слушать лекции в университете. Он начал в Алькале, неподалеку от Барселоны, — и угодил в тюрьму по доносу, в котором его обвинили в ереси.

Очень уж выделялся среди студентов 35-летний бывший солдат, одержимый Верой. В Испании того времени к самостоятельным поискам религиозной истины относились с огромным подозрением — все помнили, что страшная ересь лютеранства началась с того, что ученейший доктор богословия Мартин Лютер возомнил, что может иметь собственное суждение о Евангелии.

В общем, дело для Лойолы могло бы обернуться худо, но Бог над ним смиловался.

Все обошлось — судьи приговорили его всего лишь к запрету проповедовать в течение следующих трех лет. От греха подалее ему посоветовали перебраться в

Саламанку, но и там повторилась такая же история — сперва на него поступил донос с обвинением в ереси, потом суд, который не нашел в его действиях состава преступления, но посоветовал уехать, дабы не смущать простые души.

И в итоге он уехал в Париж, в Сорбонну.

Он проучился там шесть лет, с 1528 года и по 1534-й, и получил степень доктора богословия.

Дальше случилось нечто весьма знаменательное. Иниго де Лойолоа — или по-другому Игнатий Лойола, вместе с шестью своими единомышленниками принял важное решение.

В энциклопедии на эту тему сказано следующее:

«15 августа 1534 г., в день Успения Пресвятой Богородицы, на Монмартре, в церкви Святого Дионисия, они — все семеро — во время мессы принесли обеты нестяжания, целомудрия и миссионерства в Святой земле. В случае невозможности выполнения последнего обета до 1 января 1538 г. было решено отправиться в Рим и предоставить себя в распоряжение Святому Престолу».

Ну, двинуться на Святую землю оказалось не так-то просто. Между Турцией и Венецией началась очередная война.

Игнатий Лойола застрял в Венеции. Он продолжал там занятия теологией, работал с больными в госпиталиях, а в 1537 году вместе со своими товарищами был рукоположен в священники. Проповедники нового товарищества переместились в Рим, и там начались конфликты со сложившейся системой — церковная иерархия очень уж сильно отличалась по духу от «новых проповедников» слова Божия.

Опять пошли разговоры про ересь.

Надо было что-то делать — и порешили они официально образовать новый монашеский орден. Игнатий Лойола добился встречи с папой римским, Павлом III. Их встреча оказалась плодотворной — папа счел, что новый орден послужит делу Церкви, ибо необходимость очищения ее была очевидна и ему.

Устав нового ордена — Общества Иисуса — в дополнение к трем стандартным обетам: послушания, целомудрия и нестяжания — добавил еще один.

Члены ордена клялись в непосредственном повиновении Святому Отцу, по формуле полного отказа от собственной воли — «повиноваться как трупу».

27 сентября 1540 года орден иезуитов был утвержден папской буллой «Regimini militantis ecclesiae». В 1541 году Игнатий Лойола был избран первым генеральным настоятелем ордена.

Его называли генералом иезуитов.

IV

Первая встреча Лойолы с доном Франциско де Борха состоялась в 1546 году. Беседа у них вышла долгой. Дон Франциско, собственно, явился к генералу ордена иезуитов с просьбой — он хотел принять сан и присоединиться к ордену.

Разрешение было даровано немедленно, но с оговоркой, которая заслуживает подробного рассмотрения.

Игнатий Лойола повелел новому брату оставаться в миру и вести себя так, как если бы ничего не произошло, и он по-прежнему оставался тем, кем он и был: 4-м герцогом Гандии, испанским грандом 1-го класса.

Генерал ордена иезуитов полагал, что таким образом брат Франсиско лучше послужит и ордену, и Церкви, и «будет сие к вящей Славе Господней».

Тайное членство в ордене было важнейшим новшеством.

Орден Игнатия Лойолы строился по всем принципам, свойственным военной организации: «жесткая дисциплина, строгая централизация, беспрекословное повиновение младших по положению старшим, абсолютный авторитет главы ордена, пожизненно избираемого генерала, подчиненного только и непосредственно папе римскому».

Генерал ордена очень быстро получил неофициальное прозвище «черного папы», потому что формула подчинения папе римскому «повиноваться как труп» применялась и внутри ордена.

Власть генерала над собратьями была абсолютной.

Теперь же ко всему этому добавлялось новое правило:

«Для большей успешности деятельности орден разрешает иезуитам вести светский образ жизни, сохраняя в тайне свою принадлежность к ордену».

Дон Франсиско де Борха был в контакте с Обществом Иисуса еще с 1541 года. Он был тогда вице-королем Каталонии, занимался множеством важных дел, искореня мятежи и разбои, и тем не менее нашел время для того, чтобы встретиться с отцом Антонио Араизом (Antonio Araiz), посланным орденом в Барселону. Вице-король немедленно помог ему всем, чем только мог.

Когда овдовевший дон Франсиско ушел со своего поста для того, чтобы устроить наконец дела в своих многочисленных имениях, он не оставил иезуитов своей помощью.

Им был выстроен монастырь, в котором завели нечто вроде училища для будущих священников — их там готовили к рукоположению.

А преподавали в школе отцы-иезуиты.

Игнатий Лойола был дальновиднейшим человеком. Он считал, что будущие сражения с гидрой ереси и Реформации будут происходить на поле боя идей и наилучшим оружием послужит не меч, а знание. Поскольку дон Франсиско де Борха помогал строить иезуитский университет, ему следовало продолжать делать это, до поры не привлекая внимания к этому факту и не обнаруживая своих связей с Обществом.

Его час еще придет.

К вящей славе Господней...

I

Путешествие, в которое пустился дон Франсиско де Борха в 1550 году, имело те же цели, что и паломничество Игнатия Лойолы в Святую землю — духовное самосовершенствование.

Но 4-й герцог Гандии, иезуит тайный, а для всех прочих по-прежнему остававшийся в миру дон Франсиско, испанский гранд 1-го ранга, не мог путешествовать, собирая милостыню по дороге. Так что он не шел пешком, как когда-то сделал Лойола, а ехал на коне и был он не один, как Лойола когда-то, а в сопровождении трех десятков слуг.

И путь дона Франсиско лежал не в Иерусалим, а в Рим. Но ехал он не к папе римскому, а к генералу своего ордена, Игнатию Лойоле, и намерен был испросить у него позволения присоединиться к ордену Иисуса, на этот раз открыто и на виду у всех.

Дон Франсиско очень изменился за те немногие годы, что прошли со времени его встречи с Лойолой. Он, например, очень похудел. Если в 1541-м он не без юмора писал императору Карлу V, что его погоне за разбойниками Каталонии сильно мешает то, что ему трудно втиснуть свое брюхо в латы, то сейчас, в 1550-м, никаких проблем с латами у него не возникло бы.

Дон Франсиско занимался духовными упражнениями со всей серьезностью, а упражнения эти включали в себя долгие посты и умерщвление плоти. Каждый вечер, оставаясь один в своей комнате, он стегал себя плетью, и слуги говорили, что иной раз они слышали звуки сотни ударов, а наутро рубашки их хозяина на спине оказывались окрашены кровью.

Кортеж дона Франсиско передвигался без особой помпы, и сам герцог останавливался не во дворцах местных властителей, а на обычных постоялых дворах.

Он всячески избегал всех обычных церемоний, подобающих его рангу, но в Ферраре ему пришлось сделать исключение из этого правила. Эрколе Второй, сын Лукреции Борджиа, не мог позволить своему «дорогому кузену» Франсиско де Борха проехать через его владения просто так — и он настоял на том, чтобы дон Франсиско задержался в Ферраре на несколько дней, и устроил в его честь подобающие празднества.

Похожая история случилась при въезде в Рим — дон Франсиско там дождался посол императора Карла, Фабрицио Колонна, и несколько кардиналов, чье возвышение было так или иначе связано с родом Борджиа, — и все они с нетерпением ожидали, когда же смогут устроить ему самую торжественную встречу, какую они только смогут выдумать.

Все это было настолько не по душе самому дону Франсиско, что он специальным письмом испросил у Лойолы позволения въехать в Рим ночью.

В позволении было отказано.

Орден иезуитов предпочитал, чтобы дон Франсиско въехал в Рим, окруженный максимальным количеством земных почестей, — и он подчинился.

Но уже в Риме, получив приглашение папы Юлия III остановиться в папском дворце, дон Франсиско со всей возможной учтивостью это приглашение отклонил, сославшись на то, что его место — среди его собратьев по духу, иезуитов, и он поживет с ними, в их смиренной обители.

Дело в том, что орден вырос уже настолько, что обзавелся в Риме собственной резиденцией — там-то Лойола и жил. И гордый испанский гранд, дон Франсиско де Борха, 4-й герцог Гандии, переступил порог жилища Игнатия Лойолы, простерся перед ним ниц и поцеловал его руку.

Паломничество дона Франсиско завершилось.

II

Первая проповедь, которую отец Франсиско читал публично, состоялась в городке Вергара, расположенном недалеко от родового замка семьи Лойола.

Событие это оказалось столь значительным, что сам папа римский обещал полное отпущение грехов всякому, кто прослушает ее лично, так что алтарь при-

шлось перенести на площадь — слишком уж много народу собралось в Бергаре, их и площадь-то не вмещала, и в задних рядах проповедника было слышно плохо.

Это ничему не помешало — именно в задних-то рядах больше всего народу и плакало.

Дело было не в тексте читаемой проповеди — отец Франсиско, еще недавно бывший доном Франсиско де Борха, грандом и герцогом Гандии, говорил на кастильском, которого большая часть его баскской аудитории не понимала.

Но так велик был эмоциональный заряд толпы, пришедшей послушать «святого герцога», и столь заразительно искренней была его речь, что слушатели не могли прийти в себя от восторга и умиления.

Проповедь окончилась, и отец Франсиско, не слушая никаких кликов восторга и благодарности, удалился к себе.

Он жил очень уединенно, выполнял все предписанное ему со стороны его орденского начальства и помянул свой прежний высокий сан только один раз.

Когда его руководители отвергли кандидатуру новичка, желавшего вступить в орден и которого сам отец Франсиско считал достойным этой чести, он, по слухам, сказал, что до глубины сердца благодарен Господу за то, что родился герцогом — иначе и его бы не взяли.

Ну, может быть, в такой форме проявился его юмор — если он, конечно, сумел сохранить его, несмотря на все с ним происшедшее.

Ибо дон Франсиско де Борха отрекся от всего земного, и принял рукоположение, и стал священником, и жил теперь неподалеку от того места, где родился Игнатий Лойола. Он даже как бы с ним породнился — один из сыновей дон Франсиско не пожелал покинуть отца и поселился с ним рядом, а в жены себе взял донью Лоренцу Оньез де Лойола, родственницу основателя ордена иезуитов.

Отец Франсиско Борха никуда не выезжал, повиновался только ордену и не отвечал ни на какие призывы ни мира, ни Церкви. Когда папа римский предложил ему красную шапку кардинала, он спросил, является ли это повелением Святого Отца или его предложением.

Когда же узнал, что это предложение, он его отверг.

Конечно, слепое повиновение приказам папы — долг иезуита, но если ему позволено сохранить свободу воли, то в этом случае ранг князя Церкви он отвергает, будучи недостойным столь высокой чести.

Когда-то, за полвека до решения отца Франсиско отвергнуть сан кардинала, дон Гонсальво де Кордоба заметил, что «эти Борджиа ставят почести выше чести». Он сказал это, поглядев на Чезаре.

До встречи с отцом Франсиско Борха дон Гонсальво не дожил.

III

Выборы генерала ордена иезуитов, состоявшиеся 2 июля 1565 года, были чистой формальностью — избрание отца Франсиско Борха было уже предрешено. Уже добрых четыре года, начиная с сентября 1561, он практически замещал преемника Лойолы, отца Диего Лайнеса.

Генерал ордена, отец Лайнес, был очень занят во Франции — ересь Реформации разрасталась там с каждым днем, и он пытался учредить иезуитские школы на

французской почве. Увы, его усилия не увенчались успехом, хотя он лично и обнаружил большое понимание проблемы и всячески стремился обнаружить умеренность.

В итоге иезуитов все-таки допустили во Францию, хотя и на особых условиях. Государи Европы вообще с подозрением относились к Обществу Иисуса, и это на собственном опыте познал отец Франсиско Борха.

Он, вернейший из слуг императора Карла V, одно время — воспитатель его наследника, принца Филиппа — попал в Испании под расследование инквизиции, и его бывший питомец не только ничего не сделал для его защиты, но еще и способствовал преследованиям.

Началось все с совершенно невероятного инцидента — под запрет испанской инквизиции попала книга «Obras del Cristiano» — «Труды Христианина».

Это была антология благочестивых текстов, написанных отцом Франсиско Борха, и вроде бы ничего еретического в себе не содержала, но инквизиция цеплялась в то время даже к архиепископу Толедо за то, что тот написал катехизис, в котором следователи инквизиции усмотрели мистический уклон.

Король Филипп мог остановить все это единым словом, но он не сделал ничего — и отцу Франсиско пришлось бежать из Испании в Португалию, под защиту португальской Короны.

В Лиссабоне ему были многим обязаны — он в качестве посланца ордена иезуитов много сделал для улаживания тамошних проблем, так что собратья-иезуиты в Португалии обеспечили ему удобное жилище и обеспечили всем необходимым.

Что до короля Филиппа, то его многое раздражало в отце Франсиско — и то, что его родные братья, отпрыски гордого рода де Борха, оказались замешаны в смуты в Каталонии, и то, что сам Франсиско Борха вел себя так, как будто он больше и не подданный испанской Короны — когда папа Пий IV вызвал его в Рим, он отправился туда, не испросив королевского дозволения.

А когда его запросили из королевской канцелярии, почему он это сделал, ответил, что как иезуит он обязан папе римскому слепым повиновением.

Ну, это не был ответ, который понравился бы дону Филиппу, королю Кастилии и Арагона.

Так что с 1561 года отец Франсиско жил главным образом в Риме. Он быстро досрочно до поста генерального викария, при необходимости замещавшего генерала ордена во всех делах.

А с 1565 года заместил его уже полностью и официально.

Общество Иисуса развернуло при нем огромную работу. Упор был сделан на образование — в этом отец Франсиско Борха полностью следовал линии своих предшественников. Иезуитские семинарии, которые к концу деятельности Лойолы обучали около тысячи студентов, теперь выросли вчетверо, появились у иезуитов и свои университеты.

Это дало плоды — в Риме иезуиты стали считаться специалистами по очень многим дисциплинам, не входящим в программу обучения теологов.

Скажем, из их училищ выходили лучшие лингвисты, и это сказалось на миссионерской программе — в Новый Свет стали посылать священников из ордена Иисуса. С королем Филиппом у отца Франсиско состоялось примирение, но уже не на основе подчинения подданного своему государю.

Нет — теперь они были скорее союзниками.

Иезуиты очень помогли испанской Короне в сокрушении восстания морисков в Гранаде. Правда, они это делали по-своему — если старые арабские обычаи бес-

пощадно искоренялись, то на человеческом уровне иезуиты проповедовали политику терпимости и милосердия, что шло вразрез с политикой, проводимой королевской властью.

Так что трения между иезуитами и инквизицией продолжались.

Но особые усилия отец Франсиско Борха приложил к борьбе за дело Веры во Франции. Тут он шел по стопам своего предшественника, отца Диего. В стране шла долгая, вязкая, бесконечная цепочка религиозных войн, в которой католики то сражались с протестантами, то примирались с ними, а французский двор, официально состоящий на стороне католиков, на самом деле из всех сил пытался лавировать между двумя партиями.

Всеми делами при дворе управляла королева-мать, Екатерина Медичи, женщина умная и коварная, прошедшая политическую школу в лучших традициях Никколо Макиавелли.

Она хорошо знала, что конечная победа партии католиков пользу принесет только их вождям, семейству Гизов, а для нее и ее детей станет гибелью, — и всячески старалась найти какой-то компромиссный, средний путь, который помог бы ей остаться у власти.

Никакие доводы отца Франсиско тут не помогли, хотя он даже лично съездил в Блуа, чтобы встретиться там с королевой и «убедить ее в примате Веры». Ехать ему пришлось из Испании, через Пиренеи, и делать это втайне. Так уж получилось, что его путь лежал через владения королевы Наварры, Жанны д'Альбре.

Попадись отец Франсиско к ней в руки, ему бы не поздоровилось — королева Жанна была пламенной кальвинисткой.

Но обошлось — Франсиско Борха добрался до Блуа благополучно и долго убеждал Екатерину Медичи в необходимости и желательности брака ее дочери Маргариты с наследным принцем Португалии — но не убедил.

Она уже решила, что отдаст руку дочери сыну Жанны д'Альбре, Генриху, задлomu протестанту и одному из вождей их партии.

С разбитым сердцем Франсиско Борха поехал обратно в Рим.

Он тяжело заболел по дороге и умер в конце сентября 1572 года. Но он еще успел узнать, что в августе этого года в Париже случилась резня, навеки вошедшая в историю под названием Варфоломеевской ночи.

Свадьба принца Генриха с Маргаритой Валуа обернулась ловушкой для протестантов. Теперь по приказу короля их резали по всей Франции, счет жертв шел уже на тысячи. Так что Екатерина Медичи все-таки «встала на сторону Веры».

Отец Франсиско мог умереть спокойно.

Род Борджиа и его след в истории

I

Дон Франсиско де Борха был последним человеком из рода Борджиа, который вошел в историю в результате собственных достижений.

Собственно, когда он умер в 1572 году, его карьера не закончилась — в 1624-м он причислен к лику блаженных, что в рамках Католической церкви означает признание некоего лица как возможного святого.

Дальше следует ожидание чуда — и если оно случается, причтенный к лику блаженных становится святым.

Дону Франциско пришлось подождать.

Через 47 лет, 11 апреля 1671 года, после ряда чудесных исцелений, связанных с «блаженным Франциском», папа римский Климент X объявил наконец о его канонизации, и отныне, согласно Римскому Мартирологу, каждый год в день 3 октября чтится «память Святого Франциска, верховного генерала Общества Иисуса, памятного умерщвлением своей плоти, сниспосланного ему дара молитвы, его отречения от мира и от церковных отличий».

К списку «людей из рода Борджиа» иногда добавляют еще и кардинала Джамбаттисту Памфили (Giambattista Pamphili), который стал папой римским Иннокентием X, но это явная натяжка.

Кардинал действительно доводился папе Александру Борджиа прапраправнуком, но только по женской линии, и на Святой Престол он взшел через 150 лет после того, как умер его знаменитый предок, и никакой связи между ними проследить не удастся. Его самого никто бы и не вспомнил, не доведись он далеким потомком папе Александру.

Собственно, можно сказать и больше.

Мало кто сегодня поминал бы Алонсо де Борха, ставшего папой римским Каликстом, если бы у него не было племянника Родриго. И то же самое относится и к дону Франциско де Борха — кому, кроме специалистов, он был бы интересен через четыре с лишним века после его кончины, если бы он не был правнуком папы Александра?

Даже Лукреция Борджиа, сиятельная герцогиня Феррары, та, чьему «солнечному лику» посвящал свои стихи Пьетро Бембо, — кто вспомнил бы ее сейчас, когда и про Бембо-то помнят только в Италии, да и то только те, кто метит на пост профессора филологии?

Даже известнейший «Портрет Лукреции», изображенной в виде юной девы в полупрозрачном наряде, с шелковой повязкой на голове, из-под которой ей на плечи ниспадают завитые золотые кудри, на самом деле приписан ей только предположительно.

Официально портрет изображает святую Катерину, написал его Бернардино ди Бетто ди Бьяджо, по прозвищу Пинтуриккьо, а поскольку расположен портрет в покоях Борджиа и написан был тогда, когда Лукреции исполнилось 13 лет, то и считается, что моделью художнику послужила именно она.

Но точно этого никто не знает. Лукрецию Борджиа помнят главным образом потому, что она была дочерью папы Александра Борджиа и сестрой Чезаре Борджиа.

Вот об этих двух людях, отце и сыне, и есть смысл поговорить поподробней.

II

Наверное, наибольший вклад в посмертную славу рода Борджиа внес Макиавелли. Его короткая книга, которая в оригинале называлась «О государствах», в качестве примера правильных действий использовала Чезаре Борджиа, и получилось это у автора так ярко, что и книгу его начали именовать «Государь», и всем было понятно, что этот «государь» как раз и есть Чезаре Борджиа, это был его точный портрет.

Макиавелли написал свою книгу в 1513-м, и при его жизни ее так и не напечатали, но в дальнейшем она достигла просто невероятной известности.

Утверждалось, что император Карл V за всю свою жизнь прочел до конца только две книги — одну из них написал Бальдассаре Кастильоне, называлась она

«Придворный» и описывала поведение истинного джентльмена того времени, такого, который мог бы быть образцом для подражания.

А вторая вот как раз и была «Государь» — и этот холодный, трезвый, намеренно отстраненный взгляд на природу сохранения и удержания власти где-то с 30-х годов XVI столетия стал настольной книгой всех, кто занимался политикой. И поскольку книга оказалась неразрывно связан с именем Чезаре Борджиа, то высказывалась даже идея называть «борджианизмом» то, что в конце концов все-таки окрестили «макиавеллизмом».

Успеху «Государя» очень способствовало еще и то, что книгу неоднократно запрещали.

Вторым важным участником славы Борджиа оказался безвестный создатель памфлета под названием «письмо Савелли». Если дневник Иоганна Бурхарда не был известен публике еще долгое время, то уж памфлет разошелся по всей Европе, и не читал его разве только неграмотный. Но и неграмотный мог послушать наиболее сочные выдержки из этого «письма», потому что их неизменно вставляли в свои проповеди протестантские пасторы во всех местах, где только находила отклик Реформация.

Собственно, наиболее умные из пропагандистов Контрреформации даже и не отрицали пороков папы Александра Борджиа — но зато неизменно указывали на дона Франсиско де Борха как на пример искупления былых грехов Церкви.

Нельзя сказать, что эта линия защиты оказалась успешной.

Виднейшие историки, которые были более или менее современниками Борджиа, клеймили их нещадно. Например, Гвиччардини, друг Никколо Макиавелли, считал их убийцами, отравителями и погубителями Италии, ибо они навели в нее чужеземцев. Ну, скандальная репутация семейства Борджиа за пару столетий понемногу улеглась, но довольно неожиданно она получила новый толчок.

У герцога Брауншвейгского был библиотекарь.

И вот он в 1696 году опубликовал в Ганновере небольшую работу «*Sresime Historie Arcanae, sive anecdotae de vita Alexandri VI Papae*», где речь шла о примерах тайной истории на основе анекдотов из жизни папы Александра VI.

Слово «анекдот» тут не следует понимать в его современном смысле — в контексте конца XVII века это означало просто занятную историю, действительно случившуюся в жизни.

Исходным материалом нашему библиотекарю послужила копия дневника Иоганна Бурхарда, и все было бы ничего, если бы не то обстоятельство, что библиотекаря звали Готфрид Вильгельм Лейбниц.

Это был поразительный человек, поистине универсальный гений.

Что он только не делал! Лейбниц был сразу и философ, и логик, и математик, и физик, а к тому же еще и юрист, и историк, и дипломат, и лингвист-языковед.

В Европе у него была громадная репутация, и естественно, что и «новая работа великого Лейбница» немедленно вызвала интерес. Интерес этот чуть ли не мгновенно стал массовым.

Согласитесь, мало кому из широкой публики того времени (да, пожалуй и нашего) были понятны его рассуждения о комбинаторике или о двоичном исчислении.

Но уж истории о папе римском, которому собственная дочь приходится еще и женой, и невесткой, были понятны и занимательны абсолютно для всех, без всяких исключений.

А еще примерно через полвека масла в огонь подлил Вольтер.

III

Этот гениальный человек много чего повидал в ходе своей пестрой жизни.

В отличие от Лейбница бесчинства семейства Борджиа его особо не шокировали. Во Франции в его времена, случалось, устраивали развлечения и поострее того знаменитого пира, на котором так весело разбрасывали кашпаны.

Но у Вольтера был истинный пунктик помешательства — Церковь и клерикалы. Вообще любая форма организованной религии приводила его в крайнее раздражение. В свете этого становится понятно, почему, говоря о Борджиа, он сделал ударение именно на высочайшем церковном сане папы Александра Борджиа.

Вольтер говорил, что Александр VI был куда хуже, чем Нерон или Калигула.

Ведь он был облечен не просто властью, а властью духовной — так что к его не ограниченному ничем стремлению к наслаждениям примешивалось еще и кощунство.

Это довольно странное рассуждение в устах убежденного атеиста, но сам Вольтер почему-то тут никакого противоречия не видел. Как бы то ни было, огромный вес имени Вольтера придал легенде Борджиа новый, так сказать, импульс.

Дальше в дело включились мастера французской литературы.

В феврале 1833 года в Париже прошла премьера пьесы Виктора Гюго, посвященной Лукреции Борджиа.

Как говорил сам Гюго, он поставил перед собой вопрос: «Кем же была Лукреция Борджиа на самом деле?»

В романе Майн Рида «Всадник без головы» некий мексиканец, один из второстепенных персонажей книги, задается похожим вопросом в отношении своей возлюбленной и отвечает на него так:

«О, Исидора Каварубю де Лос Льянос, ангел красоты и демон коварства!»

Виктор Гюго пошел примерно тем же путем, что и мексиканец.

Его Лукреция Борджиа — тоже «ангел красоты и демон коварства». Книжки так и сверкают, яд льется рекой, а сама Лукреция развратна и соблазнительна и влечет своих любовников к смерти, и даже ее незаконный сын Дженарро (которого Гюго ей придумал) и то поражен ужасом перед ее злодействами. Хотя Лукреция сына своего любит. Так что Гюго одно человеческое чувство — материнскую любовь — Лукреции все-таки оставил.

Он очень гордился своей беспристрастной справедливостью.

Пример, поставленный Гюго, оказался заразительным. Персонажи «легенды Борджиа» мелькают и у других авторов — и у Дюма, и у Сабатини. Но мировой рекорд в этом отношении, наверное, был поставлен Марио Пьюзо.

Он был на редкость удачливым автором — по его книге «Крестный отец», был поставлен поистине гениальный фильм. Так вот, однажды Марио Пьюзо пришла в голову мысль обратиться к истории, и он взялся за книгу, названную очень просто — «Семья». Но, конечно, не просто семья, а семья Борджиа.

Доделать книжку автор не успел, он умер, и заканчивал ее уже другой человек. Совместный продукт получился настолько лихим, что ему позавидовал бы и Гюго.

Есть смысл привести одну деталь, просто трогательную в своей недостоверности, — оказывается, убийцей Хуана Борджиа был не Чезаре, а самый младший из братьев, Жоффре. Он сделал это для того, чтобы отомстить Хуану за соблазнение жены Жоффре, принцессы Санчи, а Чезаре оказался настолько благороден, что покрыл это дело, и не потому, что одобрил, а потому, что очень уж не хотел огорчать отца, папу Александра VI.

Ну, что сказать? Такие глупости трудно комментировать.

Так что вернемся к нашему предмету — к семейству Борджиа. По-видимому, концом могущества дома Борджиа следует считать 1504 год.

С тех пор прошло побольше 500 лет. Но образ семьи, волею судьбы оказавшейся однажды на вершине успеха, до сих пор тревожит воображение людей творческих.

Разве что сейчас, уже в XXI веке, это по большей части кинематографисты.

В 2011 году на экраны вышел сериал, поставленный Нилом Джорданом, так и названный — «Борджиа», а в 2012-м выходит и продолжение.

Папу Александра играет замечательный английский актер, Джереми Айронс. В фильме есть сильный кадр — величественный человек, облеченный в мантию и увенчанный тиарой, тройной короной пап римских, сидит на троне, а по сторонам трона стоят два стройных юноши, его сыновья. И, конечно же, есть тут и прелестная золотоволосая девушка, его дочь.

Сколько десятков миллионов людей посмотрят сериал и какой успех его ожидает, не знаю. Но один поразительный факт можно отметить уже сейчас: семейство Борджиа все еще продолжает волновать воображение.

И делает это уже шестой век.

Евгений Майбурд

ЗАБЫТЫЕ ПРЕЗИДЕНТЫ-2: КАЛЬВИН КУЛИДЖ

Проблема кризисов имеет три аспекта: (1) почему случается спад? (2) почему после спада длится депрессия — как правило, годами? (3) почему депрессия заканчивается и начинается подъем (бум)?

По понятным причинам, ученое сообщество поглощено анализом спадов и попытками их объяснить. Второй аспект изучался меньше, насколько я знаю. Преобладает мнение, что депрессия длится из-за неуверенности делового мира.

Анализу того, как и почему кризисы кончались сами собой, внимания уделяется ничтожно мало. И тем не менее, это факт: вплоть до XX века экономика, несмотря на тяжелейшие испытания — спады производства и инвестиций, массовая безработица, массовое крушение финансовых институтов и т.д. — в конце концов находила в себе силы оправиться от шока и начать подниматься. Выздоровливая финансовая система, оживали инвестиции, росли производство и занятость. Негативное самочувствие сменялось на позитив, начиналась новая эпоха процветания — и на более высоком уровне. Все это, заметим, — без малейшей помощи центрального правительства. Как-то так, само собою... Странно, да?

Спад 1920-21 годов

В период после Первой войны ценовые индексы показывают несомненную инфляцию: 1918 г. ~ 18,0; 1919 г. ~ 14,6; 1920 г. ~ 15,6. (последнее, так как уже начинался послевоенный подъем).

Фед располагал свободными запасами золотого резерва и мог держать низкий уровень дисконтной ставки для банков — своих членов. А они расширяли предложение денег, так что цены быстро росли. За месяцы инфляции 1919 г. *Фед* потерял значительную часть своего золота. В конце 1919 г. *Фед* начал поднимать дисконт с целью изъять из обращения «лишние» деньги и тем обуздать рост цен (дефляционная политика).

С ноября 1919 г. до января 1920 г. ставка дисконта выросла с 4 до 6, а к июню — до 7%. Видимо, на каждом этапе повышения дисконта ожидалась реакция рынка, а этого не было, как показывают индексы цен за 1919 и 1920 гг. Оттого дисконт повышали снова и снова. Того, что перемены в предложении денег сказываются в экономике с задержкой на много месяцев, тогда еще не осознавали. Это было открыто М. Фридменом в 1970-80-х гг.

Когда дисконт начал расти, банки стали урезать свои заимствования (следовательно, и кредитование) и спешно выплачивать Федеральному резерву свои текущие ссуды. Пока *Фед* продолжал повышать дисконт, банки все более интенсивно

сокращали свое предложение денег. Таблица индексов цен показывает динамику дефляционного процесса по месяцам 1921 г.: ^[1]

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
- 1,6	- 5,6	- 7,1	- 10,8	- 14,1	- 15,8

Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
- 14,9	- 12,8	- 12,5	- 12,1	- 12,1	- 10,8

Таблица 1. Среднемесячные индексы цен в 1921 г.

Видно, как и почему после инфляционного индекса 15,5 в 1920 г. получился дефляционный среднегодовой показатель (- 10,5) в 1921 г.

Общее сжатие денежного предложения («редкость» денег) вызвало рост цены ссуд (рыночного процента). Последовало сжатие кредита и понижающее воздействие на производство и предложение товаров.

Товарные цены резко упали, зарплаты тоже — и внезапно разразился экономический спад. Вызванная неуклюжими действиями Федерального резерва депрессия длилась год, с середины 1920 до середины 1921 гг. В июне *Фед* начал снижать ставку дисконта, и в декабре она достигла 4,5%. Экономика начала быстро восстанавливаться, и к 1923 г. вернулась к полной занятости.

Отсюда — два очевидных вывода. (I) Спад 1920 г. был вызван пертурбациями в денежной сфере. (II) Денежные пертурбации были вызваны дефляционными действиями Федерального резерва. Будущие события покажут, что *Фед* тогда еще не учился на своих ошибках.

Ревущие двадцатые

В 1922 г. начался период мощного экономического подъема, получивший название «ревущих двадцатых». За период 1922-28 гг. ВВП страны вырос почти на 40%.

От администрации Вильсона новый, 29-й, президент Уоррен Гардинг унаследовал огромный дефицит бюджета, национальный долг в 20 млрд. долл., и безработицу почти в 12%. Он был избран под лозунгом «Вернуться к нормальности».

Гардинг начинает с отмены большинства, если не всех, мер правительства Вильсона по регулированию экономики. Он начинает политику жесткой экономии, ограничения и снижения расходов государства, снижения высоких налогов. В связи с сильным противодействием Конгресса, ему пришлось сбавить обороты и искать компромиссные пути. К тому же прогремели два коррупционных скандала с участием членов его кабинета. Сам Гардинг был честным человеком, но авторитет его администрации пострадал. Через два года и четыре месяца своего президентства Уоррен Гардинг неожиданно умирает (в возрасте 58 лет). Вице-президент Калвин Кулидж становится 30-м президентом Америки.

В бытность губернатором Массачузетса, когда полиция штата объявила забастовку, требуя права вступить в профсоюз, Кулидж уволил всех бастующих полицейских, призвав на помощь национальную гвардию. «Никто не имеет права бастовать в ущерб общественной безопасности» — и этой фразой он стал известен всей стране.

Ключевым словом Кулиджа было *упорство*. Ему даже стали приписывать чье-то анонимное высказывание: «Ничто в мире не заменит упорства. Ни талант — нет ничего более типичного, чем неудачник с талантом. Ни гений — неоцененный гений это почти поговорка. Ни образование — мир полон образованных никчемностей. Упорство и целенаправленность всемогущи».

Другим «пунктиком» Кулиджа была экономия. Лет за 30 — 40 до его рождения один из его пращуров, мелкий фермер, потерял свой участок земли (по несчастному недоразумению) и не смог уплатить соседу долг, 24 доллара. За это он попал в тюрьму. Отсидев, он сумел начать новую жизнь, и дела поправились. Будущий президент знал эту историю и усвоил урок бережливости. Даже будучи губернатором Массачусетса, он не покупал себе дом. А первый в жизни автомобиль приобрел только, когда стал президентом страны.

Тогда и сказалось его пристрастие к экономии. «Кулидж кромсал федеральный бюджет с такой неумолимостью, какая, к несчастью, отсутствовала у его благонамеренного предшественника, - пишет биограф. — Он наложил вето на пятьдесят биллей и отвергал любые новые расходы — даже на проекты, которые принесли бы большую пользу региону, откуда он был родом, - такие как субсидии фермерам и строительство сельских почтовых дорог». [2]

Президент Кальвин Кулидж

Что может сделать правительство для пользы народа?

Лучшее, что может сделать правительство для пользы народа, это - ничего не делать! Так можно определить главный принцип президента Кулиджа. Он высказал это по-своему: «Дело (буквально: «бизнес») Америки есть бизнес». *Ничего не делать* означает — не лезть в частный бизнес. Лесефер... И нужно было очень много работать, чтобы «ничего не делать». Так, в отличие от своих предшественников, он встречался со своим директором Бюджетного бюро еженедельно.

Бюджет Кулиджа фундаментально отличался от нынешних бюджетов по части военных расходов, обеспечения ветеранов и национального долга, составляющего более половины расходов, продолжает биограф. Но давление в пользу разбухания программ было таким же сильным, как и сегодня. К примеру, трижды Конгресс принимал закон о создании особого агентства, которое покупало бы излишки

продукции фермеров в годы высоких урожаев, чтобы держать их для продажи за границу в подходящие моменты. И Кулидж трижды накладывал вето на этот закон. «Государственный контроль не может быть отделен от политического контроля», - говорил он. Правда Конгресс несколько раз преодолевал его veto квалифицированным большинством в обеих палатах.

Бюджетная бдительность Кулиджа была настолько неколебимой, что стала темой для карикатур, изображающих его пережиточным скрягой, диккенсовским Скруджем (по-русски бы сказали — Плюшкиным).

Эндрю Меллон

Правой рукой Кулиджа был Эндрю Меллон, министр финансов. Личность выдающаяся. Банкир, предприниматель, промышленник, финансист, организатор бизнеса, государственный деятель, миллионер, филантроп, собиратель живописи и скульптуры. В 1937 г. он дал \$10 млн. на строительство Национальной галереи в Вашингтоне, основой которой стала подаренная им коллекция. Также основал Институт промышленных исследований им. Меллона (в честь отца). Сейчас это часть Университета Карнеги-Меллона.

Составил себе состояние на венчурных инвестициях. ^[3] С братом Ричардом, они создали первый национальный банк, затем стальной концерн, затем империю.

Эндрю Меллон

Братья Меллоны создали огромную Алюминиевую компанию Америки, к которой присоединили купленную стальную компанию. Они инвестировали, как пишут, «в нефтяной фонтан» Техаса, положив начало нефтяной промышленности Мексиканского залива. Со временем, Меллоны располагали капиталами также в отраслях производства железных дорог, стали, строительства и страхования.

Эндрю Меллон был министром финансов в правительствах Гардинга, Кулиджа и Гувера (с февраля 1921 по март 1932). Говорили: «При Меллоне служили три президента». Эндрю Меллон был блестящ во всем, за что брался.

Как коллекционер и ценитель, он в 20-е годы приобрел у Эрмитажа несколько полотен старых мастеров.

В качестве министра финансов он придумал делать все долларové купюры одного размера, одного цвета и в размере бумажника. Это сэкономило Минфину несколько миллионов долларов в год на бумаге и краске.

Меллон выдвинул принцип: *снижение высоких налогов приводит к росту налоговых сборов*. И не только высказал, но и показал на деле, что это правило может работать. В 1924 г. он предложил снижение верхней планки подоходного налога с 77% (наследие военных лет) до 24%. На низкие доходы налог был снижен от 4% до 1,5%. Затем последовали дальнейшие снижения налогов в 1926 и 1928 гг. Низкие доходы все более освобождались от налогов. Все эти меры президент Кулидж пробивал в Конгрессе.

Успех был фантастическим. В сумме государство стало собирать больше налогов. Если в начале 20-х общий сбор налогов составлял \$700 млн., то в 1928 и 29 гг. налоговые поступления в казну давали больше \$1 млрд. в год.

Люди с высокими доходами, каждый давая меньше, в сумме стали платить больше. В 1920 г. налоги по наивысшей налоговой ставке составляли 30% от всего налогового сбора, а после всех снижений налоговых ставок, к 1929 г. налоги по данной категории составляли 65% всех поступлений в казну. При этом люди со средними доходами платили очень мало, а люди с низкими доходами не платили почти или совсем ничего. Выросли расходы на потребление и, соответственно, спрос на товары и услуги. Именно так осуществилась будущая мечта Кейнса — «эффективный спрос».

Обычно этот парадокс объясняют так: снижение налоговых ставок расширяет налоговую базу настолько, что это перекрывает «недосбор» от высоких налогов. Налогоплательщики в массе находят более предпочтительным платить умеренные налоги, чем уклоняться от них, скрывать доходы, искать лазейки, придумывать комбинации, уводить доходы за границу... Кто-кто, а Меллон знал все эти вещи досконально. Надежным способом увести доходы из-под налогов, говорил он, было приобретение ценных бумаг, налогами не облагаемых.

Однако, главное соображение Меллона состояло в том, что снижение налогов поощряет активность частного бизнеса, инвестиции и производство растут, а с этим и облагаемые доходы. Все так и происходило.

Налоговая реформа Меллона стала залогом бума и процветания 20-х годов.

В 1921 г., когда президент Гардинг предложил бизнесмену Меллону пост министра финансов, национальный долг превышал \$20 млрд., и безработица достигала 11,7%.

Кулидж пробыл на посту шестьдесят семь месяцев (завершив президентский срок Гардинга и оставаясь до марта 1929 г.) И за это время федеральный долг упал, верхний подоходный налог снизился наполовину, федеральный бюджет сводился с профицитом, безработица была от 3 до 5%, инфляция — вокруг 1%. Экономика росла невиданными темпами, государство сжималось.

«Каким-то образом, достижения Кулиджа известны мало, — пишет Шлейс. — Его имя нечасто фигурирует в общенациональных разговорах о президентах, а когда упоминается, то почти всегда на уровне анекдота, или он представляется как некий местоблюститель между двумя Рузвельтами».

Свою предыдущую книгу (о Великой Депрессии) Эмити Шлейс назвала «Забытый человек» [4]. Работая над ней, она обнаружила, насколько важно было бы

написать предысторию — о *забытом президенте 20-х годов*. «Чем больше узнавала я о Кулидже, тем больше меня озадачивало его забвение, - продолжает она. — Наши великие герои-президенты часто были лидерами, генералами или командующими. Это выглядит естественно. Крупные личности президентов привлекают внимание, дружелюбное или враждебное. Кулидж был редким случаем героя: президент-минималист, экономический генерал бюджетных битв и урезания налогов. Экономический героизм менее заметен, чем другие формы героизма, его труднее оценить по достоинству». [5]

К сожалению, дело не только в этом. Стараниями прогрессистов и этатистов всех мастей, во главе с академическим быдлом, имя Кулиджа старательно очернялось, его достижения преподносились в негативном духе, и вся история 20-х годов искажалась до наоборот. И неспроста. Это была целенаправленная, длящаяся десятилетиями клеветническая кампания ради того, чтобы возложить на Кулиджа и Меллона вину за Великую Депрессию. Началась она немедленно во время Великого Обвала, усилилась по приходе к власти Франклина Рузвельта и длилась вплоть до недавнего времени, а может, и до наших дней. Один из примеров можно увидеть у нас в главе 62. А приписать Кулиджу ответственность за Великую Депрессию означало опорочить свободный рынок.

Попробуем же представить в общих чертах достижения Калвина Кулиджа и его наследие.

Процветание 20-х годов

В марте 1929 г. в должность президента США вступил Герберт Гувер. В речи на инаугурации он сказал, что страна освободилась от массовой бедности. Во время кампании он обещал курицу в каждой кастрюле и машину в каждом гараже. И у таких обещаний были основания. Оправившись от короткой депрессии 1920-21 гг., экономика США стала стремительно расти, о чем можно судить хотя бы по следующим числам: [6]

Годы	1919	1923	1929
Выпуск автомашин (млн. шт.)	1,7		4,6
Среднее число автомашин на четыре семьи (шт.)	1,12		3,15
Реальный доход на душу населения (ВВП в долларах 1929 г)	763		859
Население страны (млн. чел.)	111,9		121,8
Реальный средний заработок наемных работников за год		100%	115,7%
Продукция производства		100%	123,5%
Производительность труда (выпуск на 1 чел-час)		100%	114%

За цифрами произведенного продукта не видны большие изменения в его номенклатуре и в качестве товаров.

При Кулидже впервые была поставлена рождественская елка у Белого Дома. Она освещалась, используя новую технологию — электричество. Развитие коммерческого применения электроэнергии (так сказать, «электрификация всей страны») было ключевым фактором роста экономики. Выросли компании по ее производ-

ству и передаче. Электричество тут же вошло в быт американцев. Стали доступными электролампы, холодильники, фонографы, электроутюги, вентиляторы, тоasters, пылесосы и другие бытовые устройства.

Заявки на патенты и их выдача выросли «драматически». На 25% выросло число телефонных звонков.

Президент Кулидж первым начал практиковать выступления по радио. Это сильно подстегнуло спрос на радиоприемники. Радио вошло в быт, ликвидировав изоляцию сельских районов. В этот период появились три первые широкоэмитательные радиоконпании. Акции RCA (Radio Corporation of America) котировались на бирже очень высоко.

Рост доходов населения и постепенное сокращение рабочей недели, вкуче со сказанным выше, произвели революцию в досуге. В моду вошли известные нам танцы — чарльстон, фокстрот, танго... Тут же стали возникать танцевальные залы — дансинги. Со скоростью взрыва по стране распространялись кинотеатры, расцвел Голливуд. Большим бизнесом стал профессиональный спорт, собирая толпы болельщиков. Новый вид досуга — путешествия на машинах — повсеместно вызвал к жизни мотели и придорожные харчевни.

Начались широкие программы дорожного строительства, финансируемые властями штатов. С ростом числа машин и дорожного движения, на перекрестках городов появились полицейские — регулировщики, а светофоры. Стал расти бизнес такси. Появились первые большие универмаги на главных улицах больших городов. А вокруг городов росли богатые предместья.

Общему росту промышленности и доходов способствовал рост производительности сельского хозяйства. На полях страны, наряду с грузовиками, появились бензиновые тракторы. Такой трактор мог выполнять различные работы, и многообразная механизация сельского труда вызвала резкий рост его производительности.

Первый в мире конвейер был запущен Фордом еще в 1913 г., но сейчас он был распространен на целый завод, его переняли другие автостроители и не только они. Годовой выпуск «Model T» Форда вырос с 78 до 248 тыс. штук.

В середине 20-х в строй вошел еще один завод Форда с годовым выпуском около 1,8 млн. машин. Одни только Форд и Шевроле выпустили в 1929 г. почти 2,5 млн. машин.

Рост производительности труда в промышленности был следствием, прежде всего, применения электроэнергии вместо пара. Наряду с этим, свою роль сыграли методы научной организации труда, впервые развитые Тейлором и тем же Фордом. В свою очередь, все это вело к снижению издержек на единицу продукции и, соответственно, рыночных цен. В 1912 г. цена машины Форда была 600 долл., к 1929 г. она снизилась до 240 долл. Разумеется, имели место (и широко применялись) еще тысячи усовершенствований и изобретений. [7]

В значительной мере, процветанию «ревуших 20-х» способствовало то, что послевоенная Европа представляла собой широчайший рынок для американской продукции. Но еще важнее: практически все отрасли, где имел место описанный взрывной процесс, были новыми или обновленными. Они еще не были охвачены государственным регулированием. [8] Это был большой тогда еще сегмент народного хозяйства, где мог работать в полную силу рынок свободной конкуренции. Даже загнанные в подполье, силы инициативы и конкуренции, как производство и торговля алкоголем (Сухой закон), пробивали себе путь через черный рынок.

Было настоящее процветание. Даже притом, что в некоторых отраслях обстояло иначе. Плохи дела были в угледобыче, которая до того была основным источником энергии и потому развивалась до предела возможностей. Росло применение электричества вместо пара в промышленности и в отоплении зданий. Обострялась конкуренция со стороны нефти и бензина. Все это снижало спрос и цены на уголь, а отсюда следовали снижение доходов в отрасли и неопределенность занятости среди шахтеров. В упадке пребывали также текстильная и обувная промышленность. По-видимому, они еще не нашли себя в повсеместном процессе инноваций и технического прогресса. Их рост был незначителен, прибыли падали.

В такие эпохи быстрых изменений неизбежно отставание каких-то отраслей, и сворачивание каких-нибудь производств в связи с переменами конъюнктуры и конкуренцией со стороны нарождающегося нового. Еще одна отрасль страдала в 20-е годы, но она имела значение особое и ей никак нельзя было позволить загнивать. Это сельское хозяйство. Вето президента Кулиджа на субсидии фермерам преодолевалось квалифицированным большинством обеих палат Конгресса.

Выше этот вопрос был уже затронут в контексте расходов государства. После мы вернемся к нему в другом контексте. А пока еще у нас длится всеобщее процветание.

Биржа и прочие финансы

Государственный бюджет сводился с профицитом. Подоходный налог был заметно снижен Конгрессом несколько раз в течение декады, но после этого налоговые поступления выросли. Этот неоднократно повторялось потом в истории США. Тем не менее, вопреки очевидности, этот эффект даже и сегодня упорно отрицают лучшие «прогрессивные» умы.

В 1924 г. начали расти цены на бирже, и уже в следующем году индекс S&P перешагнул уровень предвоенного 1916 г. Во второй половине 20-х биржа продолжала расти быстрыми темпами. Это был величайший в истории спекулятивный бум, аналогом которого выступил одновременный рост первых небоскребов в Миннеаполисе, Чикаго и Нью-Йорке (включая всем известный Эмпайр Стейт Билдинг).

Стремительный рост цен на землю после войны вызвал спекулятивный бум и в этом секторе. Примером служит пузырь в торговле недвижимостью в Майами (Флорида), который лопнул под натиском урагана в 1926. Но это локальное происшествие ни на что больше не повлияло.

Бум на бирже продолжался. Цены акций и ежедневные трансакции были рекордными. Несколько раз цены вдруг падали, но ненадолго, и рост продолжался. Дурные предсказания всякий раз не сбывались. Выпускались новые и новые акции, особенно в связи со слиянием компаний и появлением множества холдингов. Крупные корпорации начали ссужать деньги биржевым брокерам, что давало последним новый источник доходов. Брокеры со своей стороны выдавали ссуды под покупку бумаг, и покупатели их могли вносить лишь 20-30% их номинальной ценности. Выждав, когда цены вырастут, они продавали эти бумаги, выплачивали ссуды и еще получали хорошую прибыль.

Вскоре после инаугурации президента Гувера, к лету 1929 г., появились первые симптомы снижения деловой активности. Но беспрецедентный бум на рынке ценных бумаг все продолжался. Закончился он осенью 1929 г., когда признаки экономического спада стали несомненными, и снизились ожидания прибылей. Пик ин-

декса Доу Джонса в 381 пришелся на 3 сентября, после чего он пошел вниз и 21 октября достиг 320. На следующей неделе рынок акций обвалился.

Черный Четверг 24 октября и Трагический Вторник 29 октября поставили новые рекорды по падению цен и числу акций, поменявших владельцев. Индекс Д-ДЖ продолжал падать, пока брокеры расчищали свои счета и продавали акции своих незадачливых клиентов. Падение индекса остановилось 13 ноября на отметке 198, после чего он даже пошел вверх, чтобы в апреле 1930 г. добраться до 294. Затем падение возобновилось и уже не останавливалось до лета 1932 г., когда в самом разгаре была Великая Депрессия.

Большим несчастьем для страны оказался отказ Кулиджа баллотироваться в президенты в 1928 г. Кандидатуру своего министра торговли Гувера он, однако, не поддержал: «Все годы я получал от него непрошенные советы, и всегда плохие».

Примечания

[1] См. <http://www.usinflationcalculator.com/inflation/historical-inflation-rates/>

[2] Amity Shlaes. *COOLIDGE*. Harper-Collins, 2011.

[3] Венчурным называют финансовый капитал, который вкладывается на ранних стадиях в новые предприятия предположительно высокого потенциала и явно высокого риска. Обычно это связано с новыми технологиями, еще не опробованными, но обещающими много в случае успеха.

[4] Мы будем обращаться к этой книге дальше, в рассказе о Новом Курсе.

[5] Amity Shlaes. *COOLIDGE*.

[6] Числа даются по книге: Gene Smiley. *Rethinking the Great Depression*. IVAN R. DEE. Chicago, 2002.

[7] Поневоле напрашивается сравнение с тем, что в те же годы происходило в СССР. Не уровень жизни мы будем вспоминать и не условия существования народа. Вспомним только, как новая власть, согласно своей идеологии, стала давить тот самый дух частной инициативы, который вызвал американское процветание. И как государство схватилось за трактор и пыталось навязывать его крестьянам в условиях избытка дешевой рабочей силы на селе. Зачем трактор крестьянину, который до войны и революции мог сохой кормить страну и пол-Европы?

[8] В наше время электроснабжение — одна из самых зарегулированных отраслей. От лицензионных требований и многочисленных «кодов» (технических правил и норм) до контроля ценообразования.

Виктор Юзефович

ИНТЕРВЬЮ

с Геннадием Рождественским

В 2016 году исполнилось 85 лет Геннадию Николаевичу Рождественскому. Рождественский — уникальная личность и гениальный музыкант. Он симфонический, оперный и балетный дирижер, пианист, автор великолепных книг, статей, «преамбул» к своим концертам, архитектор уникально выстроенных филармонических программ и циклов, человек поистине могучего интеллекта, энциклопедических знаний, исследователь, реставратор, редактор многих партитур, просветитель, первооткрыватель музыкальных сокровищ, тонкий ценитель живописи, знаток литературы, страстный коллекционер, библиофил.

Он осуществил более 150 мировых премьер и более 300 первых исполнений в России. Им записаны свыше 700 пластинок и компакт-дисков. Вот уже шесть десятилетий несет он нам красоту с дирижерского пульта.

Геннадий Николаевич Рождественский

За годы работы в Большом театре Г.Н. Рождественским пройден путь от дирижера-стажера (1951) до дирижера (1954-1960, 1978-1982), главного дирижера (1965-1970) и художественного руководителя всего театра (2000-2001). Им осуществлены премьеры опер: «Человеческий голос» Ф. Пуленка (1965 г.), «Сон в летнюю ночь» Б. Бриттена (1965 г.), «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича (1980 г.), «Обручение в монастыре» (1982 г.) и «Игроку» С. Прокофьева (первая редакция, 2001 г., мировая премьера).

Премьеры балетов: «Конек-Горбунок» Р. Щедрина (1960 г.), «Щелкунчик» П. Чайковского (1966 г.), «Кармен-сюита» Ж. Бизе — Р. Щедрина (1967 г.); «Спартак» А. Хачатуряна (1968 г.).

Рождественский дирижирует

Работа Г.Н. Рождественского на посту главного дирижера и художественного руководителя Большого симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио (1961-1974 гг.) стала лучшей страницей в истории этого коллектива.

Будучи музыкальным руководителем Московского камерного музыкального театра (1974-1985 гг., а затем, с 2012 г.), Г.Н. Рождественский вместе с режиссером Б.А. Покровским возродил к новой жизни оперы «Нос» Д.Д. Шостаковича (1974) и «Похождение повесы» И.Ф. Стравинского (1978).

Возглавляя на протяжении десятилетия (1981-1991 гг.) созданный им Государственный симфонический оркестр Министерства культуры СССР, дирижер заложил живущую и сегодня традицию гигантских циклов, каждый концерт которых предваряется им блистательной словесной «преамбулой» одинаково уникальной как по содержанию, так и по манере преподнесения.

Г.Н. Рождественский был главным дирижером Королевского Стокгольмского филармонического оркестра (1974-1977 гг.; 1992-1995 гг.), Симфонического оркестра Би-би-си в Лондоне (1978-1981 гг.), Венского симфонического оркестра (1980-1982 гг.). Он сотрудничает едва ли не всеми прославленными оркестрами Старого и Нового света.

Более 40 лет воспитывает профессор Московской консерватории Геннадий Рождественский молодых дирижеров. Среди них давно уже прекрасно зарекомендовали себя Александр Анисимов, Мурад Аннамаедов, Валерий Полянский, Владимир Понькин, Владимир Кожухарь, Максим Шостакович, Дмитрий Манолов. Все большую известность приобретают более молодые имена — Алексей Богорад, Вячеслав Валеев, Тимур Зангиев, Айрат Кашаев, Валентин Урюпин, Константин Хватынец, Аргун Хойник.

Народный артист СССР, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии, Г.Н. Рождественский является Почетным членом Шведской Королевской академии, Почетным академиком Английской Королевской академии музыки, офицером Ордена Почетного Легиона Франции, кавалером российских орденов «За заслуги перед Отечеством» IV, III и II степени, японского ордена Восходящего Солнца, болгарского — Кирилла и Мефодия, высшего ордена Британской империи Командорский крест.

Из интервью с Геннадием Рождественским: «Главным авангардистом» мировой музыки был Иоганн Себастьян Бах

С Рождественским можно говорить бесконечно, и темы не окажутся исчерпанными, и интерес не ослабнет. Самый харизматичный из всех современных музыкантов, он давно уже известен и как великолепный рассказчик.

— *Геннадий Николаевич, хотелось не начинать нашу с Вами беседу подробными воспоминаниями о юности, но не избежать все-таки нескольких блиц-вопросов. С какого возраста помните Вы себя?*

— Лет с шести-семи.

— *Какой запечатлелась в Вашей памяти атмосфера родительского дома?*

— Родители мои были музыкантами, жили они в композиторском доме 4/6 по Миусской улице, и этим опереждалось многое...

— *Какие гости бывали в Вашей квартире?*

— Часто бывали композиторы Юрий Шапорин, автор гениального, на мой взгляд, романса «Заклинание» на стихи Пушкина; Николай Раков, с которым я переиграл в четыре руки уйму сочинений, Николай Пейко и Анатолий Александров. Все они (кроме Пейко) жили в нашем доме, а Пейко и Александров занимались со мной гармонией.

— *Каким было воздействие Вашей матери, Натальи Петровны Рождественской, на формирование Вас как музыканта?*

— Очень большим. В особенности частые совместные исполнения камерного вокального репертуара (я — в качестве пианиста). Запомнился вокальный цикл Шумана «Любовь и жизнь женщины».

— *А мне — более позднее исполнение Натальей Петровной романсов Сибелиуса с Симфоническим оркестром ЦДРИ под управлением совсем еще юного сына-дирижера. В те годы ЦДРИ был подлинным центром московской культурной элиты, да и оркестр, хотя и носил статус любительского, состоял из молодых инструменталистов, часть из которых работала уже в Оркестре Большого театра.*

Чем запомнились Вам годы, проведенные в Центральной музыкальной школе? Игорь Ойстрах рассказывал мне, что когда на переменах ребята выбегали во двор ЦМШ играть в футбол, Вы оставались за своей партией и читали... энциклопедию!

— Из тех лет запомнились главным образом три момента. Первый — занятия с К.Н. Игумновым. Второй — общение с директором ЦМШ Василием Петровичем Ширинским, который в 1948 году «снял» меня с ученического концерта в Малом зале консерватории по причине «формалистического» репертуара (приготовленных мной двух пьес из балета Прокофьева «Ромео и Джульетта»), а еще через год — из-за «космополитического» репертуара (Седьмая соната Бетховена)! Василий Петрович в обоих случаях просил меня не расстраиваться, а я расстраивался...

— *Ваша «Одиссея» с борьбой за «свободу слова» в репертуарной политике началась даже раньше, чем я мог предположить!*

— Наконец, третий момент моих лет в ЦМШ — дирижирование «Флорентийским секстетом» Чайковского, когда я впервые ощутил дирижерское «ведение», понял, что могу быть не бесполезным другим музыкантам...

В 1948 году нас — всех учеников ЦМШ — «сняли с уроков» и в принудительном порядке привели в Большой зал консерватории, где проходило общее собрание профессорско-преподавательского состава и учащихся консерватории, музыкального училища и ЦМШ. С развернутым докладом выступил Председатель Комитета по делам искусств тов. Лебедев. Он нес несусветную чепуху, публика терпеливо его слушала, но когда он призывным голосом воскликнул: «Нам не нужны всякие Мандлеры и Хандымигы!», зал разразился громким хохотом, а председательствующий зазвонил в колокольчик (кажется, это был Иван Иванович Любимов, известный в те годы своей диссертацией «К 25-летию посещения — первого и единственного — товарищем Сталиным Московской консерватории»).

Когда докладчик (тов. Лебедев) назвал поездку в Италию директора консерватории В.Я. Шебалина и дирижера Н.С. Голованова «увеселительной прогулкой», сидевший в шестом ряду партера В.Я. Шебалин поднял руку и попросил слова. Зал разделился надвое — одни кричали: «не давать!», другие: «дать». Вторая половина победила, и Виссарион Яковлевич поднялся на сцену. Эффектно выдержав паузу, он сказал: «Я не совсем понимаю, как можно называть личное задание товарища Сталина “увеселительной прогулкой?”» А дело было в том, что Сталин действительно послал в Италию Шебалина и Голованова для приглашения в советские консерватории и, прежде всего в Москву и Ленинград, итальянских преподавателей пения.

Реплика Шебалина вызвала бурные аплодисменты, под гром которых он дошел до своего кресла в шестом ряду... Таким образом собравшиеся могли выразить отно-

шение к своему любимому и, увы, опальному директору. Вскоре его разбил инсульт. А через некоторое время в журнале «Советская музыка» появилась карикатура, изображавшая В.Я. Шебалина на крыше портика Большого зала консерватории и снабженная подписью: «Чинят крышу мастера, а в фундаменте — дыра!». Под «дырой» подразумевалось преподавание в консерватории Д.Д. Шостаковича и иже с ним...

— *Вам ведь довелось общаться с Шебалиным и вне стен консерватории?*

— Я благодарен Виссариону Яковлевичу за предоставленную мне возможность пользоваться его огромной домашней библиотекой (в которой находились, к слову, почти все сочинения Хиндемита). Происходило это во время «восьмиручий», регулярно происходивших в его квартире на улице Чаплыгина близ Чистых прудов. Исполнялись произведения советского симфонического репертуара в переложениях профессора Павла Ламма для двух фортепиано в восемь рук — в частности, все симфонии Мясковского. В один прекрасный день я стал участником исполнения Четвертой симфонии Шостаковича (я играл партию *secondo* на втором рояле). Исполнению предшествовало несколько репетиций, которыми дирижировал ученик А.В. Гаука, студент Борис Егоров. Это было мое первое знакомство с лучшей (будем считать так!) симфонией великого композитора...

— *Что осталось в Вашей памяти от консерваторских лет: атмосфера, профессура, студенческое сообщество и его настроения?*

— Вспоминается маленький эпизод, характерный для тех лет. Время действия — 1948—49 год. Мой отец, Николай Павлович Аносов, подарил мне пластинки на 78 оборотов с записью «Петрушки» Стравинского. Я прослушал их более 50 раз на моем «сундукоподобном» фанерном проигрывателе и «возжаждал» хоть краем глаза увидеть партитуру «Петрушки». Но где? То есть, как где? Конечно, в библиотеке Московской консерватории. Сказано — сделано. Обнаружив в каталожной картотеке формуляр, содержавший партитуру первого издания «Петрушки», я понес его старшей библиотекарше. Смерив меня пронзительным взглядом, она отрезала: «Это — не выдается». «Почему?» — наивно спросил я. «Есть инструкция», — последовал ответ, а потом — значительно пониженным тоном и почему-то озираясь по сторонам: «Пойдите к Георгию Антоновичу, пусть он напишет нам разрешение...»

Георгий Антонович Орвид — заместитель директора консерватории, бывший трубач Оркестра Большого театра, выслушав мою просьбу, долго рассказывал о своей службе в Большом театре, а также о том, какая замечательная музыка в «Петрушке», в особенности *solo* корнет-а-пистопа, потом взял бумажку и написал: «Выдать. Г. Орвид», а что выдать, не написал — мало ли что может из этого получиться!

Тем не менее партитуру я получил, но, как грозно сказала мне заведующая библиотекой, «только для ознакомления в нашем читальном зале», а бумажку с решением Орвида куда-то подколола — мало ли что?..

Выбрав столик в дальнем углу читального зала, я вынул из-за пазухи принесенную из дома нотную тетрадь и переписал в нее особо интриговавшие меня места. Теперь я знаю, уже не понаслышке, почему так волшебной звучала партитура «Петрушки». Знал и был безмерно счастлив...

Через год я приехал вместе с балетом Большого театра в Лондон и был безмерно удивлен, увидев на полке нотного магазина фирмы “Boosey and Hawkes” одина-

дцать (!) изданий партитуры «Петрушки», каждое из которых можно было купить за доступную цену, ни у кого не испрашивая на это разрешения! Что я и сделал...

— *Сохраняли ли Вы после окончания консерватории дружеские отношения с кем-либо из учившихся одновременно с Вами?*

— Думаю, со всем «потоком», но, пожалуй, больше других с Игорем Ойстрахом. Начиная еще со школьных лет, мы переиграли с ним множество скрипичных сонат, первой из которых оказалась Соната Ля мажор Гедике. За ней последовали сонаты Моцарта, Бетховена, Шумана, Франка, Прокофьева, Ракова. Не раз выступали на сонатных вечерах в Москве и Ленинграде. Были мы также с Игорем участниками исполнения трио Шумана и Рахманинова. Я часто бывал в доме Игоря на улице Чкалова, где имел счастье познакомиться с Давидом Федоровичем Ойстрахом.

— *Воспоминания так или иначе будут не раз еще возникать в нашей беседе. Но сейчас, Геннадий Николаевич, означьте по Вашему выбору несколько имен — композиторов, дирижеров, инструменталистов, вокалистов, хореографов, режиссеров — встречи с которыми оказали решающее значение для Вашего творческого опыта.*

— Списочек приблизительно такой:

Композиторы — Дмитрий Шостакович, Бенджамин Бриттен, Альфред Шнитке.

Дирижеры — Вилли Ферреро, Отто Клемперер, Ганс Кнашперсбуш, Томас Бичем.

Инструменталисты — Давид Ойстрах, Клиффорд Кёрзон, Клаудио Аррау, Мстислав Ростропович, Хенрик Шеринг, Иегуди Менухин.

Певцы: Дитрих Фишер-Дискау, Борис Христов, Дженет Бейкер.

Оперные режиссеры — Борис Покровский.

Хореографы: Юрий Григорович, Джон Ноймейер.

Рождественский и Шостакович

— *Как жаль, что никакая беседа не способна вместить воспоминаний о каждом из них. Намеренно не спрашиваю Вас о Шостаковиче. Вы не раз рассказывали об исполненной Вами на Эдинбургском фестивале 1962 года Четвертой симфонии, возвращенной в Камерном музыкальном театре к новой жизни опере «Нос» (1974 г.) и*

о постановке совместно с Б. Покровским (первой постановка на сцене Большого театра) «Катерины Измайловой» (1980 г.). Спросить хочу о Вас о Бенджамине Бриттене, 37 партитур которого исполнены Вами в России. Когда познакомились Вы впервые с музыкой английского композитора?

— В 1946 году мой отец дирижировал в Москве «Четыре морские интерлюдии» из оперы Б. Бриттена «Питер Граймс». Все было интересно мне в этой музыке — в особенности умение композитора мастерски распоряжаться временем и оркестровыми красками. Позднее, уже в студенческие годы, мне удалось приобрести по случаю партитуру его «Симфонии-реквием», а в 1956 году в Праге я познакомился с партитурой Вариаций на тему Перселла.

Рождественский и Покровский на репетиции Носа. 1972

— А когда Вы впервые встретились с композитором?

— В 1960 году в Лондоне Бриттен присутствовал на моем концерте, в программе которого исполнялись вариации на тему Перселла. Между нами как-то сразу установились дружеские отношения. Мне посчастливилось встречаться с Бриттеном много раз. Нашим отношениям однако никак не способствовало грубое вмешательство министра культуры СССР Е.А. Фурцевой. Сначала без каких-либо вразумительных объяснений она отменила мое участие в исполнении Лондонским филармоническим оркестром на гастролях в Москве «Военного реквиема» Бриттена под управлением автора — я должен был дирижировать включенным в партитуру камерным оркестром. А затем Фурцева потребовала снятия с репертуара поставленной мной в 1966 году в Большом театре оперы Бриттена «Сон в летнюю ночь». Приказ был устным, и я рискнул послушаться его. Опера — случилось тогда и такое! — преспокойно сохранилась на театральной сцене.

— Видели ли Б. Бриттен этот спектакль?

— Нет, не видел.

— Когда Вы записывали на пластинки все симфонии Прокофьева, Вы так формулировали свое понимание этого цикла и тяготений внутри его:

«Первая («Классическая») и Седьмая — юность и зрелая мудрость. Вторая и Третья — гигантский накал эмоций, суеток экспрессии. Четвертая и Шестая

— два эпических полотна и, наконец, отдельно стоящая Пятая — для меня воплотившая в себе лучшие качества остальных, но благодаря этому не примыкающая ни к одному полюсу»^[1].

С той поры минуло более четырех десятилетий. Вами сыграны за эти годы — и не раз! — и эти симфонии, и многие другие сочинения Прокофьева, которых не было еще в Вашем репертуаре ко времени той памятной записи. Стали доступными многие новые материалы о жизни и творчестве композитора. Изменилось ли Ваше восприятие его творчества, Ваше представление о симфоническом цикле Прокофьева?

— К сказанному ранее могу добавить: лучшими симфониями Прокофьева считаю Вторую и Пятую, хотя бы потому, что только они являются «чистыми» симфониями (Первая — стилизация, Третья «сделана» из оперы, Четвертая — из балета). В Шестой симфонии очень долго приходится ждать лучших страниц (это только две последние), а Седьмую я считаю слабой, в особенности «капитулянтский» конец..

— Это вместо прежней характеристики Седьмой симфонии — «зрелая мудрость»?

— Выходит — так...

— И еще о двух композиторах хотелось бы спросить Вас. К сочинениям одного из них Вы обращались неоднократно — это Борис Тищенко. К сочинениям другого — лишь однажды, но музыка его, насколько я понимаю, произвела на Вас сильное впечатление — я имею в виду Авета Тертеряна... Десять лет назад в Петербурге Вы дирижировали премьеру "Концерта для скрипки и фортепиано с оркестром", который Тищенко посвятил Вашему семейному трио. Одного из рецензентов покорило тогда слова из Вашей «Преамбулы» о творчестве композитора как "своеобразном". Он писал, что «стилистика абсолютного большинства сочинений Тищенко, начиная со второй половины 1970-х, представляет собой некий обобщенный "комментарий" к художественному миру Д.Д. Шостаковича. <...>. Двойной концерт лишь в очередной раз подтвердил этот тезис»^[2].

— Я не усматриваю в словах критика противопоставления моему «своеобразию», нахожу его сравнение Тищенко с Шостаковичем верным. Я действительно довольно много дирижировал сочинения Бориса Ивановича Тищенко — начиная еще с оперетты «Тараканище», каким-то чудом пропущенной к исполнению советской цензурой.

— Эту сказку для детей Корней Чуковский сочинил еще в 1921 году, но в сталинские десятилетия он боялся, что в ней будет усмотрен политический подтекст. И хотя попытки найти таковой не имеют реального основания, основания для опасений, конечно, были. И у Чуковского, и у положившего «Тараканище» на музыку Тищенко. Да и как могло быть иначе у всякого, кто читал или слышал строки:

*Вдруг из подворотни
Страшный великан,
Рыжий и усатый
Та-ра-кан!
Таракан, Таракан, Тараканище!*

*Он рычит, и кричит,
И усами шевелит:
"Погодите, не спешите,
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую".*

Или — и того хлеще — строки, сохранившиеся в одной из рукописей К. Чуковского:

*А за ними великан,
Страшный и ужасный
Таракан!
С длинными усами,
Страшными глазами...
Подождите,
Не спешите,
Усы длинные,
Двухаршинные,
Захожу —
Проглочу^[3].*

— Вспоминаю свое исполнение в Ленинграде Четвертой симфонии Тищенко, в партитуру которой он включил генератор низких частот. Придя на первую репетицию в Большой зал филармонии, я увидел на полу сцены огромную трубу, напоминавшую альпийский рог. Эта труба начиналась с раструба, находившегося около дирижерского пульта, и заканчивалась за кулисами, будучи присоединенной к какому-то аппарату, «обслуживаемому» специалистом-инженером. Звук, производимый этим «монстром», не был слышен, но вызывал внутреннюю тревогу. Кроме того, его можно было «видеть»! Хрусталики освещавших зал люстр начинали дрожать! Увидев (или «услышав») все это, я на всякий случай «расчистил» себе дорожку за кулису, чтобы успеть убежать со сцены в случае вполне возможной катастрофы, вызванной генератором низких частот. Но это не все: как говорится, еще полбеды!

Дело в том, что Скерцо из Четвертой симфонии Тищенко оказалось просто неисполнимым. Почему? А вот почему. Его ритмическим «показателем» были 7/1, в темпе Prestissimo, то есть эти 7/1 должны были дирижироваться «на раз»!!! Вот как выглядела, к примеру, партия первой флейты (да и любого другого инструмента).

Все эти ноты должны были играть на один взмах дирижерской палочки!!! Порепетировав "Скерцо" часа два, я принял «волевое» решение. Позвав библиотекаря, я просил его превратить во всех партиях все «целые» ноты в «половинки».

К завтрашнему дню он нарисовал к каждой ноте «хвостик». Получилось 7/2. Результат следующей репетиции — «на волосок» лучше, но все равно — неисполнимо! Последовало новое мое указание: «Превратить половинки в четверти!». Несчастный библиотекарь сидел всю ночь, потому что зачернить каждую половинку требует большего времени, чем пририсовать к ней «хвостик»! Увы, и теперь

проблема не была решена. Более или менее стало лучше на следующий день, когда к четвертям были нарисованы «хвостики»

Нотный текст стал приближаться к «читабельному» — только приближаться! Но ведь прошло четыре репетиционных дня, а остальных частей симфонии я еще не касался!!!

— Хочу переключить Ваше внимание к другой Четвертой симфонии — Четвертой Тертеряна. После исполнения ее вместе с Пятой симфонией Вы подчеркивали в музыке Тертеряна «...продолжительность времени», «концентрацию внимания слушателя <...> на само звучание, раскрывающее совершенно специфический мир»^[4], умение придать отдельному звуку мощную идейную нагрузку...

— Авет Тертерян — выдающийся (к сожалению, рано умерший) композитор. В его сочинениях — почти идеальный баланс знания и чувства.

— В 70-х годах Вы утверждали:

«Близость стиля — понятие относительное. Восприятие того или иного автора со временем меняется. Так, в моем сознании поменялись местами Чайковский и Рахманинов. Раньше предпочитал Рахманинова. Теперь — наоборот. Одинаково близки остались Скрябин, французские импрессионисты. За последние годы громадно «вырос» Брукнер, постепенно приближается Бетховен. Все более привлекают Моцарт и Гайдн. Отношение к современной музыке в общем стабильно: Стравинский, Прокофьев, Шостакович»^[5].

Проходили ли Вы в более поздние годы через переоценку ценностей в мире музыки? Какие авторы делались Вам с годами ближе, какая музыка отодвигалась в тень, привлекала меньше, чем прежде?

— Гораздо ближе и «необходимее» стали Сибелиус, Яначек и Брукнер, «отодвинулся» Скрябин, но явно «приблизился» Глазунов...

— Весьма далекий от новаторства Глазунов и Вы — первооткрыватель музыкальных сокровищ XX века? А как же пушкинские строки: «В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань»? Помнится, рассказывая о Карле Ильиче Элиасберге, Вы писали, что он почитал Глазунова «...за элегантность оркестра», а партитуру «Раймонды» называл своим «справочником»^[6]. А что сделало музыку Глазунова близкой Вам?

— «Чистота стиля», «фабержизм», но вообще говоря, было бы бессмысленно отвечать, например, на вопрос, чем привлекает тебя красота. Я лучше прибавлю к названным мной композиторам Карла Нильсена и Воан-Уильямса.

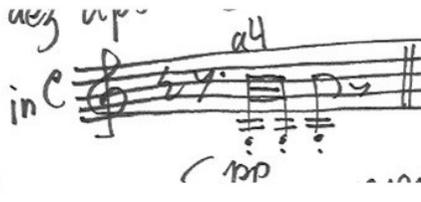
— В те же 70-е годы «неприступными вершинами» представлялись Вам, по собственному Вашему признанию, Моцарт и Бетховен^[7]. Вы говорили тогда, что не обращаетесь к симфониям Бетховена потому что не знаете, можно ли добавить что-нибудь к «сказанному» в них Фуртвенглером и Клемперером. В последние десятилетия Вы неоднократно возвращаетесь к Бетховену. Что же изменилось в

Вас? Или просто прошло время и слабее сделалось «притяжение» классических интерпретаций Бетховена?

— Нет, вовсе не слабее. Особенно интересны стали для меня малеровские редакции симфоний Бетховена — Третьей (чего стоит, к примеру, введение им в партитуру малого кларнета in Es!) и Девятой, которая сейчас находится у меня «под прицелом»... Часто вспоминаю трактовку Девятой симфонии Бетховена А. Мелик-Пашаевым, как и прежде, считаю ее «чрезвычайно значительной», в особенности замечательно выявленную дирижером «бесконечную мелодию медленной части»^[8].

— В фильме, снятом о Вас Бруно Монсенжоном, Вы сказали, что не дирижировали ни одну оперу Верди. При этом интонация, с которой было это сказано Вами, говорила об убежденности, неслучайности сего «происшествия». Не поделитесь ли причинами? Неужели это недоверие к музыкальной драматургии итальянского мастера, даже в таких его творениях, как «Отелло» или «Фальстаф»?

— Нет, «Отелло» и «Фальстаф» — шедевры, но лучшие «оперы» Верди — «Реквием» и «Четыре священные пьесы» ("Quattro Pezzi sacri"). Достаточно вспомнить унисон четырех труб в «Диес Ирэ» из

Реквиема,

которые у любого другого композитора был бы поручен первому

тромбону.

— Что изначально обратило Вас к «Четырем священным пьесам» ("Quattro Pezzi sacri") Верди? Музыкальные достоинства партитуры, над которой композитор работал последнее десятилетие своей жизни, его своеобразного завещания? Обращение Верди в третьей пьесе — *Laudi alla Vergine* — к заключительным терцинам «Рая» Данте как к нетленным ценностям мировой культуры? Появившаяся в 2013 году видеозапись К.-М. Джулини, в которой, к слову, дантовы терцины исполняет не детский хор, как у Верди, а женский?

— Мне просто-напросто понравилось это сочинение. Я впервые дирижировал "Quattro Pezzi sacri" в 1982 году в Лондоне.

— Поменялись ли с годами принципы компоновки Ваших концертных циклов? Что стало причиной поворота от монографических циклов к циклам, которые охватывают определенную эпоху, выстроены на основе стилевых или образных сопоставлений: «Скандинавская триада», «Семеро их», «Мозаика», «Ералаш»,

«Туманный Альбион». Только ли то, что все желанные для Вас «монографии» уже сыграны Вами, а многие из них и зафиксированы в записях?

— После проведенных мной циклов, в которых прозвучали все симфонии Гайдна, Бетховена, Брамса, Сибелиуса, Брукнера, Малера, Чайковского, Глазунова, Прокофьева, Шостаковича, монографическая идея казалась практически исчерпанной. Вместе с тем нельзя было более мириться с отсутствием в репертуаре наших концертных организаций духовной музыки Моцарта. Поэтому последние два московские сезона посвящены были исполнению всех шестнадцати Месс и всех шестнадцати Церковных сонат Моцарта.

Работая над пояснительным текстом к «Мессе святой Троицы», я не обнаружил ни в одном справочном издании, включая знаменитый Каталог Людвига фон Кёхеля, ни одного слова о наличии в этой партитуре двух басовых труб, а также об отсутствии солистов-вокалистов. Ни одно, ни другое не удивило ученых исследователей, они остались к этому явлению глухими и слепыми...

— *Если монографический принцип составления Ваших программ не исчерпан до конца, то почему бы не попытаться сделать объектом «монографии» не композитора, а дирижера, почему бы не собрать в цикле «Премьеры Сергея Кусевицкого» наиболее значимые из премьер, которыми обязана ему музыка XX века? «Прометей» А. Скрябина и «Аластор» Н. Мясковского, кантаты «По прочтении псалма» С. Танеева и «Вкумирно золотого сна» Артура Лурье, «Пасифик 231» А. Онеггера и «Карнавал в Эксе» Д. Мийо, «Классическая симфония», «Семеро их», Вторая симфония, Первый скрипичный, Второй и Третий фортепианные концерты С. Прокофьева, «Песнь соловья» и Фортепианный концерт И. Стравинского, десятки сочинений американских авторов — это только часть из премьер дирижера. И почему бы не воспользоваться этой возможностью чтобы рассказать о миссии дирижера (дирижера вообще, а не Кусевицкого только!) как строителя музыкальной культуры? Кто способен сделать все это лучше Вас???*

— Идею «беру на вооружение»...

— *Вам трижды удалось видеть и слышать Отто Клемперера, Вы рассказывали о впечатлениях от его репетиций и концертов в эссе «Победивший всех». В Хансе Кнаппертсбуше Вас поражала способность мгновенно загипнотизировать исполнителей и публику, «повелевая ими». А доводилось ли Вам слушать выступления Бруно Вальтера?*

— Я слышал в Париже «Реквием» Моцарта под управлением Бруно Вальтера. Это было замечательно!

— *Согласны ли Вы с К.П. Кондрашиным, который называл Вальтера музыкантом с «...мышлением досамолетного периода, когда понятие о скорости было другое» и утверждал, что «...его записи уже старомодны»? ¹⁹⁾*

— И слава Богу, что мыслил он «досамолетно»...

— *Были ли Вы знакомы с Томасом Бичемом?*

— Мне не довелось лично общаться с Бичемом, хотя я не раз присутствовал на его концертах, на записях им симфоний Моцарта, восторгался естественностью его репетиционного процесса, искреннему желанию музыкантов оркестра работать

и играть с ним музыку. Именно от Бичема получил я приглашение впервые дирижировать в Лондоне Королевским филармоническим оркестром.

— *Когда в начале нашей беседы Вы называли имена инструменталистов, оказавших решающее значение для Вашего творческого опыта, я обратил внимание на отсутствие имени Эмиля Гилельса, 100-летие которого отмечается в этом году...*

— Эмиль Гилельс никогда не играл со мной.

— *Как относитесь Вы, воспитанный на классических традициях русского балета, к новаторству в современной хореографии? Творчество каких хореографов представляется Вам наиболее значительным?*

— Самым интересным современным хореографом назову Джона Ноймайера. Я видел много его работ, в том числе поставленный им в 1983 году балет «Трамвай, который называется желание» по пьесе Теннесси Уильямса («на музыку») (как принято говорить в балете!) Адольфа Шнитке. Спектакль шел в сопровождении записи по трансляции с премьеры Первой симфонии Шнитке, которая была осуществлена мной в 1974 году в Горьком. В мае этого года я счастлив буду встретиться с Ноймайером на сцене Большого театра. В своем юбилейном концерте я дирижировал балет Глазунова «Времена года», который был специально поставлен хореографом.

— *Ваше отношение к внесению ретуши в партитуры классиков (а к ним можно смело причислить и некоторых наших современников по веку XX-му) отличалось прежде едва ли не пуризмом. Судя по внесенным в партитуру Седьмой симфонии Шостаковича скрипичным soli, оно не является таковым сегодня. Что изменилось?*

— Стал больше знать об оркестре и его возможностях.

— *Вы не раз сетовали в прошлом, что нет партитур, изданных под редакцией известных дирижеров. Не появились ли таковые за прошедшие с той поры сорок лет?*

— Нет, не появились...

— *В том числе и ни одна из партитур в редакциях или оркестровках, сделанных Вами: «Поединок Танкреда и Клодинды» Монтеверди, «Фантазия для фортепиано с оркестром» Скрябина, сюита «Пушкиниана» Прокофьева, «Новый Вавилон» Шостаковича, «Пять отрывков из Сафо» Шебалина, Сюита из музыки к фильму «Мертвые души» и Струнное трио «Посвящение Бергу» Шнитке...*

— А еще — «Посвящение русской публике» Иоганна Штрауса-сына, пять романсов Прокофьева и его «Наваждение», «Музыкальный день в Плёне» Хиндемита, «Скерцо для двух фортепиано» Сен-Санса и многое другое, в том числе оркестровая версия оперы «Женитьба» Мусоргского, редакция «Первой симфонии» Рахманинова, сыгранная и записанная мной в Москве еще в 1990 году, некоторые коррективы оркестровки в «Седьмой симфонии» Шостаковича...

— *Концертные залы — старые и новые — и их акустика. Существует ли проблема концертного зала в Москве?*

— Залов явно не хватает, а денег явно нет. Новые концертные залы далеко не всегда (скорее наоборот) акустически совершенны. Исключение составляют японские залы, способные менять свою акустику в зависимости от исполняемого репер-

туара путем нажатия кнопки на пульте управления. Замечателен и новый концертный зал в Сингапуре.

— В предисловии к своей книге «Дирижерская аппликатура» Вы говорили, что она несет в себе не констатирующий, а стимулирующий смысл, что книга эта — «рабочий дневник дирижера, а не учебник»^[10]. Я бы тем не менее рискнул сказать о прагматическом смысле Вашей книги — ведь адресована она была молодым дирижерам.

— ...а также и старым...

— Вы ограничились в «Аппликатуре» обсуждением одной из чрезвычайно существенных сторон искусства дирижирования — «ощущения темпа и пульса и их взаимодействия»^[11]. Под пульсом понималась метрономическая пульсация. Книга основывалась на Вашем собственном творческом опыте. И хотя уже к тому времени опыт этот был весьма значителен, сегодня стал он неизмеримо богаче. Остается ли неизменным для Вас при работе над вторым изданием книги, изначально побудительный стимул? Не кажется ли Вам, что понятие «дирижерской аппликатуры» неизменно включает в себя и другую, при этом не менее важную, проблему. Я не говорю сейчас об образном содержании исполняемой музыки, ее интерпретации — это особая и совершенно самостоятельная тема. Имею в виду проблему психологического взаимодействия дирижера и оркестра. Ведь привлечь к ней внимание неопытных дирижерского подиума — ни что иное, как помочь им — снова цитирую Вас — «разобраться в практически стоящих перед ними задачах»^[12]?

— Да, изначально побудительный стимул остается тем же, но вот объем книг увеличен раз в десять, и не только благодаря появлению нового материала (двадцать девять симфоний Гайдна или четыре симфонии Майкла Типпетта), но и пересмотру старого (к примеру, «Восьмой симфонии Шостаковича»). Кроме того, книгу завершает отдельное приложение под названием «Паноптикум», посвященное «экзотическим» инструментам — мандолина, басовая труба, контрабасовый кларнет, стеклянная гармоника, лютеаль, наковальня, львиный рык, пишущая машинка, поющая публика и многие-многие другие (возможно, названия едва ли не всех этих «инструментов» следовало бы писать в кавычках) и не менее «экзотическим» музыкальным ситуациям (Голубиный оркестр в Пекине). К «Паноптикуму» прилагаются также звучащие на CD примеры и цветные иллюстрации. Страницы, посвященные мандолине, снабжены миниэссе о живописи Камилла Коро, Хуана Гриси, Хуана Миро и Пабло Пикассо...

Хуан Грис. Девушка с мандолиной.
Базель, Художественный музей

— Говоря о Хуане Гриси, Вы имеете в виду его чудесную картину «Девушка с мандолиной» (1916 г.) из Художественного музея в Базеле?

— Да, ведь картина эта — ни что иное, как вариация на тему Камилла Коро, «темами» которого пользовались также Миро и Пикассо!

Коро. Кристина Нильсон (Цыганка с мандолиной), 1874.
Музей искусств, Сан Пауло

— Не оказался ли Грис отчасти заслоненным тенью великого Пикассо и полускандальной славой Дали? Существует ли Дом-музей Хуана Гриса в Мадриде, где родился художник? Доводилось ли Вам бывать в Доме-музее Пикассо в Малаге на площади Мерсед, в его «монографических» музеях в Малаге и Барселоне?

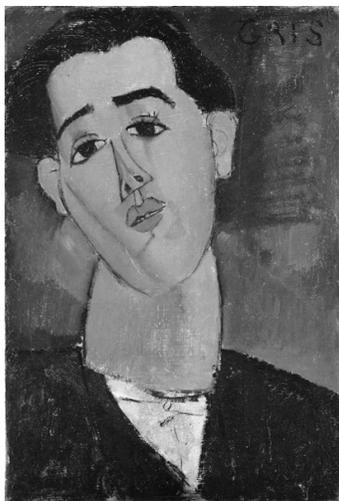
— Я был в музеях Пикассо в Барселоне и Париже, в Малаге в таковом не был. Музея Хуана Гриса в Мадриде не обнаружил. Как Вы верно заметили, Грис скорее всего оказался отчасти заслоненным тенью великого Пикассо. Никто, однако, не владел в XX веке «Энгровской линией» так, как владел ею Грис...

— Пленен чистотой «линии» у Энгра был поначалу Эдгар Дега, но цвет как средство моделировки стал с годами привлекать его куда больше. А вот русским художникам Борису Григорьеву и в особенности Савелию Сорину удалось сохранить верность этой отточенной «энгровской линии»! Как писал поэт Яков Рабинер (Теодор Гланц):

*О, энгровская линия на чёрте!
Изгиб спины химерной в темноте.
Что нового в надтреснутой реторте,
Алхимик-ночь в настое на мечте.*

Хочу спросить Вас, Геннадий Николаевич, пойманы ли черты личности «модели» в портрете Хуана Гриса работы Амадео Модильяни и в портрете Пабло Пикассо работы Хуана Гриса?

А, может быть художники и не ставили перед собой такой задачи?

Амадео Модильяни. Портрет Хуана Гриси, около 1915.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк

Хуан Грис. Портрет Пабло Пикассо, 1912.
Институт искусств, Чикаго

— Может быть, и не ставили. Когда Эренбург приехал во Францию, чтобы вручить Международную Ленинскую премию Пикассо, тот чуть ли не за один день нарисовал его портрет без каких-либо специальных «сеансов». На удивленный вопрос Ильи Григорьевича Пикассо ответил: «Я ведь тебя знаю 35 лет...»

— Зная, что Вы не упускаете малейшей возможности обогатиться художественными впечатлениями, хочу спросить еще про один музей. Бывали ли Вы в Доме-музее Леонида Пастернака, открытом в 1999 году дочерью художника Жозефиной

Пастернак и Лидией Пастернак-Слейтер? Среди экспонатов Дома-Музея есть, в частности, рисунок углем «Альберт Эйнштейн, играющий на скрипке» (1927)...

— В Музее Пастернака не был, но встречался в Оксфорде с сестрами Бориса Пастернака и купил у них несколько работ художника. В том числе — «Бах и король Фридрих» и «Концерт фортепианного трио с участием С.В. Рахманинова».

— Любопытно, ведь на выставке «Леонид Пастернак в России и Германии», которая состоялась в 2001 году в Третьяковской галерее, экспонировался «Иоганн Себастьян Бах и король Фридрих Великий» (1938) из московского собрания сына Бориса Пастернака Евгения Борисовича — возможно, авторская версия названного Вами... Музыка и живопись — один из стержневых аспектов всего Вашего творчества. Он присутствует и в Ваших статьях и устных комментариях, ему посвящены были Ваши книги и циклы концертов. Что стало для Вас исходным моментом — звучание музыки в холстах художников или живописные ассоциации в партитурах композиторов?

Леонид Пастернак. Иоганн Себастьян Бах и король Фридрих Великий», 1938

— Равноправно.

— Являются ли такие, к примеру, приемы оптического восприятия музыки, как вносимые иногда композиторами-импрессионистами знаки *legato* в эпизодах *pizzicati* струнных, своеобразной «интервенцией» приемов живописи в сферу музыки?

— Очень яркие примеры подобного рода можно найти в оркестровых редакциях романсов Анри Дюпарка. У Дебюсси в оркестровой редакции романса «Фонтан» в самом начале у альтов написано “*pizzicato — tenuto*” (?)

— Давайте вернемся к Вашей «Дирижерской аппликатуре». Говоря о полезности для молодых (и, как справедливо заметили Вы, — и старых) дирижеров «школы» психологического общения дирижера с оркестром, педагогике исполнительского процесса, скажу, что, без сомнения, такого рода школой являются репетиции дирижеров-мастеров — к примеру, Ваши репетиции. Но, согласитесь, не все начинающие дирижеры имеют возможность посетить такие репетиции...

— Я никому не запрещаю приходить на мои репетиции.

— Каждому, кому посчастливилось побывать на Ваших оркестровых репетициях, любому читателю Ваших книг — очевидна «полифоничность» Вашего мышления. Она дает возможность артистам оркестра предвидеть задачи, которые выдвинет перед ними партитура в последующие мгновения. Невольно задумываюсь: не помогает ли Вам подобная «полифоничность» мышления, способность предвидения и учета различных, разнонаправленных обстоятельств, успешному ведению своего жизненного корабля между «Сциллами и Харибдами» реальности?

— Если оно («ведение») успешно, то, наверное, помогает... Замечу однако, что слишком много сил потрачено было на борьбу с «ветряными мельницами». Вспоминается «кровавая баталия» с бывшим директором Московской филармонии Авангардом Федотовым. Вопреки своему имени, он любым путем старался не допустить исполнения мною в филармонических абонементах всех симфоний Брукнера.

Проблема музыкального невежества, замечу здесь, не есть привилегия одних только российских чиновников. Типичным примером «борьбы» с таковым была моя «дискуссия» с директором Holland Festival по поводу предложенной мной программы, в которой должны были прозвучать:

Гайдн. Симфония № 36
Шимановский. Вторая симфония
Фермёйлен. Четвертая симфония
Гайдн Симфония №74.

Уважаемый директор сообщил мне, что эта программа слишком длинна. В ответ я задал ему два вопроса:

1. Откуда ему известны мои темпы в симфониях Гайдна?
2. Откуда он знает, буду ли я делать в них авторские повторы?

В конце концов директор с программой согласился, а после концерта «изливал» на меня свои восторги. Сожалею, что запамятовал его фамилию, продержался он на своем посту совсем недолго. Пришел другой — еще хуже. Как любил говорить Моцарт: «Cosi fan tutte...»

Частые столкновения случались у меня и с представителями так называемых «программных комитетов» различных оркестров. Эти организации, как правило, состоят из наиболее бездарных музыкантов, пытающихся благодаря «членству» в программном комитете хоть на миллиметр отодвинуть свой пенсионный срок. Многим из них это удавалось...

Образцово-показательным можно считать инцидент, возникший между мной и «программным комитетом» оркестра в городе Куала-Лумпур (Малазия). Я представил на его рассмотрение Первую увертюру на греческие темы Глазунова и сразу же получил категорический отказ. Я отреагировал на это так: если я не получу мотивированного отказа, а не просто так — «не хотим!» (мотивировка могла бы быть, на мой взгляд, такой: «Слабое владение композитора формой» или «Скучная, “вя-

ляя” инструментовка» или...), то я в Куала-Лумпур не приеду. Пришлось veto на музыку Глазунова отменить... Такого рода примеров, увы, очень много.

— *Приходилось ли Вам вступать в конфликт с оперными режиссерами, чья концепция спектакля шла вразрез с Вашими представлениями об авторской партитуре?*

— Один конфликт помню. Он произошел в Лондонском театре “Ковент-Гарден” при постановке комической оперы Массне «Керубино» («Cherubin»). Режиссер Тим Олбери настаивал на выполнении певцами сложных акробатических трюков, которые они никак не могли совместить с пением (скажем, стоя на голове, да еще спиной к дирижеру!). В результате я уехал в Москву, а, как узнал позднее, постановка была отложена, так как на главную героиню (румынскую певицу Анджелу Георгиу) упала декорация!

— *Не думаю, что опера Массне принадлежит к самым дорогим для Вас сокровищам оперного наследия. Знаю, что Вы давно мечтали продиржировать «Огненного ангела» С. Прокофьева, «Бориса Годунова» Мусоргского в авторской редакции и «Воццека» А. Берга. Что удалось Вам осуществить из этого?*

— «Бориса Годунова» я дирижировал в первой авторской редакции (семь сцен) в Оперном театре Нишцы.

— *Вам не раз доводилось делать интересные открытия, знакомясь с оригинальными авторскими автографами партитур. Расскажите о наиболее интересных из этих открытий. Коллекционируете ли Вы музыкальные рукописи?*

— Можно сказать — да... Но они каким-то образом сами ко мне приходили. Например, «Первая симфония» Альфреда Шнитке (мне посвященная), она почему-то по сей день не издана.... Симфония Софьи Губайдулиной «Слышу — умолкло». С ней связан следующий курьез — в партитуре есть эпизод, в котором оркестр молчит, а дирижер воспроизводит в воздухе так называемые «Фибоначчиевы фигуры». Благодаря этому я отказался от идеи записать Симфонию, так как «стерильная» тишина на CD производила бы впечатление ошибки, технического брака, а о DVD в то время речь не шла. Софья Асгатовна решительно заявила: «Если Вы будете “убежденно” воспроизводить “Фибоначчиевы фигуры” это будет слышно!»

Есть у меня также несколько эскизных листов партитуры, написанных Яначком. Я полагаю, что они были предназначены для оперы «Средство Макропулоса», во всяком случае некоторые интонационные эмбрионы в этих эскизах узнаваемы. Их подарил мне когда-то в Праге композитор Павел Блатный. Яначек, как обычно, не пользовался нотной бумагой, нотные “станы” линовал сам, эскизы очень выразительны, зрительское впечатление преобладает над слуховым.

— *Вами собрана потрясающая библиотека, в которую входят редчайшие книги и рукописи, гравюры и рисунки. Каковы Ваши аргументы в убеждении (а в нем я как-то и не сомневаюсь), что книга вовсе не умирает сегодня в век компьютеров и гаджетов?*

— Книга, на мой взгляд, сейчас «противоборствует» компьютерам и гаджетам, в ее гибель я не очень верю....

— *Что могли бы Вы сказать о книжных и нотных изданиях как произведениях искусства?*

— «Нотные издания как произведения искусства» — тема интереснейшая. У меня большая коллекция нотных обложек. Особый интерес представляют цветные обложки «Беляевских» изданий (к сожалению, в большинстве своем не подписанных художниками). В моей библиотеке есть специальное солидное исследование, посвященное «Беляевским» обложкам, написанное счастливым обладателем их полного комплекта — эксполковником Бриганской Армии W.G. Smith (фамилия полковника, наверное, иная, ведь я все говорю по памяти).

Помимо «Беляевских» обложек назову еще оркестровую сюиту Ю.А. Шапорина «Блоха» с обложкой работы Бориса Кустодиева, альбом «Спорт и дивертисмент» с музыкой и текстами Эрика Сати, иллюстрированный Шарлем Мартеном — автором знаменитой серии литографий «Дегустация вина», которая, кстати говоря, украшает кухню моей парижской квартиры...

Юрий Шапорин.
Оркестровая сюита «Блоха».
Обложка Бориса Кустодиева, 1935

— *Есть ли в числе Ваших книжных находок (парижских и не только) книги, иллюстрированные русскими художниками-эмигрантами? Такие, к примеру, как появившиеся еще в Петрограде «Расея» Бориса Григорьева (1918 г.) — куда больше, чем иллюстрации! «Версаль» Александра Бенуа, изданные в Париже «Двенадцать» Георгия Анненкова (1923 г.), «Пиковая дама» (1924 г.) и «Борис Годунов» (1925 г.) Василия Шухаева?*

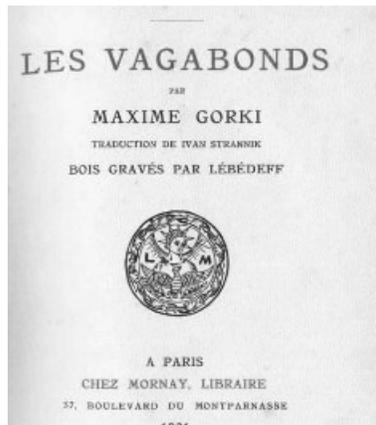

Александр Алексеев. Иллюстрация
к «Пиковой Даме» А.С. Пушкина, 1928

— У меня есть все перечисленные Вами книги плюс 44 книги (все) иллюстрированные Александром Алексеевичем Алексеевым (1901-1982 гг.) — по моему,

величайшим художником книги «всех времен и народов»). Раньше я присваивал (и не без основания) это почетное звание А.Н. Бенуа. Подлинные шедевры Алексея — пушкинская «Пиковая Дама», «Живой Будда» Поля Морана, «Братья Карамазовы»... и все остальное (включая «Князя Игоря» во французском переводе Филиппа Супо (в моем собрании экземпляр с автографами Супо и Алексея)).

Другой очень крупный русский иллюстратор Иван Константинович Лебедев (1884-1972 гг.). Результат моих многолетних розысков — полное собрание книг с его иллюстрациями, в том числе 52 книги, изданные Парижским издательством «Fayard», а также «Яма» Куприна, «Фейные сказки» Н. Черепнина с обложками работы М.В. Добужинского, первое французское издание «Саломеи» Оскара Уайльда с акварельными иллюстрациями Николая Исаева, выполненными «от руки», а также рукописные иллюстрации Натальи Гончаровой к «Сказке о царе Салтане».

Бродяги («Les vagabonds»). Рассказы М. Горького.
Гравюры на дереве Ивана (Жана) Лебедева. Париж, 1921

В свое время я напечатал в Финляндии целый тираж книги М.В. Добужинского «Азбука», рукопись которой купил на аукционе «Sothebis» в Лондоне.

— *Что в Вашей библиотеке (или, быть может, лучше — в Ваших библиотеках, пребывающих в Москве, Париже и Стокгольме) наиболее ценно для Вас?*

— Особенно радует меня полный комплект художественного журнала «Жар-Птица», печатаемого в Берлине и Париже в 20-х годах XX века. Назову практически совершенно не находимую книгу Ж. Бедье Жака де Безье «О трех рыцарях и рубахе. Повесть XIII века» в переводе со старофранцузского Ильи Эренбурга^[13]. Эту книгу мне подарил петербургский «книжный король» Марк Иванович Башмаков — по совместительству альпинист (в его «активе» восхождение на Монблан!). Эрмигаж недавно разместил у себя его сногшибательное книжное собрание!!!

— *А какие, кроме названных раньше, автографы удалось Вам собрать?*

— Бесценными были для меня автографы Д.Д. Шостаковича на партитурах оперы «Нос» и Пятнадцатой симфонии. К величайшему сожалению, во время по-

жара на моей даче сгорели партитуры всех симфоний Д.Д. Шостаковича с дарственными надписями. До сих пор не понимаю, как я это пережил... .

Журнал «Жар-птица». № 12. Париж;
Берлин. Обложка работы М. Ларионова

Интересен автограф Эльгара на партитуре «Концерта для скрипки», подаренной автором В.И. Сафонову, на книге Метнера «Муза и мода», изданной Парижским музыкальным издательством «ТАИР» (Татьяна и Ирина Рахманиновы) и попавшей в мое собрание из личного архива Татьяны Макушиной в Лондоне. Достаточно «раритетны» автограф французского композитора Альберика Маньяра на клавире его оперы «Берениса», автограф Стравинского на партитуре «Весны священной» с внесенными им изменениями во время пребывания в Москве. Он слушал тогда «Бориса Годунова» в Большом Театре и сказал мне: «Да, да, очень хорошие декорации, но это не «Борис Годунов» — это «Борис Глазунов»...!»

Имеется у меня первое издание Первой Сонаты для фортепиано Шимановского с дарственной надписью автора С.В. Рахманинову, датированное 1912 годом и подаренное в Киеве неизвестно при каких обстоятельствах. Упомяну еще о партитуре «Заклинаний» («Evocations») Альбера Русселя с дарственной авторской надписью Борису Красину (брату первого наркома внешней торговли СССР и советского полпреда во Франции Леонида Красина), командированному в свое время в Париж^[14]. Очень хорош карандашный автопортрет Шаляпина с сопровождающей надписью: «Обед без вина, что человек без крови...».

А вот автограф Н.А. Римского-Корсакова на клавире «Моцарта и Сальери», адресованный А.К. Лядову: «Дорогой мой, сочините «Скупого рыцаря»!»

— *Получается что, сочиняя оперу «Скупой рыцарь», Рахманинов, не зная того, выполнял завет Римского-Корсакова?!*

— Выходит — так! И еще: автограф Мейерхольда Прокофьеву, напоминающий об их встрече в Териоках (тогдашняя Финляндия), несколько «автографированных» изданий Прокофьева, адресованных им Вере Алперс, все книги, иллю-

стрированные Константином Терешковичем, включая «автографированного» “Милого друга” с вклеенным портретом Мопассана.

— *Что изначально сделало Вас библиофилом и сказался ли здесь пример наиболее интересных из встреченных Вами собирателей и книжных собраний?*

— Идеальным, “эталонным” библиофилом я считаю М.И. Башмакова, о котором уже говорил. Он для меня недостижим!

— *Не скромничайте, Геннадий Николаевич. «Знаменитым дирижером и библиофилом» назвал Вас Почетный академик Российской Академии художеств, доктор филологических наук, заведующий кафедрой славистики университета в Ницце, уникальный знаток русской культуры, обладатель собрания редчайших книг, картин, автографов писателей и художников русского зарубежья Ренэ Герра^[15].*

— Думаю, тем не менее, что до собрания раритетов Ренэ Герра мне также далеко, как и до коллекции Башмакова...

— *Владельцу такого огромного книжного богатства необходимо, вероятно, очень быстро читать. Блистательно читая партитуры, обладаете ли Вы даром скорочтения когда речь идет не о нотах, а о книгах?*

— По-видимому, читаю достаточно быстро.

— *В Вашем многообразном творчестве Вы не раз проявляли себя как редкий по глубине и тонкости анализа музыковед. Один из ярчайших примеров — Ваше исследование симфонического цикла Сергея Прокофьева^[16]. Что могли бы Вы сказать о состоянии нынешней науки о музыке, с какими интересными открытиями в российском и зарубежном музыковедении посчастливилось Вам столкнуться в последние годы?*

— Дневник Миры Мендельсон, Прокофьевские “Штудии” Наталии Савкиной, Ваш “Кусевицкий” (третий том, которого я с нетерпением жду), “Сафоновские” публикации Тумаринсона, трехтомник “Сибелнус” Эрика Таваштстерна (в английском переводе). С интересом прочел мемуаристику Неда Рорема.

— *В одном из интервью Вы говорили о том, что для власти сохраняют свой безусловный приоритет спорт и эстрада, а гигантский взлет культуры стал бы возможен лишь после того, как президент страны будет в восторге, получив в подарок не майку центрального нападающего хоккейной команды, а старый фрак Валерия Гергиева. Могли бы Вы немного развить эту тему?*

— Не надо отвечать, и так все ясно. Это повсеместно и совершенно неистребимо! Да здравствует майка!

— *После такого лозунга самое время спросить, каким представляется Вам будущее классической музыки?*

— Очень радужных перспектив не вижу.

— *Как функционируют сегодня концертные агентства, делающие мировые имена молодым музыкантам, и возможно ли надеяться на какие-либо изменения в работе этих «концертных машин»?*

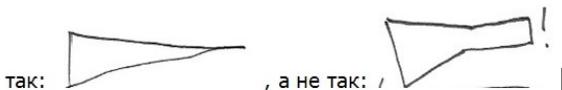
— Думаю, что представители этих агентств ничего в музыке не понимают...

— *Каким изменениям в жизни симфонических оркестров стали Вы свидетелем в последние десятилетия?*

— В Европе многие оркестры стали хуже, некоторые — лучше, как, например, в Рейкьявике, где мне часто приходилось бывать в последние годы.

— *Помнится Вы называли этот оркестр первоклассным после исполнения с ним в 2009 году Седьмой симфонии Шостаковича.*

— Да, писал даже, что это было лучшее исполнение симфонии за всю мою жизнь. Скажу еще, что лучшими сделались оркестры, которые перестали, наконец, идентифицировать *diminuendo* с *ritenuto*, а *crescendo* с *accelerando*. Кроме того, без специального напоминания со стороны дирижера играют *diminuendo* любой протяженности.

— *Наблюдаете ли Вы какие-либо изменения в системе функционирования оркестров?*

— Ощутимых изменений пока что не вижу. Музыканты все также «стыдлиовато» поглядывают на часы, а я делаю вид, что этого не замечаю. Не могу не сказать о преувеличении значимости деятельности профсоюза (*musician union*), во главе которого все также стоят наименее одаренные и осведомленные музыканты-«общественники». Кусевичкому в Бостоне не удалось избавиться от профсоюза. Думаю, что и мне бы не удалось, а хорошо бы было!

— *Если существует для Вас лучший оркестр в мире, то какие качества сделали его таковым?*

— Лучший сегодня оркестр в мире — Чикагский симфонический. Когда я имел удовольствие музицировать с ним семнадцать лет назад, я еще сомневался, какой из оркестров лучше — Чикагский или Кливлендский. Третьего претендента на первое место для меня не существовало. Сегодня таких сомнений у меня нет.

Расскажу о двух своих программах с Чикагским оркестром нынешнего, 2016 года. Первая: Шостакович Первая и Пятнадцатая симфонии; Вторая: Сибелиус Любовная сюита, Моцарт Концерт для кларнета (Стивен Уильямсон, первый кларнетист Чикагского оркестра), Пяят «Восток и Запад», Чайковский Серенада для струнного оркестра.. Заменяя во втором концерте внезапно заболевшего Риккардо Мути, я поставил в программу «Любовную сюиту» Сибелиуса вместо совершенно бессмысленной и очень скучной пьески Дьёрдя Лигети. Не помню ее названия, помню только, что в последних пяти тактах, в которых никто не играет ни одной ноты, было напечатано авторское пожелание: «Дирижер должен продолжать дирижировать»! Разумеется, я не стал бы эти такты дирижировать, так как выглядеть полным идиотом не хотел. А вот Сибелиуса играл с наслаждением, не говоря уже о потрясающей у чикагцев звуковой насыщенности и полнокровности в Чайковском!

— *В одном из интервью Вы назвали Чикагский оркестр лучшим в мире после того, как услышали в Париже исполненную им под управлением Бернарда Хай-*

тинка симфонию Моцарта «Юпитер». Вы и прежде ощущали Хайтинка как великого дирижера?

— Я всегда ощущал в Хайтинке большого и глубокого мастера. Не в последнюю очередь после ознакомления с его записью с оркестром Concertgebouw Четырнадцатой симфонии Д. Шостаковича в multi-lingual варианте (каждая часть — на языке поэтического оригинала!).

— *Полагаете ли Вы, что при невиданной ранее глобализации мира сегодня все еще возможно говорить о наличии национальных исполнительских школ? Национальных исполнительских традиций (что шире по понятию)?*

— Национальных исполнительских традиций сегодня, грубо говоря, нет. Тем не менее, как правило, русские оркестры лучше играют Чайковского, Рахманинова, Скрябина и Шостаковича...

— *А отличительные черты, присущие прежде звучанию симфонических оркестров разных стран, сохранились ли они в наши дни? Да и вообще: может ли симфонический оркестр иметь свое «лицо», может ли сохранять его при том, что главный дирижер проводит с коллективом максимум 12 недель в сезон?*

— Все зависит от качества главного дирижера...

— *Произошли ли в последние десятилетия ощутимые изменения в положении российских музыкантов-исполнителей, в том, как жизнь повелевает им выстраивать свои карьеры?*

— Думаю, что нет. Правда, к великой радости для меня более не существует чудовищного Госконцерта.

— *Необъяснимый для меня парадокс художественного явления, именуемого «Геннадий Рождественский» — противоречие между присущими Вам остротой ума, ясностью осознания жизни и идеализмом, который сказывается в Вашем стремлении к некоему идеальному взаимодействию дирижера и оркестра. Взаимодействию, основанному на равном знании музыкального материала, равной готовности — уже на первой репетиции — к его исполнению. Ведь даже избавя (в идеале) оркестровых музыкантов от присущих многим из них лени и нежелания работать, нельзя же уповать на то, что каждый из них обладает тем уникальным дарованием, которым обладаете Вы...*

— «...уникальным дарованием?» Но если бы случилось так, все они были бы дирижерами. Какое счастье, что это не так! Иногда я огорчаюсь созерцанием «серых» лиц в оркестре, но, представив себе на пятом пульте вторых скрипок человека с глазами Отто Клемперера, я радуюсь тому, что этого, к счастью, никогда не случится!

— *В сентябре 1962 года Вы выступали в Великобритании. Не вспомните ли Ваш концерт с Лондонским симфоническим оркестром, в программе которого звучали Четыре интерлюдии из оперы «Питер Граймс» Б. Бриттена, Скрипичный концерт П. Хиндемита с Д. Ойстрахом — солистом и Десятая симфония Д. Шостаковича...*

— Концерт 12 сентября 1962 года, конечно, прекрасно помню. В тот вечер в лондонском Royal Festival Hall присутствовали все три автора.

— Именно в Лондоне Вы познакомились с Чарли Чаплиным?

— Да, меня с ним познакомил Исаак Стерн. Чаплинские фильмы я могу смотреть без конца.

— Месяц спустя после Лондона состоялись Ваши гастроли с оркестром Ленинградской филармонии в Америке. Они проходили в напряженные недели кубинского кризиса. В самый разгар этого кризиса, 24 октября, в День Организации Объединенных наций, Вы дирижировали в Зале заседаний ООН Пятую симфонию Чайковского. А 30 октября, после того, как у лидеров двух держав Н.С. Хрущева и Дж. Кеннеди хватило мудрости и конфликт был разрешен, в столице Северной Каролины, городе Роли, под Вашим управлением играл Давид Ойстрах. Пятый скрипичный концерт Моцарта воспринимался 14-тысячной аудиторией как гимн спасенному миру, который висел над пропастью ядерной катастрофы. Какие воспоминания сохранились у Вас о тех гастролях?

— Напряжение, конечно, ощущалось, но вполне преодолимое — прежде всего, благодаря неизменно теплому приему советских музыкантов американцами. Жизнь всегда преподносит нам невероятный «коктейль» трагического и смешного. В том же Роли меня поразил происшедший со мной эпизод с винным магазином. Чуть ли не в единственный свободный день на протяжении всех гастролей мне пришла в голову полезная идея приобретения и распития бутылки “Bourbon Whiskey”^[17]. Однако найти соответствующую торговую точку не удалось. Пришлось обратиться к полицейскому с вопросом: «Где я смогу удовлетворить свое греховное желание?» Полицейский пробормотал что-то вроде: «go the right, then to the left, then again to the right...» и т.д.

Магазин я все-таки нашел. Он находился на втором этаже. Надо было подняться по темной, не освещенной лестнице, ступени которой были завалены штабелями книг(!?) В самом магазине мрачнейший продавец «отпустил» мне желаемое и вручил пачку книг антиалкогольного содержания, за которую я должен был заплатить в два раза больше, чем за бутылку... Вскоре эти книги оказались на ступенях входной лестницы, но жажда поубавилась!

— Могли бы Вы назвать кого-нибудь из писателей и художников, с кем свела Вас жизнь?

— Из литераторов, к сожалению, не могу назвать ни одного. Слишком часто, вероятно, перелетал я из одной страны в другую для того, чтобы надеяться на сколько-нибудь постоянное общение с ними. Из художников, к счастью, могу назвать одного — моего ровесника Анатолия Зверева, которого я как-то видел «со спины!», но этого оказалось достаточно для оценки его дарования.

— Поясните, каким образом спина художника Анатолия Зверева способствовала оценке Вами степени его дарования...

Джулия Арье. Портрет Анатолия Зверева

— Не знаю, как, но способствовала... Мои жилища украшены его работами, в том числе замечательным портретом Игоря Маркевича.

Анатолий Зверев. Портрет И. Маркевича, 1963

Гавриил Гликман. Портрет Д. Шостаковича

— А встречались ли Вы с Гавриилом Гликманом? Помню, какое сильное впечатление произвел на меня написанный им портрет Дмитрия Шостаковича, который висел в «светелке» Вашей дачи на Николиной Горе.

— С Гликманом я встречался много раз и в Москве, и за границей, купил у него много портретов, которые, к большому моему сожалению, сгорели при пожаре на моей даче. А вот запомнившийся Вам «Шостакович» сохранился, так как еще до пожара я перевез его в Париж.

— *Расскажите о наиболее талантливых дирижерах молодого поколения.*

— С молодыми дирижерами дело во всем мире обстоит плохо... Из нашей молодежи весьма талантлив Филипп Чижевский, но ему явно мешает (по молодости лет!) сильный «авангардный крен».

— *Менее всего ожидал услышать от Вас, что молодому музыканту может помешать «авангардный крен»... Какой смысл вкладываете Вы в эти слова?*

— К примеру — предложение дирижеру дирижировать при молчащем оркестре, с которым я встретился в партитуре Лигети, или сжигание на театральной сцене скрипки, что требовалось по ходу постановки на Новой сцене Большого театра оперы «Франциск» московского композитора С. Невского. Дирижировавший этим спектаклем Филипп Чижевский рассказывал мне об этом, причем довольно восторженно. Давайте не будем забывать, что «главным авангардистом» мировой музыки был Иоганн Себастьян Бах!

Мне, конечно, намного лучше ясен творческий потенциал собственных учеников. Скажу прежде всего о Дмитрие Крюкове и двух Константинах — Чудовском и Хватынце. Дима Крюков ассистировал мне при реализации в Москве Большого цикла «Туманный Альбион» и, должен сказать, блестяще справился с ролью второго дирижера при исполнении сложнейшей Третьей симфонии сэра Майкла Типпетта. Вместе со мной в 2014 году Крюков принимал участие в постановке в Большом театре «Царской невесты», и тоже очень успешно. Для общей характеристики молодого дирижера скажу, что будучи на гастролях в Вене, он истратил все имевшиеся у него деньги на покупку многотомного издания всех духовных сочинений Моцарта!

Чудовский и Хватынец закончили Московскую консерваторию в 2008 году и многого достигли с того времени. Костя Чудовский — музыкант, обладающий превосходными дирижерскими данными, исключительной памятью. В Московском театре «Геликон-опере» он провел оперу «Лулу» Берга без партитуры, дирижировал «Леди Макбет» Шостаковича. Сейчас он успешно работает в Чили.. Костя Хватынец поставил несколько интересных спектаклей в Детском музыкальном театре им. Н. Сац — в том числе оперу М. Равеля «Дитя и волшебство», сотрудничает с «Геликон-оперой», успешно возглавляет Московский театр оперетты.

Назову также Айрата Кашаева, которого я пригласил работать вместе со мной в Камерном музыкальном театре имени Бориса Покровского — готовить постановку оперы Бриттена «Блудный сын»; Славу Валеева, который руководит молодёжными оркестрами в Московской консерватории и в ЦМШ, преподает на кафедре оперно-симфонического дирижирования консерватории.

— *Помогают ли молодым дирижерам международные дирижерские курсы и мастер-классы? Расскажите о Первом Международном конкурсе дирижеров Геннадия Рождественского, проведенном в 2006 году в Болгарии. Даете ли Вы дирижерские мастер-классы?*

— Я давал много дирижерских мастер-классов — в Accademia Chigiana в Сиене, в Венской консерватории, в Москве, неоднократно был Президентом Между-

народного конкурса в каталонском городе Кадакесе. Конкурс в Софии прошел довольно успешно. Первую премию получил швейцарский дирижер Симон Гауденц.

— *Хочу, говоря о судьбах исполнительского искусства, повернуться все-таки к позитиву. И здесь нет для меня лучшего примера, чем дирижер Геннадий Рождественский. Много лет назад в аннотации к Вашей пластинке и серии «Из сокровищницы мирового исполнительского искусства» я писал: «Смысл творчества Геннадия Рождественского в том, что он утвердил место исполнителя в современной музыкальной культуре. Исполнителя как толкователя творчества композиторов. Исполнителя как стимулятора их творчества. Исполнителя как воспитателя художественных вкусов целого поколения слушателей». Перечитывая эти слова сегодня, я изменил бы только последние: «...исполнителя как воспитателя художественных вкусов нескольких поколений слушателей». А что изменили (дополнили) бы Вы — если в целом согласны с моими словами?*

— Согласен и польщен.

— *«Даже если вы знаете, что дирижировать очень трудно, надо дожить до семидесяти лет, чтобы осознать, насколько это трудно». Эти слова принадлежат Рихарду Штраусу^[18]. Подписались ли бы Вы под ними — ведь глядя на Вас из концертного зала или зала оперного театра, никак не назовешь дирижирование трудной профессией...*

— Подписался бы, я уже пятнадцать лет как осознал этот факт!

* * * * *

Примечания

[1] Геннадий Рождественский. "Неизведанный мир" // Музыка и современность. Вып. 2. Составитель — Т. Лебедева. Москва: «Музыка», 1963. С.

[2] «Постоянство призраков и красоты. 6 апреля 2006. Интернет: <http://news.oboe.ru/?y=2006&w=14>

[3] М. Цокотуха. Еще раз о "Тараканище" // "Независимая газета", 23 ноября 2000

[4] Геннадий Рождественский. "Аннотация к грамзаписи Четвертой и Пятой симфоний А.Терьяна".

[5] См.: Виктор Юзефович. "С Рождественским о Рождественском" // С. 170.

[6] Карл Ильич Элиасберг. "Геннадий Рождественский. К.Э. // Карл Ильич Элиасберг. Воспоминания. Исследования. Документы". Составитель В.Козлов. Санкт-Петербург: «Сад искусств», 2012. С. 41.

[7] Геннадий Рождественский. "Мысли о музыке". Москва: «Советский композитор», 1975. С. 33.

[8] "Г. Рождественский" [Говорят соратники по Большому театру] // А.Ш. Мелик-Пашаев. Воспоминания. Статьи. Материалы. Составители Р. Глезер, М. Шмелькина, А.А. Мелик-Пашаев. М.: «Музыка», 1976. С. 122.

[9] Кирилл Кондрашин. "Мир дирижера" (Технология вдохновения). Беседы с В. Ражниковым. Ленинград: «Музыка», 1976. С. 110.

[10] Геннадий Рождественский. "Дирижерская аппликатура". Ленинград: «Музыка», 1974. С. 10.

[11] Там же. С. 10.

[12] Там же. С. 4.

[13] Первое издание перевода этого фавлю Ильей Эренбургом вышло в свет тиражом в 685 пронумерованных экземпляров: "Жак де Безье, трувер Фландрии. О трех рыцарях и о рубахе. Повесть тринадцатого века. Перевод со старофранцузского И. Эренбург. Текст, обложку, заставки рисовал и резал на досках Иван Лебедев". М.: "Зерна", 1916. Позднее перевод публиковался в кн: "Тень деревьев. Стихи зарубежных поэтов в переводе Ильи Эренбурга" М., 1969.

[14] Борис Борисович Красин (1884-1936) — советский композитор, фольклорист и музыкально-общественный деятель. После 1918 года руководил музыкальными отделами Московского пролеткульта, Главнауки, Главполитпросвета, работал председателем правления и директором-распорядителем Российской филармонии (Росфила). В Париж он приезжал в начале 1926 года.

[15] Русский серебряный век продолжился во Франции. Беседы Лолы Звонаревой с Рене Герра // Газета «Новый континент».

Интернет: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=4775649ea6ac9>

[16] См.: Геннадий Рождественский. "Неизведанный мир. Музыка и современность. Сборник статей. Выпуск 2. Составитель Т. Лебедева. М.: «Музыка», 1963.

[17] «Основное отличие бурбона от европейского виски заключается в том, что бурбон производится из кукурузы, а не из ячменя, и выдерживается в специальных бочках, изготовленных из дуба и обожжённых изнутри по специальной технологии». (Википедия)

[18] Цит. по кн.: Шарль Мюнш. Я — дирижер. Москва: Государственное музыкальное издательство, 1960. С. 20

Зоя Дмитриева (Кейлина)

БЕСЕДЫ С РЕЖИССЁРОМ
М.Г. ДОТЛИБОВЫМ
об «Онегине», Станиславском
и оперной режиссуре

Оперный режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР (18.10.1984).
Окончил Московское Музыкальное училище (скрипка), а затем ГИТИС (режиссура),
1957-59 гг. — главный режиссер Оренбургского театра Музыкальной комедии,
1959-64 гг. — главный режиссер Новосибирского театра Музыкальной комедии,
1962-72 гг. — главный режиссер Ленинградского театра музыкальной комедии,
1972-95 гг. — режиссёр Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-
Данченко,
1996-2011 гг. — контрактные постановки в Германии,

Михаил Григорьевич Дотлибов
22.01.1927 (Москва) — 26.05.2011 (Бонн)

М.Г. Дотлибов поставил более 100 спектаклей, высокий художественный уровень которых неизменно отмечался коллегами, публикой и критикой. Среди его особых удач — столь дорогой петербургской (в те времена — ленинградской) публике - «Севастопольский вальс», шедший в нашем городе долгие годы с аншлагами (с 1961 г. в общей сложности более 600 раз), а затем возобновленный, в силу своей популярности в театре Музыкальной комедии в наши дни (2010 г.)^[1].

Кроме оперетт, мюзиклов и музыкальных комедий, Дотлибову доводилось ставить и оперы, особенно в пору его работы в Новосибирске. Будучи высокообразованным режиссёром и, кроме того, профессиональным музыкантом, он обладал

безошибочным вкусом и неким «особенным чутьем» именно к музыкальной драматургии, что не раз отмечалось и композиторами, с которыми он работал (Э. Колмановский, В. Баснер), и коллегами, и, в особенности, артистами, занятыми в его постановках (Т. Шмыга, С. Лейферкус, Т. Моногарова и многие другие).

Артисты любили его еще и за действительную помощь, умение мгновенно «подобрать ключ» к прочтению роли, причем, исключительно исходя из природы конкретного человека, за что и прозвали его «Доктором Айболитом».

Поэтому совсем не случайно в 90-е годы именно к Дотлибову обратилось руководство театра им. К.С. Станиславского с просьбой о реконструкции «Евгения Онегина», того — увы! — единственного спектакля из всего наследия Станиславского, который еще сохранился в репертуаре. Эта реконструкция стала бесспорным шедевром режиссёра Дотлибова, сумевшего вернуть спектаклю живое дыхание, удивительное единство слова, музыки и действия. Ему удалось донести до зрителя самый дух великого Станиславского. «Евгений Онегин» в реконструкции Дотлибова увидел свет рампы в 1992 году и имел огромный успех у московского зрителя.

«Точность попадания» блестящим образом подтвердилась и при следующей реконструкции «Онегина» Станиславского — на этот раз, когда Дотлибова пригласили в венский музыкальный театр KammerOper. В Вене после премьеры «Онегина» на режиссера обрушился просто оглушительный успех. Спектакль шел с аншлагом, знаки творчества Станиславского и международная пресса (в том числе, лондонские «Таймс» и журнал «Опера», австрийский «Штандарт», американская «Чикаго Трибьюн», немецкая «Аллес Кальтур», «Ди Прессе» (независимая ежедневная газета Австрии) отозвались о спектакле в восторженных тонах.

Может показаться неправдоподобным, но именно успех спектакля в Европе стал причиной конфликта руководства театра им. К.С. Станиславского с Дотлибовым. Он был уволен с работы, затем восстановлен судом, после всего этого тяжело заболел и, в конце-концов, покинув и театр, и Москву, в декабре 1995-го обосновался в Бонне. Без него «Онегин» продержался в Москве еще шесть лет и был снят с репертуара главным режиссёром театра А. Тигелем, причем заодно были уничтожены и декорации к спектаклю (как рассказывают, раскатаны трактором во дворе театра).

И вот в 2008 году 80-летний режиссёр получил из Санкт-Петербурга неожиданное предложение повторить свою реконструкцию на сцене Михайловского театра [2].

В преддверии премьеры этой третьей реконструкции мы и беседовали с Михаилом Григорьевичем. Репетиции были в разгаре. Мне удалось присутствовать на многих из них. Эта статья — попытка систематизировать все то, что было мне рассказано, и поделиться с читателем единственным в своём роде опытом, свидетелем которого я стала.

Несколько слов об истории создания оперы «Евгений Онегин»

Первое, на что обратил моё внимание режиссёр, были письма Чайковского в период написания «Онегина». Вот отрывок из письма Николаю Рубинштейну: «...постановка её [оперы] именно в консерватории есть моя лучшая мечта. Она рассчитана на скромные средства и небольшую сцену». Та же мысль в письме Николаю Альбрехту: «Я никогда не отдам этой оперы в дирекцию театров прежде, чем

она не пойдёт в консерватории, потому что мне нужна здесь небольшая сцена... Если она не будет поставлена в консерватории, то она не будет поставлена нигде... я готов ждать сколько угодно...».

А вот из письма ученику, композитору Сергею Танееву: «...Несценично — так и не ставьте, и не играйте... мне нужны люди, а не куклы... ложь мне противна... Вы спросите: что же мне нужно? Извольте — скажу. Я ишу интимной, но сильной драмы, основанной на конфликте положений, мною испытанных или виденных, могущих задеть меня за живое...»

О чем шла здесь речь? По мнению Дотлибова, о том, что Чайковский создал, собственно, не оперу, а новаторскую для своего времени психологическую музыкальную драму. Динамика развития изначально содержалась в музыке, и какие-то внешние решения и сценические эффекты, и, тем более, оперные штампы, были здесь неуместны. Это сочинение требовало к себе совершенно иного подхода. По существу, для XIX века это был модерн. Чтобы донести до зрителя всю эту новизну, композитору требовались единомышленники высочайшего уровня — такие, как дирижер Николай Рубинштейн, в чьи руки автор и передал своё творение.

Премьера состоялась на сцене московского императорского Малого театра и, как того пожелал композитор, в исполнении студентов Московской консерватории. Хотя высказывались различные мнения и даже появились некоторые критические статьи в прессе, опера имела невероятный успех. Публика приняла «Онегина» «на ура», и ещё при жизни композитора опера начала своё триумфальное шествие по сценам крупнейших театров России, а затем и всего мира. Но парадоксальным образом вскоре случилось именно то, чего композитор пытался избежать: «лирические сцены» превратились в «большую оперу». Между прочим, начало было положено самим Чайковским, когда по просьбе дирекции московского Большого театра он внёс в оперу целый ряд изменений, в том числе дописал народные сцены с хорами. «Онегин» утратил обаяние камерного сочинения, хотя его успех и популярность, во многом обязанные чудесной музыке, возрастали, невзирая ни на что.

В 1922 году К.С. Станиславский своей смелой постановкой возвращает опере её первоначальный вид. «Лирические сцены» просто ошеломили публику. «Крупный вклад в области театральные исканий, это — музыкальная студия Станиславского. Она дала очаровательное переложение «Евгения Онегина» — он действительно был совершенно благоуханным... Музыка Чайковского страшно много выиграла от трактовки не оперной, не ходоульной, но жизненной... Станиславский стремился к тому, чтобы ритмизовать действие... чтобы музыка царила на сцене и чтобы она одна двигала телами и душами людей, которые здесь находятся...», — так писал о спектакле нарком просвещения А.В. Луначарский. Сценическим решением Станиславского был очарован и восхищен С.В. Рахманинов, сам дирижировавший совсем другим «Онегиным» в Большом театре. Вот что он писал: «...в этом гармоничном, проникнутом музыкой и поэзией спектакле случилось чудо — чудо слияния воедино трёх русских гениев: Пушкина, Чайковского, Станиславского...»

Удивительным образом судьба спектакля снова повторилась: «Евгений Онегин» Станиславского тоже (!) был перенесен на большую сцену, причем в разное время дважды, и, вследствие этого, претерпел превращения, которые в целом исказили режиссёрский замысел^[3].

Перенос студийного «Онегина» на большую сцену осуществлялся учениками и ассистентами Станиславского по его указаниям. С 1928 году (как раз когда студии присвоили статус и название «оперный театр Станиславского») сам режиссёр

уже перестал там бывать из-за болезни сердца, и оперные спектакли ставили его ученики. Стоит еще добавить, что, начиная с 1946 года, из восьми опер, поставленных Мастером, сохранились только две: «Севильский цирюльник» и «Евгений Онегин», а с 2001 года уже нет ни одного [4].

О постановке Станиславского и истории ее реконструкций

(из бесед с режиссером М.Г. Дотлибовым, Петербург. 2008 год)

З.К. Какие материалы имелись у Вас перед постановкой? Рукописи, публикации, личные воспоминания артистов-участников прежних постановок?

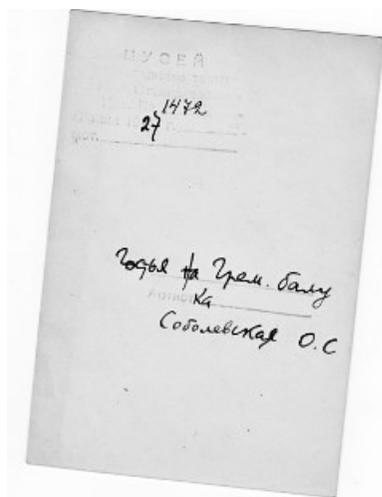
М.Л. Мельтцер — "первая Татьяна" времен Станиславского

М.Г. Существуют книги, изданные учениками Станиславского и участниками постановок, ежегодники МХАТа, материалы в Доме-музее Станиславского, сборник статей под редакцией О.С. Соболевской и Г.В. Кристи. Есть книга первого Онегина — певца Румянцева. 300 страниц книжки посвящены этому спектаклю, шаг за шагом все расписано. У меня есть рукопись первой Татьяны — М.Л. Мельтцер, которая служила 40 лет в театре Станиславского, Я использовал фотографии Дома-музея Чайковского, книжку Соболевской. Соболевская занималась всю жизнь теорией, историей... Между прочим, когда возник вопрос о реконструкции «Онегина», это была её инициатива — чтобы этим занялся я.

З.К. Когда вы делали записи?

М.Г. Когда готовился к реконструкции. Кто-то был жив, кто-то не очень здоров. Я беседовал с людьми, которые работали еще при Станиславском, — и над ролями, и над спектаклем. Я провел и записал беседы с Романовой — первая Ларина, с Д.С. Гольдиной — первая Ольга, с А.И. Орфеновым — Ленским. С ним, кстати, Станиславский сделал партию полностью. В театре передавалась эстафета от поколения к поколению, вчерашние главные исполнители становились педагогами, вводили новых артистов. Я взял за основу первый студийный спектакль.

У Станиславского спектакль был поставлен сначала без костюмов. Потом стали шить костюмы к греминскому балу. Станиславский придумал, что на стенах будут висеть портреты: Николай I, Александр I, Екатерина II. А тут новая власть... И пришлось Станиславскому отступить от своей же идеи повседневного костюма: на балу генералы, которых не было вообще на сцене в первые годы советской власти, появлялись в военной форме старого образца (старые театральные запасы), и соответственно времени пришлось одеть и гостей. С позиций современного человека это дает нам право одеть гостей греминского бала, скажем, в современную Станиславскому одежду начала века... Есенин и команда пижонов... может быть.

О.С. Соболевская — гостя на Греминском балу.

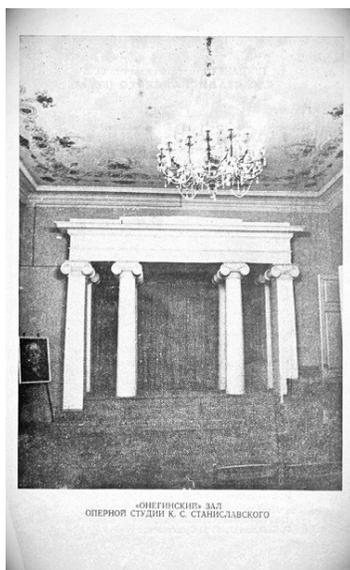
Подпись на оборотной стороне фото также времен Станиславского

Сцена домашнего зала в квартире Станиславского в Леонтьевском переулке была небольшая. В театре на Дмитровке, куда потом переехали, до революции был кафешантан: большой зал (со столами) и маленькая сцена. И эта сцена стала расти в результате реконструкции. Она росла, росла, но спектакль оставался таким, каким он был поставлен: камерным. Были попытки у того же художника Матрунина, первого художника Станиславского, сделать другую декорацию, которую Станиславский — хоть он и был деликатным человеком — отверг категорически. Получилась бы пародия на Большой театр. Последняя реконструкция театральной сцены была сделана в 1936 году. Огромная сцена, огромный просцениум. Играть на просцениуме? Но на просцениуме ставить декорацию нельзя. И вот все выросло. Колонны

выросли в два-три раза, стали действительно как триумфальная арка — из прежней-то малюсенькой колоннадки в Леонтьевском. Это и было самое страшное, потому что в первоначальном варианте у Станиславского декорация отстояла на 1,5 метра от публики первого ряда, т.е. совсем близко. Люди приходили в оперу — и вдруг оказывались «дома»! Эта интимность, эта доверительность, отсутствие шаблонов и оперных котурнов потрясли современников. В общем, этот «маленький» спектакль означал революцию в опере.

Станиславский боролся с «большой оперой» — с «концертом в костюмах». Была же такая история: старая большевичка Малиновская ^[5] пригласила Станиславского и Немировича-Данченко поставить спектакль в Большом театре. Данченко сразу «отсох» и начал создавать свою музыкальную студию МХАТ. А Станиславский сказал, что с этими (оперными) артистами ничего сделать не сможет. И предложил открыть студию при Большом театре. У него там учились Мигай, Лемешев — будущие солисты Большого театра. Он с ними делал спектакль, придумывал тренаж. Вот из этого тренажа и вырос в дальнейшем «Евгений Онегин» — как учебная работа, которая поразила всех.

З.К. «Онегин» первоначально был поставлен у Станиславского дома?

М.Г. Да, колоннада была в доме Станиславского: всемирно известный теперь «Онегинский зал» в Леонтьевском переулке. А перенос на сцену «Нового Театра» (другое название — «Детский театр») был осуществлен через три месяца, тоже в 1922 г. Сцена там была побольше, но не так уж. Колоннада была туда перенесена. Были находки. Например, бал у Лариных. Обычно на сцене стоит хор — толпа. А Станиславский усадил гостей за стол в обеденной зале. А сзади (на сцене) он сделал гостиную, где танцуют. Бал. Видны танцы - в глубине сцены.

З.К. То есть мы смотрим на танцующих глазами тех, кто сидит за столом?

М.Г. Да. Между прочим, когда Станиславский делал всё это, у него получилась неожиданная вещь. В те времена еще не было в театре понятия «крупный план». Станиславский же сделал вот что: у него всё происходило посреди колоннады, все интимные сцены. А массовые сцены были не в глубине, а впереди. Уносили стол — и гости начинали танцевать среди зрителей. Дальше — гости уходили наверх, на сцену. Это и поразило — что опера может быть как кино. Но он не из кино это взял.

З.К. Существовала ли партитура спектакля?

М.Г. К сожалению, за Станиславским очень многого не записывали. Но есть воспоминания людей, которые создавали с ним спектакль. В них проступает живой Станиславский. Для него, как известно, главным на сцене был актер, главное было — добиться от актера, чтобы он творил сознательно. Разбередить, подвести к нужному психологическому состоянию, к нужному движению души. Он говорил: «... делая спектакль... обратиться к самой природе актера, пробудить эту природу». Станиславский радовался, когда у актера рождалось своё решение. Например, Ольга у него ходила по краю сцены, скакала на одной ноге, делала, что хочет, куда ее потянет, но — в русле обстоятельств. Или в сцене у Лариных, когда идет мазурка и ротмистр приглашает Ларину, каждый раз при подходе ротмистра к даме Станиславский просил: «Почудите, придумайте что-нибудь своё!» И за находки давал актерам двугривенный.

З.К. Правда ли, что сохранилась партитура бала у Лариных, где для каждого гостя придуманы характер и биография?

М.Г. Существует партитура массовых сцен. Станиславский долго работал над этим балом. Да, он давал такое задание актерам: придумать себе характер и какую-нибудь историю. По моему заданию партитуру к нашему спектаклю сделала Е. Царева. Расписан каждый такт бала. В этой массовой сцене 42 персонажа, и там прописано, как каждый персонаж относится к другому. Они предстают, как живые люди (*а не статисты хора*. — З.К.). Каждый имеет имя, фамилию и биографию. Количество персонажей зависит от размера сцены. Когда раздулась сцена, ввели еще человек десять. Но этого Станиславский уже не видел.

З.К. В постановке Станиславского, я слышала, танцует хор?

М.Г. Да, потому что это важно — никакой искусственности, никаких подставных балетных артистов.

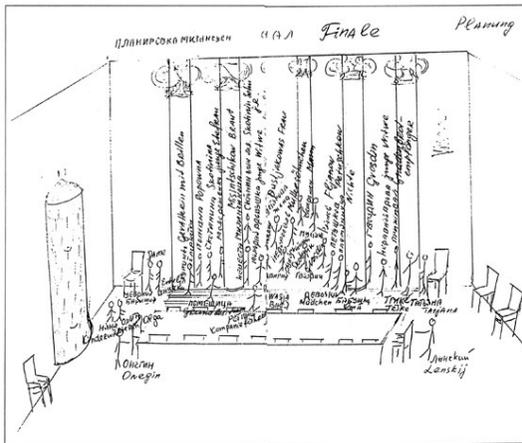
З.К. А что это за мизансцена была в третьем акте, когда Татьяна и Гремин выходили на балу прямо из зрительного зала?

М.Г. Вначале, когда был маленький зал, из задней двери зрительного зала выходила процессия торжественного полонеза; она проходила через зал и вступала на сцену. Татьяна с Греминым выходили на сцену вслед за ними. Тут вот что важно: мизансцена у Станиславского была построена так, что гости, хор — все было обращено к зрителям, сидящим в зале. Ну, а когда на большой театральной сцене Татьяна и Гремин выходили из-за кулис, а хор в это время продолжал пялить глаза на зал, получалась «вампюка». Такого никогда бы не допустил Станиславский. Но это были следы прежней мизансцены.

З.К. В вашей постановке в Михайловском театре Татьяна и Гремин тоже выйдут из зала?

М.Г. Нет. Мешает оркестровая яма. Её закрыть нельзя. Поэтому я решил, что Татьяна с Греминым выйдут не из зала, а из ложи, близкой к сцене. Ложа пуста. Вдруг на нее дается свет. «Княгиня Гремина! Смотрите! Смотрите!» Толпа на сцене идёт к ложе и общается с появившимися через оркестр (кто появляется через оркестр?). Гремин оставляет накидку Татьяны на барьере ложи и уходит через кулисы на сцену, где сталкивается с Онегиным. Татьяна поёт «О Боже, помоги мне скрыть души ужасное волнение!» Потом она выходит на сцену, как и Гремин, из ложи. Пока она идёт, начинается сцена...

З.К. А что за история со столиком?

М.Г. Спектакль шел на сцене театра Станиславского в течение многих лет, и от постановки оставались некие «аппендиксы»: например, никто не мог мне объяснить, почему — при том, что уже существовало огромное пространство сцены, — няня проходила мимо кровати Татьяны только перед столиком. Почему? Да потому, что когда-то, 100 лет назад, сцена была такая маленькая, что за столиком заканчивалась. Не было места для «маневра». Или еще одна история: няня, выбегая из дома, кричит: «Приехали гости! Господин Ленский, с ним Онегин!» У Станиславского няня говорила, то есть пела это, выбегая из дома только потому, что впереди перед ним не было сада. Просто не могла она ниоткуда больше выбежать. А когда сцена увеличилась и перед домом появился сад, няня всё равно почему-то продолжала выбегать из дома и кричать, что за оградой сада гости! Ну, или вот хор «Болят мои ноженьки». Его поют за сценой, а находящиеся на сцене артисты пялят глаза в зал. Для меня идеальным выходом было бы поставить хор на галерке, чтобы пели сначала из-за двери, а потом выходили бы в зал, причем персонажи на сцене тут же общались бы с ними.

З.К. В таком виде Вы и застали спектакль в конце 80-х?

М.Г. В это время спектакль уже давно не отвечал задачам, которые ставил Станиславский. Сцена была большая, а декорации маленькие. Получался какой-то «плевок» на большую сцену. Неподвижный станок в глубине сцены далеко от зрителя. Между картинами паузы для перемены декораций до 20 минут! Школьники в это время стреляли в дирижера из рогаток, плевали из трубочек... Наконец, Покровский сказал: «Спектакль позорит имя Станиславского. Надо его снимать. Ну, что с ним делать?» Но я взялся спектакль реконструировать. Дали мне людей, художника Борхина, и мы сделали такой станок, чтобы спектакль мог идти без остановки. Для этого поставили декорации на вертящемся станке, сделали на нем четыре отделения, так что при повороте декорацию можно было менять мгновенно. Появилась возможность быстрой смены интимных сцен на общие. Стали возможными крупные планы — для этого станок придвигался ближе к зрителю. Создали систему занавесей — как будто листаются страницы. Картины начинались с высвечивания декорации, которую покрывала кисея. Потом кисея исчезала. Но самое важное — у нас появился ансамбль новых молодых исполнителей. Дирижером премьеры был Г. Провоторов. Татьяна — Т. Моногарова — главное приобретение постановки. Она стала потом звездой мирового класса.

З.К. А ваша реконструкция в KammerOper — отличалась ли она от московской?

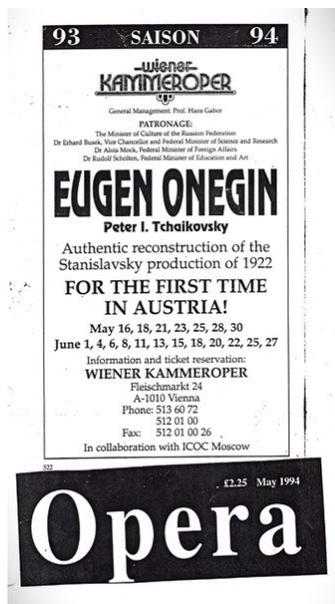
М.Г. В условиях Вены мы были ближе (по габаритам сцены) к первоначальному спектаклю. KammerOper находится в центре Вены, это старый театр, и зал там маленький. Поэтому декорация стояла близко к зрителю. Там были очень хорошие выходы из боковых кулис. Некоторые эпизоды игрались на авансцене, и, как когда-то у Станиславского, гости в сцене полонеза выходили прямо из зрительного зала.

З.К. А как венская публика приняла спектакль?

М. Г. Когда я ставил спектакль в Вене, то еще в двух театрах шло по «Евгению Онегину». Шел заскорузлый шикарный «Онегин» в Венской Опере. И шел очень современный «Онегин» в Volksoper интересного режиссёра Купфера. У Купфера была тема: Татьяна искала Онегина. Ездил по всей сцене на кровати, а странствующий Онегин ездил от неё на возке. Возок, кровать... А на балы Онегин не попадал, его отовсюду «вытанцовывали». Очень бойкий был спектакль. Но публика, которой надоел весь этот модерн, с удовольствием посещала наш спектакль и приобреталась к высокой классике. Станиславский же создал классический спектакль - по всем параметрам. Я уже приводил слова Рахманинова («...чудо слияния трех гениев... Пушкин, Чайковский, Станиславский»). Его спектакль был ближе всех к Пушкину-Чайковскому. Ну, и второе: тут была представлена жизнь человеческого духа, представлена в прекрасной форме. С этого спектакля началась реформа мировой оперы. До этого опера была концертом в костюмах. Хотя Станиславский поставил спектакль музыкальный, в нем была психологическая правда художественного театра. Не было никаких «кунстштюков». Сейчас спектакль может показаться старомодным, как «Лебединое озеро», но это - классика. Станиславский после премьеры «Онегина» получил письмо от группы деятелей мировой культуры, подписанное Стефаном Цвейгом, Томасом Манном, Пабло Казальсом, Роменом Ролланом, с предложением создать международный оперный центр в Зальцбурге. Писали, что только Станиславский может его возглавить. То, что сделал тогда Станиславский, стало идеалом для передовых художников.

Ну, а постановки в духе «модерн» не раскрывают ни Пушкина, ни Чайковского. У режиссеров тут одна задача: показать самих себя, а не открыть для публики первоисточник, чтобы дать понять, что есть Пушкин и что есть Чайковский.

Отзывы прессы о реконструкции «Онегина» в Вене

«Евгений Онегин» в трактовке Станиславского имел на премьере Венской Kammer Oper огромный, небывалый успех. Опасность «холодной музейности» посрамлена. В строгих рамках камерного решения Станиславского молодые прекрасные артисты из Москвы получили возможность, согласно заветам Станиславского, творить на сцене «от себя», доверяясь интуиции и чувству правды. Режиссёр Михаил Дотлибов безукоризненно владеет материалом и одержал впечатляющую победу. Спектакль вызвал бурный восторг». (*«Ди Прессе», независимая ежедневная газета Австрии*)

«... весь спектакль поразительно музыкален. В венской постановке «Евгения Онегина» система Станиславского проявила себя как вечно живой и плодотворный метод». (*«Таймс», 26.05.1994*)

«... небывалый, оглушительный успех классической постановки оперы... русский специалист по Станиславскому профессор Дотлибов успешно преодолел опасную дистанцию времени. Спектакль в Вене воспринимается как прекрасное явление современного искусства. В нем бьется сердце живой опоздированной жизни». (*журнал «Опера». Лондон, 1994, № 7-8*)

«Европа впервые встретилась с шедевром, с которого начался современный этап развития оперы во всем мире...» (*«Чикаго Трибьюн», 209.06.1994*)

Современный взгляд на принципы реконструкции.

Режиссер и художник
(из бесед с М.Г. Дотлибовым)

З.К. Чем является в вашем понимании реконструкция? Планируете ли вы реанимировать спектакль как музейную ценность или адаптируете на современников? Или что-то третье? И насколько режиссер влияет на художника в этом спектакле?

М.Г. Я не претендую на совсем новое прочтение. Здесь важнее мысль о сохранности имеющегося явления искусства, поэтому и говорят: постановка-реконструкция. Но были у Станиславского и какие-то неосуществленные им мечты. Например, природа. Не в смысле пейзажей (силуэтно, виньетно), а природа как сфера спектакля (*«сфера» здесь как среда существования, еще одно символическое средство выразительности — З.К.*).

Закат, восход, зима - они находятся во взаимодействии с судьбами людей. Этого конкретно в спектакле Станиславского не было.

З.К. А как у вас, в вашей реконструкции? Вы решаете эту задачу?

М.Г. Первая сцена — это ожидание. Тревожно-радостное. Декорация — старый дом Лариных. Зарницы. Гром в конце. Письмо-исповедь Татьяны — это небо в алмазах. Звёздочки, зарницы. Татьяна и вечность. Татьяна и звёзды. Она счастлива!

Сцена в беседке — объяснение с Онегиным — по настроению фактически осень.

Бал у Лариных, который окончится в конце концов похоронами Ленского, — зима.

Именины Татьяны: пирог, приносят свечи, они повсюду загораются...

А дуэль — опушка леса, зима, ветки. Мне хотелось, чтобы сверкал снег: смерть Ленского — гибель молодого побег природы.

Греминский бал — это образ Петербурга. У Станиславского он был образно представлен тремя венценосными портретами.

А последняя сцена объяснения Татьяны и Онегина — дождь. Дождь будет как слёзы. Осень, струи дождя по стёклам окон, шум дождя...

Всё это можно осуществить через свет, через цвет, при помощи декораций. Этого конкретно у Станиславского нет... Он ведь пригласил в театр Мейерхольда, мечтал, чтобы Мейерхольд это осуществил ^[6]... Я поставил эту задачу художнику.

Современный взгляд на мотивацию героев.

Режиссёр и актёры.

З.К. Реконструкция — это старый спектакль, прочитанный сегодня. Учитывая условия театра, какими из имеющихся у вас материалов и записей Вы воспользовались здесь, в Михайловском театре?

М.Г. Так нельзя ставить вопрос. Я всё время всеми ими пользуюсь... всё время, пока занимаюсь Онегиным. Сказать, откуда я что знаю, из какой книги, какого рассказа, я не могу. Я просто это знаю. Теперь, конечно, поведение героев, их характеры во многом определяет зал, наше восприятие, сегодняшнее. Теперь и Ларина другая — Татьяна Ларина, которая вошла как образ в жизнь поколений русских женщин. И все остальные герои — другие...

З.К. То есть мотивация поступков — наша? Сегодняшняя?

М.Г. Конечно. Это реконструкция для современного человека. Адаптация к современной жизни не в том состоит, чтобы изменить что-то внешнее — по воз-

возможности все остается таким, как оно было. Надо посмотреть на спектакль глазами современного человека — на то, что было в 20-е годы, во времена Станиславского. **Глаза современного человека — это глаза режиссёра.**

Интерпретация образа — это работа режиссёра с артистами. Следовательно, это будет современный спектакль, современная интерпретация, касающаяся чувств и мыслей, но ни в коем случае не внешних атрибутов, что как раз всем и поднадоело в нынешних современных вариантах. Должна состояться творческая реконструкция. Точная — невозможна: ведь нет ни стенограммы, ни видеозаписи спектакля Станиславского. Вопрос об «оживлении», полной реанимации не ставится. Режиссёр вкладывает в свою новую постановку душу, душу сегодняшнего человека, своё сердце. Свои ритмы. Мы — живые люди. Режиссёр делает всё через актёров, но чувства вкладывает свои, свои мысли, свой опыт.

З.К. То есть вы вкладываете в актёра и своё прочтение образа?

М.Г. Не совсем так. Я актёра подвожу к самостоятельному решению, подталкиваю к нему. У актёра ничего нет, кроме собственных глаз, собственного сердца, и он должен стать персонажем, перевоплотиться в него, **а не изображать**. Всё, что прожил и пережил Пушкин, а за ним Чайковский и Станиславский, мы должны прожить заново, но уже исходя из своего эмоционального опыта.

Как понимать образ Онегина? Это не салонный денди, не холодный... это человек чувствительный, но он прячет это от чужих глаз. Онегина мазали одной краской: чёрствый денди, злой насмешник. Но посмотрите, как он отнёсся к письму Татьяны? К тому, что девочка сказала: приходи ко мне, возьми меня! И он взял? Да нет же! Никто об этом не думал. Он только её отчитал. Он был поражён этим! Был испуган взрывом её чувства! Она ему нравится. Но он не мог просто с ней встречаться, потому что будет скандал! Он струсил, испугался ответственности. Он, при всей его холодности, безразличии... просто струсил! А потом, позже, Онегин в неё влюбился. Но не потому, что встретил её в красивом платье и княгиней... Это, конечно, совсем новый ход. Но этот новый ход даёт решение многим сценам. Если бы Онегин, получив письмо, держал его у себя, чтобы хвастаться им перед друзьями, то он пошляк. Но Онегин поступил благородно. Он возвращает Татьяне письмо, то есть он не желает пользоваться её доверчивостью. А вот Татьяне непросито получить обратно то, что написано от горячего сердца, кровью души.

З.К. С письмом — это ваше сценическое решение?

М.Г. Да, я так решил и так поставил.

Режиссёры музыки. Режиссёры дирижёр.

«... «Онегина» дирижировали в XIX веке совсем иначе, по-другому...»

З.К. Чем оперная режиссура отличается от драматической?

М.Г. Композитор — интерпретатор оперного действия. Для режиссёра оперного спектакля соответствие постановки и партитуры — высший закон драматургии... Но для этого надо знать музыку! Станиславский был первым, кто следил за ритмической стороной. Он хотел, чтобы артисты «присваивали» себе музыку, чтобы музыка стала музыкой их страстей. Их мыслей. Высшая задача актёра —

«присвоить» себе музыку, именно так понимал свою задачу Станиславский (*уже как оперный режиссёр*. — З.К.). И он хотел видеть на сцене живых людей. Опираясь на Станиславского, мы делаем здесь новый психологический шаг. Интерпретация режиссёрская *исходит из музыки*. Из того, что сказано в музыке, и нужно лепить, создавать. Надо жить в музыке... Жизнь в музыке! «Онегин» Станиславского — это опера, в которой нет никакого внешнего осовременивания, а есть именно психологическое понимание. В этом свежесть спектакля, его неувыдаемость.

З.К. Примеры режиссёрской интерпретации музыки?

М.Г. Первая сцена — ожидание: что будет в будущем? Так расшифровывается музыка. Вступление в сцене письма — это медленно разворачивающееся время, прошедшие года, целая история... Вообще у Чайковского идёт сплошное музыкально-драматическое развитие, сквозное, как будто это разные части одной симфонии... от одной вершины — к следующей... непрерывный поток... в опере нет никаких остановок на отдых. Каждая следующая волна подхватывает предыдущую, начинаясь с той ступеньки, на которой предыдущая кончается. Идёт непрерывное психологическое и гармоническое нарастание, кульминация которого — бал у Лариных. А развязка — смерть, результат столкновения на балу... Последний акт — как этот взрыв на балу отразился... Здесь Онегин понял, что он всегда, всю жизнь любил Татьяну... Это — счастливый момент для Татьяны, чего никогда никто из режиссёров не акцентировал. И их дуэт с Онегиным (...а счастье было так возможно, так близко) — это не воспоминание о прошлом! У них общее дыхание: как мне хорошо! Ведь они единственный раз за всю оперу поют одинаковую музыку. Это дуэт счастья, блаженства.

З.К. Получается, что Чайковский музыкой подсказывает: «Да!»

М.Г. В первой версии «лирических сцен» у Чайковского последний дуэт Онегина и Татьяны («а счастье было так возможно») приводил к объятиям — и тут появлялся Гремми. Публика этого не приняла, и во второй, основной версии Чайковский вернулся к пушкинскому окончанию.

З.К. А как решите финал вы?

М.Г. Думаю, Татьяне надо не уходить, а исчезать — чтобы часть сцены вместе с ней отъезжала в глубину, в темноту. Потому что жизнь кончена, конец чувствам, конец надеждам. Художник с таким решением согласен, концепцию выработали вместе.

З.К. Какого дирижёра вы хотели бы пригласить?

М.Г. Такого, который способен интерпретировать музыку с позиций «мужественной простоты», отметая ненужную чувствительность, на которую некоторых провоцирует музыка.

З.К. Но сам Чайковский считал ли так?

М.Г. Он потому и отдал оперу для исполнения в консерваторию. Пели студенты, неопытные, но не заштампованные. А дирижировал Николай Рубинштейн! Великий мастер!

Работа режиссера с дирижёром не должна строиться по принципу, «кто главнее». Вообще тут всё зависит от тысячи причин. Кто дирижёр и кто режиссёр? Покровский не стыдился отдать приоритет Голованову — например, в «Садко». Когда он увидел, как Голованов прочитал музыку, то переставил сцену. Сейчас такая тен-

денция, что дирижёры стали очень пассивными. Приходит, отмахивает... а режиссёр берёт всё на себя. Зависит от личности.

Я постараюсь увлечь дирижёра своим пониманием музыки. Дирижёр должен быть моим единоверцем, интерпретатором музыкальной драматургии, потока музыкального. Чем дирижирует? Про что?

Режиссёры и актёры

З.К. Что для вас является решающим при отборе артистов?

М.Г. Яркая индивидуальность.

З.К. А вокальные данные?

М.Г. В опере нельзя иметь индивидуальность без вокальных данных. Она складывается из вокала, актёрской заразительности, внешних данных.

З.К. Что значит играть по системе Станиславского?

М.Г. Искусство жизненной правды.

З.К. А в опере? Что такое вокальное перевоплощение?

М.Г. То, что делал Шаляпин: раскрытие через вокальный образ. Он каждый раз пел по-новому. Это ему принадлежат слова: «...я уже нашел три голоса для персонажа, не хватает еще двух». Идеал вокального перевоплощения.

З.К. В этой постановке имеет значение возраст певцов?

М.Г. О возрасте писал Чайковский в своих требованиях. Это опера молодых. Здесь все персонажи молодые — кроме стариков, конечно.

Эпилог — о любви

З.К. Однажды в разговоре вы определили линию развития сюжета Пушкина как «эпидемия любви».

М.Г. Весь сюжет — это эпидемия любви. Несостоявшейся — у старшей Лариной, которая любила корнета, а няня способствовала этой любви... Весь спектакль — роман жизни. Тревога Лариной о дочерях: как-то сложится их судьба? Няня отдала все страсти своим воспитанницам. Потом Татьяна, её письмо... Ленский и Ольга... в последнем акте эпидемия распространяется на Гремина и Онегина!

И если роман Пушкина, как сказал Белинский, это энциклопедия русской жизни, то опера Чайковского — энциклопедия любви.

Судьба спектакля

Спектакль был поставлен, но премьера, к сожалению, не состоялась. О причинах читатель может узнать, полистав сентябрьскую-октябрьскую прессу 2008 года, где все перипетии «Онегина» освещены подробно [7].

Говоря же коротко, «Онегину» не повезло с генеральным директором Михайловского театра Владимиром Кехманом, а режиссеру Дотлибову — с приглашенным Кехманом дирижёром Ионом Мариным.

Владимир Кехман — глава компании JFC (торговля фруктами) и на то время студент I курса платного факультета Театрального Института (ЛГИТМиК) — фигура одиозная. «...Получив звание фруктового миллиардера... Кехман, по его же словам, ... захотел петь и плясать... намеревался разучить партию месье Трике и выступить в опере «Евгений Онегин» [8]. Режиссер Александр Сокуров: «Кехман — просто нанятый городом администратор... в Михайловском театре сейчас нет художественного руководителя, нет главного дирижера, нет режиссера... самого театра как художественного организма — нет» [9]. Творческий облик приглашенного Кехманом дирижера Иона Марина заслуживает особого внимания. Приведу пассаж из статьи Г. Исаханова в Петербургском театральном журнале.

«Возможно, что постановка Дотлибова увидела бы свет ramпы... и обрела признание, если бы Кехман не призвал к музыкальному руководству румына австрийского происхождения Иона Марина... Не имеющий своего оркестра Марин... впервые продирижировал «Онегиным» в 2007 году в Баварской опере... [Там] режиссировал поляк К. Варликовский в содружестве с немцами М. Хакельбекером и П. Хайлькером, названными в программе драматургами. Интернациональная команда постановщиков, не испытывающая комплексов по поводу понимания «русского духа» музыки Чайковского, перенесла действие оперы в абстрактный город Европы наших дней, сделала Онегина и Ленского гомосексуалистами, выясняющими отношения на супружеском ложе... Татьяна оказалась сексуально неудовлетворенной певичей, пытающейся на свидании с Онегиным расстегнуть ему штаны... Генерала Гремина сделали швейцаром отеля... То, что под руководством Марина великолепный оркестр баварской оперы звучал бесцветно, в Михайловском театре известно не было...

По приезде музыканта разразился скандал... Маэстро Марин хотел восстановить сделанные Станиславским купюры (*хоры, дописанные позже Чайковским для постановки в Большом театре. — З.К.*), а на все разговоры о реконструкции исторического спектакля отвечал, что «с тремя мертвецами дела иметь не желает, достаточно и двух, Чайковского и Пушкина»...» [10]

Собственно, добавить к вышесказанному нечего.

Премьеру отменили, но перед этим все же состоялся генеральный прогон. Зал Михайловского театра был полон, несмотря на совершенное отсутствие рекламы и строгий запрет на распространение информации. В театр пускали только по специальным спискам: ведущих театральных деятелей, директоров театров, избранную прессу, телевидение. Спектакль шел под рояль, в декорациях и свете, но без костюмов. Тем не менее, должна признаться: ничего подобного на оперной сцене я никогда в своей жизни не видела и могла бы только повторить вслед за венскими журналистами: «...сцена... — как отражение человеческого духа... Правдивость, которая её озаряет, неподвластна времени».

Дотлибов на берегу Рейна

Послесловие

Размышляя теперь над всем произошедшим, думаю, что с искусственно состряпанным провалом последней реконструкции «Евгения Онегина» мы, зрители, потеряли гораздо больше, чем прекрасную и (современную!) постановку. Оперная драматургия сегодня — это ведь не обязательно суперсовременные технологии в сочетании с вульгарной трактовкой классических образов. «Онегин» Станиславского — «... это опера, в которой нет никакого внешнего осовременивания, а есть именно психологическое понимание», — говорил Дотлибов, и в своей постановке он это осуществил. Чайковский задумал свою оперу новаторски: у него получился камерный оперный спектакль, психологическая драма — нечто совершенно новое для его времени. Однако, не удержавшись от соблазна постановки в Большом театре, композитор в дальнейшем попытался сделать «Онегина» вполне традиционным и дописал массовые сцены — хоры. Станиславский был единственным, кто угадал первоначальный замысел композитора и подарил зрителю свой удивительный спектакль. А режиссёр Дотлибов, угадав замысел Станиславского, оказался тем самым режиссером, который, наконец, смог перенести гениальную интерпретацию Мастера на большую сцену и, при этом, без потерь. Вот, собственно, в чем и был смысл его реконструкции. Теперь же, к сожалению, для нас, зрителей, окончательно потерян как последний из существовавших спектаклей Станиславского, так и его интерпретация для большой сцены — реконструкция Дотлибова. А следовательно, безвозвратно утрачено сценическое воплощение «Лирических сцен» — первоначального замысла Чайковского.

Молодые артисты Михайловского театра, участвовавшие в постановке «Онегина» в 2008 году, вспоминают то время до сих пор. Многие из них получили в вечер премьерного «прогона» приглашения в петербургские театры и теперь успешно работают там как солисты. А М.Г. Дотлибов по приезде в Бонн тяжело заболел. Безусловно, эта печальная история ускорила его уход из жизни. Декорации Окунева долго валялись где-то на петербургском складе, но, к счастью, совсем не пропали, и в прошлом году их выкупил для своего театра «Геликон-Опера» Дмитрий Бергман, возобновивший в них «Евгения Онегина».

Примечания

[1] В канун 65-летия Победы.

[2] К юбилейной дате -175 лет с момента постройки здания Михайловского театра.

[3] После премьеры в особняке в Леонтьевском переулке, где жил Станиславский, в 1922 году спектакль переехал на сцену Нового театра (в те времена это был филиал Большого театра, а сегодня это — РАМТ, Российский академический молодёжный театр) и шел там в течение двух лет (сезон 1922/23 годов) Всего в общей сложности был 41 спектакль.

Уже тогда в адрес спектакля стали раздаваться упрёки. Тот же Луначарский заметил, что «...когда пьеса была перенесена на сцену Нового Театра... она уже поблекла...» В это время Станиславского не было в Петербурге. Вернувшись в 1924 году из зарубежных гастролей, Мастер вернул «Онегина» обратно в особняк в Леонтьевском и вновь переработал постановку, набрал молодых артистов, которых он в процессе постановки воспитывал в духе своих театральных принципов. В дальнейшем они составили блестящая плеяду драматически образованных оперных певцов. Одним из них был и молодой Сергей Лемешев, который впервые выступил в роли Ленского в одном из представлений в Леонтьевском (1925 год). Своё собственное помещение театр-студия Станиславского получила пополам с театральной студией В.И. Немировича-Данченко только через два года, в 1926-м. Это было здание Дмитровского театра, именуемого в народе «театр на Собачьей площадке» (ныне — Московский музыкальный театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко).

[4] «Евгений Онегин», согласно статистике, был там показан в общей сложности 2098 раз.

[5] Заведующая академическими театрами Народного комиссариата просвещения РСФСР.

[6] Мейерхольд был приглашен в театр Станиславского как раз тогда, когда лишился своего театра (Театр им. В.Э. Мейерхольда в Москве — ГОСТИМ — был закрыт в 1938 году). Дотлибов считал, что помимо прямого благородства и бесстрашия Станиславского, его приглашение указывало еще и на желание поиска новых направлений, может быть, даже противоположных собственным установкам.

[7] См., например: Н. Петлянова. «Театр одного позера» — Новая газета, 2008, № 72; Г. Исаханов. «Пир дилетантизма». — Петербургский театральный журнал, 2008, № 4 — и многие другие.

[8] И. Молчанова. «Ну и фрукт». — МК в Питере, 2008, 10 дек.

[9] Н. Петлянова. Театр одного позера. — Новая газета, 2008, № 72.

[10] Г. Исаханов. Пир дилетантизма. — Петербургский театральный журнал, 2008, № 4.

Александр Левинтов

ИССЛЕДОВАНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(по материалам публикаций конференций
экономико-географических секций и конференций МАРС)

Прошло с 1983 года, в котором состоялась первая конференция, 33 года. Неюбилейность срока позволяет производить обзор этого периода не в торжественно-мажорном духе, а рефлексивно, понимая при этом рефлексию как размышления над нашими профессиональными размышлениями и разработками. В поле анализа попало почти 1000 статей, что представляется множеством, репрезентирующим отечественную региональную географию.

Надо сразу отметить, что поиск (search), предвещающий это исследование (research), оказался весьма трудным. Понадобилось четыре месяца и активная помощь Т.А. Корниловой, А.А. Агирречу, Г.М. Лаппо, Б.Б. Родомана, Л.М. Синсорова, Д.Е. Палилова, С.И. Лысовой, А.И. Чистобаева, В.Ю. Малова, З.В. Пономарёвой, В.Н. Аванесовой, Н.Г. Свиридовой, Д. Ю. Платонова, К.В. Аверкиевой, Э. Новиковой и других, незаслуженно, но ненароком забытых мною, чтобы найти сборники наших конференций. Не надо удивляться тому, что конференции происходили не там и не тогда, когда доклады этих конференций были опубликованы. В связи с этим не надо удивляться многочисленным несовпадениям в табличном материале и списке использованной литературы в этой статье. С сожалением приходится констатировать, что материалы первой сессии (1983 г.) так и не были, кажется, опубликованы.

Цели конференций, называемых ныне конференциями МАРС, весьма разнообразны. Это:

- клубное пространство профессиональной коммуникации
- презентация текущих и новейших разработок и достижений
- площадка для презентации квалификационных работ
- демонстрация местного научного потенциала
- географический консалтинг местных структур власти и бизнеса
- экскурсионное ознакомление с городами и регионами.

Практически каждая сессия реализовывала эти цели, в той или иной мере. Правда, с сожалением следует констатировать, что консалтинговая миссия конференций исчерпана и забыта, по-видимому, по причине неавторитетности приезжающих ученых в глазах местных властей и бизнеса, а также отсутствия PR-мероприятий на местном уровне. Местные географы, естественно, не заинтересованы в создании себе конкурентов. Этот инбридинг, удачно названный кем-то научным инцестом, приводит к капсулизации научного сопровождения экономики и управления на местном уровне. К великому сожалению, но вузовская наука, по крайней мере, в нашей стране, вынуждена держаться инбридинга, особенно в нестоличных городах: а куда деваться тем, кто умеет писать только квалификационные работы?

Эти сессии обросли своими традициями и клубными правилами, что может стать темой отдельного описания и исследования.

Динамика публикаций (см. табл. 1) анализировалась по трём аспектам:

- тематика: производственная сфера, непроизводственная сфера, теоретические и абстрактные темы, неопределенной тематики (юбилейные, некрологи, обзоры и т.п.) (рис. 1)
- масштабность: экстерриториальные\внутритерриториальные, глобальные, межстрановые\континентальные, страновые, региональные, городские\местные (рис. 2)
- новизна: традиционные, пионерные (не задающие фронта), фронтные (рис. 3)

Важно подчеркнуть, что именно в этот период произошёл коллапс СССР, который, в принципе должен был привести к коллапсу коммунистической идеологии, методологии и теории плановой экономики, бюрократической стилистики научных текстов, смене социального заказчика экономико-географических работ и исследований. На приведенных ниже графиках заметно, как в середине 90-х годов произошла заметная демократизация, расширение аудитории и числа публикаций. Можно отметить также:

- заметное увеличение доли статей социокультурного содержания, статей на теоретические и абстрактные (прежде всего понятийные) темы; вместе с тем, ожидаемого сворачивания производственной тематики не произошло,
- сохранение доминанты страновых исследований, особенно в постсоветский период; мы продолжаем обсуждать географические проблемы, даже региональные проблемы, на страновом уровне; в «Зияющих высотах» А.А. Зиновьев писал: «как всякий идиот, он мыслит большими масштабами» — эта обидная характеристика сохраняет свою актуальность; более того, «столичная» наука (Москва и Петербург) всегда демонстрирует этот метрополитанский подход, а «местная» (называемая всё чаще «туземной») наука тяготеет к своим региональным, городским и местным рамкам,
- соотношение традиционных и пионерных работ как 2.5:1 сохраняется, в целом в течение всего анализируемого периода, что свидетельствует о сохраняющемся консерватизме отечественной экономической и социальной географии; ещё более удручает тот факт, что слишком незаметная часть пионерных разработок становится фронтной, то есть имеющей за собой шлейф продолжений и развития.

Пионерные, понятийные, теоретические работы заметно отличаются от статей пелетона и стилистически, и лексически. «За последние несколько лет доля чего-то там увеличилась на столько-то процентов», «темпы роста чего-то тут упали», «интенсификация модернизации инвестиционности» и подобный суконно-камвольный жаргон в работах, отличающихся новизной и свежестью, не встретишь. По языку можно достаточно безошибочно диагностировать читаемый текст.

География в нашей стране оказалась, к сожалению, наукой второго плана и в отечественной науке, и в мировой географии. За время от П.П. Семёнова-Тянь-

Шанского, Д.И. Менделеева и других признанных корифеев рубежа 19-20 веков до наших дней мы, географы, сами себя низвели до этого второго плана:

- мы слишком долго и слишком усердно служили властям, государству, а не обществу,
- наша наука всё более ориентируется на образование и его естественный консерватизм, а не на порождение инноваций и превращение их в start-up бизнес.

Наше отставание от мировых трендов и уровней выражается не только и даже не столько в удивительно низком финансировании науки государством, сколько в отставании практической ориентации и использовании результатов исследований, в организации НИР.

Тематическая динамика

Разного рода юбилейные и некрологические тексты случайны, нерегулярны, составляют всего 2% от общего объема публикаций и, по счастью, не имеют никаких тенденций. Ими, в целом, можно пренебречь.

Наша наука, не только география, но вся наука приобретает всё более ритуальные черты. Одна из важнейших причин тому: разгром отраслевой науки и доведение академической науки до побирушничества. Фактически в стране стала доминировать вузовская наука, ориентированная прежде всего на квалификационные работы, от курсовых до докторских. Безусловно, такие работы, как демонстраторы научной зрелости, необходимы. Но при этом следует понимать, что они, как правило, имеют заранее обозначенные результаты, предельно безрисковы, и пишутся вовсе не для реализации исследований, а для получения квалификационной оценки. Требования, предъявляемые к НИР и диссертациям (требования ВАК), если быть честными, не совместимы с научной деятельностью.

«Научные школы» как инбридинг

Коллапс СССР привёл не только к разрыву экономических связей между городами и территориями. В ещё более интенсивной и трагической мере он породил обрыв интеллектуальных, в том числе научных связей, которые не спасаемы даже интернетом. Отечественная наука вынужденно распалась на острова в океане, в лучшем случае — архипелаги. Каждый университетский центр, более того, каждый университет, оказался вынужденным ориентироваться исключительно на собственные силы и формировать «научные школы» вокруг своих лидеров, за которыми потянулись остальные (а куда деваться?) и впоследствии новые поколения студентов, магистрантов, аспирантов, внуков и правнуков основателя. Тематика с неизбежностью свёртывается на местный уровень и местные потребности в научных продуктах.

Обмен между университетами и учеными оказался весьма затруднительным, а их взаимодействие всё более ограничивается публикациями и конференциями: совместные исследования, экзотичные и в советский период, стали большой редкостью.

Наука как придаток образования

В СССР отраслевая наука была практически ведущей. Для экономико-географов точками приложения профессионального труда были: в сфере градостроительства и районной планировки — Гипрогор, ЦНИИПградостроительства и его филиалы, облпроект и т.п.; в сфере экономики — СОПС и другие научные органы плановой экономики; в области транспорта — ИКТП и отраслевые транспортные институты; и так далее. Академическая наука концентрировала лучшие научные силы на фундаментальных направлениях. Университетская наука рассматривала научную деятельность как нечто подсобное и часто подменяемое написанием учебников и учебно-методических пособий.

Сегодня отраслевая наука практически разгромлена, академическая наука усилиями правящего клана загнана в тяжелейший кризис и тупик. По сути, сохранилась только университетская наука, но взгляд на научную деятельность в университетах ни на волос не изменился. Более того, бюрократический гнёт на всю сферу образования только усиливается: чем меньше финансирование, тем мощней бумаго- и документооборот, тем тяжелее длань контроля. Сил и времени у ППС (профессорско-преподавательского состава) на науку почти не остаётся.

Рейтингование

Положение и финансирование университетов и университетской науки стало напрямую зависеть от рейтинга. Повышение показателей, учитываемых при рейтинговании, отечественном и зарубежном, превратилось в дурную гонку дутых цифр, отечественную науку захлестнули волны:

- взаимоцитирований (в рамках кафедры или факультета) и самоцитирований,
- коммерческих реферируемых журналов,
- статей во имя публикаций, пустопорожних и никем не читаемых, но нужных для отчётности.

Квалификационная «наука» как комикс

Усилиями чиновников от науки, гордо называющих себя научными управленцами, но являющихся по сути образованцами, наука неуклонно сводится к квалификационным работам — от курсовых до докторских — либо «исследованиям», отвечающим требованиям, предъявляемым к квалификационным работам.

А требования это не только корреспондируют с ВАКовскими, но и обеспечивают полную безопасность чиновников и полную беззащитность ученых.

Вот типичный набор требований к исследованиям (на примере РАНХиГС):

- *Структура работы — в строгом соответствии с Техническим заданием*
Объем — 8 п.л. (320 тыс. знаков с пробелами) [аккурат кандидатская диссертация]
- *Обязательные публикации:*
Одна монография

*Три статьи в рецензируемых журналах и/или за рубежом, по списку ВАК, в т.ч. одна в ведущих профильных научных изданиях
Две статьи в иных научных периодических изданиях
Одно публичное выступление (доклад) [итого 7 публикаций по работе, длящейся всего 2-3 квартала и выполняемой практически в одиночку]*

Стрепенность исследователя начинается с технического задания:

Техническое задание

на проведение научно-исследовательской работы по теме:

« »

в рамках Тематического плана Государственного задания на выполнение научно-исследовательских работ РАНХиГС

1. Тема НИР « _____ »

2. Аннотация

Аннотация оформляется в свободном формате и включает:

- актуальность НИР
- основная цель НИР
- решаемые в НИР *основные* исследовательские задачи
- *основные* ожидаемые фундаментальные и/или прикладные результаты НИР и их новизна.

3. Обоснование актуальности проведения научных исследований по предлагаемой теме, краткий обзор состояния проблемы на современном этапе

4. Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования является

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) изучить
 - 2) провести анализ
 - 3) провести мониторинг
 - 4) изучить механизмы
 - 5) провести анализ
 - 6) оценить
 - 7) описать
 - 8) систематизировать
- И т.д.

5. Объект исследования:

6. Методы исследования:

7. Имеющийся научный задел:

8. Предполагаемые результаты:

9. Способы оформления и распространения предполагаемых результатов

В обязательном порядке должны быть указаны планируемые статьи в научной периодике в процессе и/или по итогам выполнения НИР (название журнала, предполагаемый срок публикации).

10. Сведения об авторском коллективе:

Руководитель темы (ФИО, ученая степень, ученое звание, должность в Академии, контактные телефон и электронная почта):

Исполнители (ФИО, ученая степень, ученое звание):

Попробуйте в соответствии с этим провести любое исследование, тем более венчурное или пионерное, когда в ходе работы может поменяться тема, могут (и должны) возникнуть новые методы, когда коллектив исполнителей формируется в ходе работ, а не загодя. И уж совершенно невозможно обеспечить выполнение такого технического задания, если результат исследования окажется отрицательным (а таких, при честном подходе к делу, должно быть гораздо больше, чем имеющих позитивные результаты: наука должна не только указывать, куда идти прогрессу, но и куда идти не следует). Кто ж оплатит или хотя бы опубликует отрицательный результат, пусть даже спасительный, указывающий неверность или опасность данного направления всему человечеству?

Наука, прежде всего университетская наука, превращается в ЕГЭобразное производство публикаций, напичканных самоцитированием, взаимоцитированием и псевдоцитированием. Это обстоятельство подвигло меня в свое время (2013 г.) написать свои требования, которым стараюсь неуклонно следовать:

Требования к НИР с небольшими комментариями

Самозаказ — не надо ждать или искать заказы, их надо создавать самим. Но даже если возникает внешний заказ, его надо переинтерпретировать для себя и делать своим за счет не формально-мнимого, а подлинного (витального) целеполагания

Спонтанность тематики — тема должна быть неожиданной даже для нас самих

Вызов — если исследование — не вызов самому себе и остальному миру, то не стоит и браться за него

Бессистемность — важна не логическая последовательность НИР, а их онтологическая связность

Прямой выход к действиям и в образование — работать на полку стыдно и аморально

Исследование как процесс самообразования — это один из важнейших смыслов научной деятельности; отсюда вытекает требование на использование широкой библиографии и освоение всей области или сферы исследуемой деятельности

Дисциплинарный инфинитив — чем труднее найти данное исследование в списке ВАК, тем лучше

Неповторимость и уникальность — столбить широкую колею для последователей либо двигаться по проторенным другими дорогам — удел не подлинной, а ритуальной науки

Отсутствие предопределенности результатов — если они известны заранее хоть в малейшей степени — зачем проводить исследование?

Элитность — стремление не к славе или выгоде, а ко всеобщему благу

Новое понимание — mandatory, новые знания — original — новые знания относятся к продуктам скоропортящимся и инфляционным

Фронтирность, а не фронтальность — нужны исследования там, куда еще никто не доходил и неизвестно дойдёт ли

Новые методы — не цель, а подручные средства — важен принцип *ad hoc*, а не инновации ради инноваций

Важны не сроки исполнения НИР (чем быстрее, тем лучше), а сроки сохранения их актуальности (чем дольше, тем лучше) — работать надо на века, но быстро

Предложения

На уровне науки

Научные степени должны быть оценкой проведенных НИР (участие и руководство исследованиями), а не квалификационными работами по трафаретам ВАК.

Основанием для проведения НИР должны быть не ТЗ (технические задания), а ПЗ (принципиальные задания. ТЗ — внутренняя организация работ, а не навязываемые сверху лекала.

Университеты должны сами или с помощью государства (региональных и городских властей) создавать фонд комфортабельного казённого жилого фонда, что позволит осуществлять обмен учеными и преподавателями (отечественными и зарубежными) на 2-5-летний период.

В университетах научная и преподавательская деятельность должны осуществляться не параллельно, как сейчас, а последовательно, при этом продолжительность каждого вида деятельности должна быть равноценной и достаточно продолжительной (2-4 квартала).

Корпоративная наука оказалась ещё более закрытой и замкнутой, нежели отраслевая. Необходимо не только хотя бы отчасти развеять флёр секретности, господствующий здесь, но искать стимулы открытости и публичности для корпоративных учёных.

На уровне географии

Чтобы в заборе университетского географического образования создать калитку для географической науки, необходим перевод школьной географии из обязательного предмета в факультативный: потребность в школьных учителях резко сократится; школьным учителям достаточно будет бакалавриата.

На уровне сессий МАРС

Представляется, что организация и структура конференций МАРС должны быть кардинально трансформированы:

Выбор тематики должен стимулировать заявки тех исследователей, кто проводит не квалификационные, а научные работы: поисковые, венчурные, пионерные, проблемные, понятийные, теоретические. Кроме того, необходимо сохранять шлейф традиционных работ и выступлений: они должны стать объектами конструктивной критики и функционально представлять собой мини-предзащиты. Таких работ и выступлений должно быть совсем немного, чтобы дискуссия по ним была полновесной и тщательной. Важно также, чтобы дискуссия касалась не соответствия требованиям ВАК, а содержанию и сути работы. Представляется, что подобного рода обсуждение будет максимально полезно для местных молодых ученых, аспирантов и даже магистрантов.

В целом структура сессий представляется следующей:

Типы работ	Критерии отбора	Организация обсуждения
search	аналитика, обобщения, типология и классификация, решение задач	секционное/панельное
research	понятливая, конструктивная, теоретическая новизна, новые методы, новые горизонты, решение проблем	пленарное
венчур\экстравагант	постановка проблем, новые миры, новая методология, сумасшедшие идеи	клубное или пленарное по выбору автора

Использованная литература

- Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии. М., ИГ РАН-МАРС, 2006.
- Внешнеэкономические факторы пространственного развития. М., ИГ РАН-МАРС, 2015.
- Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М., ИГ РАН, 1995.
- Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М., ИГ АН СССР, 1988.
- Города и городские агломерации в межрегиональном развитии. М., ИГ РАН-МАРС, 2004.
- Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). М., ИГ РАН-МАРС, 2009.
- Известия Российской Академии Наук, сер. географическая, №5, сентябрь-октябрь 1994, М., Наука, 1994.
- Новые факторы регионального развития. М., ИГ РАН-МАРС, 1999.
- Полоса и центры роста в региональном развитии. М., ИГ РАН-МАРС, 2000.
- Приграничные регионы. М., ИГ РАН-МАРС, 2005.
- Приморские регионы. Географические и социально-экономические проблемы развития. Владивосток, ТИГ АН СССР, 1987.
- Проблемные регионы России. М., ИГ РАН, 1994.
- Проблемы освоения пустынь. Ашхабад, 1988, №5.
- Проблемы приграничных регионов России. М., ИГ РАН-МАРС, 2004
- Проблемы регионального развития. Модели и эксперименты. М., ИГ РАН, 1997.
- Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? М., ИГ РАН-МАРС, 2006
- Разнообразие как фактор и условие территориального развития. М., ИГ РАН-МАРС, 2014.
- Районирование и региональные проблемы. Екатеринбург, УрО РАН, 1993.
- Регионализм и централизм в территориальной организации общества. М., ИГ РАН-МАРС, 2002.
- Российская глубинка — модели и методы изучения. М., ИГ РАН-МАРС, 2013.
- Российские регионы в новых экономических условиях. М., ИГ РАН-МАРС, 1996.
- Российские регионы и Центр: взаимодействие в экономическом пространстве. М., ИГ РАН-МАРС, 2000.
- Россия и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы. М., ИГ РАН, 1995.

Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М., ИГ РАН-МАРС, 2010.

Современные проблемы общественной географии. М., ИГ РАН-МАРС, 2011.

Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных регионов России. М., ИГ РАН-МАРС, 2016.

Трансформация региональных структур в период перехода к рынку. М., ИГ РАН, 1994.

Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). М., ИГ РАН —МАРС, 2008.

Унаследованные социально-экономические структуры и переход к постиндустриальному обществу. М., ИГ РАН-МАРС, 2007

Централизм и федерализм в территориальной организации и региональном развитии. М., ИГ РАН-МАРС, 2002.

Экономико-географические исследования горных регионов: состояния и задачи. М., ИГ АН СССР, 1987.

Экономико-географические проблемы развития столичных регионов. Новосибирск, 1985.

Экономико-географические проблемы формирования регионов интенсивной внешнеэкономической деятельности. Новосибирск, СО АН СССР, 1990.

Экстремальные районы: вопросы хозяйственного освоения и структурных сдвигов. Сыктывкар, Коми Центр УрО РАН, 1992.

Табл. 1. Динамика публикаций

Год	место	всего	тематика					территориальный масштаб					новизна		
			пробл. о развитии	перехода власти и нац. (социокультурная)	геоэкологические и региональные темы	разные	экстремально-районный	глобальный	когда начался и межрайонный	страновой	региональной	местный и городской	тематические	тематические	физико-географические
1983			публикации не было												
1984	Пушино	12	4	7	1	0	0	1	0	1	4	6	10	2	0
1985	Одесса	17	4	0	13	0	3	1	0	8	4	1	10	7	0
1986	Нальчик	14	3	7	3	1	1	1	1	3	4	4	13	1	0
1987	Калинин	17	10	5	2	0	1	0	2	7	4	3	11	6	0
1988	Ашхабад	18	8	10	0	0	0	3	0	6	7	2	15	3	0
1989	Таштагол	20	10	8	2	0	3	2	5	5	2	3	17	3	0
1990	Сыктывкар	15	7	5	2	1	2	2	2	4	4	1	9	6	0
1991	Иркутск	17	16	0	1	0	2	1	1	3	8	2	14	3	0
1992	Екатеринбург	17	5	3	9	0	4	3	0	7	3	0	11	6	0
1993	Азов	11	4	5	2	0	2	0	1	3	3	2	10	1	0
1994	Валдай	13	9	4	0	0	0	0	0	9	3	1	7	6	0
1995	Ярославль	18	4	0	14	0	3	1	0	8	5	1	10	8	0
1996	Воронеж	25	10	10	5	0	1	0	0	15	6	3	13	11	1
1997	Н. Новгород	25	6	10	9	0	4	1	3	6	11	0	20	5	0
1998	Тольятти	33	6	16	10	1	8	3	0	6	8	8	26	6	1
1999	Смоленск	34	12	15	6	1	1	2	2	14	12	3	20	14	0
2000	Рязань	37	12	16	8	1	3	3	3	17	9	2	26	11	0
2001	Кострома	39	15	14	10	0	2	1	3	19	12	2	31	8	0
2002	Чебоксары	36	9	20	6	1	7	1	0	17	10	1	27	9	0
2003	Пушино	47	7	31	8	1	3	1	5	24	5	9	31	16	0
2004	Белгород	51	16	23	10	2	3	2	5	11	18	12	39	12	0
2005	Саратов	45	9	24	11	1	6	2	1	15	16	5	37	7	1
2006	Липецк	38	25	12	1	0	5	2	2	12	16	1	31	6	1
2007	Иваново	38	14	24	0	0	3	1	2	16	14	2	33	5	0
2008	Тихвин	36	6	21	9	0	1	5	0	18	10	2	27	8	1
2009	Вологда	42	8	27	5	2	5	7	5	7	9	9	31	10	1
2010	Мышкин	38	8	18	12	0	5	2	2	16	9	4	25	13	0
2011	Ясная Поляна	35	15	10	10	2	10	3	4	12	6	0	19	15	1
2012	Пенза	25	5	17	3	0	2	1	0	6	10	6	15	10	0
2013	Саранск	50	8	33	8	1	11	3	3	10	20	3	35	14	1
2014	Парское Село	38	7	17	6	8	10	1	0	17	9	1	27	10	1
2015	Псков	29	7	18	4	0	4	0	1	5	9	10	21	7	1
Итого	***	950	287	450	190	23	115	56	53	327	270	109	671	249	10

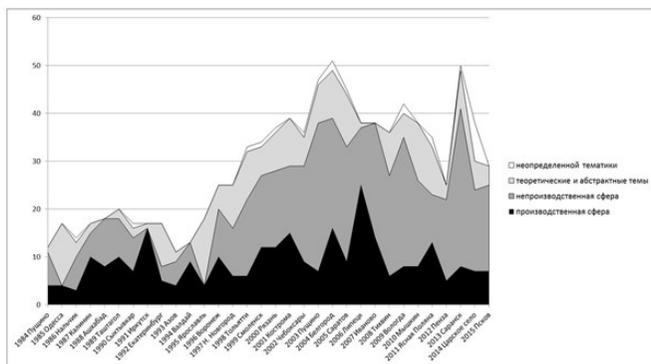

Рис. 1 Тематическая динамика

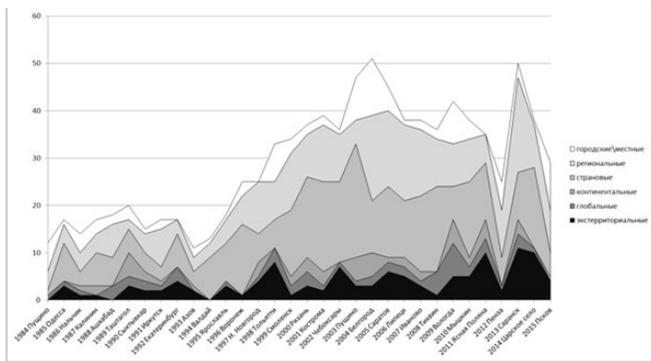

Рис. 2 Масштабность работ

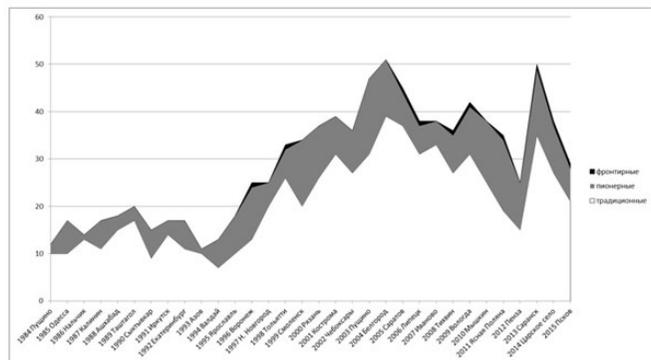

Рис. 3. Научная новизна работ

Владимир Янкелевич

ОПЫТ ФОТОГРАФИРОВАНИЯ БЕЗ ДОЛЖНОЙ ПОДГОТОВКИ

«В силу вышеизложенного я решил использовать в качестве источника так называемую “Книгу фактов”, издаваемую ЦРУ. Она представляет собой что-то вроде атласа, описывающего по одинаковой методике все страны мира, включая и США, находится в открытом доступе, и приводимые в ней данные тоже собраны из открытых источников».

Б. Тененбаум. Свежая фотография: “Россия, 2015”

В «Книге фактов» ЦРУ много интересного, можно делать различные «фотографии», выбор которых зависит от интересов автора. Мне, израильтянину, показалась интересной попытка сделать пусть не фотографию, а некоторое изображение «истории с демографией» различных стран.

Тема важная. Так, например, реформы администраций Анвара Садата, а затем Мубарака подняли жизненный уровень египтян, они стали лучше питаться, дольше жить. Реакция не замедлила сказаться — численность населения очень быстро возросла с 20 млн. до 80, что, в конечном счете, смело режим Мубарака и привело к власти «Братьев Мусульман».

В Израиле сюжет иной. Здесь постоянным лейтмотивом звучит история об арабской демографической бомбе. Надо бы увидеть ее, хотя бы на «фотографии».

«Книга фактов» дает определенную возможность взглянуть в ситуацию. Если «фотография» окажется неясной, нечеткой и вызовет критику, но побудит интерес к теме, то можно будет считать задачу выполненной.

1. Итак:

На 1 июля 2015 года население мира насчитывало 7,3 миллиарда человек. Это втрое больше, чем в середине прошлого века. К концу XXI века с вероятностью 95% население удвоится еще раз и возрастет до 13,3 миллиарда человек^[1].

В 1960 году в журнале «Science» появилась интригующая статья под броским названием: «Судный день. Пятница 13 ноября 2026 года». В ней Хейнц фон Фёрстер (Heinz von Foerster), физик, математик, один из основоположников кибернетики сформулировал «Закон гиперболического роста численности населения Земли». Фёрстер доказал, что абсолютные темпы роста населения Земли прямо пропорциональны квадрату его численности^[3]. Закон получил своё название потому, что на графике кривая роста населения Земли прибли-

Хайнц фон Фёрстер в 1963 году. Университет штата Иллиной

жённо представляет собой гиперболу — математическую кривую второго порядка, что хорошо видно на Рис. 1.

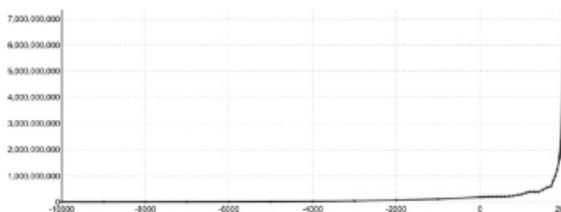

Рис 1. Динамика численности населения мира, в миллиардах чел., 10 000 г. до н. э. — 2015 г. н.э.^[2]

Дата в названии — 13 ноября 2026 года — появилась не случайно. Фёрстер рассчитал, что если бы человечество продолжало расти так же, как оно росло до 1958 года, то именно в этот день численность землян должна была устремиться в бесконечность. Дальнейшие исследования подтвердили общую правильность этих парадоксальных выводов. Достоверность результатов Фёрстера в научном сообществе не вызывает сомнений, она подтверждена всеми последующими исследованиями. Дата 13 ноября 2026 года — расчетная, но выпала на «пятницу тринадцатого», удивительно подходящую для «Судного дня». Вот такое совпадение.

Но скорость прироста населения меняется. Профессор Сергей Петрович Капица рассмотрел это в своей книге «Сколько людей жило, живет и будет жить на земле».

Согласно исследованиям С.П. Капицы, несмотря на то, что мировые войны в XX веке привели к гибели около 100 миллионов человек (5% населения мира), а от «чёрной смерти» — пандемии чумы — в XIV веке вымерло 30% населения Европы, «человечество всегда очень быстро восполняло потери и возвращалось на прежнюю траекторию роста».

Капица изменил сценарий «13 ноября 2026 года». Он показал, что гиперболитический рост населения с 1960-х годов стал всё больше замедляться, и на смену ему пришёл иной тип роста, логистический, такой, при котором сначала скорость увеличения численности землян становится пропорциональна её текущей численности, но затем, с течением времени, увеличение численности замедляется, а затем и полностью прекращается.

Именно это отметил Капица: «Население не будет увеличиваться бесконечно».

Практика подтвердила его теорию, с 1990 года прирост населения стал постепенно снижаться.

Но снижаться он стал по-разному.

2. О воспроизводстве населения

Для простого воспроизводства населения необходим суммарный коэффициент рождаемости^[4] (СКР) 2,1, то есть у 100 женщин должно быть 210 детей.

Если в стране развитая система социальной поддержки населения, да и сама страна богатая и благополучная, то рождаемость вроде должна быть достаточной?

К сожалению, это не так.

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости в современном развитом мире ^[5]

На Рис 2 видно, что не обеспечивают простого воспроизводства населения как страны с чрезвычайно малым ВВП ^[6], так и вполне благополучные, обеспечивающие своим гражданам достаточные социальные блага.

Земля будет прирастать населением, но прирастать она будет прежде всего в Африке. Там человечество и получит по среднему варианту прогноза до 2050 года половину прироста населения — 1,3 из 2,4 миллиарда человек. Особенно высокие темпы прироста сохраняются в группе 48 наименее развитых стран мира, в том числе в 27 африканских. Численность населения таких стран, как Ангола, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Малави, Мали, Нигер, Сомали, Уганда, Танзания и Замбия, удвоится до середины века, с 954 миллионов человек в 2015 году до 1,9 миллиарда человек в 2050 году.

Наиболее высоким ростом населения отличается Нигерия, которая к 2050 году превзойдет по численности населения США (399 против 389 миллионов человек) и станет третьей крупнейшей, после Китая и Индии, страной мира.

Прирост населения в абсолютных цифрах по странам определяется не столько высокой рождаемостью (как в Африке), а и значительной численностью населения государства. В абсолютных цифрах половина прироста населения мира за 2015-2050 годы придется всего на девять стран: Индию, Нигерию, Пакистан, Демократическую Республику Конго, Эфиопию, Танзанию, США, Индонезию и Уганду в порядке величины общего прироста.

Ага, — скажем мы, радостно потирая руки, — США все-таки внесут свой значительный вклад в рост народонаселения! Значит не все потеряно! Увы, «Книга фактов» снижает оптимизм — общий коэффициент рождаемости в США — 1,87 новорожденных на женщину (2015 оц.), то есть, не обеспечивающий и простого воспроизводства населения. Для простого воспроизводства, как мы помним, необходимо 2,1 рождений.

США в этом не одиноки, в странах с СКР ниже уровня воспроизводства в настоящее время проживает 46% населения мира. К крупнейшим по численности

населения странам с низкой рождаемостью относятся Китай, США, Бразилия, Россия, Япония и Вьетнам.

Значения коэффициента рождаемости по странам можно просмотреть в «Книге фактов ЦРУ». 106 стран имеют коэффициент рождаемости 2,1 и более, в том числе Нигер — 6,76 (ждите в гости), Сомали — 5,99 (и их тоже), а 118 стран не обеспечивают простого воспроизводства.

3. «Пирамиды населения»

*Все счастливые страны похожи друг на друга,
каждая несчастливая — несчастлива по-своему*

Как по-своему — можно увидеть на «Пирамидах населения» в «Книге фактов». Рассмотрение и сопоставление «пирамид» может дать представление о политической и социальной стабильности страны, об экономическом развитии и завтрашнем дне страны.

Все «Пирамиды» построены одинаково, мужчины слева (синий цвет), женщины справа (красный) с градацией по 5-летним возрастным группам. Форма пирамиды населения постепенно изменяется с течением времени, изменение зависят от рождаемости, смертности, международной миграции, войн и военных конфликтов.

След войны

Как отражаются на «Пирамидах населения» следы войны наиболее наглядно можно увидеть на демографической пирамиде России, построенной по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года.

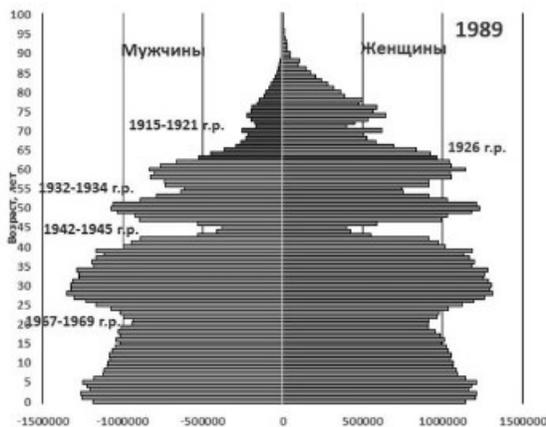

Рис 3. Возрастная пирамида населения России 1989 г. [7]

Деформация «Пирамиды» вызвана гибелью огромного числа людей, принадлежавших ко многим поколениям. К этому добавляются еще и деформации резкого снижения рождаемости в военные годы. На «Пирамиде» видно и «Эхо войны»

(1967-1969 г.р.) — след чрезвычайно низкой рождаемости 1941-1945 годов. Четверть века спустя после войны, дети военных лет сами становились родителями, но их было мало, поэтому невелико было и число их детей — наиболее глубоким было падение в 1967-1969 годах, отстоящих на 25 лет от 1942-1945 годов.

Рис 4. Следы войны так же хорошо видны на «Пирамиде населения» Германии.

4. Демографический переход

Для рассмотрения «Пирамид населения» нужно остановиться на теории «Демографического перехода». Этот термин был введен в научное обращение американским демографом Фрэнком Ноутстейном в 1945 году.

Он выделил четыре последовательных этапа (фазы) в демографической истории человечества.

Рис 5. Этапы (фазы) демографического перехода (включая гипотетическую пятую фазу) [8]

Каждому этапу соответствует свой вид «Пирамиды населения»

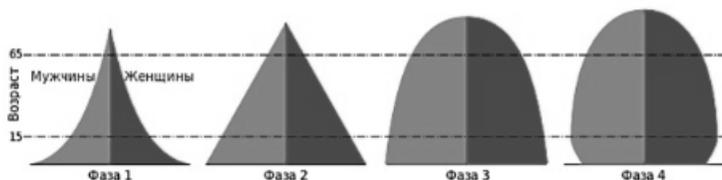

Рис 6. Пирамиды населения, характерные для разных стадий демографического перехода. Диапазон возраста 15-65 лет — работающее население

Первая фаза характерна для традиционных аграрных обществ. Дети в аграрном обществе — это дополнительные рабочие руки в хозяйстве. Кроме того, большое количество детей является гарантией продолжения рода в условиях высокой детской смертности и надеждой родителей на сколько-нибудь благополучную старость в условиях отсутствия системы социального страхования/пенсионного обеспечения. На «Пирамиде населения» виден непропорциональный рост молодежи, вызванный высокой рождаемостью. Снижение коэффициента смертности опережает снижение коэффициента рождаемости (последний некоторое время может вообще не снижаться и даже расти), в результате чего коэффициент естественного прироста населения увеличивается до наибольшего значения.

Первая фаза была завершена промышленно развитыми странами к середине XX в.

Затем развитие производства, ведущее к росту ВВП на душу населения, улучшению качества питания, санитарных условий, качества и доступности медицинского обслуживания и т. п., приводит к значительному росту продолжительности жизни и падению уровня детской смертности. Но рождаемость по-прежнему высокая, традиции, культура общества меняются гораздо медленнее. Это следующая фаза демографического перехода. Она характеризуется резким ростом населения.

На этой, второй фазе демографического перехода — коэффициент смертности продолжает снижаться, но снижается и коэффициент рождаемости, в силу чего прирост населения замедляется. В это время помимо уменьшения рождаемости, обращает на себя внимание более позднее вступление в брак и рождение детей, распространение альтернативных вариантов организации семейной жизни, в частности, незарегистрируемых браков и внебрачных рождений и т.п. На «Пирамиде» виден рост численности производительной части населения (от 15 до 65 лет).

На «пирамиде» третьей фазы хорошо виден «пузырь пожилого возраста» — демографическое старение, увеличение доли пожилых людей в общей численности населения. Происходит повышение коэффициента смертности, обусловленное демографическим старением, и одновременное замедление снижения рождаемости. К концу третьей фазы коэффициент рождаемости приближается к уровню простого воспроизводства населения, а коэффициент смертности остается ниже этого уровня, т.к. возрастная структура еще не стабилизирована и имеется достаточная доля возрастных групп с низкой смертностью. Численность населения продолжает расти.

И наконец, на четвертом этапе коэффициент смертности увеличивается в основном благодаря увеличению числа пожилых людей и становится равным коэф-

фициенту рождаемости. Наступает стабилизация численности населения. На «Пирамиде» четвертой фазы видно падение численности младших возрастных групп, как следствие падения рождаемости, численность населения 65 лет и старше растет быстрее всего. Повышение доли старших возрастов в составе населения отображается на «Пирамиде населения» в виде расширения верхней части «пирамиды». Соответственно, в этой фазе значительно увеличивается доля пожилых людей, экономическая нагрузка на работающих возрастает, но их численность имеет тенденцию к сокращению из-за уменьшающегося основания «Пирамиды», то есть из-за уменьшения рождаемости.

Стабилизация воспроизводства населения в четвертой фазе — плод научных изысканий демографов. На самом деле, пока нет ни одного примера такой стабилизации. Процесс не идет в соответствии с теоретическими воззрениями, возврата рождаемости к показателям, обеспечивающим воспроизводство населения, не происходит, и начинается депопуляция [9].

Старение общества — серьезная экономическая проблема. К 2050 году 22% населения земли будет пенсионерами, а в развитых странах на каждого работающего гражданина будет приходиться по пенсионеру. Население мира в возрасте 60 лет и старше насчитывало в 2000 году 600 миллионов человек, что почти втрое превышало численность этой возрастной группы в 1950 году (205 миллионов человек). В 2009 году она превысила 737 миллионов человек, а к 2050 году составит более 2 миллиардов человек, еще раз утроившись за период времени в 50 лет.

Но распределяются пожилые люди по странам по-разному. Так 2009 году при удельном весе пожилого населения в среднем по миру в 10,8%, в Катаре и ОАЭ он составлял 1,9%, а в Японии — 29,7% [10].

5. Шмуэль Ной Эйзенштадт

Концепция демографического перехода — луч света в темном царстве «Пирамид населения».

«Был этот мир глубокой тьмой окутан.

Да будет свет! И вот явился Ньютон.

Но Сатана недолго ждал реванша.

Пришёл Эйнштейн — и стало всё, как раньше» [11]

В нашем случае пришел Шмуэль Ной Эйзенштадт [12], и свет демографического перехода померк.

Он выдвинул концепцию множественной модернизации. В ее основе лежит идея, что модернизация и вестернизация — это не одно и то же, западный образец является лишь одним из вариантов, и модернизации в разных странах и культурах может идти различными путями.

Айзенштадт утверждал, что для понимания современного мира, необходимо понять множественность культурных программ и культурных образцов модернизации современности.

Шмуэль Ной Эйзенштадт, март 2008 г.
Фото: Цахи Лернер

Идеи Айзенштадта имеют самое непосредственное отношение к демографической теории. Ведь если принять его утверждение, что современностей не одна, а несколько, то фундаментальное для демографии понятие демографического перехода, понимаемого как движение из точки «традиционное общество» в точку «современное общество» оказывается плохо определенным. Появляется необходимость уточнить, в какую из точек современности происходит переход. Так, Нигерия, с ее суммарным коэффициентом рождаемости (СКР) 5,6 оказывается в этом случае не страной, находящейся на начальной стадии демографического перехода, а страной, перешедшей из традиционного общества в другую — отличную от европейской, китайской и т.д. современность. В этой современности есть буровые вышки, выборы, хотя и несколько отличные от тех, что проводятся в западных странах, скорострельное автоматическое оружие, мобильные телефоны и джинсы, ПТУРСы, однако рождаемость остается чрезвычайно высокой.

Но это общий принцип. Рассмотрим конкретные примеры.

Нигер и Мали^[13]

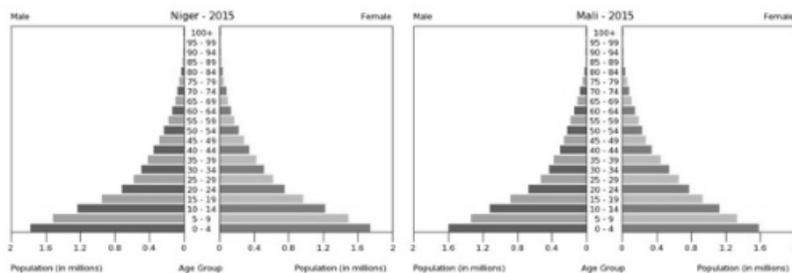

Рис 7. Пирамиды населения Нигера и Мали на 2015 год

	Нигер	Мали
Население	18 045 729 млн	16 955 536 млн
Религия	Ислам 80%	Ислам 94,8%
Население в возрасте 0-14 лет	49,57%	47,44%
Общая доля иждивенцев ^[14]	113%	100,2%
Средний возраст	15,2 лет	16,1
Общий коэффициент рождаемости	6,76	6,06
Урбанизация (городское население)	18,7%	39,9%
Грамотность (умеют читать и писать)	19,1%	38,7%

На «Пирамидах населения» Нигера и Мали, а также подавляющего большинства африканских стран виден демографический «молодежный пузырь», то есть непропорционально большой рост молодежи по отношению к остальным группам населения. На этом нужно остановиться подробнее.

6. Молодежный пузырь

«Мы свидетели гибели системы мира, такой, какой мы ее знаем, и находимся в самом начале формирования новой, очертания которой до сих пор неясны». И. Валлерстайн (американский социолог и философ)

Нигер, Мали и подавляющее большинство африканских стран имеют явно выраженный молодежный пузырь, то есть для Нигера население в возрасте 0-14 лет — 49,57%, а в Мали 47,44%.

Что из этого следует?

Из этого следует конец «ЦИВИЛИЗАЦИИ “БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА”». Гуннар Хайнзон немецкий социолог, экономист, демограф, профессор Университета Бремена утверждает именно это. Базисом его утверждений является то, что к середине XXI века почти миллиард африканцев и арабов похоронят Европу. Они родятся в своих странах, но не найдут там ни работы, ни возможности создать семью, а за семью морями есть страны, где «Ула-Ула Коэ-Мако или Холодный красный бог» на каждом шагу.

Свои взгляды Гуннар Ханзон изложил в абсолютно не политкорректной книге «Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении наций».

Рис 8. Книга Гуннара Хайнзона «Сыновья и мировое господство: роль террора в подъеме и падении наций»

Книга была написана в 2003 году, задолго до того, как волна мигрантов заполонила Европу. На основе анализа демографических данных Хайнзон обосновал нынешнее вторжение беженцев с Африки и Ближнего Востока в Европу, мало чем отличающееся от военного, и волну исламистского террора последних лет.

Он писал, что главной угрозой для Запада в первой четверти XXI века является пик рождаемости (молодежный пузырь) на Ближнем Востоке и в Африке южнее Сахары — Демографический взрыв^[15], — в противовес «пузырю трудоспособного возраста» в Восточной Азии и Латинской Америке, «старческому пузырю»

в Японии и Европе. Осколки этого «Демографического взрыва» разлетятся достаточно далеко. Именно из этого арабо-африканского «пузыря» и хлынул в последние месяцы в Европу поток мигрантов. Все ныне отмечают, кстати, большое количество молодых людей среди беженцев. Что вроде бы нехарактерно для бегущих от войны.

Хайнзон предсказал, что полностью «молодежный пузырь» надуется в Африке и на Ближнем Востоке к 2025 году, и что глобальная угроза, которую он будет создавать в течение нескольких следующих десятилетий, может сделать XXI век еще более кровавым, чем век XX.

«Избыток молодых людей почти всегда ведет к кровопролитию и к созданию либо разрушению империй». Гунар Хайнзон

Хайнзон использовал термин «злокачественный демографический приоритет молодежи». Если молодежь 15-29 лет составляет больше 30% от общего населения, то в таких обществах резко нарастает тенденция насилия. Совершенно несущественно, во имя чего творить это насилие. Это может быть религия, национализм, марксизм, фашизм... Ну или, к примеру, волнения в марте 2004 г. в университете Нангера (Франция) начались в связи с усилением политики безопасности в университете: камеры наблюдения, огораживание строений, наем охранников и т.п.

Сейчас в мире существует 67 стран с демографическим приоритетом молодежи, в 60 из них уже происходит либо массовый геноцид, либо гражданская война.

Гунар Хайнзон: «...для того чтобы полностью сокрушить Европу даже и войны не надо. Надо просто открыть границы. Под любым предлогом. Например “во имя свободы и мира во всем мире”. Пара сотен миллионов мусульман, негров и прочих азиатов разнесет в Европе всё».

Из текстов священных книг (Коран, Библия, Великая Яса или Дао Дэ Дзин, не суть важно) будет использовано лишь то, что оправдает их цель. Когда убивают во благо идеи, убивающий думает, что он — праведник. Но когда демографический перевес молодежи исчезает, то к таким книгам, пусть даже напечатанным в миллионах экземпляров, интерес полностью утрачивается.

Главная причина — избыток молодежи. Это та самая пороховая бочка, к которой достаточно поднести спичку... И ее регулярно подносят. Следствия молодежного пузыря не связаны ни с религиозными или расовыми особенностями. Они универсальны и вневременны.

«Тому в Истории мы тьму примеров слышим...»

В 1500-х годах маленькие европейские страны, начиная с Португалии и Испании, начали завоевывать крупные регионы мира. Существует ошибочное убеждение, что это случилось из-за перенаселения. Фактически никакого перенаселения не было: в 1350 году население Испании составляло 9 миллионов человек, а в 1493 году, когда начались завоевания, — только 6 миллионов. Однако в этот период в семьях отмечалось внезапное увеличение числа детей. Коэффициент рождаемости повысился от 2-3-х детей в семье до 6-7-ми детей.

Причиной этого стала изданная в 1484 году Папой Иннокентием VIII булла *Summis Desiderantes* («Всеми силами души»), давшая зеленый свет ведовским про-

цессам. Особо было объявлено, что искусственное ограничение рождаемости будет наказываться смертью. На кострах стали активно сжигать повивальных бабок (акушерок). Действия против акушерок были в общем-то вынужденными, правда, методы решения проблемы были в стиле того времени.

Дело в том, что в XIV-XV веках «черная смерть» — пандемия чумы выкосила до трети населения Европы. Естественно, когда акушерок сожгли, то рождаемость выросла. Средний возраст, составлявший в 1350 г. 28-30 лет, в 1493 году снизился до 15 лет (как в Мали и Нигере). В семьях стало слишком много мальчиков, не знавших, к чему приложить свои силы. Так появился молодежный пузырь, грозящий взрывом.

С избыточной молодёжью пузырем тогда управились. — отправили её на захват чужеземных колоний во славу Христа, Папы и Испании, Португалии. Они-то и ликвидировали в Южной Америке великую империю инков, другие тамошние народы. Им объясняли, что они не убийцы, а борцы за справедливость, обязаны уничтожать язычников и грешников во славу господина и с позволения властей.

*«А перед нами все цветет,
За нами все горит.
Не надо думать — с нами тот,
Кто все за нас решит»^[16].*

Прошли века, но мало что изменилось. Молодежь по-прежнему с готовностью воспринимает идеологию, которая извиняет и освобождает их от всякой ответственности независимо от ее происхождения, будь то Библия, Коран, «Mein Kampf», «Коммунистический манифест» и т. д. Оттуда берется лишь то, что оправдывает их сегодняшнюю цель.

В XXI веке африкано-арабскому «молодежному пузырю» новую Америку найти не смогут. Их цель несложно вычислить — туда, где выше толерантность и социальные блага, где на пути не стоят сложные препятствия в виде океанов, где их не встретят пулеметами или чем-нибудь посерьезнее, то есть, — в Европу.

Хайнзон не эмоционален, он оперирует сухими цифрами. К 2050 году 950 миллионов человек из Африки и арабских государств захотят обосноваться в Европе. Это демографический факт.

К середине века население Африки увеличится вдвое: с нынешних 1,2 миллиарда человек до 2,4 миллиарда. Уже к 2040 г., по прогнозам демографов, половина населения Земли в возрасте до 25 лет будет состоять из африканцев. На родине им хорошая жизнь не светит. За сытой и безопасной жизнью они отправятся в Европу, тогда сегодняшний поток мигрантов покажется доброй рождественской сказкой.

А что же противопоставит этой волне Европа?

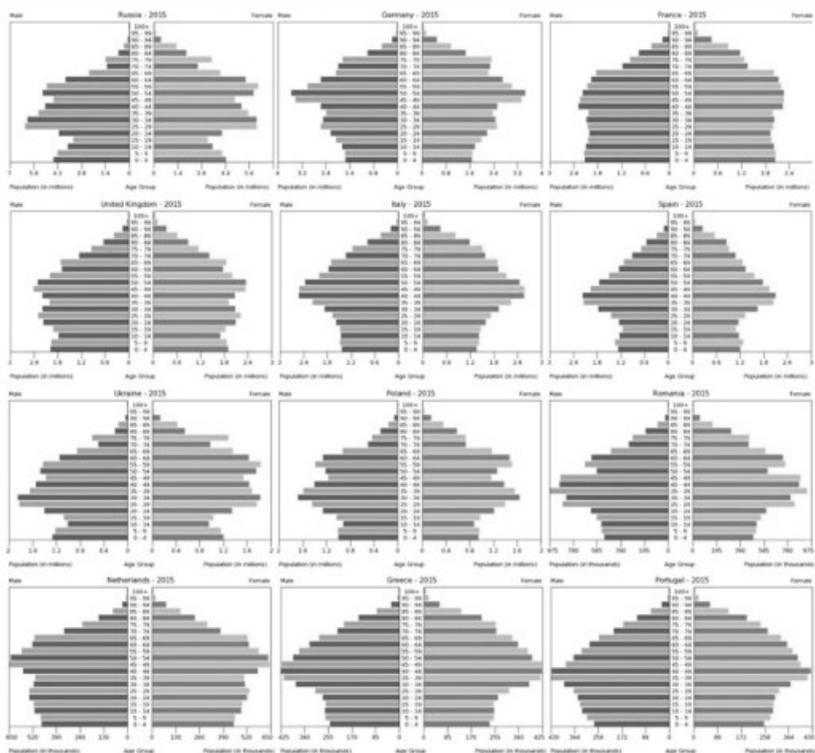
По определению Хайнзона, Европа — зона «старческого пузыря». Население стареет, что вполне соответствует 4-й фазе демографического перехода.

Для доказательства неминуемой капитуляции «Старого Света» Хайнзон использует термин «демографический сбой». Он наступает, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40-44 лет в стране приходится меньше 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет. В Германии это соотношение равно 100/50, а в секторе Газы, населенном палестинцами (арабами) — 100/464! В Афганистане — 100 мужчин/403 мальчика, в Ираке — 100/351, в Сомали — 100/364... Так что Германия, локомотив Евросоюза, по мнению Хайнзона, будет не способна сопротивляться «приоритету молодежи» из мусульманских стран. Что уж говорить про других членов ЕС!

7. Как выглядит Европа на «Пирамидах населения»?

Двенадцать крупнейших по населению стран Европы — Россия, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания, Украина, Польша, Румыния, Нидерланды, Греция и Португалия. В них проживает 602,3 млн. человек. То есть 80% населения Европы.

Вот их «Пирамиды населения»:

	Общий коэффициент рождаемости	Средний возраст м/ж	Население в возрасте 0-14 лет, в %	Общая доля иждивенцев, в %	Депопуляция	Рождаемость / смертность, в %
Россия	1,61	36,2/42,1	16,68	43,1	+0,2	13,3/13,1
Германия	1,44	45,4/47,5	12,88	51,8	-2,87	8,42/11,29
Франция	2,08	39,4/42,6	18,66	60,3	+3,43	12,49/9,06
Великобритания	1,89	39,2/41,6	17,37	55,1	+2,88	12,2/9,34

Италия	1,43	43,7/45,9	13,73	56,5	-1,26	8,84/10,10
Испания	1,49	40,8/43,2	15,45	50,8	+0,88	9,88/9,0
Украина	1,53	37/43,3	15,22	43,3	-6,31	9,41/15,72
Польша	1,33	38,2/41,6	14,7	43,8	-0,6%	9,77/10,37
Румыния	1,33	38,8/41,7	14,49	48,9	-2,61	9,27/11,88
Нидерланды	1,78	41,3/43,2	16,73	53,3	+2,26	10,83/8,57
Греция	1,42	42,8/44,9	14,01	56,2	-2,2	8,8/11,1
Португалия	1,52	39,4/43,6	15,68	53,5	-1,55	9,42/10,97

Источник: «Всемирная книга фактов ЦРУ»

Примечания:

- Страны депопуляции выделены полужирным шрифтом.
- Россия и Испания относятся по депопуляции к пограничным странам.
- Данные по России приведены по информации Росстата за 2015 год. Во «Всемирной книге фактов ЦРУ» приведены иные данные: рождаемость на тысячу человек — 11,87% (чел. на 1000 жит.); смертность на 1000 человек — 13,83% (чел. на 1000 жит.); естественный прирост — -1,96% (чел. на 1000 жит.)

Ни одна страна Европы не обеспечивает простого воспроизводства населения, депопуляция наблюдается у 7 из 12 крупнейших стран. В России и Украине есть некоторое относительное увеличение рождаемости, но явно недостаточное.

Ситуация становится более понятной при сравнении европейских стран с приведенными выше данными Нигера и Мали. В Европе населения в возрасте 0–14 лет по численности вдвое меньше, чем в Африке, общая доля иждивенцев вдвое меньше, средний возраст выше в 2–2,5 раза, общий коэффициент рождаемости ниже в 4 раза. Общая доля иждивенцев в Европе складывается в основном из людей пожилого возраста, в то время, как в Африканских странах — из молодежи.

На «Пирамидах» Европы видно, что снижение численности населения продолжается последние 20 лет. Но «Пирамиды населения» отражают картину сегодняшнего дня. А в дальнейшем нижняя часть «Пирамид» начнет подниматься вверх в область трудоспособного населения, которое будет резко уменьшаться, увеличиваться будет только «пузырь пожилого возраста». На пенсию будут выходить люди, появившиеся на свет в период, когда рождаемость была высокой, в трудоспособный же возраст будет вступать немногочисленная молодежь.

Население будет стареть, доля пожилых иждивенцев расти. Нагрузка на работающих возрастет, по расчетам демографов вдвое. Но потом это уменьшение рождаемости вызовет «эхо демографического спада» (см. Рис 3). Когда сегодняшняя молодежь войдет в фертильный возраст, то их резко уменьшившаяся численность приведет к дальнейшему сужению основания «Пирамиды населения» и раздуванию «пузыря пожилого возраста». А пустота заполняется мигрантами.

Можно было бы сказать, что с уменьшением населения уменьшится и безработица, но это не так. Рождаемость по социальным группам не однородна, она максимальна в наиболее «проблемных» слоях населения. В основном, чем социальный статус человека выше, тем ниже рождаемость. Так что изменится не только число потенциальных работников, но и их структура.

Молодежь европейских стран продолжит уезжать в труднодоступные для арабо-африканских мигрантов англосаксонские страны-крепости — Австралию, Канаду, Новую Зеландию. И этот процесс, по информации Хайнзона, уже пошел. Немцы, голландцы, французы эмигрируют из своих стран как никогда. Только из

Германии ежегодно уезжают 150 000 человек, причем, большинство — в англо-саксонские страны. Каждый год Канада, например, принимает до четверти миллиона иммигрантов, из которых две трети — образованные трудоспособные специалисты ^[17]. Важно, что уезжают в страны-крепости, как правило, самые инициативные, успешные, высокопрофессиональные люди.

Хайнзон — пессимист (реалист?):

«Неудивительно, что молодые трудолюбивые люди во Франции и Германии предпочитают эмигрировать. И не только потому, что на их плечи ложится обязанность «кормить» стареющее коренное население собственной страны. Если мы возьмем 100 20-летних французов и немцев, то 70 из них должны содержать 30 иммигрантов их собственного возраста, а также их отпрысков. Для многих это просто неприемлемо, особенно во Франции, Германии и Нидерландах. Именно поэтому они бегут».

Бегут, хотя в самой Германии два миллиона доступных вакансий, которые нечем заполнить. И в то же время на программах соспособий сидят 6 миллионов иждивенцев. Здесь более 35% всех новорожденных не являются немцами, 90% тяжких преступлений совершается не немцами.

Во Франции, где СКР почти соответствует простому воспроизводству — на каждую женщину приходится двое детей, но на каждые пять новорожденных два ребенка рождены арабскими или африканскими женщинами.

8. Причины падения рождаемости

Причины падения рождаемости необходимо рассмотреть подробнее.

С середины 1970-х годов Европа вступила на новую стадию в её демографической истории, где доминантой стала долговременная тенденция снижения рождаемости. Демографы стремились дать адекватное теоретическое объяснение сложившейся ситуации. Идея второго демографического перехода ^[18] была предложена в 1986 году профессором Дирком ван де Каа, основателем и многолетним директором Междисциплинарного демографического института Нидерландов.

В период второго демографического перехода получает широкое распространение индивидуалистически ориентированная система ценностей и, вызванное этим, соответствующего изменения норм поведения, в том числе и демографического. Происходит значительное увеличение степени свободы как в выборе индивидуальных целей, так и средств их достижения.

Ван де Каа рассматривает второй демографический переход как результат движения общественного сознания от консерватизма к прогрессивности, при этом прогрессивность им понимается как толерантность и восприимчивость к новым ценностям и моделям поведения.

Он выделяет четыре основных черты этого перехода:

переход от «золотого века» брака к его закату, то есть широкое распространение юридически неоформленных форм совместной жизни и альтернативных форм семьи.

переход от детоцентристской модели семьи к индивидуалистически ориентированной «зрелой» паре партнёров с одним ребёнком.

переход от превентивной контрацепции, предназначенной для предотвращения рождений ранних детей, к сознательному планированию рождения каждого ребёнка.

переход от унифицированной модели к плюралистическим моделям семьи.

В развитом индустриальном обществе дети должны длительное время учиться, чтобы получить квалификацию, соответствующую современным требованиям. Это приводит к их выключению из хозяйственной жизни и превращает их из помощников в обузу для взрослых. Родители вынуждены тратить своё время и финансовые средства для достижения детьми высокого образовательного уровня. Они предпочитают вырастить лишь одного-двух «высококачественных» детей, уверенности, что хватит ресурсов на большее количество детей, у них нет.

Кроме того, длительный период обучения способствует повышению среднего возраста женщины, рождающей первого ребёнка (с 16 до 25 лет и старше). В аграрном же обществе дети, работая вместе с родителями, приобретали необходимые трудовые навыки естественным путём.

Практически все страны с высоким образовательным уровнем имеют низкие показатели рождаемости. И наоборот, лидеры по рождаемости имеют неграмотное население (в арабских странах 38% населения старше 15 лет неграмотно, в странах «чёрной» Африки — 35%).

Повышение независимости и образованности женщин является дополнительным фактором снижения рождаемости. В свою очередь повышение образованности женщин ведёт к росту их независимости. Поскольку главная нагрузка по выхаживанию и воспитанию детей ложится на женщин, они объективно не заинтересованы в многодетности.

Система пенсионного обеспечения также способствует снижению рождаемости, так как люди перестают быть столь кровно заинтересованы в наличии большого количества потомков, помогающих в старости. Развитие пенсионной системы и означает, что бабушка с дедушкой предпочитают жить для себя и путешествуют по миру, вместо того чтобы нянчить внуков.

Но есть еще и явление, получившее название «Чайлдфри» — добровольно бездетный. Странники этой субкультуры сознательно отказываются иметь детей во имя личной свободы.

Традиционную семью можно тоже рассмотреть как предприятие — предприятие по воспроизводству человека. Как на любом предприятии, в семье существует специализация и разделение труда. Женщина рождает и воспитывает детей. Мужчина отчасти воспитывает детей и материально обеспечивает семью. Изменение структуры хозяйства при урбанизации приводит и к изменениям в семье: если в натуральном хозяйстве большие семьи способствовали лучшему выживанию, то в обществе с разделением труда большая семья уже не нужна. В западном обществе с его рыночными принципами хозяйства, а также «правами человека», ведущими к феминизму и эмансипации, женщины неизбежно вовлекаются в промышленное производство, сферу услуг и другие виды деятельности, причем на полную занятость. Это приводит к тому, что основной «профессией» женщины становится не рождение и воспитание детей, а работа. В итоге происходит падение рождаемости.

9. Рождаемость зависит от передаваемых и имитируемых культурных традиций

В традиционном обществе бездетные семьи осуждаются, так как потомство вынуждено кормить этих бездетных стариков. Большие и зажиточные семьи уважаемы и являются объектом подражания. Но в современном (прогрессивном по Ван де Каа) обществе с его рыночными принципами хозяйствования и «правами человека», где высока атомизированность людей, распространены разводы, работает накопительная пенсионная система (т.е. каждый живет на то, что он заработал в своей жизни, и дети мешают накопить на спокойную старость), закрепляются стереотипы малых, неполных и бездетных семей или одиноких людей.

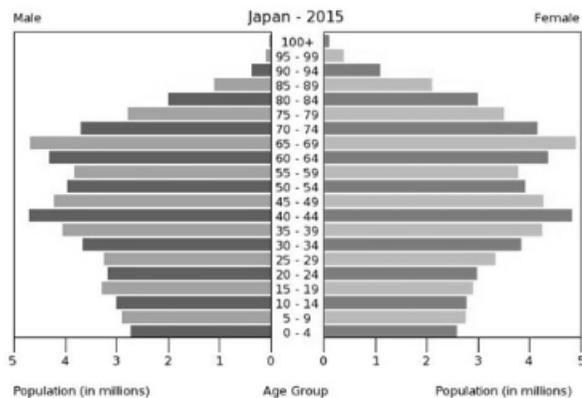
Время, когда в семье, по выражению Ван де Каа, «ребенок был король» ушли в прошлое. Наступила новая эпоха, в которой ребенок, мягко говоря, занимает меньше места.

Семья изменилась. «Буржуазная модель семьи», лежащая в основе первого перехода, уступает индивидуалистической модели семьи. Второй фазовый переход оставил позади «золотой век брака».

Как преодолеваются последствия второго демографического перехода?

Есть несколько моделей решения проблемы.

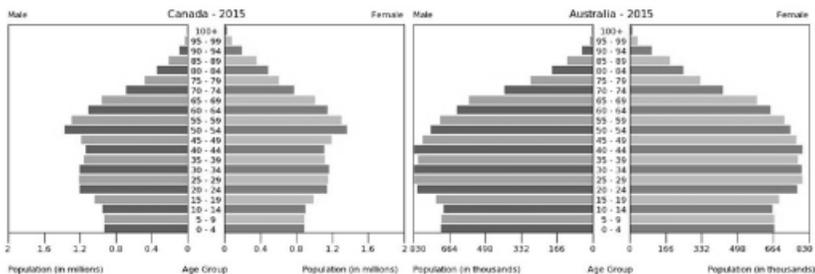
I. Японская модель

Общий коэффициент рождаемости: 1,4.

В условиях, когда нация стареет и рождаемость не обеспечивает простого воспроизводства населения, для меньшего количества людей необходимо меньше рабочих мест, необходимо производить меньше энергии, меньше товаров потребления, меньше продуктов питания. Вопрос открытия страны для иммигрантов даже не рассматривается. То есть — «Нас становится меньше? Ничего, просто будем жить дальше меньшей численностью».

II. Канадская и Австралийская модель

Общий коэффициент рождаемости: Канада — 1,59, Австралия — 1,77.

И Канада и Австралия открыли двери для иммигрантов, но принимают далеко не всех, преимущественно тех, кто стране нужен. Приветствуются хорошо образованные, квалифицированные специалисты, в большинстве своём — молодые семьи, представители среднего класса [19]. Кроме того, Канада привлекательна как для англоговорящих, так и для франкоговорящих иммигрантов. Австралия привлекает своей географическим расположением, обеспечивающим естественную защиту от нежелательных мигрантов.

Продолжающийся европейский миграционный кризис стимулирует исход коренного населения Европы, причём, Канада и Австралия являются здесь ключевыми бенефициарами.

III. Франко-германская модель

Миграционные проблемы Германии такие же, как и в остальной Европе: с одной стороны, самые энергичные и талантливые эмигрируют, а рождаемость у оставшихся очень низкая, с другой стороны, их замещают иммигранты из стран Третьего мира, не имеющие достаточного образования, но размножающиеся ускоренными темпами.

Все пошло по неправильному пути ещё где-то в начале 1980-х. В Германии крупные изменения пришлось уже на 1990-е годы, когда иммиграция стала массовой: между 1990 и 2002 годами в Германию въехали 13 миллионов иммигрантов, из которых большинство неквалифицированные рабочие. То же самое произошло и во Франции.

Предполагалось, что гастарбайтеры будут находиться в стране до завершения контракта, а потом уедут на родину, но у них оказались другие планы. А затем к ним добавилась лавина мигрантов...

Что послужило причиной таких решений, сказать сложно. Причины могут быть разные, от ошибок руководства, до изживания имперских комплексов и чувства вины. Но как и почему — не важно. Важен итог — организована катастрофа «с доставкой на дом».

IV. Китайская модель

В теории второго демографического перехода государство если и присутствует, то не явно, «за кадром», но подразумевается, что по мере того, как главной фигурой на демографической сцене становится самодостаточный индивид, роль государства постепенно сходит на нет.

Но в этом вопросе действительность не согласуется с теорией. Роль государства в новейшей демографической истории весьма велика. Его сила в одних регионах мира (прежде всего, Китае и Индонезии) и бессилие в других (яркий пример — Нигерия), а также множество комбинированных вариантов (Индия, Россия и ряд других стран) оказывали в течение минувшей половины века значительное воздействие на демографическое развитие.

В Китае и Индонезии демографическая политика стала важным элементом государственной политики. Власть сумела подключить к программе снижения рождаемости региональную бюрократию, найти стимулы для активного участия в ней деревенских общин, кроме убеждения активно применялись и экономические способы принуждения к ограничению рождаемости. Важную роль в проведении демографической политики сыграл унитарный характер государства, обеспечивавший жесткую вертикаль власти и подчинение региональной бюрократии центральной.

В Нигерии «история с демографией» так же хорошо осознается. Но в силу ее этнического и религиозного многообразия, федеративного устройства государства проведение в жизнь китайской модели оказалось не реальным. Регионы страны конкурируют за политическое влияние и ресурсы, распределяемые центральным правительством, и в силу этого заинтересованы в большей численности населения. Слабость государства выражается, в том числе, и в неспособности провести перепись населения. Череда военных переворотов, постоянные конфликты на религиозной и этнической почве не позволяют проводить эффективную демографическую политику.

V. США и Россия

Как США, так и Россия требуют отдельного рассмотрения.

Как было показано выше, демографические процессы в Африке и ряде арабских стран подтолкнули население Европы к переезду в страны-убежища, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Для евреев убежищем является Израиль. Но проблема в том, что ёмкость этих стран, их возможность принять потенциальных европейских иммигрантов, невелики. США многие годы были для эмигрантов желанной целью. Нужны ли США иммигранты? Видимо, нужны. Общий коэффициент рождаемости в США 1,87, что явно недостаточно, а средний возраст составляет 36,5 для мужчин и 39,2 для женщин, что, конечно, немного лучше, чем в Германии, но достаточно ясно показывает, что США находятся на «пороге пузыря пожилого возраста» со всеми вытекающими из этого «прелестями». Вопрос: какие иммигранты? Ситуация сходна с европейской в том, что с юга страну захлещывает поток нелегалов, отнюдь не рвущихся немедленно интегрироваться в американское общество, принимать американские ценности.

Какие будут приняты политические решения в США — неизвестно, они могут быть по канадскому образцу (избирательная контролируемая иммиграция) или по германскому (примем всех подряд). Время покажет.

Россия также вынуждена решать аналогичные проблемы. Общий коэффициент рождаемости заметно ниже, чем в США и составляет 1,61. Страна, если опираться на данные Госкомстата, находится на грани депопуляции, превышение рождаемости над смертностью составляет лишь 0,022%. Серьёзным фактором является большой региональный демографический дисбаланс: наивысший естественный прирост населения (более 1%) наблюдается в «национальных» республиках Северного Кавказа (Чечня, Ингушетия, Дагестан), в то время как в центральных «русских» областях — устойчивая депопуляция.

Россия — страна с традиционно сильной центральной властью, решение, скорее всего, нужно искать в области государственного регулирования, только обратного китайскому. Получится это или нет — вряд ли кто скажет.

Во всяком случае, как в США, так и в России проблема осознаётся, есть «властная вертикаль», в той или иной степени способная решать проблему. Важно уменьшить политические риски... Но возможно ли это?

10. Позитивная часть. Израиль

«Есть многое на свете, друг Горацио...»

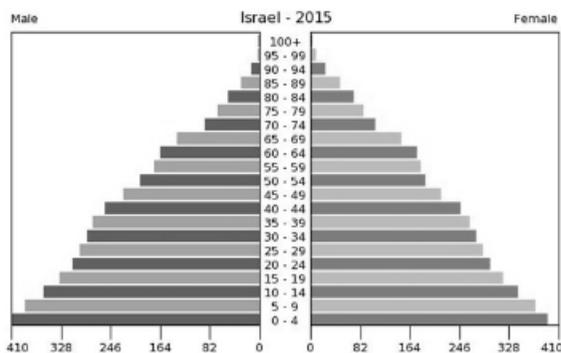
Есть Израиль, как будто специально предназначенный для опровержения различных теорий. В Израиле законы работают как-то иначе, по-особому. Нет, закон Ома и всемирного тяготения не изменились, но ведь они не единственные.

Арнольд Тойнби так и не смог вписать в систему цивилизаций, проходящих одинаковые фазы от рождения до гибели и составляющих ветви «единого дерева истории», всего одну страну — Израиль, все остальные вполне вписались. В Израиле же всё не по теории. Можно много чудесного говорить о возрождении языка и самого государства, или о несбывшихся прогнозах именитых иностранных военных специалистов о неминуемом поражении Израиля в войнах, но это статья о демографии.

Так вот, страна должна по всем признакам находиться в четвертой фазе демографического перехода или во втором демографическом переходе (по Ван де Каа). К этому же демографическому периоду относятся все развитые страны, да и не только они, а так же и развивающиеся страны, ставшие на путь модернизации. У всех рождаемость падает, население стареет, из-за этого естественная смертность возрастает... В общем, всё понятно.

Но вот Израиль являет миру единственное исключение. Несмотря на очень высокую образованность, на женщину приходится 2,68 ребёнка, тогда как во всех странах ЕС — менее двух.

Вот «Пирамида населения» Израиля:

Она совсем не похожа на пирамиду развитого индустриального общества. А какого? Израиль к традиционным аграрным (сиречь, отсталым) отнести невозможно.

«Пирамида населения» Израиля имеет прогрессивный или растущий тип. Такой тип пирамиды обычно имеют развивающиеся страны. Для демографии таких стран характерна высокая смертность и рождаемость при относительно короткой ожидаемой продолжительности жизни.

Но в Израиле средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (для обоих полов) составляет 81 год, что выше средней ожидаемой продолжительности жизни в мире, которая находится на уровне около 71 года (по данным отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам)^[20].

		Примечания
Население	8 049 314	включает в себя население Голанских высот, а также Восточный Иерусалим
Религия	Иудаизм 75%	мусульмане 17,5%, христиане 2%, друзы 1,6%, другие 3,9% (2013 оц.)
Население в возрасте 0-14 лет	27,95%	
Общая доля иждивенцев ^[21]	64,1%	
Средний возраст	29,6 лет	
Суммарный коэффициент рождаемости	3,05 ^[22]	
Рождаемость/смертность на 1000 населения	17,48/5,15	Сравните с ситуацией в Европе, где у 60% стран депопуляция

«Пирамида» включает в себя все группы населения Израиля. Видимо необходимо разделить «вклад в общее дело» евреев и арабов.

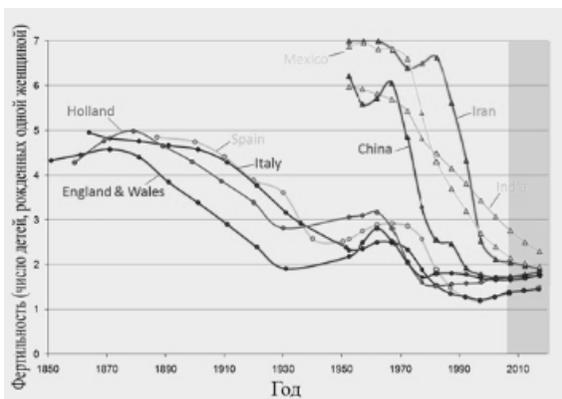
I.

Примечание: еврей* — это евреи по «Закону о возвращении»

На графике хорошо видно, что начиная с 2005 года, число живорождений у мусульман в Израиле стабилизировалось в среднем вокруг 35,100 рождений в год. У еврейского населения — значительный устойчивый рост с 1990 года.

Для сравнения: Изменение рождаемости по странам 1859-2016 гг.

Источник: Lesley Newson^[23] «The cultural evolution of modernity»

II.

В 1965 году разница между СКР евреев и мусульман в Израиле, составляла 6.4 ребенка на одну женщину. В течение 48 лет эта разница уменьшилась на 95.3%, до всего лишь 0.3 ребенка на одну женщину в 2013 году.

Демографические тенденции, происходящие у арабов в Израиле, корректно согласуются с теорией «Демографического перехода».

Выбранные места из переписки с друзьями

Письмо: «...высокая рождаемость у евреев только за счет ортодоксов, ты ведь такого анализа не приводишь?»

Ответ: «Вопрос, конечно, интересный. Но для начала нужно было бы понять, почему ты из общей рождаемости у евреев считаешь необходимым выделить рождаемость у ортодоксов, и, как я понял тебя, ее не учитывать или считать ее отдельно.

Видимо дело в том, что для тебя прирост еврейского населения в ортодоксальном сегменте Израиля не благо, а проблема.

Я такую точку зрения принять не могу, проблемой становится любая группа населения, в отношении которой проводится, скажем так, неадекватная государственная политика. Но этот вопрос не относится к теме данной статьи.

Попробую ответить на заданный вопрос.

Ты безусловно прав в том, что религиозный еврей в Израиле будет иметь больше внуков, чем его светский сосед, принадлежащий к группе с более низкой рождаемостью, но вклад в общеврейскую демографию Израиля определяет не только он.

В Израиле 43% евреев определяют себя как светские, 20% — традиционные, но не религиозные, 15% — традиционные религиозные, 10% — религиозные, 9% — ортодоксы [24]. Рождаемость в каждом секторе разная. У ортодоксальной женщины — 6,5 детей, у религиозной — 4,3, у «традиционной» (масортия) — 2,6 ребенка, у светской — 2,1. У ортодоксов рождаемость выше, но их численность меньше. Как говорят в Израиле практически по любому поводу — бери в пропорции.

Израильский демограф Яков Файгельсон приводит такие данные: по данным ЦСБ Израиля на 2014 год СКР евреев вырос до 3,11 детей на одну женщину. Особо он отмечает, что **рост еврейской рождаемости, несмотря на то, что она понизилась у ортодоксов, произошел благодаря светским израильтянам.**

Центральное статистическое Бюро Израиля опубликовало прогноз СКР до 2035 года:

לוח 3- הנחות של שינוי פריון כולל, לפי קבוצות אתנו-רעיוניות

Table 3.- Прогноз СКР по отдельным группам населения

В среднем за пятилетний период

Группы населения	2031-2035	2026-2030	2021-2025	2016-2020	2011-2015	דת
	Высокий вариант					חלופה גבוהה
Евреи и прочие*	3.90	3.81	3.71	3.54	3.32	יהודים ואחרות
В том числе евреи	4.02	3.93	3.83	3.67	3.43	מזה: יהודים
Мусульмане	3.56	3.69	3.74	3.74	3.88	מוסלמים
Арабы христиане	2.84	2.73	2.63	2.52	2.42	נוצרים ערבים
Друзы	3.24	3.13	3.04	2.94	2.84	דרוזים
	Средний вариант					חלופת בינונית
Евреи и прочие*	2.95	2.96	2.98	2.96	2.89	יהודים ואחרות
В том числе евреи	3.04	3.05	3.07	3.06	2.99	מזה: יהודים
Мусульмане	2.71	2.87	3.00	3.13	3.37	מוסלמים
Арабы христиане	2.10	2.10	2.10	2.10	2.10	נוצרים ערבים
Друзы	2.40	2.41	2.43	2.45	2.47	דרוזים
	Минимальный вариант					חלופה נמוכה
Евреи и прочие*	1.97	2.09	2.24	2.37	2.46	יהודים ואחרות
В том числе евреи	2.02	2.15	2.31	2.45	2.54	מזה: יהודים
Мусульмане	1.81	2.04	2.25	2.49	2.87	מוסלמים
Арабы христиане	1.37	1.47	1.58	1.68	1.79	נוצרים ערבים
Друзы	1.56	1.69	1.82	1.96	2.10	דרוזים

Прогноз населения Израиля до 2035 года

* — включает не евреев по галахе, переехавших в Израиль по Закону о возвращении (חוק השבות).

Конечно, это прогноз, но последние лет 10 действительность опережает любые прогнозы.

В результате постоянного повышения уровня образования и расширения процесса урбанизации, Суммарный Коэффициент Рождаемости у арабов уменьшился на 29.6%, с 4.76 детей на одну женщину в 1998 году до 3.15 в 2013 году.

В это же время СКР у евреев увеличился на 14.2%, с 2,67 ребенка на одну женщину в 1998 году до 3.05 в 2013 году^[25]. СКР у сабр^[26] был равен 3,16 ребенка на одну женщину, а у еврейских поселенцев в Иудее и Самарии он был еще выше — 5,09 ребенка на одну женщину, что хоть и меньше сомалийского, но соизмерим с СКР Эфиопии и Нигерии^[27]. А вот это уже никак не согласуется с теорией «Демографического перехода». (Если принять в расчет показатель детской смертности, крайне низкий в Израиле и высокий в странах с высоким СКР^[28], израильские цифры выглядят ещё более впечатляющими.)

Продолжение естественного процесса старения у арабского населения Израйля уже начинает отражаться на уровне естественной смертности. Она увеличилась за последние 16 лет на 44,1%, с 3,296 смертей в 1998 году до 4,848 в 2014 году. В то же время, смертность у евреев увеличилась всего лишь на 8,1%, с 33,165 смертей в 1998 году до 35,846 смертей в 2014 году.

Получается, что израильские арабы, в точном соответствии с научной теорией живут во втором демографическом переходе, как и арабы соседних с Израилем исламских стран, и только евреи портят демографам их теоретические построения. Как всегда: все шагают в ногу, кроме евреев.

Анализ происходящих долговременных демографических процессов указывает на то, что ежегодный прирост арабского населения будет продолжать уменьшаться и в будущем. В результате этого, доля арабов в общей численности населения Израйля начнет резко уменьшаться в ближайшие годы.

Что же происходит в Израиле? Типично “европейская” продолжительность жизни при типично “африканской” рождаемости. С продолжительностью жизни понятно, она — производная от уровня экономики, от развития науки, здравоохранения. Но высокая рождаемость почему?

Примерно за тот же исторический период, в течение которого Европа и Америка перестали быть для своих граждан домом, в котором стены защищают, Израиль, несмотря на постоянную угрозу со стороны арабо-мусульманского мира, не смотря на то, что на протяжении всей своей истории он является мишенью для террористов, — превратился в страну, население которой чувствует себя в большей безопасности, чем в большинстве стран мира. Возможно поэтому Израиль — единственная развитая страна мира, где рождаемость не просто достигает необходимого для воспроизводства минимума, но и превосходит его уже в полтора раза. Но не только, рождаемость в Израиле превысила таковую практически во всем арабском мире (за вычетом Йемена, Ирака и Иордании).

Возможно всё дело в том, что здесь рождаются гениальные дети?

P.S.

Демографические парадоксы есть не только в Израиле. Послушаешь женщин в Одессе на Привозе — у всех гениальные дети, причём, сплошь — от «мужей идиотов». А вот это — настоящий демографический парадокс!

Примечания

[1] Щербакова Е.М. Население мира по оценкам ООН пересмотра 2015 года. Демоскоп Weekly. 2015. № 663-664.

[2] Источник: Esteban Ortiz-Ospina and Max Roser «World Population Growth»

[3] «Демографические данные за много поколений свидетельствуют, что рост человечества хорошо укладывается только на гиперболическую кривую. В этом случае скорость роста пропорциональна квадрату полного числа людей». С.П. Капица. «Сколько людей жило, живет и будет жить на земле» [3.3 Гиперболический рост населения мира]

[4] Суммарный коэффициент рождаемости — наиболее точный показатель уровня рождаемости. Этот коэффициент характеризует среднее число рождений у одной женщины за всю её жизнь.

[5] Источник: М.А. Клупт «Парадигмы и оппозиции современной демографии»

[6] Валовой национальный доход (ВНД) (Gross National Income) — это совокупная ценность всех товаров и услуг, произведенных в течение года на территории государства, плюс доходы, полученные гражданами страны из-за рубежа, минус доходы, вывезенные из страны иностранцами.

[7] Анатолий Вишневский. «Демографический след войны».

[8] Источник: Esteban Ortiz-Ospina and Max Roser «World Population Growth»

[9] Депопуляция — систематическое уменьшение абсолютной численности населения, когда последующие поколения численно меньше предыдущих. В данном случае превышение смертности над рождаемостью.

[10] <http://demoscope.ru/weekly/2010/0423/barom02.php>

[11] На могиле Ньютона выбита эпитафия, автор которой — Александр Поуп, английский поэт XVIII века, один из крупнейших авторов британского классицизма. Эпитафия гласит: Nature, and Nature's Laws lay hid in night. God said, Let Newton be. And all was light". Самуил Маршак перевел эту эпитафию на русский: "Был этот мир глубокой тьмой окутан. Да будет свет! И вот явился Ньютон!" А потом дописал еще две строчки, сочинить которые Поуп, умерший в 1744-м году, ну никак не мог.

[12] Шмуэль Ной Айзенштадт — американский и израильский социолог, специалист в области сравнительных исследований цивилизаций и общетеоретических проблем развития, революции и модернизации.

[13] Страны здесь и в дальнейшем выбраны произвольно

[14] До 14 лет и старше 65 по отношению к группе от 14 до 65 лет

[15] Демографический взрыв — это резкое увеличение численности населения в результате устойчивого и значительного превышения рождаемости над смертностью.

[16] В. Высоцкий. «Солдаты группы центр»

[17] До четверти от общего числа иммигрантов составляют жены, дети, старики родители, приезжающие по воссоединению семей, и лишь относительно малая доля 10–12% — беженцы.

[18] Dirk J. van de Kaa. «The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries».

[19] [Здесь https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/publications-manuals/annual-report-parliament-immigration-2014.html](https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/publications-manuals/annual-report-parliament-immigration-2014.html) и

здесь <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/publications-manuals/annual-report-parliament-immigration-2015.html> официальные годовые отчёты канадскому Парламенту об иммиграции в страну. Таблица 4 показывает, что среди иммигрантов в процентном отношении лидируют выходцы из Китая, Индии, Филиппин, а за ними вплотную идут эмигранты из Пакистана, США (?!) и Ирана. Так называемые “экономические иммигранты” т.е. необходимые стране специалисты (отнюдь не обязательно сплошь программисты и инженеры, но и, к примеру, социальные работники) по-прежнему составляют 63% (данные по 2014 г.), в противовес приезжающим в рамках воссоединения семей родителям, жёнам и детям обосновавшихся ранее иммигрантов (25%) и принимаемым по “гуманитарным” мотивам беженцам (11%).

[20] http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/mortality/WMR2013/World_Mortality_2013_Report.pdf

[21] До 14 лет и старше 65 по отношению к группе от 14 до 65 лет

[22] Израильские данные отличаются от приведенных в «Книге фактов». Приведено по «Демографические процессы в Стране Израйля»

[23] Лесли Ньюсон, научный сотрудник Калифорнийского университета в Дейвисе. Специализация: Биологическая антропология, эволюционная психология, социальная теория

[24] <http://il24.ru/israel/795-statistika-skolko-kakih-lyudey-zhivet-v-izraile-i-gde-imenno.html>

[25] «Демографические процессы в Стране Израйля»

[26] Сабры — евреи, родившиеся в Израиле

[27] The World Factbook: Total Fertility Rate

[28] UNICEF Report: Under-Five Mortality, см. также здесь: https://ru.wikipedia.org/wiki/Младенческая_смертность, статья «Список стран по уровню младенческой смертности»

Ирина Стуканёва

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ МИРА И ВОЙНЫ

Предисловие Виктора Кагана

С Ириной Стуканёвой мы знакомы несколько лет по моим мастерским в Одессе — это около 100 часов совместной работы — и общению в Сети. Она живёт в Лисичанске, который в апреле-июле 2014 г. был в активной зоне вооружённого конфликта на востоке Украины. На столе у меня печальный и дорогой подарок — осколок снаряда с её двора. Четыре месяца войны на планете, за всю известную историю которой едва ли по крохам наберётся сто лет без войн, это много или мало? В масштабе истории почти ничто. В масштабе человеческой жизни, которой за четыре месяца можно лишиться столько раз, сколько в четырёх месяцах секунд, это вся жизнь. Любые свидетельства жизни ценны тем, что человеческое в них не заслоняется историческим и не растворяется в нём — не человек в призме истории, а история в призме человека. Недаром растёт интерес к таким личным свидетельствам — см., например, <http://prozhito.org/>

Но заметки Ирины ценны и интересны не только этим. Она психотерапевт, т.е., человек не просто выучившийся психотерапии, а и в жизни психотерапевт. Не в смысле того, что иногда едко называют психоложеством — перетолмачиванием всего и вся в мудрёные психологические словеса с непрерывным токованием на психологические темы и назойливым просветительством. Но в том смысле, что психотерапевт — человек, работающий собой — не перестаёт быть психотерапевтом, выйдя из кабинета. В жизни он просто человек, которому ничто человеческое не чуждо, однако позволяющий себе трудную и счастливую роскошь ученичества у жизни, прислушивающийся к диалогам внутри себя между профессионалом, мужчиной/женщиной, матерью/отцом, дочерью/сыном и т.д. и их диалогам с миром и жизнью.

Заметки Ирины не теоретизирование и не популярный рассказ о психотерапии, в них не стоит искать истин и рецептов. Они приглашают читателя присоединиться к её внутренним диалогам. Читая их, я, кажется, слышал её голос, чувствовал, как у неё перехватывает дыхание, радовался её открытости и открытиям, в чём-то соглашался, в чём-то не очень, но это был живой и много мне давший разговор. Надеюсь, такой разговор состоится и у читателя — у каждого свой, но тем и интересный.

Виктор Каган

Боюсь ли я смерти? Да, боюсь. Боюсь того, что стану немощной и не смогу сама ухаживать за своим телом. Боюсь, что какие-то мои дела останутся незавершёнными. Боюсь, что моя смерть может причинить боль людям, которых люблю.

Как с этим справляюсь? Если о теле, это здоровая забота о нём. Она не гарантирует бессмертия, но наполняет мою жизнь сегодня, сейчас прекрасными физическими ощущениями. Если о делах, я стараюсь делать каждый день что-нибудь полезное для себя, своей семьи, общества, в котором живу. И я верю, что это отражается на мире в целом, наполняя тем самым мою сферу смыслов. Если об отношениях, понимаю, что близкие мне люди со мной не навсегда — это позволяет мне бережно относиться к ним, говорить «Люблю», не дожидаясь особого случая, показывать им делаю, заботой, как они дороги мне.

Мне очень нравится ответ Франсуазы Дольто детям на вопрос о смерти: «Мы умираем лишь тогда, когда перестаём жить». За простотой этих слов для меня открывается во всей его глубине смысл существования: смысл жизни — в самой жизни.

Иногда клиенты, особенно в состоянии глубокой депрессии, задают вопрос: «Зачем жить, если я всё равно умру?». Я спрашиваю их: «Ради чего вы просыпались сегодня утром? Что заставляет вас жить, если жизнь такая безнадежная штука?».

Разговор о смерти — всегда разговор о жизни. «Чем меньше удовлетворённость жизнью, тем больше тревога смерти», говорит Ирвин Ялом.

Неудовлетворённость, сожаления, чувство безысходности — спутники страха смерти. Заканчивая терапию, бывает полезно спросить: «Что вы сейчас, сегодня можете изменить в своей жизни, чтобы через год или пять лет, оглянувшись назад, не испытывать сожалений?» — помочь пациенту почувствовать себя автором своей жизни. Смерть — важная часть жизни, напоминание о том, что моё существование не может быть отложено.

Приходит боль всегда в незванный час.

Так долго он, что кажется неволью:

Не мы — она испытывает нас

На то, чтоб не хотелось делать больно.

Увы, но цену жизни и любви

Познать возможно только в этой школе,

Где люди вновь становятся людьми,

Пройдя урок у нестерпимой боли.

Эльдар Ахадов

Душевная боль Боль она и есть боль. Мы испытываем её, а она нас: мы её переживаем, она испытывает нас на прочность.

Как это было у меня и что мне помогало? Это — моё, у других может быть иначе. Но, возможно, в ком-то отзовется.

Очень условно я бы назвала способы переживания душевной боли мужским и женским — это не относится к гендерным различиям, так могут реагировать на боль и мужчины и женщины.

Мужским способом — стиснуть зубы и терпеть, ждать, когда переболит, я пользовалась довольно часто в своей жизни. Это очень энергозатратно. Силы уходят на то, чтобы сдерживать свои переживания — блокировать боль, не дать ей вырваться из-под контроля. Бонусом было: «Я — сильная», и «коня на скаку» и в «горящую избу». Минусом — разрушение: запрет на переживание — разрушение целого.

С недавних пор научилась переживать боль по-женски. Если в двух словах, то нежно к себе, бережно. Сама себе становлюсь заботливым, даже опекающим родителем. Сама себе мама. Как заботливая мама относится к ребёнку, которого она любит и у которого болит? Жалеет, позволяя то, что обычно не поощряется — поваляться подольше, подурчиться, почитать за полночь ... Вот и я себе позволяю:

— первое и основное — испытывать боль. Это какое-то понимание и принятие себя в этом состоянии: «Тебе может быть больно, потому, что ты — живая».

— порадовать тело — отдохнуть побольше, разрешить себе что-то вкусное, погулять, принять массаж или ванну.

— отложить на потом какие-то дела из тех, что *надо*, и позаниматься тем, что *хочу, люблю* - вязание, вышивка, рисование, лепка.

— отдаться хорошей книге, фильму, молитве, медитации.

— созерцать — быть в текущем моменте, чувствуя, видя, слыша, осязая его: красивое дерево, мимо которого в другое пробегает, не видя; свечение завитка на виске ребёнка; голос птицы; тёплую шершавость скамьи ...

— не общаться с неприятными мне людьми и быть ближе с приятными, например, попросить близкого человека выслушать меня, обнять, погладить или вместе чем-то душу порадовать.

Боль это то, что может случиться с каждым. Кто-то сказал, что жить по-настоящему больно. Главное, чтобы она не становилась мешающим жить симптомом разлада жизни.

Сегодня мне приснился сон. До сих пор под его впечатлением. Несла на руках окровавленного, израненного ребёнка. Бежала куда-то с ним. Прижимала к груди. И сама была этим ребёнком. Шквал очень сильных переживаний.

О чём он? Думаю, обо мне и моём Внутреннем Ребёнке.

Ко мне на терапию приходят разные люди, с разными трудностями, судьбами, разным детством. Но то общее, что объединяет всех моих клиентов, это травмы из детства. Как ни удивительно, практически в каждом из нас живёт маленький травмированный ребёнок. Это большое счастье, если у человека было по-настоящему счастливое и свободное детство — если его любили, принимали, позволяли быть собой, не втягивали во взрослые игры, не манипулировали им и не использовали как инструмент манипуляций, не игнорировали его потребностей или не подавляли их сверхзаботой.

К сожалению, я не знаю таких людей. Моё детство при всей его хорошестьи тоже не было из ряда безоблачно счастливых. Я психотерапию своего Внутреннего Ребёнка проходила уже взрослой в психотерапевтической группе. Это были очень сильные впечатления и открытия. Открытия себя в себе и для себя. Они даются нелегко и требуют времени — на сессии могут плакать женщины и мужчины, успешные бизнесмены и жёсткие руководители, но это слёзы, освобождающие от напряжения, хранившегося в душе подчас не один десяток лет. Однако эти откры-

тия стоят того, потому что, не зная своего Внутреннего Ребёнка, я не знаю и не понимаю себя. Он радуется жизни и хочет жить, с улыбкой и надеждой смотрит в будущее. И, может быть, во сне не я его, а он меня взрослую выносил на руках из чего-то страшного. Он возвращает мне в трудные моменты ощущение радости жизни просто от того, что я есть» и жизнь есть.

Сегодня была на плановой проверке у доктора. Сдала анализы. Результат будет через неделю. И вот вспомнилось ...

Три года назад во время профилактического визита к гинекологу после его подозрений относительно состояния моего здоровья меня также отправили сдавать анализы. Подозрение на онкологию.

Как потом было? — Страшно и больно.

Многочисленные анализы. Тревожное ожидание результата. Месяц в областной онкологической клинике. Операция. И снова тревожное ожидание результата.

И счастье! Дикое счастье и радость от того, что всё обошлось на этот раз! Я, сдержанная и внешне уравновешенная все эти дни ожидания, бросилась на шею доктору, которая принесла мне известие о том, что «всё в пределах нормы». Тискала уставшего врача в объятиях и редела от счастья, как белуга. И вся наша женская палата вместе со мной радовалась и редела. Такие уж мы — женщины: можем выносить невыносимое, а можем раскисать в самый казавшийся бы неподходящий момент.

Онкология это то, что может случиться с каждым. Никто не застрахован. Ни что не может быть гарантией.

Когда я впервые попала в областной онкологический центр, удивилась огромному количеству людей там. Мужчин, женщин. Ходишь по улице и не задумываешься о том, что кто-то может болеть. А здесь ... огромная концентрация горя. И надежды.

Месяц в больнице. Где не все выздоравливают. Что видела? Что поняла?

Люди по-разному реагируют на жизнь. На смерть почти у всех схожая реакция — страх. А диагноз *рак* — прямое соприкосновение с этим страхом.

Мои подруги по палате. И по несчастью.

Надя. О таких говорят *кровь с молоком*. Лет сорока. Всю жизнь прожила в деревне. Много работала. Горевала, что пролёживает бока на больничной койке. Возмущалась тем, что много всяких анализов и всё так долго. Порывалась уехать домой: «Муж там другую приведёт, пока я тут валяюсь». И когда узнала, что диагноз подтвердился, таки уехала. Просто уехала, сказав: «Будь, что будет».

Валентина Ефимовна. Под восемьдесят. Интеллигентная, очень вежливая. Измученная прошедшей операцией и двумя химиями, которые не остановили метастазов. Назначили облучение. Тихонько плакала по ночам. Говорила: «Я не вынесу боли. Умереть бы без боли».

Галя. Пятьдесят лет. Дочь, которую воспитывала одна без мужа. Худенькая, как девочка. Она давно знала, что с ней что-то происходит — несколько раз забирала с работы, потому что теряла сознание. Откладывала визит к врачу до последнего. Для неё, живущей в небольшом посёлке, это была целая история — поехать в город, бросив на целый день дом, работу, хозяйство. «Авось обойдётся», говорит, думала. Её привезли с кровотечением, которое останавливали в течение нескольких

суток. Потом назначили курс облучения. Потом должна была быть операция. Она всё говорила: «Деньги у меня есть. Я зарабатывала и откладывала. Для дочки. Но как она будет без меня?».

Инна. Двадцать четыре. Вторая химия. Сидя под капельницей (лежать она не могла — её тошнило), с яростью и болью: «Пусть уж меня прооперируют! Пусть выбросят матку и все эти женские органы, где завелась эта зараза! Я не хочу детей! Я не хочу ничего! Я не могу уже это терпеть!»

Людмила Петровна. Под шестьдесят. Очень кроткая. В прошлом главный бухгалтер крупного предприятия. После операции несколько лет назад ушла с работы. Повторная операция. Назначили облучение. Ходила в церковь, что на территории больницы. Молилась. Говорит: «Значит Богу так было угодно. Раз он дал мне такое испытание, значит даст и силы его вынести».

Света. Моя ровесница, на тот момент — сорок шесть. Дизайнер одежды. Она не лежала в нашей палате, но часто заходила поговорить, поддержать. И словом и просто собой: «Смотрите, мне сказали, что я должна была умереть, а я живу!».

Я... Я замкнулась в своём одиночестве и страхе. В том одиночестве, когда ты один на один со смертью. Не с какой-то эфемерной смертью, а со своей. Близкие люди поддерживали как могли. Но страх, будто стальной цилиндр. Я — здесь, в больнице. А они — там, снаружи. И чем больше я уходила в себя, тем прочнее, непробиваемее становились стены этого цилиндра. Мало из того, что происходило вне его, я видела и слышала.

Мои близкие тоже страдали. И не знали, какие слова мне говорить. Очень мало кто знает правильные слова в таком случае. Да я и сама не знала.

Просто почувствовала, что говорить с тем, кто смертельно болен, важно и нужно. Говорить обо всём. О жизни и о смерти. Слушать, быть рядом. Когда такие разговоры происходили у нас в палате, когда я слушала и говорила, когда поддерживала и успокаивала, когда сочувствовала и сопереживала, и видела, что человеку легче становится, тогда и тиски моего собственного страха будто разжимались. И я могла воспринимать заботу о себе. Легче становилось.

В моём случае, помогая другим, я помогала себе. И училась к заболевшему, даже смертельной болезнью, человеку не относиться так, будто он уже умер. Быть рядом настолько, насколько это возможно. Сочувствие, сострадание, сопереживание, поддержка — всё это важно. В простых словах и действиях. Как умела. И не бросаться в другую крайность, когда из самых лучших побуждений, я бы решала, что было бы лучше для больного. Училась слушать и прислушиваться, не подменяя человека в решениях, не унижая его покушением на его право жить и проживать его — пусть теперь и недолгую жизнь.

Прожив, наверно, больше половины жизни, никогда не думала, что в неё придёт война.

Самый, пожалуй, большой пережитый мной страх — потеря опоры, уход почвы из-под ног. Опора это некая стабильность. Это уверенность в завтрашнем дне. Во время войны почва становится зыбкой. Когда видишь смерть или изувеченных войной людей, понимаешь насколько хрупка человеческая жизнь. Рушатся налаженные связи — и деловые и даже родственные. Уклад жизни, который сло-

жился. Дома рушатся. Нет надёжности, что кто-то тебя, твою жизнь, защитит или спасёт от осколка или пули. Всё разрушающее кажется огромным, а ты сам — маленьким перепуганным ребёнком. Всё непредсказуемо и ты не можешь заглянуть в будущее. Даже в завтра.

Много чувств захлёстывает тебя — тревоги, обиды, вины, злости, безнадёжности, страх смерти. Почему это случилось со мной? За что мне это всё? Кто виноват? Что делать? Как жить дальше?

Ищешь виноватых, злишься на себя или на других. Чувствуешь, что это разрушает тебя, а выхода всё равно нет. Будто варишься в этой безысходности, а крышка котла как была закрыта, так и остаётся. Заметила, что, когда такое вокруг, больше ссор на ровном месте. От взаимных обвинений в социальных сетях до ссор между соседями, родственниками. И повод находится. Думаю, что срабатывает некий предохранительный клапан — выпустить пар.

Что помогло мне самой справиться с ситуацией и что помогает моим клиентам переживать их тяготы и трагедии, это надежда. И, да, у меня есть надежда, что то, чем в этих заметках делюсь, возможно, будет кому-то полезно.

Для меня война это крах иллюзий незыблемости внешнего мира. И в то же время это открытие стойкости, устойчивости, жизнеспособности моего мира внутреннего.

«Если человек научился понимать и чувствовать ценностное содержание жизни, то условия, в которых протекает жизнь, становятся для него до определённой степени вторичными. Перефразируя Ф. Ницше, Виктор Франкл сформулировал значение этой идеи в знаменитой фразе: «Тот, кто знает, *зачем* жить, может выдержать почти любое *как*», — говорит Альфред Лэнгле.

Что мне помогло и помогает мне справляться с ситуацией? На самом деле ничего волшебного и нового. Думаю, что вообще-то каждый знает об этом, но в стрессе это знание отснесается куда-то на задний план.

Злость, тревога, растерянность, страх, отчаяние раздирали меня. Я не хотела испытывать их и не могла от них отделаться. Даже думала, что ненормальная. Пока не поняла, что ненормально — это война, а творящееся со мной — нормальная реакция на ненормальные обстоятельства. Поняла и приняла. И стала жить в войне ей наперекор. Жить — сегодня, сейчас. Жить — в полную жизненную силу. Жить — в самом широком смысле этого слова.

Мне повезло в жизни — я появилась на этот свет в любви. То есть, у меня были любившие меня мама и папа. И я это чувствовала. Ребёнок, даже очень маленький, точно чувствует любят его или нет. Так вот, меня — любили. Моя мамавселенная улыбалась мне и заботилась обо мне. И, я, конечно же пользовалась этим своим положением центра вселенной, вокруг которого всё вращается.

Как пользовалась? Училась принимать любовь. Напитывалась ею. Чему-то сопротивлялась: «Это зачем ещё шапку надевать — тепло же на улице?», «Это почему ещё в девять домой, я маленькая, что ли?», «Это вам нужен этот институт, а не мне!» и в том же духе.

Это много позже я поняла, что родители любят меня так, как сами научились этому в своей школе любви. А я могу «брать у них уроки» и в свою жизнь нести то, что мне подходит, и не брать то, что мне не подходит.

Думаю, самое важное, что я усвоила, это то, что я имею право быть счастливой. И это усвоение не через вдалбливание и заучивание произошло. Это произошло через то, что я видела свою мать счастливой. Счастливой женщиной, счастливой женой, счастливой мамой, счастливым человеком. Как говорит Эрих Фромм: «Молоко это символ первого аспекта любви — заботы и утверждения. Мёд символизирует радость жизни, любовь к ней и счастье быть живым. Большинство матерей способны дать *молоко*, но лишь меньшинство даёт также *мёд*. Чтобы быть способной давать мёд, мать должна быть не только хорошей матерью, но и счастливым человеком, а эта цель достигается немногими».

Ребёнок по жизни зависим от родителей — тем больше, чем он младше. Но мои родители делали эту зависимость тёплой и помогающей, не мешая расти из неё привязанности. Они не боялись перелюбить меня. Наверно, чувствовали, что перелюбить невозможно — можно только недолюбить. «Независимость — продукт взросления, — пишет Гордон Ньюфелд, — Наша задача как родителей — удовлетворять детскую потребность в зависимости. Когда мы справляемся с нашей работой по удовлетворению их потребности в зависимости, природа прекрасно справляется с их взрослением...». И сегодня я говорю тем, кто приходит ко мне за помощью: не бойтесь любить — придёт время и ребёнок сам откажется от вашей груди, уйдёт в свою детскую комнату, а потом и в свою жизнь.

Именно тогда, в детстве я почувствовала любовь и внутри себя. Я любила маму и папу. Это было взаимно и с этим всё было хорошо. Но ещё я узнала о любви три «страшные» вещи, которые были для меня открытиями о соприкосновении любви и справедливости.

Первое такое важное открытие — любовь, оказывается, не от ума. То есть, я влюбилась в двоечника по каким-то неведомым моему разуму критериям, он меня игнорировал, а я всё равно любила и страдала. Нравилась я другому мальчику, а он мне нет. Вот где логика?

Второе, не менее важное — любовь может быть невзаимной. Этот двоечник на меня внимания не обращал и «ходил с другой девчонкой», хотя я, между прочим, писала сочинения за него и списывать давала. Вот где справедливость?!

Сейчас, спустя много лет я всё ещё сочувствую себе той, глубоко переживающей, что другой человек может и не любить меня в ответ на мои чувства. И мне не кажется всё это глупым. Чувства и переживания — они самые настоящие были, взрослые. А ещё и невозможность рассказать об этом кому-то близкому. Я тогда дневник свой первый в жизни начала вести. Думаю, это и помогло справиться. Крупные округлые буквы детского почерка: «Я люблю мальчика, который меня совсем не любит...» Это в пятом классе было. И всё было по-настоящему.

Третье открытие — другие могут не любить то, что я люблю. А мне может не нравиться то, что нравится другим.

По сути, там в детстве, на первом этапе школы любви, кроме усвоенного урока и умения принимать любовь, были в меня заложены первые кирпичики умения делиться любовью.

Пришло время и я полюбила так, что захотелось соединить свою жизнь с другим человеком. Захотелось, чтобы мы засыпали вместе и просыпались вместе. Захотелось заботиться и принимать заботу. Просто вместе жить захотелось.

Я не буду говорить, что всё было как в сказке. Было по-разному. Мы пришли каждый из своих родительских семей, с внушительным багажом за плечами, со своими личными опытами любви и нелюбви. И то, чему я научилась, и всё ещё про-

должна учиться — это умению договариваться. Умению находить баланс между любовью и справедливостью. Умению чувствовать, прислушиваться к себе, к своим потребностям и говорить о них, в то же время уважая потребности другого. Находить компромиссы. На этой второй ступени моей жизненной школы любви, я постепенно научилась давать любовь, ничего не требуя взамен. И когда я стала мамой, когда наступил мой черёд дарения любви, мне это умение пригодилось.

Не знаю, получалось ли у меня всегда быть хорошей мамой, но то, что наш сын вырос хорошим человеком, а мы с мужем по-прежнему вместе — даёт мне веру в то, что по большей части получилось найти здоровый баланс и в воспитании сына, и в своей жизни в это время.

Мне нравится понятие *достаточно хорошая мать*, введённое британским психотерапевтом и педиатром Дональдом Винникоттом — это как раз о балансе. Об умении обнимать, быть с ним, но и не мешать ему быть с самим собой. Жаль, что я о нём в период своего раннего материнства не знала. Я тревожилась о том, как я сейчас понимаю, что не соответствовала своим каким-то представлениям об идеальной маме.

Приходилось учиться быть не только мамой, но оставаться женой и женщиной. «Мать может быть достаточно хорошей только в том случае, когда она не поглощена материнским образом полностью и демонстрирует (в хорошем смысле), что, несмотря на ту заботу, которой она окружает ребёнка, она не отказывается желать как женщина» (Жак-Алан Миллер).

Когда сын вырос, покинул родительское гнездо, это был момент кризиса. Вдруг после 17-ти лет пребывания в роли мамы и папы мы оказались снова лицом к лицу — муж и жена, мужчина и женщина. С другой стороны, это было шансом вспомнить полученный ранее урок умения делиться любовью с близким человеком, узнавать, открывать его для себя каждый раз заново.

Освободившаяся часть энергии моей жизни требовала ответов на вопросы: «Кто я? Кто я ещё? Кто я, как человек?». Именно в этот период у меня произошёл пересмотр ценностей. Не переоценка, а расширение: «Что ещё я могу добавить к своей жизни, чтобы чувствовать себя счастливой?». Я открыла для себя благотворительность. Благотворительность в самом широком смысле этого слова — давать часть себя, своей деятельности, своей энергии, своих мыслей другим людям. Дарить благо во благо.

Было очень глубоким и очень трогательным открытие того, что я — часть чего-то большего, чем только я сама, часть этого мира и этой жизни, которая была до меня и будет продолжаться после меня. Вижу и знаю, что многих конечность жизни пугает. Но мне это, наоборот, прибавляет сил, придаёт смысл и важность моей жизни. Всему, что в ней происходило, что происходит и что ещё будет происходить.

И ещё понимаю, что никогда не смогу сказать: «Я научилась любить». Нет, всё ещё учусь и этого занятия хватит на всю оставшуюся жизнь.

Ловлю себя на ощущении, что восприятие жизни в войну стало иным. В любой момент всё может измениться. Радость от простых вещей. Яичница — вкуснее. Тишина, птички за окном — слышнее. «Привет» от близких — дороже. Я боюсь всё это потерять в один миг. Боюсь, потому что знаю, как это может быть. И удив-

ляюсь себе, если честно: «Так же всегда и было и есть» — мы же смертны. И иногда внезапно смертны. Почему только *угроза потерять* обращает внимание на то, что есть? На здоровье, когда болен. На отношения, когда в ссоре. На работу, когда её нет уже. На жизнь... эээх... Здесь. Сейчас. Именно в это мгновение происходит моя персональная, уникальная и неповторимая — **моя** жизнь. Если чувствовать это, обращать на это своё внимание, осознавать, переживать ценность момента, то думаю, что не будет "мучительно больно" потом.

Сторожевые пункты памяти откликаются на любое напоминание о войне.

Поехала к сыну в Харьков. Там, выходя из метро (пока ехала, погода поменялась) и услышав гром с неба, чуть не грохнулась на землю. Грохот с неба напомнил мне о грохоте, который сопровождает взрывы. Нужно было время, чтобы привести себя в нормальное состояние.

Там же в Харькове, в квартире сына вдруг слышу с улицы разрывы. Реакция: «Боже, и здесь началось». И паника: «Что делать? Как сохранить себя, близких?». Оказалось — петарды. Просто суббота и, наверно, у кого-то праздник.

Спустилась в погреб, банку с полки снимаю, а там заколка для волос, забытая женщиной, которая пряталась с нами, летом, в погребе. Мелочь вроде бы, а целый поток чувств за ней.

Чтобы восстановиться до уровня *нормально жить и работать*, воспользовалась психотерапией. Я просто знаю (и как клиент, и как психотерапевт), что наиболее короткий и наименее болезненный путь к восстановлению после травмы — психотерапия. Поэтому и воспользовалась им. Несколько месяцев личной терапии. После этого смогла работать с клиентами, не опасаясь ободрать о них душу или начать ими лечиться.

Тема «Травмы войны» стала интересна. Много читала об этом. Прошла обучение у итальянского психотерапевта Сильвии Кауззи — у неё огромный опыт работы с потерпевшими от стихийных бедствий и катастроф. Есть и кое-какой свой опыт работы с пострадавшими от войны людьми — на волонтерских условиях работала как психолог в травматологическом отделении нашей больницы.

Но самое ценное это мой собственный внутренний опыт. Думаю, что он для тех событий, что случились, чуть ли не единственный: я всё же психотерапевт, который оказался в зоне боевых действий просто как человек, как многие другие мирные люди.

Не знаю, соберусь ли с духом, смогу ли и когда, но хотела бы написать книгу «Травмы войны: опыт психотерапевта и человека».

Счастье может быть таким простым и доступным — уткнуться носом в шею и заснуть на плече любимого человека, гладить для него рубашки и готовить котлеты, а потом смотреть, как он эти котлеты с удовольствием уплетает. Счастье — проснуться от звука ливня за окном и смотреть как серебряные струйки спливают небо и землю в единый мир. Счастье — позвонить сыну, узнать, что у него всё в порядке, и в конце разговора услышать: "Я люблю тебя, мам". Счастье — узнать,

что давление у отцов сегодня в норме. Счастье — чувствовать мышцы своего тела и его желания. Счастье — делать свою работу, отдаваясь ей всем сердцем, но понимать: вот здесь она заканчивается. Счастье — встречаться с друзьями, общаться. Счастье — строить планы на завтра, хотя бы на завтра, и мечтать о чём-то большем. Счастье — чувствовать, думать, ощущать. Я острее чувствую счастье от *просто быть*, от *жить* тогда, когда вспоминаю, что всё это может перестать. В любой момент. Счастье — это просто, на самом деле. А кто сказал, что должно быть сложно?

Когда-то давно прочитала рассказ. Там девочка ждала своего шестнадцатилетия. Зная время, в которое она родилась, она встала перед зеркалом и ждала момента, когда щёлк — и уже шестнадцать. Ждала изменений. Каких-то признаков внешних. И вот щёлк ... а ничего не случилось. Из зеркала на неё смотрела всё та же — пятнадцатилетняя.

Дерево, когда растёт, меняется. Становится выше, сильнее. Ствол толще. Если взглянуть на срез, можно увидеть годовые кольца — год, два, десять ... больше. Но они остаются внутри дерева — и первый, и пятый, и сердцевина. Думаю, с человеком что-то похожее происходит. Где-то внутри живёт пятилетняя девочка ... и десяти ... и двадцати. Она никуда не девается. Другое дело, что не всегда вижу, слышу, и чувствую её. Не всегда внимательна к ней, как, впрочем, не всегда была внимательна к сыну.

Я не всегда была внимательна к себе. Запросто могла шикнуть на себя, одёрнуть или даже прикрикнуть (ага, чаще именно голосом родителей): «Не высовывайся! Тебе, что, больше всех надо?! Помолчи! Потом!». Закодированное в этом послание: "Я — это неважно".

Так вот, самым главным осознанием, которое со мной случилось, было: "Я — это важно!". Послание о самооценности. Во всём огромном мире нет второго такого человека — с таким же набором мыслей, чувств, жизненным опытом. Есть похожие, но второго такого нет. "Нет на Земле второго Вас!" (М. Цветаева). Когда я это поняла, заужала и полнобила себя и свою жизнь. Стала более чуткой стала к себе, своим желаниям и потребностям во всех сферах жизненных. И изменения не заставили себя долго ждать. Как-то сам собой нормализовался вес, потому что за ненужностью отвалилось много излишеств. От работы получаю удовольствие — занимаюсь тем, что мне нравится, и мне нравится то, чем я занимаюсь. Вышла из отношений, где меня не ценили, а оценивали, обманывали, манипулировали и пользовались. И появились другие — где взаимное уважение и любовь. Если о смыслах, то ценность моей жизни придаёт ценности смыслам, которые в ней нахожу. У меня много планов на будущее. Когда ты важен сам для себя, то отношение к собственной жизни другое — чуткое и уважительное. И отсюда чуткость и уважение к жизни и потребностям другого человека. Думаю, всё начинается с себя и любви.

И никогда не поздно вернуться к этому началу, пока живой. Можно восстановить связь с собой, со своей жизнью, если вдруг чувствуешь, что она перестала нравиться, приносить радость. Эта безрадостность, кстати, верный знак того, что что-то в жизни разладилось. Из разлада выходишь, когда поворачиваешься к жизни и спрашиваешь себя: "А почему так? Почему моя жизнь мне не в радость? Для чего мне жить без радости?"

Странные мы люди... Живём всё время ожиданием чего-то. Весны, осени, отпуска, пятницы, чуда. Переезда в другой город или смены работы. Ждём, когда закончим школу или институт. Когда женимся, выйдем замуж или когда вырастут дети. Ждём, что вот-вот, совсем немного осталось и мы наконец узнаем как правильно жить, чтобы быть счастливыми. А ответ на это наше «Как?» всё ускользает и ускользает. И жизнь тоже ускользает в этом ожидании... Странные, потому, что не понимаем того, что самое главное чудо с нами уже случилось и случается каждый день. Каждую секунду. Жизнь с нами случается! Удивительное чудо жизни. И каждый её день неповторим. Каждый рассвет и каждый закат. Каждый миг жизни живётся один раз! Эта мысль о неповторимой уникальности каждого мгновения жизни добавляет радости в его проживание. Я чувствую себя счастливой именно сейчас. Просто потому, что живу.

«Свобода это не политическая идея, не философское понятие, не общественное движение. Свобода это волшебное мгновение, измеряемое длительностью выбора между двумя словами: да и нет» (Октавио Пас).

Свобода выбора — что это? Я не могу остановить бег времени. Знаю, что рано или поздно умру. Знаю, что не умею летать, как птица, как бы мне этого ни хотелось. Свобода моих желаний не беспредельна. Есть ещё сотни, тысячи разных *не могу*, но я не перестану от этого быть свободной. Свобода — в моей способности выбирать из существующих в реальности моей жизни вариантов. Выбирать и нести ответственность за свой выбор.

Осознанность выбора и есть для меня свобода. Ценность моего выбора в том, что я сознательно выбираю одно, хотя могла бы выбрать другое. Это не всегда просто — быть ответственным за свой выбор. Гораздо проще переложить ответственность на других. На родителей, на обстоятельства, на начальника, на партнёра, на погоду... История моей жизни может определять мой выбор, но даже она не лишает меня возможности выбирать.

А как быть с чувствами, они ведь *просто случаются*? Однако то, как поступить со своими чувствами, выбираю я. Вот кто-то зло шутит надо мной, но разозлиться или рассмеяться — мой выбор. Выбор есть всегда. Мой собственный выбор. Даже отказ от выбора — выбор. Да, он обусловлен нормами морали, культурой, воспитанием. Но это не ограничения, а принципы, критерии, согласно которым я делаю свой выбор.

Мне приятно думать, что я могу выбирать, могу быть свободной.

Сына уезжает сегодня ... грущу. Но это лёгкая, светлая грусть. Грусть от расставания с близким мне человеком. Когда он поступил в университет и уехал жить в другой город всё было иначе. Тревожнее.

Первое, с чем столкнулась, это изменения атмосферы в семье. 17 лет мы с мужем были в ролях мамы и папы и тут вдруг оказалось, что мы ещё муж и жена.

В психологии этот непростой период семейной жизни называют синдромом опустевшего гнезда. Я поначалу три тарелки к обеду на стол ставила. По привычке. Было непросто. Вроде бы заново знакомилась с мужем. Но это время позволило мне понять и открыть для себя, что сын это не единственное, что нас связывает, что я люблю и ценю этого человека не только за то, что он отец моего ребёнка, а просто за то, что он это именно он. Папой и мамой мы быть не перестали, но у нас появилось больше времени для себя и друг друга.

Распорядиться этими временем и энергией можно было по-разному. Я пошла получать второе высшее образование, а муж завёл собаку. Для нас обоих это стало расширением, помогавшим осваиваться в изменившейся жизни.

Ещё один момент того времени — больше материнский. *Момент отпусания*. Первые дни, когда сын уехал, я и спать-то нормально не могла, всякие страхи мерещились о том, что с ним там случиться может в другом большом и незнакомом городе. Если что-то помогло, то, пожалуй, доверие. Да, оно. Себе, миру, сыну.

Я верю, что сын способен сам определять для себя *правильно и неправильно*, справляться со своей жизнью. За прожитое время вместе мы дали ему всё необходимое для этого. Я всегда буду рядом как человек, к которому он сможет обратиться с любой просьбой, и я помогу в меру своих сил и возможностей. Но только если это ему будет нужно.

Что точно не собираюсь делать, это проживать его жизнь за него, быть мамой из анекдота: «Сёма, не надо истерить, как девочка с положительным тестом! Мама прожила свою жизнь, проживет и твою! Поверь мне, она сделает это хорошо!».

Письмо себе 16-тилетней. Когда впервые услышала о таком приёме в психотерапии, не очень поверила — как это писать себе в никуда? Но вот вдруг захотелось ...

Привет, моя Ира!

Это так удивительно — писать тебе через время. Нас разделяет больше 30-ти лет!

Совсем не хочу давать тебе советы. Знаешь, ты очень правильно живёшь. Не потому, что ты не делаешь ошибок в своей жизни, а именно благодаря им и тем твоим выборам я сейчас такая, какая есть.

Твоя жизнь будет наполнена приключениями и интересными встречами. Ты много увидишь, узнаешь, проживёшь и переживёшь — не только радость и счастье, но и боль и горе, жизнь во всей её полноте и многообразии чувств.

Хочется сказать о чём-то самом важном. Я попробую.

Жизнь это ценность, своя и чужая. Самая большая ценность на Земле. Береги её.

Здоровье это то, о чём нужно заботиться самому. Самое время заводить здоровые привычки.

Любовь это жизнь. Люби и жизнь, и людей. Не скупись на любовь — она не уменьшается с годами.

Будь добра к себе и к другим. Будь щедра на добро. Оно всегда возвращается.

Честность — залог гармонии с собой. Постарайся не обманывать себя. Старайся быть верна тому, что тебе дорого. Это не значит, что ценности не могут измениться с годами. Это значит, что ради изменившихся ценностей не стоит предавать прежние и себя.

У тебя будут новые друзья и это здорово. Но новых старых друзей не бывает. Береги тех, кто уже есть в твоей жизни.

Верь — в Чудо, в Бога, в Природу, в Мироздание, во что-то большее, чем ты сама.

Помни о семье, о роде как о твоих корнях. Помни жизненные уроки как опыт, который приобрела.

Красота есть во всём — в природе, искусстве, музыке, человеке, во всём. Смотри и слушай. Чувствуй. Умей наслаждаться ею.

Отношения — любви, разны — это возможность глубже узнать себя. Знания не вытряхнутая из книг в голову пыль, а вдохновляющая новизна. Поэтому учись.

Надежда — великая сила. Не теряй её!

А ещё я хочу сказать тебе, что здесь, спустя тридцать лет по-прежнему всё так же ярко. Здесь так же влюбляешься и радуешься жизни.

Не бойся жить!

P.S. Ах, да, чуть не забыла — прекрати пудрить лицо и гримировать свою смуглость. То, что ты считаешь сейчас своим недостатком, на самом деле твоя особенность. И за неё тебя тоже будут любить. Ирина, 47 лет.

Вот такое письмо получилось. Если честно, то оно для меня самотерапия. Это и поддержка, и некая свёрка — живу ли я в согласии со своими внутренними ценностями.

В лексиконе моего папы прочно окопалось слово *ужас*. Вернее, не просто *ужас*, а *ужас-ужас-ужас*. По телевизору что-то в новостях сообщили — "это ужас". Снег, дождь, ветер, мороз — "это ужас". Простудился, оступился, поперхнулся — "это ужас". Тяжело мне, если честно, переубеждать его каждый раз. Он не соглашается, отстаивает свою точку зрения. Понятно, что между нами тридцать лет разницы, наполненных разным жизненным опытом, и он просто так свою "правоту" не отдаст. Решение нашлось неожиданно просто. Я предложила заменить своё слово "Ужас" на "Надо же!". Ему игра понравилась и дело пошло. Теперь он, когда собирается событие прокомментировать привычным "Ужас", вспоминает о нашей игре, говорит: "Ну, надо же!" и улыбка появляется. Сказали по телевизору, что грипп идёт — "Ну надо же!": значит, нужно подготовиться, профилактические меры принять. Доллар подпрыгнул — "Ну надо же! Опять, а мы это уже проходили". Дождь на улице — "Ну надо же, как быстро погода может меняться».

На языке позитивной психотерапии это расширение концепции. На языке общей психотерапии это замена невротического мифа на психотерапевтический.

Вот такое применение психотерапии в быту. Хотя, наверно, наши прабабушки и прадедушки умели это лучше нас до появления всяких психотерапий.

Недавно увидела в Сети материал о зеркальной терапии (отражение в зеркале здоровой конечности играет роль активного помощника в том, чтобы вызвать движение поражённой руки или ноги, уменьшить фантомную боль).

Подумалось, что такого рода самопомощь полезна и в психологическом плане для восстановления после потери значимых отношений, особенно когда утрата отношений воспринимается как потеря части себя. Фантомные боли души не менее мучительны, чем фантомные боли в теле. Лишившись важных и дорогих отношений, *мы на ногах устоять не можем, из рук всё валится*. И тогда имеет смысл посмотреть в зеркало других своих отношений, где всё достаточно хорошо. Какие отношения ещё (кроме утраченных) есть в моей жизни? За что я ценю существующие отношения? Чем они отличаются и в чём похожи? Какие мои способности помогают мне сохранять здоровые отношения? За что меня ценят в отношениях? За что могу себя поблагодарить во взаимоотношениях? Что я привношу в отношения? Что мне хотелось бы изменить, а что оставить в моих существующих отношениях? Что я могу сделать, чтобы улучшить значимые для меня отношения? Чему могу научиться у людей, которые проявляют себя в отношениях иначе, чем я?

Понятно, что здорово бы посмотреть и шире: «Что ещё есть в моей жизни, кроме утраченных отношений?», т.е. как бы вспомнить, что кроме «утраченной руки/ноги» есть ещё, например, и «голова».

Мне подарили прекрасную мысль о том, что тяжёлая болезнь это вызов человеческому в тебе. Она отозвалась на уровне тела (мне пришлось пройти через подозрение на онкологию и через операцию), на уровне души (она болит, когда вижу сейчас молодых ребят в 19-20 оставшихся без рук и ног) и на уровне духа (мой город, моя родина и сама идентичность "украинец" тоже сейчас проходит через это испытание).

Болезнь вызывает множество вопросов: Как я буду теперь? Найду ли место для себя в этой жизни? Узнают ли меня те, кто знал меня другим? Не стану ли я обузой? Будут любить и уважать или только жалеть? Как теперь буду относиться к себе, к людям и к жизни? Озлоблюсь? Буду обвинять? Сопьюсь? Поставлю крест на мечтах? Или сохранил свой человеческий облик в жизни, где добавилось ещё больше ограничений? Найду ли в себе силы оставаться человеком?

Болезнь это вызов человеческому в тебе» это к каждому — и к тому, кто болен, и к тому, кто волею судьбы оказался рядом с тяжелобольным. Чужая болезнь, инвалидность, горе — это вызов и моему человеческому. Как я буду проявлять себя рядом с больным человеком? Смогу ли принять другого в его болезни? Способен ли я, как человек, на сострадание? Какие чувства поднимаются в моей душе рядом с чужим горем?

*Страницу и огонь, зерно и жернова,
Секиры остриё и усечённый волос -
Бог сохраняет всё, особенно — слова
Прощенья и любви. Как собственный свой голос.
Иосиф Бродский*

И словами можно любить. Можно обнимать и согревать. Поддерживать, подбадривать. Можно давать надежду. Можно вызвать улыбку или слёзы.

Очень большая сила у слова.

Словом можно убить. Не в прямом смысле, конечно. Но, кажется, что в прямом. Или очень ранить. Обидеть. Унизить. Оскорбить.

Слово, особенно, если оно от близкого или значимого человека, попадает прямо в сердце. От близких не носишь брони.

Слово это перевод мыслей и чувств. «Скажи, чтобы я тебя увидел» (Сократ).

Я ведь могу так и не узнать о чём ты думаешь, что чувствуешь, если ты мне не скажешь. Просто потому, что я не умею читать твои мысли. И чувства твои со всеми их оттенками я тоже не всегда могу правильно истолковывать. Скажи мне, напиши мне. Я услышу или прочту и это мне поможет лучше понять тебя.

Если такой договор существует между двумя, то недоразумений и ссор по мелочам в отношениях гораздо меньше.

Слово как высший дар даровано людям. Дар и оружие.

Я очень чувствительна к слову. Говорю о себе, потому, что не могу знать, как это у вас. Могу улыбаться от "Привет, милая", могу быть тронута до глубины души обращением "Девочка моя", могу заплакать от слов, как от боли или сжаться в комок, как от удара.

Так, как раньше, уже никогда не будет — «Былое нельзя воротить — и печалиться не о чем» (Булат Окуджава). Поняв — душой, а не холодным умом — можно двигаться дальше. Спокойно так, без истерик понимаешь и принимаешь это как данность, как реальность. Иллюзия возврата в прошлое разрушает. Неприятие собственного возраста, к примеру. Или попытка вернуть былые отношения. Или, если в масштабах государств, вернуть СССР. Когда находишь в себе силы принять эту точку невозврата, от неё начинаешь строить будущее. Жить в своём реальном возрасте и теле. И улучшать это тело, чтобы было комфортно в нём. Строить отношения. Не воскрешать, а вот именно строить. Какими они будут — зависит от обоих, если это речь о тех, что уже есть или будут с другими людьми. Развивать собственную государственность. Всё это для меня — научиться жить в изменившихся условиях. Всё это для меня — жить в реальности, а не в иллюзиях. Всё это для меня — о **жить**. Прошлое не вернёшь, но из него можно брать опыт успехов и неудач для построения нового. Рачительный хозяин — он такой.

Сегодня ехала из соседнего Северодонецка на маршрутке. На блокпосту проверка. Все привыкли уже — в такое время живём. Мужчины выходят и показывают паспорта. У женщин паспорта когда проверяют, когда нет. В общем, так получилось, что я и ещё одна женщина стояли и нам пришлось выйти, чтобы мужчины могли выйти. Парень, который проверял, удивился:

— А чего это вы вышли?

— Пропускаем мужиков, — говорим, — чтобы не по головам.

— Вы стояли??? Эти двенадцать мужиков от 20 до 50 лет сидели, а вы стояли?!

Мальчик-вояка не агитировал, не стыдил и не виноватил. Он просто искренне удивился. Когда мы вернулись в маршрутку, часть мест была свободной. Не сядились мужчины. Стояли. Один из них, обращаясь ко мне сказал: "Сядите, бо вони соромляться".

Я очень благодарна этому парню неизвестному. Худюшему. В запылённой военной форме. И маме его благодарна, что воспитала его таким. Бескультуре у нас в культуре, как ни больно это признавать. Я сейчас даже не о тех мужчинах, что сидели, я о себе. Меня же несколько не удивило, что мне как женщине мужчины место в транспорте не уступили. То есть, я привыкла к этому бескультурию настолько, что оно меня не то, что не цепляет, я его даже не замечаю. А вот того паренька цепляет. И он лучше меня. В этом лучше. И мне очень хочется верить, что за такими вот мальчишками будущее. И, что, глядя на них, и другие будут "соромиться".

Просыпаюсь и радуюсь новому дню. Тихая такая радость, похожая на нежность. Кажется, что она просыпается вместе со мной. Варю кофе. Чувство неперенятия — когда же он сварится? Пью. Наслаждаюсь вкусом. Читаю новости. Злюсь, тревожусь, отчаиваюсь, сострадаю, сопереживаю. Чувствую отчаянье, раздражаюсь, возмущаюсь. Гнев, ярость. Печаль, грусть, безысходность. Ненависть. И надежда. Кормлю птиц. Чувствую благодарность и умиротворение. Восторг. Просто от жизни. Слышу грохот канонады. Тревога. Беспокойство. Страх. Даже ужас от того, что так близко. Звонок от брата: "Ира, давайте к нам". Он живёт в соседнем Северодонецке. Тепло. Чувство близости и благодарности. Разговор с папой. Любовь, уважение. Беспокойство. Тревога: "Папе завтра 79. Каким он будет завтрашний день для него и для всех нас?"

Когда думаю о том, что уже случилось в моей жизни или предполагаю, что случится, тоже отзываюсь чувствами: смущение, разочарование, отвращение, интерес, расположение, опустошённость. Неловкость, жалость. Вдохновение, воодушевление. Стыд, вина, обида. Предвкушение. Счастье. Досада. Неприязнь. Растерянность. Горечь. Усталость. Душевная боль. Принятие. Спокойствие. Доверие.

Чтобы чувствовать жизнь, её живое течение, мне важно чувствовать мои чувства. Самые разные. Распознавать их, переживать и проживать. Прислушиваюсь к себе. Учусь честно и, по возможности, экологично выражать свои подлинные чувства и это добавляет ясности в отношениях. Учусь не подменять одно чувство другим. Учусь уважать свои чувства и не корить, не винить себя за них, даже если какие-то из них на мой взгляд "недостойные". Когда я уважительно отношусь к своим, то и к чувствам других людей у меня такое же отношение. Разрешить себе чувствовать — ты имеешь право на все чувства мира!

Самое непереносимое для меня — это чувство беспомощности, бессилия. Оно возникает, когда:

— не могу помочь близкому человеку. Не могу взять его боль на себя. Не могу изменить или отменить чьи-то страдания, чью-то смерть. Я плачу иногда от собственного бессилия. То, что могу, это, опираясь на своё бессилие, делать то, что

в моих силах. И тогда беспомощность превращается в мощь — в я могу помочь. Иногда словом, иногда делом, иногда деньгами — чем могу.

— предают. Тогда так больно, что чувствую себя беспомощной и незащищённой от того, что доверяла и открывалась, а ударили именно туда.

— стреляют и это так страшно, потому что понимаю — от того, чем сейчас стреляют, не смогу спрятаться ни в подвале, ни ещё где-нибудь.

Но я живу, а значит я научилась справляться с ним. Говорят, если Бог даёт испытания, то он даёт и силы, чтобы с ними справиться. Как справляюсь? Мои рецепты для себя, а, может быть, и для кого-то.

Первое. Принимаю для себя, что я не Господь Бог и не несу ответственность за всё происходящее в жизни других людей. За их жизнь и смерть. Буду максимально близка и полезна. В меру своих сил и способностей.

Второе. Принимаю для себя тот факт, что я не могу изменить другого человека. Не могу изменить его отношение ко мне. Всё, что в моих силах, это изменить себя и своё отношение к происходящему и человеку. И сделать выводы в отношении этого человека, но при этом помнить, что все люди разные. И не закрываться. Не переносить этот опыт на других людей.

Третье и, думаю, самое важное. Я ответственна за то, чтобы быть в этом месте. Я ответственна за то, чтобы трястись от страха, когда стреляют или уехать. Я делаю свой выбор сознательно. Я сама ответственна за свою жизнь.

Мне притча одна нравится. Я её раньше воспринимала в контексте predetermined судьбы. Сейчас вижу в ней мудрость.

Одному человеку казалось, что он живёт очень тяжело. Пошёл он к Богу, рассказал о своих несчастьях и попросил:

— Можно, я выберу себе другой крест?

Посмотрел Бог на человека с улыбкой, завёл его в хранилище, где были кресты, и говорит:

— Выбирай.

Долго ходил человек по хранилищу, выискивая самый малый и лёгкий крест, и наконец нашёл маленький-маленький, лёгонький-лёгонький крестик:

— Боже, можно мне взять этот?

— Можно, это твой собственный крест и есть.

Когда принимаешь себя в состоянии подранка, удивительные вещи происходят. Я позволяю себе плакать. И горевать. Позволяю быть не сильной и не идеальной. Не для других. Для себя. Позволяю себе чувствовать свою боль. И отношусь к себе в таком состоянии трепетно, бережно и нежно, как относилась бы к другому человеку, сочувствуя и сопереживая ему. Позволяю себе быть обнажённой перед собой и переношу эту обнажённость во всей её непривлекательности или красоте. Поначалу я ничего не делаю — просто позволяю боли быть. Думается, что именно в такой близости с собой рождается самооценность.

«Я нашел больную птицу, но боюсь ее лечить»

Иван Жданов

*И тянется к тебе, и в руки не даётся,
и волочит крыло, и рвется улететь,*

*и замирает, и о воздух бьётся,
и горлом кровь, и пробует запеть.
В тебе тоскливой болью отзовется
неслышимый крик растерянной души.
Но прикуси губу — пусть слово не сорвется.
Но руку протяни и не дыши.
Лишь руку протяни.
Не слушай птицелова
и не плети тенёт из света и теней.
Лишь руку протяни.
Не говори не слова.
Лишь отвори ладонь, протянутую к ней.
Виктор Каган*

Трагические события всегда сопряжены с открытой и острой встречей с экзистенциальными данностями существования. Собственная смерть. Смерть тех, кого любим. Одиночество. Когда один на один с собственной жизнью и собственной смертью. Свобода выбора. И ответственность за свой выбор. Смысл. Глубинный смысл собственного существования. В обычной жизни мы не задумываемся об этом или стараемся избежать. И это нормально — если жизнь, её проживание, наполнены счастьем, то и слава Богу! Трагические события поднимают всё это в душе. Поэтому зачастую так болезненно их переживание. Переживание происходит не только на уровне бытия — это не только пере-жить в смысле не сломаться или выжить, но прежде всего в смысле душевного переживания и осознания. Осознание, принятие (не как пассивность, а как активный собственный выбор) может обеспечить совсем иное качество жизни. Я знаю это не из философской литературы — знаю по себе и своей жизни.

Вчера так радовалась тишине ... Сегодня грохочет из всех видов оружия. Я не понимаю, что это и куда — просто слышу это и тревожусь. И ругаюсь: "Сука война!". Сейчас я стараюсь не писать о взрывах, о войне, о своих страхах и переживаниях. Делюсь только если спросят. Спрашивают редко, самые близкие и, наверно, самые сильные. Почему? Мне сказали — это твой выбор находится там. Да, я знаю. Это мой выбор. Моя ответственность. Мой страх. И поделиться этим страхом могу только с тем, кто в состоянии справиться со своим. Понимаю, что научилась здесь справляться с этим своим выбором, со всем происходящим. Со своими страхами и тревогами. Я здесь — научилась, а там — вне этого — не всем под силу. Говорю это не в осуждение — снаружи всё в разы сильнее может переживаться. Когда летом над головой снаряды летали и связь исчезала, то когда она появлялась, первым делом посылала эзмску сыну: "Мы живы!". Так, понимая, что я о нас знаю, что живы, а сын не знает, училась заботиться о других, о тех, кто далеко. А ещё научилась заботиться о тех, кто рядом — о муже, о наших с ним

отцах. Знаете как я мужа сейчас в поездки провожаю (он водитель и ездит здесь по всем этим прифронтовым дорогам)? Я прошу его: "Писай под колесо, пожалуйста". Да потому, что все посадки напичканы этим дерьмом — не собачьим, а тем, что разрывает людей в клочья. Война — хороший учитель. И война — сука! Желаю никому и никогда не соприкоснуться с ней близко. Учитесь в мирной жизни любить, заботиться, ценить, дорожить. А вдруг завтра война, а муж уставший. Или жена недолюблена. Или слова важные детям не сказаны о том, что гордитесь, что любите, и родителям о том, как благодарны им...

Есть такие победы, которые не видны никому — маленькие внутренние победы. Никто не знает, каких усилий вам они стоили. Никто не знает, что пришлось преодолеть и с чем справиться. Никто не знает, какое сопротивление предшествовало этому. Никто до конца не может понять ваш страх, вашу боль и ваше мужество. Эти маленькие и такие большие победы — самые великие! Не обесценивайте их, гордитесь ими. Там — внутри себя — гордитесь, что смогли! Здорово, конечно, когда есть тот, с кем можете поделиться, кто разделит вашу радость. Сегодня я горжусь собой и праздную маленькую-большую победу!

Война может оказаться ближе, чем кажется. Сегодня ночью дважды просыпалась от звуков, похожих на взрывы. Я не знаю, что это и где. Слава Богу, уже не бросаюсь бежать куда-то. Но для этого мне потребовалась личная терапия и время. Я сейчас о себе и не о себе — обо всех нас, кто хоть однажды слышал звуки войны и это было сопряжено с собственной безопасностью. Обычные мирные звуки — гроза, ковры выбивают, хлопок автомобиля, трещотка какая-нибудь — долго ещё будут восприниматься как угрожающие жизни и только потом мозг научится распознавать их иначе.

Здесь всё зависит от всего. От собственной психической устойчивости. От того насколько глубока была психическая травма. От того какая работа была проделана по излечению этой травмы. Это касается и мирных жителей, волею судьбы оказавшихся в зоне боевых действий, и военных. Не все и не всегда могут обратиться и обращаются за психологической помощью.

Я к чему. Так случилось, что мы живём в это время. И реальность этого времени такова, что очень много людей соприкоснулось с войной. Просто нужно помнить об этом. Возможно, быть терпимее в каких-то ситуациях. Возможно, осторожнее. Даже в словах, в высказываниях, в суждениях. Допустите, что другому, возможно, пришлось пережить смерть близкого человека, разрушение своего дома, собственное унижение. Возможно он видел, слышал и чувствовал такое, что вам и в страшном сне не приснится.

Просто помнить о том, что в такое время живём. И война это боль и беда нашего времени.

У меня есть фотографии Лисичанска лета 2014 года. Я не всё фотографировала, что видела. Просто не могла. Сил не было. На экране внутреннего фотообъектива их гораздо больше. И у каждого такие кадры боли могут быть свои.

Сижу в больнице. Вчера свёкра положили сюда. Он сейчас в манипуляционной под капельницей. А я жду. Туда не пускают. Он просится домой. Капризничает — не хочет обследоваться.

Я для себя узнала новое слово: исполненность. Когда я родилась, родители любили и нянчили меня. И я их любила. Просто любила. Потом подрастала и научилась обижаться на них. Любила и обижалась. Потом повзрослела и простила их. Из дочерней любви простила. Теперь я люблю и нянчусь. И в этом вижу исполненность своего жизненного предназначения — *дочь*. Это добавляет радости и смысла моей жизни. Здорово, когда вот так. Правда, мне внутренне очень здорово это чувствовать.

Моя мама ушла 24 года назад. И я не успела её понянуть. Радуюсь и благодарю Бога, что мои отцы со мной. Я не душу их гиперопекой, превращая в беспомощных. Просто гораздо терпимее сейчас ко всему, на что раньше бы раздражалась.

Всё, свёкру откапали. Пошла разговоры с ним говорить.

Ходила к стоматологу. Обычный профилактический осмотр. Делаю это каждые полгода и благодаря этому забыла, что такое зубная боль. Вот такая реклама стоматологии получилась. Вернее, не стоматологии даже, а профилактики — здоровой заботы о себе.

Подумалось, вот бы к психотерапевтам так ходили. Не тогда, когда уже невмоготу и «или в петлю или к психотерапевту», а, так сказать, профилактически. Глядишь, здоровее бы люди были. Чуть счастливее, возможно, чувствовали бы себя. Я не говорю, что психотерапия панацея для всех и от всего. Мой папа даже когда зуб у него болит, кусочек сала к нему прикладывает. Говорит, что так делали его мама и бабушка. Помогает? Да, иногда помогает. А иногда нет. Бывает, что зуб потом только удалять.

Мне понравилась статья Александра Бадхена «Психотерапия это забота о душе». Он пишет: "Психотерапевт не даёт советов и не выписывает лекарств, не может решить за вас, что вам делать. Что может психотерапевт — это помочь вам приобрести навыки и опыт, чтобы разобраться в самих себе, научиться слушать и слышать себя и лучше себя понимать. Психотерапия — это исследование личной истории, чтобы вспомнить себя, обрести себя; это пространство, позволяющее заглянуть в себя, увидеть себя; это процесс поисков утраченного когда-то смысла; это создание новых отношений с собой и с миром". Просто и понятно о психотерапии. Я не агитирую. Если вам помогает сало, как моему папе, то можно и салом.

Дождь. Тихий такой, спокойный. Ездила на томографию. Ответ завтра. Тревожусь, конечно. Папа успокаивает себя и меня: "Доча, всё будет хорошо". У нас стреляют. И вчера, и сегодня — сильно. И стрелковое, и бахи. Когда работаю по скайпу, то закрываю плотно окно, чтобы это не врвалось в пространство сессии.

Наслаждаюсь цветением акации и жасмина. Воздух пропитан этим насквозь. Это тааак вкусно! Купила себе красное сухое и сулгуни. И лукум. Я это люблю. Свёкру купила заменитель сахара — у него диабет. Эсэмэска от подруги: "Пузата хата" грустит о тебе, шлёт привет и желает здоровья". От друга: "Как настроение?". Сделала маникюр себе. А ещё у меня на кусте, во дворе расцвела первая роза. Муж принёс клубнику. Сына звонил.

«Мы умираем лишь тогда, когда перестаём жить» (Франсуаза Дольто). А жить мы перестаём, когда отказываемся от диалога с жизнью. Жизнь всё время говорит с нами. Через простые вещи говорит. Через всё, что внутри и вокруг. Диалог получается, когда отзываешься. Когда видишь, слышишь, ощущаешь, чувствуешь, переживаешь и проживаешь. Правда жизни в том, что в ней нет готовых смыслов. Мы сами привносим смыслы в жизнь — каждый сам в свою. Наполняем свою жизнь смыслом и ценностью. Любовь, семья, отношения, здоровье, доброта, верность, дружба, красота, память, дело жизни, сострадание, сочувствие, надежда, забота... много чего ещё — всё это ценности, когда они переживаются как ценности.

Я не претендую на то, что поняла жизнь. Я её просто очень люблю. Она для меня живая и ценная. И отсюда — я ценна для себя уже тем, что живая. Моя жизнь — ценность. Когда я так отношусь к своей, то и к жизни другого у меня трепетное и бережное отношение. Дорог на самом деле каждый миг в здесь и сейчас. Любое из чувств — от радости до тревоги и грусти, от нежности до злости и отчаяния — рассказывает мне обо мне и о жизни, которую я живу.

Нашему союзу с мужем завтра 27 лет. Люблю называть именно так — *союз*. А ещё люблю говорить о себе, что я — замужем. Не в браке, а именно — *замужем*. За мужем. Есть в этом что-то сакральное. Чисто женское. Как будто прячешься от всяких житейских невзгод за широкими мужскими плечами. И вообще знаешь, что это плечо есть и оно надёжно: и защитит, и в него можно просто уткнуться или пореветь. Я люблю чувствовать себя замужем. Все 27 лет люблю.

Возможно, мой муж не самый надёжный из всех людей, но с ним я чувствую себя надёжно — под защитой. Я всегда могу на него положиться. Я доверяю ему.

Возможно, он не самый храбрый из всех мужчин в мире, но именно он помогал и помогает мне преодолеть мои страхи. Я чувствовала себя сильнее, даже когда оставалась один на один со своими самыми страшными страхами, потому что знала — нас двое против одного моего страха.

Возможно, он не самый успешный человек на планете, но он всегда помогал и помогает мне в моём развитии. Он гордился и гордится моими достижениями. Он всегда поддерживал и поддерживает меня. Он помог мне открыть во мне женщину. Да и сейчас я всё ещё продолжаю делать эти открытия и мне они нравятся. Именно от этого мужчины мне захотелось родить ребёнка и воспитывать его вместе с ним. И я ещё ни разу об этом не пожалела. Наш сын вырос хорошим человеком.

Мой муж — очень родной и близкий мне человек. Мой муж — самый лучший для меня.

Всегда может найтись кто-то, кто лучше в чём-то. Только счастье, оказывается, приходит, когда перестаёшь его искать, а начинаешь открывать его рядом с собой.

Мне уютно в моём доме. Люблю просыпаться в нём и засыпать. Знаю его наизусть. Могу в темноте пройти и не стукнуться. Он построен в 1913 году. Правда, правда. У меня это в документах на домостроение записано. И из семейной истории это знаю. Дедушка ещё до революции приехал в Лисичанск работать на шахте. Барон, которому шахты принадлежали, строил бараки для работников. Деда решил сменить свою службу в лейб-гвардии (красивый он был, статный, с лихими усами) на работу в забое. По семейным обстоятельствам всё случилось. Первая его жена умерла и осталось двое детей. Моя бабушка — его вторая жена приняла этих двоих детей как своих, и родила дедушке ещё десять. Она мать-героиня. Её медаль до сих пор хранится дома у нас. А дедино Ордена Красного Знамени и медалей за отвагу нет. Затерялись где-то. Есть только запись в архиве (брат отыскал — спасибо ему за это).

У нашего дома есть шрам от Великой Отечественной. Когда капитальный ремонт делали — в стене огромная наспех заложённая дыра от снаряда. И рассказывали мне об этом о том, как снаряд в дом попал.

А ещё мне рассказывали, как оно было в шахтёрском городке раньше. Раньше при шахтах не было бани. И шахтёры шли через весь посёлок такими, какими из забоя вылезали — чёрными от угольной пыли. А бабушка ждала деда, к его приходу грела воду и купала его в тазу. И так каждый день

А ещё в этом городе познакомились мои мама и папа. Папа тоже приехал сюда после армии на шахту работать. И мама одно время работала на шахте. Я не всё время жила в Лисичанске. Но этот город для меня всегда был местом силы что ли. Он всегда пах абрикосами. Это — запах моего детства. Здесь мои корни. Здесь сейчас похоронены мои дедушка и бабушка. И мама.

Сегодня шла с рынка и со мной через одного здороваются и стар и млад: "Здравствуйте, тётъ Ир", "Как здоровье, Григорьевна?", "Здравствуй, Ирочка". Со всем молодым удивляюсь иногда — кто такие? Оказывается, чьи-то подростки дети. А Григорьевной называют даже те, кто меня старше.

Меня иногда спрашивают, почему я не уезжаю туда, где безопаснее, например. Я не уезжаю (кроме всяких других причин) ещё и потому, что мне трудно обрубать, рвать вот эти все корни. Правда, трудно. Я довольно комфортно чувствую себя в любом месте, но обязательно должна знать, что могу вернуться. Я к чему пишу? Я, кажется, физически ощущаю ту боль, когда людям приходится покидать свой дом. Сейчас много таких людей. Война — падлюка!

Иногда с головой накрывает шемящее чувство жалости к папе. Оно рождается в груди огромной волной тепла, потом подкатывает к горлу комком невысказанных слов любви и проступает слезами на глазах.

Папа живёт с нами. Ему 79. Он всё время находит себе какую-то работу в доме или во дворе. В своём доме если живёшь, работа всегда есть. Много читает. Жалость накачивает, когда вижу, что работа ему даётся всё труднее, когда просто смотрю на него повнимательнее или когда он с пенсией покупает мне шоколадку: "Это тебе, доня, я знаю, как ты любишь сладкое".

Мы почти полвека вместе и я помню его молодым и сильным. Помню как он качал меня маленькую на ноге. Помню как мы жили с ним вдвоём, когда я была

подростком, и строили дом — мама в это время в другом городе ухаживала за своим отцом. Помню его тревогу и заботу обо мне, когда я — уже замужняя женщина, вынашивала ребёнка и были проблемы со здоровьем.

Были ли в наших отношениях другие периоды? Господи, да конечно же были. И ссоры, и непонимание, и обиды. Это жизнь — в ней не бывает, чтобы всё гладко. Но сейчас перед лицом встречи с вечностью всё это таким мелким кажется в сравнении с тем, что он есть в моей жизни. Пишу и хочется плакать. Я не могу отменить встречу со смертью ни в папиной жизни, ни в своей. Не могу отменить эту разлуку, которая маячит впереди. То, что я могу, это пойти прямо сейчас и обнять его. И сказать ему о том, что я его люблю.

Когда пробую загнать свои чувства в клетки "правильно-неправильно", "должна-не должна", они отзываются новыми чувствами — иногда даже более сильными: агрессией, депрессией, обидой, чувством вины или стыда. Чувства важно проживать. Грустишь — грусти. Сожалеешь — сожалею. Злишься — злись. Ревнуешь — ревнуй. Радуетесь — радуйся. Нет чувств плохих или хороших.

В проживании собственных чувств у меня есть только одно ограничение — психологические границы других людей. Иногда ни в чём не повинных. То есть, стараюсь не вываливать всё это на другого потому, что он под руку попал. Я не только имею право, но и несу ответственность за свои чувства. Вот об этом забывать не стоит.

Сегодня подошла и обняла папу. Он сидел грустный такой. Спрашиваю: "Что случилось?" Говорит: "Душа болит". Обняла, как маленького. Погладила по руке. И у самой слёзы на глазах. И у него. И сидели так.

Подумалось, что у меня есть муж, с которым я обнимаюсь, а папа один. И ему даже вот таких простеньких тёплых человеческих объятий может хотеться. А я на бегу, на бегу... Мамы нет уже 25 лет. И он скучает по ней. Чем старше становится, тем сильнее скучает. И я скучаю.

Те несколько минут, когда сидели обнявшись — это и наша общая тоска по маме, и щемящее чувство неминуемого расставания, и такая щемящая близость в этом моменте, столько тепла. Не знаю даже, как это всё описать словами. Это чувство присутствия. Присутствия родной души рядом. Потом папа сказал: "Беги, доча, куда бежала. Я посижу ещё. Всё хорошо".

Я не всегда хорошая дочь. Но я хочу не забывать останавливаться, чтобы обнять папу. Мне это важно.

Этому мишке почти столько же лет сколько мне, и он до сих пор со мной. Нашла его на чердаке дома, куда забралась на днях по делам. Я помню его и связанную с ним историю.

У меня в детстве было много игрушек — родители никогда не скупились на кукол, пасочки-посудки, наборы доктора, мишек, заек, собачек, обезьянок, слоников и всяко-разные другие детские радости. Но этот мишка был моей любимой игрушкой. Одной из первых. Любимым игрушкам достаётся больше всего. Я таскала его повсюду и не помню, как и когда, но он потерял одно ухо. Я ревела. А мама сделала ему "операцию" — распоролла оставшееся ухо и сделала из него два. И я помню свою радость от того, что его "полечили".

За время моего школьного детства мы переезжали из города в город четыре раза. Глобально так переезжали, когда все вещи и мебель загружалась в контейнер и отправлялась поездом. Я никогда не участвовала в сборе этих контейнеров — родители занимались. Так вот, мой мишка не потерялся. Хотя много чего взрослого терялось или просто оставлялось соседям.

Мелочь вроде бы ... один маленький сюжет из детства. А для меня он о родительской любви. О том, что мои родители любили меня. Тогда в детстве я чувствовала это и через то, что родители бережно относились к важному для меня. Даже во взрослой жизни мне тепло и уютно, когда я думаю об этом. Любовь, как и нелюбовь, впрочем, в мелочах проявляется.

Сегодня потеплело, ветрено и солнечно. Я вышла на улицу и ... стала вдыхать. Обычно я не обращаю внимание на своё дыхание, а сегодня вот получилось такое. Я втягивала воздух через нос, кажется, минуту целую. Чувствовала как воздух наполняет лёгкие, чувствовала его чуть прохладный, пахнущий ветром, осенними листьями и солнцем вкус. Даже закашлялась — лёгкие не ожидали от меня такого.

Помню свои такие вдохи по жизни. Когда ныряла в море, а потом долго выбиралась на поверхность, не зная наверняка, выберусь ли. Когда вышла из отделения онкологии после двух месяцев там и после операции. Когда осознала впервые, что моя жизнь принадлежит мне — со всеми событиями в ней происходящими, со всеми чувствами, ощущениями, с радостями и горестями, с удачами и неудачами, с людьми, которые в ней.

Принадлежит мне ... Не родителям. Не сыну. Не мужу. Не государству. Мне! Я уже была достаточно взрослая, когда пришло это понимание. И по паспорту, и внутренне взрослая. О внутренней взрослости могу судить по тому, что эйфория от свободы балансировалась ответственностью — я не улетела во вседозволенность и не была раздавлена вопросом, как с этим всем справляться? Я просто задышала жизнью. Жадно. И это так вкусно оказалось. Глубокий вдооох — выдох, вдооох — выдох...

В какой-то момент наши родители становятся нашими детьми. Совсем недавно поняла это для себя. А когда поняла, легче стало любить их. Их — моего папу, которому 79, и моего свёкра, которому 75. Они, как дети — требуют внимания, любви и терпения: выслушивать сто раз слышанные истории из их жизни; убирать крошки со стола; слушать как шямкают во время еды и сдерживаться от замечаний; быть рядом; когда болеют — успокаивать, когда спорят — не доказывать

свою правоту, а уважать их ценности; придумывать для них занятия, чтобы они чувствовали себя нужными; заботиться с теплом, при этом не инвалидизируя гипе-ропеккой, а просто понимая, что это в их силах, а вот это уже нет.

В этом *уже нет* много всего. И я, и они понимаем, что *уже нет* — не станет ни лучше, ни здоровее, ни моложе. Это смирение с неизбежным, отнимая призрачную надежду на завтра, обогащает наше общее сегодня любовью, теплом и близостью. Я благодарна жизни, что так сложилось и мои отцы живут с нами. Не думала, что скажу это. Не думала, что когда-то так смогу любить их.

Люблю неспешные утра. И вообще, как оказалось, мне нравятся моменты замедления. Это удивительно, но именно в такие мгновения я острее, ярче чувствую жизнь. Её красоту. И одиночество, то — самое глубокое. Думаю даже, что эта острота восприятия мира и себя в мире как раз и рождается из переживания самых глубоких чувств, связанных со смертью, одиночеством, смыслом, свободой, когда позволяешь себе переживать, проживать их.

Если отмотать ленту памяти назад, то первое, что вспомнилось, это тревожное лето, когда снаряды над головой летали. Тогда внешний большой мир, отключился: не было интернета, связи, света, газа и прочих таких уже привычных вещей. И было страшно, да. И тогда после внутренних каких-то брыканий — так не должно быть, так не может быть со мной — вдруг осознаёшь, что жизнь может оборваться в любой момент — твоя жизнь, жизнь близких людей. Тогда всё будто замедляется и растягивается во времени. Так всё вкусно становится: шелест листвы, синь неба, аромат цветка, прикосновение, даже воздух. Даже пропитанный зноем, пылью и гарью воздух.

Я понимаю почему сложно возвращаться с войны тем, кто там был. Там жизнь переживается остро. Своя собственная жизнь. В которой ты один на один со всем миром и справляешься с этим.

Если отмотать ленту дальше назад, вспоминается подозрение на онкологию и операция. Страшно. Один на один со своей болезнью. Даже при том, что близкие любят и заботятся. Это внутреннее *tete-a-tete* со всем миром своей жизни. И когда вот там, внутри себя выдерживаешь это одиночество и свой страх, когда проживаешь его через слёзы и молитвы, через бессонные ночи, через заботу о других — как умеешь, так и проживаешь, тогда тиски ужаса и тревоги разжимаются. И мир снова живой и яркий. Становится ценным каждое сказанное слово. Тело становится жадным к жизни — через ощущения, слух, взгляд, вкус. Жизнь из бега по ней превращается во вкушение её. Думаю, что многие пережившие встречу со смертельной болезнью, иначе смотрят на мир и на жизнь — как на чудо, которого могло и не быть.

Ещё дальше в прошлое — рождение сына. Беременность была из разряда "всё сложно". Два месяца в областном отделении за сотню километров от дома, когда родные могли лишь помахать рукой в окно четвёртого этажа, для чего и приезжали. И передавать записки. Мобильных ещё не было. Каждый день врачи обсуждали выживем ли мы с сыном или умрём и кого спасать в случае чего. Физической боли за эти два месяца было столько, что казалось, перестану её чувствовать на всю оставшуюся жизнь. Что помогло справиться с болью и тоской, с одиночеством и страхом? Помогло понимание, что время — несущественно, важна лишь жизнь. На тот момент именно та жизнь, что жила во мне — жизнь сына. Жизнь ради жизни.

И случилось чудо чудесное пробуждения. Нельзя в каком-то месте жить, а каком-то нет. Перестав торопить время, замедлившись, я с удивлением и восторгом проживала каждую минуту. Я — есть. Я — здесь. Я — живу жизнь.

Такие моменты острого чувствования жизни у каждого свои. В моей жизни они случались чаще всего именно после пережитых потрясений. Сейчас учусь замедляться и наслаждаться жизнью, не дожидаясь встряски. Учусь жить в любви к каждому мгновению своей жизни.

Пока писала — снег пошёл. Это так красиво!

Чему я научилась за четверть века материнства?

1. Научилась заботе и ответственности. Не игрушечной какой-то, а той ответственности, когда от заботы, от внимания, от того даже, что покормишь вовремя или нет, зависит жизнь другого человека.

2. Научилась любви — трогательной, когда любишь любое проявление жизни, которая появилась на свет. И даже когда ещё не появилась, а только зародилась внутри меня, я уже любила. Природа мудрая — она готовила меня постепенно, чтобы я сама не утонула в океане материнской любви, когда сын родится, и его не утопила.

3. Научилась надежде продолжение жизни, на завтра, на будущее, на хорошее. Надежде — как чувству.

4. Научилась вере в способности другого человека. Первые шаги не у всех получаются сходу. А веришь, что получатся. Просто веришь. И получаются.

5. Научилась радости, как в детстве, открывать новое. Радости от простых вещей. Радости от жизни: "Мама, смотри дождик!"

6. Научилась гордиться достижениями и победами другого человека, не приписывая их себе.

7. Научилась доверять себе и той материнской интуиции, которая подсказывает как правильно. Потому что никакой доктор Спок не знает моего ребёнка лучше меня.

8. Научилась через доверие к сыну доверию к другому человеку. Доверие к сыну — это о том, что на каждом жизненном этапе он решает какие-то задачи своей жизни. Не моей. "Мама прожила свою жизнь — и твою проживёт." (из анекдота) Пока маленький, я рядом и помогаю. Я поодаль и доступна, если он обратится за помощью или советом и сейчас. Но стараюсь не лезть без спроса.

9. Научилась справляться со своей тревожностью и доверять миру. "Если на небе тучи и гремит гром - то скорее всего дождь будет".

10. Научилась дарить подарки, делать приятные сюрпризы и радоваться вместе с сыном. Дарить то, что ему бы хотелось, а не то, что мне кажется нужным.

11. Научилась принимать подарки — от каких-то детских рисунков его до нынешних, дорогих, когда сам зарабатывает — и относиться к вложенной в подарки любви, как к ценности. До сих пор его детские "картины" храню.

12. Научилась относиться с уважением к чувствам другого человека. Наверное, этому я училась дольше всего. Было трудно. От: "Ну как ты можешь этого бояться?!" до "Я понимаю, что тебе страшно, давай вместе".

13. Ещё я научилась договариваться. Не указывать, а именно договариваться.

14. Терпению ещё научилась. По сто раз читать одну сказку, например, потому, что она нравилась. Или объяснять снова и снова что-то, что не получилось объяснить с первого раза. Сын мне сейчас возвращает это, объясняя компьютерную грамоту.

15. Научилась обязательности, надёжности. Если что-то обещала сыну, то старалась придерживаться обещанного.

16. Ещё научилась делиться. Разделять с другим человеком свои радости и тревоги. Я сейчас о муже. Понимая, что есть такой человек на планете, который так же сильно любит сына и так же сильно тревожится о нём, как и я.

17. Ещё я научилась отделять важное от второстепенного, опираясь на собственные ценности. Сын и его здоровье — это важно, а карьера — не так важна для меня.

18. Научилась отпускать. Потихоньку училась этому. Позволяя ему самому узнавать мир. В поездки отпускать, пока в школе учился. Потом, когда уехал в другой город учиться и работать, отпускать и эмоционально — переключая внимание на свою жизнь и наши с мужем отношения, возвращаясь из "папа и мама" к "муж и жена", "мужчина и женщина".

19. Ещё научилась чувству единства. Это для меня звучит как: "Мы одной крови". Не знаю, как объяснить лучше — это как общий дом, в который ты можешь вернуться, если захочешь. Это как фамилия или семья или род. Это как что-то, что объединяет нас всех живших и живущих — таких разных — в общность. Это как дерево, уходящее в глубь корнями. И это живое продолжается через сына.

20. Научилась ценить мужскую поддержку. Например, и в сыне видеть мужчину. Даже когда маленький был и говорил: "Мам, давай помогу", старалась не отказываться от помощи. А когда он вырос, а мне было трудно, делилась своими трудностями, не перекладывая их на него, а разделяя с ним.

21. Научилась нежности. Нежности обнять, прикоснуться, поцеловать, погладить, ласково сказать. Научилась петь колыбельные, когда сын был маленький. И сейчас, когда он на голову выше меня, мне очень приятно, что мы обнимаем при встрече. Мне приятно, что в нём — взрослом уже мужчине, есть эта нежность.

22. Научилась не бояться трудностей и боли. Когда понимаешь ради чего или для чего, легче справляться с ними.

23. Научилась ценить. Ценить то, что есть сегодня, сейчас. Потому, что я не знаю, что будет завтра. Это пришло не сразу. Это пришло через сожаление об упущенных возможностях: «Надо было вот так поступать, а не вот так», «Вот так воспитывать, а не вот так», «Надо было больше времени уделять», «Надо было меньше внимания обращать» и так далее. Я не могу изменить прошлое. Могу что-то делать в настоящем, чтобы в будущем было меньше сожалений.

24. Ещё научилась прощать. Себя в том числе. За неидеальное родительство, к примеру. Сын вырос хорошим человеком, а значит я всё-таки несмотря на какие-то ляпы делала всё в целом правильно.

25. А ещё я научилась благодарить. Я многому научилась благодаря своему материнству и сыну. И у него. И всё ещё продолжаю учиться. И благодарю жизнь, за то, что она подарила мне возможность учиться любви в школе материнства.

Письмо себе из будущего (в день пятидесятилетия)

Привет. Пишу тебе из будущего. Я тут узнала, что ты сегодня волнуешься о своём возрасте. Ох, девочка моя, мне бы твои годы!

Хотя, как женщина, я тебя очень понимаю. Страшно привыкать к такой цифре — 50, когда ещё совсем недавно — в 20 и в 30 казалось, что 50 это старость.

Глупышка, не смотри на себя глазами прошлого. Посмотри на то, как оно есть сейчас. Ты всё ещё привлекательна. Да, да, и сексуальна. Ты же об этом больше всего волнуешься? Сексуальная привлекательность — это не то, что выпирает — это то, что скрыть невозможно. Разве ты не видишь этой своей привлекательности в любящих глазах мужа? Да и вообще в глазах мужчин? Вот-вот.

Я подозреваю сейчас, что привлекательность это не внешнее, а внутреннее, и мужчины это чувствуют. Ты сейчас в таком чудесном возрасте, когда вообще никому и ничего не нужно доказывать. Ни свою ценность себе — ты уже прошла это и знаешь, что многого стоишь. Ни свою ценность другим — ты уже понимаешь, что невозможно нравиться всем. А те, для кого ты хотела быть важной и нужной, посмотри — они с тобой. И это обалденно! Взаимость — это обалденно!

Посмотри вокруг — у тебя такая хорошая семья, муж, сын. Отцы всё ещё рядом. У тебя самые лучшие на свете друзья! И близкие, и далёкие — они помогают тебе переживать непростые времена и искренне радуются твоим радостям. У тебя самая лучшая в мире работа, которую ты любишь. И чем дальше, тем круче ты будешь становиться как профессионал. Потому что не перестаёшь и практиковать, и учиться.

Хочешь узнать, как здесь, в будущем? Здесь здорово! Иди — не бойся! Ты осуществила свои давние мечты — прыгнула с парашютом и написала книгу, ты хорошая, любящая и в меру вовлечённая в жизнь внуков бабушка. Ты всё так же кайфуешь от жизни, которую ты не перестала жить и чувствовать её со всеми её потерями и обретениями. Ты меньше стала бояться смерти, потому что знаешь — смерть наступает тогда, когда перестаёшь жить. А ты — живёшь!

Живи, девочка! Живи каждый день своей жизни! Живи в полную меру своих чувств! Люби, злись, радуйся, горюй, восхищайся, удивляйся и открывай — каждый день открывай для себя это чудо — быть живым!

Целую.

Твоя Ира, которой в душе по-прежнему ...надцать лет.

P.S. И, да, походы в тренажёрку самое время возобновить (намекаю) — твоё тело ещё дольше сможет радовать тебя.

Если честно, то я и не думала, что календарные пятьдесят могут стать для меня травматическим переживанием. Оказалось, что да. И это письмо самой себе помогло мне справиться с ним.

Бывают у меня моменты/дни/периоды, когда мне непросто самой с собой и, соответственно, тем, кто рядом, тоже нелегко: что бы они ни делали, всё невпопад получается. Моя ответственность в отношениях с близкими людьми — донести до

них, что это не потому, что я их не люблю, и сказать, что мне сейчас действительно нужно. Не в виде претензий, конечно: "Ты что сам не понимаешь, не видишь, догадаться не можешь?!"» — даже самый близкий человек не может знать на 100% что мне нужно и не обязан быть Вангой при мне. Но открыто сказать или попросить о том, чего хочу — от "возьми меня на ручки" до "дай мне время побыть одной, пожалуйста" — всегда можно. И мои предположения о том, что именно нужно близкому мне человеку, могут быть ошибочны. Спросить об этом — не лишнее. Если бы я поняла эти простые вещи лет двадцать назад, как много мелких ссор с мужем на ровном месте можно было бы избежать.

Сегодня прощёное воскресенье. Но, если честно, я сегодня ещё ни у кого не просила прощения. Я сделала это раньше. К прощению у каждого свой путь, свой период созревания и свои грани допустимого — что можешь простить, а что — нет. Себе и другим.

Ко мне на терапию приходят взрослые люди. Одна из потребностей — разрешить внутренний конфликт с родителями. Она не озвучивается в лоб, буквально, но почти всегда в ходе работы выходит на поверхность. И не только для меня, но, что важнее, для самого человека. Становится понятнее, почему сейчас в их взрослой жизни так всё складывается. Облегчение может произойти уже тогда, когда становится видной связь желаний/потребностей некогда маленького девочки или мальчика и сейчас уже взрослого человека: "Я хотел/хотела бы, чтобы мама/папа сказали, что я хороший/умный/сильный/красивый...; что они любят меня и гордятся мной" и что "они не всегда были правы, когда вот так поступали со мной".

Мой путь прощения начался с признания неидеальности — собственной и родителей, их и моего права быть не идеальными. Мне легче стало прощать и просить прощения. И, да, я попросила прощения у сына. Не сегодня — раньше. Но, правда, искренне и от души. Надеюсь, что с этими моими словами ему чуть легче будет идти по жизни. Говорю ему, что люблю его и горжусь им.

Хорошо, что есть такой день. Я не о религиозном смысле этого дня, а человеческом. Он — напоминание, что душа может прощать и быть прощённой. А когда именно просить прощения и прощать, не так уж важно — лучше когда душа просит, чем без души по календарю.

Купила кофе какой-то неудачный. Не нравится мне его вкус. Уже и пользу для себя в этом придумала: зато долго не заканчивается. Давлось, но пью. У подруги на днях пили кофе и я пожаловалась на свой неудачный. Она говорит: "А ты попробуй добавить в него корицу или гвоздику, или что любишь — может так вкуснее будет".

Сегодня у меня кофе с корицей и мне вкусно!

Мораль: 1. Не обязательно терпеть как есть — можно сделать себе как лучше. 2. Иногда даже очень простые вещи, которые и сам знаешь сто раз, упускаешь почему-то. И здесь важен другой, которому доверяешь. 3. Никогда не поздно понять для себя п.1

2,5 месяца с того дня, когда папа сломал плечо. То, что происходило за это время между нами, с точки зрения дочери, человека. И психотерапевта.

Когда это случилось, я очень испугалась, как пугаешься, когда с близким человеком беда случается. Потом ответственность включилась.

Я уже сравнивала отношения с пожилыми родителями с отношениями с детьми. Только ролями меняешься — становишься родителем для родителей. Папа вдруг стал немощным — не мог ни еду себе подогреть, ни лекарства принять, ни сам искупаться и поменять одежду, ни постель постелить. В результате как будто сливаешься с ним в один организм. И здесь есть очень тонкая грань, за которую пришлось учиться не заступать: суметь, заботясь о родителе, о взрослом человеке, не превращать его своей заботой в ребёнка, т.е., помогать ему не только с бытом справляться, но и сохранить собственное достоинство.

Вторая ловушка ждала на этапе восстановления. За два месяца болезни мы оба привыкли к тому, что я его опекаю. Но, если честно, я не хочу ни оставлять его в роли опекаемого, ни себя привязывать к нему намертво. Ловушка в том, что мне самой проще сделать что-то за него, чем набраться терпения и помогать ему делать что-то самостоятельно.

Это довольно болезненный период. Мне доводилось слышать от него: "я понял — я тебе в тягость", "ну и ладно, я сам справлюсь" и многое в этом роде. Сложно. Но когда не обрубаешь концы, а постепенно отдаляешься при общем "я люблю тебя", "я тебя понимаю", то это возможно.

Сейчас он уже вполне самостоятелен. Что-то у него ещё не всегда получается и я ему в этом помогаю. И у нас тёплые отношения, которые мне совсем не в тягость. Мы жили вопреки болезни, но благодаря ей стали ближе друг другу.

Однажды случившись в жизни человека, война будет так или иначе напоминать о себе. Отцово время войны ещё ребёнком был, а всё ещё помнит. Война это очень сильное переживание. И всё, что можно сделать, это научиться жить с этим фактом собственной жизни. Сегодня война напоминает мне о себе громкими ба-хами. Я не знаю, что это. И я знаю, что это.

Сегодня с папой с утра ездили на кладбище убираться. Папа ходит с палочкой и не очень быстро. А я вроде бы и иду с ним рядом, а потом замечаю, что на шаг-два вперёд выскакиваю постоянно. "И чего летишь? На кладбище ты всегда успеш-ешь" — так это прозвучало во мне, когда заметила свой бег. И приостановилась, замедлилась.

Шли с папой неспешно и разговаривали. Местами молчали. А ещё я вдыхала аромат цветущих абрикосовых деревьев. И слушала разноголосье птичек всяких, жужжание пчёлки. Заметила, что трава уже такая зелёная и на клёнах волосики, а на берёзах серёжки. И что черёмуха уже вот-вот... Людей вокруг увидела. И папу...

как он сдал за последнее время... и почувствовала щемящую грусть. И нежность. И тепло. И радость от того, что вот так идём с ним рядом. Много чего увидела, услышала и почувствовала в это неторопливое утро.

Когда летишь по жизни, утопив в пол педаль газа, отпускаешь много важного. Разглядеть, услышать и почувствовать просто не успеваешь. Даже себя. В ушах только свист от пролетевших дней.

Когда была маленькая, ходила, цепко ухватившись за палец папиной руки. Вся рука была большая для меня, а палец — в самый раз. И шаги мои были гораздо меньше, чем его. А он шёл рядом, приравливаясь под мой шаг. Наверное, тоже замедляя свою жизнь со мной. А теперь вот я.

Удивительно, что сейчас вернулись совсем недавно, полдня всего прошло, а по моим ощущениям будто вчера это утро было. Сегодня уже и поработала, и отдохнула, и по дому успела. День ощущается наполненным. Похоже, чтобы жизнь в целом чувствовалась наполненной, важно уметь не только ускоряться, но и замедляться.

Когда-то давно мой сын посадил дерево. В детстве он с осенних игр в войнушку притаскивал полные карманы каштанов — снарядов. Да и вообще тянул в дом всякую всячину. Если вспомнить своё детство или взглянуть на своих детей, не секрет, что в карманах может оказаться что угодно. Когда карманы сына явно выдавали, что там с полведра снарядов, просила его оставлять всё это на улице и не тащить в дом. С большой неохотой он вываливал содержимое во дворе: «Мам, мне всё это нужно!». Что-то я потом выбрасывала, что-то он снова уносил в свои уличные бои, а что-то попало в землю и проросло по весне каштановой рощей. Говорю ему:

— Сына, смотри сколько ты деревьев посадил!

— Правда? Я?!

— А кто же ещё!

Мы выбрали один саженец, нашли ему место во дворе и пересадили. Всё было по-настоящему. Хотя двор маленький и нет пользы от каштана, как от яблони или груши, зато красиво. И сейчас у нас растёт дерево, которое когда-то давно посадил сын.

Созванивались сегодня. Говорю: «Твой каштан зацвёл», а он смеётся: «Ооо, помню, помню, как это было».

А было по-всякому. Я не идеальная мама. Он не идеальный сын. А кто идеален? Но другого сына у меня нет и не будет. Как и у него другой мамы. И мы можем бесконечно искать свои или чужие ляпы в прошлом, а можем с этим прошлым согласиться, как с реальностью, что уже случилась. И можем найти в нашем прошлом хорошее, если будем смотреть на него не из обиды или вины, а из благодарности за опыт, за уроки.

И что мы точно можем — это в настоящем что-то делать для того, чтобы наше будущее стало таким, как нам хочется. Это и о дереве, и об отношениях, и обо всём.

Точно знаю, что в своих детей нужно верить — верить в то, что у них получатся и дерево, и дом, и сын, и всё. Верить, как верили, что они научатся ходить или говорить, пока они этого не умели. Помните эту свою веру? Я не о слепой вере в исключительность своего ребёнка, а о поддерживающей вере в его уникальность.

Сына уехал. Приезжал на один денёк, а теперь уехал. И я грущу. Помню, как сложно было отпускать его во взрослую жизнь, когда он поступил учиться и впервые надолго уехал в другой город. Помню, что даже кошмары всякие снились по ночам: то он с компанией дурной связался, то заболел, а ему некому помочь, то всякие другие страшные страхи.

Что помогло справиться? Доверие. Доверие себе. Доверие сыну. Доверие миру, жизни.

Доверие себе — за годы, что сын был рядом, мы дали ему многое из того, что поможет в его теперешней взрослой жизни, а я теперь смогу справиться со своими тревогами и переживаниями.

Доверие сыну — он уже достаточно взрослый и может сам определять, что такое хорошо и что такое плохо для него прежде всего. Не для меня. Он в состоянии сам справляться со своей жизнью.

Доверие жизни — она взаимодействует с каждым из живущих, посылая всякие сигналы, а мы достаточно чувствуем и знаем, чтобы эти знаки распознавать и понимать, например, что опасно, а что нет. И верить, что вокруг есть живые люди, которые придут на помощь, если что. Мир не без добрых людей.

Когда в очередной раз накаtywала тревога о сыне, забирая мою энергию жизни, вместо того, чтобы трезвонить ему каждые полчаса и требовать отчёт о его жизни для собственного успокоения, я молилась какими-то моими материнскими молитвами о том, чтобы с сыном всё было хорошо. Или делилась своей тревогой с близким мне человеком, разделяя её с ним. И тогда волна "тревога" — "страх" — "ужас-ужас-ужас" превращалась из разрушительной в более мягкую "тревога" — "самопомощь" — "вера в лучшее".

Помогало переключение на свою жизнь — на своё тело, на свою работу, на свои отношения с мужем и другие дружеские и близкие отношения в моей жизни. На то, что ещё имело смысл для меня не только как для мамы, но и как для женщины, как для человека, как для профессионала. В собственной жизни всегда есть куда приложить энергию.

Когда сын сегодня уезжал, нам с мужем хотелось напихать в его рюкзак побольше всяких вкусностей, а он не всё хотел брать. И мы даже начали обижаться, что он отказывается. Подумалось, что так часто вообще во взаимодействии с детьми бывает. В их рюкзак, с которым они идут в жизнь, мы хотим положить какие-то свои пирожки и ценности. А потом обижаемся, что не берут. Но правда в том, что дети могут — способны и имеют право — выбирать. И это нормально.

Думаю, самое важное, что можно дать понять взрослеющим детям, это то, что они сами вправе выбирать дорогу, по которой будут идти. Они вправе воспользоваться или нет нашими подсказками. Потому что это уже **их** путь.

А ещё очень здорово дать и помочь им чувствовать, что они всегда могут вернуться. Мне думается, что им самим тогда легче уходить. Во всяком случае в моём взрослении так было. Я всегда знала, что у меня есть дом, где меня поддержат и примут, если мне это будет нужно. Воспользуются они такой возможностью или нет — это уже второе дело. Просто с таким знанием легче идти по жизни и главное, чтобы эта возможность у них была.

Предлагать не равно *навязывать*. Хотя, соглашусь с этим не всегда легко справиться. Мы же из любви, из лучшего, из благих намерений, из того, в чём мы

сами испытывали недостаток в своё время. Мы с мужем по такому принципу заваливали сына игрушками и книжками, а сейчас пытаемся нагрузить чем-то своим — от солёных огурчиков и варенья в баночках до советов как ему лучше обходиться с собственной жизнью.

Заговорила ... Но грусти от расставания стало меньше, а тепла от того, что в моей жизни есть сын, больше. И много благодарности за то, что встреча с ним состоялась в моей жизни двадцать пять лет назад и продолжается. **Наша** встреча и, во многом благодаря ему, новые мои встречи с собой.

9 мая. Отцы. Сидят во дворе и пьют водку. Один 36-го года рождения, другой 40-го. Дети войны. Им есть о чём поговорить и без нас. А я... я счастлива, что они у меня есть. Они делают меня лучше.

Вчера, когда ездили на кладбище, сказала мужу: «Почему мой брат и твои два брата не звонят и не интересуются, как там папа? Неужели им достаточно того, что отец при нас и что мы позвоним, если что? Неужели они не понимают, что для отцов важен каждый? Что они скучают по ним?». Мой мудрый муж сказал: «Знаешь, а мы, если бы отцы не жили с нами, были бы точно такими же, редко или вообще не звонили, были погружены в свою жизнь». Так вот, отцы при куче дополнительных каждодневных хлопот от накормить, сделать укол, измерить давление и просто послушать, делают меня лучше. Более живой. Более чувствующей. Более сострадательной. Более человеком. Пусть пьют водку и говорят за жизнь как можно дольше!

Я люблю свою грусть. Не то чтобы я люблю грустить, а вот именно так: "Я люблю свою грусть". Грусть для меня очень естественное чувство при прощании с чем-то хорошим, что было в моей жизни. Мне очень нравятся слова Даниила Хломова: "Грусть — самое истинное переживание ценности. Если вы не знаете грусти, в вашей жизни не было ничего ценного". Переживание грусти позволяет мне чувствовать глубину собственной души даже больше, чем радость или боль. Радость и боль — яркие вспышки, а грусть — мягкий свет. Грусть это прощание и прощение одновременно. И смирение. И благодарность. Моя грусть — плата за что-то ранее полученное. Завершение чего-то важного прожитого и пережитого.

Папа со слезами на глазах: "Я никогда не думал, что стану таким беспомощным". Трагедия старости, говорит О. Уайльд, не в том, что человек стареет, а в том, что он душой остается молодым.

Папа, в свои 80 очень ещё молодцом. Но он помнит себя молодым и сильным. Ему очень трудно смириться с тем, что уже не всё так, как, в полной сил зрелости. И ему трудно, и мне, если честно. Я реагирую на его старость по-разному. Иногда, когда он бесконечно повторяет одни и те же рассказы из прошлого или когда про-

бует учить и наставлять меня, у которой самой уже полтинник за плечами, я говорю себе, что не стану такой надоедливой, назойливой, требующей внимания, настаивающей на собственной правоте или авторитете.

Но правда в том, что я не знаю наверняка какой именно я буду в старости. Это в своих мыслях о старости я вижу себя бодрой старушкой в кедах, которой особо никто и не нужен, путешествующей по свету и пишущей книги. Но кто может знать как это будет? Именно эта мысль — я не знаю что именно будет поджидать меня в 80, 90 ... (да, я собираюсь жить долго), именно эта мысль останавливает моё раздражение, если оно вдруг появляется. Именно она добавляет мне терпения и принятия не только папиной, но и своей будущей старости. Я уже заранее начинаю любить в себе эту, возможно, немощную старуху и с пониманием к ней относиться. Папа, через своё старение, через то, что делит его со мной, помогает мне принять и собственную грядущую старость.

Зависть это такое тёмное чувство, которое трудно признавать в себе. Она причиняет много душевных страданий, когда она вытесняется, не разрешается. Даже физических страданий: "зависть душит" — многим знакомо не по литературе, а по ощущениям. Чтобы как-то примириться с завистью, её делят на "чёрную" и "белую", но зависть она и есть зависть.

Завистлива ли я? Не сказала бы. Завидовала ли? Да, и часто. Что помогало и помогает справляться с ней? Мне помогает пятишаговый алгоритм позитивной психотерапии Н. Пезешкиана (кстати, он применим к работе и с другими сложными чувствами):

1 шаг. Признание того, что, да, я завидую. И это непросто, я вам скажу. Вдруг из белой и пушистой в какого-то монстра превращаешься. Разрушается идеальный образ себя. Но в данном случае это «волшебный пендель», трудный шаг к обретению целостности.

2 шаг. Прояснение, т.е. исследование на предмет "А чему именно я завидую?". И вот здесь очень интересные вещи можно узнать о себе и понять, что я завидую не вообще, а чему-то вполне конкретному.

3 шаг. Похвала себе за смелость посмотреть своей зависти в лицо. Это очень "вкусный" шаг. И чем больше увидишь, разглядишь и погладишь себя за это, тем легче будет двигаться дальше. Этот шаг — передышка перед реальными изменениями в жизни.

4 шаг. Составление некоего плана действий. Что я могу сделать уже сейчас, чтобы в моей жизни стало так, как я хочу, и появилось то, чему я завидую. Причём, не обязательно это должно быть нечто грандиозное. Маленькие и осуществимые шаги, приближающие к желаемому результату.

5 шаг. Закрепление — придание смысла своим изменениям. Это как ответ на вопрос: "Как изменится моя жизнь для меня/для моей семьи/ и для мира в целом?" Мой ответ на этот вопрос: я стану счастливее/в моей семье будет спокойнее, так как я стану спокойнее и счастливее/миру вообще лучше от счастливых людей.

Иногда можно начинать с пятого шага, чтобы был свет в конце тоннеля, чтобы понимать для себя — ради чего это всё.

Понятно, что не всё и не всегда получается сделать в одиночку. Понятно, что иногда наши сложные чувства это отголосок нашей родительской семьи, прошлого жизненного опыта, а иногда ещё глубже — нашего рода. И что-то, что мне одной было не по зубам, я прорабатывала с психотерапевтом. Но так или иначе вместо того, чтобы вести с завистью войну на уничтожение, имеет смысл воспользоваться ею, чтобы лучше узнать себя и улучшить свою жизнь так, чтобы в ней было меньше поводов и места для зависти.

Сквозь сон чувствую, как муж, уходя на работу, укрывает меня одеялом. А меня накрывает такой волной нежности, что даже зажмуриваюсь, будто боясь расплескать её слезами.

Всегда ли была чувствительна к таким моментам? Замечала их? Была благодарна тому, что в моей жизни так? Была счастлива в наших отношениях тихим счастьем мелочей каждого дня? Нет, не всегда.

Странно и грустно сейчас вспоминать, но самые мои большие разочарования в отношениях с мужем были связаны с моими ожиданиями некоей идеальности от него: чтобы не пил, не курил и, конечно, чтобы «миллион алых роз», чтобы непременно мысли мои читал и желания угадывал ... В общем, «если я тебя придумала, стань таким, как я хочу». А если промазал в чём-то — разочарование и неудовлетворённость. Обижалась, не разговаривала, к стене отворачивалась. Сама мучилась, если честно, ужасно и его, конечно, мучила.

Странно сейчас — как я не понимала очевидного: свои желания и потребности в отношениях нужно, как минимум, озвучивать. И, да, отличать свои реалистические желания от прихотей и фангазий.

Грустно потому, что фильм жизни назад не открутишь. Все эти обидки воровали радость и счастье от свершающегося, так что за деревьями не видела леса.

А на самом деле, оказывается, всё просто — каждый день по чуть-чуть вбрасывать в себя маленькие проявления любви в отношениях. Замечать. Наполняться ими. С обидками разбираться на месте, не возвращать их, не лелеять в себе, не носиться с ними как с писаной торбой. Может быть, это и примитивный рецепт счастья в отношениях. Но пользуясь им, я знаю как просто это благодарное дело — особенно, если делаешь его постоянно, как дышишь.

Читая кого-то, я прохожу вместе с писавшим какой-то отрезок пути. Своего жизненного пути. Для меня бесконечно ценно, если чьи-то слова вызывают отклик в моей душе. Я тогда чувствую, что не одинока в своих переживаниях.

Я хочу завершить наш — мой как человека, который делился своими мыслями и чувствами, и ваш как человека, который читал написанное мной — разговор письмом клиентки, которое получила недавно. Оно пришло спустя время после нашей

с ней работы и её разрешение на публикацию — ещё один плюс к тому, что мы с ней прошли вместе. Это письмо больше того, о чём я могла мечтать, когда мы только начинали. Вот оно:

"Прочла твой пост, где ты пишешь: "О клиентах. Как ни удивительно, но самые стремительные или глубокие (в зависимости от того, чего на самом деле хочет клиент) результаты нашей совместной работы происходят именно тогда, когда клиент "приходит на меня". Не на стоимость услуг. А вот именно на меня, как на психотерапевта".

*Да, это так, я хотела быть **только** твоим клиентом. Я давно уже тебя читала. Мне было очень близко то, о чем ты писала.*

Да, до этого у меня не было опыта работы с психотерапевтом в Skype, я не знала, получится или нет, но я была достаточно замотивирована и очень хотела выйти, выйти из туннеля. В течение двух последних лет я часто говорила себе: "Я ведь столько читаю по психологии, я смогу справиться и сама". Порой мне удавалось вынырнуть, но проходило время и я снова наступала на свои любимые грабли.

И однажды я решилась, я написала тебе.

Это были четыре месяца наших еженедельных встреч.

Да, порой это было очень больно...Были дни, когда мне казалось, что я лежу на дне моря бездвижения...вроде умерла, а вроде и нет. Проходила пару дней и я снова всплывала — мне было снова хорошо, я чувствовала, что что-то осталось там, на дне моря, а что-то мне удалось прожить только сейчас...

Да, порой меня одолевала злость...Мне хотелось вмазать всем, кто был жесток со мной, кто делал мне больно, когда я была маленькой...всем, кто многие годы манипулировал мной. Мне хотелось наорать на тех, кто должен был хотя бы защитить меня, но так и не сделал этого.

Да, было неприятно... вскрывать ошибки других, как, впрочем, и свои ...

Да, было нелегко...принять...

Случается, что в какой-то исторический момент жизни сталкиваешься лицом к лицу со своим внутренним ребенком, с его ранами, с его болью, с его обидами, с его надеждами. Кажется, что все время крутишь один и тот же фильм.

Принять свое прошлое.

Принять ошибки...чужие и свои.

Принять свою ответственность...за свою жизнь...

Это были четыре месяца нашей совместной работы...

А потом в моей жизни стали происходить чудеса...

Первое чудо — мы снова стали очень близкими с моей дочерью. У меня снова открылся фонтан любви и нежности к ней, такой отличной от меня, но и такой похожей на меня...

Второе чудо — у меня наладились отношения с моей близкой родственницей, которые были конфликтными в течение двух последних лет.

А третье — у меня наладились отношения с самой собой, без этого конечно же не могли произойти два предыдущих чуда...

Это был огромный путь.

Путь, который мы прошли вместе с тобой, дорогая Ирина.

Путь, за который я тебя очень благодарна.

Почему я написала это письмо? Я думаю, что среди твоих читателей есть люди, которые сейчас сомневаются, как в свое время сомневалась и я. Может кто-то из них прочтет меня и наконец то решится, решится... пройти часть своего пути...вместе с тобой.

И, тогда, как говорится "Удачи вам... в пути!"

P.S. Я понимаю, что эти мои четыре месяца только первый этап...Я не знаю, когда наступит следующий, как говорится, поживем-увидим. Но теперь я точно знаю, что это работает..."

P.S. Я не знаю, не могу знать — отзовутся ли в вас и как отзовутся мои заметки. Но если вы прочитали — дочитали до этой строчки, то я уже благодарна вам. Спасибо.

Евгений Беркович

ПЕСОК НА ЗУБАХ, или НЕВЫНОСИМАЯ ЛЕГКОСТЬ НЕВЕЖЕСТВА

О фильме «Томас Манн. Спуск с Волшебной горы»
Телеканал «Культура», Студия просветительских фильмов, 2016 год

Анонс документального фильма, упомянутого в заглавии, порадовал. Ведь это здорово, что жизнь и творчество моего любимого писателя еще кого-то интересуют. Кроме того, появилась надежда увидеть интересные документы и кадры кинохроники. В этом смысле фильм не разочаровал. В 26 минут экранного времени авторы сценария **Александр Крastoшевский** и **Виктория Орлова**, режиссер **Татьяна Малова** с консультантом **Арсе-нием Дежуровым** ухитрились вмести-ть биографию одного из величайших пи-сателей XX века. И старые документы, и кадры старой кинохроники впечатляют.

Например, в одном из фрагментов фильма показан счастливый Томас-отец с детьми. Писатель редко улыбался на фотографиях. А здесь видна нескрываема-я радость отцовства.

Кадры из фильма

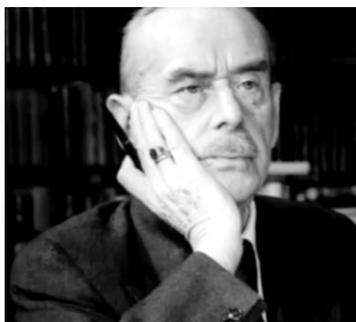
Весьма интересны кадры Томаса Манна с Альбертом Эйнштейном. То, что они встречались, будучи соседями по Принстону, известно. Но я не видел до сих пор, как великий физик награждал великого писателя медалью. Что это за медаль,

из фильма узнать не удалось, кадры кинохроники часто не комментируются и идут сами по себе. Придется поискать ответ самому.

Кадры из фильма

Что еще понравилось — публичное обсуждение темы «Томас Манн и еврей», я даже несколько цитат из своих работ услышал. В классической биографии Томаса Манна, написанной выдающимся знатоком его творчества Соломоном Аптом и изданной в 1972 году, этой темы нет вовсе^[1]. Там само слово «еврей» практически не встречается — на 107 800 слов в книге Апта это слово появляется всего четыре раза, да и то без отношения к теме. А в фильме проблема противоречивого отношения писателя к евреям, по крайней мере, обозначена. Упомянута также и склонность автора «Смерти в Венеции» к гомозеротике, что, без сомнения, повлияло на его творчество.

Кадр из фильма

А вот вставка в документальные кадры живых актеров, изображающих реальных людей, мне не понравилась. Получилась какая-то окрошка из документального и художественного кино. Как-то сразу чувствуется фальшь — ну, не верю я, что этот усатый старичок за письменным столом — и есть Томас Манн, когда следом показывают кадры с настоящим Томасом Манном, совсем на этого старичка не похожим. Но это дело вкуса, я понимаю, что искусство по своей природе условно, так что авторы были вправе и такую форму выбрать для своего фильма. Обидно только, что наряду с блестящей документальной составляющей фильма, выдуманные «художественные» заплатки часто выглядят натужно, неестественно и грешат большим количеством фактических ошибок и логических несоответствий. Похоже, что фан-

тазия сценаристов и режиссера летит свободно и легко, не обращая внимания на фактическую сторону дела, а иногда и на логику событий. Трудно сказать, чем это вызвано — то ли простым незнанием фактов, то ли их недооценкой. Но если знаешь, как было на самом деле, такое насилие над правдой огорчает. Как песок на зубах от плохо промытого салата может испортить вкус свежего блюда, так эти несущественные, вроде бы, мелочи способны отравить удовольствие от всего фильма. Да и мелочи ли, ведь известно, кто находится в деталях...

Чтобы не быть голословным, рассмотрим несколько показательных примеров.

Пример первый (от начала фильма прошло 16' 55"). Есть в фильме сцена, относящаяся к маю 1950 года. В кабинете Томаса Манна в Пасифик Пэлисейде (Калифорния, США) звонит телефон, рука артиста, играющего Манна, тянется к трубке. В это время голос диктора за кадром объявляет, что он не станет брать трубку, ждут плохие новости, как тогда, 17 лет назад, когда в **номере швейцарской гостиницы** он снял трубку и услышал, что Гитлер пришел к власти. Рука отдергивается от телефона.

Кадры из фильма

Признаем, что такая попытка «художественно» перейти к теме нацизма в Германии получилась довольно неловкой. Из нее можно сделать вывод, что Томас все 17 лет после того рокового звонка в швейцарской гостинице не снимал трубки телефона — ведь плохие новости могли повториться в любой момент. Иначе непонятно, почему опасность услышать плохую новость вдруг напугала писателя именно в мае 1950 года, через такой большой срок после начала «Третьего рейха». То не боялся телефонных звонков, а тут вдруг заробел.

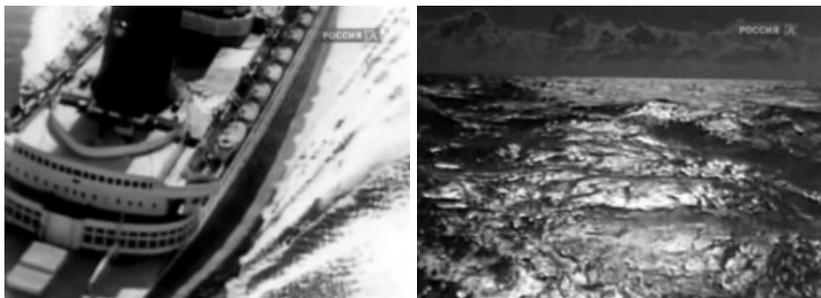
Но это моя личная оценка художественного приема, явно психологически недостоверного. Заметим, что тут есть еще и фактическая ошибка: Томас Манн не покидал Германию в январе 1933 года. Это вам скажет любая «Хроника Томаса Манна», жизнь которого изучена его биографами с точностью до дня. Так, 30 января 1933 года, когда Гитлер был назначен рейхсканцлером, Томас был в баварском курорте Гармиш-Партенкирхен, и ни в какой Швейцарии быть не мог [2]. С этим связан еще один пример фактической неточности, к которому мы перейдем.

Пример второй (16' 44"). Голос диктора говорит, что Томас и Катя оставили Германию **«весной 1933 года»**. На самом деле, Томас и Катя Манн покинули Германию 11 февраля. Почему важно отметить именно этот день, а не давать слишком широкое указание — «весной». Во-первых, это день годовщины свадьбы Томаса и Кати.

Катя и Томас Манн

Во-вторых, поездка приурочена к 50-летию со дня смерти Рихарда Вагнера 13 февраля 1883 года. Именно к этой дате Манн должен был прочитать доклад «Величие и страдание Рихарда Вагнера» в нескольких европейских столицах. Так что не случайно Томас и Катя уехали в первой половине февраля, а не когда-то «весной». Про то, что при этих словах на экране показывают океанский лайнер и морские просторы, я уже не говорю. Для поездки из Мюнхена в Амстердам, Брюссель и Париж для чтения лекций, а потом на отдых в Швейцарию, как планировали Манны, никаких морских путешествий не требуется.

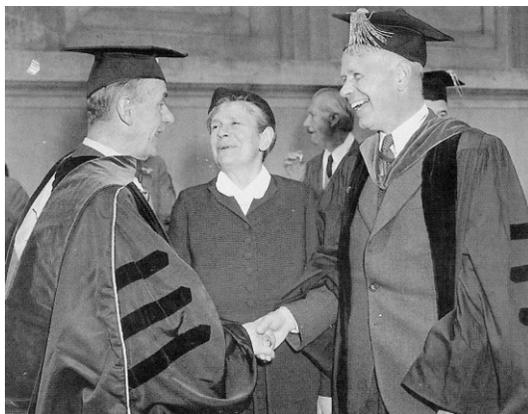

Кадры из фильма

Еще одна неточность проявилась в фильме в путанице научных званий.

Пример третий (19' 20"). Рассказывается, как после лишения немецкого гражданства в 1936 году у Томаса Манна отобрали статус **почетного профессора** Боннского университета. На самом деле, статус был **«почетного доктора»**, а это разные вещи. Статус почетного профессора Томасу присвоили в его родном Любеке значительно позднее, в 1926 году. А первое звание «почетного доктора» он получил в

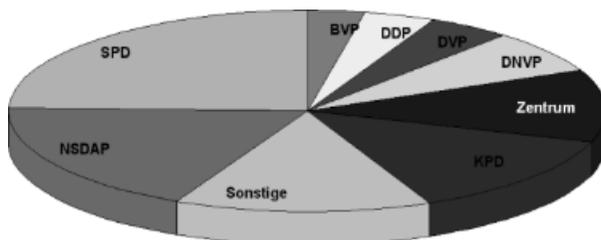
1919-м, сразу после войны и выхода в свет его монографии «Рассуждения неполи-
тического». Боннский университет, настроенный крайне националистически, принял
Томаса Манна «за своего», и присвоил ему звание почетного доктора филологии. То-
мас Манн, который не имел права поступить в университет и, тем более, не мог за-
щитить докторскую диссертацию, так как не окончил классическую гимназию, был
страшно горд таким титулом. После этого он даже в книге регистрации постояль-
цев в гостинице важно подписывался: «доктор Томас Манн». Но не «профессор»!
Обращаться к Томасу Манну «господин профессор» стали много позже.

Томас и Катя Манн и Петер Прингсхайм во время присуждения
писателю очередного звания доктор наук, 27 марта 1941, США

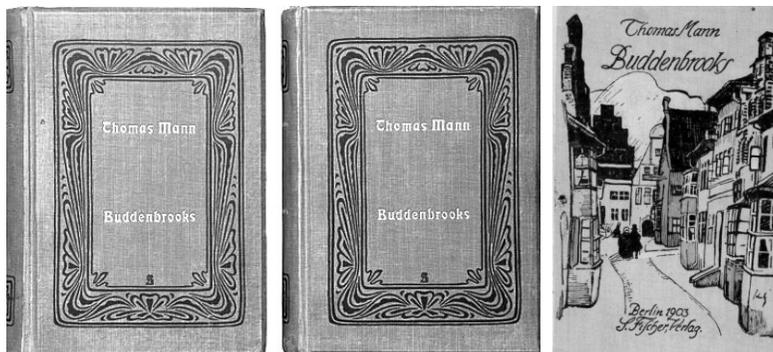
А вот пример неточного оборота, связанный с итогами выборов в Рейхстаг в
1930 году, когда нацисты добились наибольшего успеха.

Пример четвертый (15' 40"). Голос диктора говорит, что в доме Томаса
Манна Гитлера считали неудачником и очень удивились, когда 14 сентября 1930
года партия национал-социалистов **победила** на выборах в рейхстаг. На самом
деле, это был успех нацистов, но не победа. Победила тогда социал-демократиче-
ская партия, она набрала 24,3% голосов и получила 143 места в рейхстаге. Нацио-
нал-социалистическая партия была второй — 18,25% голосов и 107 мест. Так что о
победе на выборах говорить было рано.

Результаты выбора в Рейхстаг в 1930 г.

Следующие два примера показывают фразы из фильма, сказанные «ради
красного словца», хотя на деле было не так.

Первый двухтомник и однотомник "Будденброков"

Пример пятый (3' 55"). В фильме утверждается, что после выхода в свет романа «Будденброки» в 1901 году 26-летний писатель-дебютант **«проснулся знаменитым»**. Это не совсем так! Первое издание романа в виде двух дорогих томов оказалось невостребованным, многие экземпляры книги оставались на полках магазинов и не находили покупателя. Издатель Самуил Фишер решился тогда на рискованный шаг — не дожидаясь, пока первое издание будет распродано, он выпустил второе — в одном томе и более дешевое. Тут, весьма кстати, и критик Самуил Люблинский написал хвалебную рецензию, и процесс пошел! Роман стали покупать, читать, и слава пришла к молодому писателю. Но так, как фильме — «проснулся знаменитым» — не было. От первого издания романа до «знаменитости» прошло около года, так что если бы автор проснулся знаменитым, то спать бы ему пришлось бы очень долго, сон напоминал бы летаргический.

Пример шестой (22' 45"). Еще один красивый оборот-штамп использован в фильме, когда диктор заявляет, что во время войны дома Манна в Любеке и Мюнхене **«были стерты с лица земли»**. Это неточность. В Любеке у него уже не было своего дома. А в Мюнхене дом был разрушен, но не полностью, и в нем жили и во время войны, и после нее беженцы с Украины. Когда Клаус Манн, офицер армии США, вернулся в 1945 году в Мюнхен и заехал посмотреть свой родной дом на Пошингерштрассе, он увидел то, что осталось от дома и его новых жильцов. Вот для того, чтобы окончательно их выселить, уже после войны остатки дома были разрушены, и на этом месте можно было строить новый дом. Писатель отказался вернуться. О выселении непрощенных жильцов шла речь в переписке Томаса Манна с обер-бургомистром Мюнхена. Но это уже другая история, о которой в фильме речи нет. Но говорить, что «стерт с лица земли» дом, в котором продолжают жить люди, не совсем корректно.

Клаус Манн перед якобы "стертым с лица земли" домом в мае 1945 года

Теперь о более важном ляпе, показывающем, что создатели фильма не следят за логикой событий.

Пример седьмой (9' 05"). В фильме есть сцена, где Томас Манн размышляет о ссоре с братом, которая привела к разрыву на долгие восемь лет. Вспоминает он так: «было мне тогда 40. Ну, да, почти, как раз **перед Первой мировой**». Из-за чего же возникла ссора? Серьезная размолвка произошла, и это в фильме прямо озвучено, из-за статьи Томаса Манна «Мысли во время войны». Дамы и господа — сценаристы, режиссер и консультант, — прочтите название статьимедленно и вдумайтесь на минутку: **во время войны!** Эта работа вышла в свет в ноябре 1914 года. Писать ее до войны Томас Манн никак не мог, он и не верил до последнего дня, что война произойдет. Так может ли ссора из-за статьи, написанной «во время войны», произойти «перед Первой мировой»?

Эссе Томаса Манна "Мысли во время войны" и братья Манны

А следующая неточность показывает кипучую фантазию авторов фильма, которая заменяет им простое знание фактов.

Пример восьмой (20' 44"). Известна антифашистская деятельность Томаса Манна в Америке, когда он по предложению бригаанского радио стал ежемесячно выступать с короткими, сперва пяти-, а потом восьмиминутными обращениями к немецким слушателям. Об этом в фильме сказано так: более полусотни обращений Манна записали на пленку, **тайно везли через Атлантику** и транслировали на Германию, Австрию и Чехословакию. Жалко не сказали, на каком транспорте эту пленку перевозили. На самолете? Дирижабле? Или подводной лодке? Уважаемые коллеги, неужели вы, готовя биографию Томаса Манна в форме документального фильма, не прочитали упомянутый классический труд Соломона Апта, вышедший в свет в серии «Жизнь замечательных людей»? Ведь там технология доставки сообщений писателя его европейским слушателям описана детально. Протицирую:

«Поначалу он передавал тексты своих речей в Лондон, где их читал диктор, по телеграфу, но вскоре<...> голос Томаса Манна записывался в Лос-Анджелесе на пленку, которую затем доставляли авиачпочтой в Нью-Йорк, после чего звукозапись передавали по телефону в Лондон, откуда она и уходила в эфир».

Где вы увидели здесь «тайную перевозку через Атлантику»?

Выступление Томаса Манна по радио в ноябре 1941 г.

Пожалуй, хватит примеров, хотя этот ряд можно продолжить. Хотел бы только поговорить об одном несоответствии действительности, которое заметно лишь специалистам. Но ведь на то и консультант дается, чтобы такие тонкости отмечать, не так ли?

Пример девятый, последний. Многие кадры фильма иллюстрируются «рукописями Томаса Манна». Даже показывается, как он красивой ручкой с золотым пером выводит почти каллиграфический текст, естественно, на немецком языке. Но Томас Манн так никогда не писал и писать не мог. Он писал шрифтом Зюттерлина, а нормальную «латиницу» не мог выводить. Об этом он сообщал Петеру Пригсхайму, когда тот томился в концлагере в Австралии, а военная цензура никаких писем, написанных не на латинице, не пропускала. Тот, кто хоть раз видел рукописи и дневники писателя, никогда не спугает эти два способа рукописного письма. Очевидно, что создатели фильма о таких «мелочах» не задумывались. Здесь речь идет не о разных почерках, а фактически о разных письменных языках — не каждый немец прочтет сейчас шрифт Зюттерлина, но и человек, обученный с детства этому способу письма, не сможет легко перестроиться на современную латиницу [1].

Кадр из фильма и подлинная открытка, написанная Томасом Манном брату Генриху

Предотвращение подобных ляпов лежит, конечно, на консультанте, который должен быть в курсе деталей тогдашней жизни и особенностей биографии писателя. Нет сомнения, что симпатичный и обаятельный Арсений Дежуров — образованный человек, ведь недаром он преподает зарубежную литературу в педагогическом институте. Но мне почему-то кажется, что Томас Манн — не его «конек», хотя Дежуров и принимал участие в некоторых телевизионных передачах, посвященных нобелевскому лауреату. Но ни одной статьи или книги Дежурова о немецком классике я не нашел. Нет его работ и в серьезных профессиональных журналах типа «Вопросы литературы» или «Иностранная литература», вообще в «Журнальном Зале» у него нет ни одной статьи. Выбор такого консультанта странен, ибо в России есть настоящие знатоки-манноведы. Взять, хотя бы, Игоря Эбаноидзе, который и диссертацию по Манну защитил, и работы его переводил, и книги о нем редактировал. Я уверен, что большинство ляпов фильма он бы не пропустил. Но кадровая политика при использовании госзаказа — фильм снят на грант от Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям — материя темная, и здесь я умолкаю без комментариев.

Арсений Дежуров. Кадр из фильма

Добавлю только, что изобретательности авторов фильма в конструировании постановочных сцен можно было бы только позавидовать, если бы в основе их фантазий часто не лежало бы простое незнание исторических реалий и нежелание приложить какие-то усилия, чтобы их узнать.

Когда-то А.И. Солженицын придумал обидный термин "образованщина" для интеллигенции, которая не отвечала его представлениям о духовной элите общества. Сейчас впору вводить новый термин - "необразованщина", чтобы описать, во что превращаются творческие работники сегодня. Раньше ошибки непрофессионализма и невежества при публикации книги или при выпуске фильма на экраны страны были редчайшим исключением — на страже качества интеллектуальной продукции стояли грозные ряды редакторов (художественных и технических), корректоров, консультантов, внутренних и внешних рецензентов. Непрофессионального, невежественного автора просто не допускали к публикации. Встречались ли тогда ляпы? А как же! Я сам приводил несколько ярких примеров с изданием автобиографии Томаса Манна "Очерк моей жизни" в переводе Анны Семеновны Кули-

шер ^[4]. Но это были исключения из правил. Сейчас же становится правилом другое: никого не удивляет, что к публикации книги или выпуску на экраны фильма по госзаказу допускаются неподготовленные, невежественные люди, как я сказал, "необразованщина".

Примечания

[1] Апт С.К. Томас Манн. Серия «Жизнь замечательных людей». Изд-во ЦКВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва 1972.

[2] Heine Gert, Schommer Paul. Thomas Mann Chronik. Vittorio Klostermann, Frankfurt a.M. 2004.

[3] Более подробно см., например, в статье Беркович Евгений. Одиссея Петера Прингсхайма. «Нева», № 5 2013.

[4] Беркович Евгений. Работа над ошибками. Заметки на полях автобиографии Томаса Манна. «Вопросы литературы», № 1 2012.

Александр Фролов

ЗАМОК

Памяти Европы

*«Кто выдумал, что мирные пейзажи
Не могут быть ареной катастроф?»*

М. Кузмин

1.

Не «Реквием», не «Ода к радости»,
не трубы грозные «Восьмой...»,
так — пустячок: «Mein Lieber Augustin” —
раскачка мюнхенской пивной.
Под вюрстхен с кружкою «баварского»,
под доннер-веттер злых речей
крути, тщедушная, свой ласковый
мотивчик общий и ничей.
Пока еще поля Евразии
под ноль не выкосила смерть,
покуда не обезобразили
развалины земную твердь,
крутись, играй, пока играет
в кругу обыденных забот...
Пока пружинка разжимается,
пока не кончился завод.

2.

Никому не защита эти камни, никому не угроза;
на воротах — следы древогочца и бурой гнили...
И под стогнами вольготно пасутся козы.
Их зачем-то из Камеруна сюда тащили.
Вот сюжет для Умберто или для Милорада,
да, вообще, для любого, кто в креативном угаре
эту жизнь заселяет, сочиняет ее обряды,
кто придумывает государства и государей.

Мир был юн восемьсот лет назад.
Недомерок тощий
был жесток, как и все подростки, но любви его ради
Нахтигаль заходил от страсти в прозрачной роше;
отдыхал под стеною единорог, на Марию глядя.
...Гобелены его, менестрели его, мистральи;

стрелы сводов его, турниры, пробитые латы,
и т.д. и т.п...

Как мы все туристами стали?
Что досталось — сличать приметы, считать утраты.

Что осталось? — строить из слов прясла наши, куртины
и донжоны смыслов, торчащие одиноко...
Соответствует ли картина описанию картины,
распадающемуся, с какого не глянешь бока,

на фрагменты, детали, в которых немного толка?
Скопидом, ни высот тебе, ни ужасов на дороге...
Что там «Кэнон» твой сам по себе нащелкал? —
Только козы и вышли лучше всего в итоге.

3.

Тебя не похилят — не до затей —
просто прирежут ножом кривым...
Они не простили твоих детей,
Царьградский они не забыли дым
А как ты старалась их всех принять!
О, как ты хотела их всех любить!
К своей материнской груди прижать,
одеть и обуть, в себе растворить.
Ну, что же, вставай на последний бой.
И к смерти последней себя готовь,
когда с минаретов раздастся вой
и хлынет на приступ чужая кровь.
И выпадет красный от крови снег.
И черный от гари ударит град.
И ты похоронишь свой долгий век
под каменным небом своих утрат.

4.

Тонконогая девочка. Горький рассказ;
неизвестности ужас, и так — день за днем...
Я себе представлял его множество раз,
но не смог, не решился прийти в этот дом.
Я себе говорил, выходя на канал:
ну, сходи, ведь всего от тебя в дух шагах...
Но зачем? — чтоб отметить: видел, бывал
и с толпой экскурсантов толпился в дверях?
Инсталляция страха, перформенс беды,
экспозиция смерти — смотри, розозей,
как старательно мы сохраняем следы

изувеченной жизни, построив музей.
Нет, не смог, не сумел. Здесь бетоны и стекло.
Где тот склеп, тот сарайчик, тот лаз потайной?
Не увидишь за спинами — слишком светло...
Не пошел?.. Ну, оставь этот долг за собой.
Вспоминай наших Тань, наших Ань дневники.
Проклинай европейскую “donkere nacht”...

...Группа вышла. Вдохнули. И кормят с руки
тонконогую цаплю на Блоуменграхт."

5.

В этих домиках пряничных — как здесь спокойно живут
с вечным видом на тисовый лес и в снегу перевал.
Пастораль предальпийская, сказочный детский уют...
Я видал этот клин Бодензее: проезжал, пролетал.

Не ценивший утрат и еще не считавший потерь,
соглядатай чужого довольства, любитель щедрот
жизни легкой и светлой, о чем ты не вспомнишь теперь,
когда ниву вспахал опереньем своим самолет,

когда все здесь измазано сажей, и дымной каймой
обведен тот веселый, казавшийся мирным, пейзаж?..
Свой диспетчер у каждой трагедии, свой рулевой.
Вероятность случайности или случайная блажь?

Равнодушное общее небо и общий закат.
В кости Бог не играет — предпочитает лото.
Не ищи виноватых. Каждый в чем-нибудь виноват.
Но детей, Всеблагий, Всемогущий, детей-то за что?

6.

В узкой щели бойницы догорает твоя звезда.
С нераспознанным ужасом один на один —
представляешь? — ты останешься здесь навсегда
среди пыточных этих, убойных этих машин.

В стену взглядом упруешься, не помня, где верх, где низ.
И напрасно все у колодца весточки ждешь...
Ты уронишь поднос, разобьешь кофейный сервиз;
белоснежную скатерть утюгом паровым прожжешь.

В наказанье тебе — не колочий стальной насест —
бесконечные, как сплошная эта стена,

кафкианские будни; вставай и неси свой крест
отрешенья от смыслов, падения в бездну сна.

А когда не увидишь ни солнца уже, ни звезд,
ты поймешь, что сбежать отсюда тебе не успеть...
Слышишь? — ржавые цепи скрипят. Поднимается мост.
Мир закрылся. От жизни осталась смерть.

7.

Прощай, умытая Европа!
Тебя почти уже и нет...
Твоя кадрили на три пригопа,
твой венский вальс, твой менуэт,
твой нежный Шуман в пичьем гаме,
твой резвый Моцарт на воде...
Прощайте! Вы куда с нами,
но скоро будете нигде.

Пропела и оттанцевала
свой век... И кодой — карачун.
И Гайдн крадется вдоль дувала,
задув последнюю свечу.

8.

Живешь, как и все, в ногу с веком.
А сколько его там осталось?
Смерть шарит по нашим сусекам,
где прячутся нежность и жалость.

Дождь падал на Падую скудный.
Ты помнишь ли, как мы плутали
в той Пинакотеке безлюдной,
пока не нашли, что искали?

«Так смертный не может! Не может!» —
о чем я, пылая, сгораю...
Кого моя грусть потревожит?
Кому моя просьба немая:

«Пускай мы уже только тени,
и нам Ты давно не мирволишь, —
оставь нам Мадонну Мантеньи.
Мадонну Мантеньи! Всего лишь.

И если нас в мире не станет,
хоть кто-нибудь в самом начале
иного пути нас помянет
и скажет: «Они что-то знали...»

9.

Мат в три хода. Все пешки — в расход.
Королю — одинокая старость...
Эту партию выиграет тот,
кто поставил на зависть и ярость.
И не Патмос последних времен,
и не грохот ночных эшелонов —
ты уйдешь под малиновый звон
сладкозвучных своих карильонов.

Как сияли твои витражи!
И какая муз**ы**ка звучала!
Для кого этот бисер, скажи,
ты столетьями щедро метала?
Затухает соната в с-dur,
солнце Реймса во мгле догорает...
На доске не осталось фигур.
Игры кончились. Кнехт умирает.

* * *

Приганцовывал, подпрыгивал,
с подбородка пену стряхивал;
ножкой левою подрыгивал,
ручкой правою помахивал.
С визгом расчленил историю
не по долгу — по призванию,
и склонял аудиторию
к добровольному признанию.

Чем гордишься ты, юродивый —
вашей догмы вязким ливером?
О каком таком народе вы
так пеклись, что чуть не вымер он?
От Кавказских гор до полюса
как земля вас только вынесла:
ваши умыслы без помысла,
ваши замыслы без вымысла?

АКТЕРЫ

Белый тюль, черный бархат и серая вата...
И герой в одночасье кончает собою,
и под сцену летит навсегда без возврата.
Не твое ль, Персефона, там царство ночное?
Мед густеет, воск тает. И плачут актрисы:
он упал, он пропал, он скончался... И что же? —
вот выходит живой из-за левой кулисы...
Это— сцена!..
"Ну, то есть, как будто похоже
на тягучую жизнь без ремарок, кавычек,
где надеждой живем и подобиям верим...
Есть скрипучая правда ключей и отмычек,
отпирающих темные ржавые двери.
Там подъем или спуск? Или сразу — лужайка?
Папа Карло, куда их все тянет и тянет?
По проходам снует разноликая стайка;
бубенцами звенит, и галдит, и шаманит.
Сколько раз понарошку они умирают!
Но воскреснув опять на подмостках забытых,
и смеются, и бегают дерзко по краю,
и рыдают навзрыд в ярком свете софитов.

* * *

С каждым днем невыносимей новости
и глупей реляции и сходили.
Нет причин для радости. От гордости
надуваться нет причин тем более.

Эта часть симфонии затвержена
назубок. Иголка спотыкается
через такт: пластиночка заезжена...
Ничего у нас не получается.

Эта часть истории закончена;
если правильной сказать, загублена.
И окно как будто заколочено,
а еще точней — не допрорублено.

От загона тропка и до выгона;
вот и всё. В другое и не верится...
Эта часть судьбы уже отыграна.
Счет не в нашу пользу, разумеется.

* * *

«Великое Может Быть...»

Франсуа Рабле

Не отыщешь панацею
от сомнений и тревог.
Всяк свою теодицею
тайно сочиняет впрок.
Так почто скулишь и нудишь,
вопрошая у небес:
кем ты будешь, если будешь?..
Кем угодно, вот те крест!
Будешь тихим, будешь резвым.
Мудрым будешь и тупым.
Будешь пьяным или трезвым,
Будешь добрым, будешь злым.
Будешь жигь среди развалин
или в горних строить дом.
Будешь славен и бесславен;
и овцой и овчаром.
Будешь навсегда свободным
или навсегда пленён..
Будешь сытым. И голодным
будешь. И в конце времен
тело к боли прихотишь,
душу робкую — к любви..
Будешь, будешь, кем захочешь...
Но пока еще — живи!

Георгий Фрумкер
**ЧЕТВЕРОСТИШИЯ,
ЛАТИНИЗМЫ И БАСНИ**

Из раздела «Четверостишия»

«...а ужин отдай врагу»

Какой болван придумал лозунг модный?!
Попробовал. А результат таков:
Я, как дурак, хожу теперь голодный.
И очередь под вечер... из врагов!

«...коня на скаку остановит...»

Мне надоел некрасовский синдром.
Жену не буду брать на ипподром!
Она опять расстроила меня:
ОСТАНОВИЛА НЕ ТОГО КОНЯ!!!

=====
Никогда я врать не стану
На вопрос жены немой:
«Как дела?» - Идут по плану,
Только жаль, что план не мой...
=====

Двухглавый орёл

Всем честно отвечу — не буду юлить,
Хоть идею озвучу не новую...
Я о двух головах, чтобы легче свалить,
Мне с большой головы на здоровую...
=====

С годами больше опасайтесь,
Жир в телесах своих копить.
С любимыми не раздевайтесь,
Они вас могут разлюбить.
=====

Нету мочи, нету силы,
А остался только принцип...
Престарелые Кобылы
Ждут коня на белом Принце.

=====

Я давно замечаю
Нашу "мудрость по-русски":
Приглашают нас к чаю -
Мы приносим закуски.

=====

Ах, шоппинги, треннинги, ах, префектуры!
Ах, «ВАУ», респекты и ралли...
Мы так полюбили чужие культуры,
Что даже свою потеряли.

=====

Собачий инкстинт...

Да, в жизни нас немало унижали...
Благодаря везенью ли, сноровке,
Мы всё же от хозяина сбежали!
Откуда же на шею часть верёвки?!

=====

Ты - мое любимое создание -
Лучшего не ведала природа.
Это наше первое свидание...
Мне ещё сидеть четыре года!

=====

ЛАТИНИЗМЫ...

Необходимое предисловие

Латынь из моды вышла ныне...

А.С. Пушкин

Ах, какие были времена!.. Суаре, журфиксы... Люди общались на превосходном французском, итальянском, немецком... Вставляли фразы на латыни... И прекрасно понимали друг друга. Если вы сейчас обратитесь к кому-то «мон шер», то не уверен, что легко отделаетесь.

Хочу взять на себя смелость хоть немного латинских фраз вернуть в наши дни. А там, может быть, придет черед и итальянского, и французского языков, которых я не знаю...

Но это всё — *entre nous* (между нами).

Буду рад, если вы сможете *utile dilce miscere* (соединить приятное с полезным). А именно — улыбнуться и освежить в памяти латынь.

Licentia Poetica

(лицензия поэтика)

Поэтическая вольность

Латынь мертва для нашего народа.
Забыв язык. Он просто канул в Лету.
Заметивший неточность перевода
Простит, надеюсь, вольности поэту.

Ab ovo

(аб ово)

Начать с яйца

У древних римлян завтрак начинался с яйца.
Отсюда и пошло это выражение.
Как жили в Риме бестолково!
Совсем без нашей русской жилки.
День начинался там *Ab Ovo*.
У нас — нормально. *Ab* бутылки!

Albo Lapillo diem notare

(альбо ляпиллэ дйэм нотарэ)

День, отмеченный белым камешком

Древние римляне белым камешком
отмечали счастливые дни.
Не надо наводить тень на плетень.
Мне говорил один приятель в тоге,
Что у него тогда счастливый день,
Когда есть пару камешков в итоге.

Alēa jacta est

(алеа якта эст)

Жребий брошен

Слова, произнесенные Цезарем
при переходе Рубикона

Я вам скажу серьезно, без затей:
Не слышал этой глупости нелепей.
Большое дело — Цезарь бросил жребий!
Жену сосед мой бросил. И детей.

Amorem sanat aetas prima

(аморэм канат эгас прима)

Пусть юность поёт о любви

Древнеримский поэт Секст Проперций

Ну, непонятно мне, хоть тресни
К чему нам всем устои Рима:
Amorem sanat aetas prima!?
У нас нет времени на песни.

Amicus Plato, sed magis amica veritas

(амикус Плято сэд магис амика вэритас)

Платон — друг, но истина дороже

In vino veritas

(ин вино вэритас)

Истина — в вине

На цену я смотрю. О, Боже!
Вино — а стоит, как коньяк!
Сегодня истина дороже.
Платон! Гони еще трояк!

Asinus ad lyram

(азинус ад лирам)

Осёл у лиры

Соответствует нашему выражению
«свинья в апельсинах».

Не буду подбирать я слов.
Как неудачно создан мир!
Так много развелось ослов,
Что просто не хватает лир.

Per aspera ad astra

(пэр аспэра ад астра)

Через тернии к звездам

Мне этот путь навеял грусть:
Через тернии — вперед!
Пока до звезд я доберусь,
Доход уйдёт на йод.

Bis dat qui cito dat

(бис дат кви цито дат)

Кто даёт быстро, тот даёт вдвойне

Римский поэт Публий Сир

Хочу признать пред целым миром,
Что очень трудно спорить с Сиром.
И я согласен с ним вполне:
Всем надо быстро. И вдвойне.

Carpe Diem

(карпэ диэм)

Лови мгновение, пользуйся настоящим днём

Из Горация

Как мы живём, разини из разинь...
Живём себе с мозгами набекрень.
Теряя день, порой теряем жизнь.
А жизнь порой решается за день.

Себе мы позже предъявляем иск,
Что пропустили миг — и канул день.
Но не рискуем мы идти на риск...
А впрочем, это — просто дребедень.

Cogito ergo sum

(когито эрго сум)

Я мыслю, следовательно, я существую

(Декарт)

Я всё прошил и лёг в кровать.
Скажи, Декарт, властитель дум!
Ты смог, ты мыслишь — *ergo sum*.
А мне на что существовать?!

Cucullus non facit monachum

(кукуллюс нон фациг монахум)

Клубук не делает монахом

Соответствует выражению
«борода не делает философом»

Хоть Вы и пишете с размахом,
Но не позорьтесь перед светом:
Клубук не делает монахом.
Стихи не делают поэтом.

Do ut des

(до ут дэс)

Даю, чтоб дал ты

Соответствует нашему родному
«ты — мне, я — тебе»

Есть истины — они неоспоримы.
Но вот слова простые «do ut des» —
Не говорите, шо пришли из Рима.
Они же наши! Где-то из Одесс.

Dum spiro spero

(дум спиро спэро)

Пока живу — надеюсь

Что нам эпоха или эра!
Известно всем — «dum spiro spero».
Мы пьём, едим, гуляем, пишем,
Но всё равно на ладан дышим.

Errare humanum est

(эррарэ хуманум эст)

Человеку свойственно ошибаться

Нет, мысль незакончена. Иль двойственна.
И нам от правды некуда деваться:
Да, ошибаться людям — это свойственно.
Несвойственно в ошибках признаваться.

In vino veritas

(ин вино вэритас)

Истина в вине

Для закрепления материала

Мне опыт жизненный решенье подсказал,
И, следуя ему, поступишь мудро:
Коль истину ты с вечера познал —
Оставь немного истины наутро.

Sic transit gloria mundi

(сик транзит глёриа мунди)

Так проходит слава жизни

А если водкой от меня разит,
То всё проходит так или иначе.
Проходит даже слава (*sic transit!*)
А запах водки — он пройдет тем паче.

Homo novus

(хомо новус)

Выскочка, новый человек, парвеню

Что было раньше — неизвестно.
Всё это кануло в веках.
А *homo novus*, интересно,
Ходили в красных пиджаках?

Igni et ferro

(игни эт фэрро)

Выжечь огнем и мечом

Нам эти кличи — нипочем.
Они все кажутся нам басней.
Каким огнем? Каким мечом??
Деньгами — просто безопасней.

Ignorantia non est argumentum

(игноранциа нон эст аргумэнтум)

Невежество — это не аргумент

(Барух Спиноза)

Ты прав Спиноза, но на сей момент
Взгляни на нас из глубины веков:
Невежество — прекрасный аргумент.
Конечно, под защитой кулаков.

Ignavia est jacere. Dum possis surgere

(игнавиа эст яцэрэ. Дум поссис сургэрэ)

Малодушие лежать, когда можешь подняться

Лежать приятней, чем бежать.
Всегда будь верен аксиоме,
Но малодушие — лежать,
Когда еще есть выпить в доме.

Maxima debetur puero reverentia

(максима дэбэтур пуэро рэвэрэнциа)

**К ребенку должно относиться
с величайшим уважением**

(Юний Децим)

Детей наших надо любить.
Вы к сердцу дорогу ищите.
А если ребенка и бить —
То только при самозащите.

Irritabilis gens poetarum

(ирритабилис гэнс поэтарум)

Раздражительно племя поэтов

Что значит я весь день строчу?!
Что значит ужин на двоих?!
Нет, чёрт возьми. Я не кричу!
Дай, наконец, закончить стих.

In hoc signo vinces

(ин хок сигно винцэс)

С этим знаменем мы победим

Нам средне под знамёнами жилось,
Но трепетали турки, немцы, янки...
А нынче обнищали. И пришлось
Знамёна все разрезать на портянки.

Debes ergo potes

(дэбэс эрго потэс)

Должен — значит, можешь

А честь я с детства берегу
И мне знакомо чувство долга.
Я — должен. Я отдать могу,
Но ждать тебе придётся долго.

Qui quaerit reperit

(кви квэрит рэпэрит)

Кто ищет, тот находит

Азартный человек поймёт
И риск, и увлечения.
Кто ищет, тот всегда найдёт
На что-то приключения.

Omne nimium nocet

(омнэ нимиум нощэт)

Всё излишнее вредит

Шепчу, прижав ладонь к груди:
Ближайшими деньками,
О, Боже, малость навреди
Мне лишними деньгами.

Quod licet Jovi, non licet bovi

(квод лицэт йови, нон лицэт бови)

Что можно Юпитеру, то не дозволено быку

Миф и реальность далеки,
И видим мы в итоге,
Что современные Быки
Ведут
себя как Боги.

Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes

(квидквид ид эст, тимео Данаос эт дона фэрэнгэс)

Бойтесь данайцев, даже дары приносящих

(Публий Вергилий Марон, «Энеида»)

Себя не дайте облапошить,
Вся Троя вон как лоханулась:
Данайцы им прислали лошадь —
А та свиньёю обернулась.

Из разных разделов

Забудем прошлые обиды!
К чему народам эти споры?!
У вас есть Сциллы и Харибды,
У нас Содомы и Гоморры...

Вопросов нет, а только иксы,
Не будем мы искать ответы!
Всё гармонично — ваши Стиксы
Впадают дружно в наши Леты.

=====

Мне певичка одна из " Ла Скала"
Часто слух своим пеньем ласкала.
Вот сегодня до двух,
Поласкала мне слух,
И в Житомир, домой ускакала...

Из раздела «БАСНИ»

Ишак-поэт

Мог малость рифмовать один Ишак.
Где научился — это всё не важно,
Но он ходил солидно и вальяжно,
Копытами печатал каждый шаг.
Однажды он забрёл на скотный двор,
А там гуляла с выводком наседка.
Ишак сказал: «Послушай-ка, соседка,
Есть у меня серьёзный разговор.
Для мужа твоего, для Петуха,
Я нынче приготовил два стиха.
Но ты же знаешь, наш Петух — такая Птица,
Что мне к нему сейчас не подступиться.
И перед ним дрожу я, как овечка.
Ты закудахчи за меня словечко.»

.....

С тех пор И-А смог сильно преуспеть:
Его стихи все стали разом петь.
И, кстати — кто из нас не без греха —
Он позабыл давно про Петуха.
А Ишака зовут на свадьбы, на парады,
Особенно на скотный двор эстрады.
И ходит он весёлый и игривый,
И машет завитою серой гривой,
А свой когда-то серый лапсердак
Сменил на новомодный белый фрак.
Его теперь все называют асом.
Но иногда, укрывшись за кустом,
Ишак ушами машет и хвостом —
Всё пробует взлететь... А дело в том,
Что возомнил себя И-А Пегасом...

Мораль:

Чтоб не точить балясы,
Есть Ишаки, а есть Пегасы.

Индюк-лидер

Один Индюк решил известным стать.
Сказал он всем: «Во мне и вид и стать,
И даже вес. Хорош в любых обличьях!
Пойдём прямым путём. С лап отряхнём мы прах,
Вперёд, друзья! Вперёд на всех парах!

Я — лично о правах забочусь птичьих!
Достаточно на Птичник наш взлянуть:
Все Утки ожирели свыше нормы,
И клювы Уток чужеродной формы!
Давайте, чтобы время не тянуть,
Вокруг меня скорей объединяться.
Мы так сильны. Нам некого бояться!
Вот Воробьи на птичнике порхают —
Они теперь чириканьем нас хают.
И ко всему порхатые уродины
Почти объели все кусты смородины.
Всех, кто захочет, я зову ко мне!
Пусть лапы у меня и в гуане,
Но Птичник — историческая родина.
Мы образуем партию «Смородина»,
И в наших процветающих пенатах
Не будет места для чужих пернатых!»
За Индюком пошли немедля Куры,
Да что с них взять? Все знают — Куры-дуры.
Но странно — примитивностью идей
Индюк привлёк Гусей и Лебедей.

Мне на мораль хватило б и строки,
Но всё же я добавлю пару слов:
Коль дефицит на истинных Орлов,
То в лидеры выходят Индюки.

БОБРОВСКОЕ...

Раз у Бобрихи Мышь спросила:
«Ну, как твой мужёнок?.. Я встретила Бобра —
Красив, умён. И в нём такая сила!
Он нёс домой огромных два ведра...»
«Не спрашивай!» — Бобриха отвечала. —
«Конечно, он хорошим был сначала,
Но поседел — и, видно, бес в ребро!
Из вёдер — ну, хотя б одно ведро
Домой принёс! Так нет же - всё куда-то!..
Вот круглая была у нас с ним дата,
А он забыл — пришёл домой под утро.
Ну, я, конечно, поступила мудро —
Ему словечка не сказала даже...
Но норку поготовила к продаже...
Бобра я встретила недавно помоложе!
Теперь с другим делить я буду ложе!»

.....
Прошло всего полгода, и глядишь —
Опять Бобриху повстречала Мышь.
— Как новый твой? Небось, всё тащит в дом?
— Ну, что сказать?! Хоть верится с трудом,
Сперва он в дом тянул, ну, а сейчас — из дому...
Наверно я теперь вернусь к седому.

А где мораль?! При чём же тут мораль.
Не баснописец я — весёлый враль.
И пусть Бобрихи все меня освищут,
Но ясно: от Бобра Бобра не ищут!

=====
"Конституция РСФСР гарантирует свободу слова."

Столетний юбилей тридцать седьмого года
Ещё не наступил. Не надо нас страшать,
Хотя трещат по швам и «слово» и «свобода»,
Ну, как им не трещать... Ну, как им не трещать...

В истории любой заметны повторенья
Ты души и сердца нам, век, не бери.
Ещё лет двадцать пять неспешного паренья...
Всё это впереди...Всё это впереди...

И пусть невдалеке семнадцатый маячит,
Но обойдём его на тихом вираже,
С покорностью рабов. А это просто значит,
Что силы нет уже...Что силы нет уже...

Да, можно покричать нам в интернете малость.
Хотя и в интернет сейчас опасно лезть.
Но вот такой народ. Не давим мы на жалость.
И, к счастью, водка есть...И, к счастью, водка есть...

Нам ни к чему теперь и «слово», и «свобода».
Живём в плену чужих дотаций и интриг.
Мы все окружены толпой врагов народа.
В кольце монгольских иг... В кольце татарских иг...

Поднять мы можем бунт, как только так и сразу...
Все вместе мы пойдём... Все вместе мы сильны...
А вслух и про себя всё повторяем фразу:
«Чтоб не было войны!.. Чтоб не было войны!...»

Но в бочку дёгтя всё ж добавим ложку мёда,
Пусть душа у нас от радости поёт -
До юбилейных дней тридцать седьмого года
Не каждый доживёт... Не каждый доживёт...

«Земную жизнь пройдя до половины...»

Данте

Живём, от скоростей шалея,
О доброте своей трубя.
Но мы жалем не жалея
Мы даже любим не любя.

Себя Фортуне поручаем.
Бежим, играя с жизнью «блиц».
И, как всегда, не замечаем
Ни близких глаз, ни добрых лиц.

А время шепчет нам: не медли!
Всё надо сделать поскорей..
Скрипят несмазанные петли
Неверно выбранных дверей.

И, жизнь пройдя наполовину,
Хотел избрать я путь иной..
Но злится и толкает в спину
Толпа, идущая за мной.

Письмо крымскому другу

«...Но ворюга мне милей, чем кровопийца...»

«...кураца не птица,

но с куриными мозгамихватишь горя...»

И. Бродский (Письма римскому другу)

Тут как всюду: есть и воры, и убийцы..
Ты же помнишь наши Средние Устьяги.
Но скажу, что мне милее кровопийцы,
Чем презренные и наглые ворюги.

Вот представь себе: какой-то там душитель,
Ну, задушит пару-тройку. Так поймают.
Но зато как будет рад наш местный житель:
Значит, органы следят и не зевают!

Пригрозит ножом, и даже пистолетом.
Отберёт пальто и снимет с вас серёжки..
Так народ пальто другое купит летом,
А встречают здесь у нас не по одежке.

Тут с ворюгами дела куда сложнее...
Все в начальство вышли. Очень много сброда.
Кабинеты их давно на нашей шее.
Значит, все они — на шее у народа.

Ты писал когда-то — «курица не птица,
Но с куриными мозгамихватишь горя».
От проблем всех просто хочется напиться,
Хорошо ещё вина и водки — море.

Да, палёной.. И не каждый выживает,
Не поверишь — люди мрут, как тараканы.
Мне всё кажется — нас просто выживают,
А ворюги отдыхать летают в Канны...

Значит, курица, ты говоришь, не птица.
Что нам спорить — я узнаю у соседки.
Тут у нас всё больше суши или пицца
Казино вокруг, бильярдные, рулетки.

Вот сейчас опять к началу возвращаюсь:
Кто мне ближе — кровопийцы ли?.. Ворюги?
Я с тобой, мой друг, уже почти прощаюсь...
Да, привет тебе огромный от супруги.

Но скажу, дойдут, надеюсь, эти строчки,
Хоть и скачешь ты по странам всем галопом...
Кровопийца режет нас поодиночке,
А ворюга — убивает сразу скопом.

П.С.

Воду с газом отключили повсеместно.
Нет зарплат, а по квартирам бродят вьюги..
А теперь как на духу ответь мне честно:
Что же лучше — кровопийцы иль ворюги?..

=====

Мне не жаль капитана, ведущего судно на рифы.
И команду не жаль...Ловко спрятан спасательный бот.
Не склоют их тела кровожадные сипы и грифы.
Капитан и команда свой век проживут без забот.

В первом классе для каждого — личный спасательный пояс,
Есть и тёплый гальюн, и удобство отдельных кают.
Ну, чуток поорут, хоть воды будет только по пояс,
Первый класс — он же свой! А своим утонуть не дают.

Класс второй он такой, — к верхней палубе вроде и ближе,
Но пожертвуют им, если надо. Поскольку балласт...
Он потонет к чертям, бултыхаясь в промасленной жиже.
Нет не выплыть ему без понтона, без масок и ласт.

Третий класс — пусть не в трюме... Пока капитану он нужен...
Надо ж кем — то заделывать дыры и щели в борту.
Может, глуп третий класс, может, звуками рынды контужен.
Кислородная трубка до судорог сжата во рту.

Капитан хладнокровен! Как будто — ни мелей, ни рифов.
И команды идут по цепочке: добавишь узлы!
В трюме чернь не бунтует... Устала от сказок и мифов,
Но тихонько пожитки свои собирает в узлы...

Чёрной метки не будет. Её не допустит охрана.
Кто ж рискнёт принести?! Скарб нехитрый свалили в углу...
В трюме мало воды, но вино бодро хлещет из крана,
Кто-то пьёт беспробудно, а кто-то подсел на иглу.

Мне не жаль капитана, команду не жаль и охрану,
Жаль, что гордое судно давно превратилось в судно.
Малость жаль третий класс, но поверьте лукавить не стану,
Очень жалко мне тех, кто безропотно ляжет на дно...

Из раздела «МОНОскрипы»

Мы много лет беззвучно бьём в набат...

* * *

Цикуту можно пить и без закуски...

* * *

Я плохо помню чудное мгновенье...

* * *

Я не рожден под знаком Зодиака...

* * *

Мне счёт пришёл за свет в конце тоннеля..

* * *

Ой, это ты?! А кто ж со мной в постели?..

* * *

А в голове одна роится мысль...

* * *

О, женщина! Опять мне не дано...

* * *

Мне Ваши ноги малость жмут в плечах...

* * *

Да, я - нудист! Но только по ночам...

* * *

Хочу туда, откуда я родился...

* * *

Мне на работе снится каждый день...

* * *

Как хочется порой сменить носки...

* * *

Пусть я — кастрат! Но вам, мои потомки...

* * *

Нет, что вы! Я сегодня не женат...

* * *

Опять на мне жениться обещали...

* * *

Как друг от друга далеки твои глаза...

* * *

На женский пол гораздо мягче падать...

* * *

А без одежды ты еще страшнее...

* * *

Любовь придет внезапно, как жена...

* * *

Не так всё плохо. Всё гораздо хуже...

* * *

Как сладок с губ любимой вкус лимона...

* * *

Я к Вам в постель буквально на минутку...

* * *

Не каждый день я нахожу бумажник...

* * *

Она не соглашалась в плоть до свадьбы...

* * *

Я женщинам совсем не изменяю...

* * *

Ну, не дрожи! Ах, это Паркинсона...

* * *

Всегда цветов полна ночная ваза...

* * *

И смело посмотрев в глаза циклопу...

* * *

Я не хотел Вас обременять...

* * *

Опять перед тобой не устоял..

* * *

Я в долг всегда возьму без сожаленья...

* * *

С тобой мы жили долгих полчаса...

* * *

Все семь листов последнего желанья...

* * *

От путеводных звезд рябит в глазах...

* * *

Но ты ушла. Нежнейшее амбрэ...

* * *

Ты предо мной, одетая в сережки..

* * *

Как мучит жажда мести по утрам...

* * *

«Иду на приступ», — сообщила печень...

* * *

Опять женился и опять удачно...

* * *

Как, это — галстук? Я бы не сказала...

* * *

Опять цветы?! Хоть раз могли бы мясо...

* * *

Какая грудь! Как жаль, что Вы — мужчина...

* * *

Наденьте что-нибудь! Хотя б очки от солнца...

* * *

Я в плавках Вас, простите, не узнала...

* * *

В мой некролог опять ошибка вкралась...

* * *

Я крестиком вам вышью могоендовид...

* * *

Девятый брак был самым долговечным...

* * *

А в морге нас опять кормили плохо...

* * *

Да, взрыв учебный.. А куда же трупы?!..

Из цикла о Виагре:

"Лекарство появилось на конце..."

А долг супружеский я Вам отдам попозже...

А дочь родится — назовем Ваягрой...

Ах, как вы вовремя — я с полчаса, как принял...

Зачем вы согласились?! Я же в шутку...

Леонид Гиршович

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ КРЕСЛО

«Учительница первая мая-а-а...» Для малолетних скрипачей это и есть голгофа — класс Паулины Марковны Ангерт, партийная кличка «Ангел». Глаза-угли, желтое изборожденное морщинами лицо, голова посыпана пеплом. Осиротевшая Одесса-мама. «Да тебе руки мало переломать! В твои шесть лет Марк — знаешь, как уже играл?» Марк — имя римское, сиречь городское, отвергающее местечковость.

Марк Ангерт был ее сыном, благодаря ему она пользовалась репутацией хорошего детского педагога. До пятнадцати лет Марк выходил на эстраду в коротких штанишках, нежнолицый, пухлый. На весь Собиновский переулок, где Ангертам дали комнату, стоял крик: «Марк! Играй чисто! Ты что, после уборной руки не помыл?». Якобы когда Калинин награждал Марка почетным дипломом, тот сказал: «Дорогой Михаил Иванович, приходите к нам в гости, мама испечет торт „Весенние голоса“». И мамин голос из зала: «Стыда у тебя нет, товарища Калинина в подвал звать». Как бы там ни было, вскоре им дали комнату с видом на ЦМШ.

Детство, принесенное в жертву богу скрипки — таково общее представление о вундеркиндах. Хотя сами вундеркинды не осознавали себя жертвенными животными и радостно толпились у алтаря в состязательном азарте.

Но вот короткие штанишки пришлось наставить до пят. Паулине Марковне ничего другого не оставалось, как рожденный ею брильянт отдать в оправу. Было это уже по возвращении из Пензы, куда всех эвакуировали. Свой выбор она остановила на Ангоне Павловиче Шерере. Обладатель многоглаголящего имени, немец Шерер в ее глазах был старый московский интеллигент: не «кактавил», а «гдассидовал». Одесситами она была сыта по горло — сама такая.

Марк Ангерт обручается семейству Шереров. Профессор Шерер жил с женой, Магдой Иосифовной, и свояченицей, Маргаритой Иосифовной — Марго, которую он называл «Мадго». Обе — существа устрашающих размеров, но травоядные. А меж них Антон Павлович — маленький крот-слепуся. Когда играл на скрипке, то «стдастно» вилял тазом, как будто вращал им обруч — до того музыкален.

Когда-то Магда Иосифовна училась у Шерера, но, сойдясь с ним, незамедлительно переквалифицировалась в альтистки. Что было и к лучшему. Как скрипачка она не задалась: двух нот не могла сыграть, ни в один оркестр бы не приняли. Она вела в музучилище обязательный альт, что-то вроде гражданской обороны для скрипачей.

Сестрица ее, Маргарита Иосифовна, тоже ученица Антона Павловича, была в том же музучилище «иллюстратором» — что-то вроде наемного танцора, когда в ансамблевом классе не хватает кавалеров. Оплата почасовая. К игре в оркестре «Мадго» была так же малопригодна, как и Магда, постоянно сбивалась «с ноги». Преподавать малышам? Сама ребенок. Бывают такие вымахавшие до потолка дети. А бывают дети, разменявшие пятый десяток. Маргарита Иосифовна и то и другое разом.

А еще у Антона Павловича и Магды Иосифовны росла дочь Маня, вырастет — будет Марья Антоновна. Маня — поздний ребенок, особенно для Антона Пав-

ловича, который значительно превосходил летами жену. Едва Маня достигла того возраста, в котором девочек отдают в будущие скрипачки, ей приобрели осьмушку скрипки, но не музтрестовскую, рыженькую, а ветхую деньми, как почерневший от времени образок.

Паулина Марковна Ангерт — «Ангел» — уже рвалась в бой — обучать на этой осьмушке дочку Шереров, как обучала она Марка, прежде чем во всем блеске скрипичной гениальности поднести его Антону Павловичу. А могла бы и предпочесть *своего* — нахрапистого одессита-профессора, из «нонешних будущего», как поется на оперной сцене. Ее обиде не было предела, когда созревшую для скрипичной помолвки Маню Шереры отдали другой, с кем Паулина Марковна соперничала и ужасно скандалила — опять же в прошлом ученице Антона Павловича. И это на глазах у всей школы.

То были цветочки, ягодки впереди. Сорок лет — бабий век, а сорок пять — баба ягодка опять. Паулине Марковне предстояло набрать полное лукошко. Любимый ученик, он же лучший ученик, входит в семью мастера на правах ее члена: обыкновенно мастер — *deutsche Meister*, такой как Шерер — отдает за любимого подмастерья свою дочь. Мане это еще не по карману. Марк, вчера игравший в штанишках выше колен, сам был «дев» — в подарок на сорокапятилетие он достался мужеподобной, но робкой Маргарите Иосифовне. Никто уже не помнит, откуда пошло: «Мадго, какая ты сдастная» — фраза, расхожая в консерватории и посейчас.

Сперва потянулся запахок в виде слухов, сопровождавшихся движениями рук, какие делает ныряльщик под водой — намек понятен: раздвигая ложесна... Иона во чреве китовом... Паулина Марковна, чувствовавшая себя оскорбленной — она им Марка, а они ей шиш — своими язвительными замечаниями только подогревала всеобщее любопытство: «При живой жене завести другую жену еще куда ни шло, а при живой матери завести другую мать — это надо уметь». И далее картина рисовалась самая декадентская, в темных альковных тонах: как они сообща овладели пухленьким мальчиком, которого Паулина Марковна, его законная мать, до седьмого класса мыла в корыте.

Сказав «А», взбунтовавшийся — или бунтуемый — Марк сказал «Б». Его членство в благородном семействе было узаконено. «Мадго» и «Мадк» расписались в начале летних каникул, на которых Шереры всегда снимали дачу под Звенигородом — веранду и две комнаты в академическом поселке. Заниматься на скрипке, вернее, на скрипках, не мешая друг другу и соседям, можно было в тамошнем колонном доме культуры — дом желтый, колонны белые, перед ступеньками клумба с бюстом. За это давался концерт. Маститые ученые с чадами и домочадцами и просто культурные дачники приходили после чая послушать профессора консерватории.

— А это, — шептала Маргарита Иосифовна своему мальчику-мужу, — президент Академии наук. А рядом с ним... нет, не скажу, не отсюда. (Это был Капица, приехавший к Вавилону из такой же точно резервации по соседству.)

Играл и Марк. У кого-то это имя отложилось в памяти: Мамлакат, Марк Ангерт, Ингус. Паулина Марковна, по-прежнему ставившая его в пример другим, говорила: «Мой Марк, царство ему небесное...».

Он и впрямь попал в рай. Кокон отдельной квартиры. И ходят такие все из себя интеллигентные, «гдассидующие», неправдоподобно предупредительные друг к другу. Марк за всю свою жизнь не слышал «пожалуйста» столько раз, сколько здесь за завтраком, к которому Устинья-домработница подавала гренки с вареньем,

а не макароны по-флотски. А пили кофий с цикорием — из высокого серебряного кофейника, лица завтракавших отражались в нем дружескими шаржами.

— Магда, вы не будете так любезны передать сахарницу, — просит Марк. — Спасибо.

Хорошо, что Паулина Марковна этого не слышала. Уж ее язычок нашел бы себе утешение.

Марк звал свояченицу по имени и на вы, своего профессора-свойственника по имени-отчеству: Антон Павлович. Ну а муж и жена — одна сатана. Есть семьи, где родители сами начинают вслед за детьми говорить друг другу «папуля», «мамуля». Забавно если б Марк обращался к Марго «мамуля». Но под пятьдесят детей не заводят.

Маня завтракала отдельно и к тому времени уже была отведена Устиньей в ЦМШ. А Марк был освобожден от лекций как готовившийся к международным скрипичным состязаниям. Он вечно к ним готовился, но «выйти на международную орбиту», по выражению Паулины Марковны, так мечтавшей об этом когда-то, Марку никак не удавалось. Запуск откладывался и откладывался. Стартовали другие — не он, учившиеся у земляков Паулины Марковны.

Алхимики с помощью философского камня зачем-то пытались получить золото, тогда как большинство стремится к успеху. Нет чтоб открыть секрет успеха. Зависть, разрываясь между успехом и златом, тоже избрет успех. А сколько к нему приложимо эпитетов. «Заслуженный» и, наоборот, «незаслуженный». «Дешевый» — за которым гоняются. «Большой успех» означает, что мы способны на беспристрастную оценку других. «Пожертвовать успехом» — совершить поступок, достойный всеобщего восхищения, тем большего, что из восхищающихся никто на это не готов. «Пережить свой успех» — тех, о ком так говорится, провожают взглядом фальшивого сострадания (в лучшем случае). Наблюдать вчерашнего фаворита приятно: чужое понижение делает тебя выше ростом. И вообще человек — злорадное животное.

Марк чем сильнее давал газу, тем плотней оказывался кокон, щедрый на ложные авансы. Мифы прошлого как противовес нашествию на Москву «из нынешних будущих» постепенно усваиваются Марком, вместе с манерой Антона Павловича темпераментно жестиковать тазом во время игры, еще какими-то привычками. Внешнее сходство между собакой и хозяином не редкость.

К окончанию аспирантуры Марк облысел, пухлость сменилась откровенной полнотой. Теперь он играл на скрипке Антона Павловича. Последний больше не утруждал себя ношением футляра в консерваторию, как в прежние годы, когда имел обыкновение показывать что-то студентам на своем знаменитом Никколо Гальяно*. Это делал Марк, получивший место ассистента. Раз в сезон он выступал в Малом зале, тогда на афише рядом с его именем скромно писалось: дипломант Все-союзного конкурса. Не вышел ростом. Паулине Марковне, поклонявшейся в домовом музее мошам Марка, «когда он был маленьким», с одной стороны было чем себя утешить, но с другой стороны было и в чем себя упрекнуть: своими руками сгубила сына, сама отдала Шереру. Захотелось для Марка — а главное, для себя — деликатного обхождения.

Я поступил в Московскую консерваторию в 1965 году. Первая панихида, которую я отстоял в фойе Малого зала, была по Шереру. Фамилия часто встречавшаяся в ногах. Ему принадлежало великое множество скрипичных транскрипций и редакций. Он немного не дотянул до семидесяти пяти, так что по возрастным мер-

кам того времени пожил изрядно. Никто из его семьи столько не проживет. Но тогда все они еще были в сборе, в последний раз предводительствуемые Антоном Павловичем. Сидели — слушали, что «мы, скрипачи — одна семья».

Магда и «Мадго», и без того крупные, грузные, под лупой траура казались еще крупней. Они плакали, но в их слезах не было иступления. Год назад Маргарита Иосифовна себе сломала колено и теперь передвигалась с палкой.

Марк в темном костюме, в черной трикотажной рубашке с галстуком, нещадно потевший, сидел между нею и Маней, которая была в интересном положении — интересней уже некуда. Шестнадцатилетний, я стоял довольно близко и вынужденно, с безразличным чувством, разглядывал ее нечистый, в красноватых пятнах, лоб, пальцы — без каких-либо признаков обручального кольца. Правда тогда я обратил внимание на другое: ногти настолько длинные, что ни о каких занятиях на скрипке не могло быть и речи.

Она училась на пятом курсе у Марка, от которого, как я узнал позднее, и забеременела. Когда через несколько лет Марк овдовеет, то женится на Мане, и этот его брак Паулина Марковна признает. На другой день после смерти Маргариты Иосифовны — скорострительной, за завтраком, с гренкой во рту — раздался телефонный звонок. Трубку взяла Маня.

— Дай сюда моего Марка, — не здороваясь сказала Полина Марковна. — Марк? Если ты не хочешь, чтобы я пришла на похороны, приходи ко мне с дочкой. Как назвали?

— Анечка.

— Анна Марковна Шерер? Тоже красиво.

Все это было страшно давно — никого уже не осталось, а кажется, что вчера.

Магда Иосифовна пережила старшую сестру как раз на те три года, что составляли разницу в годах. Уходила она из жизни тяжело. Рак ненавистен всем не потому, что ему все возрасты покорны. И не за то, что любовь нечаянно нагрянет, когда ее никто не ждет. Только и знают, что ждут. И трепещут все возрасты. От него нельзя умереть на месте, он тебя смакует и этим страшен.

Паулина Марковна на старости лет отыгралась. Помыкала и Марком, и Маней, и Анютой, скрипичные успехи которой оставляли желать лучшего.

— Посмотри на себя! О чем ты думаешь, когда играешь! На твоей голове только мороженое носить!

— Паулина Марковна, — заступалась Маня за дочь. — Может, сегодня не надо ей заниматься, она нездорова, школу даже пропустила.

— А ты не учи меня жить.

Под конец жизни Паулина Марковна впала в слабоумие — никого не узнавала, санитаря, которому Марк меньше червонца никогда не давал, принимала за Марка. К тому времени у него самого уже было два инфаркта. «А на третий раз не пропустим вас».

Уже в наши дни, ввиду открывшейся скрипичной вакансии в Ганноверском оркестре, на нас посыпался поток писем, в каждом биография, фотография и послужной список. Мужских фотографий две-три и обчелся. Половина — немки, половина — иностранки: японки, кореянки и Восточная Европа, главным образом польки. И тут я читаю: «Дарья Ангерт, родилась в Москве в 1988 году, училась в ЦМШ, закончила Московскую консерваторию по классу скрипки у профессора... скажем так, Котловановой». Адрес: Бад Пирмонт — недалеко от Ганновера. Фотография в стиле «дева со скрипкой». Без тени намека на равенство полов: волосы

волной, лебединая шея, свет в глазах — не то что немки с лицами подпольщиц. Ее даже не пригласили на прослушивание.

Интересно, у нее в руках был тот самый Никколо Гальяно, ее деда... нет, прадеда, Марк доводился ей дедом... А почему тогда она Ангерт — прочерк в графе «отец»? Музыкант всегда сумеет вывезти свой инструмент — устроить ему побег. Сегодня это гораздо легче, чем моей семье было вывезти в 1973 году «львовский» Вильом, упоминающийся в Музыкальном словаре.

И последнее. Здешний скрипичный мастер — Кристиан Эриксон — когда я ходил к нему «починять примус», поинтересовался: говорит ли мне что-нибудь фамилия «Шерер» — был такой скрипач в Москве, профессор. Ему, Эриксону, приносили его скрипку на оценку — дочь или внучка — и утверждали, что это Никколо Гальяно. Добротная немецкая работа.

— В самом деле? Странно. Я еще когда слышал об этой скрипке. Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверен. Они потом ее возили в Париж к Ватло и в Лондон к Биру — близко к Гальяно не лежало.

— И что же теперь?

— Конец одной иллюзии.

***Отмычка.** Чего только не придумают! Password... От меня, участника крупномасштабной писательской посиделки потребовалось «ключевое слово», которым бы я «открывался». Слово-отмычка. «Ленинград», — сказала моя многомудрая жена. Я включил моторчик и написал: «В отличие от Петербурга, ставшего Питером, никто не называл этот город «Ленин». Название города не связывалось с тем, чье имя он носит. По мере привыкания новое название наполнялось особым смыслом. Оно было несовместимо с петровской Россией — скорей уж с Большим Домом. Но главное, это ленинградская блокада: горы обледенелых мертвецов, превосходивших числом тех, кто подавал еще какие-то признаки жизни». И далее о мертвом городе, о мертвом языке — что «в Петербурге жить — словно спать в гробу», что в детстве и юности мое ленинградское отчуждение дополнялось еврейским отчуждением, — в общем то, что я всегда говорю в таких случаях. Но сама забава: взять слово и размотать, посмотреть, что получится, мне понравилась. Это как дыхательное упражнение в рабочий полдень. Теперь я делаю это регулярно.*

Минимализм. Постоянно ощущаешь себя его жертвою. Мне навязывают карликовую дистанцию. Без учета моей комплекции меня втискивают в ритмическую фигуру, которая себя тиражирует. Это как стелька, как толстый носок, как два носка, три носка — чтобы башмак не болтался. Но мне-то он впрок. У меня другая система повторов: в единицу времени, именуемую «жизнь», я и так едва укладываюсь.

О чем я? О чем угодно — о своей универсальной несовместимости с дятлом *ipod'a*. С этими «чики-чики», выдернутыми из ушей и ставшими нормой повседневности. С выражением гражданской позиции посредством скандирования одного слова. С наглядной аргументацией («Движенья нет, сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить»). С точками над «ё» в фамилии «Гумилев». С раскачиванием в такт любого «кирие элейсон», да так, что тактовые черты обращаются в частокол, скрывающий отсутствие чего бы то ни было.

Мне каждый звук этого иступленного двучлена терзает слух: «кирие-элейсон, кирие-элейсон, кирие-элейсон...», «бау-хауз, бау-хауз, бау-хауз...», «экспрессионизм, экспрессионизм, экспрессионизм...». По земле ходит армия перформенсистов, свифтовских мешочников, признающих только шершавый язык крупного плана, действия, картинки, — нуждающихся в мегафоне, помноженном на слуховой аппарат, — не потому что они глухие, а потому что хотят, чтобы оглох я.

Они были всегда, эти бегуны на карликовые расстояния, усиленным напряженным постоянством набравшие недостающее: снова стометровка... снова... снова... Но обрядить Сальери Диогеном это уже новая новость, еще вчера у каждого из них была своя аудитория, своя глубина дыхания, и на тебе — вдруг все, как один, задыхались с частотой участников собачьих бегов. Произошло это на моем веку. Попробуй, подыши так, постоянно, изо дня в день, — ты, чье дыхание измеряется пожизненной саморефлексией. Я отрезан от мира не эмиграцией, а торжеством минимализма, и довольствуюсь тем, что сам себя понимаю. Именно не самим собою быть (тоже мне фокус), а самим собою быть довольным — в этом мой выход. Ничего другого не остается.

Все бегают вокруг стола, однако ж прав упрямый Галилей.

Carmina burana. Логика тела апеллирует к здравому смыслу. Тебе бесцеремонно подмигивают: «Ну, как живется-можетя?» — и пальцем (двумя — как здороваются начальство) тычут в живот. Логика бывалых людей — пыточная логика. Их здравый смысл — антихрист здравого смысла, благо сходит за оный. «Сойдет со скипидарчиком». Колесо Фортуны — шаг назад по сравнению с обыкновенным колесом: оно никуда не катится, только вертится. Его ось — рок греческих трагедий. Его мораль — все там будем (что отнюдь не синоним нравственности). Красота — то, во что желеешь излить семя. Надо смотреть на вещи проще. Недалекий служака не даст обвести себя вокруг пальца, в отличие от своего умного начальника. Поклонявшиеся Фортуне древние были безмятежным родом. Их губная гармоника наивно вдыхала фа-диез-минорное трезучие и выдыхала ми-мажорное. (Хотите понять, что такое параллельные квинты? Возьмите гармонию, проденьте руки в ремни и несколько раз туда-сюда. Нет в доме гармонии? Не страшно. Нажмите разом на пианино три клавиши: фа-диез, ля, до-диез, затем три других: ми, соль-диез, си. И так продолжайте, пока на ваших устах не заиграет блаженная улыбка.) Язычники не знали чувства тревоги, потому что были лишены чувства времени. Страх — это другое, он переполняет всех. Как во Христе, в нем несть еллина ни иудея. Но беспокойство — удел избранных. Тех, кому умиротворяющая пентатоника пантеизма — неведома, для кого пейзаж — писан маслом. Для них античность опосредствована экраном урбанистической культуры: «А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы современной Европы». Бог Ветхого Завета — великий урбанист. Только Город Солнца, только Град Небесный, только горный Иерусалим стоит в сиянье здравого смысла, до которого далеко «здравому смыслу» ряженных школяров с их шутовской телесностью, с их языческим Фатумом, вращающим Колесо Фортуны. Еще недавно телесность колесовала современную Европу, посулив «зато» рассовершенить ее до состояния античности как таковой: в отсутствие чувства времени (библейского «темперализма») не нужны защитные очки гуманистической культуры.

Что касается Карла Орфа (давно не играл, и вот снова пришлось), то его *Carmina Burana*, декорированная вульгатой, пустыми глазами, цветущими лугами лобка, стилизованная модальностью и прочим «средневековым», — страшно эффектная штука. В моей юности казенные музыковеды охотно противопоставляли ее «какофонии» других западных композиторов (примерно как Роквуэлла Кента — каким-нибудь «формалистам»). Увы, «гения одной ночи» не бывает в музыке, но без этого не-гения ей, боюсь, уже не обойтись. Минимализм (см. это слово) шутит с нами злые шутки.

Крыша. Не род транспортного средства, в смысле, что едет. Нет, крыша «Европейской гостиницы», этой меки фарцовщиков — в будущем. В respectable-ные пятидесятые я впервые отведал там главное «порционное блюдо» советской кулинарии — котлеты по-киевски. Папина работа (говорилось «служба») напротив «Европейки». В бывш. Благородном собрании за благороднейшими желто-белыми стенами собрание жмеринских евреев. В простенках — афиши предстоящих концертов, писавшиеся от руки штатным художником.

Наверное, это было после репетиции. Мы перешли улиду Бродского — увы, не поэта, и поднялись на лифте, которым управлял лифтер — но не Феликс Круль. Пустой зал, сонные блики бокалов. За одним из столиков расплачивался за обед (расплачивался во всех смыслах этого слова) иностранный подданный в сером костюме. В пользу блюда, заказанного им, было то, что на этот костюм в миг высшего блаженства брызнуло масло.

«Осторожно», — предупредил официант — мол, вот какие котлеты подают в наших ресторанах.

Во второй раз, он же последний, я ел котлеты по-киевски на Крыше «Европейской» в 1971 году — 17 июня. В кабинете был накрыт стол на десять персон, из которых, не считая нас с Сусанночкой, поныне здравствует лишь двое со стороны жениха: Ирина Львовна, мамина школьная подруга, и Эдик Резонов, учившийся у мамы на альте и балансировавший на грани члена семьи, а со стороны невесты Раиса Абрамовна, моя теща. Виолончелист Пергаментчиков, которого мы с Сусанночкой повстречали, выйдя из районного загса, на наше: «Мы только что поженились!» сказал довольно вяло: «Да? Ну, ребята, что ж, поздравляю». Мой сверстник, он тоже уже ушел из этого мира, Боря... Когда садились за стол, случился конфуз: оказалось, что невеста и одна из гостей (мамина сестра) в одинаковых кремплёновых голубых платьях, приобретенных из-под одного и того же прилавка. Не могу себе представить кликов «горько!» и чтоб мы сценически целовались. Все были трезвы, все относились с недоверием к происходящему. Только мой тесть, Борис Самойлович, произнося тост, пролил слезу. Накануне мама сказала мне: «Ну, поживите, попробуйте...». Свою свадьбу они с папой справляли в новогодною ночь 1940 года, и было им — ей девятнадцать, ему двадцать. Сегодня из пятидесяти человек гостей (искусством разместить любое их количество в одной комнате владели обитатели коммуналки) в живых остается все та же Ирина Львовна. Чертовски досадно было обнаружить наутро, что забыли про ведро печеночного паштета — столько всего наготовили. Кому-то из соседок этот еврейский пир на весь мир был как острый нож, и деда Иосифа потом вызывали в ОБХСС.

Остается добавить, что через месяц, первого июля 2010 года мне предстоит сказать следующее:

«...И не подозревал, что женить сына так приятно. Я всегда считал, что этот вид удовольствия — привилегия отцов дочерей. Вероятно, мой случай — исключение, которым я обязан Валеске. Не знаю, как Иосиф, лично я влюбился с первого взгляда. Когда речь заходит о сердечных делах детей, родители спрашивают себя: они поженятся? Не важен ответ, важно то, каким хочется, чтоб он был. Странно, если б Иосиф и Валеска не поженились — их союз был неизбежен. Сколько раз я слышал: противоположности сходятся, противоположные натуры тянутся друг к другу. Возможно, это так. Однако черное и белое, смешиваясь, дает серое. Брак зиждется все же не на различии, а на родстве душ, взаимоподобии супругов, это служит залогом нерушимости брачных уз.

Иосиф и Валеска... Общее в вас — внутренний свет, которым вы оба в равной мере наполнены, ваша душевная просветленность. Что я могу еще сказать: этот брак скреплен в любекском магистрате — в городе Томаса Манна, чьим именем скрепляется то, что в прошлом веке, казалось бы, навсегда было разрублено. Да будет ваше свадебное путешествие волшебным началом другого путешествия, неизмеримо более долгого».

Сторона жениха на свадебном ужине будет представлена родителями и младшей сестрой Мириам. Сторона невесты — отцом Олафом Пакулем, матерью Марион Пакуль, с которыми мне еще предстоит свести знакомство, равно как и с остальными гостями: спутницей жизни господина Пакуля — по-немецки *Lebensgefährtin* — Габи, младшей сестрой невесты Терезой, ее другом Хусейном, а также свидетелем жениха Робертом и свидетельницей невесты Софи. Итого тринадцать человек. Нам не страшен серый волк. Приезд бабушки Раи из Иерусалима и бабушки Ингеборг из Берлина несовместим с их преклонным возрастом. Среди кушаний не будет ни печеночного паштета (мусс де фуа), ни киевских котлет. Если первое — *mousse de foi* — Сусанночка еще иногда готовит, то оргиастически брызжущие горячим сливочным маслом киевские котлеты я давно разлюбил.

Сорокин. «Ну, встретили своего гения?» — спросил я у Анн. Улыбается. Сорокин опоздал на самолет, но на другой день все же прилетел. Анн Кольдефи (по словам Любы Юргенсон, лучшая переводчица с русского — их Франковский), по причине какого-то своего «форс-мажора», не смогла его представлять на «встрече с читателями». Встреча в книжном магазине в районе Марэ, где уцелевшее парижское средневековое, еврейские вывески и международная богема — все уместается в одном кадре. Вместо Анн — Люба, а куда она, туда и я, Люба — дама с собачкой.

В метро я придумывал вступительное слово, которое скажу. Собачка говорящая.

«Не всякому писателю выпадает честь подвергнуться ауто-да-фе. Подобно тому, как перед берлинским университетом с благословения Геббельса студенты сжигали Маркса, Фрейда, Гейне, в Москве новая комсомольная жгла книги Сорокина. Для меня Сорокин — певец изгнания из рая. Рай — русская проза 19 века, Сорокин — ее соцреалистическая перверсия. Книга, представляемая сегодня, так и называется: «Роман». Это одновременно имя героя и жанр, в котором русская литература достигла звездных высот.

Моя любимая книга у Сорокина — если Сорокина можно любить, а не как-то иначе — «Норма». В старину бы сказали: «Энциклопедия советской жизни». Заемный (под высокий процент) реализм. И сколько там этих *shortstory*, столько раз за-

бываешь и вляпываешься. Сорокинскому недругу его палитра внушает отвращение даже не тем, что краски растерты на экскрементах, взамен желтков. Его творческий порыв исполнен лиризма — в этом весь ужас. Художник нам изображает — этими саморучно изготовленными красками! — глубокий обморок сирени. Еще до сорокинской «Нормы» кто-то сказал о Советском Союзе: это походило на жизнь в выгребной яме с соблюдением, по возможности, правил гигиены. Сорокин, подобно Кафке, понимает метафору буквально. Эту жилу он разрабатывает иступленно. Про него говорят: «Один и тот же прием... один и тот же прием... один и тот же прием...». Вот именно, что нет, не повторение приема, а прием повторения. Исступленное причитание, долдонство сближают Сорокина с Шостаковичем и Яначеком. Но все же отринем соблазн славянских сближений. Культурного гена нет, двадцатый век должен был этому научить.

Вчера в музее Андрэ, где сейчас экспонируется Дали, мне пришел на память Сорокин — даже не в связи с его невероятной фантазией, конгенитальной фантазии Дали. Испанец страшно популярен, будучи обращен к зрителю, а не к касте теоретиков. Также и Сорокин: обращен к читателю — отсюда его колоссальный успех, притом что для этого он не жертвует ни пядью своего эстетизма».

Полагаю, я заслужил свой ужин. Он проходил в узком кругу — мы уместились за двумя сдвинутыми столиками. При том выборе, который имелся, я счел за лучшее взять «печеночный мусс» (см. «Крыша»), а на второе мне принесли рыбный тартар: кубики сырой рыбы с приправами, которую на мой вкус совершенно напрасно было декорировать холодными ракушками макаронного происхождения. — повар перестарался, изображая морскую фауну.

За соседним столом какой-то мужчина по-варварски ел спаржу — как подали, так и вкушал: рукой обмакивая вялый холодный приапец в соусницу и откусывая, как морковку. Почему-то к слову пришелся макабрический анекдот из разряда «концлагерных»: еврей в противогазе — кайфолом (немецкое «Spielverderber»). Поедатель спаржи, слышавший, как Люба переводит, с вызовом: «У меня дядя погиб в Освенциме». — «У всех дядя погиб в Освенциме», — сказала Люба. Внимательно посмотрели друг на друга, после чего инцидент был исчерпан.

Уже поджимает время за очередной Нобелевской премией для России, великой литературной державы, которая на самом деле сидит не на нефтяной игле, а на Толстом, Достоевском, Чехове — вот он, основной предмет экспорта. Сорокин, безусловно spielt mit diesem Gedanke — прикидывает это вариант — с полным на то основанием. Разве что из гендерной политкорректности начнут тянуть за уши какую-нибудь условную «Славникову». Единственная женщина, которая могла бы с ним потягаться, — умерла в этом году (одно лишь утешает: под занавес ей все же воздалось, бедной, по великим ее заслугам). Когда-то, очень давно, шел девяностый год, я спросил у Лены Шварц: «А что Сорокин?» — «Это сатана».

Примечание

*Выдающийся скрипичный мастер XVIII в. Жил в Кремоне.

Марк Шехтман

МИШКА

Повесть

Дом

Таких домов в городе и сейчас много. Четырех-пятиэтажные, белые с голубым, желтым или зеленым стоят они вдоль улиц закрытые летом густыми кронами каштанов и тополей. Ничем особым не выделялся и дом № 20. Разве что грудастые, в трещинах и ржавых подтеках кариакиды склонились над парадным входом. Но и это была не ахти какая редкость. Да и улиц таких в городе сколько угодно. Правда, одна особенность у этой улицы все-таки имелась: дома с четной стороны выходили на заросший кустарником обрыв. Внизу, в зарослях садов белые домики Гончарки сливались в извилистые улицы и прятались среди зеленых крутобоких холмов. Из-за дальнего склона кокетливо выглядывала маленькая стройная колокольня, за холмами синела долина левобережья, и трудно было поверить, что рядом лежит шумная, многолюдная улица, с магазинами, школой, пожарной частью и кинотеатром, грохочут трамваи и грузовики.

Со двора дом далеко не такой привлекательный: краска на стенах вздулась и повисла кое-где слоями, штукатурка облупилась обнажив желтые кирпичи. На балконах полуодетые женщины среди развешенных на перилах ковриков и половых тряпок. Забор над обрывом, старый каштан, песочник, шеренга разнокалиберных дровяных сараев и вишневое дерево. Словом, обычный двор, населенный ребятами и бабушками, кошками и воробьями, пропахший помойкой и кухонным чадом, к которому весной примешивался сладкий аромат цветущей в соседнем дворе акации.

В темном подвале разместились кладовки. Там пахло кошачьей мочой и мышами. Черный ход, заставленный помойными ведрами и старыми кухонными столами, вел на чердак, где на двери красовались надпись "Штаб" и нарисованные мелом череп с костями. Дверь эта давно не запиралась, но мальчишки предпочитали пожарную лестницу, ржавые скобы которой шли по самому краю стены. С земли до нее не достать, и, чтобы дотянуться, нужно сначала влезть на забор. Пока поднимаешься, вниз лучше не смотреть, но когда выпустишь последнюю скобу и перескочишь на грохочущую крышу, хочешь не хочешь, а глянешь — и в животе похолодеет. Впрочем, человек ко всему привыкает: мальчишки постарше залезали внутрь лестницы и поднимались спиной к стене.

Хорошо наверху. Крыши, крыши вокруг. Красные, коричневые, с высокими кирпичными трубами, некоторые с горбатыми застекленными фонарями. Взлетят встревоженные голуби, исчезнут внизу — и снова тихо. Отсюда, сверху, все близко: вот каланча, на балкончике, ну, совсем рядом, пожарный — с улицы его не увидишь. Вот школа — рукой подать, а по улице идти и идти. За школой — собор, видна каждая чешуйка на его золотых куполах. Если посмотреть на восток — дух захватывает: кварталы нижнего города, трубы, мост над рекой, похожая на крейсер

"Варяг" электростанция и синие леса на горизонте — все как на ладони. Но уже кричит снизу дворник, и нужно успеть черным ходом быстро проскользнуть к себе, не то влетит от мамы. Чердачное окно над самой улицей. Сквозь листву видны рельсы трамвая, тротуар, витрины и вдаль, где деревья пореже, вся улица — Большая Жигомирская. На этой улице, в доме с карнизами, где двор над обрывом, и рос Мишка в небольшой комнате густонаселенной квартиры на пятом этаже. Отсюда ходил в детский сад, в школу, бегал в тир и в авиамodelьный кружок. Обыкновенный мальчик, как тысячи других в те довоенные годы.

Окно

Ветки каштана нахально лезли в окно и летом закрывали всю улицу. Другое дело зимой — сиди и смотри себе сколько хочешь. На широком подоконнике можно стоять на коленях и сзади еще остается место. Однажды Мишка так засмотрелся, что ноги затекли, а когда, выпрямившись, потянулся — упал головой вниз на пол и потерял сознание. Так, лежащим, с ногами, задранными вверх по стене, и увидела его мама. Кожа на темени рассечена, волосы намokли от крови. Ничего страшного, остался только шрам, и под волосами его совсем не видно, а жаль. "Шрамы украшают мужчину", — говорил отец. С тех пор Мишка всегда садился у окна только боком. Так он сидел и сейчас.

Первый день зимы. В комнате тихо. Мама читала. Отец вышел за хлебом. Мишка глядел на серую декабрьскую улицу. Редкие снежинки медленно падали на асфальт и исчезали. Голубь за стеклом скользил, перебирал красными лапками, взмахивая для равновесия крылом, глядел на Мишку круглым, глупым глазом, но так ничего и не дождавшись, улетел. Прозвенел трамвай. С рынка тянулись грохочущие телеги. Послышалась песня — красноармейцы строем возвращались из бани. Под мышкой у каждого белый сверток.

Пролетела пуля злая

Над моею головой.

Я лежу и сам не знаю:

Чи убитый, чи живой, — старательно выводил фальцет запевалы.

Эх, комроты, даешь пулеметы!

Даешь батареи, чтоб было веселее!

Бодро подхваченный припев вдруг прервался, и стал слышен стук сапог по булыжной мостовой. В доме напротив отворилась дверь пивной, в облаке пара вышли несколько человек и быстро разошлись. "Чего они вдруг так спешат?" — подумал Мишка. Милиционер перешел улицу и направился прямо ко входу в Мишкин дом. "За мной!" — испугался Мишка. Он давно этого ждал и сейчас, соскочив с подоконника, нервно заходил по комнате. Все дело в репродукторе: черный рупор с тремя безобразными гайками посредине повесили в углу.

— Папа, что это? — спросил тогда Мишка.

— Радио.

— А что оно делает?

— Оно может многое: рассказывает интересные истории, сказки, передает последние известия, музыку.

— А как это?

— Диктор говорит в такую коробочку-микрофон, а у нас слышно.

— Как в телефоне?

— Да, как в телефоне.

Мишке все стало ясно — по телефону он уже говорил. Теперь можно будет поговорить и с далеким диктором, который находится где-то в Москве, на радиостанции и, конечно, тоже все слышит. И однажды, оставшись один, Мишка дождался паузы в концерте и сказал прямо в репродуктор:

— Здравствуйте! Скажите мне что-нибудь, пожалуйста.

Мишка не понимал, почему молчал диктор — в телефоне всегда отвечали сразу.

— "Утро красит нежным светом стены древнего Кремля!" — наконец услышал он в ответ.

— Меня зовут Миша. Можно, я расскажу вам стишок? Ну, послушайте меня немножко! — снова попросил Мишка, когда песня закончилась.

— "Смелого пуля боится, смелого штык не берет!" — отвечал черный рупор.

— Ну, одну минуточку дайте мне поговорить, ну, что вам жалко? — умолял Мишка. Он начал злиться.

— "От края до края, по горным вершинам, где свой разговор самолеты ведут, о Сталине мудром, родном и любимом прекрасную песню народы поют!" — неумолимо горланил репродуктор.

Тут Мишка совсем разошелся. Вдохновенная волна бесшабашной мальчишеской безответственности захватила его и понесла.

"Ты дурак! Все вы дураки! Мяуу!" — закричал прямо в рупор Мишка, словно падая в таинственную бездну. Он кривлялся, выл, мяукал и в заключение четко по слогам продекламировал все известные ему к тому времени ругательства. Но и этого ему показалось мало. Помешкав секунду, он несколько раз проорал: "Сталин-говнялин! Сталин-говнялин!" — и так испугался, что потерял дар речи, а на спине выступил холодный пот. Потом несколько дней с ужасом ожидал справедливого и совершенно неотвратимого возмездия, говорил тихо, чтобы там, на радиостанции имени Коминтерна, о нем поскорее забыли, держался подальше от репродуктора и вообще чувствовал себя лучше в такие дни, как сегодня, когда радио не включали. Шли дни, ничего не случалось, и Мишка начал понемногу успокаиваться.

И вот наступило возмездие. Он с трепетом прислушивался к шагам на лестнице, но в дверь не звонили, хотя времени прошло достаточно.

"Скорее бы уже", — думал он, томясь от страха и неизвестности. Но на лестнице было тихо, и Мишка снова взобрался на подоконник. Милиционер — тот самый — разговаривал с дворником в подъезде напротив, показывая на ворота, потом повернулся и направился к следующему дому. "Значит, не за мной", — обрадовался Мишка и тут увидел, что дворник вставляет флаг в укрепленный на воротах держатель. "Праздник, что ли? — удивился он. — А почему черные ленты?" — и только хотел спросить у мамы, как вошел отец. На нем лица не было. Он включил радио, и траурная музыка наполнила комнату.

— Я ничего не понимаю. Киров убит... — тихо сказал отец.

— Что ты говоришь?! — с ужасом выдохнула мама.

Мишка знал, что Киров один из вождей. Но кто его убил? Почему? Разве сейчас война? Он хотел спросить о многом, но не осмеливался. Родители тихо говорили о чем-то, и лучше было не вмешиваться. Да и не понимал шестилетний Мишка идиш.

Левин

Левин — так называла его жена Луиза. Фамилия у нее почему-то была другая — Гордон. Левин носил военную форму, а на поясе в блестящей кобуре — маленький браунинг. Иногда он, хитро улыбнувшись, оглядывался (нет ли Луизы) и, вынув обойму, давал пистолет Мишке поиграть. По утрам за Левиным приезжал "фордик" — тоненькие колеса на спицах, брезентовый верх и большие наивно удивленные фары. Нередко, возвращаясь с работы, Левин набирал во дворе полный "фордик" ребятишек и просил своего шофера покатать их. Они возвращались гордые и счастливые, а мальчишки из 18-го номера с завистью глядели через забор. Повезло Мишке с соседом — ничего не скажешь. Еще бы Левину сына! Ну, почему, почему у такого замечательного человека должна быть девчонка?

У Левина были патефон и стопка черных, тяжелых, как сковородки, пластинок. На золотых с синим наклейках — собака, склонившая голову к граммофону, и надпись: "His masters voice". Из них Мишка полюбил пока что одну: "After you've gone".

А вообще предпочитал "Если завтра война", "Эшелон за эшелон", но больше других "Тачанку" — дрожал от восторга, боевая труба пела в нем, по спине бегали мурашки, а ладони сами прикипали к рукояткам "максима". Он был тогда сразу тачанкой, и конями, и пулеметом, извергающим огненный свинец. Когда пластинка кончалась, Мишка просил: "Пожалуйста, еще раз".

Единственный в доме радиоприемник — тоже у Левина. Массивный деревянный ящик с маленьким окошком казался волшебством. Мишка обожал марши (какой мальчишка не любил их тогда), и все в квартире это знали. Он горланил их, пригипывая ногой, когда готовил уроки, мылся, ел — всегда!

— Ну, давай, Михаил, послушаем, — говорил Левин и настраивал приемник на Берлин, который передавал марши круглые сутки. Но эти марши из Берлина, какие-то не такие. Тяжелый, слитный унисон с позвякиванием колокольчиков нес что-то враждебное, чужое, и Мишке становилось не по себе. В перерывах между маршами клекотал жирный дикторский баритон, самоуверенный и наглый. Часто раздавался трескучий, захлебывающийся, истушенный голос, прерываемый мощным ревом, аплодисментами и криками "Хайль!". Это был голос Гитлера. Он начинал говорить медленно и спокойно, но уже в конце первой фразы словно срывался с цепи в истеричном экстазе. "Зиг!" — кричал кто-то потом в микрофон, и громовое, многотысячное "Хайль!" раздавалось в ответ. И так несколько раз. Левин вздыхал, качал головой и выключал приемник.

Линка

Теперь этого никто не поймет — пятнадцать человек в квартире. Детей, правда, только двое — Мишка и Лина. Она на год старше, но это не помеха — кроме Мишки, ей все равно никого в квартире не найти. Да и ему только она товарищ. И сколько бы они ни дрались портфелями по дороге из школы, дома заключался мир. Любой мальчишка, в этом Мишка уверен, был бы рад поиграть с ней. И не только потому, что отец ее Левин, загадочный и недостижимый. Просто хороша Линка и нравилась она — вот и все. Игрушки у нее такие, что мальчишкам только снятся: заводные танки, пистолеты, оловянных солдатиков целый ящик. Но храни-

лись эти сокровища попережку с куклами и всякой девчачьей ерундой. А еще у Лины длинные светлые косы и синие-синие глаза.

В тот раз, играя у Лины на балконе с солдатиками, Мишка так увлекся, что не сразу понял, в чем дело, когда почувствовал у себя на плечах ее руки.

— Ты чего? — ошестинился он, отстраняясь.

— Ничего, просто так. А ты умеешь целоваться? — тихонько спросила Лина и улыбкулась.

— Вот еще, — Мишка повел плечом, пытаясь высвободиться, но руки ее, теплые и тяжелые, мягко держали, крепко держали его.

— А хочешь, я тебя поцелую? — теперь она смеялась. — У нас в классе уже все девочки целовались летом. А у вас?

— Да ну тебя, пусти! — возмущенно вырывался Мишка.

— Дурак ты, дурачок — медленно и серьезно сказала она, наклоняясь, и губы ее почти коснулись Мишкиного лица. Он ощущал ее дыхание, запах волос, а глаза синие-синие, с длинными светлыми ресницами были близко, совсем близко, и от этого Мишке стало страшно. Он вырвался и, резко оттолкнув Лину, выбежал в коридор. Лицо его пылало, сердце бешено колотилось, и было трудно дышать. Потом он долго не заходил к Лине, при встрече краснел и отворачивался, а она улыбалась высокомерно и обольстительно.

"Дура набитая. Мало того, что ей не стыдно быть девкой, так еще лезет и задается. И как только все сходит им с рук? А чуть что — сразу реветь — это они умеют. Дать бы ей хорошо, чтоб знала", — ворчал Мишка. Конечно, был Мишка неравнодушен к Лине, да только ли к ней одной? Но кто должен знать об этом? Он и сам себе в этом не признавался. Только однажды, когда еще был в первом классе, спросил у мамы: "Правда, Лина красивая?" А вообще все это ерунда и глупости, и разве мог он думать о девчонках в такое интересное время.

Отец

Сказок отец знал мало и, если Мишка очень уж приставал, рассказывал истории из Библии, но только когда растирал краски. С кистью в руке он не отвечал даже маме. Мишка, счастливый, усаживается на маленькой скамеечке между отцовскими коленями. Сильная рука лежит на куранте и двигает его восьмерками по толстой мраморной плите, растирая темперу. Вкусно пахнет маслом, яйцом и краской — она густыми, тягучими волнами растекается из-под куранта. Курант — это похожий на сахарную голову камень с плоским основанием. Он очень тяжелый, но по краске ходит легко и бесшумно, даже Мишка может свободно работать им...

— Давным-давно жил старик по имени Яков. Было у него двенадцать сыновей, а дочь только одна — Дина. Всех любил Яков, но самого красивого, самого умного, Иосифа — больше всех. Вот почему обижались на Иосифа братья. Он умел разгадывать сны, этот Иосиф. Расскажет кто-нибудь свой сон, а Иосиф подумает и скажет, что с человеком будет дальше...

Двигается, движется отцовская рука над Мишкиной головой, и приятно ему. Он как в домике теплом и надежном, в своей маленькой крепости, и так хочется Мишке, чтобы отец не уезжал снова в Москву.

— Дай мне, пожалуйста, еще одно яйцо, — говорит отец маме, — краска еще густовата.

Мишка с интересом смотрит на яйцо: знает — оно только для папы. Свое Мишка утром уже получил. Круглый, яркий желток растекается в шоколадно-коричневой темпере и исчезает. Курант движется быстрее.

— И увидел фараон, что семь тощих коров съели семерых толстых.

Отец теперь работает левой рукой... Уже мчится гонец за Иосифом в тюрьму на нильском острове, уже толкует Иосиф загадочный сон фараону, уже готова темпера, и уже давно пора Мишке спать. Да и глаза отца тоже сонные...

— А завтра доскажешь, папа?

Историю эту Мишка услышал совсем еще маленьким и, если видел интересный сон, обязательно вспоминал Иосифа.

Отец приезжал редко. Обычно на Новый год, да еще летом в Сосняки. А сразу после отъезда вообще не появлялся почти два года. Только иногда приходили письма, да и то большей частью с оказией.

...Картину отец закончил и сдал в жюри как раз накануне открытия республиканской выставки. Работал он долго, и Мишка хорошо запомнил ее: на фоне мрачного осеннего леса партизан прощается с женой. Голова женщины у него на груди, и только лоб выступает из-под сбитого в сторону платка. Партизан обнимает ее одной рукой, второй — придерживает ремень винтовки, висящей на плече дулом вниз. Но сам он уже не здесь: товарищи ждут на опушке. Чуть в стороне стоит старик с палкой.

Вернулся отец довольный: картину приняли единогласно, хвалили и место специально выбрали так, чтобы она висела отдельно (очень уж сильный контраст с другими) и напротив окна — больше света. Утром, на выставке, пробираясь сквозь толпу, отец крепко держал Мишку левой рукой, пожимая правой тянущаяся к нему руки.

— Почему у них такие лица? Хоть бы один улыбнулся, — тревожно шепнула мама отцу. Лица действительно были странные: то ли стеснялись, то ли о чем-то жалели, то ли просто хотели скрыть неприятное. Председатель Союза художников вообще хотел было пройти мимо, как будто не заметив отца, но в последний момент вдруг широко, во весь рот улыбнулся, крепко пожал ему руку, поклонился маме и, потрепав по волосам Мишку, отошел в сторону. Отец поблдевел, ускорил шаги и внезапно остановился — в простенке висела другая картина: толстый, румяный младенец, с яблоком в руках, задрал пухлые, в ниrotchках-складках ноги, разлегался на заваленном плодами разноцветном украинском коврикe-килыме. Рослые, откормленные колхозницы, улыбаясь, склонились к нему. Одна опиралась на грабли, ухватив руками древко, другая держала за спиной серп, а с портрета смотрел на них добрым, отеческим взором Сталин.

— Может быть, ты ошибся, и она висит в другом зале? — не очень уверенно начала мама. Но отец не ответил, резко повернулся и пошел обратно. Еще один художник шел к выходу. Чем-то он походил сейчас на отца. У дверей оба остановились и поглядели друг на друга. Художник пожал плечами, недоуменно склонив голову, и развел ладони. Отец сжал губы, брови его высоко поднялись и сомкнулись, чуть дрогнула кисть руки. Не сказав ни слова, вышли они из музея и разошлись.

В тот же вечер с одним маленьким чемоданом отец уехал в Москву.

Шли дни, вестей из Москвы не было, мама пыталась узнать что-то у друзей отца, у членов его группы, но заставляла только плачущих жен, а то и запечатанные двери: один за другим исчезали художники, и никто не знал, что с ними, а если и знал — сказать боялся. Да только ли художники исчезали в те дни? Опустела и

квартира. Первым покинул ее Коля Басс — муж косметички Дуси. Он уехал в Горький, работал там и вернулся только накануне войны. Потом исчез Яков. Что с ним стало, не знал никто, и Ева, совсем еще молодая, почти девочка, сломалась. Бледная, как привидение, с грудным ребенком на руках, она редко показывалась на людях, помощи ни от кого не принимала, и в отгороженном ширмой уголке ее всегда было темно и тихо. Вскоре умер муж Наталии Рудольфовны. Оставалось теперь в квартире мужчин всего трое: Левин, Алеша-репортер и Мишка. То же и в Мишкином классе: большинство детей без отцов. За первоклашками приходили мамы. А тем, кого еще забирали из школы отцы, изрядно доставалось: мальчишки — народ завистливый, мстительный и жестокий.

Постепенно стало известно, что происходило с отцом. Первое время в Москве он ночевал на столах в клубах, мастерских, потом у друзей; скрывал, что он художник, и перебивался чем попало — руки у него были хорошие. Помог случай: Фима — бывший ученик отца, обосновавшийся в столице, приютил его и организовал несколько заказов. Вскоре нашлась стабильная работа — оформление павильонов на ВСХВ. Так прошел год. Отец снял на окраине комнату, которую еще через год купил. Появились серьезные заказы, его признали. Но о возвращении теперь не думал: Киев стал для него творческим кладбищем. И никому не говорил он о прежней своей жизни, работе. Да его и не спрашивали — в соответствии с моралью тех лет так было удобно для всех: чем меньше знаешь, тем лучше...

Появились планы переезда в Москву семьи. А пока что после армии в Москву переехал дядя Наум — младший в семье отца. Он поступил в Художественный институт и часто работал вместе с отцом.

Тем временем обстановка на Украине стабилизировалась, и те, кто не попал тогда под жернова набирающего силы соцреализма, могли вздохнуть свободно. Надолго ли?

...Весь декабрь отец молчал. Новый год уже на пороге — и ни письма, ни телеграммы. Мама была не в себе, все валилось у нее из рук. О своих проблемах она обычно не говорила. Но сегодня, только Мишка спросил, что с ней, рассказала: три дня назад ей приснилось, что отец вернулся, но как! Правый глаз забинтован, и бинтов накручено столько, что невозможно шапку надеть — отец держал ее в руке. Долго, очень долго пришлось маме разматывать бесконечную повязку. Открывшийся глаз вместо голубого был черный и маленький, как у птички. А отец стоял молча и только грустно и смущенно улыбался. Что с тобой случилось? — хотела спросить мама, но слова застревали у нее в горле...

И тут постучали в стенку: скользящие удары костяшками пальцев быстро перемещались вверх, к входной двери. Так стучал только отец.

— Папа приехал! — закричал Мишка и бросился открывать.

В новом серо-золотистом тюленевом полушубке, с большим чемоданом в дверь ввалился отец... А дальше все было точно, как приснилось маме. Правый глаз отца заплыл и почти терялся на фоне огромного черно-синего кровоподтека...

— Что с тобой? — теперь уже на самом деле хотела спросить мама, но слова застряли в горле, и вместо нее спросил Мишка.

— Колот дрова во дворе, и щепка отскочила прямо в глаз. Я сначала подумал: его вообще выбило. Так распухло, что еще позавчера утром не открывался. Целый день с примочками лежал. Теперь хоть вижу.

— Когда это случилось?

— Три дня назад, днем.

— Ну, ты видишь? — повернулась мама к Мишке и рассказала отцу свой удивительный сон.

Через неделю кровоподтек побледнел, синева сменилась желтыми пятнами, и к отъезду все пришло в норму. Но в памяти этот необыкновенный случай остался навсегда. Такое не забывается.

...Рисовать Мишка умел. И любил. Но после того вернисажа решил твердо: художником не будет. Каждый раз вспоминая то утро, Мишка всем своим существом ощущал унижение, которое пришлось испытать отцу. Лучше военным инженером, шофером, конечно, летчиком, да мало ли кем еще можно стать, но только не художником.

Вот почему он не хотел заниматься с отцом, когда тот приезжал. И напрасно уговаривали его и отец, и дядя Наум.

— Ты знаешь, — говорил отец, — когда художники из одной семьи работали вместе, младший всегда был самым лучшим.

Он называл имена Брейгелей: старшего, младшего и внука, трех братьев Карраччи, братьев Ван Эйк и многих других, рассказывал о целых династиях художников. "Вот, например, Иероним Босх: кто сейчас помнит его прадеда, отца, брата и еще троих дядьев — тоже художников? Помнят только Иеронима — им четыреста лет восхищается мир".

Но и эта радужная перспектива не могла сломить Мишкино упрямство. Яшка Кац из шестой квартиры был умнее. Он специально приходит смотреть, как работает отец, часами сидел рядом и с радостью согласился, когда отец сам предложил ему заниматься. Потом Яшка поступил в художественную школу-десятилетку, а принимали туда далеко не каждого. Глупый же Мишка в это время изобретал, или, вернее, пытался понять устройство подачи патронов в пулемете. И в альбомах сцены испанской войны чередовались с разрезами бронированных машин, кошачь и баталии — со схемами автоматических винтовок, сделанные тайком зарисовки голых девчонок — с механизмом поворота танковой башни. Когда отец уезжал, Мишка жалел, что не работал с ним, но потом снова отказывался. Вот такой он был, Мишка — непредсказуемый и противоречивый и ничего поделывать с собой не мог.

Шпионы

В праздничные дни войска и техника заполняли улицы еще с ночи. Демонстранты собирались позже, с рассвета, и разогревались, танцуя неперменные краковяк, гопак, вальс "На сопках Манчжурии" и подкрепляясь водкой с пивом — их неистребимый аромат достигал верхних этажей. Бесчисленные духовые оркестры, не затакая ни на миг, самоотверженно поддерживали праздничную атмосферу, но издалека четко слышны только удары больших тяжелых барабанов, которые разговаривали друг с другом словно каннибальские тамтамы. Ритмы причудливо сплетались, и наступал момент, когда казалось, что все оркестры играют в унисон, но, как Мишка ни вслушивался, повторить или хотя бы запомнить мелодию не мог. Проходила минута, и сначала один из оркестров вслед за своим барабаном как будто выскальзывал из строя, за ним другой, третий, и все распадалось, чтобы уже в другой мелодии сплестись вновь. В стороне от танцующих демонстранты развлекались оригинальной игрой: трое по очереди лупили в открытую правую ладонь, которую выставлял из подмышки повернувшийся к ним спиной четвертый.левой

он прикрывал щеку и глаз. Один изо всей силы бил кулаком в ладонь, после чего каждый молниеносно вытягивал вперед руку с поднятым большим пальцем. Если принявший удар отгадал, кто ударил, нападающий занимал его место. Ошибся — получай еще удар пудового кулака под свист и гогот болевых щипков.

Но даже сейчас, в этой веселой, благоухающей перегаром толпе полным полно шпионов. Каждый мальчишка понимал это. Только как их узнать? Шпионы были везде: в трамвае, в кино, на улице, в твоём доме. Они кишели! Они роились! Шпионов ловили, разоблачали, расстреливали, но почему-то с каждым днем их становилось все больше. Откуда они брались? Чем занимаются шпионы — Мишка знал точно: передают за границу сколько у нас войск и где находятся военные заводы. Но ненавидел он их не только за это. Была причина поважней: раньше разрешалось свободно пройти на Крещатик и смотреть парад. Мишка каждый год так и делал. Но шпионы проходили тоже, считали войска, танки, пушки и потом сообщали своим. Вот и ввели пропуска. И теперь Мишка должен вертеться на улице возле своего дома, вместо того, чтобы стоять на Крещатике. Разве можно сравнить эту пьяную толпу с чеканящей шаг пехотой? Оглушительный краковяк — со стуком копыт? Как можно забыть такое? Пробежит стайка корреспондентов, увешанные камерами фотографии и среди них сосед, фоторепортер Алеша. Он узнает Мишку, махнет рукой и улыбнется. Пройдет кавалерия, и десятки дворников выскакивают на асфальт. На белоснежных фартуках сверкают бляхи с номерами. В руках метлы и большие оцинкованные совки. Разгоняя негодующих воробьев, они сметают дымящийся навоз и убегают под нарастающий рокот: приближаются танки. Во главе тяжелый флагман, на башне массивными буквами надпись: "Командарм Якир", синее облако дыма волочится за ним. Вот, что потерял Мишка из-за проклятых шпионов. Нет, он им этого не простит. Кому нужна скучная демонстрация?

С вредителями дело обстояло проще. Вредители все портят, ломают, сжигают, но, так сказать, по собственной инициативе. За границу, правда, ничего не передают, но разбирают рельсы перед пассажирскими поездами. Сколько было бы крушений, если бы пионеры не просигналили машинистам красными галстуками. Мишка сам это видел в кино. Вредитель и есть вредитель — чего проще? А вот кто такие враги народа и чем занимаются они — совсем уже непонятно. Не шпионит, не вредит, а все-таки враг. Значит, не любит народ? А как узнать? Вот Мишка не любит мальчишек из 18-го номера, так что он — враг? Да ну их всех к чертям собачьим! Хватит с меня и шпионов! "Поймать бы хоть одного", — мечтал Мишка и искал их везде, где только мог: в трамвае, в кино, на улице, даже в школе.

Школьники внимательно рассматривали иллюстрации в учебниках, заставки в тетрадях и, конечно же, находили то, что хотели найти. На обложке тетрадки, в букете, который несла пионерка, замаскирован двуглавый орел — совсем как в загадочной картинке. Правда, тетрадку для этого нужно повернуть вверх ногами. Все удивлялись: "Подумать только! Ведь прямо на глазах! Как мы не заметили раньше?" В учебнике истории на петлице Первого маршала, вместо звезды, красовался череп со скрещенными костями. Долго нужно было смотреть, чтобы разглядеть этот череп, но "кто ищет — тот всегда найдет". И после того, как ученики сообщали перепуганной учительнице о своих открытиях, крамольные учебники и тетради изымались. Но в глубине души Мишка презирал столь скудный улов. Подумаешь, какая-то паршивая тетрадка, когда кругом такое творится! Вон Карацупа и его доблестная собака Индус 500 шпионов поймали, а тут тетрадки. Тьфу!

...Сон на этот раз действительно оказался интересным. То, о чем столько мечтал Мишка, наконец, сбылось! Он поймал-таки своего шпиона. Жаль, конечно, что только во сне. Обычная утренняя спешка начисто стерла подробности, но финал Мишка запомнил хорошо: его чествовали в форпосте, который находился в полу-подвале. Все жильцы поздравляли, аплодировали, а мальчишки сидели зеленые от зависти. В заключение Мишке преподнесли свежий номер "Пионерской правды", где под его портретом были напечатаны указ о награждении орденом и заметка: "Пионер разоблачил шпиона". Мишка стоял перед всеми радостно возбужденный, потный и красный от счастья, но внезапно шевельнулась предательская мысль: вдруг они узнают?

А узнавать было что. Алеша подарил ему фотоаппарат и коробку кассет. На радостях Мишка фотографировал все подряд и цепной мост через реку тоже. Сделал он это просто из озорства, снимок никому не показывал — ведь его мог увидеть какой-нибудь шпион, которому, не оставалось ничего другого, как взорвать мост — ясно как дважды два. Почему шпион не мог взорвать мост без Мишкиного фото, почему сам не мог сфотографировать — над этим он не задумывался. Снимок лежал под книгами, и мальчик забыл о нем. А теперь, во сне, вспомнил и тайный страх испортил ему триумф. Вечно так получалось — радость никогда не бывала полной. Что-то обязательно должно было ее испортить. Даже во сне. Какие коровы фараоновы омрачили ее — тучные или тощие — Мишка не знал, а о сне своем никому не рассказывал.

Гость

Однажды, когда Мишка вошел к Левиным, Лина, приложив к губам палец, прошептала:

— Не шуми. К папе приехал друг, и они заняты.

Мишка расставлял солдатиков, Лина читала. Сквозь приоткрытую дверь доносились негромкие голоса. Сначала Мишка не обращал внимания, потом начал прислушиваться и осторожно глянул в щелку. Гость Левина, сухощавый, с белым шрамом на щеке, сидел за столом.

— Рига не пошла и правильно сделала: с ее характером, да еще в начале 1933 в берлинском "Sportpalast" делать нечего.

— А тебе?

— Да ну тебя к чертям!

— Ладно-ладно, не лезь в бутылку. Рассказывай дальше, — сказал Левин.

— Зал был полон. Свободными оставались только первые три ряда. Потом я понял для чего. Сначала на эстраду вышли штурмовики и выстроились полукругом. Зал зашумел, раздались аплодисменты, но не только: все громче слышны были крики "Хайль!", возбуждение в зале росло, и наконец на эстраде появился Гитлер. Несколько секунд он стоял неподвижно и, чуть наклонившись вперед, ждал пока затихнет шум. Начал он спокойно. Я даже удивился — ведь говорили об истерике, бешенстве, о том, что во время выступлений он впадает в транс. Да и в кинохронике не раз это видел. А тут как будто вполне владеющий собой оратор. Но хватило его только на первую фразу, а потом словно прорвало. Рассказы не дают ни малейшего представления о манере Гитлера выступать. Он захлебывался, закатывал глаза, размахивал кулаками, сотрясался, как в эпилептическом припадке, приседал, хлопая

себя по коленям. Бешенство, истерика и транс, но помноженные друг на друга. Главное, конечно, в том, что он — настоящий фигляр — прекрасно знал, какой эффект производит эта дешевка. Стоящие в почетном карауле штурмовики потихоньку отступали назад. "Ведь он же плюется", — объяснила моя спутница из посольства. Но что меня поразило — реакция публики: ведь только вчера они аплодировали в концертах, театрах. Ну, совсем такие, как у нас, только одеты получше. Многих я знал лично. И сейчас они — элита, люди искусства, интеллигенция — ничем не отличались от уличной толпы. Ты бы видел, что с ними творилось! Как кричали "Хайль!" красавицы в мехах и бриллиантах, и их нежные голоса хорошо выделялись из общего рева одичалой массы.

— А что он говорил?

— Ты знаешь, не стоит вспоминать этот бред. Уровень совершенно пещерный. Мне стыдно за людей, которые аплодировали ему, а если честно, то и за себя, сидевшего там до конца. Тогда я своими глазами увидел, во что Гитлер еще до выборов превратил немцев... Ты себе не представляешь, как мало нужно, чтобы сделать из человека скота.

— Ну, почему же? Очень даже представляю, — помолчав ответил Левин, но продолжать не стал.

— На другой день мы уезжали...

— погоди. Тельман тоже выступил?

— Об этом тяжело говорить. Едва он вышел на эстраду, я сразу понял, что у коммунистов на выборах шансов нет. Ты бы видел, что поднялось в зале! Свист, вой, крики, смех. А штурмовики, спустившиеся в зал и занявшие первые ряды, непрерывно стучали дубинками по спинкам стульев. Вот под такой аккомпанемент пришлось выступать Тельману — я не расслышал ни одного слова из его речи. Он стоял лысый, маленький, невзрачный и, казалось, беззвучно шевелил губами. Больно было смотреть. Возможно, в зале еще кто-то разделял мои чувства, но я таких не видел.

Он помолчал.

— На следующий день мы уезжали. У вокзала "Фридрихштрассебанхоф" два носильщика (у каждого значок со свастикой) погрузили наши чемоданы на тележку и спрашивают:

— Какой поезд?

— Экспресс Берлин — Варшава, вагон номер двенадцать.

— Вагон московский? (Все они знают, сволочи.)

— Да, — говорю, — мы советские дипломаты.

Тогда, не говоря ни слова, они сгружают чемоданы и аккуратно (немцы все делают аккуратно), крышками вправо, составляют их на тротуаре. Прохожие начинают с любопытством оглядываться, но не задерживаются: у каждого свои дела, да и нацистские значки носильщиков не очень располагают вмешиваться. Я растерялся — такого со мной никогда еще не было.

— Мы же платим деньги! — говорю. А они в один голос:

— Большевиетские деньги нам не нужны! Хайль Гитлер! — и покатили свою тележку дальше. Вдруг один остановился, словно вспоминая о чем-то, и направился обратно. "Ну, — думаю, — даже у "parteigenosse" есть совесть". Но он только повернул крайний чемодан крышкой вправо, как остальные, и бегом догнал напарника. Прежде всего порядок! — вот, что такое немцы! Стоим мы с Ритой под до-

ждем, и куча чемоданов мокнет вместе с нами. Остается час, а нужно еще успеть пройти таможенно. Я говорю Риге:

— Постой здесь, а я по два перетаскаю чемоданы.

А она стоит бледная от злости и, чувствуя, дипломатический инцидент обеспечен: сейчас что-то выкинет — ты же ее знаешь. Тут подходит пожилой немец и спрашивает:

— Это вы едете в Москву?

— Да, — говорю, — а что?

— Подождите здесь, сейчас вам помогут.

Он оставил нас и через минуту вернулся еще с двумя. Взяли мы чемоданы — и в таможенно. Чиновник попался из старых, очень любезный, не нацист, очевидно. После формальных вопросов попросил открыть чемоданы, взглянул и чуть тронул пальцами вещи:

— Закрывайте.частливого пути. — И руку мне пожал. Но говорить больше не стал — боялся, видно.

— А кто вам помог?

— Они, оказывается, эмигрировали из Германии, эти немцы. Выехать оттуда, на удивление, просто, даже теперь. Мы ехали в одном вагоне. Отличные люди, антифашисты. Им-то носильщики и сказали: "Эй, соци (так называли социалистов), идите грузить ваших хозяев!"

— Ты встречал их потом?

— Нет, не пришлось... Простились на Белорусском вокзале и все. Кто знает, где они теперь? — вздохнул гость и чиркнул спичкой.

В комнате стало тихо. Мишка оглянулся: девочка тоже слушала и в глазах ее была тревога.

— Лина, кто это? — прошептал он.

— Дядя Костя, папин друг. Они вместе воевали, а потом он долго работал во Франции и в Германии.

— А когда это было, то, что он рассказывал?

— Очень давно — года три или четыре тому назад, а может, и пять. Я еще в школу не ходила. Смотри, что он мне привез, — Лина показала роскошную, в кружевах и лентах куклу. — Французская, — с гордостью добавила она.

"Ну, что у этой дуры в голове?" — подумал Мишка и пожал плечами. — Скажи лучше, откуда у него шрам?

— Папа говорил, что дядю Костю рубанули поляки в двадцатом году, кажется. Поклянись, что никому не скажешь, — вдруг жарко зашептала Лина, склонившись к Мишкиному уху.

— Никому, — пожевываясь от щекотки ответил Мишка.

— Дядя Костя сейчас только вернулся из Испании. Он воевал там.

...Испания. Мальчишки сходили с ума, услышав это слово. Когда перwokлашек повели в кино, Мишка не очень представлял себе, что такое киножурнал, да еще об Испании. По дороге в кинотеатр общее возбуждение росло и к началу сеанса достигло такого накала, что у многих штаны оказались мокрыми. Погас свет, и на экране замелькали площади большого города, митинги, страстно жестикулирующие перед наэлектризованными толпами ораторы, выплескивающиеся на тротуары широких улиц демонстрации, знамена и поднятые над головой ротфронтговские кулаки. Пассионария (ее портрет Мишка видел уже не раз) патетически простирает руки, скорбно подняты брови, быстро-быстро двигаются губы, а лицо застывшее,

как маска античной трагедии. Мишка знает — она говорит: "Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!" Но почему так долго? Пронзительная сирена воздушной тревоги, бегущие в поисках укрытия люди, а в небе как будто застыли три колючих немецких "юнкерса". Во весь экран голова мертвого ребенка, веселый ветерок играет прядью на лбу и муха ползет по щеке... Закончился киножурнал. Все были настолько ошеломлены, что поначалу потеряли дар речи. И у каждого в глазах застыл вопрос: "А где же наши? Почему они позволяют фашистам бомбить Мадрид?" Шок прошел не скоро, но постепенно дети успокоились, да и как же иначе? Ведь ясно, что это не надолго, победа близка и к СССР присоединится еще одна республика — Испанская. Далековато, правда, но разве Узбекистан ближе? В гастрономах начали продавать испанские апельсины. Каждый завернут в тонкую папиросную бумагу с заманчивыми надписями "Valencia", "Alicante". Появились симпатичные испанские шапочки, вроде пилотки, но с рожками по краям, а впереди кисточка. Шили их из тяжелого, блестящего шелка, выдавали перед праздниками, и отличались шапочки только по выбранному школой цвету. В них ходили на демонстрации. Это было красивое зрелище: колонны детей в белых рубашках, красных галстуках и в отливающих на солнце шелковых шапочках. Колонна в синих, колонна в желтых, красных, фиолетовых, зеленых. Как же был разочарован Мишка, когда увидел в газете снимки сначала франкистов, а потом и самого Франко точно в таких рогатых с кисточками пилотках! Победа приближалась, но через год почему-то начали привозить испанских детей. На привокзальной площади их встречали цветами. И вот под рев оркестра появились они, маленькие, дрожащие на холодном ноябрьском ветру. Испуганные темные глаза грустно глядели из-под низко надвинутых кепок и беретов (никаких рогатых пилоток с кисточкой не было и в помине). Молча брали они цветы, конфеты, и только один мальчик робко произнес "gracias". Не радовала встреча ни гостей, ни хозяев, энтузиазм быстро угас, музыканты опустили трубы, детей затолкали в подкачивший автобус и увезли.

Мишка выглянул еще раз: покрытое непривычно темным загаром задумчивое лицо рассказчика было неподвижно. Дым от странной, без мундштука папиросы ровной струйкой поднимался к потолку. И только левая бровь взметнулась вверх и медленно опустилась.

(продолжение следует)

Игорь Григорович

СПРАВЕДЛИВЫЙ

Рассказы

Праведный гнев

Приходилось все чаще сплевывать горькую слюну, и чем чаще от нее освобождались дети, тем больше она наполняла рты.

— Вот бы какая-нибудь машина?

Серый ноябрьский день, как хоженная перехоженная дорога со школы домой, медленно уползал в сумерки голого приобочинного кустарника, стертых плугом полей и тоскливо близкого горизонта.

По нарастающей, из—за перекатного косогора длинной ленты шоссе выползал тяжелый гул автомашины.

— Может повезет, сойдем с дороги. — Старший брат потянул за портфель младшего, — смотри, пустая ли кабина, мне плохо видно.

Дети вытянули головы и стали всматриваться в подъем, из—за которого доносилось тяжелое дыхание грузовика.

— Не, не возьмет. Дальнобойщик, эти не берут.

— Попробуем. — И старший поднял руку.

Фура, давая осеннее пространство массой, катилась под гору бегемотной грацией. Старший передвинулся ближе к краю насыпи, отгесняя брата и держа напряженную руку высоко к небу.

— В кабине кто-нибудь есть? — кричал старший.

— Стекла темные, не вижу, — плаксиво и зло кричал младший, — прет, не останавливается.

Старший сделал еще один шаг к крутому скату дороги, обоперся плечом на верстовой столб, заслонил спиной младшего. Синим сиротливо—серым отливом дрожал дорожный знак над головами детей. Фура, набирая скорость, скатывалась с горы.

Кажодневный опыт научил детей защите при встрече с большегрузными машинами. Резиновая волна сырого вязкого воздуха ударила в согнутые спины детей, заставив сделать спотыкающийся шаг—полшага. Волглый ветер пробрался сквозь одежду. Металлический верстовой знак, сбитый камнем, упал в ноги детей. Младший поднял погнутый знак и камень, размером с куриное яйцо.

— Вот это выстрел... так попасть. Как это?

— Наверно колесом наехал на кругляш, прямо как снаряд.

— Здооорово... Машина, машина легковая!

Старший выбросил рефлекторно руку, все еще что—то соображая глядя на камень, поправил очки.

Новенькая лоснящаяся легковушка бесшумно сияла алым пятном в предвечерних сумерках.

— Спереди сидят, сидят, — одергивал руку старшего младший брат, — пошли.

Но старший, размышляя о важном, недодуманном, упрямо продолжал тянуть руку кверху.

Машина мягко и беззаботно промчалась.

— Пойдем. Пойдем, — хныкал младший, — а то есть хочется.

И повинуюсь охватившим его горечи и бессилию, старший замахал кулаком вслед изящной легковушке.

— Побежали, побежали, машина останавливается...

Но, глядя на выпученные красные стоп огни затормозившего вдали алого авто, старший затравленно посмотрел по сторонам. Сердце упало, встрепенулось и затухало напряженно и тупо. Машина, давя придорожную гальку, подкатила задом.

— Брось, брось, — вырывая знак и камень, силно хрипел старший.

Из машины вылез холеный мужчина в теплом добротном полушубке, рядом с противоположной стороны появилась, как видно, его супруга.

— Как фамилия, — напористо и властно спросил вылезший.

— Отвечай, — резко поддержала своего супруга женщина.

Дети молчали.

— Дневник давай, будешь знать как кулаками грозить.

Старший снял сумку—планшет из-за спины, привязанную в виде ранца и стал ковыряться в застёжке.

— В какой школе учимся?

— В первой, — еле ворочая сухим языком, нервно поправляя очки, отвечал виноватый.

— Класс? — это женщина.

— Шестой.

— А другой?

— Четвертый.

— Кто классный? — это мужчина.

Старший тупо справлялся с застёжкой.

— Вот сообщу в школу, будешь знать, как хулиганить. Понял?!

Старший растегнул сумку, поднял глаза, безнадежно попросил:

— Простите, больше не буду.

— Хватит с них, поехали, холодно, — поеживаясь в меховой дохе, закапризничала супруга, — потом сообщим, я его запомнила, очкастого.

Мужчина как бы споткнулся о голос супруги, посмотрел рыбьим глазом на черную хромовую сумку—планшет, другим глазом на влезавшую на сиденье супругу, крикнул и полез в тепло. Машина тронулась.

Облизывая пересохшие губы, старший попросил:

— Родителям ничего не рассказывай...

От сбитого камнем знака до дома оставалось всего три километра.

Один миллион на тысячу

Памяти затурканных фабзайцев
посвящается

Открытый глаз птица прижала к высушенному зноем пляжному песку, закрытый глаз обволакивало белесое небо. Когда—то черная птица, мертвой, в густо прогретом мареве, сказала седой на седом песке. А вокруг отдыхающий люд в

полной гармонии с окружающей средой впитывал обнаженными телами шоколадно—терпкий дар расплескавшейся горечи. Седая птица на седом песке никому не мешала.

— Вот удивительно, — среди шума и гама беззаботных людей, раздалось надрывное восклицание ни к кому не обращенных слов. — Вот удивительно.

Склонившись, худой долговязый подросток, взяв птицу на руки, повторял:

— Вот удивительно.

Лежащий рядом на покрывале упитанный мужчина открыл мутные глаза, посмотрел на долговязого.

— Смотрите, — обрадовался человеку юноша, — это же один миллион на тысячу... Смотрите, дяденька.

Дяденька, поеживаясь, отклонился.

— Смотрите. Камень попал в висок ласточке. Это же один миллион на тысячу. Так даже если и захотел бы, то не попал бы. Редкий случай.

— Говоришь, один миллион на тысячу, кхе.. А учишься ты где?

— В фабзе.

— А... ну тогда ясно. Один миллион на тысячу. — И дяденька, смачно подтянув элегантные плавки, потрусил к воде.

Подросток, бережно уложив седую птицу, побрел бесцельно по пляжу, сокрушенно шепча:

— Один миллион на тысячу.

Били его постоянно. За что? А просто за все: не так сказал, не так посмотрел, не то сделал. Били беззлобно, по привычке, били третий год кряду, привыкли.

Группа каменщиков—монтажников подобралась крепкая, налитая, сплоченная, один в один. Пацаны самоутверждались по жизни в исполнении неписанного закона: кто сильнее — тот прав. Об отношениях в группе знали и воспитатели и мастера и учителя и администрация училища, знали и — всё.

...Привыкли...

Возвращаться в опостылевшее общежитие не хотелось, а идти не было куда. Побродив по пляжу в одиночестве до темноты, он забрался в кусты и уснул голодный до утра — спать хотелось больше, чем есть. Но и во сне он чувствовал тяжелые тупые удары валенка, наполненного специально для этой цели песком, удары его учебников по голове. Видел студенистые липко дрожащие от возбуждения глаза, слышал злобное шипящее придыхание:

— Ну что, что? понял, убогий, как нужно мне отвечать?.. Да ты еще смотришь, смотришь... на..на..на, — удар за ударом, удар за ударом...

...Приобеденное время. Практиканты дипломники стройным штабелем разместились у строящейся башни в ожидании трапезы. Лежа в густой тени, лениво почесывались.

— А где, убогий? — как бы очнувшись ото сна, вдруг с тайной целью в интонации, вздернулась светлая голова статного юноши.

— А кто его знает, — Эй, кто видел убогого?

— Там, там, возле вышки мыкается.

— Смотрите, чё я достал!

— Покажи, покажи, покажи, — протягивались руки, — клёво, вещаца. Стальные, хрен разорвешь.

Наручники пошли по рукам. А в небе летали ласточки.

— К дождю видать сороки разлетались.

- Это ласточки.
 - Сам знаю. А что если «ласточку» сделать.
 - Идея.
 - Убогому и сделаем.
 - А вдруг опять спать не придет?
 - А мы покараулим.
 - Лафа, вечером цирк устроим.
 - Чур, уговор, до вечера убогого не трогать, ясно.
 - Ясно, ясно. Ну уж повеселимся. Во потеха будет, когда убогого в ласточку скрутим, умора.
 - Смотрите, как будто что с башни упало?!
 - Не... показалось.
 - А я говорю, падало.
 - Мешок цемента, наверно.
 - Ладно, пошли жрать, вечером побалдеем.
- В порыве единения и предвкушения вечернего развлечения группа рысью прогалопировала в пищеблок. А под вышкой, одним глазом в багряный песок, другой закрытый, обсыпанный сединой, лежал тот, кто так неумело сокрушался: один миллион на тысячу.

Евангельский пострига

— Отвечу тебе, дочь моя, из Священного Писания, ибо к Слову жизни надобно прибегать во всех делах наших. — Священник подался вперед, как бы взирая в раскрытую книгу, стал читать по памяти:

— И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их, ибо если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками.

Он замолчал, как бы прислушиваясь к глубокому отзвуку сильного голоса, посмотрел на дородно одетую женщину, с темными наплаканными кругами под глазами, мягко и властно произнес:

— Всякий, кто верует в триединого Бога: Отца Сына и Духа Свята — есть брат во Христе, — и подал крест. — Иди с миром.

Женщина неумело стукнулась носом о холод серебряного распятия, нескладно, как-то по детски закрестилась, и ещё раз, зыркнув по сторонам, облегченно вышла из пустой церкви.

— Что сказал этот служитель культа? — с ехидной полуулыбочкой на жестком до синевы выбритом лице полубопытствовал, мелко перебирая длинными ногами, хозяин дома. Поправив ручной вязки джемпер, муж приступил к жене.

— Давай, давай... то по бабкам во времена парткома бегала, то по попам сейчас. Вот уж где эта свобода совести и религии, — взял себя за горло, передавил, зашелся в кашле... — Будь моя воля...

— Давай, давай, оборотень, злорадствуй. Как сам с попами на своих заседаниях заигрываешь, так тебе можно, а когда беда в дом пришла — то что, что я тебя спрашиваю? — женщина выворачивалась из натуральной шубы, раскрывала эко-кловивную сумочку, вытирала гигиенической салфеткой рот и глаза, переобувалась в меховые тапочки и кричала, кричала по обыденному негромко и вяло.

Сын, выглянув из своей трехкомнатной детской, досадно решал в нутрии себя задачку — какая физиономно-подобаящая поза будет приличествовать данной ситуации. Отец, потрясая кулаком, перед умильно-виноватым отпрыском, откашлявшись, вдруг, разделяя каждое слово, громко прошептал.

— Пойдешь к баптисту, и будешь делать то, что он скажет.

— Он пятидесятник, — заикнулся было сын, — выпрямляя гордую статью.

— Хрен редьки не слаще. — Придвинулся поближе, — пойдешь, и будешь замаливать грехи.

— А деньги? — с горячей надеждой твердо спросило чадо.

— Деньги...и, — растягивая слова, словно собираясь порвать на части, еще тише, но рубя каждую букву, отец произнес:

— А деньги он не берет — бессребреник. — И опустив на дрогнувшие плечи сына руки, устало закончил:

— Натворил дел, расплачивайся. Я не вечный.

Мать, ойкнув, впервые не произнесла ни полслова.

В элитном клубе на стене висит элитное обращение:

Поиграл — подотри за собой историю!

— Повезло тебе. Да за такое каждому из нас как минимум по трешке влепили бы, — первый.

— Что ж ты хочешь — отещи! — второй.

— У меня тоже отец не лыком шит, — первый.

— Хватит мусли сосать, играем, — третий.

— Эх, майн камф сливаю на делиг, — первый.

— Пятнадцатый уровень за джампером, — он.

— Распотрошигь пространство, — третий.

— Майн камф сливаю на делиг, — первый.

— Ну что, пойдешь к баптисту? — второй.

— Он пятидесятник, — он.

— Какая разница. Сектант — он и в тюнере сектант, — второй.

— Его майн камф сливаю на делиг, — первый.

— Это точно, режь, — третий.

— Майн камф выпрыгнул из корзины, — первый.

— Бросай гранату, — третий.

— Так пойдешь? — второй.

— Посмотрим, может мои передумают, — он.

— Везунчик! И отмазали, и деньги в семье, — второй.

— Уровень шестнадцать, — он.

— Майн камф сливаю на делиг, — первый.

Засиделись за компьютерами до чертиков синих.

Головная боль для устоявшейся жизни номенклатурных работников — назначение нового прокурора. А вдруг казачок засланный? Пригитхли, выжидали. Поселянам вообще-то, что новый, что старый — все едино.

— Ознакомился с вашим делом, — прокурор выдержал мимолетно значимую паузу, поднял глубоко сидящие глаза на пятидесятника со стажем.

— Ознакомился. Что вы на это скажите?

— Я хотел бы забрать заявление, — с хрипотцой волнения произнес проситель.

Прокурор неумеренно заерзал на стуле:

— Я человек новый, но долг мой обязывает — оберегать честь и достоинство всякого гражданина от посягательств различного рода деятельности с чьей бы стороны она не производилась. — Пауза, не то самолюбования, не то честного служаки. — Мы должны стоять на страже закона и искоренять всякую неправду не взирая на лица, звания и заслуги.

— Я имею право отозвать иск, — уже более спокойно сказал проситель и отвел глаза от синего мундира в окно.

Прокурор враз, как лопнувший воздушный шарик, нехотя махнул рукой, приподнялся, протянул вяленную руку, буркнул, — смотрите.

Мужчина после оформления соответственных бумаг, проходя коридором к лестнице, слышал высокий голос аппетитной секретарши в телефон:

— Он забрал, забрал документы.

— Может, пойдешь со мной, па?

— Нет уж. Я и так согласился на это унижение ради дела. Думаешь, я не смог бы тебя отмазать? Ошибаешься. Но тут выборы на носу. Да и что тебе сделается? Ну, посидишь с этим ... законником, ну помолишься часок, зато через месяц делай что захочешь. Да и слово я дал. Ну, пока.

Машина стала отъезжать.

— После всего — сразу домой, к матери.

Сын нехотя сделал машине отмашку, подождал, когда та скроется за поворот, зашел в арку между подъездами и лихорадочно закурил. Выкурив две легких сигареты кряду, он, сутулясь и озираясь, побрел к нужному подъезду, и как в холодную воду, позвонил в домофон.

— Что там было, як ты спасьси? — окружили друзья в клубе.

— Наслышаны, наслышаны.

— Это ж уму не постижимо — целый месяц молиться со старым чертом.

— Да лучше любые деньги отдать.

— Предлагали. Сказал: или месяц по часу молиться или суд.

— А если на него в суд подать за принуждение, например.

— Ладно, ладно, оставьте будущего архимандрита в покое. Может это его судьба така. Пошли, посидим.

Сели за столик, подскочил официант, подал коктейли.

— Рассказывай.

— Что рассказывать, — отхлебнул из бокала. — Ну, захожу; ну, сидит, рукой на кресло указал. Сел. Сижу. Молчу. Он молчит. Я молчу. Потом он тихо что-то там стал читать, я задремал. Слышу, говорит: всё. Я за дверь и сюда.

— Да, дела. Будь.

— Будь.

— Завтра пойдешь?

— А что прикажите делать.

— Будь.

— Будь.

— Пошли играть,

— Отец велел домой идти.

— Бывай.

— Пока.

А элитное обращение хозяин электрифицировал:

Поиграл — подотри за собой историю!

— Я стала замечать, что сын изменился.
— Взрослеет.
— Нет, не то. Когда он стал ходить туда — он стал не такой.
— Ты это брось: такой не такой. Тоже мне иной из «фентози».
— Да ты послушай.
— И слушать нечего. Неделя осталась. А там я этому святоше после выборов сладкую жизнь устрою.
— Не надо.

— Иди, иди, свечку поставь, попу пожалуйся. И так весь город говорит.
Жена закрыла лицо руками.
— Что, правда глаза ест? Знаю, знаю я этих святош. Ну да ладно, когда-нибудь и наше время придет.

А жена молчала. А муж и внимания не обратил, что всегда надменная волевая дама, которая завсегда могла за себя постоять, в последнее время стала иной, другой — тихой и мирной, прямо как сокровенный сердца человек, в кротком и молчаливом духе. И одежда её стала простой и чистой, без украшений и излишеств. Муж закрывал глаза на то, что жена около месяца как не пропускала ни одной службы в церкви — его интересовали только дела.

— Ты что же избегаешь нас, не заходишь?
— Да так. — Он как сквозь дымку смотрел на старого приятеля.
— Как дела?
— Нормально.
— Молиться ходишь?
— Туда иду.
— Сколько осталось?
— Последний раз, — и резкая боль, как иголкой, кольнула в сердце.
— Отпразднуем значит свободу от религиозного рабства. Заходи опосля, тут у нас... — Звонок — и знакомый повис на телефоне.

Сон, явь, полуявь, минуты набегают в часы, часы распадаются на минуты; вода, проливаясь, поднимается к небу и опадает на землю; начало и конец, предел и запредельность, жизнь и смерть, закон и порядок, любовь и смерть, ангелы и бесы, свет и тьма, бытие и небытие — все это на благо человеку, дабы он познал Имя Господне...

— Просыпайся, просыпайся, — тихие слова и бездонно родные глаза. — Иди и помни: что всякий, кто призовет имя Господне — спасется.

Он вышел в пределы первого зимнего снегопада после месячной сырости и слякоти и затосковал по весенне—пасхальному солнцу, имя которому навсегда определил Творец — Сын мой возлюбленный.

А на стол прокурора легла сводка происшествий за протекшие тридцать дней: по всем показателям — прочерк.

Азь мысли

Людей разбросало по автобусу, как спелые яблоки вокруг яблони. Кто упал ничком на спинку сиденья и вкушал ароматные сны, кто потешался законными краевидами, кто усердно подбивал материально-психологический баланс соразмеря кредет-дебет, кто жеманно настраивался на легкий флирт с отягченными последствиями, кто... В общем экскурсия плавно неслась по автобану находясь в середине отведенного на это дело времени.

Мелькали и проносились встречные и поперечные авто, деревья, поля, реки, леса, деревни и всякая бывальщина, которой понатыканы наши дороги. День натужно въезжал в призрачное марево вечерней прохлады, суля очередное нервно растревоженное устройство ночлега. А пока экскурсанты переваривали трапезу и обильные впечатления от мест скопления себе подобных. Был тот самый час, когда душа с телом уединились и по обоюдному согласию пребывали в гармонии.

Из общего состояния неги выбивалась разве что фигура водителя, но и он, поддаваясь общему умиротворению, вез свой автокрест вполне сочетавшись с общим духом развинченной млявости. Вот и покрывал экскурсионный фешенебельный автосалон километры, километры в поисках «святых» мест, милых сердцу обладателя отдыха.

В охватившей экскурсантов млявой неги неусыпно, как постукивание пульса, обозначались и растекались по сознанию мысли, мыслишки, думы, пунктиры и штрихпунктирные линии, соединяя со вселенским бытием всякое живое существо невидимыми, но такими значимыми для сущего нитями.

Неусыпно совершается процесс размышления-раздумья — формируя нашу будущность, материализуя её, облекая плотью, приближая или отдаляя её, но в конечном итоге встречающую нас неизбежно.

Мысли, мысли...

Какие только сравнения, метафоры, эпитеты не присваивали вам поэты, в какие одежды не рядили вас писатели, в какие дворцы и хижины не поселяли вас мудрейшие логики мыслители — и только сама суть ваша, ваша тайна открыта немногим: да будут помыслы ваши чисты.

Бродячим полужэскадром полсотни умиротворенных обстоятельствами людей проносились в разных сферах мироздания: по дороге, по планетной орбите, по круговерти земной оси, по циркулярному движению галактики, по извилистой спирали вселенной. И каждую из этих космических сфер пронизывали мысли, мысли самого разнообразного содержания могущественного и никчемного творения — человека.

— ...обожрался... а она ничего, аппетитная...йик.йик.ки...

—... туфли жмут... а тапочки одеть стыдно — неудобно, что он подумает...

— ...он, гад, у меня ответит за зубоскальство при подчиненных... в порошок изотру...

— ...с открытыми плечами или с закрытыми?... с открытыми или с закрытыми?..

— ...а всё так и зыркает по сторонам, таки зыркает... приедем, я ему устрою... свинья!..

— ...так, ботинки сыну, мужу куртку... ботинки, куртку...как они там?... без меня...я...я...

— ...эх оторвусь...эх оторвусь...

— ...в голову не лезет...дрянь книжонка...денег жаль...почитать что ли...

— ...галстук я ему дарил... может подтяжки?... брюхо то у него ого-го — начальнишкое...

— ...колокольного звона истомилась душа ожидая...красиво как...Господи!..

— ...мне купят камеру... ребята обзавидуются...камеру...камеру ...бай точка ру...бай-бай...

— ...вот если взять эту часть и соединить с этой... получится очень, очень...а если множество отрицает функциональность единицы, то потребность в слагаемых равна?... равна...

— ...как я её тянул...как тянул...ба...бу...бы...

— ...а бабка то помрет...помрет бабка...и комната наша...наша...
— ...мерзавец, скотина... чтоб я кому ещё дала... какая спина мощная вон у того...
— ...он мне не соперник... он мне не соперник...в комитет пожалуюсь...
— ...скоро пенсия...скоро пенсия...
— ...морду бить буду...морду...а если ответит?...мда...
— ...ну, ещё глоток и завязываю...погодить...
— ...куда прёшь, урод... а этого мы подрежем, подрежем... идем по графику...
— ...чтоб он сдох... чтоб он сдох...куда я с малым то?...куда?...о господи...
— ...у кого бы одолжить?... одолжить у кого...
— ...а она его пробросила, пробросила...пробросила...ла...ла...
— ...ах! какие ножки...ножки...
— ...одни деревья за окном, и не надоело им...
— ...любит- не- любит, любит- не- любит?... а всё равно, пусть так, чем никак... любит...
— ...не забыть бы позвонить...не забыть...не...
— ...посмотри...посмотри...заклинаю!.. — посмотрел...посмотрел!...
— ...фокус с веревочкой надо вспомнить... фокус с веревочкой... и женщин надо удивлять...
— ...рациональное зерно в газетном выступлении главы налицо, и как это народонаселение не может уяснить, что мы денно и нощно заботимся об их благосостоянии...
Мысли, мысли... вас порождает не песчинка пространства, не атом вселенной, а бессмертная душа живая. Широга и долгота, глубина и высота знают, что помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир.
Глухой тяжелый выдох-вздох — автобус заюлил задом, как провинившаяся шавка, боками пополз по тягучему месиву асфальта, подпрыгнул, — и зацепившись бампером за бетонный столбик, присел у дороги.
Без мысленно и бессмысленно шажками экскурсанты обходили автобус и дивились куриными глазами на задние баллоны размотавшейся резины, ошметками свисающей с колесных дисков. Шофер в белых пятнах жадно курил.
И тут объявился очевидный вопрос непогрешимых:
— Кто виноват? И только ангел в облаках, счищая мазут и песок с крыльев, устало ворчал:
— Ради одного праведника... ради одного...

Справедливый

— Я всегда за справедливость. Ты мне помог — и я тебе помогу. Бери у меня второй участок и строй избушку.
— Неудобно как-то.
— Ну что ты, что ты. С квартирой ты мне помог? Помог. Так я хочу поквартираться — строй дачу.
— А жена твоя?
— Она согласна. Она первая предложила: мол, нам выделили два участка, а тебе не скоро светит. Стройся... я справедливость люблю.
И они построились.

Так получилось, что изба вторая была получше первой — понаряднее, попросторнее, поухоженней. Да и семья вторая была дружнее, проще, общительнее, — пусть и время бестолково переустраивало бытие и сознание на изворотливый лад.

Первых дачников призвала пенсия и церковь, вторые склонялись к бизнесу. Но умер второй хозяин, и осталась на руках у вдовы трое ребятишек и радость-подспорье — дача.

Первые приобщались к духовным ценностям, а в свободное от посещения служб время обрабатывали землю: для внуков, внучек, детей, на продажу. Трудящийся ведь достоин пропитания — себе на масле, в церковь на спешествование, на черный день, чтоб, упаси боже, никого не обременять.

Все хорошо с божьим благословением протекает, — да только ладно ли, по уставу ли, что дача вторая на имя первой записана, ведь договоренность устную к бумаге не пришьешь... И получается, что по закону, дача вторая первой принадлежит... И где надо — подтвердили сомнения, и документ готов.

— Мама, что такое приватизация?

Долгое, долгое молчание, долгое сосредоточение:

— Это, сынок, — купленное право...

— А внук тети Веры говорит, что они приватизировали (какое дикообразное слово) наш дом.

— Знаю, малыш, знаю, — только горечь.

— И теперь наш дом — не наш? — ох уж это любопытство.

— Не знаю, малыш, не знаю...

— И почему папа умер...

М. — Так вот, Надежда. Я человек справедливый, потому и заявляю: землю мы приватизировали — и теперь все как бы наше, закон теперь такой. Но, исходя из гуманизма, а все мы под богом ходим, предлагаем выкупить у нас участок. И избу сохраните, и я землей поделюсь...

Ж. — Ну что, что она сказала?

М. — Нет денег.

Ж. — Пусть квартиру разменяет, а разницу нам.

М. — Барыня! Трое детей в однокомнатной квартире, видите ли, — тесно.

Ж. — Тогда через суд.

Обреченно прислонясь к мокренькой яблоньке, Надежда ласково смотрела через смутную пелену дождя на родной дом, не имея никакого желания хлопотать о милости там, где закон есть право.

Вера с мужем спешили в суд — и сразу же на служение. Машина рвалась в город в мутном мареве мгlistого вечера. Водитель был опытный — гнал там, где можно, и притормаживал там, где нужно. Перед нерегулируемым переездом машина сбросила скорость, поползла через железнодорожное полотно. На скользком рельсе колесо заюлило, машину немного занесло, мотор огрызнулся и заглох, но тут же завелся, поехали. Но этих несколько пропущенных секунд хватило на то, чтобы вынырнувший из-за поворота экспресс, даже не обратив внимания, поддел автомобиль за багажник, отдав ему в воздухе свою многотонную центробежность.

Из разрывающегося кузова посыпались внутренности металла, огородины, сущего. Под мокрый куст раскорякой упала толстая книга, хранимая Верой и мужем, обнажая свои девственные страницы: чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира.

Владимир Матлин

КТО ОН БЫЛ, МОЙ ОТЕЦ?

После обеденного перерыва босс пригласил Кена Вуденбери в свой кабинет, выразил в нескольких словах соболезнование и предложил уйти домой пораньше. Если, разумеется, он хочет. Да, спасибо, Кен хочет.

Ещё не было и четырёх, а часы пик уже начинались. Застревая на каждом перекрёстке, Кен медленно продвигался в своей Тойоте к туннелю, а затем ещё медленнее через туннель в Нью-Джерси. Это, конечно, было глупостью, думал он, признаться на работе, что у него умер отец. Все бросали на него скорбные взгляды и выражали соболезнование, а он чувствовал себя, можно сказать, обманщиком: ведь никто из них не знал и знать не мог, что отец был для Кена практически посторонним человеком, что, не считая младенческих дней, он не видел его ни разу в жизни. И о смерти его узнал случайно: кому-то из коллег попался на глаза некролог в сегодняшней “Дейли Эко”: “скончался наш многолетний сотрудник, глава отдела новостей Кенет Вуденбери”. Тут все стали спрашивать, не отец ли? Кен растерялся и признался: да, отец.

Девятая дорога тоже была запружена, и когда Кен, наконец, добрался до дому, начинало темнеть. Он не стал въезжать в гараж, запарковал машину перед входом и бегом поднялся на крыльцо. Не снимая пальто, вошёл в комнату, которая много лет была маминой спальней, открыл нижний ящик шифоньера и достал розовую папку.

Два года назад, когда мама умерла, он разбирали её вещи и обнаружил эту папку. Умерла она неожиданно, совсем не старой; просто в один, как говорится, прекрасный день упала в обморок. Раньше такое с ней не случалось, и вообще она была здоровой молодой женщиной пятидесяти с небольшим лет. Через несколько дней обморок повторился. Кен отвез её в больницу. Исследования обнаружили рак мозга. Неоперабельный. Через четыре месяца её не стало...

И вот, разбирая её вещи (что-то оставить на память, что-то отдать в Армию Спасения, что-то выкинуть) он наткнулся на розовую папку. С любопытством и тайным страхом открыл её, но ничего неожиданного не нашёл: в основном, поздравительные открытки от знакомых и незнакомых людей (в частности, несколько от него, Кена — несмелыми печатными буквами: Happy Birthday Dear Mommy). И на самом дне папки — линиялая фотография: женщина и мужчина держат младенца. Взрослые смеются, мальчик испуганно смотрит в сторону. В женщине Кен без труда узнал мать. Но тогда мужчина — его отец? Скорей всего, так. На обороте фотографии он нашёл дату: 10 ноября 85 года. Господи, это же день его рождения! Тогда сюжет понятен: счастливые родители отмечают годовщину своего первенца.

Кен включил на секретере настольную лампу и положил под лампу фотографию и лист из сегодняшней “Дейли Эко”. Под некрологом была помещена довольно большая фотография Кенета Вуденбери-отца. Низко склонившись над секретером, Кен тщательно изучал оба изображения. Пальцы дрожали, сердце колотилось...

Что можно сказать? Какое-то общее сходство... а может и нет, только кажется. И потом “общее сходство” — субъективное впечатление, дело довольно

ненадежное. Криминалисты, слышал он, сравнивают линии — рта, уха, бровей и тому подобное. И вот если применить этот подход, то... Опять ни черта понять нельзя: снимок за тридцать лет изрядно выцвел, потерял резкость. Где тут начинается линия брови?

Кен, наконец, снял пальто и уселся в кресло. Поглаживая себя по груди, постарался успокоиться. Почему он так разволновался, собственно говоря? Ну да, всякому интересно знать, от кого он происходит. Несколько раз он подступал к матери с этими вопросами. Кто мой отец? Где он? Почему он не живёт с нами? И он помнил её ответы, довольно неопределённые, обтекаемые. “Ну, бывает так, что люди не подходят друг другу. Разные взгляды, несовместимые характеры...” Он был плохой? “Нет, плохим он не был. Человек он был принципиальный, бескомпромиссный...”. Кену тогда было тринадцать лет, и он не чётко знал, что такое бескомпромиссность. Но что ему было очевидно: маме не нравятся эти разговоры, и он перестал досаждать ей расспросами.

Теперь ситуация изменилась, он может расспрашивать кого угодно. Но кого? Мамы нет, родных нет... почти нет. Возможно, жива мамина старшая сестра Кэрол. Помнится, жила она где-то в Калифорнии. Знает ли она что-нибудь? А если и знает, захочет ли рассказывать? Тем более что они мало знакомы, так, виделись когда-то...

Кен пошёл в столовую, достал из бара бутылку виски, налил себе хорошую порцию. В отличие от большинства американцев, лёд в напитки он не клал. “Кто мог его знать? — думал Кен, прихлебывая виски. — Наверное, у него была семья, друзья, знакомые. Вон в некрологе сказано, что он двадцать лет проработал в этой газете. Наверное, там остались люди, хорошо его знающие. Что если попробовать поговорить с ними. А что? Вполне выполнимая идея...”

Он налил второй стакан, потом третий. И чем больше он думал (и пил), тем реальной казался ему замысел.

— Так что вы — сын мистера Вуденбери?

Охранник, толстый негр в синем форменном мундире, вертел в руках водительские права Кена.

— Да, сын. Я хотел поговорить кое с кем в редакции.

— Понятно. Но с кем именно? Я должен здесь, в книге, записать, к кому вы пришли.

Кен замялся:

— Ну, всё равно... Напишите, к главному редактору.

— Не могу. К главному редактору приходят только по предварительной записи. Может, к кому другому?

Кен не мог вспомнить ни одной фамилии.

— Знаете что? Напишите “в отдел новостей”. Так можно?

— Не очень... Полагается конкретно — имя, должность... Да ладно, приходите. Третий этаж. — И понизив голос: — Мистер Вуденбери был хороший человек, его все уважали. Соболезную вам, сэр.

Отдел новостей помещался в огромном зале, разделённом невысокими перегородками на “кубики” — маленькие комнатенки, в которых сидели сотрудники отдела. На каждом “кубике” — табличка с именем. Кен осмотрелся. На одной табличке значилось “Кенет Вуденбери, заведующий отделом”. “Кубик” был пустым. А рядом в “кубике” у заместителя толпились люди, их головы возвышались над перегородками.

Как быть? Не может же он войти в первую попавшуюся дверь: “Привет, я сын Вуденбери”. Да и на что он может рассчитывать, появившись таким образом? На официальный разговор с выражением соболезнований? Нет, ему нужно совсем другое. Ведь должны здесь быть люди, которые знали его не только по службе. С кем заходил он в бар после работы — выпить пива, поговорить о жизни... Как найти таких людей?

Его мысли прервал вопрос:

— Чем могу вам помочь, сэр?

Женщина средних лет в строгом официальном костюме. На лице — холодная вежливость, подстать её костюму

— Я... я... Хотел бы поговорить. О моём отце, Кенете Вуденбери. Он умер.

Женщина вздрогнула и внимательно взглянула Кену в лицо:

— Сын Кена? Кена Вуденбери? — Она буквально пожирала его глазами. — Давайте зайдём в мой офис.

В офисе она повела себя довольно странно. Не предложив Кену сесть, она схватила телефонную трубку:

— Это я. Зайди ко мне. Немедленно, очень важно!

Через мгновение в офис вбежал седой мужчина высокого роста.

— Этот человек, — она указала на Кена — утверждает, что он сын Кена Вуденбери. Ты его знаешь?

Высокий мужчина несколько секунд рассматривал Кена. Потом спросил с нажимом, как спрашивают “вы уверены в этом?”:

— Сын Кена Вуденбери?

Кен протянул ему свою визитную карточку.

— Ну вижу, вас зовут Кенет Вуденбери-младший. И что? В городе наверное найдётся не один человек с таким именем. А я знал Кена, можно сказать, всю его взрослую жизнь. И семью его прекрасно знаю. У него две дочки и никакого сына. Мы с женой сто раз бывали у них в гостях, на лодке плавали по заливу...

Ну и ситуация! Они явно подозревают какое-то жульничество. Кену стало противно до тошноты:

— Всё это, возможно, правда, но у него был первый брак, давно, тридцать лет назад. Очень недолго длился, года полтора, два от силы.

— Что значит “возможно правда”? — повысила голос женщина. — Вы ставите под сомнение слова уважаемого человека, которого все здесь знают. И все знают о его дружбе с покойным Кеном.

— Во всяком случае, Кен никогда никому не говорил о другом браке или о сыне, — подвёл итог разговора седой господин.

Через два дня после визита в редакцию “Дейли Эко” Кен сидел у себя дома. Перед ним на столе лежала розовая папка, фотография и некролог из газеты. Он был в глубокой задумчивости, мысли его кружились вокруг всё тех же вопросов: кто он был, его отец, и почему он их оставил? Его отвлек звонок на мобильном телефоне.

— Это Кенет Вуденбери-младший? — прохрипел в трубке незнакомый мужской голос. — Мы с вами не знакомы. Меня зовут Джо Подгурски, я работаю в “Дейли Эко”. Хорошо знал вашего отца. Кстати, я что-то не видел вас на похоронах...

— Можно спросить, откуда у вас номер моего мобильного?

— Ну, так получилось... Я сижу в соседнем “кубике” с Сюзан Миллс, так что невольно слышал ваш разговор. А когда заглянул к ней, увидел вашу визитку.

Кен не знал, как реагировать. Наступила неловкая пауза.

— Я, собственно говоря, чего звоню? Для меня вполне нормально, что вы хотели бы больше знать про своего отца. Для меня это понятно, но не для такой стервы, как Сюзан Миллс. Так вот. Я давно с ним знаком, мы были друзьями... одно время. В общем, у меня найдётся, что порассказать.

— Очень хорошо, мистер... э... очень благодарен. Могу я приехать к вам в редакцию?

— Вот это как раз не нужно делать. На виду у всех... Там и уединиться негде.

— В таком случае, может, сходим в бар?

— Замечательная мысль! — оживился хриплый голос. — Куда и когда?

— Да хоть завтра вечером. Идёт? Вы знаете бар “Лист клевера”?

— На 28-й улице? Как же, как же! Там такой сингл молт дают!..

Внешность Джо Подгурски на удивление соответствовала его хриплому голосу, так что Кен узнал его сразу: среднего роста полноватый человек с растрепанной бородой и заспанным лицом, одетый в растянутый свитер и джинсы.

— Если вы любите этот бар, у нас найдётся много общего, — сказал он Кену в качестве приветствия.

В сортах виски он действительно хорошо разбирался. Впрочем, это видно было уже по его внешности. После второго стакана он сказал:

— Давайте поговорим про Кена Вуденбери пока я не очень пьян, а то... Ну, знаете, могу спяну и лишнего наговорить. Что сказать? Познакомились мы давно, еще до “Дейли Эко”. Мы вместе работали в одной паршивой газетенке на Лонг-Айленде, её уже нет, закрылась. А потом вот оказались оба в “Эко”.

— Случайно?

— Не совсем. Я первый устроился, а потом и его перетянул, ведь мы были в то время друзьями. Только Кен не любил про это вспоминать...

— В каком году это было?

— Если не ошибаюсь, в 90-м, а может в 91-м...

Кен дернулся, чуть не опрокинул стакан:

— Как это возможно!? Мне уже было пять лет, и он ни разу меня не упомянул? Вы, его близкий друг, не знали, что он женат и у него есть сын? Не могу представить...

— Тем не менее, это так. Он жил на Лонг-Айленде один, снимал холостящую комнатенку. Мы там не раз выпивали. Ни жены, ни сына там не было.

— Ну, а когда же он женился? В сообщении о его смерти упомянута миссис Маргрет Вуденбери. Когда она появилась?

Подгурски скорбно покачал головой:

— Раз уж я начал, придётся и это рассказать... А нельзя ли еще по одной — вот то, что мы первым номером заказали? Как-то мягче мне показалась...

Пил он не спеша, смакуя каждый глоток.

— Только называется тем же словом — виски. А на самом деле это разные напитки — сингл молт и смесь... Да, так его жена, миссис Маргрет Вуденбери... Она уже в ту пору существовала, только звалась миссис Малгажата Подгурски... Да, да, вы правильно догадались — моя жена. — Он коротко хохотнул, пожал плечами: так случилось, что поделаешь? — Влюбилась, как кошка, такое с ними бы-

вает. Честно в глаза мне призналась и ушла к нему среди бела дня... Я только один вопрос ей задал: когда это началось? Оказывается, когда в Нью-Йорке большая забастовка была, я целыми днями там торчал, репортажи присылал. А они, значит, того... времени не теряли. Он уже в ту пору каким-то начальником был, так что мог гонять меня по заданиям.

Он опять натруженно хохотнул и допил свой стакан:

— Хотите верьте, хотите нет, но я её не виню. Она в то время была очень молодой, романтичной, а он красавец-мачо, такой видный, безапелляционный... У девочки голова пошла кругом. Он, надо сказать, всю жизнь женщинам нравился. И пользовался этим. Для карьеры тоже. Та же Сюзан Миллс — она ведь очень влиятельный человек, жена сенатора, в Белом доме бывает. В него влюбилась, как только в редакцию пришла, но... от сенаторов не уходит. Сюзанн у нас заместитель главного редактора. Вот она и продвигала его ...

— Но сам-то он как журналист... чего-то стоит?

Подгурски вздохнул, подумал, снова вздохнул.

— Видите ли, в газете работа бывает разной. Журналисты — это те, которые пишут, но есть еще администраторы, которые ими руководят. Они чаще всего писать не умеют, а только командовать. Кен делал карьеру по административной линии, ведь писал он... не так, чтобы очень... За всё время — ни одного приличного материала, припомнишь нечего, зато командовать — это сколько угодно. Если бы не умер, скоро бы замом главного стал, а там глядишь... —

Подгурски оборвал рассказ на полуслове, встряхнул головой, словно проснулся. — Говорил себе по дороге сюда: Джо, не наболтай лишнего. А вот не удержался.

— Но ведь такова правда, — попытался успокоить его Кен.

— Правда? А всегда ли нужно говорить правду? Не уверен, а я ведь журналист — так сказать, профессионал в области правды...

Несколько дней после разговора с Подгурским Кен ходил, как во сне. Он всё путал, отвечал невпопад, и казалось, не замечал происходящего вокруг. “Что с ним?” — спрашивали сотрудники друг друга и сходились на том, что Кен, видимо, тяжело переживает смерть отца.

Мысли его, действительно, были заняты отцом. И даже не столько отцом, сколько матерью. Что же на самом деле произошло между ними? Они несомненно были официально женаты, не случайно же у них троих одна и та же фамилия. По всем документам от самого рождения он Кенет Вуденбери-младший. Значит, был и старший, и он, Кен, не бастард, не ублюдок. Но тогда как получилось, что Подгурски никогда не слышал о них с мамой? Куда исчез этот “старший” из их жизни? Самые лучшие, самые трогательные воспоминания были связаны с мамой. Она растила его одна, перебиваясь на учительскую зарплату. Хорошо еще, от её родителей она унаследовала дом в Нью-Джерси. Кен помнил, как мама клала его голову себе на колени, и перебирая легкими пальцами его вихры, говорила: “Ты мой мальчик, ты моё счастье... Я выращу тебя, ты будешь взрослым мужчиной, добрым, благородным, образованным...” Кому это она говорила? Только ли ему, семилетнему мальчику?

Однажды среди дня его мысли прервал вызов к боссу.

— Закрой дверь за собой и садись, — сказал босс и кивнул в сторону свободного стула. — Тут мне звонили из “Дейли Эко”, про тебя расспрашивали. Работает у вас такой-то? Что он собой представляет? Ну я наврал им, что ты приличный

парень, не жулик (шучу! шучу!). В общем, она просила тебя позвонить. Её зовут (он взглянул в записку) Сюзан Миллс. А говорит дамочка так, как будто она по меньшей мере министр внутренней безопасности. На, держи её номер.

Стоит ли звонить этой Сюзан Миллс? Подгурски, помнится, говорил о ней без особой симпатии, называл её стервой. И ещё он говорил, что она заместитель главного редактора, давно знала отца и была в него влюблена. Впрочем, это, видимо, его пунктик — успех отца у женщин.

После некоторых колебаний, Кен всё-таки решил позвонить. И был приятно удивлен, услышав приветливый голос:

— Вуденбери-младший? Как хорошо, что вы позвонили. А я боялась, что вы обиделись и знать меня не хотите. Я должна извиниться за приём, который оказали вам в моём “кубике“. Мне очень стыдно, право. Но поймите, как я была расстроена: приходит незнакомец и говорит, что он сын нашего хорошего друга, которого мы знаем чуть ли не всю жизнь. И который никогда не упоминал никакого сына... Я, наверное, не меньше вас хочу знать, как всё это могло получиться.

Встретились они после работы в помещении газеты, Сюзан Миллс завела его в комнату для совещаний, пустую в тот час. Они расположились в уголке на жестких деревянных стульях.

— Я хочу начать вот с чего, — Кен достал из кармана пиджака старую фотографию из маминой розовой папки. — Кого вы здесь знаете?

Сюзан поспешно вытащила из сумки очки и водрузила их на нос. Несколько секунд напряжённо разглядывала.

— Ну, это он, Кен, никаких сомнений. Совсем молодой. Но знаете, он с возрастом даже не очень изменился. А этот мальчик, как я догадываюсь... — Она дружески потрепала его по колену. — А вот женщину я не знаю, первый раз вижу. Это ваша мама? Красивая женщина.

Они долго еще разговаривали, сидя в углу на неудобных стульях. Странное дело: эта женщина, о которой так плохо говорил Подгурски, у него, Кена, вызывала симпатию, ей хотелось верить, когда она говорила об отце “благородный, великодушный человек, каких мало встречаешь в жизни”.

— Вот вам пример, подлинная история. Пару лет назад освободилась в редакции должность заместителя главного редактора. Кен был в числе реальных претендентов. Ну, и я тоже... Он сделал всё, чтобы продвинуть меня, можете поверить? Из дружбы, не хотел конкурировать. Они старые друзья с моим мужем. И со мной тоже, разумеется. Мы семьями дружили. Маргрет, его жена, прелестный человек. И две замечательные девочки, старшая школу кончает в этом году.

Кен не удержался и спросил, хорошим ли журналистом был отец.

— Видите ли, можно считать журналистом всякого, кто пишет репортажи в газете... Кен Вуденбери — это совсем другой уровень журналистики. Здесь обсуждаются такие категории, как общественная мораль, общественное мнение, социальная справедливость... О самых сложных проблемах он мог писать просто и вместе с тем выразительно. У него был свой стиль, а это лучшее, что можно сказать о пишущем человеке.

Когда прощались, она сказала:

— Может, вам стоило бы познакомиться с дочками Кена, они же вам... полусёстры, или как это называется?.. — И вдруг просияла застенчивой улыбкой: — А вы чем-то на него похожи...

И обняла его.

И опять Кен ходил на работе, как сомнамбула, наталкиваясь на столы и сотрудников. Он думал о семье отца: стоит ли с ними знакомиться. Его сильно смущало то, что для них он скорее всего будет родственником второго сорта, если и сыном, то не совсем правильным. Такой статус был бы унизителен. Да и с практической точки зрения: вряд ли они что-то знают о его маме и о первом браке отца, а разузнать об этом — всё же его главная цель.

Дома долгими вечерами он сидел один, в пятидесятый или сотый раз перебирая содержимое маминой розовой папки. Он уже помнил наизусть все эти письма и поздравительные открытки, все эти дипломы и похвальные листы, и всё чаще останавливался на поздравлении с Рождеством от тётки Кэрол. Ничего особенного, стандартная открытка, продаётся в любом супермаркете, но в ней был обратный адрес...

С тётки Кэрол у мамы были довольно прохладные отношения, и он даже догадывался из-за чего. Из разговоров мамы с Кэрол по телефону он понял, что тётка была недовольна той суммой, которую мама выплатила ей как сонаследнице за дом. Но эту сумму, настаивала мама, определил суд, кстати сказать, по иску Кэрол к маме. Тётка что-то возражала, Кен не понял, что именно, но отношения между сёстрами стали, мягко говоря, сдержанными, и Кэрол даже не приехала на мамины похороны.

Пусть всё это так, но тетя Кэрол на сегодня была единственным человеком, который мог (и то не наверняка) знать что-то о маминем замужестве и о том, как и почему брак распался. Номера тетиного телефона у него не был, а вот адрес... Он в пятидесятый или сотый раз застывал с открыткой в руке. Написать вежливую записку: нужно кое-что спросить, не могли бы вы, тётка, позвонить мне? Чего он, собственно говоря, боится? Ну, не захочет — не ответит, и всё.

Но она позвонила, причем скорее, чем можно было ожидать — на третий день после отправления письма.

— Что у тебя там? Я понимаю: раз ты вдруг тётку вспомнил... Что случилось?

— Да ничего, тётка Кэрол, со мною ничего не случилось, А вы слышали, мой отец умер?

— Кого ты имеешь в виду? Кена Вуденбери? Чего это вдруг? Ведь он совсем не старей. Заболел, что ли?

— Не знаю, я с ним даже не знаком. Когда я маму спрашивал про него, она отвечала нехотя, уклончиво. Я понял, что она не хочет о нём говорить и перестал спрашивать. Наверное, он её здорово обидел?

— Он её? — Кэрол засмеялась недобрим смехом. — Как бы не наоборот...

— Что вы имеете в виду?

Она вдруг замолчала. Дышит в трубку и молчит.

— Тётка Кэрол? Вы здесь? Вы меня слышите?

— Слышу, слышу. Только не знаю, должна ли я тебе рассказывать... Хотя, если я не расскажу, от кого ты узнаешь? Так и останешься в неведении. В общем, познакомилась она, когда она еще в колледже училась, а он какую-то статью писал для газеты о проблемах образования. И влюбился. Женщина она была красивая — это я не как сестра, а объективно. А она... Она уже несколько лет любила другого — профессора литературы из их колледжа. Человека яркого, интеллектуального, утонченного, можно сказать. Но... он был женат, двое детей... Никакой надежды, она это понимала. И вышла за Кена, когда он сделал ей предложение в третий раз. В общем, они поженились и стали жить в том самом доме, где ты сейчас нахо-

дишься. Свадьбы у них не было, а только регистрация в мэрии, я при этом присутствовала. А дом между прочим достался ей по наследству от наших родителей, так что там и моя доля есть. Я и по-хорошему, и через суд требовала, а мне ничтожную часть присудили. Это несправедливо, мне причитается по крайней мере...

— Тётя, тётя! Так что с Вуденбери случилось?

— Да ничего с ним не случилось. Он к ней в дом вселился, живут они, живут, он работает разъездным корреспондентом, так что дома почти не бывает. А дальше этот самый профессор литературы ей заявляет, что любит её безумно, что из трусости прозевал своё счастье, но готов сделать, что угодно только бы с ней жить. И что он разводится с женой. Что делать? Ведь она замужем, а любит профессора. Господи, как она мучилась! То порвёт с ним окончательно и на звонки не отвечает, то опять сойдётся... Тут ты родился, она должна была год в колледже пропустить. В общем, продолжалось это года два. Кен ничего не замечал. Придет домой, ночь-другую переночует, и снова в дорогу. И не удивительно: человек он был, надо признать, чёрствый, самовлюбленный, и мало обращал внимание на других. Неизвестно, сколько бы это длилось, но вот однажды вечером, когда оба они были дома, а ты уже спал, в дом вломилась жена профессора и закатила жуткий скандал. Она ругала маму непристойными словами, кричала, что ни за что не отпустил своего мужа, и что ребенка, которого мама от него родила, он своим не признаёт. Пусть этого ублюдка она сама растит со своим рогатым ослом — так она назвала Кена. Ну, Кен понятно, устроил жене допрос, и она во всём созналась, в том числе, что мальчика, то есть тебя, она родила от профессора. При всём уме и образованности, врать она не умела. Тем же вечером Кен собрал вещички и был таков. И то — какому мужчине понравится быть рогатым ослом? Вот история маминного брака и твоего появления на свет. Я понимаю, что ты ошарашен, но...

— А его имени... этого профессора... вы не помните?

— Нет, не помню. Она его называла... кажется, Фред. Или Фрэнк? Не помню. И фамилия какая-то немецкая. Или еврейская. Той же весной он перевёлся в университет на Среднем Западе, и с тех пор о нём ни слуха, ни духа. Что ты — искать его будешь? На кой он тебе нужен? В наше время это не имеет никакого значения. Семьдесят процентов негров вообще никогда не знали отца. Живи себе и не думай об этом. Имей только в виду, что за дом ты мне должен деньги. Я того решения суда не признаю, оно несправедливое. Мне причитается по крайней мере...

Кен не дослушал и положил трубку.

Анри Труайя

НЕДОСТУПНАЯ МЕСТНОСТЬ

Перевод Эдуарда Шехтмана

Эрнест Лебожу не любил людей. Но, словно по иронии судьбы, руководил отделом в Министерстве проблем народонаселения. Начальство, ценившее его усердие, и не подозревало, каких усилий ему стоило исполнять свои обязанности. Мизантропия была в его крови как вирус. Он ненавидел детей, потому что они становились взрослыми, и взрослых, потому что они плодили детей. Разумеется, он был один в целом свете. Единственный сын, круглый сирота, без жены, друзей, хоть кого-нибудь рядом, Лебожу никогда не испытывал нужды в чьей-то нежности. Девственник в свои 38 лет, он — по этой или другой причине — обладал железным здоровьем. Сухощавый, мускулистый, низкого роста, с усами в ниточку, понятия не имеющий, где у него печень, а где сердце...

Но если тело не докучало ему, то душа изводила за двоих. Он успокаивался, лишь оказавшись в одиночестве. Состояние это труднодостижимое, когда ходишь на службу. У него, верно, был собственный кабинет, но подчинённые то и дело нарушали его уединение. Едва он замечал человеческое лицо, как нервы его напрягались, страдание кривило уголок рта. Даже шум, производимый редакторами соседнего отдела, был ему в тягость. У него было живое воображение, ему достаточно было бросить взгляд на статистическую таблицу, чтобы увидеть, как цифры обретают плоть. Колодки рождаемости оборачивались оравой плачущих младенцев, рубрика, учитывающая вновь создаваемые семьи, заставляла думать о несметных полчищах будущих матерей с выпирающими животами. Сложные уравнения, обобщавшие распределение по полу в бесчисленных семьях, превращались в жилища, увешанные — как флагами расцветивания — застиранными пелёнками, и где мальчики и девочки всех возрастов вечно жуют, жуют, жуют под усталым взглядом родителей, замордованных ежедневной рутинной. Сидя за своим столом, Эрнест Лебожу чувствовал, что эта человеческая масса будто стискивает его. Он вдыхал её влажные нечистые испарения, казалось, пропитавшие и стены домов. Не в силах совладать с отвращением, он яростным движением захлопывал папку — так каблук давят муравейник.

Но уничтоженная на бумаге, ненавистная толпа вновь оживала: в метро, зажатый словно сельдь среди других сельдей, он смотрел на соседей по вагону, как на сосуды с дурными запахами, а головы их были не более чем плохо завинченные пробки. Он слышал к себе домой, в свою двухкомнатную квартиру, скорей, скорей закрыть ставни, опустить шторы, задвинуть все запоры на двери, отделяющей его от лестницы, где сновало вверх и вниз ничтожное племя квартиросъёмщиков. Чтобы отдыхать без помех, он решил «обеззвучить» обе комнаты по новейшему способу: с помощью пробковой коры, шерсти, нейлона и яичной скорлупы. Специалист гарантировал уменьшение шума, по крайней мере, на 77 %. Ошибка в расчёте обнаружилась сразу же. Несмотря на двойные перегородки и тампоны с воском в ушах, у Эрнеста Лебожу было полное впечатление, что он живёт в своей квартире не один. Над головой галопировали дети, радио снизу вколачивало ему в пятки

оперные арии, слева — чета стариков, осерчав, обменивалась оплеухами, справа — молодая пара резвилась в распатанной кровати. С раскальвающейся головой, тесным с собственной территории, он мечтал о необитаемом острове. Быть Робинзоном Крузо, но без Пятницы!

Он решил приискать уединённое место, где он мог бы обосноваться в дни отдыха, удалившись таким образом от проклятой толчи. Так как у него не было ни страстей, ни пороков, он сумел отложить достаточно денег и купил в своё время подержанный автомобиль. Он редко выезжал на нём, потому что на дорогах было то же самое — людей невпроворот. Но на этот раз он сел за руль с новой решимостью. Неделю за неделей он всё дальше продвигался в пространстве, следуя объявлениям о продаже недвижимости. Удача сопутствовала ему. Избороздив предместья Парижа, он купил на границе леса у Фонтенбло маленький участок, затерянный среди валунов и деревьев; здесь могла быть даже берлога — настоящий медвежий угол. Никто не позарился на этот клочок земли; Эрнесту Лебожу он достался буквально за гроши.

Сразу же его жизнь переменилась. Молчаливый и вялый, он стал оптимистичным и деятельным. Цель, которую он себе поставил, помогла выдерживать с улыбкой на устах долгие часы на работе, набитое битком метро, осаду его жилища соседями. Он решил строить собственными руками на собственном участке собственный домик. Располагая лишь субботами, воскресеньями и днями отпуска, он хорошо представлял, что всё предприятие займёт годы. Такая перспектива не обескураживала его, напротив, рождала прилив сил. Он изучил ремесло каменщика по книге, а так как от природы был мастеровит, соединить теорию с практикой не представляло труда. Отныне всё своё свободное время он посвящал благоустройству Пиньле (так называлась местность): копал фундамент, замешивал известь, таскал кирпичи. Он должен был расширить дорогу, чтобы приезжать на место стройки в машине. Его помятый драндулет стонал под тяжестью строительных материалов; он снял заднее сиденье и гонял машину во всю мочь. На загородной дороге другие автомобили шарахались от него. Лебожу возвращался в воскресенье вечером измотанный вконец, припудренный штукатуркой, руки в садинах. Коллеги находили его странным и даже как будто вдохновенным. Они поговаривали, что вот, наконец, и у него завелась интрижка. Глядя на его обломанные ногти, гадали, с кем же это он так?

А он жил, освещенный светом своей *idée fixe*. Дом его мечты постепенно поднимался из земли. Низкий, кубической формы, очень толстые стены с окнами-бойницами — он казался предназначенным скорее для защиты от набегов, чем для проживания. Дверь была до того узкой, что пройти в неё было легче боком. Внутри единственная комната служила кухней, столовой и спальней. Мебель из некрашеного дерева и ни одного зеркала. Эрнест Лебожу не любил видеть своё отражение. Случалось, он даже ненавидел его, принимая себя за другого. Когда строительство было окончено, он долго — с чувством гордости — созерцал творение рук своих. Три года усилий — и ни одной минуты сожаления. Это жилище было ему в пору, как улитке её раковина. В шкафу — книги, консервы, галеты... Тут можно было выдержать многомесячную осаду.

Первая ночь, проведённая в Пиньле, была полна очарования. Начало июня... Сидя на порожке узкой двери, он слушал молчание леса и вдыхал глубокие запахи нагретой земли, глаза и уши ласкало нежное трепетание листвы в серой полутьме. Собственно говоря, восхищала его не столько красота природы, сколько

чистый воздух, не осквернённый ничьим человеческим дыханьем, кроме его собственного. Недоступная местность! Ночные твари шуршали, возлились, порхали на почтительном расстоянии. Эрнест Лебожу забаррикадировался в своём доме и заснул в самом центре нового мира: господь, казалось, ещё не наладил серийного производства двуруких прямоходящих млекопитающих, наделённых разумом и разборчивой речью. Он был прототипом рода человеческого. Он одинолично владел райскими кущами.

Проснувшись, он выглянул в окно: туман на заре, ликёрные капли росы... В воскресенье вечером он возвращался в Париж триумфатором.

Теперь каждый уик-энд был для него подарком. Солнце или пасмурное небо — он радовался и тому, и другому. При плохой погоде его келья казалась ему даже привлекательней, потому что дождь, говорил он себе, отпугивает любителей дальних прогулок. Прикорнув на самодельном диване и слушая шум дождя, он чувствовал себя Ноем в ковчеге с той разницей, что жены у него не было, а звери остались снаружи. Он часами возился в своем убежище, с любовью что-то отделявал, доделывал, переделывал. Эрнесту Лебожу казалось, что целой жизни ему не хватит, чтобы всё здесь устроить как надо.

Однажды в субботу, прибыв в Пиньле после особенно нервной трудовой недели, он заметил сразу: что-то не так в его заповедном уголке. Дверь, правда, не была взломана, обстановка внутри как будто тоже осталась нетронутой, но исключительное чутьё подсказало ему, что кто-то входил в дом в его отсутствие. И верно, около шкафчика с провизией он скоро увидел следы, оставленные грязной обувью. В самом шкафчике не хватало консервной банки с тулузским рагу и бутылки красного вина. Больше ничего не было ни похищено, ни потревожено. Охваченный гневом, Эрнест Лебожу и шагу не ступил из дому, просидев в засаде. Он уехал в Париж на рассвете в понедельник, так никого и не увидев.

Кончилась неделя, чувство беспокойства охватило его, едва он покатил по дороге в Фонтенбло. Дом стоял там же под деревьями, и вид у него был фальшиво невинным, словно у женщины, знающей за собой кое-какие грешки. Лебожу угадал истину с полувзгляда и, ужаленный ревностью, ринулся вперёд.

Как и в прошлый раз, дверь была замкнута на два оборота, ставни надёжно закрыты изнутри, но улики были куда более явными. На столе стоял грязный стакан, рядом вчерашняя газета. Лебожу взирал на всё это с отвращением, душа его требовала мести. Предупредить полицию? При одной мысли пригласить сюда инспекторов сердце его начинало стучать с переборами. Он решил сменить все замки и прибить плакатик: «Входить категорически запрещено. Частная собственность. Внутри очень злая собака». Собаки у него не было, но он считал, что угрозы достаточно.

Плохо же Лебожу знал визигёра. Несмотря на замки и плакатик к нему снова входили! Тогда загнанный домовладелец окружил свой участок колючей проволокой и расположил в квадрате 5х5 метров капканы, замаскированные листвою. Запасы злости удивили его самого.

На следующей неделе он обнаружил кролика в капкане и полную окурков пепельницу в доме. Кровь ударила ему в лицо. Он понял, что отныне война между ним и неизвестным объявлена. Для него началась жизнь, обильно сдобренная полицейской страстью. В своём кабинете, вдруг оставив все дела, он с улыбкой маньяка принимался чертить на служебном бланке пружинные захваты. Но он имел дело с сильным противником и всякий раз, когда он испытывал устройство в натуре, на участке, можно было держать пари, что ловушка будет безвредна. Раз-

задоренный соревнованием, он превзошёл сам себя в изобретении различных братоубийственных снарядов, в то же время его соперник упражнял свои таланты в обнаружении их и, соответственно, в ускользании. Капканы: волчьи, с захлопной дверцей; ловушки для птиц и стреляющие гильотины, скользящие петли, птичеловные сети, западни для косуль — всё Лебожу перепробовал, ни в чём не преуспел.

Хотя он поклялся погубить этого человека, Эрнест Лебожу не мог подавить в себе и некоторого уважения к нему. Он представлял его себе в облике молодого полного сил браконьера. Хитрого как лиса, лёгкого как птица, гибкого как уж. И притом дьявольски искусного по части замков. Никакая комбинация их не могла ему противостоять. Однако он не был вором. В общем-то, он даже бережно относился к вещам Эрнеста Лебожу. Самое большее — позволял себе отведать съестных припасов, полистать книжку-другую да улесться иной раз в башмаках на кровать. Вот эта-та сдержанность в его действиях и была невыносимой. Лебожу предпочел бы явную кражу этому тайному обладанию его домом, этому тихому проживанию, этому дележу... Да, потому что речь шла о форменном дележе между ним и визитёром! Как в барометре, где по погоде сменялись фигурки: одна уходит, приходит другая. И верхом несправедливости было то, что он, подлинный владелец, использовал дом, возведенный в поте лица своего, лишь два раза в неделю, а остальные пять дней подряд здесь кейфовал наглый пришелец.

Взбешённый Эрнест Лебожу решил, сказавшись больным, не пойти на службу в рабочий день. Он приехал в среду в Пиньле, оставил автомобиль у края дороги и пополз к дому на четвереньках, как — он видел в военных фильмах — это делали парашютисты-десантники. Руки его сжимали ружье, заряженное крупной дробью. Он выстрелил бы в первую же подозрительную тень. Кровь не пугала его. На животе он дополз до порога. Кругом царил тишина. Он поднялся, достал связку ключей, открыл три замка и рывком проник в полутьму дома. В нос ему ударил запах рыбы. Кто-то до него жарил на печке мерлана. Сковородка была ещё тёплой. Приди он на десять минут раньше, и мерзавец был бы схвачен на месте!

В следующую среду Эрнест Лебожу объявил директору, что должен съездить в Орлеан по семейным делам. Так он во второй раз обманул своё начальство. Но стыд, испытываемый им, был ничто рядом с нетерпением начать схватку снова. Инстинкт охотника гнал его по дороге в Фонгенбло. И снова он вернулся не солоно хлебавши. Можно было думать, что неизвестный каким-то образом читал мысли на расстоянии. Отчаявшийся Эрнест Лебожу множил ложные предлоги и через день сбегал из министерства в Пиньле. Всё тщетно. Он приезжал слишком рано или слишком поздно.

Он проводил целые часы в засаде, в окопчике, зажав ружье коленями. Потом возвращался в Париж продрогший, измученный, с глазами убийцы. Ночью его мучили кошмары, и он просыпался в поту, в странной уверенности, что его двойник остаётся в тех местах, которые он только что покинул. Может быть, это таинственное существо живёт в его парижской квартире, когда он отсутствует? Он даже спрашивал себя, доходя чуть ли не до помрачения, не сидит ли этот наглец в его кабинете, пока он ловит его в Пиньле.

Эти тягостные раздумья довели его до такой степени безучастности, что он совсем забросил работу в министерстве. И как оно бывает в административной машине, одно колесико, останавливаясь, блокирует другое. Тонкие механизмы проблем народонаселения оказались на грани поломки. Начальник Эрнеста Лебожу пригласил его к себе и, как отец родной, принялся исповедовать. Гордыня долго

мешала одинокому воителю открыть свою душу. В конце концов он выдавил из себя свой секрет. Начальник мягко промолвил:

Беспокойство убьёт вас. С этим надо кончать. Предупредите полицию.

Скрепя сердце Лебожу согласился с тем, чего не хотел делать с самого начала. Впрочем, он был уверен, что полиция справится с этим делом не лучше его.

Но вот, спустя неделю после его заявления, ему сообщили, что виновный пойман. Обалдевший от радости, он кинулся в жандармерию. Ему показали простоватого человечка, с лицом бледным и худым, глазами линиялой синевы и улыбкой идиота. Похоже, что спать в пустых домах было его привычкой. В дни своей молодости он был первоклассным слесарем. Звали его Жером Клуэ. Схваченный бормотал сквозь слёзы:

— Я не сделал ничего плохого!.. Я не сделал ничего плохого!

Эрнест Лебожу был разочарован жалким видом этого типа, своего врага, столько морочившим ему голову. Некоторое время он даже сердился на себя: с кем же он не мог сладить! Но эти маленькие уколы самолюбия были пустяками в сравнении с уверенностью, что теперь никто не потревожит его уединения.

В следующую субботу он с безмятежной душой устремился в свои владения. Очень скоро он больше не сомневался, что обрёл неколебимый мир. Настороженность уступила место сладостной расслабленности. Он демонтировал все свои ловушки, ружье оставил на гвоздике у двери — уже не под рукой. У него появилась привычка спать с открытым окном. Но в один прекрасный день, покидая Париж, он спросил себя, а что, собственно, он собирается делать в Пиньле? Сидя за рулём машины, он представил себе долгие пустые часы, и чувство скуки охватило его. Можно было подумать, что главная приманка его дома исчезла вместе с необходимостью защищаться от вторжения Жерома Клуэ. Возможно ли, что потеря врага иной раз более тяжела, чем потеря друга?

Приехав в Пиньле, он медленно вышел из машины и пошёл осматривать дом. Экое невезенье — всё было в порядке. Никто не приходил, ничего не происходило...

Когда Жером Клуэ предстал перед судом, Эрнест Лебожу, ненавидевший толпу, вынужден был, тем не менее, под взглядами зевак свидетельствовать по своему делу. Он был столь умерен в своих претензиях, что обозлённый судья едко осведомился, почему он в таком случае принёс жалобу. Сидя за барьером, обвиняемый ковырял в носу, изредка вскидывал голову, совершенно не понимая тяжести содеянного. Эрнест Лебожу рассматривал его с горечью, с нежностью, со злобой, с разбитым сердцем. Жером Клуэ был признан невменяемым и направлен в психиатрическую больницу.

Эрнест Лебожу возвращался домой, охваченный глубокой меланхолией. Спустя несколько дней он поместил в газете объявление: «Продаётся однокомнатный дом, хорошо расположенный, абсолютная тишина, недоступная местность».

Валентин Лившиц

Нобелевская премия, баллады Михаила Анчарова, а также о Галиче и Высоцком

Всё началось абсолютно неожиданно: сенсации мы с вами дождались - лауреатом Нобелевской премии по литературе в 2016 году стал музыкант Боб Дилан. Об этом 13 октября объявила постоянный секретарь Шведской академии Сара Даниус...

Вдумайтесь!!! Нобелевская премия по литературе присуждена музыканту, рок-певцу Бобу Дилану. Дикое количество комментариев. Кто-то торжествует, кто-то недоумевает, кто-то негодует. Свиристует Лоза (где Лоза, а где Нобелевская премия?).

Для всех Дилан - музыкант, а премия по литературе. Забывают, что в первую очередь Дилан автор всех своих песен. И в премии ясно написано:

"Нобелевская премия по литературе за 2016-й год присуждается Бобу Дилану "За создание нового поэтического языка в великой американской песенной традиции".

То есть, лучшие из наших бардов и рокеров (Высоцкий, Галич, Анчаров, Матвеева, Борис Гребенщиков, Андрей Макаревич) тоже могли претендовать на "Нобелевку". (Имена поставлены не в порядке значимости поэтов и их оценки, а в том порядке, который приходит автору в голову, при перечислении людей внесших большой вклад в песенную культуру России).

Кстати, вот и закончился древний спор: Высоцкий это поэт, или нет? Своим решением нобелевский комитет этот спор решил.

Представляю, как был бы счастлив сегодня Володя Высоцкий, который ничего так не хотел, как признания его, как поэта. (Конечно, всем им «Нобелевка» не светила, по другой, очень простой причине язык на котором они работали не входит в обиход европейских, вернее, он входит, но как то "сбоку", перевести Высоцкого, Галича, Анчарова, и всех остальных, я имею ввиду их поэтическое наследие, без осязаемых потерь на, допустим, английский, практически невозможно, настолько они «интонационные», человек не погруженный полностью в русский язык не поймет их поэзию, а ведь чтобы перевести нужно не только понять их, но и обладать, как минимум их уровнем таланта, не побоюсь этого слова «гениальностью».

Вот подумайте, как перевести на другой язык фразу Высоцкого: Эх, сменить бы пешки на рюмашки, и при этом не потерять это обворожительное звуковое «ешки- ашки». И так на каждом шагу, у каждого из вышеназванных.

Однако вернемся к произошедшему событию.

У букмекеров шанс Дилана получить Нобелевскую премию оценивали как один к пятидесяти. Насколько это казалось невероятным. Наиболее вероятным претендентом считали вовсе не рок-музыканта.

Сегодня Бобу Дилану 75 лет. На его счету более 50 альбомов. Журнал Rolling Stones считает, что он вторая после The Beatles фигура в истории рок-музыки. В 1964-м на первой встрече в Нью-Йорке Леннон и Маккартни смотрели на Дилана, как на «ГУРУ».

«Это была большая честь с ним познакомиться. Была сумасшедшая вечеринка, на которой мы встретились. Я решил тогда, что обрел смысл жизни», — говорит музыкант Пол Маккартни.

У Боба Дилана 9 премий "Грэмми" и Пулитцеровская премия за влияние на поп-музыку и американскую культуру. Он представлен в Зале Славы Гремми 6 песнями (шестью!!! - вдумайтесь в это).

Альбом или песня/ год включения её в зал Славы Гремми

«Blowin' in the Wind»/1994, «Like a Rolling Stone»/1998,

Blonde on Blonde/1999, «Mr. Tambourine Man»/2002.

Highway 61 Revisited/2002, Bringing It All Back Home/2006

Боб Дилан вошёл в Зал славы рок-н-ролла в 1988 году. Кроме того, в списке 500 песен, повлиявших на рок-н-ролл, присутствуют пять его записей.

«Blowin' in the Wind» (1963) «The Times They Are a-Changin'» (1963)

«Like a Rolling Stone» (1965) «Subterranean Homesick Blues» (1965)

«Tangled Up in Blue» (1975)

Кинопремии

2000 — Премия «Золотой глобус» за лучшую песню («Things Have Changed», Вундеркинды)

2001 — Премия «Оскар» за лучшую песню к фильму («Things Have Changed», Вундеркинды)

Прочие награды

1963 год Премия Томаса Пейна

1963 год Принстонский Университет Статус почётного доктора музыки

1982 год Зал Славы Композиторов Введён

1990 год Орден Искусств и Литературы Награждён (Командор)

1997 год Медаль Центра имени Кеннеди Награжден

1997 год Премия Дороти и Лириан Гиш Награждён

2000 год Polar Music Prize Победитель

2002 год Зал Славы композиторов Нэшвилла Введён

2004 год Сент- Андресский Университет Статус почётного доктора музыки

2007 год Премия Принца Астурийского Лауреат

2008 год Специальный приз Пулитцеровской премии Победитель

2009 год Национальная медаль искусств США Награждён

2012 год Президентская медаль Свободы Награждён

2013 год Орден Почётного легиона Награждён

Представители шведской академии, отвечающей за присуждение Нобелевской премии, пояснили.

Боб Дилан — автор-исполнитель своих песен, а, значит, без сомнения — поэт. Кроме того, перу Дилана принадлежат и несколько литературных текстов.

"Выбор может показаться неожиданным, но если оглянуться назад, вы увидите Гомера и Сафо. Они писали поэтические тексты, которые должны были исполняться под музыку или в театре. Это справедливо и для Боба Дилана", — прокомментировала постоянный секретарь Шведской академии Сара Даниус.

Для советских поэтов, Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского пригласивших Боба Дилана на интернациональный вечер поэзии в 1985 году, Боб Дилан был обычный рок-певец, они не так хорошо владели английским, они не очень вслушивались в его поэзию, а главное, они оба твердо знали, что великих поэтов на этом вечере два. Это Евтушенко и Вознесенский, (так думал Евтушенко) и это Вознесенский и Евтушенко (так думал Вознесенский).

Дилану дали исполнить всего две песни. Музыка неброская (если не сказать примитивная), английские стихи непонятны, "При полном молчании поэт удалился", — вспоминал потом Вознесенский.

Их можно простить и понять, хотя вот что интересно, при почти таком же раскладе, несмотря на непонятный русский язык, непонятный для ЗАПАДА (в частности француз), когда Высоцкий, первый раз выехал за границу. Он туда приехал, как муж Марины Влади, а, когда они уезжали из Франции, то уже Марина Влади ехала, как жена известного русского шансонье (кстати во французском шансон, не имеет ничего общего с нашей блатной лирикой, да извинит меня читатель за банальность французский шансон это — Монган, Азнавур, Пиаф, Патрисия Каас, Мирей Матье, Джо Драссен и т.д., а русский шансон (стараньями автомобильных радиостанций) Михаил Крут, Лесоповал, Катя Огонек, Шуфутинский, Лепс и т.п. Конечно, не нужно забывать об обаянии и красоте исполнения Высоцкого, но факт остается в том, что Дилана в России «не признали», а Высоцкий за счёт энергетике и актерского мастерства, смог (при наличии прозаического подстрочника) заинтересовать французскую публику.

Ну да хватит про это, вернемся к «нашим баранам».

Балладное построение песен Михаила Анчарова, а также почему его переняли только Высоцкий и Галич

Знаток «бардовской» песни, очень ценят вклад Михаила Леонидовича Анчарова в авторскую песню, считают его одним из «основоположников», говорят о том, что Высоцкий признавал Анчарова своим учителем, что Александр Аркадьевич Галич, вернувшись из Ленинграда, сказал любимой жене Ангелине (любовное выражение Ал.Арк. — «Фанера Милосская», лишь подчеркивает глубину его чувств к ней), — "если так может Анчаров, я тоже смогу". (Это после того, как он прослушал в номере гостиницы Московской, в Ленинграде несколько «баллад» Анчарова, в том числе, "Я сказал одному прохожему", "В Германской дальней стороне", "Балалаечку свою", "Тихо капает вода", "Девушка эй постой", "Я сижу боюсь пошевелиться", и последняя, как говорил Анчаров, была "Ах, Маша, Цыган Маша".

Жизнь моя так сложилась, что я в течении 12 лет жил в квартире, напротив Мишиной квартиры, (кому это будет интересно, вот ссылка <https://stihi.ru/2010/02/19/1065> об этой истории), и очень дружил с Мишей Анчаровым и его женой Джоей Афиногеновой. Не просто дружил, а виделся с ними каждый вечер, был в курсе Мишиных

и Джоенных дел. Либо мы вместе шли куда-нибудь в гости, либо сидели за бутылочкой, естественно, с гитарой и всякими разговорами о том о сем.

Так вот однажды Михаил Леонидович, (почему-то сидели мы с ним вдвоем), жены наши куда-то ушли (кажется, Джоя потащила мою жену Наташу в комиссионный магазин, на улице Герцена примерять платье, которое она отложила, когда была там днем) разговор зашел об Александре Аркадьевиче Галиче и Миша мне рассказал, что встретился, случайно, с Галичем в Ленинграде, в начале 59 года, где оба были по каким то киношным делам (разным у каждого), но на одной студии - Ленфильм. И оба начали ухаживать за одной дамой (из актрис), весьма привлекательной. И были приглашены на вечер к ней в номер, в гостинице «Московская», это на Лиговке у Московского вокзала. А жили они все в этой гостинице. Когда пришли в номер, то оказалось, что в нем стоит пианино. Галич внутренне возликовал, и решил, что Мишина песенка спета. Он довольно прилично играл на пианино, и имел весьма интересный репертуар (он исполнял песни Вертинского, причем очень неплохо). Некоторое время он попел, а потом Миша извинился, сказал, что он отойдет на минутку, (номер Анчарова, был на том же этаже). Он вышел, и через несколько минут вернулся с гитарой.

После этого он спел те песни, о которых я писал выше, на вопрос, — "Чьи это песни?" — довольно скромно ответил, — мои. В общем вечер кончился тем, что дама сказала Галичу, что уже поздно, а завтра рано нужно быть на студии, и ему пришлось уйти к себе, а Анчаров, остался. Галич, как каждый человек привыкший к успеху, проигрывать не любил, и вот почему приехав в Москву, сказал жене, — «Если Анчаров может, я тоже могу». Естественно, он ей не рассказал, что его отправили спать, он ей рассказал, что слушал Анчарова, и это произвело на него сильное впечатление.

Я об этом уже писал, и не для того чтобы снова повторять этот рассказ, я вспомнил этот эпизод. Давайте на минуту отвлечёмся от Галича, и поговорим о Высоцком. Высоцкий до 1963 года пел гениально написанные подделки под блатную лирику, песни пародии, но пел он их на полном серьёзе, даже со слезой, и вдруг в 1963 году он пишет песни совершенно другого жанра, и больше к блатной тематике не возвращается. Что же так повлияло на Володю?

Повлияло знакомство с песнями Анчарова.

Анчаров и Высоцкий 05 апреля 1966 г. на вечере в Политехническом музее (Москва)

(Пусть читателя не покоробит, это мое обращение. Я Владимира Высоцкого знал с 1959 года, были мы с ним на «ты».)

В 1963 году, как я считаю, после знакомства с Анчаровым, Высоцкий начинает уходить от «блатной тематики». Он пишет абсолютно новые для него по звучанию песни: "Сегодня в нашей комплексной бригаде", "Штрафные батальоны", "Письмо рабочих тамбовского завода китайским руководителям", "Антисемиты" (Зачем мне считаться шпаной и бандитом), "Братские могилы", "Марш студентов физиков" (Тропы ещё в ангимир не протоптаны), правда, три песни как воспоминание о «блатной тематике» в 1963 году ещё появляются: "У меня было сорок фамилий", "Я рос как вся дворовая шпана", "Я однажды гулял по столице". Всё, больше на блатную тематику Высоцкий не пишет.

Кстати, то ради чего я начал писать эту статью, заключается в следующем:

14 октября я слушал передачу Димы Быкова "Один" на радиостанции Эхо Москвы и на 67 минуте Быкову задали вопрос: «Мог ли Высоцкий претендовать на «Нобеля», если бы дожил?»

Ответ: «В известном смысле, конечно, мог бы. Но видите, тут же вопрос влияния. Дилан колоссально повлиял на стилистику даже «битлов», а уж на песенную поэзию в диапазоне от Моррисона до нынешних, я думаю, колоссально. Влияние Высоцкого даже в России, даже на русскую поэзию очень невелико, потому что Высоцкий прежде всего мастер фабулы, баллады, а у нас как-то это пребывает в полном забвении. И я не вижу сейчас сильных балладников. И я не вижу влияния Высоцкого. Я могу сказать, кто на Высоцкого повлиял. В первую голову, конечно, Анчаров, который и стал прозаиком в результате. А вот из тех, на кого Высоцкий повлиял, не в смысле хрипоты, а в смысле вот такого построения сюжета... Нет, он оказался невлиятелен. С чем это связано? Наверное, с тем же, с чем, скажем связана резкая индивидуальность его исполнения. Другие не могут его петь. Вот Окуджаву могут петь все, а Высоцкого спеть иначе, не по-высоцки, очень трудно. Я не знаю, кому это удастся. Мне кажется, хорошо Оксана Акиньшина спела «Песенку про белого слона», мою любимую, но и только. Ну Миша Ефремов, который умеет быть всеми. Но вообще петь Высоцкого другими устами невозможно. Отсюда и малая влияние его лирической манеры.

И вот в тот момент, когда Быков сформулировал «И я не вижу сейчас сильных балладников, — и дальше — Я могу сказать, кто на Высоцкого повлиял. В первую голову, конечно, Анчаров», меня как током ударило. Как я мог забыть, уму непостижимо. Когда мы «сжижвали» с Анчаровыми в «узком кругу», только Миша и Джоя и Наташа (моя жена) и я в течение очень большого времени (примерно, год), мы с Мишей (для себя конечно) пели «Балладу о Робин Гуде» (позднее я узнал, что автор текста Николай Гумилев). Баллада длинная и очень красивая. Откуда Миша её «выкопал», я не знаю.

Николай Гумилев был 3 августа 1921 года арестован по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева».

24 августа вышло постановление Петроградской ГубЧК о расстреле участников «Таганцевского заговора» (всего 61 человек), опубликованное 1 сентября с указанием, что приговор уже приведён в исполнение. Гумилев и ещё 56 осуждённых, как установлено в 2014 году, были расстреляны в ночь на 26 августа.

Естественно, стихи Гумилева в СССР были запрещены. После 21 года он не издавался. А в шести сборниках, изданных до 21 года, этого перевода Гумилева я не нашёл.

Музыка у "Баллады о Робин Гуде" очень похожа на мотив, написанной Мишей в 1941 году песни "О моем друге художнике", посвященной Юрию Ракино.

Это я только сейчас понял, а тогда я этой аналогии не видел, просто Анчаров спел, мне очень понравилось, я её с голоса выучил и подпевал Мише, когда он её запевал.

Правильное название баллады, переведённой Гумилёвым, "Робин Гуд и Гай Гисборн":

*Когда леса блестят в росе
И длинен каждый лист,
Так весело бродить в лесу
И слушать птичий свист!
Щебечет дрозд, найдя себе
Среди ветвей приют,
Так громко, что в своем лесу
Проснулся Робин Гуд.
и т.д.
и кончается.....
Джон поднял лук и наложил
Стрелу на рукоять,
И это увидал шериф
И бросился бежать.
Бежал обратно в Ноттингам,
Как только мог, шериф,
И стража бросилась за ним,
Его опередив.
Но как он быстро ни бежал
И как ни прыгал он,
Стрелю в спину угодил
Ему веселый Джон.*

(51 четверостишие, 204 строки, ну, очень длинная, но очень приятно петь и ощущать себя в Рыцарской Англии).

Почему-то при посторонних мы её никогда не пели. При посторонних пел Миша, пел свои песни, я считал это не только правильным, но единственно возможным вариантом. Мне кажется, что в 1941 году, а может быть и раньше, Михаил Анчаров (напоминаю: мелодия, используемая в Робин Гуде, является «балладной», и одновременно уже была опробована Мишей в песне "О моем друге художнике", 1941 год), так вот в 1941 году Миша нашёл её, попробовал «балладное» построение песни и понял все возможности, которые таит оно в себе (кроме мелодии, конечно и стих, должен соответствовать балладному строю).

Оценивая всё вышесказанное после текста произнесённого Дмитрием Быковым, я понял, что Анчаровские баллады это сплав четырёх талантов Миши: талант Поэта, талант Художника, талант Сценариста и, конечно, талант Музыканта, создающего Мелодию.

И вот теперь самое главное, ради чего я затеял писать эту статью. Оказалось, что только два человека, среди огромного количества людей, слышавших песни Анчарова, смогли подхватить это «балладное» построение его песен, понять его ценность, и по мере своего таланта воплотить его в литературе. Это Александр Галич (Сценарист, Поэт, Музыкант), и Владимир Высоцкий (Поэт, Артист, Музыкант), очевидно, только они поняли все преимущества, которые дает автору этот

стиль, но главное, только в них оказалось соединение трех начал, которые были в Анчарове.

Лишний раз хочется поклониться памяти Михаила Леонидовича Анчарова, потому что, может быть, без его влияния, не увидели бы мы Галича и Высоцкого такими, какими они сегодня есть.

И очень низкий поклон, на мой взгляд, шведской Академии за Нобелевскую Премию Бобу Дилану, решившую очень много вопросов, как это ни странно, в русской литературе, хотя я думаю, не только в русской, но и в мировой.

18. 10. 2016

Владимир Алейников

ПРЕЖНЕЙ ЯВИ ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

(окончание. Начало в № 9/2016)

*

...И нечего удивляться нынешнему, да ещё и молодому, небось, читателю, ничего ровным счётом об ушедшей эпохе не знающему, разве что так, что-нибудь, понаслышке, от кого-нибудь, может, или из текстов каких-нибудь, изданных в пору свободной печати, слегка поднабравшемуся обрывочных, косвенных сведений, сплошь — безликих, сплошь — по верхам, безъязыких, пустых, безответственных, вполглаза где-нибудь что-то, может, и подглядевшему, допускаю, но в суть вопроса глубоко не вникавшему, по причине, вполне вероятно, нехватки времени, которое весьма для него, читателя, дорого, и которое вовсе не хочется тратить на узнавание того, что было раньше, что происходило в отечестве нашем в те времена, когда его, читателя современного, просто не было ещё на свете, а может, и ещё по какой-нибудь, беспочвенной и верхоглядской, возможно, а то и вполне уважительной причине, положим, оттого, что просто не успел ещё вжиться, так сказать, в материал, начав, как и полагается в таких случаях, не с середины, а с азов, — нечего ему, читателю, говорю, удивляться изобилию связанных с выпивкой сцен в моих записках о былых временах, тех самых, когда все мы, люди богемы, в некотором роде инопланетяне на древней нашей планете, были молоды или относительно молоды, и полны были жизненных сил, — так было.

Все тогда выпивали.

И даже — пили.

На одном Вене Ерофееве свет клином не сошёлся.

Веня со своей алкогольной прозой появился, кстати говоря, вовсе не на заре, а где-то поближе к середине всеобщей выпивонной эпопеи.

Бывали авторы, выразившие в слове спиртовую тему, и получше него, Ерофеева, посильнее и убедительнее.

Немало ещё есть неизданных текстов.

Их время — ещё впереди.

Что же касается Венички, то его, прогремевшего своими «Петушками», вызвавшими явную симпатию у многих из богемы, но более всего восхитившими почему-то писателей официальных, печатавшихся при советской власти, тоже однажды занесло каким-то скитальческим ветром в начале семидесятых в Питер.

Поди же ты, как бывает! — Кремля, по его утверждению, парень так никогда и не видел, а в Питер, в колыбель революции, почему-то попал.

Ну, попал и попал.

Приехал по пьянке.

С кем не бывает!

Приехал Веня в Питер. Прибыл. На поезде. Не в бронированном, правда, вагоне. А в обычном, плацкартном.

До отъезда пил Ерофеев. И в дороге пил Ерофеев.
Пил — задумчиво. В одиночестве.
Говорить ему было — не с кем. И тем более — по душам.
Не хотел он ни с кем общаться. Он общался — с самим собой.
Говорил — сам с собой. На два голоса.
Пил — с собой. Сам с собою чокался.
То есть, пил за двоих — за себя и того непонятого парня, что, понятно, был тоже им.

Раздвоение? Может быть.
Образ в образе. Как матрёшки.
Всюду — двойственность. Всяду — зеркальность.
Отраженья. Фантомы. Призраки.
Привидения. Полтергейст.
Барабашки и чебурашки.
Феи. Золушки-замарашки.
Собутыльников нет, хоть тресни.
Петербург-Ленинград. Норд-вест.
Вышел Веничка на перрон. Ленинградский. Ему не знакомый.
Встал — и думает: где же он оказался? Зачем он здесь? Почему занесло его не куда-нибудь, а сюда?

Колотун его пробирает.
Бред. Абсурд.
Похмелога — страшная.
Тошно. Жутко. Словами не выразить.
Всё — чужое.
Город — чужой.
Денег — нет.
И здоровья — нет.

Это вам не Москва, где здоровье, с помощью некоторых участливых знакомых, отчётливо понимающих, как именно следует спасать похмельного современника, очень даже легко можно поправить.

Это — Питер. Неведомый град.

Истомился весь Ерофеев — от неизвестности, от неопределённости, от навалившегося на усталые плечи грядущего классика осознания всей немислимой тяжести горемычной доли своей.

Прослезился Ерофеев — и побрёл куда глаза глядят, потихонечку, шажок за шажком, вначале по перрону, потом по вокзальной площади, а потом и по Невскому, побрёл в полнейшем одиночестве, совершенно не представляя себе, что же с ним будет дальше, ну хотя бы минут через пять, и подумывая порой, не от хорошей, понятное дело, жизни, а от полнейшей отчаянности, от мрачной безысходности нелепейшего своего положения и кошмарного состояния души, не хватит ли его, чего гляди, на суровом пути кондрашка, и не ляжет ли он, одинокий путник, от недопития, оттого, что вовремя не опохмелился, холодным трупом вот здесь, прямо посреди Невского проспекта, воспетого Николаем Васильевичем Гоголем с присущей этому гению силой и зоркостью, и не отлетит ли ерофеевская душа прямиком в небеса, поскольку жаждущая плоть его так и не успеет отведать спасительного спиртного, — побрёл Ерофеев, проявляя некоторую выдержку и не позволяя

себе окончательно распускаться, побрёл, читая про себя, для поддержания духа, стихи своего любимого Северянина.

И вдруг вспомнил Венья, что в Москве кто-то сунул ему в карман листок с телефоном и адресом Кости Кузьминского.

Венья лихорадочно стал искать этот листок.

Руки его дрожали.

Но листок — отыскался.

Нашлись и две копейки — чтобы позвонить из телефона-автомата.

И стеклянная будка телефона-автомата оказалась рядом.

Венья забрался в эту будку и набрал Костин номер.

В трубке раздались длинные гудки.

«Неужели никого нет дома?» — с ужасом подумал Ерофеев.

Но трубку, по счастью, сняли.

— Алло! — раздался в ней сонный Костин голос. — Я слушаю! Кто говорит?

— Венья! — сказал Ерофеев.

— Какой ещё Венья?

— Ерофеев, — сказал страдалец. — Ну, тот самый. «Москва — Петушки».

— Серьёзно? — спросил Кузьминский.

— Серьёзнее не бывает.

— Ерофеев?

— Ну да. Ерофеев.

— «Петушки»?

— Ну да. И «Москва»...

— Настоящий?

— Кто?

— Ерофеев.

— Да, конечно. Веничка.

— Ты?

— Я.

— Где ты находишься?

— В Питере.

— А точнее?

— Где-то на Невском.

— До меня доберёшься?

— Не знаю. У меня похмелюга.

— Понятно.

— А в такси доберёшься?

— Наверное. Только денег нет у меня.

— Наскребу. Тут недорого. Близко.

— Так куда мне ехать?

— Ко мне. И немедленно. Адрес есть?

— Есть.

— Ну, значит, шеф доведёт. Дуй по адресу, прямо сюда. Выйдешь из машины вместе с таксистом. Вместе с ним пройдёшь в арку, под вывеску “Парикмахерская”, прямо под слог «хер». Зайдёте во двор. Подниметесь по лестнице. Позвоните. Я отдам таксисту деньги. Он уйдёт. А ты останешься у меня. Всё понял?

— Понял.

— Так действуй!

И Веня, окрылённый надеждой на спасение, стал действовать.

Едва он успел махнуть рукой проезжающей мимо машине, как та сразу же пригормосила.

— Куда? — спросил, приоткрыв дверцу, шофёр.

— К Косте Кузьминскому, — слабым голосом выдохнул Веня, и тут же бухнулся на сиденье рядом с шофёром. — Поскорее. Под слог «хер».

— Знаю Костю, — сказал шофёр.

И машина рванулась с места.

Веня грустно смотрел в окно.

— Ты-то сам кто будешь? — спросил его шофёр.

— Ерофеев я.

— Веня?

— Точно.

— Тот самый? «Москва — Петушки»?

— Тот самый, — сказал Ерофеев.

— Как же, читал! — сказал образованный шофёр. — Хорошо написано. Правильно. Мировая вещь. Наша, российская.

Веня даже не удивился такой своей известности.

— Похмелога у меня! — грустно произнёс он.

— Сейчас поправим, — бодро сказал шофёр, — полечим.

Он нагнулся, пошарил где-то внизу — и прямо перед глазами Веняными блеснула и рассылась в свете петербургского утра полная, ещё запечатанная бутылка водки.

Веня от неожиданности сглотнул слюну.

— Денег нет у меня! — простонал он. — Всё пропил!

— Пей! Дарю! — великодушно сказал шофёр. — За такую хорошую вещь — мой тебе гонорар.

— А дорога? — спросил Веня.

— И за дорогу ничего не надо. Костю я знаю. И с тобой теперь познакомился.

Ты откуда в Питере взялся?

— Да из Москвы. По пьянке.

— Понятно.

— Можно выпить прямо сейчас?

— Пей, конечно. Чего ты ждёшь?

Кое-как, потрудившись изрядно, сорвал Веня пробку с бутылки. Приложился к горлышку. Сделал первый глоток. Потом второй. За ним третий.

И устроил себе передышку.

Потепшело внутри. Кровь по жилам пошла. И глаза посветлели.

— Ну что, полегчало маленько? — спросил шофёр.

— Ох, старик, вот уж спасибо так спасибо! — только и вымолвил Веня. — Начинает легчать.

— Поможет, — сказал убеждённо шофёр. — На практике проверено. Другого способа очухаться после пьянки просто не существует.

— Это уж точно, — сказал Веня.

Машина остановилась возле Костиного дома.

— Тебя довести? — спросил шофёр.

— Благодарствую. Сам дойду. Адрес есть, — засмутился Веня.

— Ну, смотри. Как знаешь. А Косте передай привет. От Ивана. Это я — Иван.
И скажи ему, что доставил тебя по назначению.

— Я пойду? — спросил Веня.

— Иди! — сказал шофёр.

Веня хотел было уже открыть дверцу.

Но шофёр удержал его за рукав:

— Погоди, погоди!

Он полез во внутренний карман куртки и вынул оттуда записную книжку и шариковую ручку. Потом открыл книжку на чистой странице и протянул Веня:

— Дай автограф, будь другом! Вот здесь.

Откинув со лба нависшую длинную прядь, Веня взял ручку и написал на чистой странице:

«Венедикт Ерофеев».

Шофёр взглянул на подпись и спросил:

— Тебя как по батюшке?

— Васильевич.

— Вставь там, вслед за именем: Васильевич.

Веня вписал:

«Васильевич».

Шофёр подумал и сказал:

— Впиши ещё: автор книги «Москва — Петушки».

Веня с трудом написал:

«Автор книги “Москва — Петушки».

— Годится! — сказал шофёр.

— Нет! — заупрямился Веня. — Ещё не годится.

И он, от щедрот своих, написал:

«Ивану — от Вени».

И протянул записную книжку шофёру.

— Ну, брат, уважил! Спасибо! — заулыбался шофёр.

Вслед за книжкой Веню протянул ему и початую бутылку водки.

— Ты чего? — удивился шофёр.

— Ну как же... Водка твоя...

— Сдурел, что ли? Бери, коли дают. Я же тебе эту бутылку подарил. Это мой тебе гонорар.

— Да, спасибо, — сказал Веня.

И крепко прижал бутылку к сердцу.

— Давай, топай, — сказал шофёр. — Костя ждёт.

Веня протянул ему руку:

— Выручил ты меня!

Шофёр пожал Венину руку и сказал:

— Твой автограф детям и внукам показывать буду. А может, и в музей отдам!

Веня кое-как вылез из машины.

Шофёр кивнул ему — и уехал.

Ерофеев поднял голову и увидел вывеску “Парикмахерская”. Вошёл в арку прямо под слогом “хер”. Определился с подъездом. Кряхтя, крепко прижимая подаренную бутылку водки к сердцу, поднялся по лестнице.

Дверь нужной квартиры была широко, гостеприимно распахнута.

На пороге стоял, опираясь на посох, широко улыбаясь, бородатый, косматый Кузьминский.

— Ерофеев? — спросил Кузьминский.

— Ерофеев! — ответил Веня.

— Деньги нужны за такси?

— Не нужны.

— Заходи! — произнёс Кузьминский.

И повёл гостя к себе.

Веня зашёл в Костину комнату.

— Откуда бутылка? — спросил Кузьминский.

— Иван подарил! — ответил Веня.

— Какой Иван?

— Таксист. Он тебя знает. И довёз меня сюда. Бесплатно.

— А, Иван! — вспомнил Костя. — Ну да! Как же, знаю. Довёз? Молодец.

— И автограф у меня взял, — сказал Веня.

— Ишь ты! Сообразил! — закачал взлохмаченной головой Костя.

Веня показал на початую бутылку:

— Продолжить надо. Срочно. А то я только три глотка сделал, там, в машине.

— Продолжай! — сказал Костя.

Взял со стола чашку. Протянул Веня;

— Наливай. Пей.

— А ты?

Костя взял вторую чашку:

— И мне плесни.

Питерский поэт и заезжий московский прозаик чокнулись чашками.

— Ну, за знакомство?

— За знакомство!

Неспешно выпили водку.

Веня сказал:

— Вроде немного легчает. Но до кондиции ещё далеко.

Костя сказал:

— Что-нибудь придумаем.

Поэт и прозаик присели.

Костя протянул Ерофееву пачку сигарет:

— Кури!

Оба закурили.

Веня искоса поглядел на бутылку, содержимое которой заметно поубавилось.

Костя перехватил его взгляд.

— Опасаешься, что не хватит? — напрямик спросил он Веню.

— Опасаюсь! — честно признался Веня.

— Не переживай, — сказал Костя. — Пей себе не торопясь. Отдыхай с дороги.

Приходи в себя. А я начну действовать.

Веня налил себе ещё немного водки и выпил.

Костя взял со стола пухлую записную книжку и придвинул к себе телефон.

Снял трубку. Набрал номер.

— Старина! У меня Ерофеев, — с места в карьер начал он, — Да, тот самый «Москва — Петушки». Доставай где-нибудь денег. Бери, сколько сумеешь, выпивки. И дуй ко мне.

Потом набрал следующий номер.

И произнёс примерно те же слова.

Потом — стал звонить всем знакомым подряд.

Подустал. Сделал перерыв. Плелнул в чашку водки. Выпил.

Подумал, сощурившись. И сказал:

— Всё это — наши, богема. Ну сколько они могут спиртного привезти? Так, понемногу. Денег-то у них в обрез. Для такого дела занимать придётся. Ещё и сами большую часть выпьют здесь, на радостях. А то и по дороге приложиться успеют. Знаю я их. Тут одним ударом что-то решать надо!..

Костя закурил. Опять призадумался. И сказал:

— Понимаешь, Веня, по моим сведениям, твоей прозой официальные писатели, особенно либеральные, с широкими взглядами, восхищаются. И так восхищаются, что дальше некуда. Хлебом их не корми, дай о Ерофееве поговорить, какой это яркий талант. Откровенно официальных писак звать к себе я категорически не желаю. Противно. А вот таких, которые и печатаются преспокойно, и в то же время вроде бы и нашими, богемными людьми остаются, то есть, как-то умудряются сочетать несочетаемое, позвать бы надо. Хотя бы одного из них. И этого будет вполне достаточно. Хотя бы одного. Но кого?

Костя снова задумался. Потом с хитрецей улыбнулся, мотнул космами и сказал:

— Я знаю, кого позвать. Надо позвать Бигова!

Успевший слегка окосеть Веня отмахнулся:

— Зачем? Нам с тобой не нужны здесь никакие писатели. И тем более — официальные. Ишь ты! Их ещё здесь не хватало! Да все они — говно. Полное! Кого ни возьми — говно!

— Ты, Веня, успокойся, — сказал Кузьминский. — Возьми себя в руки. Ты прав, скорее всего. Но — не совсем прав. И ты, наш гость, будучи у нас в Питере, просто обязан хоть кому-нибудь из наших официальных писателей доставить радость. Пусть это будет человек, от заматеревших официалщиков чем-то всё-таки отличающийся, то есть внешне, для маскировки, для отмазки, для страховки, для некоторого удобства житейского, наконец, вроде бы и официально узаконенный, печатающийся, вроде бы и советский — для тех, кто там, наверху, кто всё контролирует, но внутри — совершенно другой, с другими настроениями и взглядами, с другим, разумеется, мировоззрением, словом, не полностью, а так, частично, скрытой частью своей, наш, — ну, если на то уж пошло, то почти наш. Пусть человек такой познакомится, пообщается с тобой. Пусть это будет Бигов.

— Пусть! — согласился Веня. — Он, хоть и тоже весь из себя разрешённый, давно уже официальный, да всё же, на мой пронизательный взгляд, не совсем такой, как те, прочие. В выпрезители подзалетал. Вознесенскому, поговаривают, по физиономии двинул. С Генрихом Сапгиром поддаёт регулярно. Смогистов поддерживает. Губанова Лёню в прозе своей цитирует. Володю Алейникова гением считает — и, особенно когда крепко выпивши бывает, по всей Москве на всех углах всем об этом только и говорит. Набокова, наконец, уважает.

— И тебя! — напомнил Кузьминский.

— И меня! — согласился Веня.

— Звать его сюда? — спросил Костя.

— Зови! — подытожил Веня.

Костя набрал номер Бигова.

— Андрей? Это я, Кузьминский. Слушай, у меня тут Веня Ерофеев сидит. Да, тот самый. “Москва — Петушки”. Прямо из Москвы. С похмелюги большой. Приезжай. Привези чего-нибудь выпить. Подлечить человека надо. Заодно познакомись. Поговоришь. Парень хороший. Ждём!

— Еду! — раздался в трубке взволнованный голос Битова.

Костя положил трубку на рычажки.

— Вот видишь, — сказал он, — едет.

— Пусть едет! — сказал Ерофеев.

И выпил ещё водки.

А Костя сделал ещё несколько звонков. Так, немного. Десятка два-три.

После чего уже окончательно положил телефонную трубку.

И сказал:

— Пожалуй, достаточно!

И налил себе водки. И выпил.

И оба вновь закурили.

И не успела водка иссякнуть, как в дверь квартиры начали звонить.

Костя вначале каждые две-три минуты вставал и открывал дверь, а потом вообще оставил её открытой.

Каждые две-три минуты в Костину комнату входили всё новые и новые люди.

И каждый из них что-нибудь ставил на стол — пару ли бутылок пива, портвейн ли, сухое ли вино, водку ли, — уж кто там что сумел добыть. Но это было какое-никакое, а спиртное.

И каждый из пришедших по очереди подходил к Вене Ерофееву — знакомиться.

И Веня, восседая на старой тахте этаким заезжим шейхом, рассеянно выслушивал каждого — и каждому из петербуржцев милостиво протягивал свою трудовую писательскую руку.

Вскоре в комнату набилось уже столько народу, что не только шагнуть было некуда, но и стоять было негде.

Все благоговейно взирали на Ерофеева.

Батареи принесённых бутылок громоздились на столе и на полу, на подоконнике и по всем углам.

Никто ещё не начинал выпивать.

И тут раздалась с лестницы гулкие чьи-то шаги.

— Шаги Командора! — сказал со значением Веня и поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем.

И в комнату, с усилием удерживая на весу четыре авоськи, битком набитые бутылками со спиртным, ввалился Андрей Битов.

Он поставил авоськи с бутылками на пол. Пожал Костину руку. Небрежно кивнул всем собравшимся. Протёр очки. Вгляделся в глубину комнаты. И своим хорошо поставленным голосом спросил — сразу всех:

— Где Венедикт Ерофеев?

— Я Венедикт Ерофеев! — отозвался с тахты Веня.

— Гений! — воскликнул Битов. И бросился к Вене — обниматься и лобызаться. — Ну, спасибо тебе, спасибо!

— За что? — удивился Веня.

— За то, что ты есть на свете! — возвестил торжественно Битов.

Отступив к принесённым авоськам, он нагнулся и не глядя вытащил одну из бутылок. И конечно, была это — водка.

— Гордость русской литературы! — воскликнул Битов, — Я хочу с тобой выпить! Немедленно! Как мечтал я выпить с самим Ерофеевым! И вот — свершилось!

— Ну, — сказал Венья, — можно, конечно, и выпить.

Битов открыл бутылку. Наполнил чашки, из которых ещё недавно пили Костя с Веней, водкой, щедро, до краёв.

Одну чашку — протянул Вене.

Другую чашку — взял сам.

— Выпьем, Венья! — торжественно сказал Битов. — Эх, выпьем, собрат! Наконец-то мы выпьем!

Он лихо чокнулся с Веней — и одним духом опорожнил свою чашку.

Венья — отпил примерно треть.

Битов сделал широкий жест в сторону бутылок:

— Гуляем, господа!..

Господа не заставили себя ждать.

И незамедлительно налегли на спиртное.

И тут началось такое...

Нет, я лучше не стану рассказывать — что именно началось.

О гульбе с самим Ерофеевым долго потом вспоминали в Питере.

Помнит, небось, об этом и Костя Кузьминский — в Америке, стране чужой, куда его зачем-то занесло и где он пребывает по сей день, а лучше бы он в Питере блажил, под слогом «хер» над входом в арку жил, и мог бы здесь увидеться я с ним, судьбу свою странную храним... Да что теперь об этом говорить! Где б ни был он, мне Костю не забыть.

Стоит заметить, что после долгой, многолюдной и по всем статьям славной пьянки в Костиной комнате Венья Ерофеев сумел добраться обратно до Москвы.

Снабжённый заботливыми петербуржцами заполненной алкогольной продукцией стеклотарой, он всю дорогу попивал эту продукцию, по своему вкусу и выбору, чередуя крепкое питьё с умеренно крепким, а иногда составляя затейливые коктейли, в чём весьма, как известно, поднаторел, и благополучно выбрался из вагона на московский перрон, держа в руке одну из битовских авосек, в которой ещё оставалось некоторое количество бутылок, и прибыл туда, где обитал, и уже не страдал с похмелью, как это было с ним совсем недавно в Питере.

Вот вам, современные читатели, простая русская история о выпивке в былые времена.

*

...Раздаётся звонок — беспокойное Морзе, истощное SOS! — открывается дверь — и в квартиру врывается Зверев.

Толя под хмельком, но не пьян.

А точнее, поскольку точность, как в рисунке или в поэзии, и важна, и необходима, да ещё и незаменима, как и сам художник, пришедший в гости к другу и здесь нашедший и вниманье, и пониманье, скажем прямо — не слишком пьян.

Одежда на нём заграничная, такой в магазине московском при всём желанье не купишь, просторная и удобная, ещё относительно чистая, хотя об неё то и дело

вытираются тщательно вымытые, с мылом, с пемзой и со стиральным порошком, а потом с шампунем, после улицы, где рассадник вредоносных бактерий, эмбрионов, микробов, спор, подозрительно шустрых вирусов, грязи, мусора, шелухи, сточных вод, помоев, и всякой безымянной, зато всеядной, потому и опасной, гадости, или, если по-русски, в корень, поглядеть, если правду-матку резать, в лоб, если чуть сразу эту нечисть, то просто дряни, и держаться подалее надо от неё, за версту, не меньше, если хочешь в столице выжить, да ещё и что-нибудь, может, не халтуру, а попримечнее, по старинке намалевать, удивительно гибкие, быстрые в каждом жесте и в каждом движении, в постоянном брожении, кружении, в раздражении и скольжении, в каждом взлёте, в любом положении, в зазеркальном их отражении, в гипнотическом небрежении ко всему, что мешает им, виртуозные, это верно, музыкальные, это в точку, гениальные, так, возможно, золотые, пожалуй, руки.

Зверев брезглив. Даже больше: повышенно-чутко брезглив. И мнителен. Даже слишком: настолько, что сам порою признаться готов — мол, в этом заходит он далеко. Но трудно себя переделать. И никому не удастся, хоть в чём-нибудь, хоть случайно, его, такого, каков он есть, каков от природы, а может, и по причине жизни его небывалой на юдольном его пути, то на грани фангастики, то на краю какой-нибудь пропасти, то в прострации, то в азарте, то в полёте и на подъёме, то в милиции, то в дурдоме, то приветствие ритуальное возглашающего торжественно, лаконично: «Тебе, Тибет!», ну а то, и такое бывало, с удовольствием явным, в охотку, всем готовящего обед, ввявь живущего вне времён, исчезающего, как сон, а потом из невзгод и без возникающего чуть свет с неизменным: «Привет, старик!», а потом в неизвестность — брык, и оттуда — неожиданно вдруг, и опять — в неизбежный круг, — однажды переубедить .

Десять раз, напряжённо, бдительно и дотошно, так, чтоб никто не проник вслед за ним сюда, так, чтоб враг не прошёл, оглядывается: нет ли погони? — всё ли спокойно и тихо вокруг?

Под пиджаком у него — две рубахи, обе навыворот, — чтобы не ранить грубыми швами нежное тело художника.

Усаживается, — да так, чтобы стул под ним не трещал, табуретка под ним не шаталась, понадёжнее выбрав сидение, то есть стул осмотрев поначалу и решительно забраковав, а потом осмотрев табуретку, повертев её так и этак и одоблив её наконец, как приемлемую для него, — поудобнее, всем своим весом, всем составом сложным своим, всем набором странностей всяких приземлившись, пусть ненадолго, пусть на время, чтоб отдышаться, успокоиться, отдохнуть.

Хрюкает вдруг: «Хрю-хрю!», корчит рожу смешную, морщится, ухмыляется, надувается, громко фыркает, а потом улыбается благодушно, и хохочет, по-детски, весело, и, сощураясь, чуть-чуть косит примечающим всё, хитрющим, влажным, карим глазом своим.

Из внутреннего кармана добротного, дорогого английского пиджака, вначале помедлив немного и якобы призадумавшись, извлекает на свет вместительную, не нашенскую, конечно, литровую, заграничную, приятного вида бутылку самого настоящего, лучшего вкуса и качества, крепкого, чистого джина. стакан, взятый этак небрежно, жестом гуляки праздного с журнального низкого столика, ополаскивает старательно, причём не водой из-под крана, горячей или холодной, но собственноручно и щедро налитым из открытой с пробочным хрустом бутылки, диковинным в те времена для советского человека, драгоценным, редкостным джином,

— им же брызжет себе на темя, на лицо, на плечи и за ворот, лёт пахучей струёй за пазуху, — для надёжности, для профилактики, для защиты от всякой заразы, так, на всякий случай, авось и поможет, во всяком случае от чего-нибудь да защитит.

Пьёт, конечно же, но — понемногу. Захотел — глотнул, захотел — сделал два или три глотка, и довольно. Зачем перебарщивать? И куда, скажите, спешить?

Меньшую дозу напигка, глоток за глотком, — выпивает, большую, раза в три больше, запросто, — выливает.

Куда выливает? А всё равно, куда — на стол, или на пол, в тарелку, а то и в окно.

Хлебные корки сразу же от всего батона отламывает, складывает в сторонке смятой румяной горкой, — ест, по своей привычке, под которую, впрочем, подводит весьма солидную базу, и даже может об этом, тут же, прямо на месте, серьёзный трактат написать, поскольку любит, при надобности, поступки свои обосновывать, а хлеб надо именно так есть, — только белый мякиш.

Поглядит куда-нибудь искоса, громко хрюкнет, умело крикнет.

Снова, хмурясь, в который уж раз, этак пристально, по-охотничьи, или словно в дозоре находится, на часах, оглядится вокруг: нет ли здесь кого из чужих?

Поведение такое доходчиво, внятно, трезво, с полным знанием дела, развиваемую тему по ходу рассказа продлевая затейливыми вариациями и поддерживая внушительными комментариями, объясняет манерой преследования.

Когда окончательно убеждается, что всё спокойно, всё в норме, всё в полном порядке, всё — «хорэ!», как он обычно приговаривает, высказывая своё одобрение, — то и сам, окончательно, полностью, весь, и это сразу заметно, просветляется, расслабляется, успокаивается, добреет.

И весь — да так, что ахнешь, — вдруг меняется!

Нет больше и в помине знаменитейшего, то дерзашего всем и повсюду, то затравленного властями, в дальний угол какой-то загнанного, в щель невидимую забившегося, чтоб невзгоды там переждать, чтоб ни слуху о нём и ни духу, чтоб о том, где сидит он, ни-ни, а потом опять возникающего на виду, как будто явился он в самом деле из-под земли, с грудой новых работ, с ухмылкой неизменной, вместо ответа на вопросы, где же он был, основательно посвежевшего и, похоже, полного сил и готовности внутренней ринуться в новый бой, подвигнуть себя на великие новые подвиги, не похожего ни на кого из людей искусства, поистине одиозного, крупного «Зверя» из богемных московских легенд.

Есть — приветливый, очень искренний, да к тому же ещё умнейший, с цепкой, точной, народной, крестьянской, грубоватой тамбовской хваткой, но и добрый, щедрый, отзывчивый, без темнот и туманов, светлый, очень русский, нелепый, несчастный, замечательный человек.

Широко тогда открываются и внимательно, грустно смотрят карие, с желтоватым огоньком, с угольками зрачков, тёплые, полные влаги и тихого света, глаза, и нет в них больше недавнего, чутко насторожённого, слишком уж напряжённого, вынужденного прищуря.

Теплеет, и это заметно, теперь у него на душе, в интонациях появляется удивительная сердечность.

Никто его никуда — видит он — отсюда не гонит.

Наоборот, его по-настоящему любят.

Словно капризный ребёнок, он хочет в этом ещё, хотя бы разок, убедиться.

Хочет оставить что-нибудь, от себя, чтоб сделать приятное людям, которым верит он, от души, на память — «для дома».

Это может быть молниеносный, артистичный, чудный рисунок, сделанный, как обычно, на чём угодно и тем, что вовремя оказалось под рукой, и даже, порою, при отсутствии рисовальных принадлежностей, например, вином, окурком и пеплом.

Это может быть и рассказ, очередная байка из несуразной, но полной разнообразных событий, фантастической, феерической, многозначной, фантазмагорической, сюрреальной, абсурдной, сказочной, легендарной, былинной, мифической, так уж, видно, сложилась она, героической зверевской жизни.

А рассказчиком Тимофеич, как по-свойски, по-дружески, ласково, мы его иногда называли в наши давние времена, между тем, был отменно хорошим.

Помню я множество рассказанных им под настроение историй.

Ну вот, например, такую.

После прошедших с небывалым триумфом, — глубоко поразивших, да что там, буквально потрясших всю Европу, а за нею и весь мир, прогремевших и нашумевших широко, неожиданно, с размахом, и заставивших зарубежных знатоков и политиков призадуматься о судьбе не имеющего никакого отношения к официозу, настоящего русского, яркого, авангардного, разумеется, и гонимого в СССР, но упрямого, непокорного и живучего на удивление, несмотря на запреты, искусства, — персональных зверевских выставок шестьдесят пятого года, в Париже и где-то в Швейцарии, — власти наши забеспокоились.

Какой-то художник — из тех, непризнанных, неразрешённых, мутящих воду, мешающих спокойно и правильно жить, обормот, бродяга, пьянчуга, психопат, голодранец, нахал, тунядец, незнамо кто, может, антисоветчик ярый, или кто и похуже, предатель, например, интересов страны, и, похоже, выродок явный, и, возможно, тайный агент, и поэтому гад и засранец, — а смотрите-ка, надо же, ишь ты, — умудрился-таки прославиться, не у нас, а конечно, на Западе, и таких делов натворил непонятной простому народу неприличной своей мазнёй, что давненько уже не бывало в этой самой старушке Европе и подальше, за океаном, столько шума, со всеми их воплями и призывами их церушными, в пику нам, в защиту искусства!

Если он зарвался вконец, привести его надо бы в чувство!..

Навели, разумеется, справки.

Для властей это просто. Раз плюнуть.

Всё узнали — мгновенно.

И что же?

Ну и тип! Откуда — такой?

Сплошные приводы в милицию, и при этом в таком количестве, что даже видавшие виды работники МВД, глядя на весь этот балаган, только за голову берутся.

Бесконечные, регулярные, да к тому же ещё ни разу не оплаченные почему-то, игнорируемые сознательно, видно, штрафы из вытрезвителей.

Ну, милиция. Ну, вытрезвители. Это как-то понятнее, проще, по-народному, вроде, привычнее, чем какая-то заумь. Родное. Повсеместное, как ни крути. Ишь ты, гусь, мать его ети!

Всё бы так.

Да ещё и психушки!

Здесь уже — другая епархия. Или даже, заметим, область. Ну а может быть, и планета. Есть куда — упрятать, сослать, с глаз долой, со счетов списать. Расчу-

десные заведения! Медицинские учреждения! Хорошо, что психушки есть. Их в стране советов не счесть.

Если что, в запасе есть отличный ход!..

Что там Зверев, этот киплингковский кот?

Шагает, представляете себе, как и всегда, вдоль и поперёк, туда и сюда, с завидной лёгкостью перемещается, преимущественно в такси, а вовсе не на своих двоих или на общественном транспорте, по всей матушке-Москве, в любые концы столицы успевает заглянуть, причём не только в центре околачивается, но и на самых дальних окраинах, и даже за городом периодически бывает, рисует чуть ли не на каждом перекрёстке.

Да ещё и что-то, как выяснилось, давно сочиняет в стихах и в прозе — а вот это уже любопытно, и возьмём-ка его на заметку, и хотелось бы знать, что именно, поконкретнее, он сочиняет — может, лютую англосоветчину, или пасквили там какие-то, или всякую всячину прочую, отсебятину и бредятину, что никак, возможно, не впишется в рамки строгие самого правильного, утверждённого нашей партией, потому и родного, кровного, благоверного соцреализма?

Между прочим, не только с соотечественниками, что можно с натяжкой стерпеть, а когда терпение лопнет, хорошенько всё утрясти, процедить и отфильтровать, подвинтить, раскрутить, подмазать, и работать с таким знакомым и давно, признаться, привившимся до оскомины материалом никаких особых трудов не составит, — но и, заметьте, с иностранцами, и причём интенсивно, с большой охотой и, наверно, в своё удовольствие, как докладывают, общается.

От многочисленных, штатных и внештатных, усердно работающих советских осведомителей, верных, надёжных, проверенных на невидимом, скрытом фронте непрерывно ведущейся, важной для отечества, тайной войны, поступают о нём в соответствующие и почти всеисильные органы достаточно регулярные, но весьма и весьма любопытные, в основном почему-то полярные и во многом противоречивые, выражающие, тем не менее, убеждённое, личное мнение самых разных людей — о художнике и о творчестве странном его — постоянно, без перебоев, разрастающиеся, обильные, урожаем щедрым свалившиеся прямо в папки с делами, сведения.

Одни говорят, что это самый обычный псих, причём законченный псих, классический, так сказать, — а другие на полном серьёзе утверждают, что это гений, да не просто гений, и всё тут, а особенный, чистой воды.

Такого же твёрдого мнения — мол, гений, конечно, и всё тут! — придерживается, как выяснилось, давно уже и богема, и всякие собиратели произведений искусства, наши коллекционеры, среди которых, заметьте, немало солидных фигур.

И надо же, как бывает, — посмотришь разок на него, и только и остаётся, что молча рукой махнуть да коротко, по традиции, в сердцах, про себя, матюкнуться, — охламон охламоном с виду, так, босяк, алкаш, из народа, люмпен, что ли, ни то ни сё, и не то чтоб ни кожи ни рожи, рожа есть, да ещё какая, говорящая больше, чем следует, о нахальстве и самомнении, о давнишних пристрастиях к выпивкам, о таком, чего хоть отбавляй у любого, у каждой пивной, похмеляющемся с утра, чтобы днём по новой напиться, а потом похмеляться опять, откровенного забуддыги, — но вот какая загвоздка и вот какой парадокс — а выставки-то заграничные, в обход наших служб и законов, каким-то загадочным образом, но всё-таки состоявшиеся, его а не чьи-нибудь, выставки, на корню, говорят, раскупаются.

Пикассо, представляете себе, да-да, а ещё коммунист, называет — его-то! — лучшим рисовальщиком — ну, дела! — не какой-нибудь там страны, или даже, до-

пустим, Европы, или, хрен с ней, пускай Америки, но — ни больше ни меньше — столетия.

Западная, то есть вражеская, продажная, как известно, и лживая, не в пример советской достойной прессе, прогнившая, как и весь вшивый капитализм, купленная с потрохами денежными мешками, вредная, гнусная пресса пишет о нём вздохлёб.

Раз уж картинки его, что бы там ни было им намалёвано, хоть закаляки, чего-то, выходит, да стоят, причём, подчеркнём, в валюте, то налицо, безусловно, факт утечки валюты, которая, в общем-то, в принципе, могла бы пополнить существенно карман государства советского.

Надо, надо, товарищи, на него, на этого Зверева, внимательно поглядеть.

В высших, понятно, инстанциях.

Что он за зверь такой?

Поскольку живопись и графика имеют самое прямое отношение к культуре, то в Кремле и порешили: пусть всем этим занимается министр культуры, Екатерина Алексеевна Фурцева. Она толковая, грамотная, по-марксистски отменно подкованная, идеи вождей проводящая в культурную жизнь страны, дотошная, деловая, во всём сама разберётся — и сразу же обо всём доложит, без промедления, подходящей, поконкретнее, буква к букве, — туда, наверх.

Там, в случае чего, распорядятся.

Начали, конечно же, немедленно, не откладывая дела в долгий ящик, искать океанного Зверева по всей огромной Москве.

А его — нигде, ну нигде, куда бы вдруг ни на грянули, кого ни спросили бы, — нет.

Прячется, паразит, по обыкновению, — прячется.

Отсиживается, небось, у друзей, у своих собутыльников, — то у одних, то у других, то у третьих, то у четвёртых, у него их в запасе вдосталь, — и поди его там найди!

То и дело меняет места обитания, всякие лежбища, норы, схроны, пещеры свои.

Решили тогда Москву целенаправленно, тщательно, район за районом, прочёсывать.

Примерно ясно ведь, где искать — по мастерским художников, подвальным или чердачным, по некоторым квартирам, в которых он частый гость.

А обо всех остальных малоизвестных логовах и берлогах неведомых зверевских — стукачи непременно разношают и легко наведут на след.

Но найти злополучного Зверева, оказалось, — было непросто.

Почувств с ходу неладное, усилил он многократно свою обычную бдительность.

Так спрятался, так укрылся, что днём с огнём не найдёшь.

Наконец, после долгих поисков, застигли его врасплох, нагрянули, отловили.

Вежливо, но ледяным, отработанным так, что многих от него буквально трясло и бросало то в жар, то в холод, исключаящим все возражения, призывающим лишь к подчинению, или, жёстче, к повиновению, внешне вроде спокойным тоном пояснили: в такой-то день и в такой-то час за тобой, за твоей персоной, дружок, по твою, брат, душу, приедут — и доставят, куда полагается, для начала — к самой государыне Екатерине Третьей, свет Алексеевне, матушке нашей, всея культуры владычице, всемогущей, всевластной Фурцевой.

Не вздумай, гад, улизнуть: найдём и по всей строгости, как мы это умеем делать, по полной программе, накажем.

Как ни крути, как ни верти, но предстояло, выходит, свидание, да какое, — такое и не приснилось бы ни в страшном, ни в добром сне, и наяву не пригрелось бы, — с министром советской культуры.

Как предстать, себя сохранив, отстояв свои убеждения и оставшись самим собою, вопреки любым провокациям, — перед властью, в лице министра, пусть она и женщина, явленной, да пред ясны очи её?

Как же выйти из положения?

Дело, братцы, опасное: связь, безусловная и доказанная, запрещённая и наказуемая, вплоть до лагеря, до тюрьмы или ссылки, да всяких судов, да мучений сплошных, — с границей.

Формализм, который по всей стране совсем недавно громили.

Да мало ли что ещё собрано здесь, выходит, нитка к нитке, виток за витком, в одном, неведомо кем смотанном лихо, с подвохом, спутанном, бестолковом, подсунутом вдруг судьбою или кем-то другим, чтобы нынче попытаться его размотать, бедою грозящем, роящем страданья, погибель сулящем, в грядущем сомненья таящем, нелепом, как соцреализм, бредовом, как мир окружающий, абсурдном, как путь к коммунизму, где ждут нас одни катаклизмы, увиденном трезво сквозь призму опасности, жутком клубке!..

Зверев стал — напряжённо думать.

И, конечно же, кое-что, как всегда с ним бывает, — надумал.

Помогли ему, или, уж если выражаться прямо и просто, крепко выручили, спасли, — в молодые бурные годы с пониманием им воспринятое от художника Васи-фонарщика, а солидней — Василия Яковлевича, знаменитого нашего Ситникова, великого педагога и, без тени малейшей сомнения, выдающегося, прирождённого, это правда, гипнотизёра, юродство — древнейший русский способ самозащиты, а также — природная зверевская, тамбовская, видно, смекалка, и мужицкий, от почвы, недожинный, с парадоксами, с вечной самостью, на путях земных и небесных, и в быту, его ум стержневой.

Сюда же следует отнести и врождённый, временами просто фантастический, — приходится, говоря о Звереве, повторять именно это слово, но лишь оно и выразит наиболее точно то, что в герое действительно было, — грандиозный его артистизм.

Готовясь к визиту грядущему, облачился Толя, сознательно, из любви к артистизму, но ещё — из любви к парадоксам, и, конечно же, из озорства, в то, что похуже выглядит, короче — во всякую рвань.

Понаделал побольше дыр — может, вспомнил о скульпторе Муре? — или, может, себе представил наше русское решето? — понаделал так много дыр, где возможно только их сделать, где нашёл для этого место в захудалой своей одежде, что, казалось, в нём пробудился крепко спавший дотоле дизайнер, да ещё и сверхсовременный, ультралевый авангардист.

Лил себе за пазуху водку, не жалея сорокаградусного приснопамятного напитка, щедро, чтобы покруче пахло.

Штаны надел хоть и английские, но настолько и так вызывающе испачканные, измазюканные, ухандоканные вконец в процессе творческом радужными, павлиньими, пёстрыми красками, что у любого, со стройки, занюханного маляра слеповка рабочая выглядела неизмеримо лучше.

Щетину не брил специально: пусть в глаза бросается сразу же, точно дыбом вставшие иглы у рассерженного ежа.

Волосы лихо взлохматил: пусть торчат себе во все стороны. Подаренные недавно коллекционером Костаки, «дядей Жорой», как он его по-приятельски называл, Георгием Дионисовичем, как звали его другие, новёхонькие, скрипучие, как раз по ноге, ботинки, поразмыслив, решительно снял.

Изыскал где-то старые, ветхие, из начала века, возможно, прохудившиеся галоши, здоровенные, прямо клоунские, размеров на пять побольше, чем его привычная обувь.

Ноги, сняв носки, обернул советскими, всем знакомыми, центральными, то есть партийными, как на подбор, газетами, в несколько плотных слоёв, — да так это сделал художественно, что даже издали можно было, при желании, прочитать, — где «Правда», а где «Известия».

Соорудив из газет этикие бумажные, многослойные, с головоломкой шрифтов и названий статей, портянки, надел цирковые галоши и стал терпеливо ждать, когда же за ним приедут.

Приехали вскоре за ним на чёрной бесшумной машине вежливые, спокойные люди в шляпах и в серых, неброских, но добротных, длинных плащах — и повезли его напрямик к пребывавшей где-то на кремлёвских высотах власти, в далеке самом дальнем, Фурцевой.

Благополучно прибыли куда полагалось, — на место.

Зверев спокойно вошёл в кабинет министра культуры.

Фурцева тут же, с деланной, условно-любезной улыбкой, — шагнула к нему навстречу.

И — сразу же — онемела...

Перед ней — что за бред? — стояло — что за вид? — натуральное чучело.

На странной фигуре вошедшего был надет пиджак, но какой-то не такой, как надо бы, — густо, даже слишком густо усеянный сплошными, вплотную идущими, одна к другой примыкающими, разнообразными дырами, ну прямо как решето, с порванными карманами и грязными, смятыми лацканами.

Штаны на вошедшем были так густо измазаны краской, что непонятно любому, кто ни взглянул бы на них, становилось — материя это или грубая мешковина, или ещё что-нибудь, но вот что — да кто его знает!

Ноги вошедшего были всунуты в преогромные, клоунские, похоже, старые, даже древние, прохудившиеся галоши, оставляющие на паркете отпечатки мокрые рубчатые, и туго, на совесть, обёрнуты сделанными из газет какими-то, вроде, портянками.

На одной ноге, приглядевшись, прочитала Фурцева: «Правда», — многократно и виртуозно повторённое и размноженное название столь знакомое родной, любимой газеты, главного в государстве нашем печатного органа коммунистической партии, на другой ноге прочитала — сплошным шрифтовым эхом продолжающееся название, тоже близкое сердцу, — «Известия».

Под пиджаком у вошедшего в кабинет министра высокий красовались две разных рубашки, обе — швами наружу, причём были выпущены свободно почему-то поверх штанов.

Верхняя рубашка была, хоть и грязноватая, но белая, ну а нижняя, почище, — красная, и ещё из-под неё выглядывала синяя линиялая футболка.

Налицо, как видим, были все цвета нынешнего нашего, российского, флага лет сплошной свободы, триколора.

Выходит, Зверев о своей принадлежности именно к России, о прямой своей связи, кровной, духовной, гражданской, с Россией, ещё в середине шестидесятых не просто позаботился, но перед самим министром культуры тогдашним, по существу, в открытую, декларативно, заявил.

Даже здесь его звериное чутьё безотказно проявилось — и сработало!

Даже в этом он, получается, настоял на своём. Внутренне, что по тем временам уже много и достойно похвал, — победил.

От самого невероятного из всех, кого ей пришлось повидать на веку своём, на посту своём, посетителя — так невозможно пахло, что Фурцевой стало дурно.

— Вы кто? — прикусила губку и слабо спросила она.

Толя вскинул тогда на дамочку, на Екатерину Третью, на министра всея культуры, ангельски кроткие, карие, с поволокою влажной, глаза — и скромно ответил:

— Я — Зверев!

Потом достал из-за пазухи сложенную в несколько раз газету «Советская культура», неслашно развернул, громко в неё высморкался, так же неслашно свернул и положил обратно.

Это решило всё.

Фурцева что-то вдруг поняла.

Может быть, поняла.

Вернее, интуитивно почувствовала, что этого человека ничем не прошибёшь.

Она отступила к столу, на котором громоздились афиши зверевских выставок, каталоги и образцы западной прессы, приготовленные с определённой целью — в нужный момент показать на них и гневно спросить: «Что это такое?»

Но Фурцевой было не до разборок.

Её мутило.

Зверевский, звериный, чудовищной крепости, запах — волной прокатился по кабинету и настиг министра культуры.

Пусть она и была, как поговаривали, женщиной пьющей, — но такого букета выдержать не могла.

Участливо глядя на Фурцеву, Зверев снова полез за пазуху, за «Советской культурой», намереваясь высморкаться.

Фурцева бессильно опустилась в кресло.

Проработка не состоялась.

Что за гипнотическая сила исходила от невозмутимо стоящего посреди кабинета художника?

— Идите, идите! — только и сказала Фурцева. — Всё хорошо. Идите с Богом!..

И томно махнула ручкой.

Зверев невозмутимо повернулся и вышел.

— Ну что? — спросили его вежливые люди, дожидавшиеся в коридоре, — доигрался?

Зверев победоносно взглянул на них:

— Сказала, что всё хорошо. Чтобы шёл с Богом. Не верите — спросите. Она подтвердит.

Из кабинета донеслось характерное бульканье наливаемой в стакан жидкости.

Потом раздался облегчённый вздох и прозвучало самоуспокоительное:

— Всё хорошо!..

Граждане, караулившие у дверей, обалдели.
Зверев достал из-за пазухи «Советскую культуру» и смачно высморкался в неё.
Назидательно поднял палец:
— Вот так! Всё у меня хорошо. А теперь везите меня домой, в Свиблово-Гиблово. Я иду. С Богом!..

...Закончив рассказывать, Зверев похохатывал.

Рука его тянулась к карандашу.

И вот на случайном листке уже мчалась куда-то в пространство ускользящая от погони лошадка. В яблоках.

(О художник!

Что будет потом?

...Зверев поднял глаза и вздохнул: «Вот, пришлось зарости бороною. Миллиейский недавний разгул обернулся, как видишь, бедою. Зубы выбиты. Печень болит. Еле вправила челюсть врачиха. Тот, кто не был, как следует, бит — не поймёт застарелого лиха». Ухмыльнулся: «А всё же — живой. Волк тамбовский, люблю я свободу, пусть с разбитой не сплю головой, и дышу — никому не в угоду. И меня не сломаешь, пойми, я не те ещё видывал виды, — потому и брожу меж людьми, не держа на безумцев обиды». Акварель — что похуже — достал, выбрал кисти — из тех, что пошире, — и разбуженный лист засверкал в невесёлом и пасмурном мире... Сколько было радений ночных, и бесед, и случайных застолий! Сколько встреч — невозвратных, земных, — я в душе сохранил, Анатолий! Кем ты был — это ясно сейчас даже тем, кто глумился, бывало. Ну а скольких восторженных глаз оголтелая мгла не скрывала? Ты лежишь под тяжёлым крестом, чашу жизни испивший в печали, всё оставивший нам — на потом, чтобы чудо в лицо узнавали).

Марк Иоффе

КАФЕДРА В ГОРОДЕ ЭНН: ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЕДШЕЙ ЭРЕ

(продолжение. Начало в №10/2016)

Глава 4

Вторым редактором в издательстве Руссика служил Сережа Петрунис. Он был поэт, модернист и прямая противоположность Саше Сумеркину.

Для Сумеркина поэзии после Цветаевой не существовало. Он считал, что писать стихи больше не нужно, ибо лучше уже не скажешь. Поэзию он по-настоящему прощал только Бродскому. Над всеми другими поэтами, включая своего старого друга Сережу Петруниса, он подсмеивался, но, тем не менее, поспособствовал изданию книги стихов Петруниса — *Иероглифы*, пожалуй единственной книги поэзии, на выпуск которой Саша согласился за годы своего редакторства, не считая конечно Цветаевой...

Если Саша был голубым, эстетом, меломаном и полуаскетичным минималистом в личном быту, то Сережа был поистине раблезианским персонажем: он был похож на флибустьера из фильмов про карибских пиратов, - шумным, остроумным, бесшабашным пьяницей, обжорой и красочным бабником.

После работы, гуляя по барам Нью Йорка мы с ним часто попадали в разные, порою совершенно фантастические переделки.

Сережа был великолепно начитан и отличался тонким литературным чутьем и вкусом. Он очень щедро делился со мной своими литературными познаниями и, странным образом, с интересом выслушивал мои юношеские суждения и вообще любил проводить со мной время, несмотря на разницу в 18 лет. Он был также сведущ в музыке и в живописи.

Оба наших редактора, при всем их различии, мне очень нравились. Пользовались они и большим уважением в русской литературно-художественной богеме. В Руссику пообщаться с ними, да и обсудить дела с Кухарцом, стекался весь цвет богемы того времени: приходил приветливый и веселый Юз Алешковский, один из авторов Руссики, — издательство только что выпустило его приключенческий, смешной и страшный роман *Рука*.

Приходил, бывая в Нью Йорке, проездом из Энн Арбора, поэт и литературовед Лев Лосев.

Заходил пообщаться с Сумеркиным и сам Иосиф Бродский, и они о чем-то тихо шушукались у Сашиного стола, а потом уходили, либо в кафе, либо к Бродскому. Они работали вместе над редактурой стихов Цветаевой, и Саша, к тому же, переводил стихи Бродского с английского на русский.

Приходил мускулистый усач Геннадий Шмаков, тоже голубой эстет, литературный историк и специалист по балету, написавший по-английски биографию Михаила Барышникова, а потому вхожий и к самому Барышникову. Саша Сумер-

кин, кстати говоря, тоже был вхож к Барышникову, он рассказывал нам с Сережей, простым смертным, кого он видел на вечеринках у танцора.

Позднее Шмаков стал преподавать русскую литературу у нас в Куинс Колледже. Сумеркин его, собственно, недолюбливал, хотя я и видел как они прощаясь, целовались взасос. Однажды мы ехали с пьяного пиршества в такси с Сашей и блестящей переводчицей с русского языка Джеми Гамбрелл (она не так давно перевела роман *Лед* Владимира Сорокина) и Саша, что случалось редко, критиковал Шмакова: «Ты понимаешь, говорил он Джеми, я не могу относиться всерьез к Шмакову — он такой скупой, просто жмот. Ведь не бедный, а за копейку удавится, это странно, особенно для пидараса...»

Позже Сумеркин опишет Лимонову кошмарную смерть Шмакова от СПИДа, и Лимонов об этом поведает в своей *Книге мертвых*.

Заходил к нам и другой блистательный русский, из голубых, пианист Костя Егоров. Он был молод, изящен, элегантен и артистичен. Он был всегда облачен в какие-то невероятно крутые одежды, которые покупал в своей Голландии. С ним Саша тоже целовался на улице в засос.

Они все были в какой-то степени любовники. Другой их голубой приятель, актер Лев Вайнштейн, тоже приходил в Руссику. Он помогал Саше в редакторских делах, кажется, вычитывая гранки. От него я в первые услышал имя замечательного русского писателя, жившего тогда в Израиле Юрия Мирославского, книгу которого *Собирайтесь и идите*, он очень хвалил. Книга действительно оказалась потрясающей, как и вообще всё творчество Мирославского, позже приехавшего к нам, в Мичиганский Университет, в аспирантуру, где мы с ним подружились.

Одним из самых красочных персонажей заходивших в Руссику был художник Михаил Шемякин. Каждое его посещение было Явлением. Он никогда не ходил один. Он появлялся с антуражем, состоящим из людей которые выглядели, как казаки, кавказские горцы. Их всегда было несколько, не менее четырех человек, сопровождающих сверхзнаменитого художника - то ли ассистентов, то ли телохранителей. Один из них, полный, бородатый, стриженный под горшок персонаж, был похож на казацкого урядника. Увидев его сперва, я решил, что он - «антисемитская морда». Оказалось, что это художник Женя Есауленко, достаточно известный, милейший и приветливейший человек. Он, кажется, выполнял при Шемякине обязанности художественного секретаря.

Сам Шемяким был всегда обряжен в черное, включая маленькую шапочку на голове. Костюм его был сложным и напоминал нечто среднее между боевым кавказским облачением и комбинезоном американского спецназовца. На груди его то ли кителя, то ли гимнастерки висели неведомые ордена, или же эту грудь украшали газыри. На шее и на лице у Шемякина часто были свежие шрамы, как бы от удара шпагой или кинжалом. Как правила они были заклеены пластырем, но иногда - без. Указывая глазами вниз, Сумеркин таинственно улыбался, давая понять, что они связаны чем-то запретным, видимо сексуальным...

Костюм Шемякина также являлся прямым свидетельством его меню. Глянув на грудь его кителя, можно было сказать, чем их «превосходительство» изволило завтракать или обедать: на клапане кармана пристал кусочек яичка, на воротнике угнездился сурок, на рукаве застыла алая капля томатного соуса, а за пояс зацепилась рыба кость.

Шемякин приходил и покупал сразу очень много книг. Мы их упаковывали в ящики, и его «антураж» уносил их с собой. У Шемякина в Руссике был кредит, он

с ней вел какие-то дела. Разговаривать с ним я предоставлял «взрослым», Саше и Сереже, и они болтали, в основном, о литературе. Ничего запоминающегося, больше - о том - где и когда что -то новое вышло и как бы его получить.

Из старой гвардии к нам приходила сама замечательная, пожилая, но по-прежнему очаровательно живая (до сексапильности) писательница и профессорша Принстона Нина Берберова. Да-да, та самая, которая была женой Владислава Ходасевича, автором многих знаменитых книг.

Саша и Сережа работали с ней над рукописью ее автобиографии *Курсив мой*. Берберова была остроумна, очень любопытна к людям и - даже к такому папану как я, с презрением отзывалась о своих коллегах — славистах, любила выпить. Сережа говорил, что когда он приезжал к ней домой работать над рукописью, она сразу же выставляла шампанское, которое очень любила. После этого работать было очень трудно, но подавать виду было нельзя, ибо не могла же пожилая сученькая дама переписать «карибского флибустьера»...

Оказывается могла, Сережа говорил, что не раз он добирался домой от нее практически «на рогах...»

Ну и конечно, самым замечательным, с моей точки зрения тех лет, да и, пожалуй и по сей день, посетителем Руссики был Эдичка Лимонов.

Лимонова я обожал, ему я поклонялся. Я хотел быть Лимоновым... Ну не во всех аспектах... но во многих он мне очень импонировал.

Об этом в следующий раз.

Глава 5

В те времена, в 1979-80 году в русскоязычной эмиграции не было человека более известного, вызывающего больше споров, противоречий и эмоций чем Лимонов.

Конечно Бродский был, бесспорно, очень известен, и его слава уже становилась международной и вышла за пределы эмигрантского гетто.

Солженицын, конечно, был всемирно знаменит, но он жил анахоретом, небожителем - где-то на вермонтском Олимпе, и для простых смертных не существовал.

Там же на Олимпе были Ростропович, Барышников, Шемякин.

Александр Глезер, знаменитый коллекционер современного русского искусства, создатель музея современного русского искусства в Джерси-сити, издательства и журнала Третья волна, был лицом известным и нередко к нам в Руссику заходил. Это был небольшого роста человек в красивых костюмах с лицом привлекательным и порочным, как у римского патриция.

Сергей Довлатов, конечно, был популярен в эмиграции и знаменит, несколько скандально, - своим редакторством в еженедельнике «Новый американец», который открыто враждовал со старейшей и популярнейшей русской газетой Америки — «Новым Русским Словом».

Журналисты и культурные критики Александр Генис и Петр Вайль, известные, в те времена, как «двое с бутылкой», с доброй руки Андрея Седых главного редактора Нового Русского Слова (с которым они неистово враждовали, принадлежа к довлатовскому лагерю), тоже были широко известны в эмиграции.

Писатель Саша Соколов, тихо живший в Вермонте, был прославлен своими романами «Школа для дураков» и «Между собакой и волком».

Лимонов, однако, в тот период был совершенной сенсацией. Ничье имя не вызывало такого количества противоречивых и экстремальных мнений, как имя Эдички Лимонова. Это произошло после выхода его блестящего автобиографического романа Это я, Эдичка.

Сперва, в 1979 году, Ардис в Мичигане выпустил сборник его стихов Русское. Сборник прошел незаметно, но знатокам, - таким, как Саша Сумеркин и Сережа Петрунис, стихи Эдички очень понравились. Потом Сумеркин решил издать Эдичку, конспиративно, не от издательства Руссика, а в вымышленном издательстве Глагол, которое за все время издало только два романа, оба лимоновских — «Эдичку» и Дневник неудачника.

Сереже Петрунису ни «Эдичка», ни сам Лимонов не нравились, хотя поэзию его он уважал. Лимонова он иначе, как Лебезятниковым или Свидригайловым не называл.

Сумеркин же, помимо своей искренней симпатии к личности Лимонова и уважению к его писательским достоинствам, был рад использовать «Эдичку», как культурную провокацию — не только для того чтобы растормошить и возмутить обывательскую эмигрантскую среду, но и для того, чтобы лишить русскую литературу ее ханжеской и нескладной «невинности» в отношении ко всему, что касалось проявлений «телесных».

Тут Сумеркин добился своего, ибо, после «Эдички», больше так нескладно и нелепо писать о плотском, как писалось до него было невозможно. Более того, «Эдичка» и Сумеркин здесь одним выстрелом убили двух зайцев: во-первых, Лимонов показал, как нужно и как можно писать о сексе, во-вторых он показал, что секс бывает всякий и самый разный: гетеросексуальный, авто-сексуальный, гомосексуальный. Лимонов был первым в русской литературе, да что там литературе, - в русской культуре сексуальным гуманистом: до того, как русские узнали имя Вильгельма Райха с его теорией оргазма и сексуальной революцией, Лимонов сказал нам, что любой секс хорош, и что нет такого явления, как извращение, и что нельзя требовать от людей, чтобы они провели всю свою жизнь «лежа в миссионерской позиции». По Лимонову секс должен быть столь же разнообразен, как и сами люди, и делаться без стыда и стеснения, а с радостью и интересом.

Сейчас это звучит, как прописная истина, но в 1979 году секс, описываемый Лимоновым был неслыхан! Сцены им описываемые были невероятны до шока, до оскорбительности.

Русские газеты и журналы разделились на два лагеря — тех, что проклинали и клеймили Лимонова на все лады и тех, кто поддерживали его. Раздел между этими двумя лагерями был, конечно, глубже и уходил в вопросы, как политические, так и эстетические и начался еще до выхода «Эдички».

Но роман Лимонова подлил масла в огонь и способствовал дальнейшему размежеванию этих двух эстетических лагерей, о которых я подробно расскажу позже.

Среди не богомной, но образованной эмигрантской среды, имя Лимонова тоже вызвало споры. Но, в целом, консервативная эмигрантская публика, в основном инженеры и компьютерщики, сочли роман Лимонова чуть ли не буквальным оскорблением себе, особенно своему мужскому достоинству.

А плюс к тому же, Лимонов невежливо высказывался в романе о кумирах политизированной эмиграции — о Солженицыне, о Сахарове, о прочих диссидентах. Такого простить скандальному писателю уже было нельзя — народ не был привычен мыслить плюралистически, хотя Довлатов в Новом американце призывал к

этому. Но надо сказать, что и он, призывая к терпимости и плюрализму, сам проявлял те черты, против которых пытался бороться.

Но даже за этот его доморощенный гуманизм, ему доставалось в русской прессе, да и от самих читателей.

Группа какой-то самозванной «русской интеллигенции», кажется, состоящая, в основном из инженеров и компьютерщиков, создала неофициальный «Комитет по уничтожению Лимонова». Целью одного, кажется, была травля писателя, создание условий, при которых он не будет издаваться и критики не посмеют упоминать его имя. Результатом подобной травли должно было быть изгнание Лимонова из Америки. Так оно и произошло, через год другой Эдичка уехал в Париж, где он стал знаменитым писателем.

Богемная часть эмиграции выступала, зачастую, за Лимонова. Сильнее всего в защиту его высказались знаменитый тогда нео-футурист, писатель, поэт, издатель грандиозной антологии самиздатской поэзии Костантин Кузьминский и поэт, учившийся тогда в моем Мичиганском университете, Алексей Цветков.

Кузьминский замечательно сказал тогда в статье, которая, кажется, вышла в Новом американце у Довлатова, что «Эдичка» — это самое чистое, что было создано современной русской литературой, а что «эти носороги» (используя известный эпитет Владимира Максимова, созданный для противоположных нужд) с ним сделают...

Сумерки добавлял: что «Эдичка» это не только самое чистое произведение русской литературы того времени, но и самое честное — в романе все - абсолютная правда.

И это, правда; позже, мне посчастливилось встречать нескольких персонажей описанных в романе, и они все подтвердили полную правдивость Лимонова.

Оказалось, например, что дочка моей профессорши-«старушки» Веры Григорьевны Данэм была нелюбимой описана Лимоновым в романе. «Старушка» сама мне об этом рассказала. Она сказала — «Я, конечно, могла бы подать в суд, могла бы потребовать устранения этих глав из книги. Но я считаю, что то, что пишется, то должно печататься, если конечно это не клевета. То что пишет Лимонов, к сожалению, не клевета, как мне это и ни больно»...

«Я за — абсолютную свободу печати...» — сказала Вера Григорьевна.

Или однажды, совершенно случайно, на улице, я познакомился с одним симпатичным персонажем из «Эдички» по имени Эдик Брут. Эдик подтвердил, что все что связано с ним в романе совершенная правда. О нем Лимонов писал лестно.

Лимонов был явлением освобождающим — в русской культуре того времени — не только потому, что он внес в нее новую сексуальную эстетику и моральное расслабление, с ней связанное, но и потому, что он создал образ (на своем примере и подобии) нового современного русского писателя, образ в те темные времена почти не виданный. В те времена в традициях великой русской литературы и соцреализма считалось, что писатель должен вещать истины, заступаться за униженных и оскорбленных, обличать, кидаться на штыки, «жить не по лжи», быть примером скромности, благородства, морали, светочем для всех несмышльнейшей у его ног, которых он учит и ведет в некое правильное место. И тут появился Лимонов, и посвятил роман себе, своей боли, своей потере, своей любви, своему пенису, своей заднице, своей политике, своему Нью Йорку. Он никуда не звал, он никого не учил. Он говорил о личном, болезненном, интимном - с невероятной в те времена искренностью и открытостью.

Кроме того, когда пришла известность, он ею искренне наслаждался, он был тем современным писателем, каким является почти каждый мало-мальски успешный западный писатель, который занимается само-промоуверством, само-популяризацией, само-рекламой. Поэтому Лимонов был столь неприятен даже глубокому и мудрому Сереже Петрунису.

Невероятно цинично звучали в те времена слова, приписываемые Лимонову: «мне все равно, что обо мне говорят — плохо или хорошо, лишь бы говорили!»! Русские писатели так не говорили в те времена. Эта была полная анафема.

Оно и по сей день русскому художнику в России в упрек ставится самореклама: вспомните сколько крику было даже среди либеральной интеллигенции, сколько упреков было по поводу Пусси Райот, мол, устроили себе саморекламу — пусть отвечают, или - «да это ж они ради саморекламы»; коли так, то они - «продажная лакшевка» и стыд им и позор. Так же пытались говорить и про Петра Вавленского, но только с ним не поспоришь. В чем, в какой саморекламе можно обвинять человека, прибывающего гвоздем мошонку к бульжной мостовой?..

А в те далёкие поздние 70-ые годы, за то, что натворил Лимонов, полагалось убивать, и поэтому созданся «Комитет по уничтожению Лимонова».

Лимонов же, тем временем, наслаждался скандалом: читал лекции по университетам, ездил на конференции, перетрахал армию американских слависток, и продолжал писать все лучше и лучше.

Когда он приходил к нам в Руссику, это было, как визит рок-звезды:

Дэвид Даскал забегал в мой угол и с горящими глазами, оповещая: Лимонов пришел! Я скромненько выдвигался в центральный зал магазина, где, в окружении хозяев и Сумеркина, стоял и шутил знаменитый автор. Он был таким же, как на известной фотографии на обложке «Эдички»: вихрастый ладный молодой мужчина в больших очках, одетый так, как можно было ожидать от Лимонова, судя по его рассказам о самом себе. Фасон его одежды лишь маргинально относился к моде того времени. Обычно он был в узких обтягивающих черных джинсах, из-под которых торчали острые носы ковбойских сапог. На нем был яркий, тонкой материи пиджак без подкладки, на одной пуговице и с узкими лацканами, как это было модно в те годы. Лацканы могли быть подняты. Под пиджаком была либо черная футболка либо цветная рубашка с тонким, по тогдашней моде, галстуком. Рукава пиджака были засучены, опять-таки по тогдашней моде.

Красивым Лимонова назвать было нельзя, лицо его было слишком бабьим, но он был очень живой; было видно, как интересно ему жить, интересны люди, и сам он себе был очень явно интересен. И этот интерес к себе, к своим реакциям на окружающую жизнь, зажигали и привлекали. Он далеко не был скромненьким, но не был и высокомерненьким. Он был явно талантлив, и талант этот проявлялся в банальнейшей повседневности, как это было в жизни, насколько я помню, - с Высоцким, а теперь с рок-звездой из Гоголь Борделло, Евгением Хютцем.

Что меня всегда сильно привлекало в Лимонове, это то, что он очень великолепно матерился. Его матерная речь была его нормальной речью, очень естественной и плавной.

Впрочем в Руссике мы все матерились очень красиво. Мы, собственно, иначе и не разговаривали друг с другом. Собственно, вся русская богема в Нью Йорке сделала мат частью своей повседневной речи. Мы и по сей день иначе не говорим между собой.

Но в литературу первым это, конечно, внес Лимонов и научил с легкостью и простотой пользоваться матом, выражая абсолютно все мысли, в том числе - самые нежные и трогательные.

И в тоже время у Лимонова было одно неожиданное качество, которое почти противоречило всему его облику, образу и эстетике: у него напрочь отсутствовало чувство юмора. Он был на удивление неостроумен. То есть, он шутил и смеялся чужим шуткам, и метко материл общих знакомых, но в целом, его отношение к бытию было не ироническим, юмористическим, а чрезвычайно драматическим и даже - трагическим. Особенно, в отношении к самому себе.

Видимо, Лимонов знал это про себя и поэтому его тянуло к таким великолепным остро-умникам, как покойный Сергей Курехин или Сергей Жариков. В том, что в дискурсе Нацболов много шикарного остроумия, это, видимо, не заслуга Лимонова. Хотя, конечно, он дал и поддержку и платформу чужому остроумию.

Глава 6

Дни работы в Русике складывались из некоторого количества собственно работы, расставки книг на полках магазина, упаковки их в посылки для заказчиков, помощи редакторам с библиографиями и сносками, и из некоторого количества остроумного трепа с редакторами и посетителями. А к вечеру это часто переходило, как-то вполне естественно и незаметно, в небольшое питейное приключение, которое могло, иной раз, перерасти в приключение совершенно феерическое.

Под вечер, иной раз, щедрые Кухарцы приносили пиццу и недорогое красное вино, что только раззадоривало наши аппетиты. Подогретые мы втроем выползали на улицу и отправлялись по барам. Сумеркин, правда, с нами долго не ходил, за ним в бар обычно заходили его «голубые», Шмаков или Егоров, или какие-то другие молодые красавцы, и они уходили по своим «голубым делам».

Иногда Сумеркин пытался нас совращать, особенно - в подпитии. Т.е., на Петруниса он давно махнул рукой и обзывал его «бабником», «размножителем» и «сексистом». Сережа соглашался, особенно с последним эпитетом: да, мол, я «сексист» — я за секс!

Мне же Сумеркин лепетал сладким голосом: «Хороший ты человек Маркуша, но не пидарас. Очко у тебя неразработанное, а это стыдно!»

«А, может, попробуешь?», — без особой надежды предлагал Сумеркин.

Я вежливо отказывался, ссылаясь на мой интерес к дамам.

«А вот этого я не понимаю, — говорил Саша, — Ну чего в них хорошего? Я вот был женат однажды, ну совершенно ужасная вещь...»

Однажды Сумеркин уговорил нас с Петрунисом отправиться в гей-клуб. Перед клубом, похожим на бункер стояла большая очередь голубых — в основном мускулистых крепышей, усачей, лысачей в кожаных штанах и белых майках. Изнутри клуба раздавалось монолитное молодецкое уханье, а через открывающуюся дверь было видно сплошную стену прыгающих на месте, как зулусы в боевом танце, потных чуваков. Мы с Сережей решили долго не стоять и отправились по барам искать других приключений, оставив Сашу со товарищи ждать, когда их пуస్తят попрыгать.

Помнится, та ночь закончилась весьма драматически тем, что мы каким-то образом нашли себя часа в три утра в стрип-баре на Бродвее, подле знаменитой в

те времена своими порно-сторами 42-й улицы. Теперь ничего этого уже нет, места все эти очищены от порнухи и проституции и заменены стандартными магазинами одежды и туристической фигни. А в те времена это место было ужасающим источником разврата или пропаганды оного. Реклама орала: живой секс на сцене! Бурлеск! Тройное шоу за 1 доллар 99 центов!

Зазывалы открывали перед вами двери в вертепы. Девы в высоченных сапогах сладострастно улыбались из недр стрип-баров.

Рано или поздно мы с Сережей уселись у какой-то стойки, на которой извивалась немолодая тетенька, заказали себе по пиву и тут же были обобраны до нитки, как полные лохи, каковыми мы и были, двумя, очаровательного вида, но весьма надменными, девами. Девы раскрутили нас на какую-то дико дорогую выпивку и, поняв, что это было все, на что мы были годны, оставили нас «униженными и оскорбленными...»

В другой раз Сережа, я, мой кузен Яша и Сережина возлюбленная Таня, американка сербского происхождения, студентка аспирантуры Колумбийского университета, прекрасно говорящая по-русски, красивая, статная, добрая, кроткая и безнадежно влюбленная в своего бесшабашного пьяницу-пирата-поэта, отправились искать приключений в маленькую Одессу, бруклинский русский район Брайтон Бич.

До сих пор мне не ясно, как нас там не убили в ту ночь.

На Брайтоне обычно убивают за малое. Типа: однажды мы с кузеном Яшей стояли в проулке за русским рестораном, где мы чего-то справляли и курили марихуану. Подошел чувак и сказал нам очень твердо: «А вот этого я не люблю. Погасите сигаретку, и чтобы я этого больше не видел». Мы совершенно опешили и послушались — чувак был очень страшный, и в голосе его была реальная жесьть...

Или, в другой раз, я, уже во взрослые годы, по работе покупал книги в русском книжном магазине Черное море на Брайтоне. Покупал я много книг, для университета, и помогали мне несколько продавцов, снимая книги с полок и укладывая их в коробки. Вдруг подходит ко мне чувак, глаза из орбит вылезают, брызгает слюной и говорит: «Я, блин, сука, за тобой, блин, давно, блин, наблюдаю. Ты чо, думаешь ты самый тут важный, чо тебе, блин, все должны служить? Я тебя, блин, суку, буду ждать на улице, тогда поговорим какой ты важный!»

Я от этих речей несколько приуныл, но продолжал свое дело, а когда вышел на улицу ловить такси, чувака, на счастье, уже не было...

Или, в другой раз, мы с кузеном Яшей и нашими подружками сидели в пивном баре Гамбринус на Брайтоне. Лена, подружка, Яши положила свои красивые обнаженные ноги на соседний стул. Подходит к нам чувак, крепкий такой, маленький, берет ее ноги и твердо, но ласково убирает их со стула. Мы с Яшей обалдели и закудахали чего-то типа: «Вы чего это? Чего девушке ноги нельзя положить на стул?»

Чувак глянул на нас — а в глазах неимоверная жесьть и процедил: «Так не надо. Мы этого не любим...»

Мы подбежали за поддержкой к нашему знакомому — популярному исполнителю блатных песен и романсов Мише Гулько, ради которого мы притащились в этот гребанный Гамбринус, и Миша сказал: «Вы ребята лучше идите в другое место. Народ тут жесткий, убивает за меньшее...»

Взяли мы наши ноги и быстренько ретировались.

То есть, я хочу сказать, что нам в ту ночь с Сережей Петрунисом в русском ресторане Приморский на Брайтон авеню, воспетой Довлатовым, повезло.

Мы приехали туда уже в поддании. На сцене играл известный, в те времена - единственный на Брайтоне русский бэнд из Израиля «Четверо русских».

Они были бородатые, в белых костюмах и играть умели, хотя играли какую-то советскую поп-гадость.

Мы уселись подле бэнда, и вдруг началось: Сережа пошептался с официантом (типа: «Чувак, мы тут американку привели показать ей, как русские пируют») и на стол повалило — какая-то снедь дорогушая, жбаны с колой (колу подавали в кувшинах и без газа), водка, коньяк, еще - бес знает, что.

Тут мне приходит в голову мысль взять интервью у членов бэнда, типа, узнать об их музыкальной судьбе в русском зарубежье. Дождавшись перерыва, Сережа подзывает музыкантов, они подсаживаются к нашей водке, и мы начинаем друг другу петрить мозги; они нам о суровой судьбе художника, а мы, мол, расскажите, какие тут истории бывают. Выкушав много нашей водки, бородачи ушли играть. Таня захотела танцевать. Сережа танцевать напрочь отказался, сказавши, что это ниже его достоинства. Таня заплакала, тихонечко, как бы незаметно. Сережа ее и нас всех пытался залечить водкой.

Потом Таня пошла танцевать с Яшей. А потом со мной. Когда мы с ней танцевали подле нас танцевала симпатичная пара средних лет. Я, глядя на них, подумал: «Вот честные работающие эмигранты. Они тяжело работают и любят погулять в выходной, оттянуться в своей среде...», подумав так я им улыбнулся.

Чуть позже, когда я проводил Таню в уборную и возвращался к столу, мужичок, честный работяга, танцевавший подле нас, подошел ко мне и выдал: «Я, блин, сука, за тобой наблюдаю, так ты, гондон, думаешь, что ты тут самый важный, а я этого не люблю...» И в глазах у него была жесть... (У них на Брайтоне видимо были, а может и есть какие-то поведенческие каноны, в которые я, как полный лох, ну, хоть убей, не въезжал...)

Я вернулся к столику обескураженный и глянул на сцену, а на сцене Сережа вытанцовывал с одной из белокурых длинноногих певиц из бэнда. Я глянул на Яшу, и мы рванули к сцене устранять оттуда поэта-корсара до того, как несчастная Таня увидит сие зрелище и расстроится.

В ответ на наш порыв Сережа с певицей отбежали в глубь сцены и стали танцевать в обнимку «по грязному». А тут и Таня подтянулась назад к столику, все увидела и подобного поведения не вытерпело даже ее кроткое сердце - начались крики, слезы, оправдания.

Потом надо было как-то расплатиться с официантами. Как это осуществилось, не понятно; кажется, Сережа заплатил что-то около 160 долларов, сумма по тем временам немалая и превышающая его недельную зарплату в Руссике.

Одно было приятно, что танцор с суровой жестью во взгляде ушел домой со своей дамой, не замочивши нас.

Потом мы поехали через весь гигантский ночной город назад на Манхэттен, к Сереже и Тানে на квартиру, находившуюся на втором этаже замечательного особняка с балконом, выходящего на одну из красивейших улиц города — Ривер Сайд Драйв. Квартира была танина, как и все их домашнее благополучие, и принадлежала Колумбийскому университету.

По дороге с Брайтона Яша, сидевший, за рулем не мог тормозить на поворотах, ибо при торможении его сильно тошнило.

А меня тошнило без торможения.

Поэтому приехав к Сереже, нам понадобилось привести себя в порядок чаем. Мы бросили машину у дверей особняка, поднялись на второй этаж, где Сережа и я завели долгую беседу о существовании Бога и таинственной природе мироздания. Яша поддерживал мои идеалистические суждения, а Таня тихо плакала, поднося чай и закуску.

Уже светало, когда мы вышли на улицу: окно нашей машины было разбито, двери открыты настежь и из нее исчез мой новый черненый рюкзачок, в котором был мой любимый в то время свитер с лошадками и фермой, на нем изображенными.

«Ну и хорошо, что его украли», - сказал Сережа, когда я ему на это пожаловался, «Тупой был свитер Маркуша, я давно тебе хотел сказать об этом».

Одним из замечательных пиршеств времен моей работы в Руссике было Сережино сорокалетие. Это была одна из тех ночей, когда «не берут пленных» и когда вершатся судьбы. Там присутствовали все сливки русской богемы города. Но я мало, что помню, кроме самого конца вечера, когда мы, уже трезвея, сидели у стола с видом на балкон и пили чай. На полу лежала Ирина Кухарец и громко рыдала и стонала, но себя поднимать не позволяла. Мне она почему-то время от времени говорила со страданием в голосе: «Не смотри на меня Марк, не надо на такое смотреть»...

Сумерки тихо сидел подле, попивая чай и не обращал на происходящее никакого внимания, видимо ему это было не в первой. Мне было несколько неудобно. Я обратился к Сереже за объяснениями, и он сказал: «А это нормально. Так всегда бывает, когда она выпьет. Сейчас за ней придет Дэвид и заберет ее». Действительно, вскоре в квартиру поднялся Дэвид Даскал, совершенно трезвый и в костюме. Он присел к столу с нами, выпил немного водки, пошутил чуть-чуть, а потом соскреб Ирину с полу и повел к выходу. Уходя, она висела у него на плече и голосила: «Уууу зараза... Ну, за что мне такое? Ну, разве это жизнь? Приехал карлик лысый»...

Через день, в понедельник, на работе она была, как будто ничего не произошло, как, собственно, и все другие.

(продолжение следует)

Игорь Ефимов

ФЕНОМЕН ВОЙНЫ

(продолжение. Начало в № 10/2016)

2. Жажда сплочения

Значит, нету разлук, существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг в темноте обнимает за плечи,
и полны темноты, и полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою.

Иосиф Бродский

Она живёт в душах людей так же глубоко и неодолимо, как в рыбах, сливающихся в косяк, птицах, выстраивающихся в стаю, оленях, антилопах, зебрах, огромными стадами пересекающих снежные и степные пространства, пингвинах, сжавшихся в многосотенный живой круг под ветром Антарктики.

Вот бурная демонстрация, течёт по улице под морем плакатов и знамён.

Концертный зал, заполненный вопящими и раскачивающимися зрителями, вторящими своим кумирам с гитарами на сцене.

Горящие глаза телевизионной аудитории, собравшейся послушать откровения новомодного проповедника.

Длинные ряды лбов, упёршихся в пол мечети, и задранных к Аллаху задов.

Миллион паломников на площади перед собором Святого Петра в Ватикане.

Рёв стадиона, встречающего воплями болельщиков забитый гол.

Церковный хор, славящий Господа и дар жизни.

Карнавальные процессии в Рио-де-Жанейро, Новом Орлеане, Нью-Йорке.

Кавалькады мотоциклистов-байкеров, с серьёзными лицами разъезжающих по американским шоссе без всякой видимой цели, совершая ритуальное служение культу сплочения.

Какое это счастье — вырваться из тюрьмы своего одиночества, слиться с тысячами единомышленников, единоверцев, просто соплеменников!

Жажда сплочения может довести толпу до самоубийственного экстаза. Вспомнить только трагедию на Ходынском поле (1896), или всех погибших в давке на похоронах Сталина (1953), или те истории, когда спортивные болельщики обрушивают трибуны и гибнут под развалинами. На ежегодном поклонении в Мекке в давке гибнут десятки если не сотни паломников чуть не каждый год.

Вся история мировой цивилизации может быть представлена как цепь расширяющихся слияний. Сначала возникла семья, семьи сливались в роды, кланы, фратрии (у греков), курии (у римлян). Затем несколько фратрий образовывали филу, несколько курий — трибу. Венчало этот процесс возникновение племени, а союз племён создавал фундамент для того, что мы сегодня именуем государством.

«В сплочённости — сила». Эту истину люди знали и исповедовали с начала веков. Слаженные усилия строителей каналов и пирамид, непобедимость греческой фаланги или римской когорты, стойкость Наполеоновских каре, сокрушительные атаки казачьей конной лавы, грозная вереница многопушечных фрегатов символизируют в нашем сознании важность и победную эффективность высоких уровней сплочённости. Но эти уровни так часто достигаются внешними приёмами — строевой муштрой, трудовой дисциплиной, угрозой наказаний, лишением пайка, — что мы склонны забывать — не замечать — внутреннего импульса человека к сплочённости и солидарности с другими.

Между тем импульс этот обладает необычайной силой. Жажда свободного самоутверждения и жажда сплочения вечно противостоят друг другу в душе человека. Чтобы вступить в тесный союз с единоверцами, соплеменниками, идейными соратниками, я должен отказаться от многих дорогих мне свобод. И наоборот, следуя порыву к реализации индивидуальной свободы, я навлекаю на себя гнев и отчуждение тех, кто ждёт от меня подчинения клановым правилам и нормам.

Неужели нет выхода из этой вечной дилеммы?

Оказывается, есть. Если жизнь столкнёт меня с каким-то союзом людей, не получившим ещё одобрения моего клана, рода, государства, моё присоединение к нему, грозящее мне всякими карами, будет переживаться мною как акт свободного самоутверждения.

В предыдущей главе мы уже говорили о том, что человек, устремляющийся под чёрные знамёна Нового Халифата, уголяет одновременно все три главных порыва: к самоутверждению, к слиянию, к бессмертию. Но то же самое происходило во многих других эпизодах мировой истории. Сражаться за независимость Американских штатов в конце 18-го века примчались француз Лафайет, немец Фон Штойбен, поляк Костюшко, британец Томас Пэйн и множество других европейцев. Долгая борьба славян против турок в 19-веке привлекала на Балканы тысячи энтузиастов от лорда Байрона до русского генерала Черняева, уехавшего воевать за сербов в начале 1870-х, вопреки запрету царского двора. В Испанской гражданской войне 1936-39 годов республиканское правительство смогло сформировать интернациональные бригады из приехавших в страну антифашистов. Сегодня в вооружённых подразделениях Донбаса можно увидеть не только добровольцев из России, но также кавказцев, прибалтов, казахов, даже испанцев и чилийцев.

Счастье слияния остро переживал и ярко описал Маяковский:

...Если в партию струдились малые —
сдайся, враг, замри и ляг!
Партия — это рука миллионопалая,
Сжатая в один громающий кулак...
Я счастлив, что я этой силы частица,
Что общие даже слёзы из глаз.
Сильнее и чище нельзя причаститься
Великому чувству по имени — класс!¹

Заметим, что для полноты этих чувств поэту необходимо наличие врага, на которого обрушится «миллионопалый кулак».

Жажда слияния давала энергию многим массовым перемещениям народов в мировой истории. Исход евреев из Египта — просто первый из известных нам эпизодов. Английские пуритане в начале 17-го века увидели Землю обетованную за

Атлантическим океаном и смогли так сплотиться, что успешно обосновались в Массачусетсе. Следуя их примеру, в следующем веке баптисты выбрали на ту же роль Пенсильвию. До своей Обетованной земли мормоны должны были покрыть в 1840-е 1700 километров от штата Нью-Йорк до Солёного Озера в Юте. Для российских духоворов Землёй обетованной оказалась Канада. Джим Джонс уговорил своих последователей переехать из «прогнившей» Америки в девственные джунгли Гайаны (1970-е).

И в прошлом, и в настоящем у всех народов с необычайной лёгкостью возникали — там, где власти это позволяли, — религиозные и псевдорелигиозные культы. На первый взгляд, это явление опровергает наш тезис об универсальности жажды самоутверждения. Ведь человек, вступающий в культ, должен отказаться от многих свобод, полностью подчиниться воле лидера культа. В действительности же, сам акт свободного отказа от всех прав может переживаться неофитом как апофеоз свободного волеизъявления. Недаром в индуизме так часто всплывает тезис: «Самое высокое свершение — победить собственную волю, перестать *хотеть*, достичь нирваны».

Конечно, может наступить момент, когда человек пожалеет о сделанном выборе и попытается вырваться из наложенной им на себя неволи. Именно поэтому религиозные культы так яростно преследуют и карают отступников. Все, кому удалось покинуть Церковь Сайентологии, рассказывают, какие опасности и неприятствия пришлось преодолевать, какое давление было оказано на них. Недавно всплыла трагическая история о молодом человеке, вступившем в маленький культ в Коннектикуте и вскоре забитом до смерти своими единоверцами за отказ каяться по их правилам. Подобным же образом запрет выезда за границу — неизменная черта любого тоталитарного государства, от Древней Спарты и Средневековой Японии до Кубы и Северной Кореи наших дней.

Власть лидера культа над своими последователями может превзойти даже власть абсолютного тирана над подданными. Сталин мог безнаказанно убить любого жителя СССР, но даже он не мог бы заставить его отравлять собственных детей перед смертью, как это сделал Джим Джонс.

Если страсть к самоутверждению может привести человека на путь *индивидуальных* преступлений, то страсть к сплочению скорее подтолкнёт его к добровольному вступлению в банду, уличную шайку, мафиозный клан. Тому, кто равнодушен к политическим или религиозным идеям и схваткам, нет нужды отправляться в далёкие и опасные путешествия, чтобы слиться там с той или иной армией сражающихся. В соседнем квартале или даже в собственном жилом комплексе он легко найдёт местного главаря, атамана, босса, который объяснит ему, что нужно сделать. Да, потребуется в качестве «вступительного взноса», инициации, ограбить кого-то или даже убить, или хотя бы сбить с ног ударом кулака случайного прохожего. Да, ты вступаешь на всю жизнь, измена карается смертью (традиционная формула: «кровь на входе, кровь на выходе»). Но какое волшебное сознание силы и грозности ты получишь взамен, каким почтительным страхом соседей и знакомых ты будешь окружён! Ещё один вариант Декартовой формулы: «Пуताю — значит существую!».

Вступление в религиозный культ или уличную банду подразумевает разрыв с привычным жизненным укладом. Но мечта ослиянии утоляется гораздо легче, если во всей стране произойдут политические перемены, нацеленные на полное подчинение человека государству. Тоталитарный деспотизм идеально утоляет жажду че-

ловека к сплочению, среди «счастливых» подданных должно царить полное единодушие. Тяга к бессмертию тоже получает некоторое утолнение: каждый человек ощущает себя частицей того, что было до него и пребудет после.

Ну, а как же утолить страсть к самоутверждению, если внешняя война по каким-то причинам (силёнок маловато) невозможна? Тогда-то и возникает то, что будет подробно рассмотрено во второй части: внутренний террор по отношению к какому-то религиозному, национальному или социальному меньшинству.

Сжигание еретиков было любимым развлечением Средневековой Европы, старушка, подложившая ветку в костёр Яна Гуса, явно видела в этом акт самоутверждения.

По свидетельству историков, вся Испания ликовала, когда в 1492 году из неё изгоняли евреев, а в 1609 — морисков.

И французские католики были в восторге, когда Людовик Четырнадцатый начал изгонять и казнить гугенотов (1685).

Парижские «вязальщицы» сходились на площадь как в театр, чтобы любоваться работой гильотины (1790-1794).

Избиение армян в Турции (1915) до сих пор не признаётся в этой стране преступлением геноцида.

Погромы еврейских магазинов и синагог в Гитлеровской Германии вызывали открытый энтузиазм у рядовых немцев (1930-е).

Всекий деревенский босяк и бездельник в Сталинской России с удовольствием участвовал в «раскулачивании», а когда террор перекинулся на «шпионов, вредителей, космопюлитов, убийц в белых халатах», городской обыватель, глядя вслед «чёрной Марусе», увозящей очередную жертву в подвалы НКВД, ронял с злорадством и торжеством: «Там разберутся!» (1949-1953).

И конечно, хунвейбины, забивающие палками учителей, журналистов, профессоров и других интеллигентов, видели в этом великолепную возможность потешить свою страсть к самоутверждению, одновременно сливаясь «с великим народом, строящим коммунизм» (1960-е).

Вспышки внутреннего террора в мировой истории, как правило, принято связывать с именем деспота, находившегося в тот момент у власти: Сулла, Нерон, Домициан, Филипп Красивый Французский, Торквемада, Иван Грозный, Бирон и так далее. Но, думается, что ни один из них не мог бы осуществлять свои злодеяния без молчаливого — а порой и громогласного — «Смерть шпионам! Размозжим головы!» — сочувствия и соучастия народных масс. Даже те, в ком ещё звучал голос сострадания, глушили его, интерпретируя происходившее как некие неизбежные человеческие жертвоприношения на алтарь всеобщего единства.

Люди, пережившие сталинские и хрущёвские времена, помнят, с каким подозрением и недоброжелательством прохожие на улицах относились к попыткам отличиться от толпы хотя бы в одежде, причёсках, косметике. В СССР позорили так называемые «стиляги», за слишком узкие брюки и иностранный шарфик дружинники могли отвести в милицию. В маоистском Китае девушкам могли прямо на улице отрезать косы, если они превосходили положенную длину. Сегодняшнему лидеру Северной Кореи мало того, что весь народ одет в такие же чёрные френчи, как у него. Недавно он потребовал, чтобы мужчины подражали ему и в причёске, состригая волосы с висков.

Равенство, единообразие, сплочённость были гораздо легче достижимы на племенной ступени цивилизации. Но с возникновением государства совместное су-

ществование людей усложнилось десятикратно. Разделение обязанностей приводило к тому, что кто-то должен был трудиться на полях и стройках, кто-то — распоряжаться работами и распределением продукта труда, кто-то — повелевать, судить и отражать внешних врагов, кто-то — познавать мироздание и хранить накопленную информацию. Неизбежно возникало неравенство, а вместе с ним и мучительный вопрос: «Почему ты наверху, а я — внизу? Почему не наоборот?».

Почти во всех земледельческих империях проблема эта была решена путём разбивки населения на сословия и касты. Рабы, плебеи, всадники, патриции, сенаторы в Древнем Риме; неприкасаемые, шудры, кшатрии, брахманы в Индии; крепостные, вольные горожане, дворяне, духовенство — в Европе и России. Человеку легче было смириться со своим положением на нижних ступенях государственной пирамиды, когда ему внушалось, что он предопределён к нему самим фактом рождения в нижнем сословии. Пути перехода в более высокие слои за счёт собственных талантов и энергии всячески затруднялись, порой перекрывались наглухо.

Однако там и тут возникали национальные образования, которые отказывались от кастовой системы, давали каждому человеку возможность проявить себя на том поприще и в той мере, которые соответствовали его природной одарённости. Такие образования очень скоро достигали невероятных успехов в экономической и военной сферах. Маленькая Финикийская республика господствовала в Восточном Средиземноморьи, сумела отразить непобедимого вавилонского царя Навуходоносора (шестой век до Р.Х.), создала могучий Карфаген. Афинская республика отразила нашествие огромной армии персов, рассыпала свои процветающие колонии по берегам Эгейского и Чёрного морей (5-4 век до Р.Х.). И в Средние века мощь и процветание таких республик, как Флорентийская, Генуэзская, Венецианская, Новгородская показывали всему миру, что сплочённости можно добиться и не подавляя страсти человека к самоутверждению.

Уникальный вариант победной сплочённости демонстрируют нам три тысячи лет истории иудеев. Многократно изгоняемые из мест проживания, они ухитрялись сохранять цельность своего племени исключительно религиозными и языковыми скрепами. Вражда антисемитов к ним часто была окрашена чертами зависти. Казалось бы: как можно завидовать бедным и бесправным евреям, запертым в гетто или за чертой оседлости? Завидовали именно их феноменальной сплочённости, преданности друг другу, готовности помогать, спасать, утешать, лечить. Когда зависть делалась нестерпимой, евреев изгоняли. Гитлеру было нетрудно раздуть миф о мировом еврейском заговоре: именно так их сплочённость могла быть интерпретирована в сознании простонародья.

Инструментом сплочения племени была устная речь. Возникновение земледельческого государства повсюду сопровождалось появлением нового средства коммуникаций: письменности. Теперь писаные своды законов и летописи могли связывать в единое целое не только всех живущих, но также и разные поколения. Предпосылкой индустриальной эры можно считать скачкообразное расширение информационного обмена, внесённое изобретением печатного станка. Все европейские революции, все политические и религиозные движения 17-19 веков были бы немислимы без газет, журналов, памфлетов, листовок, распространявшихся многотысячными тиражами. Наконец, в 20-м веке технический прогресс одарил нас обоюдоострым инструментом сплочения, способным преодолевать огромные расстояния и вовлекать миллионы: радиотрансляцией и кинохроникой.

Для нашего исследования важно взглянуть в то, как этим инструментом воспользовались три страны, начавшие Вторую мировую войну: Германия, Япония, Россия (Италия во многом копировала немецкий опыт, поэтому её можно для краткости исключить пока). Каждая из них была выстроена на идеологическом фундаменте, сильно отличавшемся от двух других, но каждая объявляла своей великой целью достижение нового порядка, мира и процветания на всей планете. Рескрипт японского правительства, сопровождавший подписание союза с Германией в 1940 году, содержал такие формулировки:

«Утвердить нашу великую правоту на всей земле и превратить мир в единую семью является огромным свершением, исполнение которого завещано нам имперскими предками и к которому мы стремимся всем сердцем денно и нощно. Сокрушительный кризис, обрушившийся сегодня на человечество, грозит бесконечным расширением войны и смятения. Поэтому мы страстно надеемся, что конфликты утихнут и мирное сосуществование воцарится в ближайшее время... Задача предоставить каждой нации её законное место и всем людям жить в мире и безопасности имеет огромную важность. Она беспрецедентна в истории. Но до достижения её ещё далеко».²

ВВрагами мира и процветания объявлялись те страны, в которых к власти прорвались силы, ставившие корысть и наживу выше всего. В терминологии Гитлеровской идеологии эти силы идентифицировались с заговором мирового еврейства. Японская пропаганда неустанно прославляла торжество духовного начала над материальным и именно это обещала насадить в покоряемых странах. Сталинский режим провозглашал неизбежную победу марксизма-ленинизма и полное уничтожение эксплуататорских классов. Но все эти различия идейных позиций не мешали агрессорам выступать в тесном союзе в первые годы войны.

В 1930-е нацистские идеи находили горячий отклик в миллионах сердец не только внутри Германии, но и за её пределами. Одних привлекал в ней яростный антикоммунизм. Других — призывы защищать права трудового народа. Третьих — взваливание вины за Первую мировую войну на мировой капитализм, призывы к социалистическим переменам. Но главным было то, что каждый немец, припавший к своему радиоприёмнику и вслушивавшийся в страстные тирады Гитлера или Геббельса, мог испытать счастливое чувство слияния с миллионами соотечественников.

Так вышло, что в начале 1970-х судьба свела меня в Москве с убеждённым русским националистом. Однажды, листая американский журнал, лежавший на моём столе, он дошёл до рецензии на историческую книгу о Германии, в которой была напечатана фотография: ряды гитлерюгенда, замершие на стадионе с поднятой в салюте рукой. Глаза моего собеседника увлажнились и он сказал: «Какая была эпоха! Какое единодушие, какой энтузиазм!». И такие же восторги по поводу народного единодушия выражал сорок лет спустя другой русский националист, писатель Проханов, вернувшийся из поездки в Северную Корею и умилавшийся там на демонстрации на улицах Пхеньяна.

Когда Гитлер отдал приказ о вторжении в Польшу в сентябре 1939 года, большинство его генералов считали это безумием. В тот момент соединённые силы противостоявших Германии европейских стран настолько превосходили силы вермахта и люфтваффе, что, если бы они в том же сентябре ударили с запада, поражение было бы неминуемым. Однако Франция и Великобритания ограничились формальным объявлением войны и дали немцам разгромить поляков за три недели.

Дело было в том, что за шесть лет нахождения у власти тёмный гений Гитлер не только наращивал производство танков, самолётов, подводных лодок. Он ковал оружие, которого не было у англичан, французов, поляков, чехов, которое не могли оценить его генералы. Пока Франция строила оборонительную линию Мажино, Лондон изощрялся в дипломатических ходах, машина нацистской пропаганды день за днём цементировала невидимые бастионы сплочённости немецкого народа.

Ни один голос протеста или хотя бы сомнения не должен был прорваться через выстраивавшуюся стену. Политические партии запрещались, «неправильные» книги сжигались, газеты и журналы закрывались. Главные нарушители единства — интеллектуалы всех мастей — изгонялись, исчезали в лагерях, в страхе толпами покидали страну. Бывший соратник Рэм и его штурмовики были физически уничтожены, коммунисты уходили в подполье. Факельные шествия, показательные суды, разгром еврейских лавок и синагог, спортивные победы арийских атлетов заполняли кадры кинохроники. Речи нацистских лидеров по радио перемежались воинственной музыкой Вагнера и Бетховена или военными маршами.

Мир был ошеломлён немецкими победами 1940-го года. Не сердить, не провозгласить Германию стало лейтмотивом в речах многих политических лидеров ещё не покорённых стран. Испания, Швейцария, Швеция, США строго придерживались нейтралитета. Прогерманские правительства без труда удалось сформировать в Вишистской Франции, в Норвегии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии. Военные победы выглядели самым убедительным доказательством политической и идейной правоты, толкали многие народы следовать примеру Германии.

Историки, изучающие сегодня Европу 1930-1945 годов, ищут причины победоносного шествия гитлеризма в традиционной немецкой воинственности, в мировом экономическом кризисе, в несправедливых условиях Версальского мирного договора (1919), погрузившего Германию в унижительную нищету и бесправие. Но они забывают, что в те же самые годы, на другом конце света, страна с совершенно другими традициями и другой исторической судьбой демонстрировала точно такую же необъяснимую и победную военную агрессивность. Японская экспансия даже не возглавлялась одним полновластным лидером, гениальности которого можно было бы приписать десятикратное расширение территории Империи Восходящего Солнца.

Есть ли у нас сегодня возможность приблизиться к «решению японской загадки»?

До 1945 года страна эта была настолько закрытой для объективного изучения, что политический анализ происходивших в ней изменений был почти невозможен. Лишь после капитуляции Западный мир стал осознавать, насколько его ценности и традиции были отличны от японских. Одним из первых появилось на свет исследование американки, Руфи Бенедикт, которая сумела взглянуть в характер островной нации непредвзято.

Главная разница, обнаруженная ею: если американец боготворит равенство и свободу, японец так же боготворит иерархию и сплочённость. Для него самое страшное — «потерять лицо», нарушить принятые формы поведения. Он должен точно знать, какое место ему отведено на ступеньках иерархической лестницы, кто из окружающих выше него, а кто — ниже, какими поклонами и оттенками вежливости следует демонстрировать правильное осознание своего места.

На войне предельным случаем «потери лица» считалась сдача в плен. Японского солдата даже не инструктировали, как он должен вести себя в плену, —

настолько подобная возможность исключалась. Он должен был сражаться до последнего патрона, а потом взорвать себя последней гранатой, предпочтительно — вместе с врагами, неосмотрительно приблизившимися к нему. В плену оказывались лишь тяжело раненные или потерявшие сознание.

Японцев изумляло, что американцы и британцы, попавшие к ним в плен, не считали себя опозоренными до конца дней, не осознавали себя безнадежно утратившими уважение своей страны, просили сообщать данные о себе их родным. Они были даже способны смеяться! Смех в лагерях для военнопленных считался серьезным нарушением дисциплины, карался сурово.

Сострадание, готовность помочь, бескорыстная поддержка попавших в беду не считались у японцев добродетелями, не ценились. По их представлениям, оказывая услуги своим ближним, ты накладывал на них обязанность благодарности, что считалось тяжким бременем и обозначлось словом *онэгаи*, имевшим множество оттенков. Даже продавец в лавке, благодаря посетителя за покупку, мог использовать оборот: «я пристыжен на всю жизнь».³

Американец может с гордостью сказать: «Я никому ничем не обязан». Японец же живёт в состоянии вечной задолженности: родителям, учителям, вскормившей его нации. Место религии в Японии занимает шинтоизм — религиозное поклонение всему, что связывает народ воедино, его преподают в школах.

Пренебрежение к состраданию оборачивалось почти полным отсутствием полковых госпиталей во время войны. Раненый солдат считался просто «подпорченным» солдатом и должен был заботиться сам о себе. Американский военнопленный в лагере мог рассчитывать на медицинскую помощь от пленного врача в своём бараке, а японская охрана практически была лишена доступа к профессиональным медикам. Если боевые действия приближались к японскому тыловому госпиталю и захват его делался неизбежным, раненых не эвакуировали, а пристреливали или давали оружие, чтобы они могли покончить с собой.

Так же мало ценилась честность, особенно в пропаганде и международных отношениях. И нападение на Порт-Артур (1904), и захват Манчжурии (1934), и атака на Перл-Харбор (1941) были совершены без предупреждения. Любые новости с театра военных действий представлялись как победы или умелое маневрирование. У нас нет возможности проверить цифры потерь японского флота в Цусимском бою (1904), но утверждать, что в трёхдневном сражении с мощной русской эскадрой были потеряны всего несколько торпедных катеров, могут только люди, которым позволено врать беспардонно и безоглядно. В конце августа 1945 года население Японии ещё не знало о том, что произошло в Хиросиме и Нагасаки (6 и 9 августа), и о том, что война проиграна.⁴

Строгая иерархия соблюдалась не только в общественной, но и в семейной жизни. «Жена кланяется мужу, ребёнок кланяется отцу, младшие братья кланяются старшим, сестра кланяется всем братьям независимо от возраста... Родители могут устраивать и расторгать браки своих детей, даже если те уже достигли 30-40-летнего возраста. Отцу — главе семейства — первому подают еду за столом, он первым опускается в семейную ванну, ему кланяются все члены семьи».⁵ Общество, учредившее у себя строгую дисциплину, беспрекословное подчинение нижестоящих вышестоящим, есть по сути армия всегда готовая к походу. Мало того, что японцы считали такой порядок человеческих отношений наилучшим. Они изумлялись тому, что покорённые народы не выражают благодарности за упорядочение их жизни, проявляют явную враждебность. В невообразимой жестокости, с кото-

рой оккупационные японские войска обращались с местным населением в Корее, Маньчжурии, Китае, Малазии, Индонезии, Филиппинах, проявлялось не только их традиционное презрение к состраданию, но и мстительность. «Не умеете ценить нас?! Так мы вам покажем!».

На примере Японии мы ясно видим, что воинственный тоталитаризм может быть создан без аппарата принуждения, без тайной полиции, лагерей, внутреннего террора. Народ добровольно предпочёл счастье сплочённости счастью свободного самоутверждения и превратился в могучую военную силу, с которой удалось совладать только ценой огромных усилий и потерь.

Сталинский тоталитаризм имел совершенно другую природу. Он не искал опоры в народных верованиях и традициях, всюду предпочитал действовать страхом и грубой силой. В Германии и Японии революционный переход в индустриальную эру произошёл без гражданской войны, поэтому в них уцелело много людей с образованием, энергией, целеустремлённостью, традициями, те, кого в других своих книгах я обозначал термином «дальнозоркий» или «высоковольтный». В России же гражданская война 1918-1921 годов, последовавшая эмиграция побеждённых и волны террора практически уничтожили тех, для кого свободное самоутверждение было дороже всего остального. Оставалась народная масса способная ценить только счастье сплочения, и эту потребность сталинский режим был готов удовлетворять любыми доступными средствами.

Во многом эти средства и методы повторяли то, что делал Гитлер в Германии. Недаром режиссёру Ромму удалось создать документальный фильм «Обыкновенный фашизм» (1965), в котором культурные россияне брежневской поры видели скрытое разоблачение сталинщины. Военные парады, оглушительная пропаганда по радио и в газетах, шествия физкультурников, бравурные марши, трудовые победы в кадрах кинохроники. Но было одно свойство, которое в Сталине развилось сильнее, чем в немецком фюрере: звериный инстинкт самосохранения.

Он неплохо знал русскую историю и помнил, сколько русских правителей были лишены власти или даже убиты собственными военными. Свержение царевны Софьи стрельцами (1689), стрельцкие бунты, чуть не погубившие Петра Первого (1698), убийство гвардейцами Петра Третьего (1762), а потом и Павла Первого (1801), восстание декабристов (1825). По сути и свержение Николая Второго в феврале 1917 было осуществлено девятью главнокомандующими фронтами в его собственной армии, которые отказались защищать трон от революции. Недаром для прославления в кинематографе и литературе Сталин выбрал тех российских владык, которые безжалостно расправлялись с военными: Ивана Грозного, пославшего своих опричников убивать бояр, и Петра Первого, не брезговавшего отрубать головы стрельцам собственноручно. (Оба, кстати, сыноубийцы.)

Нельзя также исключать возможность того, что внедрённые Сталиным в армию политкомиссары состязались в сочинении доносов на своих командиров, приписывая им разговоры и планы измены, чему он охотно верил. В какой-то мере это могло послужить мотивом для того беспрецедентного избиения командного состава Красной армии, которое он устроил в 1937-38 годах. Роберт Конквест, пользуясь данными советской печати, в своей книге «Большой террор» приводит цифры погибших: маршалы — трое из пяти; командующие армиями — 13 из 15; адмиралы — восемь из девяти; корпусные командиры — 50 из 57; командиры дивизий — 154 из 186 ⁶. Обезглавленная Красная армия была так ослаблена, что, при огромном численном и техническом перевесе, не смогла нанести решительного поражения

финнам в кампании 1939-1940 годов, и Сталин был вынужден удовлетвориться небольшими территориальными приобретениями. Зато от покушений на себя он застраховался надёжно. Встретившись с Гитлером в аду, сможет сказать ему: «Не последовал моему примеру, не провёл чистку в армии, вот и поплатился: чуть не погиб от рук собственных генералов летом 1944».

Некоторые историки высказывали предположение, что именно слабость, проявленная Советским Союзом в финской войне, спровоцировала Гитлера на вторжение в июне 1941 года. И в первые месяцы его расчёты подтверждались. Красная армия стремительно откатывалась под ударами вермахта, немецкая авиация захватила полное господство в воздухе. Несмотря на то, что сдача в плен была объявлена преступлением, красноармейцы сдавались толпами, немцы не знали, что им делать с таким количеством военнопленных.

Но в сентябре-октябре победное наступление начало буксовать. Растянувшиеся коммуникации не позволяли снабжать армию в достаточной мере, ранние холода, при нехватке зимнего обмундирования, превратились в серьёзное препятствие, танки застревали в сугробах. А главное — начал меняться дух русских солдат. То, что не удалось Сталину — сплотить народ в единое целое, — сделал за него Гитлер. Произошло то же самое, что имело место при вторжении Наполеона, про что писал Толстой в «Войне и мире»: «Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и принялась гвоздить вторгшегося врага...»⁶

Каким чудом Советский Союз, потеряв половину европейской территории, на перевезённых в тыл заводах, отправив на фронт миллионы трудоспособных мужчин, смог в 1942 году удвоить и утроить выпуск танков, самолётов, пушек, снарядов? Этому феномену нельзя найти никакого объяснения в чисто экономических категориях, не включая наше расплывчатое понятие: *сплочение*. Песенный клич-призыв «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» вдруг перестал быть просто пропагандой, он доставал до глубины сердца. Стойкость русских, выдержавших натиск военной машины, подмявшей под себя всю Европу, восхищала британцев и американцев. Тем более, что и в их странах стремительный процесс национального сплочения перед лицом вторгшегося врага тоже преобразил национальное сознание, заглушил голоса пацифистов, дал силы сражаться и побеждать.

После разгрома Германии и Японии мир распался на два лагеря: свободной демократии и коммунистического тоталитаризма. Анализ и описание этого противоборства находится в руках политологов, историков, социологов, то есть людей образованного слоя, которые в подавляющем большинстве выбирают счастье самоутверждения, а к счастью сплочения относятся с высокомерным пренебрежением. Интеллектуал будет применять своё искусство «словесной виртуозности» (термин американского философа Тома Соуэлла), чтобы объяснить невероятные успехи коммунизма во второй половине 20-го века исключительно применением обмана и грубой силы.

На самом деле идеи коммунизма манят к себе миллионы людей именно потому, что в них заложена мечта о небывалом сплочении, которое может принести освобождение от частной собственности. Эта мечта звучит и в проповеди Христа, и в устройстве монастырей, и всевозможных коммун, и в израильских кибуцах. Владеть чем-то, чего не имеет мой ближний, всегда смутно ощущается как грех, проклятья богачам неслись и будут нести из уст проповедников всех времён и народов. То, что в реальной истории попытки осуществить эту мечту оборачивались морями

крови и страданий, забывается, и толпы вооружённых последователей Маркса, Ленина, Мао, Кастро снова и снова выходят на бой во всех концах планеты.

В посткоммунистической России все государственные акции, направленные на утоление человеческой страсти к сплочению, истолковываются интеллектуалом как корыстные манипуляции кремлёвских заправил, стремящихся только к укреплению собственной власти. Ему кажется диким, что люди могут с ностальгией вспоминать страшные годы войны или правление Сталина. Пока он отрицает право человека на утоление страсти к сплочению, он будет оставаться отщепенцем, высоколобым бунтарём, изгоем.

Интеллектуал больше всего ценит талант, самобытность, смелость в разрушении канонов и штампов. Он не хочет видеть, что в глазах народной массы все эти замечательные качества попадают в разряд угроз для радости сплочения. Он клеймит тягу к сплочению словами «стадное чувство», «торжество серости», «моральная слепота», «разгул толпы» или даже «быдла».

Однако в реальной жизни он и сам ищет и находит счастье сплочения. Только в его случае это оказывается «сплочением высоколобых бунтарей». Особенно в российской истории сей феномен являет себя с поразительным упорством. Как только страна достигала стабильности после очередного революционного катаклизма, в верхних слоях общества возникали группы оппозиционеров, стремившихся к разрушению государственного порядка. Они могли кардинально отличаться друг от друга по идейным устремлениям, по методам борьбы, по объявленным целям, но все эти различия отступали перед их единодушной ненавистью к властям предрежащим.

Так, в веке 19-ом к свержению царизма призывали революционные демократы во главе с Герценом и Чернышевским, народовольцы, ведомые Желябовым и Перовской, анархисты, вдохновляемые Бакуниным и Кропоткиным, эсеры, подхватившие у народовольцев знамя террора, христианский непротивленец Лев Толстой и «несгибаемый большевик» Ульянов-Ленин, ухитрившийся разглядеть в Толстом «зеркало русской революции».

В эпоху после-сталинского диссидентства во второй половине века 20-го христианин Солженицын и коммунист Лев Копелев могли сделаться друзьями и единомышленниками, генерал Григоренко мог выступать в защиту противников вторжения в Чехословакию (1968), борцы за еврейскую эмиграцию могли находить общий язык с русскими националистами, сидевшими с ними в одном лагерном бараке.

Когда же ветры истории выносили ниспровергателей в эмиграцию, их сплочённость тут же улетучивалась. Страшные раздоры и вражда были характерными чертами жизни русской политической эмиграции первой волны (1920-1941). Диссиденты, выпущенные на Запад в 1970-е, тут же насмерть перессорились друг с другом. Оказалось, что только перед врагами по имени Политбюро и КГБ могли ощущать себя союзниками Владимир Максимов и Андрей Синявский, Василий Аксёнов и Иосиф Бродский, Эдуард Кузнецов и Натан Щаранский.

Сегодня фактором сплочения для высоколобых российских бунтарей сделался президент Путин. Кто только не слал проклятья в его адрес! Олигархи Березовский и Ходорковский, блогеры Удальцов и Навальный, музыканты Макаревич и Гребенщиков, политики Немцов и Явлинский, литераторы Войнович и Лимонов и целая толпа журналистов, пригретых радиостанцией «Эхо Москвы». На сакраментальный вопрос «вы против кого дружите?» у всех этих людей ответ будет один: «Против этого бывшего кагебешника, паталогического властолюбца, лидера

партии воров, захватчика Абхазии, Южной Осетии, Крыма, разжигателя войны в Донбасе, продолжателя дела Гитлера-Сталина!»

Можно предвидеть, что, кто бы ни сменил Путина у государственного кормила, ему так же достанется роль источника единения для вечногo российского бунтаря. Но если смена нынешнего режима произойдѣт в результате революционнoгo взрыва, тогда единодушие испарится стремительно. Произойдѣт то, о чѣм писал в своём 16-м веке ещё Монтень: «Те, кто расшатывают государственный строй, первыми, чаще всего и гибнут при его разрушении. Плоды смугты никогда не достаются тому, кто её вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие».⁸

И сколько уже раз история демонстрировала справедливость этого наблюдения!

Не проходит и трёх лет со дня взятия Бастилии в Париже (1789), как революционеры переходят от казней аристократов и священников к казням бывших соратников, якобинцы казнят жирондистов, потом сами гибнут после Термидорианского переворота (июль 1794).

После Февральской революции 1917 года в России не проходит и года, как большевики начинают расправляться с ниспровергателями монархии — кадетами, эсерами, анархистами и прочими.

Точно так же после свержения германского императора в 1918 году в стране начинается политическое противоборство, завершающееся диктатурой Гитлера, отправлявшего в лагеря всех антимонархистов без разбора, а вскоре и физически уничтожившего бывших союзников — штурмовиков.

Даже после революции августа 1991 года в России, в октябре 1993 танки, посланные президентом Ельциным, стреляют по зданию Верховного совета (Белому дому), в котором укрылись его бывшие соратники Хасбулатов, Руцкой и другие.

Но никакие исторические примеры не охлаждают пыла высоколобогo бунтаря. Не действуют на него и призывы умеренных политиков, указывающих ему на то, что народная масса в данной стране, в данный исторический момент ещё не готова терпеть и поддерживать государственную власть, которая позволяет оппозиции обзывать себя «сборищем воров, палачей и тюремщиков». Интеллектуал смотрит на народную массу свысока и верит, что он предназначен вести её для её же блага. Выслушивать её невнятный «глас народа» он не хочет и не способен. Всё что ему остаѣтся — быть вечным ниспровергателем, колеблющим устои государственной постройкИ. Тщетно призывать его угомониться. Ибо такой призыв означал бы: «Откажись от уголения двух главных устремлений твоей души — страсти к самоутверждению и страсти к сплочению». Кто же согласится на такие жертвы?

Политические бури второй половины 20-го века привели к расколу многих народов на две части: Северная и Южная Корея, Северный и Южный Вьетнам, Китай и Тайвань, Восточная Германия и Западная. В одной части восторжествовали идеи, нацеленные на укрепление позиций свободного самоутверждения, в другой — нацеленные на усиление сплочѣнности. И процессы подобногo размежевания продолжают бурлить и сегодня в Азии, Африке, Южной Америке.

Острота противоборства между двумя выборами усугубляется тем, что в 21-ом веке новые десятки народов оказались перед необходимостью перехода из земледельческой стадии в индустриальную. Такой переход требует отказа от многих традиций и верований, отстаивая которые люди готовы идти на смерть. Подобные же процессы и катаклизмы происходили на этапе перехода сотен кочевых и мигри-

рующих племён к осёдлой жизни в земледельческом государстве — их мы рассмотрим во второй части книги. Пока же пришла пора взглядеться в последнюю из трёх главных страстей человека: порыв к бессмертию.

(продолжение следует)

Примечания

1. Маяковский В.В. Избранные произведения. Москва: Детская литература, 1967, стр. 318.
2. Benedict, Ruth. *The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1948. p. 44.
3. Ibid., p. 106.
4. Busch, Noel F. *Japan. History* (New York: American Heritage Co., 1972), p. 170.
5. Benedict, op. cit., pp. 48, 52.
6. Conquest, Robert. *The Great Terror* (New York: Oxford University Press, 1990), p. 450.
7. Толстой, Лев. Война и мир. Собр. соч. в 20 томах (Москва: 1911), том 7, стр. 301.
8. Montaigne, Michel. *Essays* (New York: Penguin Books, 1955), p. 282.

Владимир Лумельский

ЧТО ПРОИЗОШЛО НА ЮЖНОМ ПОЛЮСЕ?

*Белеет снег, белеет лед,
Здесь южный полюс — Антарктида.
Среди снегов идет-бредет
Пингвин задумчивого вида.*

S. Tokinava

Недавно в Associated Press, БибиСи и других источниках промелькнуло сообщение, что в результате сложной спасательной операции, в условиях антарктической ночи и рекордного холода, двое больных были эвакуированы с американской станции Амундсена-Скотта на Южном полюсе. Это событие и припомненная друзьями на недавней встрече моя полуторамесячная поездка в Антарктиду и на полюс — много всколыхнули. Воспоминания, беспокойство о месте, которое знаешь и помнишь — что же там произошло? — захлестнули, захотелось узнать больше об этой истории, и поделиться...

Некоторые из читающих этот текст припомнят мои послания с Южного полюса в декабре 2001 — январе 2002 г. Тогда я писал по-английски, рассчитывая на другую аудиторию. Они припомнят и «Новогоднюю сказку», которую я, готовясь к отлету с полюса, отправил к Новому году друзьям, семьям и детям, и оставшимся позади коллегам *Polies*. Учитывая жанр и географию места ее творения, сказка была по необходимости сентиментальной и об Антарктиде: более конкретно, о любви и преданности в семье пингвинов, родителей Мики и Аики и их маленьком пингвиненке Тиги. Через три-четыре года после этого вышел и стал сенсацией фильм “March of the Penguins”. Сходство было слишком подробным, чтобы быть случайным — сценарий уж конечно слизан с моей сказки, решил я. Моё собственное соображение, что сходство нетрудно объяснить тем, что оба автора вдохновлялись тем же источником — скажем Британской Энциклопедией — меня не убедил. Но возбуждать судебного дела я не стал. (Если у кого есть англо-говорящие дети или внуки с интересом к Антарктиде, пишите, вышло.)

Среди прочих ограничений мои послания с полюса ограничивались шириной канала связи и временем его доступности. В отличие от остальной планеты, наше общение с Большой Землей шло через единственный спутник, TDRS, с полярной орбитой. В прямой видимости станции он находился полтора часа в день; затем он скрывался за горизонтом, и связь обрывалась. (Об этом я писал по начальству грозные письма — станция Амундсена-Скотта не станет серьезным научным центром, пока не будет налажен 24-часовой канал связи; не уверен, что это могло, но сегодня связь там лучше, чем тогда.) Ограничение на канал связи было важным, но если не драматизировать, ограничение на душ — две минуты, и кранты, струя «скрывалась за горизонтом» — было важнее. Как-никак, тексты можно готовить к отправке загодя, а загодя мылиться сложнее.

Антенна для отслеживания спутников Marisat¹

Что же произошло с больными на Южном полюсе? Сообщения в прессе были не только кратки, но и невняты. Я ждал — всякое бывает, через неделю будет больше информации — но после града практически идентичных сообщений в течение двух-трех дней после 21 июня наступила мертвая тишина; с тех пор я не видел ни одного сообщения об этом событии. Эта краткость, отсутствие деталей, и странное несообразие появившейся информации тому, что я знаю об этом месте, создают нехорошее чувство. Начинаешь думать, а не информативна ли эта неинформативность? Вот куски из одного такого текста; другие тексты схожи и практически ничего не добавили. Мои комментарии следуют ниже.

«Сантьяго, Чили (Asso.Press), июнь 23, 2016. — Благодаря смелому спасательному полету в условиях суровой зимы Антарктиды два заболевших сотрудника были эвакуированы с американской исследовательской станции на Южном полюсе.

Национальный научный фонд (National Science Foundation, NSF) сообщил, что двое больных благополучно прибыли поздно вечером в среду в Пунта-Аренас, самый южный город в Чили, после долгого путешествия со станции Амундсена-Скотта на Южном полюсе. До этого самолет сделал посадку на английской станции Ротера на побережье Антарктики, где больных пересадили в другой самолет для продолжения полета в Чили.

По заявлению на сайте NSF в социальной сети Facebook, “Из Пунта-Аренас оба пациента будут доставлены в медицинское учреждение, которое может обеспечить уровень обслуживания отсутствующий на станции Амундсена-Скотта”... Ссылаясь на медицинскую конфиденциальность, NSF отказалось назвать имена больных и детали их заболеваний. Сказано, что оба — сотрудники компании Lockheed Martin, главного подрядчика NSF в логистике и поддержке исследований в Антарктиде.

В клинике Магальянес в Пунта-Аренас медбрат Маурисио Сирон сообщил Associated Press, что пациентку “с болезнью желудка”, повидимому в тяже-

¹ Все фотографии, кроме нескольких (чьё происхождение явно указывается), сделаны автором, Владимиром Лумельским (прим. ред.)

лом состоянии, внесли в клинику на носилках. Второй больной, мужчина, о котором было сказано, что он перенес сердечный приступ, вошел в клинику сам.

В течение двухдневного перелета спасательный экипаж пролетел 3000 миль в обе стороны, от британской станции Ротера до Южного полюса, и обратно в Ротер с больными, сказал Питер Уэст, пресс-секретарь Национального научного фонда (NSF). На станции Ротера больных пересадили на другой самолет, для перелета в Пунта-Аренас, Чили. Оба участвовавших в операции самолета, типа *Twin Otter*, принадлежат Канаде.

В день полета температура на станции Ротера была 27.5 градусов по Фаренгейту ($-2,5^{\circ}$ по Цельсию) — т.е. жара по сравнению с Южным полюсом, где температура была минус 75°F (-60°C)... Ввиду опасности полета в крошечной темноте и холоде, в период с февраля по октябрь полет самолетов на станцию прекращается... Включая этих двоих, группа зимующих в этом году на станции Амундсена-Скотта включает 48 человек — 39 мужчин и 9 женщин.

Эвакуация с Южного полюса (Robert Schwarz/NSF via AP)

На станции Ротера (British Antarctic Survey via AP)

...Экстремальный холод влияет на разные системы в самолете. Чтобы взлететь, предварительно необходимо подогреть топливо, аккумуляторы, и гидравлику, сказал Уэст. Самолет *Twin Otter* может оперировать при температурах до минус 103 градусов F (-75°C). “Антарктида — беспощадная

среда; любую расслабленность она тут же наказывает», — сказал Тим Стокинс, директор по операциям британской антарктической службы...

На станции Амундсена-Скотта есть врач и ассистент врача; при необходимости для консультаций подключаются врачи в США. Но иногда нужные медицинские средства могут отсутствовать на Южном полюсе. Всего на станции Амундсен-Скотт было три аварийных эвакуации, все с 1999 года. Весной 1999 года спасали врача станции Джерри Нильсен, у которой обнаружился рак груди. Она лечила себя сама. Спасательные миссии имели также место в 2001 и 2003 годах, оба раза в связи с болезнью желчного пузыря...»

Пациентка доставлена в клинику Пунта-Аренас (AP Photo/Joel Estay)

Странности этой истории

Каждое из соображений высказанных ниже ничего не доказывает. Настораживает совпадение деталей, каждая из которых маловероятна, но ничего не доказывает. Из текста AP видно, что эвакуировать человека с Южного полюса — даже летом, когда светло и теплее (скажем, минус 20–30 по Цельсию) — операция непростая, и уж конечно недешевая. Это одна из причин серьезной медицинской проверки, которую проходят кандидаты на работу на полюсе. Могут это сказать ответственно — я сам ее проходил. (Мои эмоции при этой проверке станут понятнее если добавить, что большинство членов коллектива станции Амундсена-Скотта — люди в возрасте 35–45 лет; я уже тогда был самым старым членом группы, с серьезным отрывом.)

«...мужчина, о котором было сказано, что он перенес сердечный приступ»: Отсеивать потенциальных инфарктников не так трудно. Человек бежит на ленте тренажера, с увеличивающимся уклоном вверх, пока не обессилеет. Рядом стоят врач и медсестра — чуть что, спасут. Идея тут простая: доведя систему то экстремума, увидишь, где узкое место. Параллельно меряется кардиограмма и потоки крови через аортосердечные сосуды. (Если это делается с подсветкой радиоактивным препаратом в крови, после теста несколько дней не рекомендуется летать — сканеры в аэропортах волнуются...)

Проскочить этот тест с сердечной недостаточностью трудно — поэтому сообщение, что один из больных на полюсе был инфарктник, обращает на себя вни-

мание. Мы также знаем о важности времени доставки больного инфарктом в клинику. Знакомые слова — время оказания медицинской помощи есть вопрос жизни и смерти, минуты решают все. В США больной инфарктом доставленный в клинику в рабочий день имеет лучший шанс выжить, чем такой же больной в выходной день. А тут — самолеты два дня летели из Канады, полет с полюса в Пунта-Аренас занял еще два дня, больной сам вошел в клинику...

Два из 46 проверенно здоровых людей заболевают — это много. Да, условия там непростые — двое могут куда-то свалиться, их может придавить куском льда. Но тут — две очень разные, неплохо предсказуемые, «неполнозные» болезни. Странно.

МакМердо не просто американская база в Антарктиде. Там сконцентрировано все главное в Антарктиде — транспорт, склады, лаборатории, больница, специальное спасательное оборудование, ледакол для связи с кораблями с Большой Земли. Кроме американцев, станции других стран в Антарктике (сегодня их около 40) в серьезных случаях обращаются за помощью к МакМердо. Американские самолеты возят полярников из многих стран, тоже через МакМердо. А тут — американских больных повезли с полюса не в МакМердо, а в Чили, в Пунта-Аренас. Почему? Мало того, те, кто сопровождали больных, явно старались говорить поменьше в Пунта-Аренас. В МакМердо так бы не было — там много народу, все друг друга знают если не лично, то через кого-то, информацию удержать трудно. Не потому ли больных не повезли через МакМердо? Куда больных отправили из Пунта-Аренас, неизвестно до сих пор. Сопровождавшие сказали журналистам, что не уполномочены об этом говорить. Что произошло?

Пунта-Аренас, Чили. На берегу Магелланова Пролива. Главное здесь не то, что видишь глазами, а то, что видит твое воображение: там, за помостом с птицами, за кораблями, совсем недалеко, в каких-то нескольких часах лета — Антарктика

(Два года назад, путешествуя по Патагонии, мы попали в Пунта-Аренас. Когда стоишь на берегу Магелланова пролива, и знаешь — почти видишь — что вон там, на юге, в каких-то трех часах лету, лежит Антарктика — трудно об этом не думать. Верно, это не «настоящая» Антарктика, это только ее длинный (эдак в тысячу километров) теплый отросточек-полуостров тянущийся к северу, и тем более это не полюс — и все равно, кажется, что оттуда пахло знакомым ветром.)

Как видно из этого наложения контуров, по территории Антарктида (белое) заметно больше США (темно-серое)

Конечно, не все потенциальные медицинские проблемы можно проверить и предсказать. Один хороший пример — нельзя предсказать высотную болезнь. Моим неожиданным преимуществом как кандидата на поездку на полюс оказалось, что я бывал на больших высотах на разных континентах. (Кто-то из врачей даже обнадежил — тебе это зачтется). Да, но тут полюс, при чем тут высота? Станция Амундсена-Скотта находится на высоте примерно 3000 метров. Это все лед. (Закройте глаза, представьте себе вертикальный разрез — наверху маленький вы, высотой поменьше двух метров, а далее вниз три тысячи метров сплошного льда). На высоте 3000 метров не так трудно акклиматизироваться. Но это не все: наша атмосфера образует над полюсом гигантскую воронку, из-за которой реальное давление там ниже, чем на той же высоте в других местах. Добавьте очень холодный сухой воздух. «Физиологическая высота» на полюсе скорее 4000 метров. Так или иначе, есть простой факт — акклиматизация на Южном полюсе проблема нетривиальная.

Станция Амундсена-Скотта в хорошую погоду

Станция Амундсена-Скотта, вид с самолета

Главное здание станции, The Dome

The Dome. Время и метели делали его все менее заметным

Для этого у нас там даже был «измерительный прибор». Главное строение станции — необыкновенной красоты ярко-синяя полусфера диаметром 50 метров

(The Dome — это и многое другое сейчас есть на интернете²), примерно в 100 метрах от географического полюса. Построенная еще в 1975 году, от постоянного тепла внутри ее полусфера постепенно уходила в лед.

Один из входов в полусферу представлял собой склон, дорогу с уплотненным снегом, для въезда внутрь грузовиков и тягачей. При мне склон был длиной метров 100, а уклоном 10-12 метров. Так вот, у этой дорожки было имя — Склон Инфарктов (Heart Attack Slope). Я поставил себе за правило каждый день ходить вверх-вниз по нему. Вопрос закрылся, когда я взбегал вверх, не запыхавшись.

The Dome, с видом на Склон Инфарктов

Склон Инфарктов (Heart Attack Slope)

(Уже при мне строилось новое здание станции, не столь эстетически впечатляющее, но более практичное — например, оно не уходит под лед — и комфортабельное. Частью моих обязанностей было осмотреть проект и слать замечания по

² См. большую статью в Википедии и замечательный сайт Билла Спиндлера (Bill Spindler), посвященный истории исследований Южного полюса и, в частности, истории строительства The Dome (*прим. ред.*).

начальству; посему я, что называется, облазил его подробно. Здание вошло в эксплуатацию с 2008 г. Любимой всеми аквариумной полусферы уже нет — она была разобрана и вывезена тогда же).

Тоннель с прямоугольным сечением. Эти вогнутые стены вначале были прямыми: лед течет, куда может

Тоннель с круглым сечением. Вода горячая и холодная, электричество, горячее, газ, отходы — все эти трубы проложены в тоннелях

Цена непредсказуемости привыкания человека к высоте выявилась быстро и драматически. Со мной на полюс летел молодой геолог, лет 35. Для большинства летевших в Антарктиду местом назначения был главная база МакМердо, на побережье материка. До полюса продолжали немногие, к нам относились почтительно, и мы быстро перезнакомились. Геолог тоже летел на полюс. Смотрелся он впечатляюще — атлет, высокий, быстрый, легкий на подъем. Я глядел и думал — если туда такие едут, каково же там будет мне? Так вот, по прибытию на полюс он

практически все время лежал. Пытался ходить, надеялся, что акклиматизируется, переживал, очень хотел остаться — но через две недели его пришлось отправить в МакМердо, а оттуда на Большую Землю. Посчитаем: 7-8 дней, чтобы добраться до полюса; да там две недели, да обратно неделя. Примерно месяц. А ведь день такой командировки обходится National Science Foundation (NSF) недешево...

История Др. Нильсен

По статье AP, «...*Всего на станции Амундсен-Скотт было три аварийных эвакуации, все с 1999 года. Весной 1999 года спасали врача станции, Джерри Нильсен, у которой обнаружился рак груди*». Эти слова создают впечатление, что Джерри Нильсен эвакуировали так же, как больных в этом году. Это не так — эвакуации не было, потому что ее не могло быть.

Я был на полюсе через год после этой истории, поэтому слышал о ней много. Обнаружив у себя в груди опухоль, Джерри Нильсен сначала понадеялась, что пройдет, никому об этом не сказала, и продолжала жить как обычно. Но опухоль росла, появились боли; появилась опухоль под мышкой. Сообщили в курирующую группу врачей в Миннеаполисе. После быстрой проверки с помощью средств в наличии в медпункте станции пришли к выводу, что нужны тесты с оборудованием и материалами, которых на станции не было. Когда их доставили самолетом из США в МакМердо, оттуда на полюс вылетел самолет. О посадке не могло быть и речи. Ящики сбросили на парашютах, пользуясь подсветкой снизу, со станции. С темнотой и ветром даже это было опасно. Снег был глубокий, мело; ящики не нашли. К счастью, все необходимое было заубликовано в МакМердо, самолет смог вернуться через несколько дней. На этот раз ящики нашли.

«*Она лечила себя сама...*» — не совсем так. Чтобы сделать биопсию, игла должна попасть точно в опухоль. Сделать это сама Джерри Нильсен не могла, нужна была помощь. Биопсию брал Big John, механик станции, ответственный за крупные машины. Он был на полюсе и в мою смену. У Большого Джона яркие губы, длинная рыжая борода, крупные голубые глаза, и ладони размером с мою грудь. Этакий эльф-переросток. На гигантских пальцах неотмываемая черная металлическая пыль. Я спрашивал, «Джон, как же ты мог? Ведь это начисто не по твоей части?» Джон улыбался, морщил лоб: «Ну как, как? Они по телефону объяснили: сожми грудь немного, так, чтобы опухоль была прямо напротив иглы — и, тык, коли. Я так и делал».

Я пытался представить себе ту психологическую обстановку. Уж наверняка пересмотрели всех. И среди людей самых разных специализаций и жизненного опыта лучшим — или психологически самым крепким? — сочли механика по крупным машинам. Отрыв от Большой Земли на станции не то чтобы чувствуется, но он всегда где-то в вашем мозгу, загнанный поглубже. Если кто-то заболевает, об этом все знают, в мыслях у каждого — дай бог обойдемся без внешней помощи. Есть врач, есть медпункт — это успокаивает. Но когда заболевает врач, непонятно, как думать...

После любой чрезвычайной ситуации администрация обязана провести расследование и доложить наверх, какие меры будут предприняты, чтобы подобное не повторилось в будущем. После истории с доктором Нильсен, начиная с моей смены, на станции появилась вторая медицинская единица — ассистент врача. Сей-

час я думаю — а что изменится теперь, после недавней эвакуации двух больных полярной ночью?

Срезы Джерри Нильсен сканировали, послали в Миннеаполис. Пришел ответ — опухоль злокачественная. Курс химиотерапии Нильсен действительно администривала себе сама. Она слабела; пыталась продолжать свои осмотры персонала и кухни, но скоро и это стало трудно. С первым весенним самолетом ее вывезли в МакМердо. Она выжила; ее история стала ее следующей карьерой. Она написала книгу-бестселлер, ездила по миру с лекциями; еще раз или два была на полюсе. Она умерла в 2009 г., в Бостоне, в возрасте 57 лет. После ремиссии наступившей в 2000 г., ее рак вернулся в 2005 г.

Доктор Джерри Нильсен (Jerri Nielsen), 1999 (фото из Википедии)

«На Южный полюс попасть труднее, чем на Международную Космическую Станцию». Это слова принадлежат доктору Шименски, врачу на полюсе в зимний сезон сразу после моей смены, в 2002 г. Он знал, что говорил. Надо же так случиться, что никогда до этого и после этого врачи на полюсе не болели, а тут заболели два, в два соседних сезона. Шименски рвало непрерывно. Он диагностировал себя сам — панкреатит. Понимая риск для всех в операции по эвакуации, он отказался от этой попытки. Его шанс выжить на месте оценили в 50 %. Вопрос решался «выше», как у военных — это не твой выбор, обязан подчиниться. Его эвакуация в условиях полярной ночи была первой в истории станции Амундсена-Скотта.

Разное

Путь на полюс. Кстати, почему так долго добираться до полюса? Посчитаем: сначала я летел коммерческими рейсами — из Вашингтона в Лос-Анджелес, оттуда в Веллингтон (Новая Зеландия), далее в Крайстчерч, на южном острове Новой Зеландии. (Помню, на обратном пути я пересек Линию перемены даты в Тихом Океане два раза. Когда я, пошатываясь, вышел из самолета в Бангкоке, Таиланд, и спросил у девушки на выходе: «Скажите, какой здесь сейчас час и число?» Она расхохоталась: «Да-да, понимаю — таких как вы, мы тут иногда видим».)

Церковь Христа в Крайстчерч (По-английски это звучит лучше — Church of Christ in Christchurch)

Synagogue - Christchurch NZ

Синагога в Крайстчерч

В Крайстчерч было три дня остановки на базе обеспечения NSF — отдых, инструктаж, экипировка... Крайстчерч в переводе означает «Церковь Христа»; было забавно увидеть там синагогу; я ее специально сфотографировал, переслал друзьям, с надписью “Synagogue in Christchurch, New Zealand”. Это не место, куда попадаешь часто, но в 2009 г. я был там опять, на конференции, на этот раз с женой. Тогда мы с Надей много объездили, поднимались по склонам их главного пика МакКей, сделали довольно нелегкий трехдневный переход по заслуженно известной Milford Trail. А еще через два года мы услышали о землетрясении, которое чуть не сравняло Крайстчерч с землей...³

³ Краткий очерк истории еврейской общины Крайстчерча можно прочитать (по-английски) здесь; подборку фотографий синагоги можно посмотреть здесь, редкую фотографию 1901 года — здесь (*прим. ред.*).

Антарктическая база США в Крайстчерч, Новая Зеландия. Часть базы на фото — музей-экспозиция Антарктики. Музей открыт для публики и довольно интересен. Сама база является частью аэропорта города, со своим терминалом и самолетами C-130

Экипировка к полету в Антарктику. Всем выдается идентичный красный баул с одеждой и т.д. Антарктическая база в Крайстчерч

Готов к полету

Все, что я привез с собой, осталось на базе в Крайстчерч, до возвращения. Взять с собой на полюс любимую рубашку вам позволят, но все остальное там не годится. Запомнилась строка в списке — семь пар перчаток и варежек... Самые теплые варежки были размером с небольшой чемодан. Дальше коммерческих рейсов нет — из Крайстчерч в Антарктиду летели военным самолетом Геркулес С-130 — это те самые легендарные воздушные извозчики, о которых мы читали в сообщениях из Вьетнама, Афганистана, Сирии... Полет Крайстчерч — МакМердо занял 7-8 часов. С-130 сделан для перевозки грузов; люди в нем — побочный эффект, их располагают в объеме, оставшемся после укладки груза.

С-130, в полете к Антарктиде

С-130, в полете

Я сидел спиной к окну. Правой руке горячо, припекает какая-то труба; левая рука опиралась на ледовую корку. Грохот невозможный; в пакете с едой и питьем выданном нам перед отлетом были и ушные заглушки. Зато фото получались шикарные — экзотика Дикого Запада космического века. Поскольку в самолете «все свое», отношения упрощаются, очеловечиваются. В некий момент я приоткрыл дверь в кабину — нельзя ли посмотреть? Пилоты — ну конечно, заходи,

садись. И то, летишь-летишь, все океан да льдины, а тут живой человек, можно поговорить, отвлечься. А для меня кабина — уйма интересного. Как и сами эти ребята, и то, что они делают в самых экзотических точках мира.

В кабине C-130

Подлетая к Антарктиде, вид с самолета

На посадочной полосе в МакМердо. На заднем плане — гора Эребус, самый южный активный вулкан на планете

Разгрузка в МакМердо

Разгрузка в МакМердо. Широкие шины автобусов Terra Bus позволяют им выживать на сложных поверхностях Антарктиды

Полет на полюс. Белая полоска на куртке — имя, фамилия.
Под ней — эмблема станции Южный Полюс

Потом проводишь день-два в МакМердо — а если пурга, то и подольше. В МакМердо я посмотрел избушку Роберта Скотта, поднялся на горку позади городка. И, наконец, на полюс. Из нашей группы в 30-35 человек в самолете на Мак-

Мердо, пять-шесть летели на полюс. Это еще часов шесть, тоже на С-130. Самолет взлетал на колесах, садился на лыжах. С-130 большой самолет, примерно как Боинг-747, видеть его на лыжах было странно. Моторы не выключают — иначе потом не заведешь. Минут через 40 разгрузки-погрузки самолет взлетает — пора в обратный путь. Итого в сумме, от дома до полюса, где-то полторы недели в одну сторону.

Вид с вертолета в районе МакМердо

Айсберг

Тюлени на льду, вид с вертолета

(На обратном пути в МакМердо было много интересного. Была поездка на ледоколе: слова «ледоход пробивает путь для других кораблей» в реальности есть нечто поразительное — гигантская посуда влезает всем телом на лед шестиметровой толщины, лед проламывается, и с двух сторон от вас из воды в воздух выпрыгивают многоэтажные куски льда... Был полет в двухместном вертолете по окрестностям — горы, ледники, каскады рек с них, тлолени и пингвины, маневрирование между айсбергами... Был визит на станцию Скотта Новой Зеландии. В МакМердо я мельком увидел русских полярников со станции Восток, они ждали самолета на Крайстчерч. Мне их вид показался нехорошим — худые, глаза воспаленные. На дворе шел 2002 год, поговаривали, что в Москве было не до полярников в Антарктиде. Я искал случая слетать на станцию Восток, но не получилось...)

Перед посадкой на полюсе предупредили — при выходе одеть темные очки (большие, вроде лыжных), прикрывать лицо от солнца. Я вроде так и сделал, но в суматохе объятий и обмена новостями с встречавшими не заметил открытую полоску кожи на лице. Эта полоска и обгорела, потом несколько дней болело...

Туристы на полюсе. Я знал о пути на полюс через Пунта-Аренас. Оттуда в Антарктиду летают маленькие пропеллерные самолеты, в том числе и коммерческие, с туристами. Можно за один день слетать туда и обратно на островок King George, у берега Антарктиды. А с King George можно лететь и на полюс. Пару раз я видел эти самолеты на полюсе: за 25 тысяч долларов вы могли провести на полюсе 3-4 часа. (Я сейчас посмотрел — виноват, инфляция, сегодня это стоит 48 тысяч.) Дольше нельзя, потом мотор не заведется. Да и незачем — кругом пустота. Администрация станции разрешает этим туристским компаниям пользоваться их посадочной полосой, а туристам отовариваться в крохотном магазинчике сувениров станции. (Где всё, разумеется, с надписью «Я был на Южном полюсе».) Один турист запомнился — американец, мультимиллионер, крепкий мужчина лет 45; его целью было подняться на все горы-семитысячники («Если сам не смогу, меня затащат, я заплачу») и посетить экзотические места вроде полюса.

На полюсе. На этой простенькой доске — две цитаты, от Руальда Амундсена и Роберта Скотта. Группа Скотта (пять человек) достигла полюса пятью неделями позже Амундсена. Вернуться к побережью они не смогли, все замерзло. От Скотта осталась тетрадь с надписью «Моей вдове». Столбик в центре фото — географический полюс; похожий столбик невдалеке слева — прошлогодний полюс

В другой раз самолет сбросил на парашютах группу лыжников, километрах в десяти от полюса, и они шли к полюсу на лыжах — так сказать, повторяя путь Амундсена, но без собак и слегка покороче. Поставили у полюса палатки, готовили на примусах еду. Потом за ними прилетел самолет. Не все визитеры платят из своего кармана. Как-то прилетела китайская группа, большие чины, со свитой. Эти явно не платили сами. Развернули флаги, сказали речи, щелкали камерами.

Возможность появления визитеров на полюсе, кстати, объясняет, почему официально станция Амундсена-Скотта не покрывает географический полюс, а находится в нескольких метрах от него. Станция есть территория США, и значит, вход посторонним в нее запрещен. А полюс принадлежит всем, в принципе любой может прилететь. Со стороны тех, кто работает на станции, ситуация выглядит комично, об этом шутят. С великим трудом, добираясь неделями, прилетает группа на полюс. Они быстро фотографируются на фоне «церемониального» столбика полюса и флагов двенадцати стран-подписантов соглашения 1959 года об Антарктиде, и просятся в магазинчик сувениров — заодно и погреться. А через пару часов пора улетать. С другой стороны, не так ли альпинисты идут на вершину? Недели, а то и месяцы подготовки — а потом дай бог побыть двадцать минут на вершине...

Вид на МакМердо с Observation Hill

С пилотом вертолета у ледника у подножия горы Эрбус

Если на полюс попасть непросто, то попасть в МакМердо, хотя тоже недешево, все же проще. Многие круизы в Антарктику включают эту остановку. Останавливаться в гавани МакМердо им нельзя; пароход останавливается в 10-15 километрах, людей доставляют на базу на вертолетах. Такой способ прибытия жестко ограничивает их время на базе, и дает администрации станции некую гарантию, что по базе не будут бродить чужие люди. Однажды я видел там такую группу туристов, довольно большую, человек сто. Их время на базе было чуть побольше, чем у туриста на полюсе — часов пять. Я спросил у одного из них об их круизе: тогда, в 2001 г., их трехнедельная поездка стоила 15 тысяч долларов на человека. Он был очень доволен поездкой. Сытый голодному не товарищ — мне трудно было понять людей, которые платили такие деньги, чтобы пройти по покрытым складами улочкам МакМердо.

Там же, у ледника

В Антарктике айсберги выглядят не так красочно как в фильмах о Титанике, с угрожающе торчащим вверх пиком. Будучи обломками континентального льда, они обычно много больше тех, красочных, и с плоским верхом. Эта горизонтальность скрадывает масштаб их стен. Вертолет, летящий между айсбергами, полностью скрыт от наблюдателя на берегу

На полюсе. Вокруг МакМердо много красивых мест — горы, ледники со стекающими с них реками, айсберги, тюлени, пингвины, масса птиц. С Observation Hill (туда можно подняться за час) открывается прекрасный вид на городок, океан, айсберги, вулкан Эребус невдалеке. Другое дело полюс. В плане фактов, мой эпиграф в заголовке, *«Здесь южный полюс — Антарктида... идет-бредет пингвин задумчивого вида»* не имеет смысла. Пингвинов там нет — как нет и ничего другого, что мы назвали бы живым. Там плоско и пусто. Вернее будет *«...и птица не летит, и зверь не идет: лишь вихорь черный...»* Вихорь, правда, белый. Как-то в доставленном самолетом салате нашли белого живого червячка. Червячка положили в стеклянную банку, и все население станции продефилировало мимо этого экспоната — дивились, надо же, что-то живое. Выйдешь наружу — плоско, снег и небо. В плохую погоду снег и небо сливаются, неразличимы; нужно ходить осторожно, не отходить от специально для этого часто поставленным флажкам. Не потеряться бы. В хорошую погоду краски и линии чисты — ярко-синее, ярко-белое, отчерченный по линейке горизонт.

Вид на ландшафт в хорошую погоду. Кругом пустота

В плохую погоду. В эти дни лучше ходить вдоль флажков и веревок...

Факт отрыва от остального мира то забывается, то возвращается — не забывай, где ты... Однажды мне нужно было посетить бригаду по установке сейсмографов, в 10-15 км от станции. Мы слышим порой — сейсмографы отметили извержение вулкана в районе А, или ядерный тест в районе Б. Идеальное место для сейсмографа — в ледовой скважине на глубине 200-300 метров. Такие скважины и бурила бригада, которую мне надо было посетить. Но как до них добраться? Очень просто, сказали мне, на снегоходе (snowmobile); иди к Большому Джону, он научит и проведет инструктаж. До этого я со снегоходом и рядом не стоял. Джон широко улыбнулся: «Очень просто: там есть кнопка — нажал, мотор заведется. И поехал. Помни две вещи: мотор не останавливай, а то потом не заведешь; позвони по радиотелефону при выезде отсюда, при приезде туда, и то же на обратном пути». Это был весь мой инструктаж.

Ландшафт на полосе прост

Искусство на полосе

Кнопку я на снегоходе нашел. И поехал. Снег ровный, машина идет хорошо — приятно. Но постепенно от комбинации холода и ветра руки в моих гигантских варежках стали мерзнуть. Пришлось остановиться — размять пальцы, пока не отморозил. Взглянул назад — а там ничего, станция исчезла за горизонтом.

Взглянул вперед — палатки моей бригады не видно, вокруг — бесконечный белый стол, глазу не за что зацепиться. И я знаю, что так можно проехать еще тысячу километров, и все будет так же — ничто, белый стол. Стало немного не по себе. Потом связал с чем-то, что было раньше — целина, казахские степи. Там тоже на сотни километров вокруг ничего нет. Это помогло; мозг любит параллели. Но и напоминает: да, но там видишь травинки, кустики, и не так холодно, и ты на земле, а не на льду толщиной в три километра...

Моя поездка к бурильщикам имела неожиданное последствие. Узнав о моей предстоящей поездке, один коллега, физик-швед, с которым я там сдружился, сказал: «А ты знаешь, что самый лучший лед для виски или коктейля это старый лед?» Я этого не знал. «Лед на глубине 250 метров имеет возраст примерно 30 тысяч лет — для коктейля идеально. Если сможешь, прихвати пару кернов на обратном пути». Тамошний керна это ледовый цилиндр диаметром сантиметров 20. Я привез ему мешок кернов. Все же удивительно, чем можно осчастливить некоторых людей. Сохранять керны было легко — мы выставили мешок снаружи. В тот же вечер он пригласил меня опробовать этот ценный лед. «Неужели ты не чувствуешь чудесный вкус виски с этим льдом? Ну как же, да ты еще попробуй...» Я не чувствовал, но верил.

Бильярдная команда. Комната отдыха — она же библиотека и многое другое. На станции большая коллекция фильмов, дисков с музыкой, музыкальных инструментов; лыжи, небольшой спортзал с машинами

Вскорости ему пришла пора уезжать домой, в Швецию. «Приеду как раз ко дню рождения жены. Лучшего подарка, чем этот лед, не придумаешь». Он убедил людей в лаборатории, ему подарили сосуд Дьюара; обложил ценный лед сухим льдом, запаковал, отбыл. Ехать ему надо было дня 4-5. Как он прошел через всякие проверки в аэропортах, ума не приложу. Потом написал — доvez. У меня было чувство удовлетворения: с моей помощью муж привез жене ценный подарок с Южного полюса — куски льда.

Кросс вокруг света. Люди на полюсе работают в трудных условиях, поэтому их надо баловать и развлекать. Кормили нас великолепно. Какой шеф не согласится поехать на пару месяцев на Южный полюс? Тем не менее, я позавидовал следующей летней смене — через год после меня шефом была женщина из Франции, которая до этого была шефом у президента Миттерана. Ох, не в ту смену я попал..

Полос, станция, новогодний стол

Репетиция к новогоднему концерту и танцам

Новогодний тост

Помощь по кухне — хороший тон

Одно из развлечений подошло к Новому Году — объявили Кросс Вокруг Света (Race Around the World). Почему вокруг света? Как известно, на полюсе многое «не так»: компас не работает; все направления ведут на север; вышел наружу в 12 часов дня, солнце перед тобой, вышел в 12 ночи — оно за тобой, на той же высоте. Время на полюсе не определено; можно принять любой часовой пояс. Бросать монетку не стали: МакМердо находится на том же поясе, что и Крайстчерч — это удобно, этот пояс и взят. Обошел вокруг точки обозначающей полюс — ты обошел все 24 часовых пояса. Полюс — это тоже нечто расплывчатое. В лед вбит столбик, на нем бронзовая круглая плата с датой: скажем, если дело происходит в 2002 г., на плате написано — Geographic South Pole, 1 January 2001 г. Очень хорошо — но потом метрах в десяти от этого столбика вы замечаете другой, подозрительно похожий столбик. Это прошлогодний столбик, на нем дата 1 January 2000 г. А в десяти метрах от этого еще один, 1999 г. Лед плавает, и с ним плавает вся станция, и столбик. На полюсе лед плавает медленно, но метров десять за год набегает, поэтому 1 января каждого года приходится вбивать в лед очередной столбик.

Race Around the World.

Бегун» в красной куртке на заднем плане вроде бы я

Подготовка к Race around the World.
Идея велосипеда была отвергнута как нереальная

Race Around the World. Один из вариантов «бежать на лыжах»

Race Around the World. Один из предпочтенных методов передвижения

Кросс Вокруг Света проходил по двухкилометровому кольцу-трассе вокруг того самого столбика. Отсюда «вокруг света», кросс покрывает все 24 часовые пояса. В объявлении разъяснялось: «участники могут выбрать любой способ передвижения — бежать, идти, ехать на велосипеде, на лыжах...» Я решил — мне это непременно надо. На многоточие я не обратил внимания. На велосипеде по снегу — это я сразу забраковал. А вот лыжи, это стоит попробовать. За несколько дней до Кросса я взял пару лыж из тех, что были на станции. Стало ясно, это безумие —

лыжи шли как по песку, за минуту моя грудная клетка вскипала. Как рыба на льду — буквально, не по пословице. Решил, я побегу; когда не в силах бежать, пойду быстрым шагом. В следующие пару дней я тренировался. Годится.

В назначенный день участники кросса, примерно половина полосников, выстроились на старте; остальные, болельщики, шумели по сторонам. По выстрелу мы побежали. Сначала все шло хорошо. Со свистом мимо меня пролетели два лыжника; через несколько минут они были на финише. Эти двое были известные сверхлюди; с такими я не соревнуюсь. Потом я с удовлетворением отметил — участник на велосипеде явно от меня отставал. Это было правильное решение. Но потом мимо меня с гиком пролетел трактор-тягач с санями. В санях, на ярком ковре, а ля московский боярин сотоварищи на выезде, развалились несколько участников кросса; в их руках поблескивало что-то напоминавшее бутылки с коньяком и стаканы. Потом мимо провистела пара снегоходов; некоторые «бегуны» предпочли этот метод передвижения. Я тяжело дышал и соображал медленно: Ну да, многогочие в объявлении, «на велосипеде, на лыжах...»

Дальше было не лучше: я увидел впереди себя двух-трех участников, которые еще недавно были позади меня. Я мог поклясться, что они меня не обгоняли. Теперь я соображал быстрее — ну да, зачем бежать по кругу, гораздо проще пере-сечь круг по диаметру... Иначе говоря, не все участники отнеслись к Кроссу так же серьезно, как я. Тем не менее — я честно пробежал и прошел все трассу, и был на финише первым в моей возрастной группе. (О размере группы см. выше.) Я получил и гордо храню рубашку участника, с соответствующей надписью.

Моя уютная спальня. То, что постель находится заметно выше обычной кровати, результат компромисса: ближе к полу слишком холодно, самое теплое место под потолком. Хоть и крохотная, комната имеет два выхода, на случай пожара

Это я (лишнее удалено)

Мой кабинет на станции — вид из коридора

Скандал или недоразумение? Все группы, которые планируют посетить полюс, хорошо знакомы с важным условием: поскольку привозить что бы то ни было на полюс трудно и дорого, рассчитывать на пополнение своих запасов на станции нельзя. Это, разумеется, относится и к горючему для самолета. Именно это условие вызвало неприятный международный скандал — и не с кем-нибудь, а с Россией — когда я там находился. В первых числах января 2002 г., где-то за неделю до моего отлета с полюса в МакМердо, ко мне в офис (да-да, у меня даже был свой офис, метра два на три, см. фото выше) зашел начальник станции: «Что будем делать?» Он рассказал: за пару недель до этого он получил письмо из Москвы, за подписью А.Н. Чилингарова, известного русского полярника, членкора Академии наук, заместителя председателя Думы, героя труда, и прочая и прочая — о том, что как часть испытания нового полярного самолета Ан-3 его экспедиция планирует прилететь на полюс, и просит разрешения заправить самолет на станции горючим для обратного пути.

В прессе потом писали, что в связи с вниманием на самом высшем уровне, т. е. в Кремле, экспедиция имела статус VIP. Кто дал этот статус и что это означало, не объяснялось. Для американцев тот факт, что новый самолет не мог нести достаточно топлива для пути в обе стороны был информативен: самолет к полету на полюс не готов, значит, затея с экспедицией есть попросту способ для высоких чинов побывать на полюсе за государственный счет. Коррупция, такое там видели раньше. Ответ начальника станции был — гостям, дескать, всегда рады, посадочную полосу мы вам предоставим, но по давно установленным правилам горячее идет только в одну сторону, на полюс, так что удовлетворить просьбу о заправке не сможем. В ответ пришло второе письмо, с угрозой, что в случае отказа в заправке вопрос перейдет на уровень президентов — т. е. Буша-сына и Путина — и тогда, дескать, пеняйте на себя.

Ан-3 приземляется на Южном полюсе (это и следующие фото отсюда)

Артур Чилингаров (с красным баулом) выходит из самолета

Это второе письмо мне начальник и показал. Звучало оно на редкость красиво. Между российскими и американскими полярниками всегда были хорошие отношения. Ничего подобного раньше не бывало. В свое время русские полярники и сделали важные открытия в Антарктиде, их там уважают. Жизнь в Антарктиде трудная, взаимная выручка бывает нужна, люди об этом помнят. Русских полярников привозили и увозили на станцию Восток американские самолеты. А тут такое письмо. «Ты их вроде лучше понимаешь, — говорил начальник станции, — что бы

это значило?» Я развел руками — что тут скажешь. Прилет группы ожидался еще при мне, но что-то их задержало, и они прилетели через пару дней после моего отлета с полюса. (Чему я был, честно признаюсь, эгоистически рад.)

Остальное я знаю по рассказам коллег. Группа Чилингарова, 14 человек, прилетела на своем Ан-3 из Пунта-Аренас, через частную посадочную полосу на базовом лагере Patriot Hills в Антарктиде. Приземлившись на полюсе, журналисты и операторы развернули флаги и камеры, Чилингаров сказал речь о мощном прорыве в российском авиастроении, венцом которого был полярный самолет Ан-3, и о совершенном беспрецедентном перелете. Члены группы отметились в магазинчике сувениров, и группа собралась улетать. Горючее, как я понял, им все же дали — а куда денешься, не оставлять же их на станции!

Ан-3 заправляют горючим на Южном полюсе

(Ан-3 — биплан с одним центральным пропеллером. Насколько я знаю, сегодня на Западе для серьезной задач одномоторные самолеты запрещены; требуется как минимум два мотора. До развала СССР конструкторское бюро Антонова находилось в Киеве, поэтому позже оно осталось за Украиной. Где конструировался и собирался Ан-3 мне неизвестно⁴.)

Но самолет не смог взлететь. Люди на станции скрежетали зубами. Дальше все развивалось по тому же тезису «а куда денешься». Взлетная полоса должна быть свободна, поэтому самолет срочно оттащили в сторону и подальше от проходных путей.

На пару ночей, пока организовывали транспорт, уважаемую экспедицию устроили на полу в спортзале станции. Там не разбежишься, но вокруг машин-тренажеров по-своему уютно. VIP — Чилингарова и свиту — вывезли на C-130 в Мак-Мердо и оттуда в Крайстчерч, в Новой Зеландии. Далее они летели на родину коммерческими рейсами. Членов экспедиции попроще вывозил коммерческий туристский самолет через Пунта-Аренас, Чили. По 25 тысяч долларов на нос это должно было обойтись российской казне в копейку. С другой стороны, это были копейки по сравнению с остальными затратами экспедиции, включая самолет Ан-3.

⁴ В статье на сайте mk.ru утверждается, что Ан-3 — это модернизированный старый «кукурузник» Ан-2. Статья 2014 года умилует пропагандистскими клише, не менее древними, чем упомянутый «кукурузник»: «*Иное дело англичане. Видимо, им очень не хотелось, чтобы русские еще более укрепили свои позиции в Антарктике, а потому эти господа занялись фактически саботажем...*» (прим. ред.)

Ан-3 ташат бульдозером

Ан-3 — брошенный на Южном полюсе

Было и продолжение. Вскоре после отлета с полюса Чилингаров в речи объявил о решении российского правительства подарить американскому правительству ценный полярный самолет Ан-3 — тот самый, что в тот момент одиноко лежал на полюсе, недалеко от взлетной полосы. Тут кажется информативной следующая деталь: по Соглашению об Антарктике от 1959 г. страны-подписанты обязались не оставлять на материке мусора. Все должно вывозиться на Большую Землю. Но кто будет вывозить российский Ан-3? Есть подозрение, что идея подарка позволяла обойти этот деликатный вопрос. Как я слышал, этот Ан-3 потихоньку занесло снегом.

Но и это не все. Вскоре Associated Press сообщило из Москвы об официальном протесте А.Н. Чилингарова на счет в 80 тысяч долларов, предъявленный российскому правительству американской авиакомпанией-подрядчиком по перевозкам в Антарктиде, за расходы по перевозке экспедиции с Южного полюса в Крайстчерч. Сумма эта до смешного маленькая по сравнению с реальными затратами — по официальным данным час полета С-130 стоит 14 тысяч долларов; отсюда гипотеза, что счет представлял собой мягкий демарш: дескать, вы поступили нехорошо, постарайтесь больше такого не делать. В своем протесте Чилингаров обвинял США в черствости и скряжничестве. Насколько я знаю, Россия по счету так и не заплатила. Вот такая драма на Южном полюсе...

Сергей Левин

ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ С ДЬЯВОЛОМ

*Джулиан Барнс. «Шум времени», роман 2016 [i]
Julian Barnes. «The Noise of Time» [ii]*

Когда-то много лет назад мой коллега и добрый друг Итамар рассуждал о странностях мироустройства. Такие разговоры обычно случались у нас не в приятной обстановке дома за чашкой или за рюмкой. Они возникали среди ночи, когда мы вместе дежурили в приемном покое иерусалимской больницы «Адасса». Если не случилось ничего чрезвычайного, то часам к трем можно было остаток ночи поделить между нами и отправиться немного поспать. И чаще всего мы сразу не разбегались, а еще успевали о чем-нибудь побеседовать. У Итамара была одна особенность: даже если он смертельно уставал, то, приняв горизонтальное положение, не засыпал, ему требовалось вначале почитать. В ту ночь он извлек из сумки книгу, и на сей раз у него оказался Булгаков. Тогда вышли переводы на иврит «Мастера и Маргариты», все вокруг нас зачитывались и задавали уйму странных вопросов. Итамар предпочитал английский перевод. Закладка вылезала уже ближе к окончанию романа. Итамар поймал мой взгляд и понимающе погладил перешет. Темой нашей короткой беседы стало особое место русской литературы и не только литературы.

«Сергей, я никак не могу понять одну вещь. Почему именно Россия, страна с такой тяжелой историей, с такой глубокой традицией тирании разной окраски, избавившая себя так поздно от крепостного права, страна, которая несла такие страшные потери в войнах, пережила катаклизмы, дала миру столь яркую, глубочайшую литературу? И не только литературу! Я знаю музыку, знаю живопись двадцатого века, наверняка есть более ранняя, но я не знаком. Неужели гнет и страх не разрушают личность, не действуют губительно на искусство?»

Итамар задавал трудные вопросы. Мы тогда в диалоге пришли к предположению, что, скорее всего, неприятие окружающего уводит художника в свой замкнутый мир, где он находит спасение в том, что отчаянно продолжает творить и создавать свою Вселенную. Чем гаже реальность снаружи, тем сильнее внутреннее веление к творчеству у подлинного Мастера.

Уже много лет мы с Итамаром не виделись. Он уехал с семьей в Шотландию, давно живет и работает там.

В Израиле у меня есть любимая радиостанция "Голос музыки". В машине всегда ее включаю, слушаю и концерты, и передачи. Стойкая любовь к русской музыке — особенность этого канала. Несколько лет назад в передаче о Шостаковиче вдруг словно возобновился тот наш разговор на дежурстве. Автор программы рассказывал о создании одной из симфоний. Он говорил о том, как композитору, задавленному чудовищной реальностью, оставался единственный выход — писать музыку, и чем страшнее сгушались тучи вовне, тем ярче и сильнее оказывались его произведения. Говорилось об этом, как о самом себе разумеющемся. Я невольно вспомнил давний разговор.

В этом году вышел новый роман Джулиана Барнса «Шум времени». Буквально только что я перевернул последнюю страницу. С осторожностью можно назвать роман биографическим. Автор погружается в некоторые эпизоды жизни Д.Д. Шостаковича, и при этом даже не прибегая к повествованию от первого лица, у читателя создает ощущение монолога героя. Автор обнаружил интересную деталь: раз в двенадцать лет, непременно в високосный год, случались «встречи с дьяволом», не в том смысле, что у Гаруна Тазиева, а, как ни странно, куда менее аллегорические. Это были встречи с Властью. 1936-й, 1948-й и 1960-й годы.

В тридцать шестом он ждал ареста. По всей логике происходившего, после зловещей статьи в «Правде», за ним должны были прийти. Чтобы не вытаскивали из постели на глазах жены и дочери, он ждал их с чемоданчиком на лестничной клетке возле лифта. Размышления, отрывочные воспоминания, попытки о чем-то рассуждать — там, на лестнице, прислушиваясь к любому звуку. Чудо ли это, что не взяли, случайность, нестыковка в верхах или наоборот, решение на самом высоком уровне — загадка и по сей день.

Вторая часть и вторая встреча — год сорок восьмой, начинавшийся с нового шельмования, обливания помоями после встречи Жданова с деятелями искусства. За этим последовал запрет на исполнение произведений, запрет на преподавание. Снова логичным продолжением событий мог стать арест, вместо которого случился телефонный звонок Сталина, устранение всех «недоразумений» с последующей унижительной отправкой вместе с советской делегацией на конгресс «бороться за мир» в США, выступать там по заготовленным бумажкам, отвечать на вопросы, помня, что ты — заложник, чувствующий ствол под ребрами и такой же — дома, наведенный на твоих детей.

Третья встреча — во времена уже «вегетарианские», оттепельные. По поводу этого вегетарианства найдено точное определение: забывают тебе глотку овощами наглухо. Композитор окружен заботой Власти так, что снаружи муха не пролетит, а изнутри слово не вырвется. И оказывается эта третья встреча тошнотворнее и горше первых двух. Или невольно все три разом наваливаются, заставляя снова пролистывать свою жизнь, кляня собственное бессилие перед лицом все того же дьявола. Если первые две по беспощадному признанию самому себе испытывали твою смелость, то третья и самая страшная испытывает твою трусость. И познав странную регулярность этих встреч герой лишь надеется не дожить до следующей. Герой, так рано чувствующий себя стариком, беспощаден к себе, когда заново вновь и вновь пролистывает прожитую жизнь. Делает страшные выводы, один из которых, что судьбой ему и многим другим уготовано «превращаться в тех, кого так презирали в юности».

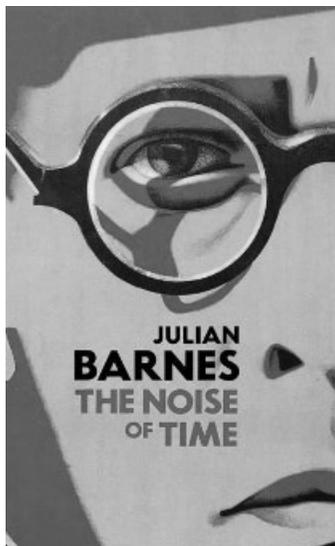
Должен признаться, что в первых двух частях мне бросалось в глаза знание автором очень многих деталей. Автор прочел, видимо, все доступные воспоминания, жизнеописания, детали которых органично вплелись в художественный текст. Чувствуется и хорошее знание многих русских выражений, которые переводчику оставалось лишь вернуть на место. И откуда этот англичанин все знает, как оказался в нашем доме? В ответ невольно и придиричиво глаз останавливался там, где автор был неточен и даже допускал некоторые ляпы. Анапа в Крыму, дело Тухачевского в 1936-м (сомневаюсь, что так загодя откровенно рыли под маршала в Большом Доме, хотя кто их знает?), еще кое-что. Отчего же хотелось придираться? Думаю, что из-за того, что рассказывалось о композиторе, а в тексте отсутствовала музыка. Ее нет. Упоминается о факте ее существования, а самой — нет. Есть воссозданные до мелочей встречи, разговоры, мучительные рассуждения Шостаковича-литературного героя о себе, о других. Беспощадность к себе достигает таких пределов, что герой испытывает зависть к тем, кого уже нет, за то, что раньше избавились от необходимости этого непрекращающегося страдания. И понимает, что судьбой начертано оставаться самим собой, и все, что он может противопоставить «шуму времени» — это его музыка.

Третья часть — самая большая. Все, что связано с третьей встречей с Властью. Уже нет страха за жизнь, но на встречу приходят персонажи с теми же лицами, и от этого становится лишь тягостнее. В той же третьей части понимаешь, что музыка здесь, его музыка. Трудные и долгие монологи героя — это и есть Шостакович. И покуда читал, у меня внезапно совсем изменилось прежнее понимание этой книги: это вовсе не еще один биографический роман. Я вдруг почувствовал, что передо мной возникает четвертая «встреча с дьяволом». Да, этих встреч не три, а четыре. Три у композитора, три в романе Дж. Барнса, а четвертая — у нас, у читателей. Если во всех главах нам дано было услышать непрерывный монолог Шостаковича, тяжелый, беспощадный к самому себе, навеянный этими встречами (не эпизодами, а пронизывающими его судьбу), то дьявол, теперь поджидающий уже нас между строк, наводит на мысль:

«А не будь всего этого, написал бы Он все, что мы так любим и ценим? Речь не о «Песни о лесах». Речь о Пятой Симфонии, о Седьмой, Восьмой, Девятой, о Первом скрипичном концерте, да, о квартетах и многом-многом другом. Не было бы их — мир стал бы иным, без них невозможно. Были бы другие? А зачем нам, мы хотим, чтобы оставались эти. Так?» — Дьявол смотрит нам в глаза и улыбается тонкими губами капитана НКВД.

Мы хлопаем глазами. А он продолжает:

«Вы не готовы отдать все это? Тогда согласитесь, что не было бы наших с ним встреч, все сложилось бы иначе. Без нас он не написал бы ничего. Мы ему были столь же необходимы, как и само Вдохновение. Кстати о последнем. Да, это наш сотрудник, позывной Муза. Само очарование. А если вы хотите его избавиться от тех встреч, то мы вынуждены произвести изъятие всего по списку. Вы готовы расписаться? Вот здесь» — и он постукивает холеным когтем в заготовленные бланки, продолжая улыбаться и повилывать хвостом позади галифе.

А легко ли нам теперь эту встречу выдержать? Как она может сложиться, как встреча Хренникова со Сталиным в кабинете вождя, чтобы санитары потом шлангом отмывали (яркая сцена в романе)? Или найдутся силы сказать «Изыди, сатана»?

Еще раз уточню: в романе этого нет. Такая встреча выросла передо мной, когда я читал третью часть. А вдруг не только передо мной? Не могу сказать, был ли у автора такой замысел или нет. Или вспомнились еще наши давние беседы с Итамаром среди ночи в больнице? Не знаю. В конце концов критерий настоящего произведения — когда в нем открывается куда больше, чем задумано автором. Не зря в свое время сказал мудрый Е. А. Мравинский: «При исполнении композитор должен превратиться в слушателя».

Примечания

^[1] Джулиан Барнс. «Шум времени» — на Флибусте.

^[2] «The Noise of Time». Julian Barnes — на сайте автора.

Журнал «Семь искусств» № 11 (80)/2016 — Ганновер:
Семь искусств. 2016. — 403 с., 22,2 а.л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
Компьютерная верстка Марины Жуковой

Семь искусств
Ганновер 2016

Семь свободных искусств - основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно.

Аристотель. "Политика"

